ISSN 0131-6095

Русская литература

2

2023

300 лет Российская Академия Наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

№ 2 Историко-литературный журнал 2023

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. А. Федотова. Гимнографические сочинения Димитрия Ростовского (вопросы атрибуции) . . . 5
Н. Ю. Алексеева, А. Ю. Соловьев. О становлении новой русской литературы в первую треть XVIII века . . . 17

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

М. А. Фролов. Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года . . . 29

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Ф. Н. Веселов. Падение Иерусалима и Повесть о взятии Киева в 1240 году: литература и история . . . 51
А. М. Петров. «Красуйся, Петрозаводск, в славе сей!»: стихотворения Т. В. Баландина в контексте русской поэтической традиции XVIII века . . . 62
С. Б. Федотова. Заметки А. С. Пушкина для первых номеров «Литературной газеты» (к проблеме датировки) . . . 73
Н. А. Паршукова, Е. А. Романова. «Вечная тьма» Себастьяна Баха: расплата или расправа? (к истокам идейного замысла новеллы В. Ф. Одоевского «Себастиян Бах») . . . 79
Е. И. Вожик. Альманах в эпоху журналов: «Дагеротип» (1842) Н. В. Кукольника . . . 89
В. П. Трыков. Русская литература, Россия и русские в статьях И. Делаво для журнала «Revue des Deux Mondes» . . . 99
Е. М. Филиппова. Об источниках образа волка-нигилиста в романе И. А. Гончарова «Обрыв» . 112
А. Н. Розов. Образ дьякона в русской литературе второй половины XIX — начала XX века в оценке церковной журналистики . . . 118
В. А. Лукина, В. И. Симанков. Неизвестный перевод И. С. Тургенева: «дело Сомова» в русской и иностранной периодике 1879 года . . . 129
Приложение. Русская печать о «деле Сомова» . . . 152
Т. В. Мисникевич, А. С. Александров. А. А. Измайлов и И. И. Ясинский: эпистолярный диалог . . . 157
Приложение. **И. И. Ясинский.** Памяти Александра Алексеевича Измайлова . . . 167
Н. Ю. Грякалова. К разрешению одного текстологического казуса (неизвестное письмо А. А. Блока к Д. Н. Фридбергу) . . . 168

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Е. Н. Филиппов (*Словакия*). «Красный смех» «Царя Голода»: миграция и трансформация художественных образов в творчестве Л. Н. Андреева 1900-х годов 174
Е. Р. Обатнина. Вокруг книги «Посолонь»: сказка «Ночь темная» в контексте петербургских встреч А. М. Ремизова и М. В. Сабашниковой 180
Письма В. П. Свенцицкого к Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой) 191
Е. А. Глуховская. Из истории литературной борьбы 1907–1908 годов: журнал «Русский артист» 205
В. Б. Зусева-Озкан. Э. Ростан и *романтическое* в творчестве М. И. Цветаевой 214
Е. И. Погорельская. Рассказы И. Э. Бабеля «Мой первый гонорар» и «Справка»: к истории текста 233
Приложение. **И. Э. Бабель**. Мой первый гонорар 236
А. А. Кобринский. «Дорогой Никандр Андреевич...»: к биографии Н. А. Тювелева . . . 239
Юань Мяосюй (*КНР*). Китайская судьба творчества Б. Л. Пастернака (рецепция и переводы) 250

ЗАМЕТКИ

О. В. Макаревич. Почему нельзя ходить по чужим следам? (о литературном контексте «Необыкновенной истории» И. А. Гончарова) 259

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ирэн Зохраб (*Новая Зеландия*). Изучение творчества Ф. М. Достоевского в англоязычных вузах 263
А. М. Грачева. «Верил в красивый вымысел, предпочитая ему жестокую правду жизни...» . . 269
Е. Е. Дмитриева. Русско-немецкое зазеркалье в интерпретации К. М. Азадовского . . . 271

ХРОНИКА

Н. Г. Комелина. Всероссийская научная конференция «Русский Север: Традиции. Преемственность. Память» 278
П. В. Бояркина. Третьи Международные Набоковские чтения 281
В. В. Есипов, Т. В. Игошева. Международная научная конференция «В. Т. Шаламов и русская литература» 283
Э. К. Александрова. Международная научная конференция «Критики и писатели: формирование литературной репутации в конце XIX — начале XX вв.» 286
Г. В. Петрова. Международная научная конференция «Миры Михаила Кузмина: к 150-летию со дня рождения» 289

Summaries 292

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ, ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА, Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2023
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2023
© Составление. Редколлегия журнала «Русская литература», 2023

Санкт-Петербург

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE (PUSHKIN HOUSE)

RUSSKAYA LITERATURA

№ 2 Historical and Literary Studies 2023

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

Page

M. A. Fedotova. Hymnographic Works by Dimitry of Rostov (Issues of Attribution) 5
N. Iu. Alekseeva, A. Iu. Solovev. Concerning the Emergence of the Modern Russian Literature in the 1st Third of the 18th Century 17

HISTORY OF RUSSIAN SCHOLARSHIP

M. A. Frolov. N. K. Gudzij at the *State Academy of Art Sciences*: The History of Cooperation. Part 1: May 7, 1923 — May 28, 1924 29

REPORTS AND RELEASES

F. N. Veselov. The Fall of Jerusalem and *The Tale of the Capture of Kyiv in 1240*: Literature and History 51
A. M. Petrov. «Stand in Splendor of Your Glory, Petrozavodsk!»: Poems of T. V. Balandin in the Context of the Russian Poetic Tradition of the 18th Century 62
S. B. Fedotova. A. S. Pushkin's Critical Notes for the First Issues of *Literaturnaya Gazeta* (Towards the Problem of Dating) 73
N. A. Parshukova, E. A. Romanova. «Eternal Darkness» by Sebastian Bach: Atonement or Punishment? (Concerning the Origins of the Idea of V. F. Odoevsky's Novella *Sebastian Bach*) . . 79
E. I. Vozhik. Almanac in the Time of Journals: *Daguerreotype* (1842) by N. V. Kukolnik . . 89
V. P. Trykov. Russian Literature, Russia and Russians in the Essays by H. Delaveau for the Magazine *Revue des Deux Mondes* 99
E. M. Filippova. About the Origins of the Image of the Wolf-Nihilist in I. A. Goncharov's Novel *The Precipice* 112
A. N. Rozov. The Image of the Deacon in the Russian Literature of the Second Half of the 19th Century — Early 20th Century, as Assessed by the Clerical Journalism 118
V. A. Lukina, V. I. Simankov. I. S. Turgenev's Unknown Translation: «Somoff's Case» in the European and Russian Press in 1879 129
Appendix. Russian Press on «Somoff's Case» 152
T. V. Misnikevich, A. S. Aleksandrov. A. A. Izmailov and H. H. Yasinsky: An Epistolary Dialogue 157
Appendix. **H. H. Yasinksy.** In Memoriam Alexander Alekseyevich Izmailov 167
N. Ju. Gryakalova. Resolving a Textological Casus (an Unknown Letter from A. A. Blok to D. N. Friedberg) 168

St. PETERSBURG

E. N. Filippov (*Slovakia*). *The Red Laugh* of *Tsar Hunger*: Migration and Transformation of Artistic Images in the Works of L. N. Andreyev of the 1900s 174
E. R. Obatnina. Around the Book *Posolon*': «The Dark Night» Fairy Tale in the Context of the Petersburg Encounters between A. M. Remizov and M. V. Sabashnikova 180
V. P. Sventsitsky's Letters to D. S. Merezhkovsky and Z. N. Gippius (Introduction, Editing and Commentary by M. M. Pavlova) 191
E. A. Glukhovskaia. A Glimpse of the History of the Literary Disputes of 1907–1908: *The Russian Artist* Magazine 205
V. B. Zuseva-Ozkan. E. Rostand and the *Romanticism* in the Works of M. I. Tsvetaeva . . . 214
E. I. Pogorel'skaia. I. E. Babel's Stories *My First Fee* and *The Reference*: The History of the Text 233
Appendix. **I. E. Babel**. *My First Fee* 236
A. A. Kobrinsky. «Dear Nikandr Andreevich...»: Concerning the Biography of N. A. Tyuvelev . . 239
Yuan Miaoxu (*China*). The Chinese Fate of B. L. Pasternak's Legacy (Reception and Translations) 250

NOTES

O. V. Makarevich. Why is it Wrong to Follow in Someone's Footsteps? (On the Literary Context of I. A. Goncharov's *An Uncommon Story*) 259

REVIEWS

Irene Zohrab (*New Zeland*). The Works of Dostoevsky as Taught to English-Speaking Students at Tertiary Institutions in the West 263
A. M. Gracheva. «He Believed in the Beautiful Fictions, Giving Preference to the Harsh Truths of Life...» 269
E. E. Dmitrieva. Through the Russian-German Looking-Glass, as Interpreted by K. M. Azadovsky. 271

NEWSREEL

N. G. Komelina. *Russian North: Traditions. Continuity. Memory* National Research Conference 278
P. V. Boiarkina. The Third International Nabokov Readings 281
V. V. Esipov, T. V. Igosheva. *V. T. Shalamov and Russian Literature* International Research Conference 283
E. C. Alexandrova. *Critics and Writers: the Formation of Literary Reputation in the Late 19th — Early 20th Centuries* International Research Conference 286
G. V. Petrova. *The Worlds of Mikhail Kuzmin: Celebrating the 150th Anniversary* International Research Conference 289

Summaries 292

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII, A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Insitute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), 2023
© Compilation. *Russkaya Literatura* Editorial Board, 2023

St. Petersburg

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-5-16

© *М. А. ФЕДОТОВА*

ГИМНОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО (ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ)*

В богатом творческом наследии Димитрия Ростовского гимнографические сочинения немногочисленны по сравнению с произведениями ораторского или агиографического жанров. Тем не менее святитель Димитрий известен не только как агиограф и проповедник, драматург и летописец, но и как гимнограф.

У нас есть свидетельства о следующих гимнографических сочинениях, атрибутируемых святителю Димитрию: «Служба святым девяти мученикам кизическим, поемая в обители Кизической, яже близ града Казанѣ»; службы, посвященные Гурию Казанскому; тропарь, кондак и молитва Корнилию Молчальнику, «Канон преподобным и богоносным отцем нашим Антонию и Феодосию Киево-Печерским» и Служба Богородице Неопалимая Купина.[1]

Обзор данных сочинений Димитрия Ростовского, принадлежащих к различным жанрам церковной гимнографии,[2] представлен в статье.[3]

«Служба святым девяти мученикам кизическим, поемая в обители Кизической, яже близ града Казанѣ»

«Служба святым девяти мученикам кизическим...» (На мал. веч. Стихиры... Полк свѣтлых Христовых воинов...) была включена Димитрием Ростовским в агиографический цикл «Врачевство безмездное святых девяточисленных иже в Кизику мученик» (полное название цикла: «Врачевство безмездное святых девяточисленных иже в Кизику мученик, имъже дадеся от Бога благодать цѣлити болѣзни, изряднѣе же трясавичныя недуги проганяти, ново в великороссийском градѣ Казанѣ прославленное во царство же пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей царей и великих князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича всея Великиа и Малыя и Бѣлыя

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, https://rscf.ru/project/22-18-00174/, ИРЛИ РАН.

[1] В рукописи Древлехранилища ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 395 (2°, 272 л., 1782) святителю Димитрию Ростовскому приписывается еще «Акафист Христовым страстем» (л. 257–269 об.). Эта атрибуция не выдерживает критики: авторство Акафиста страстям Христовым неизвестно, но с именем Димитрия Ростовского никогда не связывалось (см.: *Людоговский Ф. Б.* Структура и поэтика церковнославянских акафистов. М., 2015. С. 31, 67, 69, 187).

[2] См.: *Ткаченко А. А., Пентковский А. М., Мошкова Л. В. и др.* Гимнография // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 489–513.

[3] Следует отметить, что Димитрием Ростовским был написан ряд келейных молитв, связанных с практикой личного молитвенного правила, но эти гимнографические сочинения в статье не рассматриваются, мы анализируем только сочинения, созданные святителем для общественного богослужения.

России самодержцев, благословением святѣйшаго и всеблаженѣйшаго Господина Отца кир Адриана Московского и всея России и всѣх сѣверных стран патриарха миру явленное»).[4] В состав цикла также вошли «Молитва святым девяти мученикам кизическим», «Страдание святых девяти мученик»,[5] «Сказание о прославлении святых девяти мучеников кизических в граде Казане, и о новосозданной во имя их каменной церкве и обители» и «Поучение в память святых мученик кизических» (последнее известно в ряде рукописей и изданий).

«Врачевство безмездное...» посвящено группе святых, а именно кизическим мученикам — Феогниду, Руфу, Антипатру, Феостиху, Артеме, Магну, Феодоту, Фавмасии и Филимону, которые происходили из разных городов и за проповедь христианской веры были схвачены и приведены на суд к не названному по имени наместнику Кизика (ни один из источников не указывает время, когда они пострадали), за отказ поклониться идолам и принести жертвы им были отсечены головы.[6]

«Врачевство безмездное...» известно нам в двух списках: ГИМ, Синодальное собр., № 146, л. 295 об. — 317 об. (авторизованная рукопись, с собственноручными пометами святителя Димитрия)[7] и ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 799, л. 11–68 об., 78 об. — 81 об.[8]

Работа над «Врачевством безмездным...» была начата Димитрием Ростовским в 1694 году именно со службы, написанной им по повелению, как следует из ее заглавия, патриарха Адриана, который в бытность свою Казанским митрополитом в 1687 году заложил в Казани церковь;[9] ее строительство было завершено в следующем году, а в 1691 или 1693 году (даты разнятся) был заложен монастырь во имя святых девяти мучеников кизических. Об этом подробно написано в «Сказании о прославлении святых девяти мучеников кизических в граде Казане...» Димитрия Ростовского, входящем в этот цикл.

О составлении службы Димитрий пишет в Летописной редакции «Диариуша»[10] под 1694 годом: «Мѣсяца марта написалася служба св<ятым> 9 муч<еникам> кизическим на желание певное с Патриаршего дому».[11] Этим же годом в рукописи Синодального собр., № 146 (л. 295) датируется и весь цикл, или книга «Врачевство безмездное...»: «Службою и историею описанное в лѣто от создания мира 7202 (1694 от Рождества Христова. — *М. Ф.*) мѣсяца марта». Ниже автограф Димитрия — «Трудом грѣшного иеромонаха Димитриа Савича животописателя», что снимает все вопросы об авторстве памятника.

«Врачевство безмездное...» не является полностью оригинальным сочинением Димитрия Ростовского. Один из его источников — это книга «Спи-

---

[4] Цит. по: ГИМ. Синодальное собр. № 146. Л. 295 об.

[5] «Страдание святых девяти мученик», кроме «Врачевства безмездного...», под 29 апреля читается в Четьих Минеях Димитрия Ростовского под названием «Память святых девяти мученик, в Кизицѣ пострадавших», см.: *Димитрий Ростовский*. Книга житий святых. Киев, 1700. Кн. 3 (месяцы: март–май). Л. 419 об. — 421.

[6] [Лосева О. В.]. Кизические мученики // Православная энциклопедия. Т. 33. С. 407–408.

[7] См.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. Н. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. С. 35–37, № 618.

[8] Рукопись в 4°, II+334 л., начало XVIII века, скоропись разных рук.

[9] Кизические святые считались целителями от лихорадки, и «во время эпидемии этой болезни в Казани Адриан предложил общему городскому совету поставить церковь во имя кизических мучеников» ([Лосева О. В.]. Кизические мученики. С. 408).

[10] О редакциях «Диариуша» см.: *Федотова М. А.* Святитель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса: Исследование и тексты. СПб., 2022. С. 465–507.

[11] Цит. по: Национальная библиотека Украины. Ф. 306 (Киево-Печерская лавра). № 345. Л. 129.

рида, или Кошница».[12] На нее Димитрий ссылается в двух текстах цикла: в Житии, или «Страдании святых девяти мученик» («Сих святых мученик страдание, пространнѣе писаное, *обрѣтается в Спиридѣ монастыря Кизическаго* (здесь и далее курсив мой. — *М. Ф.*), иже в Казанстѣм градѣ царства Всероссийскаго»),[13] и в «Сказании о прославлении святых девяти мучеников кизических в граде Казане...» («Внесеннѣй же бывшей святѣй иконѣ в град, абие отъяся смертная язва и моровое преста повѣтрие, и пребысть та чудотворная Пречистыя Богородици икона в градѣ три седмици, воздушнаго ради смущения, бѣху бо (якоже о том в Синодику Седмоезерныя обители *и в Спиридѣ монастыра Кизическаго пространно пишется*) над градом Казанию ужасная воздуха премѣнения...»).[14]

Книга «Спирида» до нас не дошла, о ее существовании, кроме записи у Димитрия Ростовского, мы узнаем из истории Казанского Кизического монастыря, описанной Никанором (Каменским), архиепископом Казанским и Свияжским.[15] Сведения об истории Кизического монастыря были почерпнуты Никанором в том числе из книги «Спирида», еще в начале XX века находившейся в библиотеке Казанского Кизического монастыря (архиепископ Никанор умер в 1910 году). Написание, вернее, составление книги приписывается ктитору Казанского Кизического монастыря иеродиакону Стефану (Сахарову).[16]

Вопрос соотношения книги «Спирида» и цикла Димитрия Ростовского «Врачевство безмездное...» — тема отдельного исследования, в данной статье мы остановимся только на «Службе святым девяти мученикам кизическим».

Архиепископ Никанор (Каменский) пишет, что в книге «Спирида» была Служба кизическим мученикам. Вероятно, это была Служба из печатной Минеи.

В рукописи из собр. Е. В. Барсова, помимо перечисленных выше текстов, вошедших во «Врачевство безмездное...» и принадлежащих Димитрию Ростовскому, на л. 69–78 читается следующий текст: «Канон молебный ко святым девяти мучеником иже в Кизицѣ, поемый во всякой скорби душевнѣй и болѣзни тѣлеснѣй, и во всяком обстоянии. Сочинися молебнаго благодарения канон и молитва всежелательным же рачением и устроися книга сия дома святѣйшаго патриарха монахом иеродиаконом <вставлено на поле: Стефаном. — *М. Ф.*> Сахаровым в пречестную обитель Казанскую Кизическую. Он же бѣ ей протоктитор <перевод на поле: первостроитель. — *М. Ф.*>. Мироздания 7201-го <1693. — *М. Ф.*> лѣта септемвриа мѣсяца дня 1-го. Приписася же книга сия посадским человѣком Петром Ивановым сыном Конковым лѣта Господня 1704-го». Из приведенной записи следует, что Канон был написан кем-то по заказу иеродиакона Стефана, заботившегося об устроении этой обители. Но если Канон и входил в первоначальный вариант книги «Спирида», то написан он был гораздо раньше, он имеется в минейной службе, которая читается как в ранних печатных служебных минеях (например: в Минеях 1625 года, в Иосифовских минеях 1645–1646 годов и др.), так и сейчас в Зеленых минеях.[17] Служба девяточисленным мученикам совмещена в них со Службой

---

[12] Σπυρίς в переводе с греческого означает короб, корзина для продуктов. См.: Греческо-русский словарь, составленный А. Д. Вейсманом. 5-е изд. СПб., 1899. Стб. 1148.

[13] *Димитрий Ростовский*. Книга житий святых. Кн. 3. Л. 421.

[14] ГИМ. Синодальное собр. № 146. Л. 316–316 об.

[15] *Никанор (Каменский), еп.* 1) Кизический Казанский монастырь: Исторический очерк его 200-летнего существования. Казань, 1891; 2) Казанский сборник статей. Казань, 1909. С. 135–243.

[16] [Лосева О. В.]. Кизические мученики. С. 408.

[17] «Зеленые минеи» — традиционное условное название Служебных миней издания Московской Патриархии 1978–1988 годов. О них см.: *Людоговский Ф. Б.* Современный церковнославянский минейный корпус // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2001–2002). М., 2003. С. 500–528; *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX век). М., 2001. С. 269–273.

Мемнону чудотворцу.[18] Обе службы имеют по три стихиры на «Господи, воззвах» 8-го гласа (подобен: «О, преславного чудесе»), по Канону 4-го гласа, седальнам после 3-й песни Канона: мученикам — 1-го гласа (подобен: «Гроб твой»), Мемнону Чудотворцу — 8-го гласа (подобен: «Премудрости»). Девяточисленным мученикам читается кондак 2-го гласа (подобен: «Вышних ища») после 6-й песни Канона, а также тропарь 8-го гласа. Эта Служба в контексте новых реалий — почитания девяти кизических мучеников в Казани — не устраивала патриарха Адриана. Служба Димитрия Ростовского, по замыслу Адриана, должна была быть составлена специально для служения в Казанском Кизическом монастыре, она так и называется в рукописи «Служба святым девяти мучеником кизическим, поемая в обители Кизической, яже близ града Казанѣ». При всей оригинальности Службы она не является полностью самостоятельной, в частности, святитель заимствовал из минейной Службы кондак, стихиры «На Господи, воззвах» 8-го гласа и на стиховне 2-го гласа на Малой вечерни. Однако большинство стихир для Службы было написано заново, а также святителем был составлен новый Канон. Главное же, Димитрий добавил в Службу песнопения, в которых прославляется град Казань, тем самым расширив гимнографический материал, например: «Доме божественный, храме мученический, Казани славо. Украси своя нѣдра во память твоих господий», или: «Казани, граде божий, вторый Кизику, России славо, радостию возрадуйся во память твоих врачев безмездных» (стихиры на стиховне 2-го гласа), «Приидѣте радостно, празднуем память побѣдоносных воинов, в Кизику за Христа подвизавшихся, в Казанѣ же ново просиявших чудесы, их бо молитвами утверждаемся» (1-й тропарь 3-й песни Канона), «На стражи есте правовѣрному граду Казанѣ, о, крѣпкии оружници Христови, стояще пред Того входа храмом своим, яко защитителе, да ниже отдалече враг приступити к нему возможет, тѣмже благочестивии граждане, радующеся, поют: „Днесь спасение граду нашему, яко таковая нам подаде хранители, воскресший Христос, яко всесилен“» (2-й тропарь 4-й песни Канона), или: «Свѣтися, свѣтися, славний в росийских градѣх новопросвѣщенный граде Божий Казани, милость бо Господня и Пречистыя Богоматере благодать на тебѣ восия, ликуй нынѣ и веселися новоустроенная обители кизическая, вы же, о, святыи девяточисленныи страстотерци, во свѣтлостех воскресшаго Господа красующеся, молитвенно на ны призирайте» (1-й тропарь 9-й песни Канона) и др.

Следует отметить, что если «Страдание святых девяти мученик» и «Поучение в память святых мученик кизических», входящие в состав «Врачевства безмездного...», как отмечалось выше, были хорошо известны, распространялись в списках и издавались среди сочинений Димитрия Ростовского, то гимнографические тексты «Служба святым девяти мученикам кизическим...», «Молитва святым девяти мученикам кизическим», а также «Сказание о прославлении святых девяти мучеников кизических в граде Казане...» еще ждут своего издания.

Службы Гурию Казанскому

Димитрий Ростовский традиционно считается автором служб Гурию Казанскому: кроме заявлений в научной и научно-популярной литературе, об этом пишется в богослужебной Минее (Зеленой минее) — службы на 5 декабря и 20 июня отмечены как «творение святаго Димитрия, митрополита Ростовскаго».[19]

[18] См.: Минея. Апрель. М., 2002. Т. 2. С. 255–266.
[19] См.: Минея. Декабрь. М., 2002. Т. 1. С. 170; Июнь. Т. 2. С. 161.

Что может свидетельствовать в пользу этого утверждения?

Святитель Гурий (в миру Григорий Григорьевич Руготин, ок. 1495 — 5 декабря 1563) был первым архиепископом Казанской епархии, учрежденной в 1555 году.[20] Мощи Гурия Казанского вместе с мощами святителя Варсонофия Тверского[21] были обретены при митрополите Ермогене (Гермогене) (ок. 1530–1612), будущем всероссийском патриархе,[22] 4 октября 1595 года во время перестройки Преображенского собора Казанского Спасо-Преображенского монастыря, где было захоронение обоих святителей. Партиарх Гермоген считается автором «Жития и жизни иже во святых отец наших Гурия, перваго архиепископа новопросвещенаго града Казани, и Варсонофия, епископа Тферскаго, казанских чудотворцов», созданного почти сразу после канонизации Гурия и Варсонофия в 1596–1597 годах. По мнению Ф. Г. Спасского, Ермогеном была написана и Служба на память Гурия и Варсонофия Казанских.[23]

20 июня 1630 года по благословению Матфея (ум. 1646), митрополита Казанского и Свияжского, мощи святого Гурия Казанского были перенесены из Спасо-Преображенского монастыря в Казанский Благовещенский собор, и в память этого события было установлено празднование. В 60-е годы XVII века в честь праздника перенесения мощей Гурия Казанского был написан новый Канон. В. К. Зиборов полагает, что автором Канона был митрополит Казанский и Свияжский Лаврентий (ум. 11 ноября 1672), поставленный на Казанскую кафедру в 1657 году.[24] Однако акростих Канона, читаемый из заглавных букв его тропарей — «Благословением Лаврентиа митрополита», свидетельствует не об авторстве митрополита Лаврентия, а о его благословении на написание Канона. Автором же этого Канона, по мнению архимандрита Макария (Веретенникова), который и указал на этот акростих,[25] следует считать

---

[20] О Гурии Казанском см.: *Макарий (Веретенников), архим.* 1) Святитель Гурий архиепископ Казанский // Макариевские чтения. Преподобный Серафим Саровский и русское старчество (XIX в.). М., 2005. С. 36–59; 2) Святитель Гурий, архиепископ Казанский // Православный собеседник. Казань, 2006. № 2 (12). С. 55–85; *Липаков Е. В.* Гурий // Православная энциклопедия. Т. 13. С. 464–469. Там же см. библиографию работ.

[21] Архимандрит Варсонофий Тверской и архимандрит Герман (Садырев-Полев) прибыли в новоучрежденную Казанскую епархию вместе с Гурием Казанским и сыграли важную роль в ее становлении.

[22] *Дробленкова Н. Ф.* Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. А–К. С. 153–163; *Вовина-Лебедева В. Г., Чугреева Н. Н.* Ермоген // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 633–646.

[23] См.: *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество (По современным Минеям). Париж, 1951. С. 180–182. Существуют списки, которые, по мнению исследователей, указывают на авторство патриарха Гермогена: так, Т. А. Литвина указывает на такое надписание в одном из рукописных списков. Но надписание следует (насколько можно судить из описания, к сожалению, de visu мы этого списка не видели) после Жития и может относиться только к тексту Жития, а не Службы, поэтому, кроме достаточно убедительных рассуждений Ф. Г. Спасского об авторстве Службы, других доказательств мы не имеем. См.: *Литвина Т. А.* Рукописные жития святых в казанских книгохранилищах // Русская и сопоставительная филология. Сер. Языкознание (русистика: синхронический и диахронический аспекты). Казань, 2003. С. 75–78. Ср.: *Липаков Е. В., Чугреева Н. Н.* Варсонофий // Православная энциклопедия. Т. 6. С. 670–672. Е. В. Липаков считает, что автором этой Службы был Димитрий Ростовский.

[24] *Зиборов В. К.* Лаврентий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 2. И–О. С. 213.

[25] Впервые это мнение было высказано архим. Макарием (Веретенниковым) в работе «К вопросу изучения богослужебных Миней», опубликованной в интернет-журнале «Альфа и Омега» за 2002 год, № 31. См.: https://www.pravmir.ru/k-voprosu-izucheniya-bogosluzhebnyih-miney/ (дата обращения: 14.06.2022). См. также: *Макарий (Веретенников), архим.* К вопросу изучения Богослужебных Миней // Макарий (Веретенников), архим. Святая Русь: агиография, история, иерархия. М., 2005. С. 289–306.

Иоанна, инока Свияжского Успенского монастыря,[26] автора жития Германа, архиепископа Казанского. Имя автора (инока Иоанна) и инициатора написания Жития (архиепископа Лаврентия) указано в названии Жития — «Житие и страдалчество иже во святых отца нашего Германа архиепископа градом Казани и Свияжска. Списано по благословению господина Лаврентия архиепископа, градом Казани и Свияжска митрополита, убогим рабом Иоанном».[27] Схожесть надписания, указывающая на вдохновителя создания Канона («Благословением Лаврентиа митрополита») и Жития («...по благословению господина Лаврентия архиепископа...»), дает основание согласиться с мнением архимандрита Макария (Веретенникова) и считать их автором инока Иоанна.[28]

В самом начале XVIII века новая Служба на память святого Гурия Казанского была составлена святителем Димитрием, митрополитом Ростовским и Ярославским.[29]

Димитрий Ростовский написал Службу Гурию Казанскому, вероятно, по просьбе митрополита Тихона (Воинова) (1655–1724), возглавлявшего казанскую кафедру с 1699 по 1724 год. Заказ митрополита Тихона о сочинении службы, как мы полагаем, был связан с перестройкой и изменением Благовещенского храма, где покоились мощи святого Гурия, после разрушительного пожара 1694 года. Пожар, как показывает В. Д. Сарабьянов, привел к «почти полному обновлению всего внутреннего убранства и его приделов».[30] Представление об этой перестройке было отражено в Описи Казанского Архиерейского дома 1703 года. После пожара рака с мощами святого Гурия была обновлена и поставлена в центр собора между двумя северными столбами. Событие это произошло не ранее 1703 года, так как Опись еще указывает, что она находилась у южной стены.[31] Вероятно, в это время, но не ранее 1703 года по заказу митрополита Тихона, в связи с обновлением собора, Димитрием Ростовским и была написана бденная служба.

Книга со службами святому Гурию Казанскому 15 августа 1710 года была вложена в Нижегородскую Преображенскую церковь митрополитом Тихоном,[32]

---

[26] *Прохоров Г. М.* Иоанн // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 59–60.

[27] Там же. С. 59.

[28] История создания и бытования этого Канона на перенесение мощей Гурия Казанского требует дальнейшего изучения.

[29] О других более поздних гимнографических текстах, посвященных Гурию Казанскому, см.: *Попов А.* Православные акафисты за Синодальный период русского церковного творчества // Православный собеседник. Казань, 1902. Ч. 2. С. 156–160.

[30] *Сарабьянов В. Д.* История художественного убранства Благовещенского собора Казанского Кремля // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2012. Вып. 3 (9). С. 55–85.

[31] В. Д. Сарабьянов отмечает этот факт, указывая на ошибку А. Яблокова, который считал, что перестановка произошла в 1702 году по повелению митрополита Тихона. См.: Там же. С. 64. Ср.: *Яблоков А. П.* Кафедральный Благовещенский собор в г. Казани. Казань, 1909. С. 28.

[32] Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека (далее — НГОУНБ). Ф. 1. Оп. 1. № 54 (середина XVII — начало XVIII века, 127 л. (+5 форзацных), 4°, полуустав). Л. 1–26: полистная запись «1710 августа в 15 день аз, смиренный Тихон, Божиею милостию митрополит Казанский и Свиажский, приложил сию книгу Службу и Житие во святых отца нашего Гурия, архиепископа Казанского, чюдотворца, в Нижней Новгород в соборную церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа по себѣ и по своих родителѣх в вѣчное помяновение. Подписах моею рукою» (см.: Каталог рукописных книг из собрания НГОУНБ / Сост. И. В. Нестеров. Нижний Новгород, 1999. Ч. 1. XV–XVII вв. С. 82–83). Л. 1–63: «Мѣсяца декемврια въ 5 день. Служба иже во святых отцу нашему Гурию, первому архиепископу Казанскому, на честное преставление. На Малѣй вечерни. Стихиры. Глас 1. Подобен: Небесным чином. Творение Димитриа, митрополита Ростовскаго... Небесным причтен быти желая, земная презрѣ от юности...»; л. 66–118: «Мѣсяца иуниа в 20 день. Служба иже во святых отцу нашему Гурию, первому архиепископу Казанскому, на пренесение честных и многоцѣлебных мощей его. Творение господина Димитриа, митрополита Ростовскаго. На Малѣй вечерни сти-

который, как известно, происходил из Нижнего Новгорода.[33] Тихон Казанский, вероятно, вложил список службы в Преображенскую церковь неслучайно: святитель Гурий Казанский, до перенесения мощей, был похоронен у алтаря Преображенского собора Казанского Спасо-Преображенского монастыря.

Доказательством того, что служба или службы св. Гурию составлялись Димитрием Ростовским, является тот факт, что согласно «Инвентарной описи храмов, зданий и другого имущества Ростовского Спасо-Иаковлевского монастыря», составленной не позднее 1919 года, в ризнице хранилась «рукописная служба Св. Гурию, с поправками Свят. Димитрия».[34] Этот список службы и чудес Гурия и Варсонофия Казанских видел в ризнице еще И. А. Шляпкин, который привел несколько примеров правки митрополитом текста чудес, происходящих от мощей св. Гурия.[35]

Остается только вопрос, была ли Димитрием Ростовским написана Служба на 20 июня — на день перенесения мощей святого Гурия в 1630 году в Казанский Благовещенский кафедральный собор, или на 5 декабря — на день преставления святого. Архимандрит Макарий (Веретенников) полагает, что Димитрием Ростовским была составлена декабрьская служба, которая «творится ныне и 20 июня в день обретения его мощей»,[36] т. е. составлена одна служба, но используется на разные праздники.

Однако необходимо отметить различия между Службами. Так, на Великой вечери и Утрени различаются славники и богородичны стихир «На Господи, воззвах» 6-го гласа, отличаются стихиры на литии и стихиры на хвалитех 8-го гласа, читаются разные тропари.

Приведем для сравнения тропари.

Тропарь Службы на 5 декабря, глас 4: «Правило вѣры и образ цѣломудриа, учителя добрыхъ дѣлъ и наставника спасения, даде тя Господь новопросвещенному граду Казани, в немже приобрѣлъ еси новыя от языкъ люди, и приведе я Христови. Сего ради в память твою радостно сошедшеся, честнѣ празднуемъ святое твое успение. Ты же, отче наш святителю Христов Гурие, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ».[37]

Тропарь Службы на 20 июня, глас 4: «Яко кринъ благовоненъ мироточивыя твоя мощи от вертограда церкве Спасовы в вертоградъ церкве Богородичны честнѣ пренесошася, святителю Гурие. Яко же бо даръ честенъ тя дарова Христосъ Пречистѣй Матери Своей, и исполнися храмъ Ея святый благоухания твоего, и возрадовася архиерейский престолъ, приемши тя первосѣдателя своего, возвеселися же соборъ вѣрных с святителемъ и священноначалники о преславномъ цѣлбоносныхъ твоихъ мощей пренесении, еже и мы радостно празднующе, молимъ тя, угодниче Божий: „Моли Христа Бога подати царю нашему на враги побѣду и миръ мирови, и душамъ нашимъ велию милость“».[38]

Кроме того, в обеих службах Димитрий Ростовский не был автором Канона, он заимствовал оба Канона: в Службе на 5 декабря — на день преставле-

---

хиры. Глас 1. Подобен: Небесным чином. Небесным причтен быти желая, земная презрѣ от юности...».

[33] См.: *Храмцовский Н.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1859. Ч. 2. С. 60–67.

[34] *Виденеева А. Е.* К истории посвящений храмов Ростовского Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 74–119. Исследовательница ссылается на дело «Переписка по б. Яковлевскому монастырю», хранящееся в фондах Ростово-Ярославского архитектурного музея-заповедника (А-1035. Л. 118 об.).

[35] *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 368–369.

[36] *Макарий (Веретенников), архим.* Святитель Гурий архиепископ Казанский // Макариевские чтения. С. 47. Только не на обретение, а на перенесение мощей святого Гурия.

[37] Цит. по: НГОУНБ. Ф. 1. Оп. 1. № 54. Л. 5 об. — 6.

[38] Там же. Л. 71–72.

ния святого — используется Канон из общей «Службы на память Гурия и Варсонофия Казанских», созданной патриархом Гермогеном, а в Службе на 20 июня, в день перенесения его мощей, — названный выше Канон, написанный иноком Иоанном по благословению архимандрита Лаврентия.

Таким образом, говорить можно не о составлении новой Службы, а только о правке старой (или старых) службы (служб) — общей «Службы на память Гурия и Варсонофия Казанских» и Канона на перенесение мощей Гурия Казанского, и нужно признать верность записи в инвентарной описи: «рукописная служба Св. Гурию, с поправками Свят. Димитрия».

Для атрибуции этих текстов Димитрию Ростовскому важно отметить наличие в сборнике Нижегородской библиотеки со службами Гурию Казанскому (см. о нем выше) на л. 119–127 «Слова на пренесение честных и многоцѣлебных мощей иже во святых отца нашего Гуриа архиепископа, казанскаго чюдотворца». Большая часть этой небольшой проповеди от слов «При обрѣтении же многочюдесных и цѣлбоносных мощей...» до слов «...и просвѣти наш ум, еже тебѣ любити истиннаго Бога от всея души нашея» является цитатой из «Слова похвального первого на святаго Гуриа, перваго архиепископа Казанскаго», атрибутируемого Димитрию Ростовскому.

Всего известно три проповеди святителя Димитрия, посвященные им Гурию Казанскому: 1) «Поучение в честную память иже во святых отца нашего Гуриа, архиепископа Казанскаго», 2) «Слово похвальное первое на святаго Гуриа, перваго архиепископа Казанскаго», 3) «Слово второе на святаго Гуриа, перваго архиепископа Казанскаго». Первое поучение распространено в большом количестве списков и изданий, второе и третье читаются только в двух рукописях: РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 467, л. 283–291; Ростовский музей-заповедник, № 828, л. 151–160. Оба списка в конце имеют приписку: «Сии оба слова списаны с подлинных черных, святителя Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, рукою его черненные». Эти проповеди, по нашим представлениям, готовились Димитрием Ростовским одновременно с работой над службами, посвященными Гурию Казанскому, и должны были читаться в конце Литургии: «Слово похвальное первое...» — на Службу на 20 июня, на день перенесения мощей (в нем изложены все факты этого события), и «Слово второе...» — на Службу на 5 декабря, на день преставления святого (с кратким изложением его жития).[39] Наличие этих проповедей в творческом наследии Димитрия Ростовского и обширного заимствования из одной из них в сборнике, датируемом началом XVIII века, со службами Гурию Казанскому может быть дополнительным аргументом в пользу атрибуции Димитрию Ростовскому обеих служб на память святого Гурия, используемых сегодня в богослужебной практике.

Тропарь, кондак и молитва Корнилию Молчальнику

Житие преподобного Корнилия Молчальника, переславского чудотворца, известно исследователям в двух редакциях, составленных после открытия мощей преподобного.[40] Во второй редакции Жития, автором которой, как по-

[39] См. подробнее: *Федотова М. А.* Слова на память святого Гурия Казанского: к вопросу о неизвестных сочинениях Димитрия Ростовского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. III. Филология. 2018. Вып. 56. С. 86–108.

[40] См.: *Свирелин А. И.* Жития святых Переславских чудотворцев: Никиты Столпника, Даниила игумена, благоверного князя Андрея и Корнилия Молчальника. Вязники, 1890; Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца / Публ., пер., сост., автор статьи М. С. Крутова. М., 2013.

лагают, был Варлаам (Высоцкий), архимандрит Свято-Троицкого Данилова монастыря (1665–1737), читаются тексты тропаря, кондака и молитвы: «Новоявленнаго угодника Божия почтим, Корнилия преподобнаго, крест на рамо вземшаго, иго Христово усердно понесшаго, иже на невидимыя враги мужественно подвизався, и козни их поправ, яко добр подвижник, Владыцѣ Христу предста и молится о душах наших» (тропарь 8-го гласа); «Вышняя получити желая, в вышних живущему Христу нелѣностно поработал еси, блаженне. Да наслѣдиши горняя, презрѣл еси долняя, не токмо очи отвратив не видѣти суеты, но устнам своим молчание наложив не глаголати суетная, обаче немолчным сердцем воспѣл еси к Богу. Не умолчи убо и нынѣ, о нас моляся, Корнилие преподобне» (кондак 2-го гласа); «О великий постниче, безмолвниче, помщниче в скорбѣх и заступниче в бѣдах, и прогонителю нечистых духов, преподобне отче наш Корнилие! Услыши нас, в час сей молящихся тебѣ, и не умолчи убо о нас ко Господу с лики святых преподобных, и не забуди нас, чад своих, посещая, и не умедли в молитвах своих о скорбных, и в бѣдах страждущих, и всѣх притекающих к рацѣ мощей твоих, нынѣ и присно, и во вѣки вѣков. Аминь» (молитва).[41]

Именно по просьбе архимандрита Варлаама (Высоцкого)[42] Димитрий Ростовский (в присутствии царевны Натальи Алексеевны, принимавшей деятельное участие в церемонии[43]) освидетельствовал мощи Корнилия Молчальника. Первоначально, согласно челобитной, Варлаам (Высоцкий) обратился к Стефану Яворскому, но тот приехать не смог и переадресовал его к святителю Димитрию. Ростовский митрополит приказал перенести останки преподобного в только что построенную церковь пресвятой Богородицы Одигитрии Смоленской Борисоглебского монастыря, положить их в новый кипарисный гроб, поставить его за левым клиросом под спудом и почитать Корнилия Молчальника за святого.[44] Святителем Димитрием Ростовским в этой связи были написаны тропарь, кондак и молитва святому, которые и были внесены в текст второй редакции Жития, написанный, вероятно, Варлаамом (Высоцким).

Кроме освидетельствования мощей Корнилия Молчальника, Димитрием Ростовским 28 июля 1705 года при освящении новой Смоленско-Корнилиевской церкви Борисоглебского монастыря была произнесена проповедь;[45] перенос мощей, вероятно, был приурочен к этому событию, а значит, и тексты тропаря, кондака и молитвы преподобному Корнилию были составлены в это время.

В 1722 году по доносу протоинквизитора иеродиакона Пафнутия была создана комиссия по освидетельствованию мощей переславских святых, в том

---

[41] Цит. по: Там же. С. 54, 66.

[42] Отметим факт знакомства Варлаама (Высоцкого) и Димитрия Ростовского. Так, в Житии Димитрия сказано, что Варлаам приехал к святителю накануне его смерти в гости «для посещения»: «За столом же в той день с гостми по обикновению прежних лѣт, аще и немощен сущи, сидѣл с крайнею нуждою, а наутро, то есть 27 октября, приехал к нему Переславля Залѣскаго Данилова монастыря архимандрит Варлаам (который был послѣ архимандритом в Троицкой лаврѣ) в гости для посѣщения» (РГИА. Ф. 796. Оп. 33. № 222. Л. 350 об.).

[43] Варлаам (Высоцкий) был духовником царевны Натальи Алексеевны, цариц Екатерины Алексеевны и Анны Иоанновны.

[44] См.: *Свирелин А. И.* Жития святых Переславских чудотворцев. С. 49–50; Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца. С. 106–108.

[45] Проповедь сохранилась в единственном списке: РНБ. Собр. А. А. Титова. № 3557. Л. 320 об. — 327 об. Подробнее см.: *Федотова М. А.* Слово на освящение Смоленско-Корнилиевской церкви: неизвестная проповедь Димитрия Ростовского // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2016. Вып. 21. С. 46–57. В Смоленско-Корнилиевской церкви находился и «шелковый антиминс», освященный и подписанный Димитрием Ростовским. См.: *Свирелин А. И.* Жития святых Переславских чудотворцев. С. 50; Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца. С. 108.

числе и Корнилия Переславского, в результате чего они не были признаны нетленными и, как следствие, погребены.[46] Донос был связан с деятельностью Варлаама по распространению почитания переславских святых, что шло вразрез с «Духовным регламентом», и Синод своим указом от 15 марта 1722 года осудил факты почитания несвидетельствованных переславских святых. Преподобный Корнилий Молчальник продолжал почитаться как местночтимый святой,[47] общецерковное почитание было определено только в 2016 году Архиерейским собором Русской Православной церкви. Местному почитанию и церковной канонизации в значительной степени способствовало то, что гимнографические сочинения преподобному Корнилию были сочинены святителем Димитрием.

«Канон преподобным и богоносным отцем нашим Антонию и Феодосию Киево-Печерским»

Канону Антонию и Феодосию Киево-Печерским, написанному Димитрием Ростовским в 1702 году по заказу великоустюжского купца Ивана Федорова Протодьяконова,[48] связанному со строительством в Великом Устюге каменной холодной церкви во имя Антония и Феодосия, Киево-Печерских чудотворцев, мы посвятили отдельное исследование,[49] поэтому в данной статье останавливаться на нем подробно не будем.

Отметим только, что Е. П. Кабанец полагает, что Димитрий Ростовский составил также «Службы преподобным отцем Печерским, ихже мощи в ближней и далной пещере нетленно почивают», впервые изданные в Киево-Печерской лавре в 1763 году. Но атрибуция этого памятника святителю Димитрию, приведенная исследователем, не кажется нам достаточно убедительной и требует дальнейшего изучения.[50] Более правильно считать, что этот текст был составлен в окружении святителя Димитрия.[51]

Служба Богородице Неопалимая Купина

До нас дошло только датируемое июлем 1707 года письмо-челобитная Ивана Конева, строителя каменной церкви Пресвятой Богородицы Неопалимая Купина при храме Покрова Богородицы в Козлёне, в Вологде, который при начале строительства обратился к святителю с просьбой написать Службу Богородице Неопалимая Купина: «...прошу, яко да во славу и похвалу Пре-

---

[46] РГИА. Ф. 796. Оп. 25. № 723А («О мощах, стоящих без должного вскрытия и освидетельствования»).

[47] См.: *Титов А.* Архимандрит Варлаам Высоцкий (из архивных дел XVIII века) // Русский архив. 1901. № 1. С. 353–363; *Алексеев А. И.* Варлаам (Высоцкий Василий Антипович) // Православная энциклопедия. Т. 6. С. 588–589; *Сукина Л. Б.* Корнилий // Православная энциклопедия. Т. 38. С. 94–97.

[48] Удалось также обнаружить, что Иваном Федоровым Протодьяконовым был куплен сборник проповедей Димитрия Ростовского, см.: НИОРК БАН. Собр. Археографической комиссии. № 81.

[49] См.: *Федотова М. А.* Сочинение Димитрия Ростовского «Канон преподобным и богоносным отцем нашим Антонию и Феодосию Киево-Печерским»: к истории текста // Русская литература. 2020. № 2. С. 44–47.

[50] *Кабанець Є. П.* 1) Невідомий твір св. Дмитра Туптала Ростовського // Могилянські читання. Київ, 1998. С. 94–98; 2) Святитель Димитрий и служба Печерским святым // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. Ростов, 2008. С. 219–238.

[51] См.: *Жиленко И. В., Назаренко А. В.* Ефрем // Православная энциклопедия. Т. 19. С. 36–40.

святыя Богоматере благоустроили праздничную службу с прислужающими стихеры и каноны, и тропари, и чтении с достодолжными хвалении и мольбами, яко и окамененнии наша человѣческая сердца во умиление подвигнеши».[52] Обращение к Димитрию Ростовскому было связано, вероятно, с тем, что на Вологодском престоле в это время не было архиепископа: архиепископ Гавриил скончался 30 марта 1707 года, а Иосиф был хиротонисан только в 1708 году.[53] При этом становится совершенно очевидным, вопреки устоявшемуся мнению, что закладка церкви произошла не ранее конца 1707 года (а не в 1704 году) и архиепископ Гавриил не мог освятить храм 8 июня 1710 года.[54] Эта неопределенность с датой закладки церкви присутствует и в письме Димитрию Ростовскому: «Размышляюще, государь, о сем здании, видѣхом свою велию немощь <...> обаче возгорѣся сердце наше <...> и возложивше на Бога и на Богоматерь всенадежное упование, каменье и кирпичи, и инные принадлежащие к тому зданию припасы уготовлять начахом, нынѣ же и бут совершися, и стѣн зданию чаем с Богом начати сего июля с 19 числа»,[55] — т. е. к 1707 году (или в 1707 году) закладка церкви только должна была состояться. До освящения храма в 1710 году Димитрий Ростовский не дожил (святитель умер 28 октября 1709 года) и, надо полагать, просьбу ее строителя исполнить не успел.

Таким образом, Димитрий Ростовский писал гимнографические сочинения на протяжении всего творчества: в украинский период им была создана «Служба святым девяти мученикам кизическим, поемая в обители Кизической, яже близ града Казанѣ» (1694), но большая их часть была написана в то время, когда святитель занимал ростовскую кафедру — службы Гурию Казанскому (1703–1709), Канон преподобным Антонию и Феодосию Киево-Печерским (1702), тропарь, кондак и молитва преподобному Корнилию Молчальнику (1705).

В заключение следует остановиться еще на одном сочинении святителя, которое свидетельствует, что Димитрий Ростовский создавал гимнографические сочинения, относящиеся не только к традиционным жанрам (службы, каноны, тропари и др.), но и новаторским, отражающим черты стиля барокко, свидетельствующим о проникновении в русскую культуру новых тенденций. Обратим внимание на канты и декламации Димитрия Ростовского, которые могли исполняться в храмовом пространстве.

Святитель Димитрий Ростовский был автором ряда кантов, например: «Иисусе мой прелюбезный, сердцу сладосте...», «Надежду мою в Бозе полагаю...»,[56] плача «Ко Магдалине, плачущей у ног Христовых, глагол грешнаго»[57] и др. Эти сочинения были широко распространены в рукописной и печатной традициях, однако у нас нет никаких свидетельств того, что они относились к богослужебной практике, хотя примеры «исполнения в храмовом

---

[52] Письмо опубликовано: *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 435–436; *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. М., 2005. С. 250. И. А. Шляпкин сообщает, что письмо находилось в рукописи Ростовского Яковлевского монастыря (№ 19, л. 13); сейчас утеряно.

[53] Ср.: *Балакшин Р.* Церковь Покрова Богородицы, что в Козлёне. Вологда, 2000. С. 14.

[54] Там же.

[55] *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. С. 250.

[56] [Израилев А.]. Псалмы или духовные канты святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1889 (переизд.: Псалмы, или духовные канты, сочинения Святителя Димитрия Митрополита Ростовского, изданные протоиереем церкви святителя Стефана Епископа Пермского, что при первой Московской гимназии, Аристархом Израилевым. М., 1899).

[57] См., например, издание: Українська поезія. Середина XVII ст. / Упорядники В. І. Крекотень, М. М. Сулима. Київ, 1992. С. 306.

пространстве панегирических декламаций, имевших литургические прототипы», есть.[58] Исключение составляет текст Димитрия Ростовского «На погребение Христово плач» («Камо грядеши несомый сладчаший Иисусе! Камо от нас грядеши...»), который может быть рассмотрен, по мнению Е. В. Жигулина, и как духовная декламация, и как часть службы.[59]

Содержание Плача — описание Страстей Христовых, ран и орудий страданий Христа — одна из излюбленных тем творчества Димитрия Ростовского; она прочитывается в сочинениях святителя, принадлежащих к разным жанрам: в декламации «На Воскресение Христово» (или «Стихах на Страсти Господни»), «Молитве, или кратком воспоминании страданий Христовых», «Богомысленном размышлении о пресвятых страданиях Господа нашего Иисуса Христа», «Благодарственном воспоминании страданий Христовых и молитвенном размышлении, паче иных молитв зело полезном, еже должно по вся пятки совершати» и др. Интерес к теме Страстей Христовых, безусловно, складывается у Димитрия Ростовского под влиянием западной духовной литературы, с которой святитель как воспитанник Киево-Могилянской академии был хорошо знаком. Тематика, жанровое своеобразие, яркая выразительность, образность, динамичность и ритмичность «На погребение Христово плача» позволяют отнести его к стилю барокко, новаторством стало и включение этого текста в состав канонического чина православной службы.

Сейчас нам известно пять списков этого сочинения: ГИМ, собр. Забелина, № 619, л. 461–465 об.; ГИМ, Синодальное собр., № 811, л. 310–317; РГАДА, БМСТ/ин, № 1192, л. 1 (15) — 9 (23); РГБ, ф. 394 (собр. А. И. Хлудова), № 25, л. 74–76 об.; РНБ, собр. А. А. Титова, № 100, л. 58 об. — 60 об.[60] Три из них сохранились в авторизованных рукописях святителя Димитрия Ростовского: два списка ГИМ (собр. Забелина, № 619 и Синодальное собр., № 811), третий в составе печатного конволюта — РГАДА, БМСТ/ин, № 1192. Список РГАДА имеет маргиналию «В лето 1703 в Ростове от отрока глаголанный над несомою плащенницею Христовою в церковь»,[61] списки из собр. А. И. Хлудова и А. А. Титова — помету «В лето 1703 в Ростове чтено на утрени на трисвятом по славословии». Обе маргиналии указывают на то, что этот неканонический текст, рассчитанный на исполнение отроком («...от отрока глаголанный...»), был не только духовной или панегирической декламацией (как, например, декламации Симеона Полоцкого, фоном для которых служила «природная и архитектурная среда»,[62] или декламация самого Димитрия Ростовского «На Воскресение Христово», исполняемая в палатах или на площади перед собором), но полноценной частью православной службы, а именно — текст «На погребение Христово плач», согласно маргиналиям, исполнялся отроком на утрени Великой страстной субботы во время шествия крестного хода с плащаницею вокруг Ростовского Успенского собора 27 марта 1703 года.[63]

---

[58] *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 340.

[59] См.: *Жигулин Е. В.* Художественное своеобразие театра Димитрия Ростовского. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1995. С. 16–17.

[60] Текст Плача был опубликован уже в первом собрании сочинений писателя: Собрание разных поучительных слов и других сочинений святого Димитрия митрополита, ростовского чудотворца, на шесть частей разделенное. М., 1786. Т. 1. Л. 96–99 об.

[61] Впервые указано: *Янковска Л. А.* Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1994. С. 23.

[62] *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. С. 335–340.

[63] Пасха в 1703 году выпадала на 28 марта.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-17-28

© Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА, © А. Ю. СОЛОВЬЕВ

О СТАНОВЛЕНИИ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРВУЮ ТРЕТЬ XVIII ВЕКА*

1

Наше представление об истории европейской литературы и как ее части русской сложилось во времена, когда путь развития общества разных стран мыслился единым, способность к взаимопониманию народов не вызывала сомнений и мировая общность науки и даже литературы казалась достижимой. Важнейшее событие в истории русской литературы — ее вступление в круг европейских литератур — воспринималось из той перспективы как счастливое, и в ослеплении ее успехами в новой семье было принято преувеличивать быстроту ее превращения в подобие новых сестер. Это определило своеобразие писаных историй русской литературы XVIII века, отличных от истории других ее периодов целеположенностью развития. В течение века русская литература должна была стать европейской. Ее успех в целом оценивается именно этим, и ее история приближается к реляции побед, рассказывающей о том, когда, как и сколь успешно было заимствовано, трансплантировано, достигнуто то или иное явление европейской литературы. О неудачах не говорится, многие из них просто не видны, поскольку не на них нацелен взор ученых, а те, что видны, представляются временными, ведь в итоге, как считается, русская литература догнала и даже в чем-то перегнала западную. Между тем список того, что не сумели усвоить в России в течение XVIII века (потом многое перестанет быть актуальным, однако пропущенные уроки не могли не сказаться), довольно внушительный. Интересен он тем, что по нему можно в какой-то степени составить представление о сопротивлении материала не как о досадной помехе, а как о той сущности литературы (культуры), которая не смогла, не захотела, не посчитала нужным меняться. Изучение этой стороны литературы XVIII века, пока еще целенаправленно не предпринятое, обнаружит границы возможной для литературы (культуры) трансформации и, может быть, обогатит привычную бравурную тональность истории русской европеизации новыми нотами.

Как стало понятно только к концу XX века, переход русской литературы от Средневековья к Новому времени, т. е. от специфически славянского и православного пространства ее бытия (Slavia orthodoxa)[1] к единому европейскому, занял два века. Пристальное изучение литературы XVII века, предпринятое в последнюю треть XX века, обнаружило в периоде, предшествующем Петровской эпохе, начало явлений, приведших в своем развитии к рождению новой русской литературы, и таким образом акцент в переходном процессе был перенесен с XVIII века на XVII. При всей условности границы начала этого процесса, определенной А. М. Панченко началом XVII века (в принципе

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00527, https://rscf.ru/project/21-18-00527/, в ИРЛИ РАН.

От редакции. Тема этой статьи раскрыта соавторами в разных ракурсах. Поэтому мы решили опубликовать текст в двух частях. Первая часть принадлежит перу Н. Ю. Алексеевой, вторая — А. Ю. Соловьеву.

[1] О понятии Slavia orthodoxa см.: *Пиккио Р.* Slavia orthodoxa и Slavia romana // Пиккио Р. Slavia orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. М., 2003. С. 3–81.

она может быть отодвинута и далее вглубь), в целом осмысление литературы этого столетия как переходной кажется верным.[2] При этом увлечение XVII веком и отсутствие одновременного целостного видения литературы следующего века привело к искажению происходивших процессов. Теперь развитие литературы XVII века предстает в драматичной динамике, на фоне которой развитие литературы XVIII века выглядит размеренным. Подробно обсуждается нижняя граница перехода, но давно не затрагивался вопрос о верхней его границе, о том, когда же он завершился. Очевидно, что в перспективе процесс развития литературы обоих веков должен быть осмыслен как единый и только тогда будет возможно создать приемлемую историю перехода русской литературы от Средневековья к Новому времени.

Само осмысление перехода и его демаркация зависят, разумеется, от критериев его оценки. Если смотреть из далекой перспективы, то процесс перехода закончился только к концу XVIII века. Символизирует его окончание фигура Н. М. Карамзина. И тут нельзя не оговорить условности этой границы. Одна фигура, как бы велика она ни была, не делает литературы. Так, другой русский европеец Антиох Кантемир отнюдь не служит свидетельством завершения европеизации, так как мыслил и писал то, что другим не в таком уж и скором времени только еще предстояло освоить. Однако фигура Карамзина не высится одиноко над другими, как это было с Кантемиром, а окружена соратниками, подражателями. К тому же общее состояние русской культуры с просвещенными юношами и девицами, журналами, зарождавшейся критикой заметно отличается от пустынной в этом отношении культуры 1720-х годов. В другом положении находился и русский язык.

При осмыслении европеизации русской литературы не рассматривается как фактор интенсивное развитие в этот период самой западноевропейской литературы. А ведь именно в XVII — первой половине XVIII века литературы разных европейских народов поочередно переходили от латинского Средневековья к новой литературе французского центра.[3] Без осознания этого явления движение, происходившее в русской литературе, остается не вполне понятным. Найденное во второй половине XX века обозначение доклассицистической русской литературы как литературы барокко при всей его емкости не может отразить подлинного взаимоотношения между двумя периодами развития литературы. Вольно или невольно оно проецируется на развитие какой-нибудь из европейских литератур, например немецкой, с ее последовательной сменой барокко классицизмом (что вовсе не обязательно, как мы знаем по опыту французской литературы). Восприятие русской литературы XVII — начала XVIII века как барочной заслоняет остроту происходивших изменений, затушевывает их суть. Ведь главное в литературе, предшествующей классицизму, не то, что она барочная, а то, что это была литература, уже оторвавшаяся от своего славянского православного пространства и начавшая дрейф в сторону Западной Европы. Первое, с чем она столкнулась, была литература Slavia romana,[4] показавшаяся вначале конечным пунктом движения. Условия взаимоотношений с Польшей определили польское учительство наших первых европейских уроков литературы. Как часто бывает, глубокие внутренние желания перемен были удовлетворены благодаря внешним обстоятельствам, в данном случае — соседству. С ориентиром на литературу Slavia

[2] *Панченко А. М.* Литература «переходного века» // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Ред. Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко. С. 292–296.

[3] О длительности и неоднородности этого процесса см.: *Курциус Э. Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / Пер. Д. С. Колчигина. М., 2020. Т. 1. С. 113, 392–393.

[4] О понятии Slavia romana см.: *Пиккио Р.* Slavia orthodoxa и Slavia romana.

romana в ее польском изводе заводились школы, усваивалось литературное наследие Европы, писались первые русские стихотворения. Это была стадия перехода русской литературы к той европейской литературной общности, в которой еще живы были традиции латинского Средневековья в его гуманистической модификации. Благодаря польскому влиянию русская литература успела прикоснуться к латинскому Средневековью в его поздней модификации, оставившему в ней след неолатинскими, главным образом школьными, стихотворениями и переводами, некоторыми жанрами поэзии, бытовавшими в XVIII — начале XIX века на периферии (например, ноэли, сильвы), усвоенной в школах теорией литературы, на основе которой будет развиваться в эпоху уже классицизма собственное понимание поэзии и стиля. Полонизацию и латинизацию русской литературы можно рассматривать как первый этап европеизации русской литературы, или первую ее европеизацию. К ней относится и украинизация русской литературы, сказавшаяся более всего в расцвете ораторского искусства в петровское время, а также в ранней (школьной) драматургии. Главным же результатом первой европеизации стало само развитие русской литературы, во многом определявшееся полученным из нее опытом, и хотя уже с середины XVIII века от этого опыта будет принято открещиваться, он довольно долго продолжал сказываться, пусть и не очевидным образом, от противного.

Можно ли допустить, что если бы реформы Петра не были столь решительны, русская литература оставалась бы в лоне Slavia romana? Нет, нельзя. Сама эта еще во многом средневековая общность уже распадалась, и сама польская литература спешила освободиться из ее тенет, приобщившись к современной литературе по французскому образцу. Туда же поспешила более по наитию, чем осознанно, русская литература. Вот этот переход от литературы Slavia romana к литературе по образцу французского классицизма был вторым в процессе европеизации русской литературы. Отчасти он наложился на продолжившееся освоение пространства Slavia romana, а поскольку в отношении культуры Slavia orthodoxa оба типа литературы, и Slavia romana, и классицизм, были новыми, по существу чужими, транслирующими западноевропейские ценности, не мыслимые без античного основания, они не обязательно выступали в противоборстве, но часто в содружестве. Так, первого русского классициста Кантемира горячо поддерживал ярчайший представитель Slavia romana Феофан Прокопович, а В. К. Тредиаковский при обосновании своей смелой оды «На сдачу города Гданска» (1734), с чего начался русский классицизм как явление, рассыпался в похвалах латинской оде Феофана императору Петру II, блестящему образцу поэзии Slavia romana, если и различая при этом, то смутно ее несовместимость с тем новым, что предлагал он сам. Примеров, подобно приведенным, недостатка разграничений происходивших в литературе процессов самими ее участниками можно привести множество, однако исследователей они не должны смущать, то, что было не видно вблизи, в далекой перспективе должно быть рассмотрено и классифицировано.

Переход русской литературы к классицизму есть вторая европеизация русской литературы, или второй переход к новой русской литературе. Сам переход к классицизму осуществлялся в течение 1730–1750-х годов, а затем литература продолжала развиваться в его русле, что не мешало зарождению внутри нее новых направлений, таких, например, как сентиментализм. Признаками перехода к классицизму являются осознание необходимости создания нового русского литературного языка и предпринимаемые усилия в этом направлении, ориентированность, пусть зачастую и опосредованно через немецкую поэзию, на поэзию французского классицизма, с его не столько жанровой системой, малоотличной от известной нам по школьным поэтикам

Slavia romana, сколько его новой для русских интерпретацией жанров, наконец, теория стиля, в том числе учение о трех стилях. Не менее важны происходившие в литературе процессы, прямо не декларировавшиеся, но так или иначе осознававшиеся ее участниками. К ним относится возникновение рефлексии о литературе, из которой постепенно, методом проб и ошибок, только к концу века народится подобие критики. Теорию литературы русский классицизм создать, однако, не смог. Самое важное во второй европеизации, вряд ли ясно осознаваемое и самими ее участниками, но всеми ими совершенное, что именно она с необходимостью потребовала создания нового внутреннего поэтического пространства, единого с западноевропейской поэзией, в которой античная образность была непременной. Феномен новой русской поэзии, а отчасти и всей русской литературы состоит в том, что она подключилась к традиции, к которой генетически не принадлежала, нисколько при этом не смущаясь, сразу и просто. Однако прорастание в этой традиции не было таким простым, а потребовало времени и усилий.

В обозначенном здесь процессе перехода русской литературы от Slavia orthodoxa к литературе единого европейского пространства особое место занимает литература петровского времени.[5] Исследователи не раз признавались в трудности ее описания. Одна из ее причин заключается в отсутствии в литературе этого периода изменений, сопоставимых в своей радикальности с изменениями в обществе и культуре. Если сравнить литературу с изобразительным искусством и архитектурой, в глаза не может не броситься ее косность. Это особенно явно при сравнении силлабических витиеватых подписей под гравюрами с самими гравюрами, лаконичными и смелыми. Оказалось, что заимствовать иностранных мастеров, технику и даже художественное видение в изобразительном искусстве возможно, а вот в литературе, где иностранный мастер бессилен, а техника (язык и стих) в одночасье не меняется — невозможно. По-видимому, литература из всех явлений обратившейся к новому русской культуры отставала более всего. Принципиально новым явлением в Петровскую эпоху была сама организация культуры, в рамках которой появилось печатание светских книг, с заказом переводов отдельных литературных памятников, а также открытие в Великороссии школ по образцу Киевской академии, восходившему к польским коллегиумам, и приглашение ученого киевского духовенства в Москву. Все это подготовило почву для будущего расцвета русской литературы, но все это оставалось в рамках первой европеизации по образцу Slavia romana, тогда как гравюры резали в Москве и Петербурге и соборы строили уже вполне в соответствии с новым общеевропейским пространством, в котором уже мыслила себя Россия. Другая причина трудности осмысления литературы Петровской эпохи в ее неоднородности. Поэзия продолжает развиваться в русле наметившихся в предыдущую эпоху тенденций, интерес к иностранной беллетристике носит знакомый по предыдущему веку характер, и в этом отношении поэзию и переводную прозу можно рассматривать как завершение долгого XVII века. Но в то же время появляется ораторское слово, изменившее ландшафт русской литературы и культуры. И хотя оно в нашем представлении и не вписывается в общее движение литературы, устремленной к психологизму, именно слово в продолжение XVIII и даже почти всего XIX века несло важнейшие смыслы и признавалось наиболее красноречивым. При этом русское ораторское искусство XVIII века было более обязано литературе Slavia romana, чем классицизму, также знавшему и ценившему этот жанр. В Петровскую эпоху мы встречаем и ростки нового,

[5] О происходивших в литературе этой поры процессах см.: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.

посаженные Петром или его окружением, в которых угадываются знакомые по будущему классицизму черты. Это и придворные торжества, поощрявшие развитие панегирической литературы, и первые западные спектакли. За недостатком по той или иной причине культивации оба явления на какое-то время зачахли, чтобы уже в 1730-е годы быть возрожденными на новых основаниях. Импульсивность и разнонаправленность происходивших в литературе процессов дополнялись новыми заведениями Петра, предопределившими будущую литературу. Помимо светской печати, сети школ, института придворных торжеств и нового штата ученого духовенства, сюда относится и Академия наук, чуть только не успевшая открыться при жизни своего основателя. При всей активности Петра и неутомимости его сподвижников литература его времени предстает скорее ожиданием будущего своего преобразования, чем его совершением. Пройдет всего несколько лет после кончины государя, и появится Кантемир, следом за ним Тредиаковский и Ломоносов, и русская литература вступит на путь классицизма, завершившего ее европеизацию.

2

Формирование новой русской литературы,[6] при всем многообразии исследовательских концепций, обычно относят к началу XVIII века, отмечая две важнейших предпосылки ее возникновения — секуляризацию и европеизацию русской культуры (включая сюда и отдельные явления XVII века, но прежде всего имея в виду петровские преобразования). Эти два процесса позволяют отделить новую русскую литературу от древнерусского периода и описывать явления 1730–1740-х годов как первые, безусловно к ней принадлежащие (главным образом поэтическую деятельность В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова[7] и А. П. Сумарокова, ознаменованную выбором силлабо-тоники). Но если в истории русского стихосложения эта граница действительно необходима, то для литературы в целом давно и справедливо проблематизируется, причем не только обсуждаются хронологические рамки переходного периода,[8] но и подвергается сомнению сама возможность поставить четкую границу.[9]

Изучение переходности как в свете оппозиции религиозной и секуляризованной культуры, так и в свете процесса европеизации нередко обретает,

---

[6] Термину «новая» применительно к XVIII веку в нашем изложении соответствует английское «early modern», ср., например: *Levitt M. C.* Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts. Selected Essays. Boston, Mass., 2009 (Studies in Russian and Slavic Literatures, Cultures and History).

[7] Возобладавшее в XIX–XX веках мнение, согласно которому за условную точку отсчета новой русской литературы принимается Хотинская ода, еще на рубеже XVIII–XIX веков разделялось далеко не всеми; в первую очередь его придерживались «архаисты» и А. Н. Радищев, ср.: «В стезе российской словесности Ломоносов есть первый» (*Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Ода «Вольность» / Изд. подг. В. А. Западов. СПб., 1992. С. 123 (сер. «Литературные памятники»)). Достаточно напомнить начало известного карамзинского высказывания: «...разделяя слог наш на эпохи, *первую* должно начать с Кантемира, *вторую* — с Ломоносова...» (*Карамзин Н. М.* Пантеон российских авторов // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 162).

[8] Обзор исследований по этой теме см.: *Бухаркин П. Е.* История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы). СПб., 2013. С. 8–41 («Русская литература XVIII в.: хронологические границы и проблема периодизации»).

[9] См. прежде всего работы А. М. Панченко: *Панченко А. М.* 1) О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 112–128; 2) Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984; 3) Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 3–16, и др.; см. также: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи; *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

случайно или нет, ретроспективный характер.[10] Примером может служить работа Ю. М. Лотмана о прозе XVIII века,[11] в которой развитие русского романа и повести XVII–XVIII веков показано как становление жанра, посвященного осмыслению мира в целом и места человека в нем. В XVII веке повесть о герое-плуте противопоставляет абстрактной морали стремление живого человека к счастью, удаче, личной выгоде, что оценивается современниками как безусловно положительное явление. А духовным запросам и философским основаниям XVIII века это построение уже не может удовлетворять, в результате формируется два типа романа, авантюрный и отталкивающийся от него социально-философский, с «весьма рельефно очерченной идеологической и тематической физиономией»;[12] к последнему типу причисляется, в частности, опубликованный в «Живописце» Н. И. Новикова «Отрывок путешествия в *** И*** Т***», а также переводы произведений Ф. Фенелона (не только «Тилемахида»). Нетрудно заметить, что через указание на отношение к предшествующей традиции разнородный материал просветительски ориентированных произведений XVIII века приобретает концептуальное единство — определяется его принципиальное отличие от ранней прозы.

В другом случае, относящемся уже прямо к эпохе преобразований, предпринимается толкование рецепции античности. В. М. Живов называет ключевой характеристикой петровской европеизации ее семиотический характер: нововведения в области культуры связывались с демонстрацией разрыва между старой и новой культурными формами через знаковые действия, вовлекавшие зрителей как участников.[13] Петр и его окружение заимствовали элементы античной культурной парадигмы через европейское посредство, применяя их к решению своих задач и наделяя «положительным» знаком, — и встречались с сопротивлением традиционалистов, видевших в них тоже знак, но отрицательный. М. Б. Плюханова, корректируя выводы ученого, отмечает, что такое рассмотрение Петровской эпохи находится в зависимости от идей Просвещения и взгляда просветителей на начало XVIII века (который предполагает мифологизацию деятельности Петра I и в особенности его культурных реформ), вследствие чего происходит отталкивание от барокко, т. е. «исключение из поля зрения всей эпохи перехода к новым формам культуры».[14] Переходная эпоха оказывается заложником более поздних ее интерпретаций, принадлежащих эпохе стабильной. Исследовательница отмечает, что для барочного искусства, в частности театра, характерно внимание не столько к знаку, сколько к страстям и року. Это тоже форма обращения к античному наследию, но не поляризирующая светскую и христианскую культурные традиции.

Думается, даже с учетом этой критики нельзя назвать ретроспективный взгляд недостатком семиотического подхода, который, по словам М. М. Бахтина, занят «преимущественно передачей готового сообщения с помощью готового кода»,[15] т. е. «абстрагирует свой предмет изучения от конкретных се-

---

[10] Как о своеобразном «черном ящике» говорит о литературе Петровской эпохи С. И. Николаев: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. С. 7.

[11] *Лотман Ю. М.* Пути развития русской просветительской прозы XVIII века // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века / Отв. ред. П. Н. Берков. М; Л., 1961. С. 79–106.

[12] Там же. С. 92.

[13] *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 933 и след.

[14] *Плюханова М. Б.* Семиотические исследования Петровской эпохи в свете Константиновой парадигмы и проблем античного язычества // Pietroburgo capitale della cultura russa / A cura di A. D'Amelia. Salerno, 2004. С. 30 (Collana di Europa Orientalis).

[15] Цит. по: *Гржибек П.* Бахтинская семиотика и московско-тартуская школа // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1. С. 240–259. Ср. далее: «В живой же речи сообщение, строго говоря, впервые создается в процессе передачи и никакого кода, в сущности, нет» (Там же).

миотических явлений».[16] Более того, он далеко не всегда сопутствует именно семиотическим работам. В третьем примере, связанном с интересующим нас материалом, ретроспекция помогает заострить внимание на новаторстве. Привычные представления о форме, которую приняла русская поэзия середины XVIII века — «классицизм», национальное подражание античности,[17] — опираются на теоретические труды Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, предложившие систему «легитимных» поэтических жанров. Система накладывается на все многообразие литературы 1740–1760-х годов и на ряд явлений литературной культуры, из этой системы далеко не всегда выводимых (например, критические полемики и пародии). Рассматривая практику творческого состязания (переводы псалма 143 тремя названными авторами, изданные в одной брошюре 1744 года), А. Б. Шишкин указывает на проявление в ней «новой „теории текста“»,[18] в частности проблемы семантики метра. Приводя соответствия идее состязания в предшествующей традиции, ученый приходит к заключению о том, что «не теоретический спор решался в форме соревнования, но состязание поэтов происходило в форме спора».[19]

Во всех трех исследовательских сюжетах происходит «опрокидывание» понятий, известных из более поздних периодов истории русской литературы, на материал, относящийся либо к переходному этапу, либо к следующему непосредственно после него, и это помогает сформировать представление о том, что литература интересующего нас периода имела черты и просвещенческого, и барочного понимания действительности. Говоря об общей эволюции русской литературы XVIII века, необходимо постоянно и одновременно забегать вперед и оглядываться в прошлое.

Этот предельно широкий методологический вывод в данной работе применяется прежде всего к изучению проблемы человека в литературе первой трети XVIII века. Мы стремимся выявить черты переходности в антропологическом «аппарате» литературы начала XVIII века — какое место в универсуме в произведениях этого времени занимает человек и какими средствами это показано — через сопоставление с этой литературой материала более позднего времени (две группы сочинений в области драмы и прозы). Тема и методология архаизированы нами в той мере, в которой филологическое изучение литературы может стать основанием для междисциплинарного решения поставленной в ней задачи. Мы посвятили ее в большей мере тому, как, а не откуда и куда переходила русская литература в переходную эпоху. Конечный пункт движения относительно ясен, это литература позднего Просвещения, сентиментализма и преромантизма. В ней мы уже почти не найдем барочных элементов. Сложнее обстоит дело с начальной точкой пути и разграничением между литературой 1700–1730-х годов и той литературой, которая создавалась в эпоху «классицизма». Нам придется отчасти повторять материал и его трактовку по предшествующим нашим работам, стремясь при этом охватить картину в целом.

---

[16] Там же. С. 244 (разъяснение автора статьи, П. Гржибека). Не вдаваясь в подробности, напомним, что уже в 1970-е годы московско-тартуская школа отошла от первоначально узкого понимания текста, основанного на соссюровской теории знака.

[17] Ср.: «Русская литература (классицизма. — *А. С.*) есть одна из литератур, происшедших от рецепции античности» (*Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чудаков; сост. Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; вступ. статья, подг. текста и комм. Н. И. Николаева. М., 2000. С. 30).

[18] *Шишкин А. Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 232.

[19] Там же. С. 242.

* * *

Человек, служащий обществу и государству, помнящий о долге — и человек чувствующий, подчас обуреваемый страстями, — такими видятся персонажи русской классицистской трагедии, представленной прежде всего пьесами А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, Н. П. Николева. Эта раздвоенность легко вписывается в расхожее представление о «чувстве и долге» как основе трагического конфликта, но, конечно, далеко не исчерпывается им. В недавних работах К. А. Осповата предлагается трактовка трагедий (поначалу ставившихся, как известно, в придворном театре) как своего рода сценариев власти.[20] Согласно идее исследователя, трагедия в России XVIII века играла роль ритуализированного воспроизведения общественного договора между монархией и подданными (а не школы дворянской чести). То, что совершается в театральном действии, основано на тех же принципах, что и происходящее в политической реальности (самодержец волен карать и миловать, милосердие — акт самодержавия, властного над смертью и жизнью любого из подданных, даже самого высокого ранга). Не во всем разделяя позицию К. А. Осповата, отметим, однако, ее потенциал для изучения проблемы человека в литературе. Нетрудно увидеть, что светской власти в этой интерпретации придаются черты власти вечной, не от мира сего. Но если так, то не могла ли драматургия русского классицизма использовать приемы изображения человека, свойственные ее предшественнице — школьной драме?[21]

В настоящей работе мы касаемся лишь вопроса о связи со школьной драмой только трагедий Сумарокова.[22] Можно утверждать наверняка, что Сумарокову были известны пьесы Димитрия Ростовского в исполнении ярославской труппы. Одну из них, «Кающегося грешника», ставил сам Сумароков на сцене придворного театра,[23] в другой же постановке принимал участие И. А. Дмитревский, с которым Сумароков был дружен и к воспоминаниям которого восходит единственное до недавних пор свидетельство о содержании «Грешника» — пересказ А. А. Шаховского.[24] Благодаря последним разыска-

[20] *Ospovat K.* 1) The (Dis)empowered People: Kingship, Revolt and the Origins of Russian Tragic Drama // Acta Slavica Estonica VI. Tartu, 2014 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia; XIV. Russian National Myth in Transition); 2) Terror and Pity: Aleksandr Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia. Boston, 2016; *Осповат К. А.* Трагедия и террор: суверенное насилие и политика катарсиса в «Гамлете» Сумарокова (1748) // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2019. Вып. 8. С. 190–227.

[21] Данную проблему нельзя назвать разработанной, несмотря на краткие упоминания, рассыпанные как в общих, так и в специальных исследованиях по русской литературе XVIII века (см., например: *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 165–166). Подробнее всего вопрос рассмотрен М. П. Одесским (*Одесский М. П.* Поэтика русской драмы. Последняя треть XVII — первая треть XVIII в. М., 2004. С. 223–230). Находя множество точек соприкосновения между русской школьной драмой и творчеством классицистов, он, однако, указывает на принципиальное несходство формальной поэтики драмы первой и второй трети XVIII века: «Непосредственное воздействие русской драмы XVII — первой трети XVIII в. на драму второй трети XVIII в. было ощутимо, но незначительно» (Там же. С. 223) — и сосредоточивает внимание на влиянии школьной драмы на лирику (торжественные оды, сатиры А. Д. Кантемира и др., вплоть до XX века).

[22] Его комедии, как и пьесы Тредиаковского и Ломоносова, требуют отдельного изучения в этом аспекте. О связи со школьной драмой сумароковской драмы «Пустынник» см.: *Левитт М.* Драма Сумарокова «Пустынник». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 59–74.

[23] Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1972. Вып. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. С. 51, 336.

[24] *Шаховской А. А.* Описание трагедии: Кающийся грешник... // Театральный альманах на 1830 год. СПб., 1830. С. 125–135.

ниям М. А. Федотовой нам стал известен текст драмы,[25] и теперь мы можем сопоставить его с произведениями Сумарокова. Первое явление драмы, двести лет считавшейся утерянной, представляет собой разговор грешника с совестью, стремящейся направить его на путь покаяния. Однако увещевания, которые предшествуют раскаянию персонажа, на него не действуют. Только заступничество Богородицы спасает грешника, делая его, собственно, кающимся.

Сумароковских персонажей нельзя напрямую соотнести с этим образом, но некоторые параллели мы можем отметить. Антагонисты его трагедий — Клавдий и Гамлет («Гамлет», 1748), Синав и Трувор из одноименной трагедии (1750), Дарий и Оркант («Артистона», 1751) и другие, вплоть до Димитрия и Георгия в «Димитрии Самозванце» (1771) — включены в систему действий и отношений, определяющихся трагическим конфликтом, восходящим к французской драматургии (властитель, избранная им невеста и ее возлюбленный). В школьной же драме центральный персонаж один, любовного треугольника нет, а человек предстает образом-аллегорией (так, Ирод в «Рождественской драме» объяснен как заместитель в тексте понятия «преходящей славы мира сего»). Но у Сумарокова часто развитию конфликта сопутствует цепочка именно призывов к раскаянию, исправлению. При этом выделяется группа персонажей, которые на все уговоры отвечают, что не в состоянии преодолеть свои страсти или природу. Таковы Полоний в «Гамлете», Федима в «Артистоне», в особенности же Димитрий Самозванец в одноименной трагедии. Они близки к тем героям школьного театра, вокруг которых строится сюжет пьес, названных Л. А. Софроновой «пьесами о власти». В этих пьесах герой-злодей, обычно узурпатор, «приобретает конкретно-чувственный облик» и персонифицирует собою зло, а потом «обязательно несет расплату за злодеяния».[26]

Другая пьеса Димитрия Ростовского, «Рождественская драма», строится вокруг образа царя Ирода, причем в ней начинается движение от аллегории к изображению характера героя: «...если в украинской драме решение избить младенцев Ироду подсказывают <...> Злоба, Зависть, Коварство и Убийство, — в пьесе Димитрия Ростовского <...> действуют только люди...».[27]

Страх Ирода перед адом показан конкретно и чувственно (при всем однообразии использованных для этого средств):

> Ей, дай кто помощь и руку!
> Ей, кто добр? Утоли муку!
> Ах, страшная вижу, а, а! Терплю страх!
> Ах! Душу устрашают! Ах! Тело удручают... Ах, ах, ах!
> (и упадает в пропасть).[28]

Это сближает с его финальной репликой последние слова Федимы в «Артистоне» и Димитрия Самозванца. Ср.:

> О боги! Царь! народ! родитель мой! мой брат!
> Приходит мой конец, стал действовати яд:
> Оставьте мне вину!.. разверст мрак вечной ночи,
> Мраз в кровь мою вступил, *теряют светлость очи*.

---

[25] См.: *Федотова М. А.* «Кающийся грешник» Димитрия Ростовского // Русская литература. 2022. № 3. С. 87–100.

[26] *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII века: Польша, Украина, Россия. М., 1981. С. 140, 143.

[27] Ранняя русская драматургия. Вып. 2. С. 47.

[28] Там же. С. 268.

<...>
Я вижу всех во мгле, и странны мне чертоги.
Препроводите мя, доколь мя держат ноги...[29]

Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!
(Ударяет себя во грудь кинжалом и, издыхая, падущий в руки стражей.)[30]

В речи Федимы, помимо физиологического описания предсмертного состояния героини, мы находим ту же серию восклицаний, передающих ужас, и бесцельную просьбу о помощи к окружающим. В «Димитрии...» же создается впечатление физического падения в ад, за счет редкой в творчестве Сумарокова подробной экспрессивной ремарки.[31]

Не только проблематика отдельных трагедий Сумарокова и положение, которое занимают в них герои-грешники, оказываются близкими пьесам Димитрия Ростовского; есть схождение и в поэтике. Злодеи предстают в сумароковской трагедии не только как осужденные души, но и как носители определенной идеи: мщения (Димитрий), зависти (Федима), вероломства (Полоний). Эти идеи выступают как бы их атрибутами, как то было в школьной драме: «Атрибут героя всегда значил больше, чем он сам. Он определял героя, его характер, а не наоборот, и сам герой именно значимостью атрибута определял свою роль в пьесе».[32]

Итак, средства, которыми создается образ грешного человека в школьной драматургии и в трагедиях Сумарокова, близки, и в отношении последних следует говорить не о классицистской поэтике, а о соединении барочных приемов с просветительским содержанием. Человек сумароковской трагедии отличается от человека драм начала XVIII века не способами изображения, а набором представлений, согласно которым его место в универсуме определяется не религиозным, а политическим поведением.

* * *

Второе наблюдение, связанное с поиском в литературе первой трети XVIII века зачатков явлений, свойственных более поздним эпохам, касается произведений о путешествиях. Хорошо известно, что повествователю в общей конструкции травелога отводится в Новое время ключевая роль. Творческая история «Писем русского путешественника» показывает, что это подразумевает как сложное отношение между автором и повествователем, так и авторскую рефлексию об этом феномене, которая начиная с Н. М. Карамзина становится неотъемлемой частью описания путешествия.[33]

---

[29] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе / Собр. и изд. Н. Новиковым: В 10 ч. 1-е изд. М., 1781. Ч. 3. С. 252 (курсив мой. — *А. С.*).

[30] *Сумароков А. П.* Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 470 (Библиотека поэта. Большая сер.).

[31] Композиционно эта ремарка выделяет последние слова Димитрия, произнесенные уже после нее: «Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!» (Там же), в то время как ее сценическая цель — придать правдоподобие происходящему; заколовшиеся герои других трагедий Сумарокова, естественно, больше ничего не говорят.

[32] *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра... С. 171.

[33] См. прежде всего: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 525–606 (сер. «Литературные памятники»); *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987 (сер. «Писатели о писателях»); *Серман И. З.* Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина? // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 194–210; *Baudin R.* Nikolaï Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011 (Études orientales, slaves et néo-helléniques).

Осмысление места повествователя в тексте, однако, не было открытием «русского путешественника», эту школу проходил уже А. Д. Кантемир. В 1726 году в возрасте 17 лет он перевел в Петербурге с французского языка «на славянороссийской» памфлет Дж. П. Мараны «Lettre d'un Sicilien à un de ses amis» (до 1693),[34] озаглавив его «Перевод с италианского на француской язык некоего италианского писма, содержащаго утешное критическое описание Парижа и французов, писанного от некоего сицилианца к своему приятелю». Несмотря на то что это лишь перевод, к тому же не участвовавший в историко-литературном процессе своего времени,[35] нам важно обратить внимание на то, как через посредство иностранных сочинений в русскую литературу проникала новая для нее идея изображения авторской точки зрения.

Адресант «Письма...» начинает беседу с другом описанием своего дня, в котором угадываемая приверженность стоической философии подтверждается ссылкой на представителя этой традиции: «Я встаю вдруг с солнцем <...> Главная моя забава есть читание <...> я гуляю в изрядных и долгих аллеях в сени древес <...> Нужды мои всегда теже суть: хлеб, постеля и платье. <...> Буде же я лишаюся чего либо, ищу оное в книгах Сенеки (и абие найду): „хощешь ли быть богат и ничтоже желай“».[36] Эта экспозиция нужна ему, однако, не для того, чтобы противопоставить стоические добродетели образу жизни жителей Парижа, утопающего в роскоши и расточительстве, а чтобы подчеркнуть «остраненную» позицию наблюдателя. Любитель чтения и одиноких прогулок, философ, довольствующийся малым, за десять лет в Париже «еще не мог хорошо познать град сей»,[37] потому что его жизненные установки шли вразрез с поведением, которое позволяет иностранцам войти в светский круг. Поэтому описание жизни разных слоев парижского общества, разных сторон быта бурлящей столицы, ее культуры и науки, религии и власти окрашено легкой иронией, особенности же национального характера французов, обычно высмеиваемые (в том числе и в последующей русской традиции), подаются как забавные черты, не подвергаемые осуждению, а иногда даже полезные, ср.: «Легкость есть пятый элемент французов. Любят все новое знать, делают все, что могут, чтоб не долго знаться с одним приятелем, в одно и то же время склоняются и к теплу, и к стуже, по вся дни новыя выгадывают моды своего платья и понеже скучают жить в своем отчестве, ездят то по Азии, то по Африке, то в Ишпанию и безчисленные городы...»[38] Избранная точка зрения стоика позволяет увидеть смешное и нелепое в поведении французов, не игнорируя достойные стороны. На восприятие повествователя, на создаваемое им описание влияют его установки, и он дает читателю знаки, предупреждающие об этом. Конечно, это еще не сложная игра точками зрения, как у Карамзина, но в переводе Кантемира заложена та же идея: невозможно передать только объективные сведения; любой отчет путешественника неизбежно зависим от позиции путешественника.

Отношение, напоминающее о позиции повествователя в «Письме» Мараны, дополненное рефлексией о том, что у другого путешественника могут быть и иные впечатления от путешествия, мы находим в реальной корреспонденции

---

[34] См. о датировке оригинала и возможном конкретном источнике перевода: *Хэн Фу.* Переводы А. Д. Кантемира: репертуар, приемы, примечания. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. С. 23–28, 92–95.

[35] Он был опубликован впервые в 1868 году, но сохранился в списках, в частности, в архиве Паниных (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. № 3076), составляя там компанию письмам из Франции Д. И. Фонвизина к П. И. Панину.

[36] *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1868. Т. 2. Сочинения и переводы в прозе, политические депеши и письма. С. 359–360.

[37] Там же. С. 359.

[38] Там же. С. 366.

Кантемира, который уже в статусе дипломата сам оказался в Париже: «Если вы когда-нибудь приедете пожить в этот город, вы лишитесь многих иллюзий, кои внушают нам иностранцы»; «...в Париже, чтобы развлекаться, нужно играть и иметь крепкое здоровье. Что касается до вас, *возможно, вы нашли бы его очаровательным*»;[39] «Более чем правда, что я скучаю в славном граде Париже: вечно надо играть и иметь хорошее здоровье, чтобы ужинать и бодрствовать, если после ужина следуют развлечения. Если вам интересно *мое мнение*, оставайтесь в Лондоне. Я сделаю все возможное, что снабдить вас двумя *Горациями,* а вас умоляю прислать мне с оказией через Господина Вебера нижеупомянутые книги».[40] Та же позиция философа за книгой возникает в переписке Кантемира с сестрой Марией от августа–сентября 1736 года. Негативные впечатления брата от французов дополнены ею изложением причин, по которым предпочтение отдается перед ними англичанам, и здесь опять возникают элементы если не стоической, то горацианской морали: «Меня поражает, что Париж и дофин не показались Вам достойными тех похвал, которые воздают им многие — быть может, потому, что французы следуют обычаю всегда иметь карты в руках, но я умоляю Вас им не подражать: лучше держать в руках книги, которые дают больше удовольствия, чем карты <...> Преклоняюсь перед англичанами, которые предпочитают книги картам, и умалчиваю о нас, которые не имеем ни того, ни другого»;[41] «Если Париж скучен и мрачен, то, значит, те, которые так хвалили его, говорили неправду. Если женщины там безобразны, то у них есть повод изменить свою внешность и казаться красивыми <...> Раньше нравы были грубыми, а теперь французы изобрели всякие новшества и моды. Может быть, теперь им больше ничего не остается делать, кроме как развлекаться картами и обыгрывать друг друга. <...> Французам даже некогда слушать музыку, так как, по Вашим словам, опера там еще не начиналась. Между англичанами гораздо больше людей, которые предпочитают литературу картам».[42]

Неизвестные тогдашним читателям тексты Кантемира показывают тенденции, по которым *могла* развиваться литература путешествий. Уже в 1720-е годы русская культура была готова к тому, чтобы сделать авторскую позицию важнейшим конструктивным фактором литературы, подтверждая тезис И. З. Сермана о специфике выражения личностного начала в литературе русского классицизма: «Специфика же того выражения личности, которое характерно для русского классицизма XVIII в., заключается, по-видимому, в том, что личное, личностное начало проявляется еще в виде подчеркнутого авторского отношения к изображаемому, — отношения, которое ни на миг не оставляет читателя наедине с литературной действительностью, а сопровождает его неотступно, в каждой строке, в каждом слове».[43]

---

[39] Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 2. Литературные источники XVIII века (1726–1762) / [Изд. подг. Э. Л. Афанасьев, Н. Д. Блудилина и др.]; отв. ред. В. М. Гуминский. М., 2003. С. 116, 123 (письма к А. Дж. Осорио от 28 ноября 1738-го и от 14 января 1739 года; курсив мой. — *А. С.*).

[40] Там же. С. 122 (письмо к Дж. Б. Гастальди от 14 января 1739 года). Отметим, что все цитаты приведены нами из писем, отправленных в Лондон к тамошним итальянским посланникам.

[41] *Майелларо Дж.* Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке. 1734–1744. [Часть 1] // Русско-итальянский архив II / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002. С. 48–49.

[42] Там же. С. 51–52.

[43] *Серман И. З.* Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 4.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-29-50

© *М. А. ФРОЛОВ*

Н. К. ГУДЗИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК: К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА. ЧАСТЬ 1: 7 МАЯ 1923 ГОДА — 28 МАЯ 1924 ГОДА

В последние три десятилетия отмечается устойчивый и растущий интерес к деятельности Государственной Академии Художественных Наук (далее — ГАХН) и сотрудничеству с ней выдающихся представителей научной и художественной интеллигенции. Регулярно выходят статьи и публикации по этой теме. Среди них выделяется целый корпус работ, посвященных литературоведению как одному из главных направлений деятельности ГАХН и Литературной секции (далее — ЛС) в частности.[1] По замечанию А. П. Дмитриева, «во второй половине 1920-х в филологической работе академии особенно выделяется Литературная секция с ее подсекциями теоретической поэтики, <...> русской литературы, западной литературы и т. д. Именно в рамках этих двух последних подразделений в академии велась <...> привычная филолого-академическая работа».[2] Более того, работа секции отличалась

---

[1] См.: *Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод (Материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180–187; *Морев Г. А.* К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // Минувшее. М., 1997. Вып. 21. С. 353–375; *Дмитриев А.* Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией // Logos. 2010. № 2. С. 105–121; *Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011. Т. 1. Стихи, переводы, статьи. С. 471–499; *Нефедьев Г. В.* К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: материалы и исследования. М., 2014. С. 253–258; *Вендитти М.* Философские основания литературоведения в ГАХН // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: исследования: В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 227–263 (см. также материалы по интересующей нас теме — доклады Г. Г. Шпета, В. П. Зубова, П. С. Попова, раздел «Категории эстетической рефлексии: форма, образ, стиль, время, произведение»: Там же. Т. 2. С. 339–346, 379–526, 771–776); *Богомолов Н. А.* 1) Из комментаторских заметок. 4. К публикациям статей С. Н. Дурылина о символизме // Литературный факт. 2017. № 4. С. 277–290; 2) Другое литературоведение: Занятия Подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // Русская литература и философия: пути взаимодействия. Сб. статей. М., 2018. Вып. 1. С. 461–475; 3) Борис Пастернак и ГАХН // Russian Literature. 2018. № 100–102. С. 275–288 (ср.: *Богомолов Н. А.* Разыскания в области русской литературы XX века: В 2 т. М., 2021. Т. 2. От fin de siècle до Вознесенского. За пределами символизма. С. 260–289); *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60; *Римонди Дж.* А. Ф. Лосев о Ф. М. Достоевском. О деятельности Лосева в Литературной секции ГАХН // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 89–102; Тезисы доклада С. М. Соловьева о поэзии Е. А. Баратынского / Подг. текста В. П. Троицкого; вступ. статья и комм. Ю. Ю. Анохиной // Русская литература. 2021. № 4. С. 201–208, и др.

[2] *Дмитриев А.* Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией. С. 106–107.

широтой охвата в разработке важнейших филологических проблем и одновременно с этим — смелостью в постановке новых вопросов и оригинальностью подходов к их решению, о чем писал Н. А. Богомолов: «Литературная секция вела обширную работу в области изучения истории литературы и литературы современной, учитывая теоретические достижения, но далеко ими не ограничиваясь».[3]

Настоящее исследование ставит своей задачей представить по возможности полно деятельность историка литературы, текстолога, педагога Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) в ГАХН, ввести в научный оборот тексты докладов ученого, а также зафиксированные документально выступления его коллег в прениях. Основное внимание в предлагаемой читателям работе уделено выступлениям ученого на заседаниях ЛС и Социологического отделения. За ее пределами остаются выступления Гудзия в прениях по докладам коллег, а также подробный рассказ о его сотрудничестве с другими отделениями и секциями ГАХН, об участии в фундаментальных издательских проектах, поскольку публикация этих материалов увеличила бы ее объем в несколько раз.

В мае 1934 года в «Curriculum vitae», составленном по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича для Государственного литературного музея, Гудзий писал: «С 1923 по 1929 г. <...> состоял действительным членом Государственной академии художественных наук и был в ней председателем подсекции русской литературы. Выбыл из Академии ввиду сокращения штатов...»[4] За этим лаконичным сообщением — семь лет насыщенной, разнообразной и весьма плодотворной работы в уникальном научном учреждении с трагической судьбой, которую разделили многие его сотрудники. 12 февраля 1930 года, когда разрушительная по своим последствиям кампания по реорганизации, а в действительности — ликвидации Академии, уже набирала обороты, Гудзий обратился с заявлением в Научно-техническую секцию Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР. Мы хотели бы процитировать этот важный документ в самом начале, открывая именно им корпус выявленных документов, поскольку ученый говорит о своем многолетнем пути безупречного служения науке, в том числе — о своей работе в Академии: «Постановлением Главнауки Наркомпроса я отчислен из ГАХН, в которой состоял действительным членом и в течение 6½ лет занимал должность заведующего п/с русской литературы, ныне, в связи с реорганизацией ГАХН, упраздненной. Не видя ни в характере своей научной работы, ни в направлении своей педагогической деятельности каких-либо понятных для меня мотивов, оправдывающих это отчисление, я обращаюсь в Научно-техническую секцию ГУС'а с просьбой о пересмотре постановления, которое сделано было в отношении меня Главнаукой <...> Свою научную школу я прошел в Киевском университете под руководством профессора, затем академика В. Н. Перетца, прививавшего своим ученикам методы исследования, им самим унаследованные от Александра Веселовского. В этой школе, как и в научной позиции Веселовского, социологическая интерпретация памятников литературы, далекая от привкуса эстетического и философского импрессионизма, занимала далеко не последнее место.

В своих последующих работах по истории русского театра XVIII в., по Пушкину и поэтам его поры, по Толстому и по истории русского символизма

[3] *Богомолов Н. А.* Другое литературоведение. С. 462.
[4] РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. № 761. Л. 6.

(преимущественно по Брюсову)[5] я стремился к строгой фактичности и документальности в своих выводах и построениях <...>.

В п/с русской литературы, которой я руководил, я наладил бессрочную плановую работу по истории русской литературы XIX и XX вв., носившую строго исследовательский характер <...>.

Рядом с научной деятельностью я занят и деятельностью педагогической, преподавая в высшей школе историю русской литературы непрерывно с 1915 года. Мной также составлены методические письма по русской литературе для Отдела заочного обучения при ГАХН. За все время существования этого отдела я неоднократно выступал по поручению Научно-показательной части ГАХН с научно-популярными лекциями в клубах и библиотеках.

Все сказанное, как мне думается, дает мне право считать свою работу в ГАХН небесполезной. Устранение же от этой работы ставит меня в положение человека, изолированного от живой связи с научно-исследовательским учреждением и его научным коллективом.

Я уверен, что мог бы быть полезен для ГАХН и в тех новых условиях ее существования, которые диктуются фактом ее реорганизации».[6]

* * *

Действительным членом Литературной секции ГАХН Гудзий, в то время — профессор 2-го МГУ, стал в октябре 1922 года[7] (ровно через год после ее организации), а в мае 1923 года на него были возложены обязанности заведующего Подсекцией русской литературы (Исторической подсекцией).[8] Велико было участие Гудзия и в образовательном процессе, осуществлявшемся в рамках работы ГАХН — под его началом работала В. А. Дынник-Соколова (занималась, в частности, творчеством А. С. Пушкина и теоретико-литературными проблемами), а Н. В. Кенигсберг-Волькенау и А. Н. Богоявленский, зачисленные практикантами в подсекцию русской литературы в июне 1925 года и в мае 1926 года соответственно, изучали под руководством Гудзия творчество М. Кузмина и И. Анненского.[9]

Гудзий был консультантом по литературе Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении,[10] на заседаниях которого

---

[5] Полный перечень трудов Гудзия этого периода см.: Библиография трудов Н. К. Гудзия / Сост. А. К. Гудзий, В. И. Зайцев, А. Н. Робинсон // Воспоминания о Н. К. Гудзии. М., 1968. С. 152–154.

[6] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. № 170. Л. 31–32 об. В трудовой книжке Гудзия указана точная дата его увольнения — 1 февраля 1930 года, с формулировкой «по сокращению штатов» (Там же. № 763. Л. 4 об.). 14 января 1930 года имя ученого последний раз появляется в протоколе заседания расширенного Президиума ЛС, где к нему, как к представителю секции при Научно-показательной части, обращаются с просьбой принять участие в выработке плана проведения научно-просветительских лекций (Там же. Оп. 6. № 90. Л. 62; № 103. Л. 29).

[7] Об этом свидетельствует и протокол заседания ЛС от 25 октября 1922 года, на котором Гудзий был единогласно избран в число действительных членов ГАХН (Там же. Оп. 1. № 8. Л. 26). См. также: Там же. Оп. 10. № 170. Л. 2 (личное дело, карточка-формуляр); ср. его указание в анкете 1926 года: «Нахожусь на службе в ГАХН с 1922 г.» (Там же. Л. 20).

[8] В трудовой книжке Гудзий указал, что был утвержден действительным членом ГАХН 20 октября 1922 года согласно протоколу заседания Правления ГАХН, однако в тот день состоялось лишь выдвижение его кандидатуры на обсуждение (Там же. Оп. 1. № 8. Л. 22). Заведование Подсекцией русской литературы (Исторической подсекцией) ЛС было закреплено за Гудзием 19 мая 1923 года на заседании Ученого совета ГАХН (Там же. Оп. 10. № 763. Л. 3–4).

[9] Там же. Оп. 6. № 30. Л. 12, 83; № 29. Л. 55. В 1923–1924 годах Богоявленский был одним из участников Семинария по изучению символизма, организованного Гудзием во 2-м МГУ.

[10] Там же. Оп. 1. № 50. Л. 25 об.; Оп. 10. № 170. Л. 9, 16, 11. Консультантом Отдела Гудзий был назначен в сентябре 1923 года (Там же. Оп. 13. №. 5. Л. 12).

выступал с докладами и в прениях по выступлениям коллег. В феврале 1925 года, когда была организована редакция «Литературной энциклопедии», Гудзий также вошел в ее состав и в последующие годы неоднократно участвовал в обсуждении композиции и содержания будущего издания.[11] В 1924–1925 годах Гудзий был представителем (от ЛС) Научно-показательного отдела, среди главных задач которого были популяризация научного знания и организация лекций, концертов, выставок.[12] В 1925–1927 годах он входил в Редакционную комиссию по подготовке «Большой художественной энциклопедии»,[13] некоторое время исполнял обязанности секретаря Бюро Терминологической комиссии по подготовке «Терминологического словаря» при ЛС. В специальном библиографическом томе «Энциклопедии художественных терминов», посвященном литературоведению, за Гудзием в октябре 1927 года была закреплена подготовка библиографии основных работ по истории литературы.[14] В 1929 году, когда было организовано заочное литературное отделение ГАХН, кандидатура Гудзия была выдвинута на должность руководителя отдела русской литературы на Пленуме ЛС 28 января.[15]

Материалы личного дела Гудзия в ГАХН, сохранившиеся в фонде Академии отчеты и протоколы, сопутствующие им документы (РГАЛИ), а также обращение к личному архиву ученого (РГБ) позволяют восстановить даты и названия практически всех докладов Гудзия, прозвучавших на заседаниях и вечерах, организованных разными структурными подразделениями ГАХН:

1923 год

7 мая — «Инструментовка стиха у Тютчева» (заседание ЛС).[16]

1924 год[17]

16 января — «Стихотворные рукописи 1-го литературного конкурса ЛИТО Наркомпроса 1921 года» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).[18]

29 февраля — «Тютчев и немецкий романтизм» (заседание Исторической подсекции ЛС).[19]

29 марта — «Драматические произведения конкурса ЛИТО Наркомпроса» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).[20]

---

[11] Гудзию и И. И. Гливенко было поручено редактирование раздела историко-литературных терминов (Там же. Оп. 6. № 43. Л. 21 об.; № 55. Л. 197; № 16. Л. 46).

[12] Государственная Академия Художественных Наук. Отчет: 1921–1925. М., 1926. С. 75.

[13] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 50. Л. 72 об.; Оп. 6. № 15. Л. 30.

[14] Там же. № 43. Л. 21, 66; № 55. Л. 197; № 29. Л. 49. Ср. в «Отчете о научных занятиях» за 1926–1927 годы: «...состоял консультантом Отдела по распространению художественных знаний и занимался разработкой программ по истории русской литературы и истории славянских литератур» (Там же. Оп. 10. № 170. Л. 27 об.).

[15] Там же. Оп. 6. № 71. Л. 10.

[16] Прозвучал на одном заседании с докладом Г. И. Чулкова «К истории стихотворения Тютчева „Святые горы“».

[17] 20 июня 1924 года на заседании Исторической подсекции ЛС Гудзий выступил с сообщением организационного характера, посвященным двум памятным датам 1925 года — 100-летию со дня рождения И. С. Никитина и 50-летию со дня смерти В. С. Курочкина (Там же. № 6. Л. 93).

[18] Там же. Оп. 13. № 5. Л. 61.

[19] Прозвучал на одном заседании с докладом Г. И. Чулкова «Тютчев и Аксаков» о найденных в Мурановском архиве четырех неизданных письмах Ф. И. Тютчева к И. С. Аксакову (Там же. Оп. 1. № 30. Л. 311).

[20] Там же. Оп. 13. № 5. Л. 61, 130 (краткая аннотация).

28 мая — «Декларации литературных объединений в эпоху Октябрьской революции (По поводу книги Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова «От символизма до „Октября“»)» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).[21]

5 ноября — «Конкурс детской литературы ЛИТО Наркомпроса» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).

26 ноября — «Дружинин как литературный критик» (заседание Подсекции критики и литературоведения ЛС).

5 декабря — «О книге Ходасевича „Поэтическое хозяйство Пушкина“» (заседание Исторической подсекции ЛС).[22]

23 декабря — «Проза 1-го конкурса ЛИТО Наркомпроса (к вопросу о литературе первых лет Октябрьской революции)» (заседание Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении).[23]

1925 год[24]

9 марта — «М. О. Гершензон — историк русской духовной культуры» (речь на заседании Пленума ЛС, посвященном памяти М. О. Гершензона).[25]

10 июня — «Нестор Котляревский — историк русской литературы и общественной мысли» (речь на совместном заседании Пленума ЛС и Общества любителей российской словесности, посвященном памяти Н. А. Котляревского).[26]

---

[21] Там же. Оп. 1. № 30. Л. 331–332.

[22] Прозвучал на одном заседании вместе с докладами М. О. Гершензона «Путешествие в Арзрум» и Л. П. Гроссмана «Мадригалы Пушкина» (Там же. № 50. Л. 60). Об этом заседании Гершензон писал в первых числах декабря 1924 года секретарю Президиума ЛС Р. С. Горст: «Будьте так добры, запросите Н. К. Гудзия вот о чем: по-моему, следовало бы заседание наше (Пушкинское) *в эту пятницу* объявить закрытым, потому что доклады все три *специальные*, вовсе не для публики, и публичность в таких случаях вредна для обсуждения докладов. Если он согласится, то, пожалуйста, так и отметьте на доске» (РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 20. № 20; письмо датируется нами по содержанию). Предложение Гершензона поддержано не было.

[23] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. № 30. Л. 26, 27, 27 об., 28, 29. Тексты сообщений Гудзия «Стихотворные рукописи 1-го литературного конкурса ЛИТО Наркомпроса 1921 года», «Драматические произведения конкурса ЛИТО Наркомпроса», «Конкурс детской литературы ЛИТО Наркомпроса» и аналогичного выступления по материалам поэтического конкурса ЛИТО (заседания Отдела изучения революционного искусства Социологического отделения ГАХН 16 января, 29 марта, 5 ноября и 23 декабря 1924 года) мы не публикуем, поскольку назначение их содержания, с нашей точки зрения, служебное, прикладное, а не собственно историко-литературное. См., в частности: Там же. Оп. 13. № 5. Л. 77–80, 97–99 об., 130.

[24] В 1924/1925 академическом году намечались также доклады Гудзия «О творчестве Языкова» («Из области поэтического творчества Языкова») и «Пушкин и Жуковский» (Там же. Оп. 6. № 15. Л. 5, 76; № 6. Л. 92 об.; перспективный план докладов на 1924–1925 годы), но эти выступления не состоялись.

[25] Повестка заседания включала также доклады Н. К. Пиксанова и М. А. Цявловского. С чтением стихотворений Гершензона выступил Н. К. Гудзий (Там же. Оп. 1. № 50. Л. 72–73; Оп. 6. № 16. Л. 57). За несколько дней до этого заседания, 6 марта состоялось объединенное заседание ГАХН и Общества любителей российской словесности, посвященное памяти Гершензона, с докладами П. С. Когана, П. Н. Сакулина, Н. К. Пиксанова и Л. П. Гроссмана (Там же. Оп. 6. № 15. Л. 39). В феврале 1925 года Гудзию, вместе с Пиксановым и Цявловским, было предложено войти в состав редакционной комиссии по подготовке сборника произведений Гершензона, а также вести переговоры с вдовой ученого М. Б. Гершензон о судьбе его архива; этим же вопросам было посвящено заседание Президиума ЛС 26 февраля (Там же. Л. 35, 41).

[26] На этом заседании прозвучали вступительное слово П. Н. Сакулина «Н. А. Котляревский» и доклад М. Н. Розанова «Работы Нестора Котляревского в области западных литератур», который протокол не зафиксировал (Там же. Оп. 1. № 50. Л. 72–73; Оп. 6. № 16. Л. 67 об.). Намечались в плане работ ЛС на 1925–1926 годы доклад Гудзия «Пушкин и Жуковский», а в плане Комиссии по изучению Достоевского — доклад «Сны Достоевского» (Там же. № 15. Л. 76, 77).

1926 год[27]

28 января — «Литературная деятельность декабристов» (заседание Пленума ЛС — вечер «Декабристы в искусстве»).[28]

26 апреля — «Первые шаги московского символизма (сборники «Русские символисты» 1894–1895 гг.)» (заседание Пленума ЛС).[29]

18 мая — «Поэты пушкинской плеяды» (вступительная речь на литературном вечере — заседании Пленума ЛС).[30]

1927 год[31]

14 марта — «О Гоголе» = «Гоголь и русские символисты» = «Гоголь и символизм» (вечер в ознаменование 75-летия со дня кончины Н. В. Гоголя, организованный Президиумом ЛС).[32]

17 апреля — «Памяти Шевченко» = «Шевченко и русская литература» (заседание Отдела изучения искусств национальных меньшинств при Социологическом отделении).[33]

---

[27] В 1926/1927 академическом году в ряду выступлений, посвященных В. Я. Брюсову и символизму в целом, планировался доклад Гудзия «Рукописное стихотворное наследие Брюсова» (Там же. № 47. Л. 2). Первое упоминание об активной работе над сборником «Ранние русские символисты» (вариант: «Ранний русский символизм») под редакцией Гудзия относится к апрелю–маю 1926 года, а уже 29 ноября на заседании Президиума ЛС Гудзий представил о ней первый отчет. Состав издания, не вышедшего в свет, первоначально включал в себя 6 статей: Л. Я. Гуревич «Символисты в „Северном вестнике“», Н. К. Гудзия «Московские сборники русских символистов», С. Н. Дурылина «Бодлер в русском символизме» («Русский бодлеризм») и «Александр Добролюбов», В. Ф. Саводника «В. Я. Брюсов и французские символисты», Ю. Н. Верховского «Архив Ивана Коневского» (Там же. № 43. Л. 81 об.; № 29. Л. 47). Все они были представлены на заседаниях ЛС в виде докладов. В октябре 1927 года Гудзий предложил авторам распоряжаться статьями по своему усмотрению (Там же. № 55. Л. 243 об.). По данным Г. В. Нефедьева, напечатавшего первую из упомянутых выше работ Дурылина, Гудзий не оставлял надежды опубликовать сборник до 1929 года, в расширенном и измененном составе — без статей Саводника и Верховского, но со статьями А. А. Штейнберг «Журнал „Весы“ как этап в истории русского символизма (1904–1909)», Б. В. Михайловского «Лейтмотивизм как признак стиля русского символизма», Н. Т. Булычева «Блок как теоретик символизма и литературный критик», а также с другой собственной статьей «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» (*Нефедьев Г. В.* К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере. С. 256–258; ср.: *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая. С. 12–13; см. также прим. 34). Весной 1929 года сборник был отвергнут Главлитом, о чем Гудзий сообщил на заседании Президиума ЛС 8 апреля (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 70. Л. 54).

[28] Там же. № 29. Л. 18, 20; Оп. 15. № 7. Л. 42.

[29] Ср.: *Гудзий Н. К.* Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты») // Искусство. 1927. Т. 3. Кн. 4. С. 180–218.

[30] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 15. № 7. Л. 43. В самом начале 1926 года (январь–февраль) намечался также вечер памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина, приуроченный к 100-летнему юбилею. Гудзию было предложено стать его организатором и выступить с докладом «Салтыков — драматург». Содокладчиками Гудзия должны были выступить Н. К. Пиксанов и Л. П. Гроссман. Вечер состоялся 15 февраля — Гудзий и Пиксанов участия в нем не приняли, в программу были включены доклады П. Н. Сакулина, И. Н. Кубикова, Л. П. Гроссмана и артистическая часть (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 29. Л. 19, 23; Оп. 15. № 7. Л. 42). Сборник статей сотрудников ГАХН, посвященный творчеству писателя, был анонсирован в печати еще раньше (Печать и революция. 1925. Кн. 5–6 (июль–сентябрь). С. 560).

[31] В перспективных планах работы Подсекции русской литературы на 1927–1928 годы встречаются названия еще двух несостоявшихся докладов Гудзия — «Драматургия Толстого» и «К истории сюжета романса Пушкина о бедном рыцаре». Впоследствии вышла в свет одноименная статья ученого: Пушкин. Сб. второй / Ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 143–158. Сборник был издан под грифом Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности, действительным членом которого Гудзий был с 15 января 1922 года (*Клеймёнова Р. Н.* Общество любителей российской словесности (1811–1930). М., 2002. С. 587).

[32] Программа вечера включала также вступительное слово П. Н. Сакулина и артистическую часть (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 43. Л. 144).

[33] Там же. Оп. 10. № 70. Л. 33. Два дня спустя Гудзий отмечает в записной книжке: «Доклад о Шевченке (хорошо!)» (РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 3. Л. 53 об.). Ср.: *Гудзий Н.* Письма Шевченка к С. Т. Аксакову // Искусство. 1927. Т. III. Кн. 2–3. С. 157–163.

20 мая — «Тютчев в русском символизме» = «Тютчев в восприятии и поэтической практике русских символистов» (заседание Отдела изучения искусств национальных меньшинств при Социологическом отделении).[34]

31 октября — «Обзор новейших работ по древней литературе» (заседание Пленума ЛС).[35]

18 ноября — «Толстой и Лесков» (заседание Подсекции истории русской литературы ЛС).[36]

19 декабря — [Вступительное слово на вечере поэзии 1840-х годов] (заседание Президиума ЛС).[37]

1928 год[38]

6 февраля — «Федор Сологуб» = «Путь поэта (о Федоре Сологубе)» (вечер памяти поэта на Пленуме ЛС).[39]

7 мая — «О книге П. Н. Сакулина „Русская литература“. Ч. I» (объединенное заседание Подсекции истории русской литературы и Фольклорной подсекции ЛС).[40]

---

[34] Статья «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» (Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 465–549), в основу которой и был положен прозвучавший доклад, имеет датировку: «Москва, 8.IX.1928». Гудзию принадлежала идея, относящаяся к 1923 году (к ней он возвращался и в 1927 году, но замысел реализован не был), подготовить к печати «Тютчевский сборник» (статьи Г. И. Чулкова, Н. А. Котляревского, Н. К. Гудзия и др.) и «Пушкинский сборник» (статьи М. О. Гершензона, Л. П. Гроссмана, И. Н. Розанова, Г. О. Винокура, Б. О. Фохта, В. Ф. Саводника, Н. К. Гудзия), см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 15. Л. 13. Тютчевский сборник, приуроченный к 50-летию кончины поэта, был анонсирован в самом начале 1923 года как полностью готовый к печати (Искусство. 1923. № 1. С. 424).

[35] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 55. Л. 243 об. Нами обнаружен лишь протокол заседания Президиума ЛС, зафиксировавший назначенную дату выступления. С докладом на ту же тему Гудзий выступил 7 декабря 1927 года на заседании Общества любителей российской словесности. Согласно записной книжке ученого, первая часть обзора «Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914–1926» для журнала «Zeitschrift für Slawistik», в котором она в следующем году и появилась (1928. Bd. 5. H. 1/2. S. 153–175), была им завершена 19 сентября, а на следующий день отправлена редактору М. Фасмеру и В. Н. Перетцу (РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 3. Л. 91, 78). Этот факт снижает вероятность того, что состоялись два выступления Гудзия: в стенах ГАХН и на собрании Общества. Тем более что день 31 октября отмечен в записной книжке Гудзия следующей записью: «Засед<ание> Президиума» (Там же. Л. 85).

[36] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 59. Л. 13. Ср. одноименную статью, в основу которой был положен упомянутый доклад: Искусство. 1928. Т. 4. Кн. 1–2. С. 95–128. В марте 1924 года был готов первоначальный вариант статьи под тем же названием, который предназначался для «Толстовского сборника», намеченного к выпуску в Германии в сотрудничестве с московским Музеем Л. Н. Толстого. Возможно, что первый выпуск сборника «Толстой и о Толстом: Новые материалы», вышедший в Москве в том же году и открывший серию под тем же названием, планировался к печати за рубежом. Не исключено также, что это было абсолютно другое по содержанию издание (РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 2. Л. 2, 8; дневниковые записи Гудзия от 19 февраля, 12 и 13 марта 1924 года). Впоследствии, в 1927 году Гудзий, готовя текст доклада для выступления в ГАХН, очевидно, значительно переработал статью. Несомненно, что последующей редактуре она подверглась при публикации в печатном органе Академии — в журнале «Искусство».

[37] Это выступление отмечено в записной книжке Гудзия (Там же. № 3. Л. 93).

[38] В феврале–марте 1928 года также планировался вечер М. Горького (объединенное заседание Общества любителей российской словесности и ГАХН), в устройстве которого должны были участвовать Н. К. Гудзий и В. В. Яковлев. Отметим еще два организационных выступления Гудзия в 1928 году: 5 марта — об упомянутом выше вечере М. Горького и 28 мая — о юбилее Л. Н. Толстого (оба — на заседании Президиума ЛС). 11 июня 1928 года на заседании Президиума ЛС Гудзий был назначен заместителем Л. П. Гроссмана на посту секретаря (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 55. Л. 15, 49, 120, 129).

[39] Там же. Л. 147. В программу вечера памяти Ф. Сологуба, утвержденную на заседании Президиума ЛС 30 января 1928 года, помимо упомянутого доклада Гудзия, входили также «Воспоминания о Сологубе» Г. И. Чулкова и выступления В. В. Лужского, Е. С. Телешевой, А. В. Вербицкого, Л. М. Кореневой и С. В. Шервинского с чтением произведений Сологуба. В музыкальной части вечера выступили О. Н. Бутомо-Названова и А. В. Шацкес.

[40] Книге Сакулина «Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей» (Ч. 1. Литературная старина. М., 1928), выпущенной под грифом ГАХН, было посвящено и выступление Ю. М. Соколова, прозвучавшее на том же заседании (Там же. № 59. Л. 2).

29 ноября — «Чернышевский как критик» (объединенное заседание Пленума ЛС и Общества любителей российской словесности, посвященное 100-летию Н. Г. Чернышевского).[41]

7 декабря — «Лев Толстой о русской литературе» (заседание Подсекции истории русской литературы ЛС).[42]

1929 год

13 ноября — [Речь на Торжественном совместном заседании ЛС, Общества любителей российской словесности и Общества им. А. П. Чехова, посвященном 25-летию со дня смерти писателя].[43]

* * *

Первым зафиксированным в протоколах выступлением Гудзия стал его доклад «Инструментовка стиха у Тютчева» на заседании ЛС 7 мая 1923 года. Сохранился протокол этого заседания, но текст доклада и его тезисы в протоколе отсутствуют, как и в материалах личного архивного фонда Гудзия в РГБ. О содержании доклада мы можем получить представление из двух источников — заключительного выступления Гудзия на упомянутом заседании, а главное — из статьи ученого «Аллитерация и ассонанс у Тютчева», появившейся в 1927 году в журнале «Slavia», но во всех основных своих положениях восходящей к докладу (об этом говорит и дата ее окончания, указанная автором: «22.X.1923»).[44]

Доклад Гудзия и его статья были одними из первых в литературе о Тютчеве опытов исследования «инструментовки стиха» — факт немаловажный и заслуживающий быть упомянутым. В 1923 году вышла в свет работа А. В. Артюшкова «Звук и стих». В ней несколько страниц было посвящено анализу «йотово-мягкой» инструментовки ряда стихотворений поэта: «Тютчев „музыкален“, потому что мягок, куда ни глянешь, всюду привычные, родные поэту легкие, слегка избалованные, слегка пресыщенные мягкие звуки <...> Поэт играет всевозможными видами мягкости, оттеняя ею твердость, и слышит все оттенки богатейшей русской фонетики».[45] В 1924 году Б. М. Эй-

---

[41] Там же. № 71. Л. 1, 6, 7. В программу заседания были также включены доклады Н. К. Пиксанова («Сердце и разум Чернышевского»), Н. Н. Апостолова («Толстой и Чернышевский»), Н. Л. Бродского «Роман „Что делать“ и его читатели» и Л. А. Аксельрод («Эстетические взгляды Чернышевского»). 17 сентября 1928 года на заседании Президиума ЛС рассматривался вопрос об устройстве заседания, посвященного Н. Г. Чернышевскому, а Гудзию было предложено подготовить доклад о сочинениях писателя в жанре литературной критики (Там же. № 55. Л. 4). Ср.: Там же. № 36. Л. 144, 194.

[42] Там же. № 74. Л. 1. В производственном плане Подсекции истории русской литературы доклад фигурировал под названием «Поэтические вкусы Толстого» (Там же. Оп. 13. № 17. Л. 31). Это выступление впоследствии легло в основу статьи Гудзия: Толстой о русской литературе // Эстетика Льва Толстого: сб. статей / Под ред. П. Н. Сакулина. М., 1929. С. 185–239. Укажем тему еще одного выступления ученого, которое намечалось в 1928 году, но не состоялось — «Проза Некрасова» (Там же. № 17. Л. 4, 32).

[43] Там же. Оп. 6. № 90. Л. 69. На этом же заседании состоялись выступления П. Н. Сакулина, П. А. Маркова и И. Н. Кубикова. 23 сентября на заседании Президиума ЛС Гудзию и А. К. Шнейдеру была поручена его организация (Там же. № 70. Л. 1а). 27 сентября 1929 года Гудзий выступил на распорядительном заседании с организационным сообщением о планах работ Подсекции истории русской литературы на ближайшие два года. Основная их тема была обозначена следующим образом: «Стиль русского натурализма» (Там же. № 74. Л. 61).

[44] *Гудзий Н.* Аллитерация и ассонанс у Тютчева // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 1927. Roč. V. Seš. 3. S. 456–469. В корпусе подготовительных материалов к статье (см.: ОРКиР НБ МГУ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 10) текст выступления или тезисы Гудзия не обнаружены.

[45] *Артюшков А.* Звук и стих. Пг., 1923. С. 70, 72. В систематическом и наиболее полном виде особенности фоники стиха Тютчева, в том числе пересекающиеся с наблюдениями Гудзия,

хенбаум вскользь коснулся в одной из своих книг аллитерации плавных (в сочетании с «г») в стихотворении Тютчева «Весенняя гроза». Этот факт позволяет нам предположить, что ученый нашел возможность познакомиться с докладом Гудзия и даже вступить в легкую полемику с одним из его положений (на правах уточнения и придания ему большей объективности). Мы имеем в виду следующие строки Эйхенбаума: «...дело совсем не в звукоподражании грозе — при чем тут искусство? Звукоподражание и самая тема реализует и укрепляет общую акустическую основу — мощную, яркую инструментовку, абстрактно-речевой замысел».[46] Наконец, в 1929 году С. И. Бернштейн выступил в печати со статьей «Опыт анализа „словесной инструментовки“ (Первая строфа стихотворения Тютчева «Сумерки»)»,[47] пойдя вслед за Гудзием в выборе предмета исследования и отчасти — в методах его научной разработки.

Вернемся к статье Гудзия и позволим себе, не располагая текстом доклада, попытаться определить на основе содержания статьи общие проблемно-тематические «контуры» доклада. Очевидно, что от доклада она отличается, главным образом, бóльшим количеством примеров-иллюстраций — это совершенно естественно и объяснимо, поскольку сам жанр устного выступления, каким бы продолжительным оно ни было, не позволил бы докладчику привести их в полном объеме. Вот главные, ключевые, на наш взгляд, положения статьи, а следовательно, и доклада: «Мотивы и темы, характерные для данного художника, неотделимы от манеры их словесного выражения <...> Когда будут обследованы приемы поэтического мастерства Тютчева, смысл его творчества тем самым станет для нас яснее[48] <...> Даже при беглом и поверхностном усвоении стихов Тютчева инструментовка их импонирует своим богатством. Особенно это приходится сказать относительно аллитерации. Аллитерируют у Тютчева, главным образом, плавные (*р*, *л*), но не только они одни. На аллитерации плавных у Тютчева построен ряд стихотворений, причем аллитерирующие звуки часто проходят через всю пьесу <...> У Тютчева, как и у большинства русских поэтов, чаще всего аллитерируют плавные или в чистом виде, или — реже — в соединении с другими согласными звуками. Аллитерация плавных — звуков сонорных — наиболее свойственна русскому языку, и она, естественно, должна была занять преобладающее место в пьесах Тютчева».[49]

Гудзий отметил в статье основные цели используемой поэтом инструментовки, которые ученый определяет как «способы музыкальной изобразительности поэтической речи»: «звукоподражание», соблюдение «звуковой симметрии», стремление придать стиху бóльшую музыкальность, открытость, легкость и плавность, не связанные с тематикой (при этом он указывает примеры аллитераций на *с* и *з*, *п* и *б*, а также использование в этих же целях звуковых сочетаний *гр*, *бр*, *пр*, *тр*, *др*). Наконец, Гудзий обратил внимание на то, что зачастую в стихе у Тютчева аллитерацию сопровождает ассонанс, построенный на гласных (*у*, *ю*, *о*) и на интонационном уровне сообщающий образам поэтического текста бóльшую выразительность. Процитируем еще один фрагмент статьи: «Помимо тех случаев, когда аллитерация (и ассонанс) определенных звуков проходят через всю пьесу, у Тютчева очень часты случаи

Артюшков представил четырьмя годами позднее в своей работе «Стиховедение. Качественная фоника русского стиха» (М., 1927).

[46] *Эйхенбаум Б.* Сквозь литературу: сб. статей. Л., 1924. С. 207.

[47] Поэтика: сб. статей. Л., 1929. Т. 5. С. 156–192.

[48] Приведем в этой связи более позднее ироничное замечание Л. В. Пумпянского: «...для романтического поэта „теория словесности“ превращается в натурфилософию» (Урания: Тютчевский альманах (1803–1928). Л., 1928. С. 15).

[49] *Гудзий Н.* Аллитерация и ассонанс у Тютчева. S. 456, 457, 467.

инструментовки отдельных строк и строф. В большинстве случаев здесь не приходится искать соответствия характера инструментовки со смысловым значением строфы или строки, но все же такое соответствие встречается далеко не редко».[50] В этих случаях, как показывают примеры, приведенные ученым в статье, они служат созданию «упругой, резкой инструментовки» или, напротив, плавной и размеренной. Помимо примеров, когда «первенствующую роль играла аллитерация», а ассонанс «был, в известной мере, элементом привходящим», Гудзий в своей статье обратил внимание и на обратные случаи — «преимущественного пользования ассонансом при употреблении и аллитерации, как подсобного приема» («О чем ты воешь, ветр ночной...», «Ночные голоса»), а также на «факты равноправного существования обоих видов инструментовки стиха» («Сумерки»). Завершалась статья Гудзия следующим обобщающим выводом: «Воспитывая свой вкус на материале романтической поэзии, Тютчев сам стремился приблизить слово к музыке. Отсюда его пристрастие к аллитерации и ассонансу».[51]

Сравнивая основные положения статьи с высказанными в процессе обсуждения доклада замечаниями коллег ученого, нельзя не заметить, что многие из них Гудзий, готовя текст работы к печати, учел внимательнейшим образом.

Протокол № 18 заседания Литературной секции Р.А.Х.Н. от 7/V–23 г.

Присутствовали: Н. К. Пиксанов, Г. И. Чулков, И. Л. Поливанов, Н. К. Гудзий, М. А. Цявловский, И. Н. Розанов, Ю. М. Соколов, Б. И. Ярхо, Н. Н. Лямин, Н. М. Ченцов, Л. П. Гроссман, М. А. Петровский, О. Э. Озаровская, Н. П. Кашин, М. Д. Эйхенгольц, Г. А. Шенгели.

Председатель Н. К. Пиксанов Секретарь Л. П. Гроссман

<...>

Доклад Н. К. Гудзия «Инструментовка стиха у Тютчева»
Прения по докладу

Г. А. Шенгели: указывает, что прежде чем говорить о преобладании у данного поэта тех или иных звуковых групп, следует установить среднее отношение звуков в русском языке; данные группы имеют, по мнению докладчика, то или иное звукоподражательное или смысловое содержание, но этим роль инструментовки далеко не исчерпывается: рифмы или внутренние рифмы доказывают, что слух привыкает к тем или иным звукам на определенных местах стиха; этому же служит и ритменная размеренность.

Н. Н. Лямин:[52] указывает, что в работе, задающейся целью формального анализа, <1)> необходимо приводить определенные цифры, без чего невозможно сравнение с данными других поэтов;[53] 2) необходимо подчеркнуть различие между простой аллитерацией, аллитерацией звукоподражательной и аллитерацией, эмоционально окрашенной; 3) нельзя ограничить тему инструментовки изучением аллитерации и ассонансов.

---

[50] Там же. S. 463.

[51] Там же. S. 469.

[52] Лямин Николай Николаевич (1892–1942, погиб в заключении) — литератор, переводчик, библиотечный работник, в ГАХН заведовал Кабинетом теоретической поэтики (впоследствии — ученый секретарь одноименной Подсекции в составе ЛС).

[53] В статье, а значит, и в докладе Гудзий сделал на этот счет дополнительную оговорку: «...показать качественные перспективы казалось мне важнее, чем количественные» (Там же. S. 469).

И. Г. Эйгес:[54] считает, что наименее существенным является учет звуков, оторванных от целого ряда других средств поэтического творчества; область, отмеченная докладчиком, наиболее уловима рассудком, но это не делает ее важнейшей в поэтическом творчестве. Нельзя абстрагировать аллитерацию от ритмических данных стиха — необходимо считаться с данными поэтической фонетики, как образной, так и звуковой.

М. Д. Эйхенгольц:[55] <...> в докладе необходимо при изучении инструментовки считаться не с отдельными строками, а с цельным стихотворением; эмоциональная сцепка гласных чрезвычайно сложна и в докладе недостаточно обоснована, тем более что у самих поэтов этот момент крайне импрессионистичен; необходимо поэтому обращаться к физиологическим данным учения о звуке и принимать во внимание весь комплекс звуков данного стихотворения или даже строфы.

Н. К. Пиксанов: <...> от инструментовки исследователь нередко переходит к символике звуков, области чрезвычайно спорной; необходимо, прежде всего, условиться о фактическом состоянии звуков в данном языке: характерно и нужно лишь то, что телеологично преднамеренно у поэта, и поэтому крайне нужны точные статистические учеты, ограничение субъективизма при оценках звукописи, иначе в обыденной практической речи можно на каждом шагу встречать приемы инструментовки.

Н. К. Гудзий: соглашается с тем, что учет звуковых групп в стихотворном языке чрезвычайно важен, но трудно указать те критерии и те формы, по которым возможно установление таких форм; но у поэта имеется преднамеренность. На рифме докладчик не останавливался, т<ак> к<ак> она наименее интересна у Тютчева. Цифры могут быть полезны, но для ознакомления аудитории важны выводы, а не голая статистика; звукоподражание есть разновидность аллитерации и ассонанса, и потому нет необходимости их <разграничивать>.[56] История литературы в своих оценках почти сплошь субъективна, и потому этого недостатка нельзя избежать <текст поврежден. — *М. Ф.*>. Углубленная органическая точка зрения на поэзию подчеркивает связь каждого стихотворного момента с творческим комплексом, но это не должно устранять анализа стихотворной техники; аллитерацию и ассонансы следует признать обязательным украшением поэзии, быть может, не абсолютно ценным, но намеренным. Они служат для строки большой музыкальной значительности; в докладе имеется анализ не только целых строф, но и анализ целых пьес. Аллитерации можно наблюдать программные и не программные; <...> одна аллитерация может быть намеренной и служить известному смыслу, другая же служит лишь музыкальной <пропуск слова. — *М. Ф.*> стиха.[57]

* * *

Переходя к следующему докладу ученого, подчеркнем, что в статье «Аллитерация и ассонанс у Тютчева» (завершенной осенью 1923 года, но напечатанной

[54] Эйгес Иосиф Романович (1887–1953) — музыковед, историк литературы, библиограф; в ГАХН под руководством Гудзия разрабатывал тему «Русская литературная традиция в творчестве символистов». Это зафиксировано, в частности, в протоколе заседания Президиума ЛС 21 ноября 1927 года: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 55. Л. 128.

[55] Эйхенгольц Михаил Давидович (1889–1953) — специалист по западноевропейской литературе, переводчик, писатель; в ГАХН состоял членом Комиссии по исследованию художественной жизни в эпоху Октябрьской революции при Социологическом отделении и заведовал Кабинетом революционного искусства Запада.

[56] Пропуск слова в протоколе.

[57] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 2. Л. 65–66 (машинопись).

спустя почти четыре года) Гудзий сам наметил и определил для себя ту тему, вновь связанную с творчеством Тютчева, к разработке которой он вскоре и приступил, свидетельством чему служит печатаемый нами ниже текст его выступления: «Свое искусство воплощения музыкальной стихии в слово *Тютчев унаследовал от немецких романтиков, с которыми у него явная и органическая связь*».[58] Установлению этой связи на самом высоком уровне — поэтики и философского мировоззрения — и были посвящены дальнейшие изыскания Гудзия. 29 февраля 1924 года он записывает в дневнике: «Вечером доклад мой в Академии худож<ественных> наук — „Тютчев и немецкий романтизм“. Сам я докладом не очень доволен. Все же он довольно поверхностен. Настроение мое было неважное».[59] В личном архиве Гудзия сохранился протокол заседания, зафиксировавший и основные положения прозвучавшего доклада, и выступления в прениях, — они свидетельствуют об обратном и лишний раз подчеркивают самокритичность и скромность ученого. Публикацию текста доклада Гудзия нам хотелось бы предварить кратким, но необходимым в данном случае историко-литературным экскурсом.

Тесной, «кровной» связью Тютчева с западноевропейской культурой и литературой, в частности — с романтизмом, и, главным образом, с немецкими романтиками его творчество и поэтическое мироощущение было отмечено на самом раннем этапе — уже в 1820-е годы вышли из печати его переводы из Ф. Шиллера, Г. Гейне и И. В. Гете, которые получили одобрительные отклики в печати. П. В. Киреевский, посетивший в 1829 году в Мюнхене Ф. В. Й. Шеллинга, в своем письме передавал следующую оценку, данную немецким философом Тютчеву, которому в ту пору еще не исполнилось двадцати шести лет (к этому времени они были лично знакомы[60]): «...выдающийся, образованнейший человек, с которым всегда приятно общаться».[61] В 1830 году И. В. Киреевский в «Обозрении русской словесности 1829 года» назвал Тютчева, С. П. Шевырева и А. С. Хомякова «поэтами немецкой школы», родоначальником которой он считал В. А. Жуковского.[62]

Гудзий рассмотрел избранную проблему в своем докладе в том ракурсе — временном и тематическом, — в котором до него, за редчайшими исключениями, никто из исследователей ее не затрагивал — обратился к творческим связям Тютчева с ранними немецкими романтиками. Напомним, что еще в конце 1860-х годов поэт характеризовался представителями левой демократической критики как «жрец беспредметного, бесцельного лиризма», — так его определял поэт и журналист Д. Д. Минаев, зачастую опускаясь до примитивных оскорбительных определений в своих печатных выступлениях.[63] Таковы были, надо полагать, в понимании представителей этого лагеря отечественной критики основные черты той литературной школы, наследником которой на русской почве являлся Тютчев. Напротив, такие представители почвеннической, славянофильской, религиозной критики, как Н. Н. Страхов, называли его «поэтом очень глубокомысленным, очень

---

[58] *Гудзий Н.* Аллитерация и ассонанс у Тютчева. S. 469; курсив наш. — *М. Ф.*

[59] РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. № 2. Л. 5.

[60] Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Сост. Т. Г. Динесман, С. А. Долгополова, И. А. Королева, Б. Н. Щедринский; отв. ред. Т. Г. Динесман. М., 1999. Кн. 1. 1803–1844. С. 77, 82. См. также: Русский архив. 1874. № 10. С. 393–396 (свидетельство К. Пфеффеля).

[61] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888. Т. 1. С. 201 («Das ist ein sehr ausgezeichneter Mensch, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man zich immer gern unterhält»; пер. с нем. наш. — *М. Ф.*). О знакомстве и общении Тютчева с Ф. В. Тиршем и Шеллингом П. В. Киреевский сообщал, в частности, в письме к брату И. В. Киреевскому 12 (24) сентября 1829 года (Русский архив. 1905. № 5. С. 121).

[62] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 25.

[63] Дело. 1869. № 5. Отд. II. С. 26.

высоким по строю своей лиры».[64] А. А. Григорьев поддерживал тютчевское «убеждение в реальном бытии сил» и отмечал «глубокую религиозность» его поэзии.[65]

Ситуация изменилась лишь спустя четверть века — А. М. Скабичевский, будто отвечая Минаеву, охарактеризовал Тютчева следующим образом: «жрец чистого искусства».[66] В 1896 году П. П. Перцов отметил одну из черт поэтического мировоззрения Тютчева, которая, на наш взгляд, также роднит его с немецкими романтиками раннего периода, а именно — «„пантеистическое“ безразличие Тютчева, его осторожное воздержание от абсолютной формулировки нравственных категорий конкретного человеческого мира».[67] А. Л. Волынский в 1900 году в статье «Философия и поэзия» писал об отношении Тютчева к природе, и в этом вновь нельзя не увидеть прямое указание на его родство с немецкими романтиками: «Тютчев называет бездну жизни безымянною. Боги набросили на нее „блистательный покров“. Но ночью бездна обнажается пред нами „с своими страхами и мглами“. Никто не описывал ночь такими волшебными красками, как Тютчев. От каждой черты веет загадкою, которая увлекает именно тем, что в ней есть зловещего, темного, непонятного <...> Он никогда не забывает, что за светлым днем следует темная ночь, что под сознанием добра и красоты шевелится бездна всякого безумия. Он знал, что глубочайшая сущность мировой души, основа всего мироздания заключена в хаосе, в демонических порывах, восстающих на все положительное и должное».[68] В статье «Современная русская поэзия» двумя годами позднее Волынский высказал очень важные для понимания поэтической родословной Тютчева мысли, назвав его «поэтом ночных откровений, поэтом небесных и душевных бездн», передающим их «смутную жизнь в тихих, трепетных словах»: «Иногда эти слова производят неожиданное впечатление в русской речи. Откуда они? Их не было в языке Пушкина <...> Ночных впечатлений нельзя передать языком Пушкина так, как они передаются языком Тютчева. Пушкин превращает хаос в конкретность, мистику мира в эмпиризм мира, а Тютчев, наоборот, все эти конкретности, все эти эмпиризмы превращает в хаос, в мистику <...> Жизнь человеческая объята снами, и светлый день есть именно сон, от которого мы пробуждаемся в ночь, в смерть. Такова поэзия и философия Тютчева».[69] Бальмонт, словно вторя Волынскому, подчеркивал, что все в поэзии Тютчева «исполнено стихийной значительности, окрашено художественным мистицизмом». «Это поэзия, — писал он, — более интимная, находящая свое содержание не во внешнем мире, а в бездонном колодце человеческого „я“, созерцающая Природу не как нечто декоративное, а как живую цельность».[70]

В. Ф. Саводник, автор работы «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева», опубликованной в 1911 году, называет те основные черты его поэтического мировосприятия и философии, которые, как нам представляется, в значительной степени родились в его поэзии и получили свое дальнейшее развитие под влиянием немецкого романтизма: 1) «природа как постоянный источник вдохновения», будивший «творческую фантазию»;

---

[64] Заря. 1870. № 9. С. 129.

[65] *Григорьев А.* Соч. / Под ред. Н. Н. Страхова. СПб., 1876. С. 378, 625.

[66] *Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы. 1848–1892 гг. СПб., 1897. С. 83.

[67] Философские течения русской поэзии: Избранные стихотворения и критические статьи С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского [и др.] / Сост. П. Перцов. СПб., 1896. С. 220.

[68] *Волынский А.* Борьба за идеализм: Критические статьи. Пб., 1900. С. 230, 227–228.

[69] *Волынский А.* Современная русская поэзия // Северные цветы на 1902 г., собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902. С. 230, 231.

[70] *Бальмонт К. Д.* Горные вершины: сб. статей. М., 1904. Кн. 1. С. 64.

2) два начала, питавшие поэзию? — «аполлоновское» и «дионисийское», составлявшее «истинную основу творческой индивидуальности Тютчева»; 3) интерес поэта к «бурным явлениям природы», стоявший «в тесной связи с некоторыми чертами его миросозерцания и особенностями душевного склада»; 4) растворение души поэта «среди окружающей природы», утрата «сознания резкой грани, разделяющей *я* от *не-я*», «жажда самозабвения, жажда слияния с макрокосмом»; 5) поэтическое переживание «рокового разрыва между человеком и природой» и связанные с ним «страх смерти, страх уничтожения», «духовная непроницаемость личности»; 6) проявление в любви «роковой силы самоутверждения, делающей личность „игрой и жертвой“ собственных страстей и вожделений»; 7) постижение посредством «интуитивного прозрения» «изнанки мировой жизни» — «без-óбразного и безобразного *хаоса*»; 8) «сознание пустоты и бессмысленности бытия, как человеческого, так и мирового», «настроение мировой скорби». Наконец, Саводник прямо находил в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...» влияние натурфилософии Шеллинга и Л. Окена.[71]

Завершим отступление двумя очень существенными для предмета нашего исследования цитатами. Наиболее лаконичным, но имеющим вес фундаментального обобщения наблюдением мы считаем высказанное В. М. Жирмунским в книге «Немецкий романтизм и современная мистика» замечание: «Тютчев вырастает всецело на почве мироощущения и идей немецкого романтизма».[72] Второе высказывание принадлежит А. И. Белецкому, который в 1927 году в статье «Очередные вопросы изучения русского романтизма» подчеркивал, что Тютчев «до конца сохранил связь с „немецкой струей“ русского романтизма» и что именно «романтизм выдвинул Тютчева, сделавшегося фактом русской литературы».[73]

Все оценки и наблюдения, которые мы привели выше, напрямую соотносятся с содержанием публикуемых нами протокола заседания и доклада Гудзия и подкрепляют основные их положения. Нам представлялось важным показать, что, затронув проблему, стоящую на границах разных областей знания — литературоведения, философии и отчасти даже психологии творчества, Гудзий имел значительное число предшественников — «единомышленников». Его работа была и фундаментальным обобщением, но главным образом — преломлением в этом свете собственных новаторских наблюдений, касающихся столь своеобразной литературоведческой проблемы, — и большим шагом вперед на долгие годы.[74]

---

[71] *Саводник В. Ф.* Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. С. 164–165, 179–180, 184–187, 190–192, 197–198, 209–210.

[72] *Жирмунский В.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 197. Ср.: «...Пушкин завершает собой развитие классической традиции в русской поэзии, восходящей к Державину и Ломоносову и воспитанной на французской поэтической культуре, в противоположность Жуковскому, Тютчеву и Фету, примыкающим к немецкой романтической линии <...> Лермонтов и Тютчев, во многом связанные с Пушкиным, подчинили материалы, заимствованные от учителя, законам иного, романтического стиля <...> Пушкинскую традицию совершенно вытеснила другая, романтическая традиция, восходящая к Жуковскому» (*Жирмунский В. М.* Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования. Пб., 1922. С. 92).

[73] Русский романтизм: сб. статей / Под ред. А. И. Белецкого. Л., 1927. С. 17, 24. Об этом же писал и Д. Д. Благой, особенно отмечая сохранение Тютчевым творческой независимости при восприятии литературного и философского опыта немецких романтиков и «глубоко-органический характер, который имело воздействие на Тютчева тематики и стиля немецкого романтизма»: «...следуя в основном романтической тематике, Тютчев вносит в нее некоторые специфически-свои мотивы, сообщает ей специфическую окрашенность» (*Благой Д.* Три века: Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933. С. 193).

[74] Единственный опыт приближения другого исследователя к теме, избранной Гудзием для своего доклада, в рамках работы ГАХН — это доклад П. С. Попова «Тютчев и Шеллинг», зачитан-

Протокол № 7 заседания Исторического отдела
Литературной секции от 29 февраля 1924 г.

Присутствовали: Л. П. Гроссман, П. И. Карпов, М. А. Петровский, И. Л. Поливанов, Д. С. Усов (секретарь), Г. И. Чулков, В. В. Яковлев.

Председатель: Н. К. Гудзий Секретарь: Д. С. Усов

<...>

Заслушано 3. Доклад Н. К. Гудзия «Тютчев и немецкий романтизм» (на время доклада Гудзия председательствовать доверено Чулкову).

Поэзия Тютчева долго ждала своего истолкования.

В пушкинскую пору поэзия Тютчева протекала в русле классического направления, а когда тон был дан Лермонтовым — она шла уже в русле *романтического* направления, но не того, которого держался Лермонтов. Тютчев является в своей поэзии, с ее тематической и формальной стороны, отразителем тех настроений, которые характерны для раннего немецкого романтизма в его йенскую и отчасти гейдельбергскую пору. Докладчик излагает черты коренного мировоззрения романтиков и прослеживает многообразные отражения их на всем пространстве тютчевской поэзии.

Позитивный человеческий ум для Тютчева — самодовольное безумие, зарывшееся в песках и мнящее, «что слышит струй кипенье, что слышит ток подземных вод»; человеческая мысль — струя водомета, упорно падающая вниз.

На ряде образцов из Новалиса и Тика[75] докладчик показывает разлитое в творчестве романтиков *чувство природы*; это чувство находит мощное воплощенье у Тютчева (хотя бы в стих<отворении> «Нет, моего к тебе пристрастья я скрыть не в силах, мать-земля...»).

Романтический идеал светлой бездеятельности (у Шлегеля), тема вечного странничества также отражаются у Тютчева. Подобно романтикам, Тютчев охотно рисует природу в ее расцвете, избытке и полноте; докладчик отмечает изобилие звуков и красок в романтической природе; у Тютчева — «...И мир цветущий, мир природы, избытком жизни упоен». Природа для Тютчева и для романтиков не мертвый механизм, а стройный космос.

Констатируется преобладание стихотворений, посвященных весне и лету и стихии грозы у Тютчева. Правда, Тютчев любит и ущербную природу — но потому, что ущерб этот говорит ему о недавнем преизбытке.

Влечение к дисгармоническому бытию, представление о Хаосе, как первооснове мира, типично и для романтического сознания; это положение иллюстрируется образцами из Тика (говорящего прямо о «пустом, глухом хаосе»). Докладчик ссылается на Гофмана (для которого мир — иллюзия, который ощущает беспричинные страхи, присутствие враждебных сил, видит борьбу мировых начал) и на Арнима (для которого мир — маскарад и который считает, что в мире по-настоящему живут только сомнамбулы, обладающие вторым зрением). Тема снов проходит у Тютчева через все его творчество. Человек и все человеческое для Тютчева (как и для Гофмана и Арнима) преисполнено бессилия; утверждается власть рока. «Роковой» — это излюбленный эпитет Тютчева.

Далее докладчик касается вопроса о чувственной любви в романтической литературе («Вильям Ловель» Тика, «Люцинда» Шлегеля, «Годви» Брентано

ный на заседании Пленума Философского отделения РАХН 15 апреля 1924 года (см.: Государственная академия художественных наук. Отчет: 1921–1925. С. 20, 117; Искусство как язык — языки искусства. Т. 2. С. 775–776).

[75] О перекличках поэзии Тютчева с произведениями Новалиса и Л. Тика см., в частности: *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 193–194, 221.

и др.). И для Тютчева любовь — страсть, близкая к хаосу, любовное чувство неотразимо. Отмечается жестокость любви у романтиков и отражение этого момента у Тютчева; близнец любви — самоубийство; указывается на апофеоз самоубийства в литературе романтизма и на самоубийство в личной биографии немецких романтиков. У Тютчева отразилось и влечение к злу, наблюдаемое у романтиков («Mal'aria»); поэту мило также все то, что напоминает смерть.

Докладчик останавливается на вопросе о романтической иронии, возникающей в результате сознания *невоплотимости* человеческих порывов в искусстве, сознания разлада между тем, что художник может и что он должен. О бессилии искусства говорит Тик в «Штернбальде» («Как бессильны твои звуки в сравнении с мощным органом природы...»), Вакенродер и др. Романтики стремятся приспособить внутренние качества слова к идеалу выразительности. Тик пишет словесные симфонии и пытается выразить словами характер музыкальных инструментов. Романтики стремятся к густым, ярким краскам и в то же время для них характерна склонность говорить полутонами. Для романтиков типично пристрастие к архаизму языка (то же и у Тютчева).[76]

Докладчик упоминает о поэтике Тютчева; он указывает на богатство метафор (напр<имер>, «румяное громкое восклицанье» солнечного луча), инструментовки, ассонанса и строфики у Тютчева, на яркость и точность тютчевского эпитета.

Заключая свой доклад, Н. К. Гудзий говорит, что пытался в нем схематично наметить основные особенности сходства Тютчева с романтиками. Тютчев — один из наиболее ярких выразителей романтического жизнеощущения в русской поэзии. Тютчев был насадителем у нас романтической культуры и одним из крупнейших ее участников; то, что в Германии было сделано совокупными усилиями, Тютчеву пришлось проводить одному. Тем виднее его роль и в русской поэзии и, может быть, в русском философском мировоззрении. Н. К. Гудзий приходит к следующим выводам:

1. Причина малой популярности Тютчева в России, особенно в первую половину его литературной деятельности, заключается в значительной степени в том, что он возрос на культуре немецкого романтизма, преимущественно раннего, тогда как наша поэзия в ту пору развивалась в русле классической традиции Пушкина и его плеяды.

2. Связь Тютчева с немецким романтизмом сказывается в его взгляде на роль иррационального в жизни, в концепции мира и природы, в переживании и поэтической трактовке чувства любви.

3. Тютчевская концепция хаоса стоит также в тесной связи с высказываниями Тика, Арнима, Гофмана, Шеллинга. Как и романтики, Тютчев ощущал присутствие хаоса не только в мире природы, но и в душе человека. Отсюда жадная тяга души к злу, к смерти, к роковой и запретной любви.

4. Одно из центральных романтических учений — учение об иронии также не осталось чуждым Тютчеву и ярче всего сказалось в ст<ихотворении> «Silentium».

5. Убедительнее всего Тютчева с романтиками сближает его поэтика, приемы его творчества (тютчевская метафора, ритмика, строфика, эвфония).

6. Тютчев отнюдь не покрывался западной романтической традицией и не во всем, разумеется, совпадал с ней. Прикосновение Тютчева к романтизму было органичным, и он, наряду со своими западными собратьями, явился

[76] Ю. Н. Тынянов отмечал у Тютчева «ориентацию на архаических поэтов» (*Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. Л., 1924. С. 60) и утверждал, что поэт «является канонизатором архаической ветви русской лирики» (*Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 387).

одним из видных участников того литературного и философского течения, которое так захватило умы XIX ст<олетия>.

М. А. Петровский[77] находит, что вопрос об отношении Тютчева к романтизму и после доклада Н. К. Гудзия, приводившего очень яркие сближения, в основной своей части остается неразрешенным. Ранние стихи Тютчева относятся к 20-м годам. Интересно выяснить реальную почву для рецепции романтического мироощущения у Тютчева: это зависит от возможности использования биографического материала в этом направлении.

Оппонент касается отдельных пунктов доклада. Так, напр<имер>, в трактовке вопроса о романтическом культе детскости замечается некоторая натяжка у докладчика; о таком культе вряд ли можно говорить в связи с творчеством Тютчева. В вопросе об отношении Тютчева к разуму у докладчика усмотрено нечто более специфическое, нежели то, о чем можно говорить. Проблема эта слишком подчеркнута; у романтиков она гораздо сложнее. Говоря об отношении Тютчева к разуму, может быть, можно было говорить и о Паскале (выражение «мыслящий тростник»).

Вообще, в докладе придана специфичность общезначным симптомам. Роль романтизма Тютчева ограничена указанием на связь с ранним немецким романтизмом (понимаемым к тому же очень широко — к нему причисляется и Арним).

У Тютчева можно было констатировать известную связь с Гейне — в композиционных приемах, в особой иронии, уже отошедшей от романтической; оппонент ссылается на стихотворения Тютчева «Ученый пастор сановитый...», «На камень жизни роковой...» — это последнее стихотворение построено аналогично гейневским (сходство, напр<имер>, в заключении его: «А спорил в жизни только раз — на диспуте магистра»).

Далее оппонент указывает, что момент *ущербности* в лирике Тютчева также истолковывается докладчиком в свою пользу; любовь к ущербной природе можно связать с любовью Тютчева к злу вообще.

Возвращаясь к вопросу об отношении Тютчева к разуму, оппонент напоминает о встрече Тютчева с Шеллингом, о которой рассказал Пфеффель. Философия Шеллинга, хотя и относящаяся к 30-м годам, органически связана с ходом романтического развития мысли. Сам Тютчев в отношении религии для нас очень неясен. У Тютчева наблюдается всеобщая анимизация; даже ко времени и пространству Тютчев относится как к живым сущностям.

В заключение М. А. Петровский указывает, что было бы интересно обследовать метафоры и тропику Тютчева; работа в этом направлении могла бы дать много материала для сближения Тютчева с немецкими романтиками.

А. К. Горностаев[78] выдвигает вопрос, почему поэзия Тютчева, как это отмечено докладчиком, прошла незамеченною при своем появлении. Интересно было <бы> отметить то *новое*, что принес Тютчев из Германии. Общие черты с романтиками, указанные для Тютчева, могли бы быть найдены и у целого ряда других писателей — до Достоевского включительно.

Л. П. Гроссман считает, что в прочитанном докладе представлены prolegomena к более углубленному изучению той же темы. Желательно подвести еще два основания: 1. Укреплению фундамента способствовало бы рассмотрение

---

[77] Петровский Михаил Александрович (1887–1937, расстрелян) — литературовед, историк немецкой литературы, переводчик, в 1923–1930 годах заведовал Подсекцией теоретической поэтики Литературной секции ГАХН.

[78] Горностаев (наст. фам. Горский) Александр Константинович (1886–1943, умер в заключении) — религиозный философ, литературный критик, писатель, активный участник работы Литературной секции ГАХН, в частности — Ассоциации по изучению творчества Александра Блока.

личных отношений Тютчева с романтиками Германии; здесь, прежде всего, следовало бы обратить внимание на мюнхенскую поэтическую богему. Биографическое изучение Тютчева в Мюнхене могло бы дать немало оснований для более уверенных утверждений. Здесь, может быть, следовало остановиться на ряде поэтов второстепенных; таков, напр<имер>, Савиньи. Исходя в области юриспруденции из романтической философии, он был поэтом (оппонент ссылается на кажущееся ему значительным стихотворение Савиньи «Лебедь») <...> 2. Наряду с этим желательно провести методологическую линию влево и изучать композиционные приемы Тютчева, проследив на них воздействие германской романтической школы.

Н. М. Чирков[79] считает, что метод, примененный в данном докладе, приводит к обезличению поэта. Выдвигаются общие моменты, благодаря чему получается стилизация Тютчева под романтизм. В докладе Тютчев изменил свою физиономию. Оппонент относит это к пункту о любви Тютчева; ведь чувственность есть и в лицейских стихотворениях Пушкина. При таком методе расширяются границы романтического мироощущения, которое становится беспредельным; понятие его делается неясным. Оппонент говорит об источниках тютчевского хаоса — они действительно коренятся в романтическом мироощущении. Но у Тютчева этот образ представляет собою очень большое поэтико-философское обобщение.

М. М. Кенигсберг[80] указывает, что самое понятие «романтизм» в докладе недостаточно выделено и ограничено. Доклад вызывает впечатление, что Тютчев заимствовал целый ряд мотивов из произведений ранних романтиков, которых он биографически знать не мог <...> Влияние раннего немецкого романтизма на Тютчева было, по-видимому, книжным <...>.

Далее оппонент касается замечания докладчика об *иронии*. Романтическая ирония дошла до цинизма у Гейне. У романтиков этот цинизм был дан в зародыше («Люцинда»). Новалис до цинического предела иронии не дошел <...> «Silentium» Тютчева надо толковать как символическое и в этом смысле высоко реалистическое стихотворение (следуя в этом понимании Г. Г. Шпету[81]). Говоря об этом стихотворении, надо искать у Тютчева путей *преодоления иронии*, и не столько о влиянии, сколько именно о *преодолении* романтизма надо говорить при разработке важной темы, избранной Н. К. Гудзием.

Г. И. Чулков находит, что Н. К. Гудзий коснулся самой загадочной и трудной темы по Тютчеву. В биографии Тютчева для этой темы нет ниче-

---

[79] Чирков Николай Максимович (1891–1950) — историк русской и зарубежной литератур, педагог, в описываемое время — аспирант ГАХН.

[80] Кенигсберг Максим Максимович (1900–1924) — лингвист, литературовед, философ, ученик Г. Г. Шпета; участвовал в работе Комиссии по изучению художественной формы Философского отделения ГАХН.

[81] Ср. в «Эстетических фрагментах» (1922–1923) Г. Г. Шпета: «Символ — сопоставление порядка чувственного со сферою мыслимого, идеи, идеальности, действительного опыта (переживания) со сферою идеального <...> *символизм* также есть существенный признак всякой поэзии. Учение о поэтической методологии есть логика символа, или *символика* <...> символика поэтическая, фундамент всей эстетики слова как учения об эстетическом сознании в его целом. Это — высшая ступень эстетического поэтического восхождения. Эстетическое сознание здесь пламенеет на высшей ступени поэтического проникновения в смысл сюжета (в содержание предмета), переплавляется в высшее поэтическое разумение <...> Как логический смысл есть данное, уразумеваемое в данном контексте, так символический смысл есть творимое, разумное в творимом контексте <...> Через символ внутреннее есть внешнее, идеальное — реальное, мысль — вещь. Через символ идеальная мертвая пустота превращается в живые вещи <...> Истинно, истинно SILENTIUM — предмет последнего видения, над-интеллектуального и над-интеллигибельного, вполне реальное, ens realissimum. Silentium — верхний предел познания и бытия» (*Шпет Г. Г.* Соч. / Предисловие Е. В. Пастернак. М., 1989. С. 357, 411–413).

го. Письма Тютчева из Мюнхена, адресованные родителям и другим лицам, много говорят о светской жизни, но решительно ничего о литературе. Одна неопубликованная записка барона Пфеффеля говорит, что Тютчев любил рассказывать о том, как он появился в Мюнхене под звуки «Волшебного Стрелка». Докладчик коснулся нескольких планов: и психологического, и религиозно-философского, отчасти и биографического, и области поэтики. Оппонент присоединяется к мнению, что формальный анализ дал бы больше. Но само задание доклада чрезвычайно интересно. Знаменитый разговор между Тютчевым и Шеллингом тоже, в сущности, загадочен. Сближения с романтизмом ценны, когда устанавливается, *что* Тютчев противопоставлял романтизму <...> В докладе упрощена характеристика романтической любви. Тютчев находится в более низкой сфере любви, чем Новалис. Даже воспевая «вечную» любовь, Тютчев был привязан к любви психологической и чувственной. <...>

Н. К. Гудзий благодарит оппонентов за сделанные ими замечания и говорит, что ему была понятна вся трудность разработки подобной темы. Его задачею было лишь поставить те общие вопросы, подчеркнуть те *общие* проблемы, которые сами собою приходят в голову при сопоставлении Тютчева с немецким романтизмом. М. А. Петровский выдвинул проблему личного отношения Тютчева к немецким романтикам, но тут нас встречает полное отсутствие биографических данных. Докладчик готов принять возражение о недостаточной разработанности вопроса о проблеме разума у Тютчева и у немецких романтиков. Романтическое мироотношение Тютчева, может быть, нельзя было стеснять рамками раннего романтизма, но это вытекало из самого существа романтизма, который весьма разнолик. В вопросе о любви Тютчева к моменту расцвета природы и к ее ущербной поре докладчик имел в виду исключительно количественное соотношение.

Что касается поэтики — никто не станет отрицать, что все средства тютчевского претворения речи, несомненно, романтического происхождения. Эта сторона — наиболее очевидна. Этих вопросов докладчик касается в своей большой, еще неоконченной работе о поэтике Тютчева.[82]

Пушкин так мало высказывался о Тютчеве, может быть, потому, что Тютчев не входил в определенный дружеский кружок, во главе которого стоял Пушкин или к которому он примыкал. Указывалось на неубедительность частных совпадений с романтизмом, напр<имер>, в вопросе о чувственности, о спокойной лени (настроение, отмечавшееся и по отношению к Пушкину лицейского периода). Но ведь характерны не отдельные совпадения, а совокупность элементов, из которых складывается поэтическое мировоззрение.

На замечание одного из оппонентов Н. К. Гудзий положительно отвечает, что Достоевский был типичным романтиком. Алеша Карамазов и его жизненный путь и есть то, что романтиками преподносилось как идеальный путь человека.

М. М. Кенигсберг указывал на необходимость разграничения раннего и позднего романтизма; но у Тютчева не приходится искать точного соответствия с тем или иным периодом романтизма, и по вопросу об отличии Тютчева от романтиков докладчик предполагает, что Тютчев был слишком болезненною натурою, чтобы усвоить себе ту все же, в конце концов, побеждающую жизнь философию, которой проникнут немецкий романтизм, то конечное оправдание и утверждение жизни, которое для него характерно.

---

[82] Речь идет, по-видимому, об исследовании Гудзия «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» (1930; подготовлено к печати в 1928 году), предыстории создания и основных положений которого мы коснемся во второй части настоящей статьи.

Относительно взгляда Пушкина на Тютчева и отношений Пушкина к Тютчеву докладчик полагает, что выдвигаемые данные дают слишком мало для суждения. Тютчев, как поэтическое явление, не обратил на себя внимания Пушкина.[83]

* * *

28 мая 1924 года на заседании Отдела по изучению революционного искусства при Социологическом отделении Гудзий выступил с докладом «Декларации литературных объединений в эпоху октябрьской революции», посвященным анализу книги Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова «От символизма до „Октября“» (М., 1924).[84] Это издание было первой попыткой столь полно и, что самое главное, — по возможности объективно (разумеется, исходя из социально-политической «оптики» составителей) представить материалы по истории литературной жизни за три десятилетия, предшествующие выходу книги. Авторы ее коснулись целого ряда направлений (достаточно обширного по охвату) — символизма, акмеизма, футуризма, имажинизма, экспрессионизма, биокосмизма, люминизма, формлибризма, классицизма, эмоционализма, фуизма, конструктивизма, творчества ничевоков и «Серапионовых братьев», а также пролетарской поэзии.

На книгу успела тяжелым грузом опуститься печать времени. В предисловии составители, связывавшие предреволюционную эпоху, прежде всего, с «распадом общественной жизни и мысли», писали: «...историческое обозрение поможет также отчетливее представить социальные основы литературных школ, упадочность одних и творческую устремленность других, как результат борьбы отживающих и выходящих на арену строительства жизни новых общественных сил».[85] Во втором издании, вышедшем спустя пять лет, в трудное для всей русской культуры, в том числе и для филологической науки, время, составители отказались от значительной части собранного материала в угоду актуальной не столько литературной, сколько политической ситуации: «В новом издании значительно сокращен отдел манифестов и высказываний предреволюционных литературных течений, а также тех литературных групп, которые, возникнув в революционную эпоху, были недолговечны, умерли почти в день своего рождения <...> Зато в книгу введен обильный материал, вскрывающий творческую диалектику литературного движения нашей революционной современности».[86]

Надо сказать, что уровень обсуждения первого издания книги 1924 года сам по себе превосходил уровень его подготовки, более того — резко контрастировал с отзывами, которые появились в печати вскоре после его выхода. В качестве примера приведем отдельные пассажи из рецензии В. А. Силлова, увидевшей свет в журнале «ЛЕФ» под заглавием «Профессорская халтура» и полной несправедливых оценок, вдобавок выраженных в грубой форме: «...сборник представляет собою бессистемные перепечатки из различных изданий, к собранию и расположению которых составитель не приложил никаких критериев. Механическая выборка материалов и расположение их в хронологическом порядке — вот в чем выразилась „работа“ составителей <...>

[83] РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 11. № 2. Л. 17–20 (машинопись); РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 6. Л. 42–46 об. (машинопись; автограф тезисов — на л. 47–47 об., заключительные выводы доклада, зафиксированные в протоколе, дословно их повторяют).

[84] 25 марта 1924 года Гудзию было поручено реферировать эту книгу (Там же. Оп. 13. № 5. Л. 95).

[85] От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М., 1924. С. 3, 4.

[86] Литературные манифесты: От символизма к Октябрю. Сб. материалов / Приготовили к печати Н. Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н. П. Сидоров. [2-е изд.]. М., 1929. С. 6.

Снесите эту книгу в литкружок любого рабклуба, рабфака, вуза — там не сумеют даже приступиться к ней <...> Обилие программных стихов Белого, Брюсова, Северянина и ни одного стихотворения Безыменского в отделе пролетпоэзии!.. Так под маркой псевдобеспристрастности и псевдонаучности халтурят профессора, выпуская книги под своим именем, не проделав никакой работы над собранным материалом».[87] Трудно расценить подобные выпады как «конструктивную критику». В то время, как замечания, сделанные на заседании в ГАХН, один из составителей, высказавшихся в прениях публично, принял с благодарностью «за внимание, оказанное книге», а другой, отвечая на справедливые упреки в неполноте состава издания, указал на то, что книга «была задумана шире», но недостаток места не позволил выпустить ее в первоначальном виде (мы предполагаем, что действительные причины носили более серьезный, политический характер).

Протокол № 34 заседания Отдела изучения революционного искусства при Социологическом Отделении РАХН от 28-го мая 1924 г.

Присутствовали: Н. Ф. Бельчиков, Н. Л. Бродский, Б. В. Горнунг, И. Г. Званский, М. М. Кенигсберг, П. А. Кузько, А. Г. Левенталь, Р. С. Мандельштам, Н. И. Пожарский, Н. П. Сидоров, Д. С. Усов.

Председатель Д. С. Усов За секретаря А. Г. Левенталь

Заслушано I. Доклад Н. К. Гудзия «Декларации литературных объединений в эпоху октябрьской революции» (по поводу книги Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова «От символизма до „Октября“». М., 1924).[88]

Докладчик указывает на значительность книги «От символизма до „Октября“», представляющей собою ценный вклад в изучение литературных высказываний и манифестов. Остановившись на мелких ее недочетах (по мнению докладчика, желательно было бы к имеющемуся в книге материалу прибавить еще некоторые статьи, в частях, касающихся символизма, имажинизма и конструктивизма — для оценки последнего, безусловно, важна книга И. Эренбурга «А все-таки она вертится»),[89] Н. К. Гудзий переходит к обзору и оценке самого материала. Докладчик отмечает, что ряд манифестов представляет собой только теоретические высказывания, не оправданные поэтической практикой; таковы в огромном большинстве случаев манифесты послереволюционные, писавшиеся *независимо* от самого творчества поэтов. Останавливаясь специально на декларациях пролетарских поэтических объединений, Н. К. Гудзий указывает, что то, что говорят авторы их о связи экономики с поэтикой, относится больше к связи экономики с миросозерцанием вообще. В начале манифесты, выходящие из пролеткультов, дают простор всем творческим силам. Но в дальнейшем заостряется классовая точка зрения

[87] *Силлов В.* Профессорская халтура // ЛЕФ. 1924. № 1 (5). С. 153, 154.

[88] Тезисы доклада: «1. Книга „От символизма до «Октября»“ представляет собой ценный вклад в изучение литературных высказываний и манифестов. 2. Желательно было бы к уже имеющемуся в книге материалу прибавить еще кое-какие статьи в частях, касающихся символизма, имажинизма, конструктивизма. 3. Ряд манифестов представляет собой чисто теоретические высказывания, не оправданные поэтической практикой» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. № 5. Л. 116; автограф).

[89] Речь идет о напечатанном в берлинском издательстве «Геликон» в 1922 году сборнике эссе И. Г. Эренбурга, посвященных изобразительному искусству XX века, взятому широко (живопись, архитектура, скульптура, фотография). Обложка книги была выполнена Ф. Леже, а на ее страницах были опубликованы репродукции работ Ж. Липшица, Эль Лисицкого, А. Родченко, В. Татлина и др.

и производится строгий отбор из наследия русской литературы («Кузница»). Объединение «Октябрь» уже не дает широкого доступа разнообразным творческим силам; манифест этой группы рассматривает литературу с точки зрения *утилитарной*. Н. К. Гудзий находит, что из современных литературных направлений наиболее жизнетворными представляются: футуризм, пролетарская школа и «классицизм».

М. М. Кенигсберг указывает на большое удобство разбираемой книги, как справочника при занятиях «историей поэтического сознания в России за последнюю четверть века». Оппонент напоминает, что *поэтика* (напр<имер>, поэтика Горация, французская поэтика 16-го века, поэтика Буало) представляется *канонизующею* и *ассимиляющею*, и в этом смысле поэтику должно резко отделять от *манифеста*. Указываются пробелы для символизма, акмеизма, футуризма, имажинизма. Желательно было представить символизм, как не вполне единое течение; в равной мере дифференциации в среде самого футуризма следовало бы подчеркнуть подстрочными примечаниями к приведенным манифестам. Но эти пробелы не лишают книги ее ценности, далеко выходящей за пределы утилитарной.

Н. Л. Бродский указывает, что книга была задумана шире. Школа символизма, например, должна была быть представлена не только в декларациях, но и в целой буре «антидеклараций». Недостаток места вынудил составителей дать *один текст*, отказавшись от комментариев оценочного типа (неизбежно субъективных) — объективная <по>дача чистых текстов представлялась составителями более ценным приемом. Кроме того, в настоящее издание включались только такие манифесты, которые вели за собою *школу*.

Н. П. Сидоров обсуждает некоторые библиографические <до>полнения Н. К. Гудзия и М. М. Кенигсберга и приносит благодарность Отделу изучения революционного искусства за внимание, оказанное данной книге.

Д. С. Усов указывает на то, что изучение литературных деклараций октябрьской эпохи является одною из тем, поставленных в плане историко-теоретической части Отдела изучения революционного искусства; книга Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова, собравшая материал для такого изучения, представляет собою первостепенный интерес для Отдела, преимущественно в части, касающейся творчества *пролетарских* поэтов.[90]

[90] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. № 5. Л. 115–115 об. (машинопись).

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-51-62

© *Ф. Н. Веселов*

ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА И ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ КИЕВА В 1240 ГОДУ: ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ*

Ужас, который испытали современники Батыева нашествия на Восточную и Центральную Европу, сохраняют до наших дней литературные произведения, созданные почти одновременно или спустя некоторое время после трагических событий 1230–1240-х годов. В исключительных случаях к ним относятся отдельные памятники,[1] но преимущественно рассказы и повести о монгольском завоевании фиксировались в составе летописей и хроник.[2] Древнейший и подробный рассказ о взятии Киева армией Батыя в 1240 году содержится в Галицко-Волынской летописи. На протяжении столетий историки относились с доверием к сведениям о штурме древней русской столицы.[3] Не удивительно, что летописное сообщение до сих пор сохраняет качество главного источника для реконструкции этого события, ключевого не только для монгольского завоевания Южной Руси, но и для всей стратегии Великого Западного похода чингизидов: падение Киева и захват Галицко-Волынских земель открыли путь монгольским армиям в Центральную Европу.[4]

Впрочем, исследователи давно обратили внимание на то, что составители Галицко-Волынской летописи пользовались в качестве литературных источников переводными историческими сочинениями. Это византийские хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, позднеантичный роман об Александре Македонском (Хронографическая

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту РНФ № 21-18-00166.

[1] Например, «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства монголами» Магистра Рогерия. См.: Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А. С. Досаева. СПб., 2012.

[2] Например, древнейшее ядро «Повести о разорении Рязани» Батыем имело «летописный характер» (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 335); в рамках летописной традиции складывалась и «Повесть о нашествии Батыя» (см.: *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989).

[3] См., например: *Карамзин Н. М.* История государства российского. 2-е изд. СПб., 1819. Т. 4. С. 11–13; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1896. Кн. 1. Т. 1–4. Стб. 824–925; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 250–251; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 215–216; *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. 2-е изд. М., 1977. С. 197; *Хрусталев Д. Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб., 2013. С. 220–223; *Майоров А. В.* Две даты взятия Киева монголами в русских летописях // Русская литература. 2016. № 2. С. 58–59. В некоторых работах прямо указывается, что рассказ о падении Киева записан со слов очевидца событий: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 86; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989. С. 123; *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 142; *Майоров А. В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // Rossica antiqua. 2012. № 2. С. 50.

[4] См.: *Zimonyi I.* Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies / Ed. V. Spinei. Bucureşti; Brăila, 2014. P. 341; *Pow S.* The Mongol Invasions of Europe // The Mongol World / Ed. by T. May and M. Hope. London; New York, 2022. P. 184.

Александрия) и «История Иудейской войны» Иосифа Флавия.[5] Связь с хронографическими произведениями (т. е. теми, что составляли компилятивные древнерусские хронографы) прослеживается не только в буквальном копировании отдельных фраз, заимствовании характерных лексем и «микроцитировании»,[6] но и в использовании устойчивых литературных формул,[7] «моделировании текста по образцам».[8]

Учитывая этот феномен, А. П. Толочко в нескольких работах специально анализирует текст о взятии монголами Киева.[9] Исследователь доказывает, что интересующий нас рассказ целиком, включая общий план повествования, описание монгольских войск, топографию Киева, последовательность осадных мероприятий, кульминационный и наиболее драматичный эпизод — обрушение сводов последнего прибежища оборонявшихся, Десятинной церкви, — скомпонован на основе заимствований из хронографических произведений. Итоговый вывод неутешителен: «...сохраняя достоинства литературного произведения», рассказ о взятии Киева «утрачивает свойства исторического источника».[10] На первый взгляд такое заключение кажется логичным: тексты, написанные в другое время и по другим поводам, не могут дать достоверной информации об изучаемом явлении. Осторожность исследователя оборачивается трагедией: остается шаг до постмодернистского заключения о том, что прошлое — непознаваемо, а на долю историка выпадает не реконструкция былого, а литературная критика текстов.[11]

Впрочем, труднопознаваемость истории не отрицает самого существования объективной реальности в прошлом и возможности приблизиться к адекватному прочтению источника, а значит, и правильной реконструкции исторических фактов.[12] Прочтение источника предполагает «установление цели, которую преследовал его автор»,[13] а для того чтобы ее установить, необходимо выйти за рамки текстологического анализа и обратиться к герменевтическому исследованию текста.

---

[5] *Попов А. Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 69, прим. 1; *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 151, прим. 235; *Орлов А. С.* 1) Лекции по истории древней русской литературы, читанные на Высших женских курсах, учрежденных В. А. Полторацкой. М., 1916. С. 74; 2) К вопросу об Ипатьевской летописи // Изв. Отделения русского языка и словесности АН СССР. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126; *Генсьорский А. И.* Галицько-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Киев, 1961. С. 14, 174, 277 и пр.; *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М., 1958. С. 99–101; *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Вып. 9. С. 127–134; *Толочко А. П.* Галицкие «приточники» // Ruthenica. 2008. Т. 7. С. 201–209; *Ставиский В. И.* О возможном источнике некоторых образов летописной «Похвалы» князю Роману Мстиславичу // Slověne. 2015. № 2. С. 159–179; *Вилкул Т. Л.* 1) О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волынской летописи // Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes istorijos saltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretasija. Vilnius, 2007. S. 17–28; 2) Слідами хронографічних джерел Галицько-Волинського літопису (Хроніка Іоанна Малалы) // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2017. Вып. 17. С. 413–445.

[6] См.: *Вілкул Т. Л.* Слідами хронографічних джерел Галицько-Волинського літопису... С. 418–443.

[7] *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия... 100–101; *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века... С. 129–132.

[8] *Вилкул Т. Л.* Хронографические заимствования как текстологический маркер в Галицко-Волынской летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2018. С. 275.

[9] *Толочко А. П.* 1) Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. М., 2012. С. 28–36; 2) Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. 2014. № 22 (2). С. 106–115; Галицько-Волинський літопис: текстологія / За ред. О. П. Толочко. Київ, 2020. С. 315–326.

[10] Галицько-Волинський літопис: текстологія... С. 324.

[11] *Репина Л. П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории — 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 25–26; *Филюшкин А. И.* «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. 2000. № 3. С. 68–69.

[12] *Репина Л. П.* «Доступный нашим чувствам знак», или историки в поисках эпистемологических аргументов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 2 (26). С. 5.

[13] *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 37.

Вооружившись методикой, предложенной в свое время для прочтения Повести временных лет И. Н. Данилевским,[14] в данной статье мы сосредоточимся на функциях средневекового текста, сотканного из цитат и парафразов более ранних сочинений. Постараемся ответить на вопросы: как древнерусский автор работал со своими литературными источниками; почему он выбирал конкретные сюжеты и какое значение эти сюжеты для него имели; можно ли в итоге разглядеть историческую реальность сквозь призму летописного сообщения?

1

Литературные заимствования на уровне образных выражений и художественных метафор не могут быть достаточно вескими основаниями для признания всего текста выдумкой, тем более когда описываются сражения. Однако обнаружение сюжетной параллели с каким-либо литературным произведением заставляет поставить под сомнение правдивость летописного сообщения.

К сравнению мы привлечем два сюжета из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» (далее — «Иудейская война»): взятие Иерусалима Помпеем в 63 году до н. э., которое, как полагает А. П. Толочко, «структурно имитировал» древнерусский книжник,[15] и кульминацию произведения Флавия — осаду и штурм Иерусалима Титом в 70 году н. э.

Сюжет взятия Иерусалима Помпеем следующий. Разгневанный вероломством Аристовула, одного из еврейских вождей, Помпей подводит армию к Иерусалиму и осматривает город. Военачальник видит «ровы вельми страшны», «твердость стенную» и «церковь <...> загражену великою твердостию <...> бывающу второму прибежищу людем». Но в городе вспыхивают разногласия, и большая часть «гражан» «предаются» Помпею и открывают ворота внешнего города. Аристовул разрушает мост, соединявший оборонительный комплекс храмовой горы с прочим городом, а Помпей начинает его осаду. Римляне засыпают ров, подводят к стенам земляную террасу, на которой ставятся стенобитные машины. После трех месяцев осады, наконец, одна из башен была разрушена, начался штурм. Во время штурма Храмовой горы иудеи подожгли церковные «комары», однако сам Храм разрушен не был, и после посещения Святая святых Помпеем захватчики велели его освятить и возобновить жертвы.[16]

Если сравнить этот сюжет с повествованием Галицко-Волынской летописи, находится масса различий: киевляне не сдавали Батыю внешний город, сражение в Киеве разделилось на несколько этапов, наконец, Десятинная церковь была полностью разрушена, а богослужение на ее руинах возобновилось только спустя четыреста лет.[17] Получается, что сюжеты двух рассказов не совпадают.

Итогом взятия Иерусалима Титом в 70 году н. э. стало окончательное разрушение Храма Соломона, «мерзость запустения» святого места, рассеяние иудеев по миру. Рассказ о «разорении иже сотворил Тит» куда более подробный и длинный, чем любой из сюжетов «Иудейской войны». Общая композиция включает эпизоды возведения римлянами осадных лагерей, вылазок осажденных и отдельных стычек, взятия первой стены, затем — второй, падения третьей стены у крепости Антония и самой крепости, продолжительной и кровопролитной битвы за Храм, во время которой начались пожары и его архитектурный комплекс был разрушен в огне. Но с падением Храма бои за Иерусалим не прекратились: последним самостоятельным эпизодом стала отчаянная битва за Верхний город и дворец Ирода.

Таким образом, нет полного совпадения и между сюжетами штурма Киева монголами и Титовым взятием Иерусалима. В обоих случаях общее есть только в концепции

---

[14] Там же. С. 32–75.

[15] *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 107.

[16] «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2004. Т. 1. 351а — 351г.

[17] См.: *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 12–14.

драматической осады значимого для автора произведения города, завершившейся его опустошением. Тем не менее нельзя отрицать наличия параллелей между летописным рассказом и «Иудейской войной» на уровне отдельных эпизодов и деталей повествования.

Первое сходство[18] угадывается между «предварительной разведкой» Киева Мункэ («Меньгоуканови же пришедшоу сглядатъ град Кыева <...> видив град оудивися красоте его и величествоу»[19]) и Иерусалима Помпеем («и окрест града ходяще, смотряще идеже приступити со всею силою, понеже видя твердость стенную»[20]) и Титом («объездяше около Иерусалима смотря твердости его»[21]). Однако, в отличие от эпизодов «Иудейской войны», это «съглядание» Мункэ имело более сложные сюжетные последствия. Эпизоды разведок Тита и Помпея ведут к тому, что читателю объясняется причина, по которой острие штурмов было направлено с той или иной стороны городских укреплений. Цели же Мункэ описываются скорее как политические, а не как военные.[22] Мункэ не интересует «твердость стенная», параллель с «Иудейской войной» есть только в поэтическом удивлении «красоте и величествоу». Полководец отправил к горожанам послов, миссия которых провалилась, «и не послушаша е(го) [горожане]», и повернул обратно в степь. В результате, Михаил Всеволодович оставил Киев и бежал «во угры», столица перешла к Ростиславу Мстиславичу, затем к Даниилу: так читатель узнает, почему в будущем оборонял город от монголов Данилов тысяцкий Дмитр.

Реминисценция сочинения Флавия может быть усмотрена и в эпизоде, относящемся к началу осады Киева: «...постави же Батый порокы городоу подъле врат Лядьскых тоу бо беахоу пришли дебри» (ПСРЛ, 2, 785).[23] То есть Батый назначил острие штурма на то место, где к городским стенам примыкали «дебри». Впрочем, если обратиться к оригинальным сюжетам «Иудейской войны», повествовательная логика оказывается прямо противоположной: Помпей засыпал естественные и рукотворные преграды («и ту ров насыпа и дебри вси»), а Тит, «смотряше на которую страну приступить», выбрал место не с «дебрями», а, наоборот, там, где «стены низкы».[24]

Выражение «пришла дебрь» для древнерусской литературы не уникально. В более позднее время (конец XV века) оно используется при описании Афанасием Никитиным города Виджаянагары, столицы одноименного индуистского государства: «а града же взяти неоткуды, пришла гора велика да дебрь зла».[25] «Дебрь зла» переводится в академическом издании «Хожения за три моря» как «чащоба злая».[26] В качестве лесной чащи в некоторых современных изданиях воспринимаются и киевские «дебри» у Лядских ворот в 1240 году.[27] Однако, с нашей точки зрения, Батыю под стенами Киева пришлось иметь дело не с лесной чащей.

Во-первых, такому объяснению противоречит практика обязательной расчистки местности перед укреплениями, в том числе древнерусскими городами и крепостями: местность должна была хорошо просматриваться.[28]

---

[18] *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 107.

[19] Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. Стб. 782. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: ПСРЛ, с указанием номера тома и столбца.

[20] «История Иудейской войны»... 351а, 39–40; 351б, 1–2.

[21] Там же. 436б, 9–11.

[22] К такому мнению приходят многие историки. См.: *Maiorov A.* The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // The Journal of Slavic Military Studies. 2016. Vol. 29. Iss. 3. P. 477–479.

[23] *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 110–111.

[24] «История Иудейской войны»... 441а, 11–21.

[25] Хожение за три моря Афанасия Никитина / Подг. Я. С. Лурье, Л. С. Семенов. Л., 1986. С. 16.

[26] Там же. С. 56 (пер. Л. С. Семенова).

[27] *Карпов А. Ю.* Батый. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 101 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

[28] См.: *Раппопорт П. А.* Древние русские крепости. М., 1965. С. 16.

Во-вторых, древнерусское слово «дебрь» имеет много значений, кроме долины или склона, поросшего густым лесом, это еще и ущелье, обрыв, ров, яма.[29] При этом последние значения являются старшими.[30] В переводной литературе именно так чаще всего передается греческое «φαραγξ» — расселина, пропасть, особенно на склоне горы, овраг, обрыв, утес.[31] В значении горных оврагов и ущелий это слово употребляет игумен Даниил в описании местностей Святой земли, в том числе окрестностей Иерусалима.[32] Аналогичные примеры можно найти в древнейших летописях: например, в «дебрь», т. е., в ров, с моста упал князь Олег Святославич (ПСРЛ, 2, 62).

В связи с окрестностями Киева было предложено прочтение туманного по смыслу словосочетания «Слова о полку Игореве» «дебрь Кисаню»: лес в овраге, прорытом речкой Киянью под Киевом. Это чтение было подробно разъяснено Н. В. Шарлеманем и поддержано Д. С. Лихачевым, Л. А. Дмитриевым, Л. А. Булаховским и др. Однако и здесь нет единства в том, как именно понимать «дебрь»: в качестве лесной чащи или оврага. Так, Н. А. Мещерский переводит словосочетание как «овраги Кияни».[33]

Собственно киевские «дебри» упоминаются в рассказе об обороне Киева от Юрия Долгорукого в 1151 году: «мьжи дебрями» занял оборону князь Владимир Мстиславич (ПСРЛ, 2, 427–428).[34] Судя по изложению летописца, князь с отрядом берендеев должен был находиться у Олеговой могилы и горы Щекавица. Таким образом, в данном контексте дебрь, как и в произведении игумена Даниила, и в переводных греческих памятниках, связана с горным рельефом. Такие «дебри» могли располагаться сразу между несколькими киевскими возвышенностями, кроме Щекавицы, это Замковая и Старокиевская горы. Лядские ворота стены Ярослава, позднее называвшиеся Печерскими, были расположены с противоположной стороны, юго-восточной, и находились они в низком месте, Крещатицкой долине, центре своеобразного амфитеатра, образованного двумя отрогами киевских холмов, на которых расположился город Ярослава. К этой долине стена спускалась от Золотых ворот, а затем поднималась к Михайловскому Златоверхому монастырю.[35] Таким образом, выражение летописи «пришла дебрь», в значении низкого места, долины между возвышенностями, как нельзя лучше подходит для описания рельефа с юго-восточной стороны киевских укреплений XIII века. Стоит добавить, что при штурме Владимира монголы атаковали в том числе выходившие к поймам рек Лыбеди и Клязьмы «Медяные» и «Волжские» ворота, т. е. те укрепления, которые располагались в низинах (ПСРЛ, 1, 463).

После того как монголы установили метательные машины со стороны Лядских ворот, они начали обстрел киевских стен: «...пороком же бес престани бьющим день и нощь, выбиша стены, и возиидоша горожаны на избыть стены...». В «Иудейской

---

[29] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 766; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 197; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 131.

[30] Праславянское слово «dъbrъ» ближайшим образом связано с «дном»: оврагом, ямой, ложбиной и пр. См.: *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2019. Вып. 13. С. 80; см. также: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5. С. 176; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 1. С. 235.

[31] *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. М., 1991. Стб. 1305; *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R.* A Greek-English lexicon. 9th ed. with suppl. / Rev. eds. P. G. W. Glare, A. A. Thompson. Oxford, 1996. P. 1916.

[32] См.: Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 34, 50.

[33] См.: *Салмина М. А.* «Дебрь Кисаню» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 93–96.

[34] См. также о топонимах летописной статьи, связанных с расположением войск Изяслава Мстиславича: *Карпов А. Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014. С. 150–151.

[35] См.: *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 252. См. также планы-реконструкции оборонительных сооружений Киева XIII века: Там же. Приложение: План Верхнего Киева и Подола; *Толочко П. П.* 1) Древний Киев. Киев, 1983. С. 67; 2) Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная // Ruthenica. 2009. Т. 8. С. 153.

войне» осажденные делают вылазки, «выходят», «вытекают» из города, а осаждающие, разрушив стены, входят в города.[36] Римляне разбивали каменные стены ближневосточных позднеантичных городов с помощью таранов; стены падали, в образовавшуюся брешь устремлялись легионеры. Но киевская стена города Ярослава была совершенно иной по материалам и конструкции. Это уникальное по масштабам оборонительное сооружение — единственный достоверный археологический пример древнерусской крепостной стены, возведенной на специально созданной высокой (до 11–12 м) древо-земляной платформе.[37] Разрушить такую основу, вне зависимости от того, была ли она относительно пологой или имела вертикальный бревенчатый фас,[38] осадными орудиями Средневековья было практически невозможно. Только с расстояния, камнеметами-*пороками*, была вероятность «выбить» верхние бревенчатые клети и заборола. На их остатки («избыть стены») на валу и «взошли» горожане, там же они могли дать рукопашный бой атакующим монголам.[39]

Начало штурма не копирует сходные эпизоды из «Иудейской войны», наоборот, согласуясь с данными археологии, оно имеет большую вероятность оказаться описанием реальных событий. Однако красочное описание боя между осаждавшими и защитниками на «избитых» стенах давно стало хрестоматийным примером заимствований: «...и ту беяше видети лом копейный и щет скрепание, стрелы омрачиша свет».[40] Впрочем, еще Н. А. Мещерский заметил, что фраза «и бысть видети лом копейный и скрежетание мечное и щеты искепаны» отсутствует в греческом оригинале Флавия и является поэтическим добавлением древнерусского переводчика.[41] Доказательством этому служит и тот факт, что она встречается в более ранних, чем Галицкая летопись, памятниках. В частности, в Киевской летописи под 1174 годом: «И ту бе видети лом копийный и звук оружинный...».[42] К этому надо добавить, что и поэтическому выражению «стрелы помрачиша свет», которое находится очень близко по тексту в «Иудейской войне», тоже нет соответствия в греческом оригинале. Значит, и эта образная фраза самобытна и могла появиться ранее перевода Флавия на славянский язык, тем более что она близка по смыслу к знакомой по «Слову о полку Игореве» и использовавшейся в летописных текстах и переводе «Иудейской войны» метафоре: «стрелы на них летяху акы дождь».[43]

После того как монголы захватили внешние стены, киевляне «создаша паки другий град около святой Богородицы». Зафиксировать в этой фразе дословные заимствования из «Иудейской войны» нельзя, при этом параллель с одним из эпизодов взятия Иерусалима Титом очевидна: иудеи соорудили «иные стены» у крепости Антония.[44] Тем не менее нет веских причин называть действия киевлян литературным вымыслом: «святая Богородица», т. е. Десятинная церковь, располагалась в городе Владимира, городском детинце, имевшем самостоятельные укрепления внутри города Яро-

---

[36] Например: иудеи «вышедше на римляне», иудеи «вытекше поджгоша приспу», иудеев «вышед тысяща пред град», римляне «внидоша в град» и пр. («История Иудейской войны»... 413в, 32–33; 414в, 6–7; 437в, 30; 421а, 12–13).

[37] *Моргунов Ю. Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М., 2009. С. 264.

[38] Там же. С. 265.

[39] Ср. объяснение Ю. Ю. Моргунова близкого по смыслу выражения Ипатьевской летописи применительно к штурму монголами Козельска: Там же. С. 59, 61.

[40] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи... С. 119; *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 111.

[41] *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия... С. 77–78. См. также: *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века... С. 129; *Алексеев А. А.* Интерполяции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 70, 105.

[42] Ср.: ПСРЛ, 2, 576 и «История Иудейской войны»... 413г, 24–25. Кроме того, специальное исследование посвящено влиянию Повести временных лет на перевод Иосифа Флавия: *Вилкул Т. Л.* Переводчик «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия — читатель «Повести Временных лет»? // «Вертоград многоцветный». Сб. к 80-летию Б. Н. Флори. М.: Индрик, 2018. С. 133–142.

[43] *Барсов Е. В.* Слово о Полку Игореве как художественный памятник Дружинной Руси. М., 1881. Т. 1. С. 264; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. Л. В. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5. С. 231–232.

[44] «История Иудейской войны»... 450г, 34–35.

слава. Дискуссионным может быть вопрос, насколько эти укрепления сохранили свои качества в условиях городской застройки и необходимо ли было их поновлять для боевого использования, однако данные археологии подтверждают факт наличия нескольких линий для обороны в Киеве XIII века.[45]

В Десятинной церкви происходит последний эпизод рассказа о взятии Киева: «...людем же оузбегшим и на церковь и на комары церковныя и с товары своими от тягости повалишася с ними стены церковныя и прият бысть град сице воими». Упоминание комар может привести к выводу о том, что и здесь литературным источником стал текст «Иудейской войны».[46] Впрочем, прямого лексического соответствия найти не удается, обнаруживаются несогласованности и в концептуальном плане. Если летописец заимствовал место об обрушении комар, то, продолжая логику повествования Флавия, киевляне уподобились бы римлянам, тем, кто осаждал, а не был осажден.[47] Если же речь шла об уподоблении Десятинной церкви Иерусалимскому храму, где происходило сражение на комарах,[48] то и здесь получается несоответствие. Ниже мы остановимся на том, что сакральным воспроизведением Иерусалимского храма в Киеве был кафедральный собор Св. Софии. Описывая в литературной манере разгром города, взяв за основу падение Иерусалима, книжник должен был «разрушить» именно кафедрал, тем более что, согласно сообщению в Лаврентьевской летописи, собор Св. Софии был по меньшей мере разграблен: «Взяша Кыев татарове и святую Софию разграбиша» (ПСРЛ, 1, 470). Тем не менее летописец повествует о трагедии Десятинной церкви. По всей видимости, и здесь основой для рассказа стала реальность: в разрушении именно этого храма во время монгольского штурма нет оснований сомневаться,[49] а сходство с переводом Флавия является формальным: «... для показа народного бедствия избрано аналогичное происшествие, запечатленное близко к оригиналу».[50]

Таким образом, с одной стороны, бросаются в глаза отмечаемые нашими предшественниками яркие параллели между рассказом в Галицко-Волынской летописи и переводной «Иудейской войной». С другой стороны, при подробном разборе оказывается, что в исследуемом тексте приводятся цитаты, которые не обязательно присущи только древнерусскому переводу «Иудейской войны», а парафразы зачастую «подстраиваются» летописцем под описываемую реальность. Что касается заимствований на уровне сюжетов, то здесь стоит заключить, что древнерусский книжник, без сомнения знакомый с сюжетами падений Иерусалима, не действовал «по лекалам», а творчески их перерабатывал. Заимствованные характерные поэтические описания, реминисценции фрагментов исторических сочинений использовались таким образом, чтобы создать из них новый текст, по своей сути напоминающий центон.

Центонно-парафразный принцип построения текста предполагает не просто использование цитат знакомых автору произведений, но и использование «памяти контекста». Таким образом, происходит «перенос акцента с формы на исходное содержание цитаты», а сами цитаты и реминисценции можно рассматривать «в качестве носителей собственно исторической информации».[51] Попробуем разобраться, какова в нашем случае «память контекста» и почему для древнерусского книжника оказываются так важны исторические сюжеты падения Иерусалима.

---

[45] Остатки каменных Софийских ворот города Владимира сохранялись вплоть до конца XIX века, а один из участков вала Киевского детинца можно проследить и сегодня. Свое оборонительное значение валы и рвы сохраняли по меньшей мере до середины XVII века, когда на их основе был сооружен острог в Верхнем городе. См.: *Килиевич С. Р.* Детинец Киева XI — пер. пол. XIII вв. По материалам археологических исследований. Киев, 1982. С. 51–57.

[46] *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века... С. 129; *Толочко А. П.* Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? С. 28–36.

[47] *Толочко А. П.* Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? С. 32–33.

[48] Там же. С. 33.

[49] См.: *Ивакин Г. Ю., Комар А. В.* После катастрофы: Киев в 1241 г. // Stratum Plus. 2016. № 5. С. 64–65, 69.

[50] *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века... С. 129.

[51] *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 74.

2

При анализе летописных сообщений о падении Киева и разрушении Десятинной церкви А. П. Толочко обратил внимание на то, что цитированные древнерусским книжником произведения относятся так или иначе к трагическим историям о разрушении Иерусалима.[52] Впрочем, его смутило «то очевидное обстоятельство, что летописец никак не дал понять своему читателю ни то, что он цитирует, ни то, что́ именно он цитирует».[53]

Однако, во-первых, прямые указания на цитирование в древнерусских текстах не являются чем-то обязательным. Они могут отсутствовать не только при цитировании предыдущего текста летописи,[54] но даже Св. Писания.[55]

Во-вторых, в эпизоде падения Киева читаются реминисценции не только произведения Флавия, с которым древнерусский читатель действительно мог быть мало знаком в XIII веке. Давно были замечены параллели во фразе «и не бе слышати от гласа скрипения телег е(го) множества ревения вельблуд его и ржания от гласа стад конь его» с Хроникой Георгия Амартола.[56] Хроника была переведена не менее чем за два столетия до монгольского нашествия, имела «фундаментальное значение для развития русского летописания и хронографии» и была актуальна «для древнерусского читателя на протяжении всей средневековой отечественной истории».[57] Кроме того, формулы, приведенные в этой цитате, находят аналогии в книгах Библии (Иер. 8:16, 47:3; Иез. 26:7–12; Суд. 7:12), непосредственное влияние которых, не через текст Амартола, отрицать нельзя.[58] Предшествующее этой фразе описание окружения Киева монголами: «и окружи град, и остолпи сила татарская, и бысть град во обдержании велице, и бе Батый у города и отроци обседяху град» — цитирует текст об осаде Иерусалима Навуходоносором в Ветхом Завете (4 Цар., 24:10–11).[59] Кроме того, заметна параллель и с текстом Нового Завета, пророчеством Христа об Иерусалиме: «...и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и объимутъ тя отвсюду» (Лк. 19:43). Упрекнуть древнерусских читателей в незнании Писания кажется еще менее справедливым, чем в незнании популярной переводной византийской хроники.

Такая «непрозрачность» цитирований хорошо соотносится с гипотезой о том, Кому на самом деле предназначались древнерусские летописи их создателями, христианскими книжниками: Ему ведомы все книги человеческие.[60]

Так или иначе, обнаруженные цитаты и парафразы относятся к трагической судьбе Иерусалима, но почему падение именно Иерусалима имело такое значение для составителя рассказа о разгроме Киева?

Иерусалим — это главное место на земле для христианской истории. Этот город, живой свидетель Христа, делает духовно явственными события, составляющие основу христианского вероучения.[61] Постепенно развитие литургии, теологии, культа релик-

---

[52] *Толочко А. П.* Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? С. 32; Галицько-Волинський літопис: текстологія... С. 324.

[53] *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 116.

[54] Явление, характерное для «Повести о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи». См. специальное исследование о заимствованиях в этом эпизоде: *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98.

[55] См.: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 41–44.

[56] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи... С. 122; *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 104.

[57] *Анисимова Т. В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009. С. 9–10.

[58] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи... С. 122; *Ричка В. М.* Київ — Другий Єрусалим. Киев, 2005. С. 148; *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 108–110.

[59] *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 110.

[60] *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 266–267.

[61] *Ousterhout R.* Sacred geographies and Holy Cities: Constantinople and Jerusalem // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. P. 98.

вий и икон позволило сформироваться практике иеротопии, т. е. создания и трансляции сакральных пространств.[62] Возникло явление *translatio Hierosolymi* и, как его следствие, «Новые Иерусалимы». Первым «Новым Иерусалимом» стал Константинополь, столица священной христианской империи,[63] но одновременно и сама метрополия превратилась в город-архетип, копирование которого было положено в основу создания новых столиц *Slavia Orthodoxa* в Средние века.[64] Возникает основополагающая для христианского осознания исторического процесса парадигма непрерывного *translatio*. *Translatio imperii* делало Константинополь Новым Римом, а *translatio Hierosolymi* — новым Святым градом.

Рецепция христианской историософии на Руси привела к формированию представлений и о ее сопричастности событиям Священной истории, а образ Святого града становится предметом особенно глубокой рефлексии.[65] Киевский митрополит Иларион (1051–1054/55) указывает на преемственность между действиями Константина и его матери Елены: «крест от Иерусалима принесъша по всему миру своему раславьша», — и Владимира и его бабки Ольги: «принесоша крест от Новага Иерусалима Констянтина града, по всей земле своей поставивша, утвердиста веру».[66] Владимир и его преемник Ярослав становятся, вслед за Константином и Юстинианом, новыми Давидом и Соломоном, теми, кто приуготовил и завершил Град и Храм.[67] Первые соборы Киева освящаются на праздник обновления Константинополя, а топография и организация пространства стольного града русской земли повторяли важнейшие градообразующие черты столицы империи ромеев. Ярослав окружает город новой стеной, неизменным символом Града Божьего — Нового Иерусалима Откровения.[68] «У того же града суть Златые врата», — продолжает описание Киева Иларион, указывая на еще один символический топоним сакрального пространства города, прообраз которого — западные приморские ворота Константинополя.[69] Небесную защиту города символизировал возведенный над воротным проездом храм в честь Благовещения Богородицы, и, по всей видимости, в Золотых воротах Константинополя тоже существовала церковь в честь Богоматери.[70]

Киевский кафедрал, возведенный на Днепровских горах, ожидаемо уподобляется в летописи[71] и в «Слове» Илариона[72] Храму Соломона, архетипу Дома Божия. Ярославом был заложен и монастырь Св. Ирины, копирующий одноименную постройку Константинополя, посвященную важнейшей, наравне со Св. Софией, составляющей Царства Небесного — Божьему миру *(Αγία Ειρήνη)*.[73] Связь Киева с Константинополем, Новым Иерусалимом, прослеживается вплоть до размеров архитектурных сооружений и их конструктивных элементов.[74] Киев, вслед за мировой христианской метрополией,

---

[62] Понятие и термин предложены и сформулированы А. М. Лидовым: *Лидов А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. С. 10.

[63] *Erdeljan E.* Chosen places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 53–54.

[64] Ibid. P. 54.

[65] *Ричка В. М.* Київ — Другий Єрусалим... С. 88.

[66] Цит. по: *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 97.

[67] *Данилевский И. Н.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей. Человек в истории — 1998. Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., 1999. С. 139; *Ричка В. М.* Київ — Другий Єрусалим... С. 95–96.

[68] *Erdeljan E.* Chosen places. P. 60–61.

[69] См.: *Беляев Л. А.* Золотые ворота // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 325.

[70] *Седов Вл. В.* Новый Иерусалим в надвратных храмах Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 546–552.

[71] Повесть временных лет / Подг. текста, пер., комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 66–67 (сер. «Литературные памятники»).

[72] *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона... С. 97.

[73] См.: *Василик В. В.* Церковь и империя в византийских церковно-поэтических памятниках. СПб., 2017. С. 394–395.

[74] *Логвин Г. Н.* Искусство Киева конца X — середины XI в. // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 145.

становится «матерью городов», хранимым Богородицей сакральным центром государства.[75] Как и грядущий Небесный Иерусалим, Второй Иерусалим Киев недвусмысленно ассоциируется с Предвечной Невестой: «Радуйся благоверный граде, Господь с тобою!» — приветствует его митрополит Иларион,[76] перефразируя одну из древнейших молитв к Богоматери. Наконец, статус Киева свидетельствует частично сохранившаяся цитата псалма на алтарной арке кафедрального собора: «ὸ Θ(εὸ)ς [ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ οὐ σ]αλευθήσεται, βοηθ[ήσει αὐτῆ ὸ Θ(εὸ)ς τὸ πρὸς πρωῖ πρωῖ]» («Бог посреди нее и она не поколеблется. Поможет ей Бог с раннего утра» (Пс. 45:6)).[77] В византийской экзегезе X–XI веков этот стих толковался как пророчество о грядущем Небесном Иерусалиме.[78] И спустя двести лет после осуществления градостроительной программы Ярослава, по крайней мере в Южной Руси, Киев сохранял статус Второго Иерусалима и «мати городов русских».[79]

Значит, цитирование произведений, в которых пророчествуется или повествуется о падении Иерусалима, в отношении Киева — не случайно. Киев был для летописца Вторым Иерусалимом, это — одна из основных причин, по которой повесть о его разорении монголами является мозаикой из цитат и парафразов более древних текстов, посвященных падению Святого града.

3

Форма рассказа о падении Киева, насыщенного цитатами из исторических произведений и Священного Писания, как нельзя лучше иллюстрирует специфику средневекового книжного подхода к осмыслению реальности, который «предполагал поиск исторических (желательно библейских) аналогий».[80] Аналогией месту, Киеву, выступал его священный пространственный архетип, аналогией событию — его гибель. Падение Иерусалима — одно из важнейших событий священной истории: наказание Богом своего народа за отступничество. Такие события, согласно принципам христианской историософии, были вневременными и постоянно переживались заново, неоднократным эхом повторяясь в разных условиях.[81] О том, что «погибель русской земли» от монголов воспринималась именно как Божья кара за грехи, свидетельствуют сохранившиеся творения двух иерархов русской церкви эпохи установления зависимости от орды, выходцев из южнорусских княжеств: митрополита Кирилла II и Владимирского епископа Серапиона.[82]

Распознать в произошедшем такое вневременное эхо значило понять и осмыслить реальность. Однако такие сопоставления должно было проводить с большой осторожностью, из страха проявить недопустимую «дерзость пред лицом Того, Чьи дела во всей их Божественной полноте оставались непостижимы для человеческого разумения».[83]

---

[75] *Данилевский И. Н.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом?... С. 139–140; *Ричка В. М.* Київ — Другий Єрусалим... С. 141–153.

[76] *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона... С. 98.

[77] *Белецкий А. А.* Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской // Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 162–166.

[78] *Акентьев К. К.* Мозаики Киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византинороссика. 1995. Т. 1. С. 77–78.

[79] В народной русской культуре отождествление Киева со Вторым Иерусалимом сохранялось вплоть до XIX столетия. См.: *Ричка В. М.* Київ — Другий Єрусалим... С. 147–153. Об отождествлении Святого града с архетипом матери см.: Там же. С. 141–146; *Erdeljan E.* Chosen places. P. 59.

[80] *Лаушкин А. В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 211.

[81] *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 252; *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 68; *Лаушкин А. В.* Митрополит Кирилл II... С. 211.

[82] *Лаушкин А. В.* Митрополит Кирилл II...

[83] Там же. С. 211. См. также: *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998. Вып. 1. Книжная культура. С. 37–58.

Ответственность летописца перед Богом не допускала пустого сочинительства или интеллектуальных литературных упражнений, являвшихся «лестью» и грехом. Для отождествления произошедшего с одним из важнейших событий священной истории должно было быть достаточное основание. Таким исчерпывающим основанием могла быть только наблюдаемая реальность: цепочки событий, которые имели сходство с сюжетами, описанными в священных и исторических книгах, а значит, могли быть верно истолкованы с привлечением контекста этих сюжетов.

О том, что реальность проступает в рассказе о падении Киева, говорит не только характер работы с литературными источниками и цель их использования. В тексте присутствует эпизод, который никак нельзя отнести к заимствованиям. Во время осады был захвачен в плен монгольский воин: «...яша же в них татарина именем Товроул и тъ исповеда им всю силоу их се бяхоу братья его силныи воеводы Оурдю и Баидар, Бирюи, Каидан, Бечак и Меньгоу, и Кююк, иже вратися, оуведав смерть кановоу. И бысть каном. Не от роду же его, но бе воевода его перьвыи Себедяи богатоур и Боуроунъдаи багатырь иже взя Болгарьскоую землю, и Соуждальскоую, инехъ бещисла воеводъ, ихже не исписахомъ зде» (ПСРЛ, 2, 784–785). Само имя, *Товрул*, хотя и встречается в более поздних древнерусских памятниках,[84] не может быть признано исключительно литературным. Оно имеет тюркское происхождение и могло встречаться среди многоплеменного войска отправившихся на покорение запада чингизидов. Например, личное имя То'орил носил Ван хан, правитель кереитов, в разное время союзник и враг Чингисхана.[85] Что касается сведений, полученных от пленного Товрула, то, несмотря на совпадение со списком полководцев-участников Западного похода, который приводит Джувейни,[86] в их правдоподобности возникали сомнения. В частности, упоминание Мункэ и Гуюка смущало исследователей тем, что они, согласно сообщению Рашид-ад-Дина, были отозваны весной 1240 года в Монголию и «не могли принимать участия в осаде и штурме Киева осенью того же года, а значит перечень был помещен сюда летописцем по собственному разумению».[87] Тем не менее в недавнем исследовании показано, что источник собственно монгольского происхождения, «Секретная история монголов», и династийная китайская хроника Юань-ши полностью подтверждают информацию нашего летописца: Гуюк и Мункэ были отозваны в Монголию только после взятия Киева.[88] Значит, за текстом стоит не литературная выдумка или «собственное разумение» книжника, а историческая реальность.[89]

* * *

Повесть о монгольском взятии Киева в 1240 году в Галицко-Волынской летописи не является шаблонным пересказом сюжетов тех произведений, на которые указывает

---

[84] См.: *Jakobson R., Szeftel M.* The Vseslav Epos // Jakobson R. Selected Writings. Slavic Epic Studies. Mouton, 1966. P. 330. В частности, имя Товрул фигурирует в «Песне о Евпатии Коловрате» и некоторых редакциях «Сказания о Мамаевом побоище»: Сказания и Повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 406.

[85] Genghis Khan. The history of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. by J. A. Boyle. Manchester, 1997. P. 35, n. 5; The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. and comm. by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1. P. 394–395.

[86] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М.; Л., 1941. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений / Собр. В. Г. Тизенгаузеном, обраб. А. А. Ромаскевичем, С. Л. Волиным. С. 22; *Хрусталев Д. Г.* Русь и монгольское нашествие... С. 220–221; *Карпов А. Ю.* Батый... С. 100.

[87] *Ставиский В. И.* «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1991. С. 193.

[88] *Maiorov A. V.* The Mongol Conquest of Rus' // The Mongol World / Ed. by T. May and M. Hope. London; New York, 2022. P. 172.

[89] Именно так сведения пленного Товрула характеризуют историки: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 86; *Zimonyi I.* The Mongol Campaigns Against Eastern Europe... P. 342; *Maiorov A. V.* The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s... P. 480.

текстологический анализ. Южнорусский книжник творчески обрабатывал свои литературные источники, составляя подобие центона. При этом совокупность заимствований, на уровне прямого лексического соответствия или менее явных парафразов и реминисценций отдельных эпизодов Священного Писания и исторических произведений, имеет общую тему — падение Иерусалима. Функция такого цитирования заключалась в осмыслении реальности с привлечением исторических, библейских аналогий.

Обращение к падению Иерусалима связано с тем, что, с одной стороны, с принятием христианства от Византии Киев принял на себя функции Святого града, важнейшего земного места для христианства, в том числе в эсхатологическом контексте. С другой стороны, падение Святого града рассматривалось как важнейшее событие мировой священной истории, которое могло эхом повторяться в разных исторических контекстах. Провести параллель с таким событием означало принять на себя высокую ответственность, в особенности учитывая гипотезу о том, для Кого предназначались древнерусские летописи. Основанием для такой параллели могла быть только наблюдаемая реальность, в противном случае книжник рисковал стать исказителем Божественного замысла. Об этом свидетельствуют и характер работы с литературными источниками, и летописная информация, которую нельзя объяснить заимствованием: рассказ пленного Товрула, имеющий достаточные основания для того, чтобы быть признанным правдоподобным.

Итак, использование в древнерусских летописях извлечений из литературных произведений или «этикетных формул» не является признаком того, что изложенные события — выдумка или мистификация. Именно таким образом события описывались. Многослойность древнерусского источника не должна пугать, работая с ним, нужно «следовать с осторожностью, как советуют дорожные знаки».[90] Однако, согласно одной из центральных идей герменевтического анализа древнерусского текста, именно такими «дорожными знаками» являются литературные формулы и цитаты,[91] расшифровка контекста которых позволяет приблизиться к цели создания и смыслу текста, а вслед за этим к пониманию стоящей за ним реальности.

[90] *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами... С. 116.

[91] *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 60; *Репина Л. П.* «Доступный нашим чувствам знак»... С. 6.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-62-73

© *А. М. Петров*

«КРАСУЙСЯ, ПЕТРОЗАВОДСК, В СЛАВЕ СЕЙ!»: СТИХОТВОРЕНИЯ Т. В. БАЛАНДИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА*

В конце октября 1785 года олонецкий губернатор Г. Р. Державин, приступивший к должностным обязанностям всего год назад, покидал Петрозаводск.[1] Причиной тому стал затяжной конфликт с наместником олонецким и архангельским, генерал-губернатором Т. И. Тутолминым.[2] Державин ушел в отставку и уехал в Петербург, где в канун нового, 1786 года, ему было сделано поэтическое подношение: два стихотворения

* Публикация подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания по плановой теме № 121070800089-0 «Фольклор, рукописная книжность и литература Европейского Севера: источниковедение и поэтика».

[1] *Эпштейн Е. М.* Г. Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 80.

[2] Там же; см. также: *Западов В. А.* Державин Гаврила Романович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. А–И. С. 253; *Пашков А. М.* Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII — начала XX века. Петрозаводск, 2007. С. 19.

петрозаводского краеведа Тихона Васильевича Баландина,[3] прославлявшие деяния Гаврилы Романовича на губернаторском посту: «Ода» и «Поема граду Петрозаводску на щастливое состояние жителей» (с. 218–224).

Трудно сказать, что подумал в тот момент Державин о художественных достоинствах сочинений Баландина, однако человеческий порыв краеведа явно оценил: стихотворения сохранились в личном архиве поэта в Отделе рукописей РНБ (см. комм. на с. 340–341). Возможно, эти любительские вирши напоминали Державину о Петрозаводске, об Олонецкой губернии, а в какой-то мере и просто несли заряд душевного тепла дарителя. О публикации баландинских произведений, конечно, речи идти не могло. Возможно, это было и к лучшему для скромного краеведа, если учесть враждебность руководства и чиновничества Олонецкой губернии к опальному губернатору.[4]

Не совсем понятно, знал ли Баландин, что 15 декабря 1785 года Державин уже назначен Екатериной II на должность губернатора в Тамбов и больше никогда не вернется в Олонецкий край: историк А. М. Пашков указывает на «неосведомленность» Баландина «в этих деталях».[5]

Сейчас эти стихотворения являются памятником не столько художественно-эстетическим, сколько историческим, поскольку, во-первых, дают представление о взглядах, мировоззрении человека того времени, а во-вторых, стихи Баландина — это одновременно и научно-краеведческие сочинения, посвященные истории Петрозаводска.

Цель нашего исследования — представить стихотворения Баландина в поэтическом контексте эпохи и установить их возможные литературные «прототипы». Эти материалы, на наш взгляд, по-своему ценны для истории провинциальной (а также непрофессиональной, самодеятельной, «наивной») русской литературы.

На необходимость изучения творчества поэтов-дилетантов уже указывалось ранее.[6] Именно на XVIII век приходится зарождение этого культурного феномена в России. Это связано с тем, что «для философии Просвещения характерен высокий общественный престиж литературы и ее приближенность к проблемам отдельного человека. Читателями становились многочисленные представители разных сословий. В стихах маститых авторов они находили мысли и чувства, созвучные своим. Кажущаяся легкость сочинительства подталкивала любителей поэзии попробовать свои силы в сложении стихов. Поклонники поэзии жаждали стать ее творцами».[7]

---

[3] О Тихоне Васильевиче Баландине известно немногое: не установлен даже точный год его рождения, называются то 1745, то 1754, то 1748, то 1749 годы (*Баландин Т. В.* «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин; предисловие А. М. Пашкова и А. В. Пигина; подг. текстов к изданию М. Г. Бабалык и др.; комм. Е. Д. Гришкевич и др. СПб., 2016. С. 4 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы); *Пашков А. М.* Т. В. Баландин — малоизвестный петрозаводский просветитель конца XVIII — начала XIX вв. // Вопросы истории Европейского Севера / Отв. ред. М. И. Шумилов. Петрозаводск, 1991. С. 17). Также «время не сохранило ни могилы Баландина, ни его портрета» (с. 34). Дата смерти — 26 июня 1830 года (с. 3, 4). Канва жизни Баландина по разным источникам достаточно подробно (насколько это позволяют имеющиеся документы) восстановлена А. М. Пашковым (*Пашков А. М.* Горнозаводское краеведение Карелии... С. 14–50). Наиболее крупное сочинение Баландина — «Петрозаводские северные вечерние беседы», посвященные истории Петрозаводска. Оно печаталось на страницах «Олонецких губернских ведомостей» фольклористом П. Н. Рыбниковым в 1866–1867 годах (*Пашков А. М.* Горнозаводское краеведение Карелии... С. 44). Исследование «Бесед» с точки зрения их исторической точности в свое время опубликовал В. П. Мегорский (*Мегорский В. П.* Предание об основании Петрозаводска // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 год. Петрозаводск, 1908. С. 277–288). Полное собрание трудов Баландина опубликовано лишь несколько лет назад, хотя его вклад в культуру и краеведение Карелии общепризнан. Его справедливо называют «талантливым человеком, патриотом и знатоком истории края» (*Илюха О. П.* Книгоиздание в Олонецкой губернии (вторая половина XIX — начало XX века) // История литературы Карелии: В 3 т. Петрозаводск, 2000. Т. 3 / Ред. Ю. И. Дюжев. С. 35).

[4] *Эпштейн Е. М.* Г. Р. Державин в Карелии. С. 80.

[5] *Пашков А. М.* Горнозаводское краеведение Карелии... С. 19.

[6] *Кукушкина Е. Д.* Державин и К. В. Злобин (К вопросу о дилетантской поэзии) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 174.

[7] Там же. С. 174–175.

Любительские стихотворения, являясь частью литературного процесса, не всегда легко поддаются историко-типологической каталогизации и почти всегда требуют специального, «более точного определения своего места в культурном пространстве».[8] Поэтому в настоящее время признается необходимым «не только осмыслить более значительный пласт фактического материала, но и хорошо понять генезис, функции, саму основу литературного творчества самодеятельных авторов».[9] В рамках указанного подхода и предпринято предлагаемое нами исследование.

Оба стихотворения Баландина были написаны во время его пребывания в Рязани в 1785 году (комм. на с. 340). Это самые ранние сочинения краеведа «среди известных в настоящее время», они созданы «в традициях высоких жанров классицизма» (комм. на с. 340).

Первое стихотворение написано *четырехстопным ямбом* в форме *одического десятистишия*, что соответствует канонам классицизма,[10] хотя эти каноны не носили такого строгого характера, как принято считать.[11] В оде воспеваются добродетели Державина: поэт называет его *героем*, *благотворителем*, *благодетелем всех смертных*, *отцом*, *достохвалным мужем* и т. п.; прославляет деяния Державина, предрекая им долгую славу в веках: «Хоть тысяща пройдет веков, / Вся слава громкая пребудет, / И в обществе сей муж каков, / Хвалится смертный не забудет» (с. 220).

Державин в изображении Баландина предстает не как поэт: стихотворец ценит не слова, а дела: «Ты выше в деле, нежель в рихмах» (с. 219). Толкование этой фразы ранее было предложено Е. Д. Кукушкиной. По мнению исследовательницы, «автор хотел подчеркнуть значимость служебной деятельности Державина».[12] Это соответствует и отношению самого Державина к «словам» и «делам»: для него «в 1780-е гг. „дела“ были важнее „слов“». Любопытно, что «ни в одном другом стихотворении почитатели Державина не ставили его государственную деятельность выше его творчества. Чаще всего они уравнивались».[13]

Хотя, возможно, Баландин имеет в виду и собственные «рихмы», которые не в силах выразить величие адресата оды, т. е. никакими «рихмами» нельзя передать всю значимость государственной и литературной деятельности Державина.

Торжественный пафос создается при помощи церковнославянизмов: *златых*, *страждущим*, *пред*, *благотворитель*, *возвещу*, *влекут*, *здраву*, *чрез*, *грады*, *глас*, *пространном*, *тысяща*, *хощу*, *зиждутся*, *вещает*, *полнощных*, *благодарность*, *светозарность* и др.

Ода состоит из 12 строф. Для общего знакомства со стилем Баландина процитируем первую строфу: «Давно мой жаркий дух пленен / Твоими, о герой, делами, / Гремящими златых времен, / Которой быстрыми крилами / Разносит славы яркой звук. / Давно должен без наук[14] / Тебе отменну песнь составить, / Тебе, кой страждущим покров. / Давно среди моих трудов / Мой долг — твои труды прославить» (с. 218).

В строфе сочетаются перекрестная, парная и кольцевая (охватная) рифмовки с закономерным распределением мужских и женских клаузул: aBaBccDeeD. Четырехстопный ямб в сочетании с такой строфикой был впервые употреблен в «Оде на взятие

---

[8] *Жадовская С. А.* Фольклор и литературная деятельность в малом городе (на материале городов Кировской и Архангельской областей) // Русский фольклор. СПб., 2018. Т. 37. Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сб. статей и материалов памяти А. А. Горелова). С. 164.

[9] Там же.

[10] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984. С. 54, 56.

[11] *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. Пенза, 1972. С. 227.

[12] *Кукушкина Е. Д.* Стихотворные послания Державину (по рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 151.

[13] Там же.

[14] Метрический сбой. Здесь Баландин намекает на то, что он любитель и нигде не обучался искусству стихосложения.

Хотина» М. В. Ломоносовым в 1739 году.[15] Однако «наиболее популярным вариантом „одической строфы“» стала модель Я4 AbAbCCdEEd, использованная «впервые Сумароковым между 1740 и 1743 годами, в оде „Вперяюся в премены мира“ <...>, и Ломоносовым в 1741 году в оде, посвященной дню рождения Иоанна Антоновича...».[16] Десятистишие подобного типа было наиболее распространено в XVIII веке, на его долю приходилось 83% от общего числа всех десятистиший.[17] Это классическая одическая строфа.[18]

Схема aBaBccDeeD у Баландина неустойчива. В его оде единообразие строфической структуры не выдержано. Модели aBaBccDeeD *примерно* соответствуют строфы № 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12; AbAbCCdEEd — № 2, 4, 5, 6. Самодеятельный поэт не везде сладил с рифмовкой и метрикой. Однако можно с уверенностью утверждать, что именно эти два типа послужили образцами при написании оды.

Отметим «дефектные» строки: «Возвысити ревностно трубою», «Коль, несилен, я могу открыти», «Когда я свету не возвещу», «Приими, муж, выше редких душ», «Твоею, Державин, редкою душею», «К тебе, благодетель, мчит во отдаленный круг» и др. Всего таких строк набралось 23 из 120 (19,2%).

Судя по тому, что большее распространение в русской поэзии XVIII века получила модель AbAbCCdEEd, которая у Баландина уступает модели aBaBccDeeD, петрозаводский поэт ориентировался на ломоносовскую «Оду на взятие Хотина» как на самый ранний[19] и, по-видимому, самый авторитетный образец для подражания. Ср. также первую строку в обеих одах: «Давно мой жаркий *дух пленен*» (Баландин), «Восторг внезапный *ум пленил*» (Ломоносов). Вполне вероятно, что первая строка ломоносовской оды помогла Баландину «настроиться на нужную волну»; послужила своего рода поэтическим импульсом; из нее и зародился сначала ритм, а потом и текст баландинского стиха.

Возможно, конечно, что Баландин хорошо чувствовал поэтический дух эпохи и бессознательно воспроизводил общие художественные тенденции, без прямого подражания Ломоносову. Чтобы проверить уникальность лексического состава ломоносовской строки, обратимся к данным поэтического подкорпуса «Национального корпуса русского языка». Глагол «пленить» в разных формах («пленен», «пленил», «плененный» и т. д.) в разножанровом материале XVIII века (данные за 1730–1785 годы) встречается 99 раз. В произведениях разных авторов (Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Е. И. Кострова, Ф. Я. Козельского, В. И. Майкова, В. П. Петрова, М. В. Ломоносова и др.) словосочетания «плененный дух» или «плененный ум» составляют определенную часть поэтической формульности.

Иными словами, Баландин мог встречать эти образы в различных комбинациях не только у Ломоносова. Однако по разным причинам не все произведения могли повлиять на баландинскую «Оду». Так, часть написана цезурированным шестистопным ямбом (огромный разрыв в метрике); часть написана слишком близко к 1785 году и едва ли была знакома Баландину; часть соответствует модели AbAbCCdEEd, которая не соответствует процитированному баландинскому десятистишию. В то же время поэтическая формула «дух пленен» встречается *только* в ломоносовской оде «Уже врата отверзло лето...» 1743 года (AbAbCCdEEd) и в позднем сочинении Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Письмо к А. В. Сал<тыков>у» 1783 года. Третий поэт XVIII века, у которого мы находим формулу «дух пленен», — это сам Баландин.

---

[15] *Тверьянович К. Ю.* Метрика и строфика русской поэзии 1735–1810-х годов: Краткий обзор // Тверьянович К. Ю. Русский стих 1735–1810-х годов: Метрика и строфика: Антология / Под ред. П. Е. Бухаркина. СПб., 2013. С. 41.

[16] Там же.

[17] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха... С. 96.

[18] *Тарановский К. Ф.* Из истории русского стиха XVIII в. Одическая строфа в поэзии Ломоносова // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М., 2000. С. 291–299.

[19] «Ода на взятие Хотина» 12 лет пролежала «без движения» и была опубликована лишь в 1751 году (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. С. 874–875).

Баландинская строка, заметим, напоминает ломоносовскую и по ритмике: это полноударный ямб, с которого Ломоносов начал силлабо-тоническую революцию.[20]

Учитывая личность адресата «Оды», можно предположить влияние державинской оды «Фелица», ср.: «Она мой *дух* и *ум пленяет*» (также полноударный ямб), однако строфическое строение в «Фелице» другое (AbAbCCdEEd); кроме того, буквального лексического совпадения нет. И все же факты биографии Баландина указывают на то, что он мог читать «Фелицу»: в 1782–1783 годах Баландин совершал паломничество по монастырям и церквам, в том числе находился в Петербурге,[21] т. е. в центре культурных событий.

Но если учитывать *только* данные стиховой структуры, то наиболее близки строке баландинской оды строки из од Ломоносова. Вопрос об источнике, таким образом, не вполне разрешен; могут быть и иные гипотезы.

В остальном «Ода» Баландина более самостоятельна и лишь опирается на традиции классицизма, которые, конечно, задают определенные пределы, границы для творческой свободы поэта.

В области рифмовки Баландин проявляет консерватизм: он прибегает к грамматической рифме; в рамках одического десятистишия, естественно, не допускаются дактилические клаузулы, только мужские и женские.

Преобладают созвучия именные: *делами — крилами*, *звук — наук*, *трудах — берегах*, *венец — отец*, *мир — зефир* и т. д., всего 32 пары. Глагольные незначительно уступают: всего 26 пар: *составить — прославить*, *был — заслужил*, *любя — трубя*, *пылает — внимает*, *возгремит — парит*, *говорит — горит*, *воспящает*[22] *— напоминает* и т. д. В двух случаях используется смешанная рифмовка: *похвал — изъяснял*, *в честь — не принесть*.

Грамматическая техника довольно архаична, она, в частности, является признаком силлабики XVII века.[23] В XVIII веке такой рифмы поэты старались избегать;[24] она обедняет стих. Однако в чем Баландин неукоснительно следует нормам XVIII века — это в *точности* рифмовки. Имеются некоторые единичные отступления: *способны — превосходны*, *возвещу — постыжу*, *в ри́хмах — во стиха́х*. Рифмует Баландин и пары типа *воздаяний — сиянии*, *Острей — трофеи*, но «йотированные» рифмы были, в целом, «допущены к употреблению на правах „поэтической вольности“».[25] К относительно точным принадлежат пары созвучий *изъявити — открыти*, *изъяснить — открыть*, поскольку они содержат «и» и «ы» в ударной позиции.[26] Рифма *дух — круг* у Баландина также является точной, поскольку в XVIII веке в высоком церковнославянском произношении «г» произносился как фрикативный.[27]

Интерес представляет проблема ритмической организации баландинской оды на фоне ритмических тенденций XVIII века. Для характеристики ритмики необходимо, во-первых, исключить дефектные строки; во-вторых, рассмотреть два типа строф (aBaBccDeeD и AbAbCCdEEd) раздельно, поскольку разный порядок чередования мужских и женских строк потенциально может влиять на характер ритмики стиха.

---

[20] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 212–214. Существует гипотеза, согласно которой на ритмику «Оды на взятие Хотина» повлияла ритмика немецкого языка (*Казарцев Е. В.*, *Красноперова М. А.* «Ода... на взятие Хотина 1739 года» М. В. Ломоносова на фоне языковых моделей ритмики русского и немецкого стиха // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха / Под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. М., 2004. С. 33–46).

[21] *Пашков А. М.* Горнозаводское краеведение Карелии... С. 18.

[22] Воспящать — «1. Задержать движение кого-, чего-л.; остановить, обратить вспять. 2. Воспрепятствовать, помешать кому-, чему-л.» (Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. Воздух — Выпись. С. 92). В строках «Пусть благодарностью моею / Лететь мест далностию воспящает» Баландин имеет в виду, что его стихотворение написано в Рязани, т. е. далеко от Петрозаводска, и эта отдаленность усложняет принесение благодарности адресату.

[23] *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб.; М., 2004. С. 87.

[24] Там же.

[25] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха... С. 86.

[26] *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения. С. 88.

[27] Там же. С. 93.

Как мы уже отметили, дефектных строк в оде — 23. Следовательно, всего для ритмической характеристики остается 97 строк.

Модели aBaBccDeeD соответствуют 8 строф (№ 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12), т. е. 80 строк. Здесь исключены как дефектные 18, т. е. анализу подлежат 62. Модели AbAbCCdEEd соответствуют 4 строфы (№ 2, 4, 5, 6), т. е. 40 строк. Исключены 5, т. е. анализу подлежат 35.

Основу ритмики составляют строки, соответствующие I, III и IV ритмическим формам.[28] Например: I *Давно́ мой жа́ркий ду́х плене́н*, III *Хоть ты́сяща пройде́т веко́в*, IV *Како́й, о се́верной Остре́й*. Существенно реже встречаются формы II, VI и VII, например: II *Он безъумо́лкно вве́рх пари́т*, VI *Пусть благода́рностью мое́ю*, VII *Но ре́вностным не возпреща́ет*.

Профиль ударности для строф модели aBaBccDeeD представлен в *таблице 1*:

Таблица 1. Профиль ударности для строф aBaBccDeeD

Икты	**I**	**II**	**III**	**IV**
Ударяемые икты	58	50	33	62
%	**93,5**	**80,6**	**53,2**	**100**

Таким образом, для строф aBaBccDeeD мы получили «рамочный» профиль ударности четырехстопного ямба, характерный для русского стиха XVIII века.[29]

По М. Л. Гаспарову, «художественный эффект этого подчеркивания ударной рамки, по-видимому, в том, что от этого каждый стих выступает более выделенно и самостоятельно и что в каждом стихе ритм отчетливо задается с самого начала. И то и другое вполне соответствует духу классицистической эстетики».[30]

Очевидно, что на основании столь незначительного материала судить о ритмических тенденциях невозможно, однако сами по себе эти цифры достаточно интересны.

Профиль ударности для строф AbAbCCdEEd представлен в *таблице 2*:

Таблица 2. Профиль ударности для строф AbAbCCdEEd

Икты	**I**	**II**	**III**	**IV**
Ударяемые икты	32	30	17	35
%	**91,4**	**85,7**	**48,6**	**100**

Поскольку наш материал статистически не показателен, воздержимся от сравнений с данными из *таблицы 1*; обратим лишь внимание, что и здесь, в микромодели одического стиха, выдержан «рамочный» профиль.

Также Баландин старательно избегает сверхсхемных ударений: на 97 строк приходится лишь один случай: *Гла́с ре́вности моей открыть*.

Любопытно, что язык (синтаксис и грамматика) и стиль баландинской оды намного проще, чем стиль его же прозаических произведений. Если его проза тяготеет «к традициям так называемого „старого“ слога сторонников А. С. Шишкова и его

---

[28] О номенклатуре ритмических форм см. подробнее: *Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В.* Статьи о лингвистике стиха. М., 2004. С. 8.

[29] *Белый А.* Опыт характеристики русского четырехстопного ямба // Белый А. Символизм. М., 1910. С. 286–330; *Тарановский К. Ф., Прохоров А. В.* К характеристике русского четырехстопного ямба XVIII века: Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков // Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / Пер. с серб. В. В. Сонькина. М., 2010. С. 398–444; *Гаспаров М. Л.* 1) Очерк истории русского стиха... С. 75; 2) Материалы к ритмике русского четырехстопного ямба XVIII века // Гаспаров М. Л. Избр. труды. М., 1997. Т. 3. О стихе. С. 158–180; *Казарцев Е. В.* Сравнительное стиховедение: Метрика и ритмика. СПб., 2017. С. 77–78.

[30] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха... С. 75–76.

последователей»,[31] то стих (синтаксис стиха), напротив, предельно облегчен. Вероятно, здесь действует механизм «компенсации», о котором, в частности, писал М. Л. Гаспаров: «Переход от силлабического стихосложения к силлабо-тоническому сделал более трудным метр, но более легким — синтаксис».[32]

В целом, Баландин старательно следует нормам поэтики торжественной оды XVIII века (прежде всего, оды Ломоносова). Это проявляется не только в языковой или стиховой организации текста. Опорой поэту служат тематические топосы жанра.[33]

В ломоносовской оде воспевается *просвещенный*, *идеализированный монарх* — Баландин в той же манере и стилистике воспевает Державина. Есть и регламентированный поэтикой оды реверанс в сторону подлинного монарха: «В восторге всяк ликует новом / Под толь возлюбленным покровом / Владычицы полнощных стран» (с. 221). «Владычица» здесь — это Екатерина II (комм. на с. 341).

Ода Баландина пронизана *патриотическим настроением*: «Но всяк, кто мысль имеет здраву, / *Свое отечество любя*, / Тебе почтение составляет / И свету дух свой объявляет, / Правдивою трубой трубя» (с. 219). При этом настрой поэта миролюбив, он больше ценит не военные победы и трофеи, а созидательный труд во благо отечества; подлинную славу приносят властителю мирные дела: «Пускай другой, приявши меч, / На пространном поле ополчился / И сам себя тем в ползу общу веселит, / Что враг его мечем разбит, / Он славой бранной веселился. / *Но так не менше возгремит*, / *Что внутрь отечества печется*. / Он безъумолкно вверх парит / И в звук мирных лир несется / До самых светлых облаков...» (с. 220).

Мировое *пространство* видится поэту *грандиозным*, *необъятным*; он мысленно преодолевает огромные расстояния, возносится над землей в небесные сферы; создает величественную картину природы: «Мой дух, *чрез грады*, *лес* и *горы* / Простерты мысленныя взоры, / Тебя в великих зрят трудах»; «*В полях*, *лесах* и *над водами* / Вещает нежными устами» (с. 219, 221). Подобные поэтические масштабы соответствуют принципам художественной организации классической оды, в которой «восторженный пиит руководим в своем пении не разумом, но восхищением; его воображение парит, пролетает мигом пространство, время, нарушает логические связи, подобно молнии освещает сразу разнообразные места».[34]

Важной чертой поэтики оды являются *античные образы и мотивы* — Баландин включает в свое стихотворение и их; они выстраиваются в ряд «возвышенных ассоциаций».[35] Как отметил А. В. Западов, «читатели XVIII века, встречая имя Марса, твердо знали, что речь пойдет о войне, появление Нептуна обозначало, что начинается морская тема. Венера всегда вела за собой рассуждение о любви и т. д.».[36] В баландинской оде разрабатывается тема «золотого века» — мифического времени всеобщего благоденствия и счастья. Поэтому в оде фигурируют Острей (Астрей)[37] — греческое божество звездного неба[38] и римский Сатурн — «справедливый и добрый бог золотого века».[39] Тема «золотого века» могла быть известна Баландину из тех же источников — од Ломоносова, ср. образ египетского «златого века»: «Златой дает

---

[31] *Патроева Н. В.* О языке и стиле «Петрозаводских северных вечерних бесед» Т. В. Баландина // Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»... С. 364.

[32] *Гаспаров М. Л.* Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М. Л. Избр. труды. Т. 3. С. 153.

[33] См.: *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1939; *Серман И. З.* Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л., 1973; *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.

[34] *Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. статья В. М. Живова. М., 2001. С. 47.

[35] Там же. С. 46.

[36] *Западов А. В.* Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). М., 1979. С. 37.

[37] Комментаторы баландинской оды предполагают, что здесь может иметься в виду Астрея, т. е. речь идет о «веке Астреи» (комм. на с. 341).

[38] *Западов А. В.* Поэты XVIII века... С. 37.

[39] Там же.

Египту век».[40] Характерен для поэтики русского классицизма образ *зефира* (мягкого ветерка), также связанный с греческой мифологией (Зефир — бог западного ветра): «Веселье зиждутся трофеи, / И царствует везде *зефир*» (с. 221).

Можно говорить об особом устройстве художественного хронотопа: «одической горизонтали» (пространство) и «одической вертикали» (время).[41] «Поэт <...> оказывается над пространством и временем, или вне времени и пространства, в той метафизической области, куда его призывал Платон».[42]

В «Оде», соответственно поэтике жанра, присутствуют и «два разных лирических выразителя: одическое „я“ и одическое „мы“ <...> одическое „я“ выражает мысли и чувства одического поэта, который, на время забывая о своем парении, присоединяет свой голос к голосу народа, говорит от его лица, тогда появляется одическое „мы“».[43]

Имеются в тексте и «темные места», в которых, судя по всему, ведется речь о личных жизненных обстоятельствах поэта. Баландин говорит о «милостях», оказанных ему Державиным, на что ранее обратили внимание комментаторы «Оды» (предисловие, с. 23). Ср.: «Мне стыдно о тебе молчать, / Мне стыдно *милости* забыть, / Которые ты мне мог дать, / Безчувствен не хощу я быть»; «Когда б не *милость* мне твоя, / Тобою вечно, жизнь моя, / Тобою я возстановился» (с. 220). Баландин горестно восклицает: «Отца такого я лишился!» (с. 220). Что именно послужило поводом для скорби поэта, не ясно. Вероятно, он мог как-то узнать об отставке Державина с поста Олонецкого губернатора и внес эти строки в окончательную редакцию «Оды» ближе к ноябрю — декабрю 1785 года (напомним, что сама «Ода» создавалась летом 1785 года в Рязани). Текстологические разыскания здесь невозможны, поскольку черновики стихотворения (они наверняка были) не сохранились.

«Ода» является своеобразным прологом ко второму стихотворению, в котором поэт сосредотачивает внимание на «граде Петрозаводске».

«Поэма граду Петрозаводску...» — это «первое поэтическое произведение, посвященное этому городу и написанное местным уроженцем» (предисловие, с. 23). Квалификация стихотворной формы «Поэмы...» в контексте традиции классицизма представляется нетривиальной задачей. Поэма имеет строфическую организацию: она состоит из 11 строф, каждая из которых включает 10 строк (исключение — вторая строфа, состоящая из 12 строк). Строго выдержана парная рифма — от начала и до конца поэмы (исключение — 10 строфа, где в первых четырех строках используется неточная перекрестная рифма: *числи — лести — мысли — прости*). Клаузулы только мужские и женские, закономерностей в их чередовании нет, порядок произвольный.

Приведем в качестве примера первую строфу: «В стране́ знатне́йших се́верных холмо́в, (1.113.0)[44] / Проме́жду высо́ких го́р и круты́х бего́в, (1.2121.0) / Где зря́тся прозра́чны чи́сты во́ды, (1.211.1) / Там ра́зных ры́б видны́ многи ро́ды, (1.112.1) / С го́р тече́ние бы́стрых во́д кати́тся, (0.1211.1) / И стремя́сь струя́ струе́й ярится. (2.111.1) / Журча́ние бегу́щих во́д, пла́вной сту́к, (1.3101.0) / Раздаю́щей гу́л и прия́тной зву́к, (2.121.0) / Предаю́щей красу́ селе́нию и наро́ду, (2.214.1) / Гро́мчае па́меть гра́ду, не́жели Немврóду (0.2113.1)» (с. 221).

Ясно, что это не силлабо-тонический стих. Парная рифмовка наводит на мысль о силлабическом стихе, однако от силлабики здесь нет ничего: не выдержан не только изосиллабизм, но хотя бы относительный силлабизм; нет цезуры; при этом частотны мужские рифмы, нетипичные для русской силлабики (строк с мужскими клаузулами — 47, с женскими — 65). Можно, конечно, предположить, что это — до предела расшатанная силлабика, но в таком случае должны быть хоть какие-то признаки

---

[40] *Ломоносов М. В.* Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и прим. А. А. Морозова; подг. текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. Л., 1986. С. 113 (Библиотека поэта. Большая сер.).

[41] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода... С. 192.

[42] Там же. С. 192–193.

[43] Там же. С. 193.

[44] Здесь и далее внутри цитаты в конце каждой строки в скобках приведены интервальные схемы.

силлабических виршей. В тексте таких признаков нет совсем. Вероятно, Баландин мог «держать в уме» силлабику, но получилось у него нечто совсем другое.

По-видимому, этот стих ближе всего к тоническому. В комбинациях междударных интервалов в каждой строфе нет закономерности; каких-либо ограничений на длину междударного интервала нет, стих полностью расшатан. Проверив структуру интервальных схем для каждой строки,[45] мы квалифицируем этот текст как *акцентный стих*. Количество ударений в строках также неодинаково: диапазон акцентного варьирования равен 3–5, т. е. стих является неравностроч ным. Парная рифма, маркирующая границы строки, дает основания предположить, что перед нами *стих говорного типа*, *говорная тоника*. Его обычно называют *досиллабическим* или *раешником*.[46] Классификация его видов составляет отдельную проблему.[47]

Однако такой говорной стих при всех натяжках не вписывается в рамки эстетики классицизма. Это вынуждает нас вновь поставить вопрос о метрических «прототипах» поэзии Баландина.

Думается, едва ли можно утверждать, что источником метрики баландинской поэмы стал фольклор. В «Поэме...» совсем другая стилистика, тематика, образность, нежели в народном говорном стихе. «Поэма...» — произведение серьезное, торжественное, посвященное высоким правящим особам; здесь выражено восхищение любимым городом и его жителями. Народный раешник более всего ассоциируется с прибаутками, пословицами, балагурными, скоморошьими интонациями (хотя только к ним, конечно, не сводится).

Баландин был прекрасным знатоком местного фольклора, но воспитан был в совершенно другой среде: он был подлинным книгочеем (см. с. 5–10), при этом «истово верующим» человеком.[48] Привычной для него областью была все-таки книжная, а не устная народная словесность.

Предположим, что источником метрики для «Поэмы...» могли послужить стихотворения авторов-досиллабистов приказной школы (справщика Савватия, А. Романчукова, П. Самсонова и др.[49]) или другие произведения, написанные в русле этой традиции. Ср.: «Еллины ищут премудрости на сем свете, / горе же им будет, егда предстанут в будущем ответе. / От сущаго источника истекают воды живы, / а от земныя мудрости бывают мысли вознесливы»;[50] «Проникнули туда россов взоры, / Тщанием взошед в глубокия норы, / С добычею несясь на свет явленной, / Со славою отечеству и вселенной» (с. 222–223).

Вопрос, был ли вообще знаком Баландин с этими сочинениями, для нас остается открытым. Но имеются свидетельства, что вирши начала XVII века переписывались еще очень долго.[51] Некоторая вероятность чтения таких стихов Баландиным существует; особенно если учесть, что он, сам не будучи старообрядцем, был женат на Ирине Аверкиевой, «дочери петрозаводского старожила, старообрядца Аверкия Васильева Нетужева» (предисловие, с. 7). В культуре старообрядцев бытование досиллабических и силлабических стихов — вполне обыденное явление, достаточно вспомнить выголексинскую литературную школу, в которой «культивировали и раешник, и тонику, и, наконец, изосиллабические вирши».[52]

---

[45] О методике определения метра в стихе подобного типа см.: *Скулачева Т. В.* Методы определения метра в неклассическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 45–54.

[46] *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1963. С. 34–77.

[47] *Гильман М. П.* Русский досиллабический стих: проблемы классификации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 11. Славянский стих / Отв. ред. выпуска Т. В. Скулачева. М., 2017. С. 200–209.

[48] *Патроева Н. В.* О языке и стиле «Петрозаводских северных вечерних бесед» Т. В. Баландина. С. 365.

[49] Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989.

[50] Виршевая поэзия... С. 241.

[51] *Былинин В. К.*, *Илюшин А. А.* Начало русского виршеписания // Виршевая поэзия... С. 19.

[52] *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. С. 101–102.

Можно, конечно, предположить и другой источник метрики, а именно говорной стих древнерусских текстов.[53] Баландин был хорошо знаком с произведениями церковной литературы русского средневековья и активно задействовал их стилистику в собственных краеведческих штудиях.[54] Однако этот источник представляется маловероятным. «Поэма...» Баландина относится к светскому жанру литературы, она принадлежит совсем другой эпохе и другой культурной традиции.

Рифма в досиллабическом стихе грамматическая, строки обычно связаны синтаксическим параллелизмом.[55] В «Поэме...» также преобладают рифмы грамматические: 1) именные: *рудами — трудами*, *явленной — вселенной*, *Мецената — Сократа*, *златой — драгой*, *героя — Троя*, *превознесенной — посвященной* и т. д., всего 41 пара; 2) глагольные: *распространил — лил*, *гремит — затмит*, *называя — прославляя*, *вещаю — вкушаю*, *пребуду — не забуду* и т. д, всего 10 пар; 3) смешанные: *рек — век*, *несу — красу* и т. п., всего 5 пар.

А. М. Панченко определяет технику рифмовки досиллабического стихотворства как нечто среднее «между классической силлабикой <...> и раешником».[56] По-видимому, где-то на стыке этих традиций следует рассматривать и стих баландинской «Поэмы...». В качестве аргумента против нашей версии можно привести подсчеты А. М. Панченко, согласно которым «в книжной поэзии досимеонова периода наряду с преобладающей женской рифмой обильно использованы рифмы мужские и дактилические».[57] У Баландина дактилических рифм нет, но это и понятно: дактилическое окончание имеет фольклорные ассоциации, по разным причинам чуждые петрозаводскому поэту.

При установлении вероятности связи стиха «Поэмы...» Баландина с поэзией приказной школы проблему также представляет такая существенная ее черта, как использование *акростиха*.[58] В «Поэме...» нам не удалось его обнаружить. Возможно, такая изощренная техника была попросту не под силу поэту-любителю, или предполагаемое нами влияние не было существенным, и нужно искать другие истоки метрики этого произведения.

В любом случае тематика и стиль «Поэмы...» сформированы не традициями приказной школы, а эпохой Просвещения. Не случайно сквозь говорные интонации изредка прорываются *одические* ноты: «Внемли, герой, мой глас и числи / Хвалы, сплетенныя без лести. / Но естли где нескладны мысли, / Ты неучености моей прости / И зри усердныя сердца, / Которыя будут до конца» (с. 224).

«Поэма...» отличается торжественностью стиля. Она наполнена церковнославянизмами: *брегов*, *бегущих*, *град*, *сребро*, *блата*, *раждают*, *посвященной* и др., античными образами и библеизмами: Немврод, Меценат, Сократ, Троя (подробные комментарии к этим образам см.: с. 341–342). Экспрессия здесь даже сильнее, чем в «Оде». Поэт воспевает не только Державина и Екатерину Великую, но и Петра I.

«Поэма...» представляет патриотическое стихотворное описание, причем весьма точное,[59] *истории* Петрозаводска. Много внимания уделяется теме основания города; природным богатствам местности (золото, серебро, медь, чугун, руда, мрамор и т. д.); Петровским заводам. Возможно, перед нами одна из универсальных черт провинциальной литературы: потребность осознать «свое место в стране и в истории», найти «„опорные точки“ самосознания».[60] Именно *история малой родины* оказывается одной из таких точек: славное прошлое края «легитимирует его настоящее».[61]

---

[53] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха... С. 19–20.

[54] *Патроева Н. В.* О языке и стиле «Петрозаводских северных вечерних бесед» Т. В. Баландина. С. 366.

[55] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха... С. 26.

[56] *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. С. 224.

[57] Там же.

[58] Там же. С. 67.

[59] Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1703–2003 / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, М. А. Мишенева, Ю. А. Савватеева. Петрозаводск, 2002.

[60] *Жадовская С. А.* Фольклор и литературная деятельность в малом городе... С. 175.

[61] Там же.

Петрозаводск в изображении Баландина — *идиллический* локус; поэт любуется городским ландшафтом: холмы, горы, крутые берега, чистые, журчащие воды, изобилие рыб в водоемах и т. д. Петрозаводск напоминает рай, пребывающий в «златом веке», где праведным судом дается «мир драгой»; овцы пасутся «в пажити тучной»; «богатый и бедный в суде равен» и т. д. Это город вечного мира и счастья («щастливого состояния жителей»). Образ Петрозаводска-рая, впервые созданный Баландиным, дожил до XXI века и встречается, в частности, в прозе Виктора Пулькина.[62]

Баландин прославляет деятельность Петра I, причем не только в «Поэме...», но и в «Петрозаводских северных вечерних беседах», где Петр, как и в «Поэме...», также «царь-преобразователь».[63] В создании этого образа поэт следовал «духу <...> произведений Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова» и «народным сказаниям о царе-труженике, противостоящим легендам о „подменном царе“ и „царе-антихристе“, ходившим в чуждой Баландину старообрядческой среде».[64] И для Петра I, и для Державина поэт использует эпитет «отец»: «всей стране отец», «отец Державин». Восхищаясь Державиным, Баландин не жалеет красок: он вновь, как и в «Оде», называет его героем, славит «доброты» и «милость», благодарит за то, что олонецкий губернатор «доставил тишину к покою». В последнем случае нельзя не отметить влияния ломоносовской одической топики («возлюбленная тишина»): именно топос «тишины» наиболее частотен «среди всех loci communes, используемых Ломоносовым».[65] Но это и отражение личности Баландина, стремившегося «к одиночеству и покою» (предисловие, с. 33).

Характерна для послания самоуничижительная интонация: Баландин постоянно подчеркивает свою «неученость», «негромкий в слоге звук» и т. п. Эта интонация присуща всем его произведениям, в чем можно видеть влияние древнерусского литературного этикета (предисловие, с. 26).

В «Поэме...» имеются признаки «научной поэзии». Стихотворная форма изложения научного знания (в данном случае — краеведческих изысканий по истории города) могла быть известна Баландину из сочинений Ломоносова. Можно привести такой пример «научной поэзии», как «Письмо о пользе стекла...» (1752), который мог вдохновить Баландина на создание стихотворной истории Петрозаводска. В баландинской «Поэме...» иногда мелькают даже правильные цезурированные строки шестистопного ямба, как в александрийском стихе «Письма о пользе стекла...»: «Вначале Божеству / воздвигнул храм святой»; «Раждают и несут / различной род руды» (с. 222). Впрочем, это лишь догадка. Отметим, что и в «Письме...» используется парная рифма, но, конечно, этого совершенно недостаточно для каких-либо сопоставлений. Однако сам климат эпохи, безусловно, вдохновлял авторов на подобные сочинения; тот же Баландин непрерывно учился практически всю жизнь. Любопытно, что до сих пор в местных литературных традициях могут создаваться переложенные стихами фольклорные нарративы о прошлом края.[66] Это чем-то напоминает эстетику «Поэмы...» Баландина. Вероятно, здесь играет свою роль особая *ценность стиха*, подсознательное восприятие стихотворной формы как «речи повышенной важности».[67]

Таким образом, в баландинской «Поэме...» темы, идеи, образы, стилистика и риторика классицизма (точнее — торжественной оды) предстают в форме русской досиллабической поэзии XVII века. Баландин выступил и как человек своего времени, и как приверженец «старины», старой школы стихотворства, рассказывая о «высоком» предмете простым стихом. По какой причине досиллабическая форма показалась ему удобной для передачи ценностей эпохи XVIII века, едва ли когда-нибудь удастся выяснить. Возможно, Баландин использовал метрические образцы, с которыми был луч-

---

[62] *Петров А. М.* Многоликий Петрозаводск Виктора Пулькина: к проблеме локального текста русской литературы // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2021. Т. 43. № 6. С. 29–40.

[63] *Патроева Н. В.* О языке и стиле «Петрозаводских северных вечерних бесед»... С. 366.

[64] Там же.

[65] *Бухаркин П. Е.* Топос «тишины» в одической поэзии М. В. Ломоносова // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 5.

[66] *Жадовская С. А.* Фольклор и литературная деятельность в малом городе... С. 175.

[67] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. С. 8.

ше знаком и которые чаще видел в книгах или рукописях, и решил разнообразить «поэтическое подношение».

В настоящее время известны только два стихотворения, принадлежащие перу Баландина. Едва ли их станет больше: архивные разыскания не сулят здесь каких-то открытий. Оба стихотворения написаны под влиянием классицизма, причем «это влияние проявляется больше в подражании форме» (предисловие, с. 22). Они интересны как художественно-документальное свидетельство, проливающее свет на некоторые особенности духовно-интеллектуальной жизни российской провинции XVIII века; на особенности стиля непрофессиональных писателей, подражающих высоким литературным образцам.

Одним из источников вдохновения для Баландина при создании первого из стихотворений могли стать оды Ломоносова. Вероятно, провинциального поэта восхищал масштаб личности прославленного ученого. Баландин тщательно копировал внешние атрибуты оды: пышность, орнаментальность стиля, мифологические образы, масштабные, величественные картины природы, восхищение монархическими особами. Также он не без успеха воспроизвел стиховую сторону жанра: четырехстопный ямб, организованный в нужный строфический рисунок. Ритмика баландинской оды характеризуется «рамочным» профилем ударности и типична для XVIII века.

Сочинения Ломоносова могли повлиять и на второе стихотворение Баландина — «Поэму...», хотя и с меньшей вероятностью. Из этих сочинений Баландин мог почерпнуть идею «научной поэзии»: в стихотворной форме изложено, по сути, краеведческое исследование истории Петрозаводска. Сама же эта форма мало соотносится с поэтикой классицизма и теснее связана с досиллабическим стихом начала XVII века. При этом тематика и стиль «Поэмы...» по-прежнему обнаруживают существенное сходство с торжественной одой.

Небольшие и по-своему наивные стихотворения добавляют новые штрихи к личности скромного петрозаводского просветителя, немало сделавшего для сохранения памяти об истории и культуре родного края.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-73-79

© *С. Б. Федотова*

ЗАМЕТКИ А. С. ПУШКИНА ДЛЯ ПЕРВЫХ НОМЕРОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» (К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ)*

Пушкин был убежден, что «если бы все писатели, заслуживающие уважение <и> доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть».[1] Для этого и была задумана им и А. А. Дельвигом «Литературная газета», выходившая в Петербурге с 1 января 1830-го по 30 июня 1831 года. Роль Пушкина в издании газеты чрезвычайно велика. На ее страницах он опубликовал отрывок из восьмой главы «Евгения Онегина» («Прекрасны вы, брега Тавриды...»), стихотворения «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), «Ответ» («Я вас узнал, о мой оракул...»), «Стансы» («В часы забав иль праздной скуки...»),

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01616, https://rscf.ru/project/22-28-01616/, ИРЛИ РАН.

[1] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1941. Т. 11. С. 90 (статья «<Разговор о критике>», 1829–1830). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

«К**» («Когда твои младые лета...»), «В альбом» («Что в имени тебе моем?..»), «Калмычке», «Арион», «Кавказ», «Мадона», отрывки из «Путешествия в Арзрум...» и «<Арапа Петра Великого>», а также более двадцати критических статей и заметок.

С января по вторую половину февраля 1830 года Пушкин занимался газетой практически единолично. «Не подлежит сомнению, — писал В. В. Виноградов, — что в первые два месяца существования „Лит<ературной> газеты“ (до 4 марта 1830 г.), когда с отъездом Дельвига и до появления в Петербурге Вяземского Пушкин исполнял обязанности главного редактора (совместно с О. М. Сомовым), Пушкин не только больше всех поместил своих критических статей в газете, но и подверг многое из чужих литературных материалов редакторско-стилистической правке...».[2]

Автографы многих критических заметок Пушкина, опубликованных в «Литературной газете», не сохранились,[3] а те, которые нам известны, в основном находятся в так называемой Первой арзрумской тетради.[4] Она заполнялась одновременно с двух сторон, при этом записи часто велись в перевернутом (верхом вниз) положении, от конца к началу, — такова обычная практика работы Пушкина в тетрадях. Ряд верных наблюдений о том, когда были написаны статьи для «Литературной газеты», принадлежит Я. Л. Левкович, подготовившей историю заполнения Первой арзрумской тетради.[5] И все же более пристальное внимание к содержанию заметок и выходу в свет номеров газеты, где они были опубликованы, позволяет сделать некоторые уточнения к предложенным исследовательницей датировкам.

Рецензия на вышедшую анонимно брошюру «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского» опубликована без подписи 1 января в первом номере «Литературной газеты». В тетради она записана на свободном месте листа 18 после чернового наброска стихотворения «Зачем, Елена, так пугливо...», появившегося, вероятно, в начале ноября 1829 года во время пребывания поэта в Тверской губернии.[6] Время написания пушкинской рецензии устанавливается довольно точно: не ранее 15 декабря (в этот день вышла газета «Русский инвалид» с приложением анонимной брошюры с «Некрологией» Раевскому[7]) и не позднее 30 декабря 1829 года, когда было получено цензурное разрешение первого номера «Литературной газеты». Судя по письмам к цензору К. С. Сербиновичу, во второй половине декабря Сомов начал активно отправлять ему статьи для первого номера,[8] а в одном из них 23 декабря он сообщал: «Вчерась препроводил я к Вам несколько библиографических статеек. Сегодня препровождаю одну в „Смесь“».[9] Скорее всего, речь идет именно о «<О Некрологии генерала от кавалерии

---

[2] *Виноградов В. В.* Пушкин и «Литературная газета» 1830–1831 гг. // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 423.

[3] К ним относятся: «<О переводе романа Б. Констана „Адольф“>» (1829), «„История русского народа“, сочинение Николая Полевого», «Денница», «„Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой“, описательное стихотворение в четырех частях Федора Глинки», «Острая шутка не есть окончательный приговор...» («<Заметки и афоризмы разных годов>»), «Невский альманах на 1830 год», «Англия есть отечество карикатуры и пародии...», «В одной из Шекспировых комедий...» («<Заметки и афоризмы разных годов>»), «Г-н Раич счел за нужное...», «Мильтон говаривал...» («<Заметки и афоризмы разных годов>»), «„Собрание насекомых“. Стихотворение А. С. Пушкина», «В газете „Le Furet“...» («<Заметки и афоризмы разных годов>») (все — 1830), «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme; Les consolations, poésies par Sainte-Beuve» (1831).

[4] ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 841. Далее ссылки на архивную нумерацию тетради приводятся в тексте. Принятое в пушкиноведении название «Первая арзрумская тетрадь» связано с поездкой Пушкина в 1829 году в Арзрум, в действующую армию, куда он взял с собой для работы чистую тетрадь.

[5] См.: *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 243–277.

[6] См.: Там же. С. 264.

[7] Вскоре брошюра была перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях» (20–23 декабря 1829 года) и в «Московских ведомостях» (1–2 января 1830 года).

[8] См., например, его письмо к Сербиновичу от 19 декабря 1829 года (*Вацуро В. Э.* К истории пушкинских изданий (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 294).

[9] Там же. С. 296.

Н. Н. Раевского>», которая была написана Пушкиным, по-видимому, первой из заметок, когда над ними не велась еще последовательная работа в тетради. Это отчасти объясняет и тот факт, что текст ее был вписан на свободном месте среди более ранних тверских автографов. Таким образом, «Некрологию» можно предположительно датировать временем не ранее 15-го и не позднее 22 декабря 1829 года.[10]

В том же номере «Литературной газеты» в отделе «Смесь»[11] вслед за «Некрологией» напечатана без подписи еще одна пушкинская заметка — о готовящемся к выходу романе Б. Констана «Адольф» в переводе П. А. Вяземского,[12] автограф которой не сохранился. Известно, что с ее публикацией возникли проблемы. 28 декабря 1829 года Сомов обращался с просьбой к служившему в Комитете иностранной цензуры В. Ф. Одоевскому: «Князь! Господин Пушкин составил для „Литературной газеты“ маленькую заметку, о переводе романа Бенжамена Констана „Адольф“, который князь Вяземский хочет напечатать в Москве; но как наш цензор упорно считает, что названный роман имеется в индексе к списку иностранных книг и по той причине отказывается подписать заметку, я прошу Вас, князь, быть добрым известить меня, действительно ли находится указанный роман в списке запрещенных произведений, и, если это возможно, написать мне несколько строк по этому поводу сегодня же...».[13] Если допустить, что 23 декабря первой Сербиновичу была отправлена «Некрология», то заметка «<О переводе романа Б. Констана „Адольф“>» могла быть написана не ранее 23-го и не позднее 27 декабря 1829 года.[14] Спешка, в которой решался вопрос о ее публикации, также свидетельствует о том, что заметка была написана в последних числах декабря.[15] Пушкин все-таки успел напечатать ее в первом номере, что было важно для него, поскольку он считал перевод Вяземского «истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы» (11, 87).

Последовательная работа над заметками для «Литературной газеты» в тетради началась с рецензии «Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем», напечатанной без подписи 6 января во втором номере. Экземпляр этой книги с дарственной надписью Н. И. Гнедича («Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения от переводчика. 1829, Дек<абря> 23. С<анкт->П<етер>бург») сохранился в пушкинской библиотеке.[16] Скорее всего, заметка не могла быть написана ранее этой даты. В Арзрумской тетради она находится на л. 29–29 об., а на л. 26 об. над черновым наброском первой строфы последней главы «Евгения Онегина» сверху, в левом углу, имеется дата: «1829. 24 дек<абря>» (в этой части тетрадь заполнялась подряд). Получается, пушкинская заметка написана не ранее 24 декабря 1829 года и не позднее 5 января 1830 года (цензурное разрешение второго номера «Литературной газеты»).[17]

Следующий в тетради лист (л. 30) занят черновиком письма к А. Х. Бенкендорфу от 7 января 1830 года. На его обороте Пушкин начал работу над новой статьей для газеты — «<О журнальной критике>» (л. 30 об. — 31 об.), опубликованной без подписи 11 января в третьем номере. Пушкинская заметка — возражение на статью «Послание Северной пчелы к Северному муравью», вышедшую 7 января в «Северной пчеле»,

---

[10] Я. Л. Левкович датирует пушкинскую рецензию «5–29 декабря» 1829 года (*Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 276).

[11] См.: Литературная газета. 1830. Т. 1. 1 янв. № 1. С. 8.

[12] К началу 1830 года перевод романа в целом был завершен, но вышел в свет он только в 1831 году (см.: *Констан Б.* Адольф / Пер. П. А. Вяземского. СПб., 1831).

[13] Лит. наследство. 1952. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 92 (оригинал по-французски).

[14] Возможно, текст заметки находился в тетради на вырванном листе между л. 29 и 30 и был написан после рецензии на вышедшую в переводе Н. И. Гнедича «Илиаду» Гомера. Тогда самой ранней из возможных дат написания заметки о переводе «Адольфа» следует считать 24 декабря. Однако доказать этот факт пока не представляется возможным.

[15] В Большом академическом собрании сочинений Пушкина заметка без аргументации датирована «концом декабря» 1829 года (11, 540).

[16] См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 28, № 95 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования; вып. 9–10).

[17] Датировка Я. Л. Левкович: «вторая половина декабря 1829 — 5 января 1830» (*Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 277).

в которой анонимный автор (по-видимому, Ф. В. Булгарин) скептически рассуждал о заявленных издателями целях и программе «Литературной газеты». Таким образом, статья «<О журнальной критике>» могла быть написана не ранее 7 января и не позднее 10 января 1830 года, когда было получено цензурное разрешение третьего номера.[18]

После окончания статьи «<О журнальной критике>» на л. 31 об. позднее (очевидно, в феврале–марте 1830 года) появился набросок «Франц<узские> критики имеют свое понятие...», явно предназначавшийся для «Литературной газеты», но оставшийся неопубликованным. В это время Пушкин начинает печатать на страницах газеты небольшие тексты подобного рода, известные под редакторским заглавием «<Заметки и афоризмы разных годов>»: «Острая шутка не есть окончательный приговор...» (15 фев., № 10), «В одной из Шекспировых комедий...» (25 фев., № 12) и «Мильтон говаривал...» (17 марта, № 16) (их автографы неизвестны).

Далее в тетради вырваны по крайней мере три листа, от которых сохранились только корешки. Возможно, здесь находился несохранившийся автограф рецензии на вышедший в октябре 1829 года первый том «Истории русского народа» Н. А. Полевого, состоящей из двух частей («Статья I» и «Статья II»). Первая из них напечатана 16 января в четвертом номере «Литературной газеты», вторая — 25 февраля в двенадцатом номере (обе без подписи). В этом случае становится понятным, почему Пушкин перешел к работе над заметками в другом конце тетради: закончив первую статью, он, скорее всего, оставил место для продолжения рецензии. Если это предположение верно, тогда его первая статья написана после заметки «<О журнальной критике>» не ранее 8-го и не позднее 14 января 1830 года. Уже 13–15 января Сомов обращался к цензору Сербиновичу: «Покорнейше вас прошу, милостивый государь Константин Степанович, потрудиться просмотреть доставленную нам статью об „Истории“ Полевого. Из этой статьи публика отчасти ознакомится с духом „Литер<атурной> газеты“; мы помещаем ее в 4-м №, который выходит в четверток».[19] Вторая статья о первом томе «Истории» Полевого создавалась, по-видимому, в феврале, не позднее 24-го (дата цензурного разрешения № 12). Следующие записи в этой части тетради сделаны уже весной: неопубликованное «<Письмо к издателю „Литературной газеты“>» (л. 32–33) написано в ответ на статью Вяземского «Несколько слов о полемике», опубликованную 27 марта в № 18 «Литературной газеты». Значит, его можно датировать временем не ранее 27 марта и не позднее 3 мая (л. 34 занят черновиком письма к А. Н. Гончарову от 3 мая 1830 года).[20]

Однако вернемся к более ранним заметкам, работа над которыми продолжилась, как было сказано выше, в другом конце тетради в перевернутом положении. В этой части Пушкин составлял одновременно две заметки для пятого номера газеты. Сначала он набросал отзыв на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (л. 99 об. — 98) и заметку по поводу предстоящего появления в печати «Записок» французского палача Ш.-А. Сансона (л. 97 об. — 96 об.).[21] После этого он вернулся к доработке рецензии на роман Загоскина, дополнив ее текст двумя вставками (одна — на листе с текстом начала черновика «<О „Записках“ Самсона>», другая — на обороте листа с его окончанием). «Юрий Милославский» вышел в свет в первых числах января. Так, 4 января 1830 года А. А. Шаховской писал Загоскину, что утром, получив экземпляр его нового романа, отправился к гр. Вл. А. Мусину-Пушкину на обед с литераторами. Там он встретил В. А. Жуковского, не спавшего «вчера всю ночь, от чего же? Всё тож от твоего романа, который он получил, развернул, хотел прочесть начало и, не сходя с места и не ложась спать, не мог не прочесть всех трех

[18] Я. Л. Левкович датирует статью «5–9 января» 1830 года (Там же).

[19] Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830–1837. СПб., 2010. С. 13.

[20] Датировка Я. Л. Левкович: «апрель (не позже 3 мая)» (*Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 277).

[21] Публикация, анонсированная французскими журналами, оказалась мистификацией О. де Бальзака и Л.-Ф. Леритье (см.: *Вольперт Л. И.* Бальзак // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 60).

томов».[22] Шаховской также сообщал, что «граф Пушкин с утра уж его начал читать, а просто Пушкин вчера взял его у Жуковского».[23]

Таким образом, Пушкин не мог приступить к отзыву до 4 января, но, скорее всего, это произошло после завершения статьи «<О журнальной критике>» и рецензии на первый том «Истории русского народа» Полевого, т. е. не ранее 9 января. Обе пушкинские заметки (о романе Загоскина и записках Сансона) опубликованы без подписи в пятом номере «Литературной газеты» от 21 января (цензурное разрешение получено 20 января). Однако в данном случае есть основание для сужения датировки: «<О „Записках“ Самсона>» была известна в окружении поэта еще до выхода пятого номера, что следует из письма И. В. Киреевского к родным от 15 января 1830 года. Призывая их подписаться на «Литературную газету», он отмечал, что «это будет газета достоинства европейского, большая часть статей в ней будет писана Пушкиным, который открыл средства в критике в простом извещении о книге быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах. В его извещении об исповеди амстердамского палача[24] вы найдете, как говорит Жуковский, и ум, и приличие, и поэзию вместе».[25] Соответственно, оба текста — «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» и «<О „Записках“ Самсона>» — были написаны не ранее 9-го и не позднее 14 января 1830 года.[26]

Заметка «<О „Разговоре у княгини Халдиной“>», черновик которой находится в тетради на л. 95 об. — 95, создана в ответ на появившийся 23 января в «Северной пчеле» выпад Булгарина,[27] подвергшего сомнению авторство Д. И. Фонвизина в связи с публикацией в третьем номере «Литературной газеты» его «Разговора у княгини Халдиной».[28] Пушкинская заметка напечатана без подписи 31 января в седьмом номере, цензурное разрешение которого получено 30 января; датировать ее можно временем не ранее 23-го и не позднее 30 января 1830 года.[29]

Следующие листы в тетради (л. 93 об. — 91) заняты наброском «Вы так откровенны и снисходительны...» (разговор русского с испанцем), написанным предположительно 23–28 января. В собраниях сочинений Пушкина его помещали как самостоятельный фрагмент художественной прозы[30] или интерполировали в текст повести «Гости съезжались на дачу...» (1828).[31] Оба решения представляются некорректными, поскольку публицистический характер наброска в форме диалога,[32] затрагивающего тему русской аристократии, и его положение в тетради позволяют интерпретировать его как несостоявшуюся заготовку для публикации в «Литературной газете».

На листах, вырванных далее из тетради (от них сохранились корешки: л. 90а — 90 д), возможно, находилась пушкинская рецензия «Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем» либо «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (опубликованы в восьмом и десятом номерах); их автографы неизвестны.

---

[22] Лит. наследство. Т. 58. С. 93.

[23] Там же.

[24] И. В. Киреевский перепутал «Записки», вышедшие под именем французского палача Ш.-А. Сансона, с мелодрамой Р.-Ш. Гильбера де Пиксерекура и В. Дюканжа «Польдер, или Амстердамский палач» (М., 1829).

[25] Уткинский сборник. М., 1904. С. 51.

[26] Я. Л. Левкович датирует «<О „Записках“ Самсона>» «10–20 января» (*Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 277).

[27] См.: Северная пчела. 1830. 23 янв. № 10.

[28] См.: Литературная газета. 1830. Т. 1. 11 янв. № 3. С. 17–20.

[29] Датировка Я. Л. Левкович: «25–30 января» (*Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 271), и ошибочно в конце статьи (в общем хронологическом перечне пушкинских произведений): «25–30 января — февраль (не позже 14-го)» (Там же. С. 277).

[30] См.: *Пушкин А. С.* 1) Полн. собр. соч. / Изд. Я. А. Исакова; под ред. Г. Н. Геннади. 2-е изд. СПб., 1871. Т. 5. С. 80–81; 2) Соч. / Изд. Я. А. Исакова; под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 4. С. 395–397; 3) Полн. собр. соч. / Изд. В. В. Комарова; под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1887. Т. 4. С. 358–360.

[31] Начиная с собрания сочинений Пушкина 1887 года под редакцией П. О. Морозова (Т. 4. С. 366–368) набросок традиционно включался в текст повести «Гости съезжались на дачу...».

[32] Критические и публицистические высказывания, построенные в форме диалога, были типичны для эпохи. Ср., например, пушкинские «<Разговор о критике>» (1829–1830) и «<Альманашник>» (1830).

Работа над заметками «<О статьях князя Вяземского>» (напечатана в десятом номере) и «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» (в двенадцатом номере) проходила одновременно. Сперва Пушкин начал на л. 90 об. текст в защиту Вяземского, поводом для которого стала резкая критика его высказываний о современной литературе и журналистике[33] Полевым в «Московском телеграфе»[34] и Булгариным в «Северной пчеле».[35] Однако Пушкину не терпелось ответить еще одному литературному оппоненту — С. Е. Раичу, обвинившему Дельвига в приверженности «духу партии, которая в литературе не должна быть терпима»,[36] ошибочно приняв его за автора пушкинского хвалебного отзыва о вышедшей в переводе Н. И. Гнедича «Илиады». Оставив «<О статьях князя Вяземского>», поэт стал набрасывать на свободном месте л. 91 «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>», но затем вновь продолжил полемику с оппонентами князя Вяземского. Закончив ее, он написал заметку «О дамах» (л. 88–87 об.), которую так и не напечатал в «Литературной газете»,[37] и наконец завершил «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» (л. 87 об. — 87).

К работе над статьей в защиту Вяземского, учитывая сроки доставки журнала «Московский телеграф» в Петербург (около четырех дней) и выхода № 12 «Северной пчелы», Пушкин приступил не ранее 28 января. В «Литературной газете» он опубликовал не статью целиком, а только ее начало.[38] «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» не могло появиться в тетради до 29 января (четвертый номер «Галатеи» с выпадом С. Е. Раича вышел в свет в Москве 25 января[39]). Однако уже 4 февраля по просьбе нового цензора «Литературной газеты» Н. П. Щеглова[40] состоялось заседание Петербургского цензурного комитета в связи с «<Объяснением по поводу заметки об „Илиаде“>».[41] Н. К. Замков справедливо уточнил, что считать временем написания «<Объяснения...>» следует «последние числа января 1830 г., так как еще до заседания Цензурного комитета 4-го февраля Щеглов отсылал заметку Пушкину для изменения отмеченной им фразы» и получил ее обратно в том же виде.[42] Разрешение на публикацию «<Объяснения...>» было получено лишь 24 февраля, и уже 25-го оно появилось в № 12 «Литературной газеты».

Исходя из вышесказанного, «<О статьях князя Вяземского>» можно предположительно датировать не ранее 28-го и не позднее 30 января,[43] «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» — не ранее 29-го и не позднее 31 января,[44] «О дамах», создавав-

---

[33] Они содержались в статье «Отрывок из письма А. И. Г<отовцев>ой», опубликованной в альманахе «Денница» на 1830 год (М., 1830. С. 122–134).

[34] См.: Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 1. С. 79–81. Этот номер вышел в свет 23 января (см.: Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. СПб., 2001. С. 218).

[35] См.: Северная пчела. 1830. 28 янв. № 12.

[36] Галатея. 1830. Ч. 11. № 4. С. 229.

[37] Позднее эта заметка войдет в «Table-talk», но при жизни Пушкина так и не будет опубликована.

[38] В Большом академическом собрании сочинений Пушкина было принято неверное решение печатать продолжение «<О статьях князя Вяземского>» как отдельную заметку под заглавием «<О новейших блюстителях нравственности>» (см.: 11, 98–99); на то, что отрывок «представляет собой не напечатанное Пушкиным продолжение <...> заметки: „О статьях кн. Вяземского“», было указано в списке дополнений и исправлений к т. 11 в так называемом справочном томе этого издания (17, 61).

[39] См.: Московские ведомости. 1830. 25 янв. № 8.

[40] Н. П. Щеглов был назначен цензором «Литературной газеты» начиная с шестого номера.

[41] См.: *Замков Н. К.* К цензурной истории произведений Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1918. Вып. 29–30. С. 51–52; см. также: Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830–1837. С. 25.

[42] *Замков Н. К.* К цензурной истории произведений Пушкина. С. 53.

[43] Я. Л. Левкович датирует заметку «<О статьях князя Вяземского>» «февралем, не позже 14-го» (*Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 271) и ошибочно в общем хронологическом перечне пушкинских произведений (под заглавием «<О новейших блюстителях нравственности>») «25–30 января — февраль (не позже 14-го)» (Там же. С. 277).

[44] «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» датируется Я. Л. Левкович «февралем, не позже 24-го» (Там же. С. 271, 277).

шуюся явно для «Литературной газеты», но оставшуюся неопубликованной, — 30–31 января 1830 года.[45]

Стоит подчеркнуть две закономерности, характерные для пушкинских заметок этого времени. Во-первых, все они, кроме «<Объяснения по поводу заметки об „Илиаде“>», помещены в «Литературной газете» Пушкиным без подписи. Во-вторых, поскольку черновики заметок в Первой арзрумской тетради отличаются (иногда значительно) от опубликованного текста, можно предположить, что до нас не дошли их беловые автографы, которые отдавались переписчику или, в случае их небольшого объема, напрямую цензору.

Для Пушкина как автора и издателя (в отсутствие Дельвига) самой интенсивной оказалась работа в первые полтора месяца существования «Литературной газеты», хотя и впоследствии он продолжал ее поддерживать. Не случайно в письме к П. А. Плетневу из Болдина (около (не позднее) 29 октября 1830 года) Пушкин шутил: «...он (Дельвиг. — *С. Ф.*) уж может заказать виньетку на дереве — изображающую меня голинького, в виде Атланта, на плечах поддержи<ва>ющего „Лит<ературную> газету“» (14, 118).

[45] Датировка заметки «О дамах», указанная Я. Л. Левкович в общем хронологическом перечне пушкинских произведений, явно ошибочна: «25–30 января — февраль (не позже 14-го)» (Там же. С. 277).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-79-89

© *Н. А. Паршукова,* © *Е. А. Романова*

«ВЕЧНАЯ ТЬМА» СЕБАСТЬЯНА БАХА: РАСПЛАТА ИЛИ РАСПРАВА? (К ИСТОКАМ ИДЕЙНОГО ЗАМЫСЛА НОВЕЛЛЫ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «СЕБАСТИЯН БАХ»)

Из четырех новелл[1] задуманного В. Ф. Одоевским в начале 1830-х годов цикла «Дом сумасшедших»[2] рассказ о Себастьяне Бахе, пожалуй, более других нуждается в дополнительных комментариях. Почему так жестоко обошелся автор «с тем, кого почитал одним из самых совершеннейших творцов? Почему придумал ему такую страшную, такую беспощадную биографию?»[3] Эти вопросы, некогда поставленные отечественным литературоведением, до сих пор, на наш взгляд, не получили убедительного разрешения. Между тем без ответа на них невозможно приблизиться к пониманию главной идеи не только отдельно взятой новеллы, но и всего литературного ансамбля в целом.

«Себастиян Бах» — последняя из известных нам повестей, которую Одоевский предназначал специально для «Дома сумасшедших».[4] Написанная и опубликованная позднее других, она, по сути, являет итоговые размышления автора о природе гениальности и роли гениальных безумцев в разрешении фундаментальных вопросов бытия.

О том, что фигура Баха занимает в цикле особое место, исследователи писали неоднократно. По сравнению с персонажами предшествующих новелл Бах, очевидно,

[1] «Последний квартет Бетховена» («Северные цветы», 1830), «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi» (Там же, 1831), «Импровизатор» («Альциона», 1833) и «Себастиян Бах» («Московский наблюдатель», 1835).

[2] Данный проект так и не был осуществлен автором. Позднее все четыре произведения вошли в состав философского романа «Русские ночи» (1844).

[3] *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...»: О жизни В. Ф. Одоевского. М., 1991. С. 262.

[4] Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. Май. Кн. 1. С. 55–112. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

представляет собой более совершенный тип художника. Он не страдает, подобно Бетховену и Пиранези, от невозможности выразить свои колоссальные замыслы на языке музыки. Тихо и ровно горит в нем огонь вдохновения. Ни творческих мук, ни творческих терзаний он не испытывает. В отличие от мятущегося, «яростного» Бетховена, находящегося в постоянной титанической борьбе с «упорным веществом», Бах творит без видимых усилий. В нем все — высшая гармония и покой. Чистой, ничем не замутненной молитвой поднимается в небесные пределы его музыка, освежая души слушателей, взывая «к жизни и любви».

Согласно внутренней логике образа, Бах, как воплощенная гениальность, должен был представлять положительное разрешение основной идеи «Дома сумасшедших». Тем не менее именно его в конце новеллы автор «осуждает» на вечный непроглядный мрак, лишая божественного дара, любви, воспоминаний. Даже мятежный, опаленный нечеловеческим страданием Бетховен оказывается в финале в более выигрышной позиции: его последние мгновенья осенены музыкой небесных сфер, он слышит ее в отличие от Баха, который напрасно изнывает в ожидании «благодатной росы» божественного вдохновения, — магический свет, проливавший радужное сияние на клавиши его органа, закатился навеки.

В чем причина столь безысходного разрешения сюжета? Отвечая на этот вопрос, исследователи, как правило, используют устойчивые ментальные клише, суть которых остается неизменной. Принято считать, что тьма, настигающая героя в финале новеллы, является следствием совершенной им роковой ошибки. Всецело посвятив жизнь искусству, Бах забыл о своем человеческом естестве. В этом, по мысли исследователей, и состоит трагедия великого композитора, за это он в конечном счете и наказан.[5]

Перед земным концом композитор, по воле автора, постигает истинный смысл «дарованной людям „грешной“ жизни», который заключается отнюдь не в «бесстрастном» вознесении над земной суетой, а в самой жизни, многообразной и полнокровной, включающей в себя весь спектр «земных треволнений».[6] Отказ от этой жизни и лишает в итоге Баха столь страстно желаемой им «полноты бытия». Финал новеллы воспринимается большинством исследователей как справедливое и неизбежное *наказание* за тяжкий *грех*, совершенный не только и не столько против жизни, сколько против высшего замысла, высшей воли, назначившей человеку в удел «обыкновенные земные радости».

Расплата за совершенное против жизни преступление настигает композитора под самый занавес. Смерть жены оборачивается для него «страшным открытием» — чувство земной любви не было им никогда испытано. Запоздалое «прозрение» Баха, как полагают исследователи, дает ключ ко всей новелле, определяет угол ее прочтения. Наиболее подробно данная точка зрения представлена в работах М. А. Турьян.

В биографии реального Баха ничего подобного «страшному открытию» героя новеллы мы не находим. Если о чем и сожалел в конце жизни великий композитор, так это о физической невозможности довести до конца начатые проекты. Воля к творчеству не угасала в Бахе до последнего часа. По общему мнению биографов, потеря зрения, а вовсе не отсутствие вдохновения были «одной из главных причин сокращения его творческой продуктивности».[7] Прогрессирующая слепота «мешала ему творить — приводить в порядок ранние сочинения, создавать новые, готовить ноты к печати».[8] По легенде, уже на

---

[5] См. об этом: *Маймин Е. А.* Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л., 1975. С. 274 (сер. «Литературные памятники»); *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...». С. 261, 270–271; *Шумкова Т. Л.* Проблема искусства в свете романтической иронии в романе В. Ф. Одоевского «Русские ночи» // Вестник Нижневартовского гос. ун-та. 2008. № 4. С. 77; *Платоне Р.* Образ итальянца в прозе В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв.: Сб. статей. Томск, 2009. С. 252; *Морева Т. Ю.* Авторский мир в цикле В. Ф. Одоевского «Русские ночи» // Вісник Одеського національного університету. Сер. «Філологія». 2013. Т. 18. № 1 (5). С. 71–72.

[6] *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...». С. 271.

[7] *Швейцер А.* Иоганн Себастьян Бах. М., 2011. С. 161.

[8] *Ветлугина А. М.* Бах. М., 2014. С. 310.

смертном одре он продиктовал верному ученику и зятю И. К. Альтниколю последнюю из хоральных обработок «Vor deinen Thron tret' ich hiermit».[9] Превозмогая физическую немощь, из последних сил борясь с одолевающим недугом, Бах отнюдь не утратил своих уникальных творческих способностей. Последние месяцы жизни из-за болезни Бах прожил уединенно, в затемненной комнате. И все же он не был отделен от близких ему людей глухой стеной отчуждения, как это показано в новелле Одоевского. Верная, любящая жена, дочери, зять окружали его вниманием и заботой до последней минуты.

К моменту, когда Одоевский задумал свою «биографию», уже существовало по меньшей мере несколько жизнеописаний великого маэстро. Все они в основном строились на материале некролога, который был опубликован в 1754 году. Некролог содержал наиболее известные анекдоты о Бахе. Частично они вошли в новеллу Одоевского, например история с нотной тетрадью, которую маленький Бах списывал тайком по ночам.

В том, что автор был хорошо знаком с хронологической канвой жизни своего героя, сомневаться не приходится. Состязание с Маршаном, блестящая игра перед Рейнкеном, посещение Фридриха II — обо всех этих наиболее ярких эпизодах биографии Баха имеются краткие упоминания в новелле. Однако ни один из них не занимает главенствующего положения в тексте, ни один не становится сюжетообразующим. Напротив, ключевое место в повествовании отдано двум заведомо вымышленным историям — обучению Баха у органного мастера Албрехта и любовной драме, лишившей композитора единственного по-настоящему близкого ему человека.

Вымысел не просто переплетается в новелле с достоверными фактами, но в значительной степени вытесняет их, создавая известному историческому лицу новую биографию. Бах, согласно сюжету Одоевского, женится в молодые годы на дочери своего учителя Албрехта, живет с ней всю жизнь и, проводив ее в последний путь, через некоторое время угасает сам. В реальности жизнь композитора складывалась по иному сценарию. Бах, как известно, был женат дважды. В первый раз — на своей кузине Марии Барбаре Бах, дочери Иоганна Михаэля Баха, органиста из Герена, во второй — на Анне Магдалене, дочери вейсенфельсского придворного трубача И. К. Вюлькена.

И Мария Барбара, и Анна Магдалена были немками, без примеси итальянской крови, обе являлись образцом бюргерской добропорядочности. Верные любящие жены, они служили композитору опорой, всегда оставаясь в тени. Впрочем, об Анне Магдалене сохранилось несколько трогательных подробностей. По мнению биографов, брак ее с Бахом «был во всех отношениях вполне счастливым. Анна Магдалена оказалась не только заботливой хозяйкой, с любовью принявшей осиротевших детей, но и музыкантшей, понимавшей творчество мужа. У нее было красивое, хорошо обработанное сопрано».[10] Муж с удовольствием пестовал ее музыкальный дар. Для него она была не только хранительницей домашнего очага, но и верной помощницей в профессиональной сфере.

История о том, как верная, преданная жена, прожив с мужем двадцать лет «в полной тишине и согласии», вдруг воспылала преступной любовью к молодому чернооко му итальянцу, от начала до конца является авторским вымыслом. Если и стоит искать ее реальный след, то во всяком случае точно не в биографии великого композитора. К тому же следует иметь в виду: в действительности вторая жена Баха Анна Магдалена пережила мужа на десять лет, и этот факт в начале XIX века был хорошо известен.

Очевидно, что для второй части новеллы «итальянский» эпизод является сюжетообразующим. Психологически любовный узел оказался настолько мощным, что под его воздействием жизнь известного исторического лица утратила реальные очертания: вместо тихой мирной кончины в кругу семейства Бах по воле автора получил тоску и одиночество, вместо счастливой супружеской жизни — вопли и рыдания обезумевшей от страсти жены, вместо веры и любви — вечную тьму и горькие сожаления.

Наличие в «Бахе» определенного автобиографического контекста признавал сам Одоевский. В его недатированном письме А. И. Кошелеву содержится глухой, очень

[9] *Швейцер А.* Иоганн Себастьян Бах. С. 162.
[10] Там же. С. 79.

осторожный намек на некую душевную драму, которую пришлось пережить писателю в момент работы над «Пестрыми сказками» и «Себастияном Бахом»: «Ты удивишься, когда узнаешь, что мои арлекинские сказки я писал в самые горькие минуты моей жизни: после этого не упрекай же меня в слабости характера, — это действие было сильным торжеством воли, к которому не многие могут быть способны. В это время я успел перейти все степени нравственного страдания; по странному стечению обстоятельств, должен был действовать прямо против себя, и утешает меня одно, что я в сем случае поступил хорошо и благородно. <...> Один раз я позволил себе увлечься горем, и „Бах“ есть слабый отпечаток того, что происходило в душе моей. <...> ...фактически часть моей жизни растерзана, глубокое чувство подавлено; а от этой борьбы, что ни говори, душа всегда остается в потере: на такую борьбу она истрачивает лучшие свои силы, и это ослабление я чувствую».[11]

Относительно того, какие именно события из личной жизни писателя отразились в рассматриваемом нами произведении, не существует единого мнения. Еще в конце XIX века В. Е. Чешихиным-Ветринским была высказана гипотеза о том, что в сюжетной канве «биографии» Баха присутствуют отголоски личных отношений супружеской четы Одоевских.[12] Иная точка зрения представлена в книге М. А. Турьян «Странная моя судьба...». Опираясь на предположение, высказанное еще П. Н. Сакулиным,[13] исследовательница приходит к заключению, что «подавленное глубокое чувство» Одоевского, о котором идет речь в письме, имеет прямое отношение к Н. Н. Ланской. Однако эта версия кажется нам малоубедительной. Предположение о вспыхнувшей в 1831 году всепоглощающей страсти Одоевского вырастает из единственного достоверно известного факта: где-то *примерно* в это время Н. Н. Ланская входит в семейственный круг четы Одоевских в качестве новоиспеченной родственницы. По утверждению М. А. Турьян, «глухие намеки» в письме Кошелеву «несомненно относятся к появлению в жизни Одоевского Надежды Николаевны». Уверенность эта, как явствует из дальнейшего, опирается главным образом на субъективную психологическую реконструкцию ситуации: «...и вряд ли будет большой натяжкой предположить в Одоевском сильное, внезапно вспыхнувшее чувство», — замечает исследовательница.[14]

Не удается обнаружить зримых следов присутствия истории с Ланской и в сюжетно-семантическом пласте «Баха». «Личная боль» главного героя новеллы чрезвычайно далека, на наш взгляд, от душевных терзаний и мук добропорядочного семьянина, тайно влюбленного в чужую жену. Гораздо более убедительно и логично выглядит в этом смысле гипотеза Чешихина-Ветринского. В ситуативный набор определений из письма к Кошелеву она вписывается безупречно. «Глубокое чувство», которое было подавлено, вполне могло относиться к жене. Что касается «нравственных страданий», «горя», действий «против себя» — все это устойчивые атрибуты «каренинской» ситуации. В пользу предложенной версии говорит и крайняя степень засекреченности событий в текстах обоих корреспондентов.

Возможно, некоторый свет на природу «роковой интриги» в «Бахе» проливают неожиданные подробности интимной биографии Одоевского, в целом крайне скупо документированной. О личной жизни писателя мы знаем очень немного, о его жене Ольге Степановне, ее характере, привычках, поведении не знаем практически ничего. По сообщениям биографов, «княжеская чета оставалась для друзей и света примером редкого согласия и любви».[15] Однако один странный документ осени 1840 года, сохранившийся в архиве писателя, несколько нарушает в целом как будто идиллическую картину. И хотя новелла о Бахе была написана шестью годами ранее, рискнем пред-

---

[11] Цит. по: *Колюпанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. 1. Кн. 2. С. 102.

[12] *Чешихин-Ветринский В. Е.* В сороковых годах: Историко-литературные очерки и характеристики. М., 1899. С. 302.

[13] *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 2. С. 257.

[14] *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...». С. 270.

[15] Там же. С. 336.

положить, что именно семейные отношения четы Одоевских легли в основу ее любовно-драматической коллизии.

Находясь с женой под одной крышей, князь Одоевский, доведенный, по-видимому, до крайней степени нервозности, пишет Ольге Степановне длинное косноязычное письмо, исполненное раздражения и глухого отчаяния: «Считая, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на страдания <...> что кроме того, домашние ссоры — от состояния внутреннего напряжения до шумных сцен — способны в определенном возрасте лишь наложить на нас неизгладимую печать смехотворности, я дал себе честное слово, что если еще хоть раз мои усилия прекратить подобные сцены окажутся бесплодны, и моя жена позволит еще себе предаваться навязчивой идее, заставляющей ее полночи бегать по дому босиком в одной рубашке и будить всех людей и даже соседей своим криком и проклятиями, мешая мне работать днем и отдыхать ночью после дневных трудов, — я повторяю, я дал себе честное слово, уверенный, что справедлив в своих требованиях иметь домашний покой, уйти из дома в течение 24-х часов после подобной сцены, оставив мою жену полной хозяйкой дома, и переехать куда бы то ни было, где я смогу спокойно отдаваться занятиям, которые диктует мне мое общественное положение, преодолев непростительную слабость, до настоящего времени заставлявшую меня жертвовать долгом мономании моей жены и лишь усугубляющую мою мягкотелость. Однажды уйдя из дома, я уже никогда не вернусь».[16]

По прочтении данного письма трудно отделаться от мысли, что «итальянская» история в новелле о Бахе выросла из вполне конкретного биографического субстрата — настолько ситуационно схожи между собой две семейные драмы.[17] И в новелле, и в реальной жизни источником «шумных сцен» становится жена художника, стареющая, эмоционально экзальтированная женщина, одержимая некой навязчивой идеей. С воплем и рыданием бросалась Магдалина на постелю или бежала к мужу. С криком и проклятиями бегает ночами по дому супруга Одоевского. И у той и у другой женщины налицо все признаки душевного кризиса: и та и другая находятся в состоянии крайнего психического возбуждения, и с той и с другой не могут справиться мужья, выбитые из привычной трудовой колеи. Бах сердится на Магдалину, поскольку на пятидесятом году жизни принужден «посреди музыкального вдохновения думать о своем платье» (с. 108). От письменного стола отрывают Одоевского семейные ссоры. Для работы ему нужен прежде всего покой, но именно его он лишен. Годы, по всей вероятности, лишь углубили семейный конфликт. В результате заключительная новелла «Дома сумасшедших» получила весьма специфическое наследство: груз не изжитых автором психологических проблем был благополучно переложен со всеми вытекающими отсюда последствиями на плечи главного героя.[18]

В научной литературе об Одоевском запоздалое прозрение Баха традиционно принято напрямую связывать с тем миром человеческих страстей, который было дано познать на закате дней его жене, но который для самого композитора так и остался неведом. Как полагают исследователи, в финале новеллы автор, а вместе с ним и его герой, наконец прозревают «ущербность даже высшего творческого интеллекта, если

---

[16] Цит. по: Там же.

[17] В связи с данной коллизией следует упомянуть еще один «семейственный портрет», весьма колоритно набросанный писателем примерно в то же время, что и письмо к Ольге Степановне. Мы имеем в виду историю Якко и Марьи Егоровны в повести «Саламандра». Близкий тип отношений между супругами находим и в «Пестрых сказках»: историю молодого мечтателя-романтика и бездушной красавицы-куклы, отвечающей на все его слова о любви, добре и красоте... итальянскими руладами.

[18] О том, что в благородном семействе Одоевских не все благополучно, по-видимому, были отчасти осведомлены ближайшие друзья князя. В частности, на эту мысль наводит брошенное в светской беседе примерно в то же время (октябрь 1840 года) резкое высказывание («ваша жена — урод!») графини Е. П. Ростопчиной об О. С. Одоевской (см.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 108). Логично предположить в данном случае, что Ростопчиной, многолетнему конфиденту князя, были хорошо известны подробности семейной жизни Одоевских, скрытые от посторонних глаз. Безусловно, не возникает вопроса, на чьей стороне были ее симпатии.

носителю его неведомы простые, земные, грешные чувства».[19] Выразителем этих чувств в рамках сюжета является жена Баха.

Новый, неразгаданный мир, открывшийся Магдалине в любовном томлении, М. А. Турьян относит к сфере высшего инстинктуального чувства. По мысли исследовательницы, жена Баха «открывает собою галерею женских образов Одоевского — загадочных героинь его позднейших фантастических повестей: Энхен Громбах из „Орлахской крестьянки“, Эльсы из „Саламандры“, Софьи в „Космораме“».[20] Душевное состояние влюбленной Магдалины близко к помешательству. Так думает Бах после того, как в порыве страсти жена предлагает бросить в огонь все его сочинения. Отсюда в рассуждениях Турьян следует довольно неожиданный вывод: «В „Себастияне Бахе“ оказался не один, а два „сумасшедших“ персонажа: наряду с Иоганном Албрехтом <...> Одоевский, устами Баха, называет таковой и Магдалину».[21] Таким образом, вместо главного героя, которому в романтическом безумии отказано, в разряд «сумасшедших» попадают действующие лица второго плана — чудаковатый органный мастер и поглощенная итальянскими страстями стареющая женщина.

Но если учитель Баха Албрехт в самом деле имеет право на почетное звание «гениального безумца», то относительно Магдалины возникают серьезные сомнения. Ее сумасшествие не имеет главного признака, по которому выбирались обитатели «Дома»: в ней нет творческого начала. Ее помешательство не имеет отношения к тому высокому безумию, которым охвачены главные герои новелл — художники. Магдалина, в отличие от мужа, одержима вовсе не творческим экстазом, а плотской страстью — абсолютно земной и физиологичной в основе. Ничего необычного в ее образе нет, и причислять ее к «загадочным героиням» мистических повестей нет оснований. Она не имеет медиумических способностей и не слышит «голосов», через нее не говорят «духи», и ее не посещают видения. А вот ее мужа видения посещали неоднократно. И одно из них подробно описано в новелле.

Совершенно справедливо Турьян видит в безумии героини «отчетливый оттенок биологизма».[22] «Голос крови», плотская страсть говорит в ней. Однако это вовсе не то инстинктуальное чувство, которое имеется в виду Одоевским. Согласно его теории, наиболее развернуто представленной в «Науке инстинкта» и «Психологических заметках» (начало 1840-х годов), первобытное инстинктуальное состояние есть состояние, близкое к религиозному или поэтическому экстазу. Будучи *чувством*, оно, тем не менее, не входит в сферу обыкновенных человеческих эмоций, называясь *инстинктом* — не имеет отношения к физиологии. Инстинктуальная сила, в понимании Одоевского, представляет собой особую высшую форму познания, *духовный инструмент* для постижения божественной истины, не подвластный законам разума и рационального мышления. Только с помощью инстинкта человеческое сознание достигает провидческого уровня: «первообразы поэтические являются душе лишь во время ее инстинктуального состояния». Для человека этот акт нравственного самопознания «чрезвычайно труден», поскольку «мы не можем довольно отделиться от себя; наше собственное Я, т. е. наши страсти, наше воображение, вообще самое состояние нашего духа»[23] не позволяют сознанию достичь необходимой степени ясности.

Как и всякая другая сила человека, нравственный инстинкт требует развития. Непременным условием этого развития является *независимая чистота* души,[24] иными словами — свобода от всевозможных страстей, желаний, страхов. Более других, как полагает Одоевский, предрасположены к этой чистоте жители севера, поскольку им свойственно «обращаться в самих себя и тем побеждать природу». В отличие от северян, жители юга к преодолению в себе жизненного кипения не склонны — «они впа-

[19] *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...». С. 271.
[20] Там же. С. 263.
[21] Там же. С. 263–264.
[22] Там же. С. 264.
[23] *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. С. 201.
[24] Там же. С. 205.

дают в безумие».[25] Этим южным, жарким безумием как раз и охвачена героиня новеллы. Ее душа бесконечно далека от той *чистоты*, которая, по Одоевскому, необходима для развития нравственного инстинкта. Гораздо ближе к этой чистоте оказывается муж Магдалины, немец по духу и крови, в чьей «чистой душе <...> не было места для земного чувства» (с. 87).

Тот, кто *обуреваем страстями*, кто «руководствуется земным разумом вместо ума небесного», не обладает инстинктуальной силой по определению. «...Уединить человека от окружающих его предметов, так сказать, утушить его чувства» требуется для пробуждения в нем внутреннего инстинкта.[26]

Иными словами, согласно «науке инстинкта», Магдалина Бах в любовном безумии движется прямо в противоположном направлении от инстинктуального чувства. Ее «прозрение» бесконечно далеко от того, что вкладывает Одоевский в понятие *инстинкта*. Вместо душевной чистоты — ощущение скверны и соблазна, вместо покоя — неистовый крик, причудливая, тревожная игривость рулад, вопли и рыдания; вместо благоговения и молитвы — мрачный огонь преступной страсти в томных, подернутых влагою взорах мелкого обольстителя. Образ итальянца, носителя жаркого природного начала, буквально соткан из неустойчивых подвижных сочетаний: его глаза *беспрестанно* перебегают от предмета к предмету, лицо — *беспрестанно* меняет выражение, даже в его задумчивости сквозит какое-то *беспокойство*.

Не случайно счастливым соперником Баха в любви оказывается его музыкальный антагонист — итальянский певец, представитель новомодной оперной школы. В образ мелкого вертлявого венецианца, не способного ни к пониманию, ни к великодушию, ни к любви, Одоевский вложил всю свою многолетнюю устойчивую неприязнь к современной итальянской музыке. Будучи с юных лет страстным приверженцем моцартовско-бетховенского направления, и в публичных выступлениях, и в частных высказываниях на протяжении всей жизни он обрушивался с резкой безапелляционной критикой на итальянских композиторов, не скупясь на обидные сочные эпитеты, вроде «стукотня Беллини», «вердятина», «итальянские бирюльки», «итальянская дребедень».[27]

В представлении Одоевского, Беллини — «самый плохой инструментист на свете»; Верди — «бездарный господин», сочинитель «плясовых штучек <...> называемых будто бы операми»; Доницетти — автор «балаганных мотивов». В целом новейшая итальянская музыка — «музыка изнеженная, полубольная, постоянно ложная, рассчитанная на акробатство голоса и на пошлые эффекты», «кукольная комедия», изготовленная для потехи пресыщенных людей. По твердому убеждению приверженца немецкой классики, итальянское оперное искусство оскорбляет глубокое музыкальное чувство и портит слух. Талантливым певцам Одоевский рекомендовал как можно реже исполнять «этот однообразный и антиэстетический репертуар», дабы не заразиться «итальянским худосочием» и не утратить музыкальной одаренности.[28] В борьбе с «итальянщиной» писатель доходил фактически до полного отрицания художественно-эстетической значимости новой итальянской оперы как части мировой музыкальной культуры.[29] «...Не пройдет и трех лет, — уверенно заявлял Одоевский уже на склоне жизни (1860), — как оперы Беллини и Доницетти не будут возможны ни в одной столице Европы».[30]

Воплощением этой самой «итальянщины», пошлой, болезненной, крикливой, и становится в новелле венецианец Франческо. Линия преемственности выстроена вполне отчетливо. Ученик аббата Оливы стоит у истоков новой итальянской музыки,

---

[25] Там же. С. 200.

[26] Там же. С. 210.

[27] *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 136, 256, 259, 314.

[28] Там же. С. 138, 257, 314, 511 и др.

[29] Кстати, в отличие от Одоевского, реальный И. С. Бах к новой итальянской музыке относился гораздо более терпимо, для любимой жены писал не только серьезные произведения, но и любовные песни на итальянский манер и был, по мнению биографов, почти без преувеличения «самым итальянским из немецких музыкантов или самым немецким из итальянских» (см.: *Лебуше М.* Бах. М., 2015. С. 86).

[30] *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. С. 512.

развитием которой явились в дальнейшем Россини и его последователи. В описании голоса и манеры исполнения молодого итальянца Одоевский использует ряд характерных образов, создающих избыточно экспрессивный тревожный фон — макаберный в своей основе: пение незнакомца врывается в общий хор, «оскверняя» каждое созвучие, «разрушая» общую гармонию. В его голосе, вырывающемся как будто из «мрачной» пустыни души, слышится то «вопль» страдания, то «буйный» возглас толпы, то страстный «соблазн», то «горькая» насмешка. Пустыня–мрак–соблазн — на образном уровне создают своеобразный «дьявольский» фон и без того уже достаточно мрачной фигуре черноглазого обольстителя, доводя противостояние до онтологического уровня.

Любовь, которую вносит «голос крови» в жизнь Магдалины, имеет то же свойство к разрушению, что и голос итальянского певца. Любовь-страсть, любовь-жар, любовь-тьма, она выжигает все вокруг себя, не щадя ни души, ни плоти. На огне страстей сгорает Магдалина, тем же огнем смертельно опален Бах — из его жизни, по вине ничтожного соблазнителя, одна за другой исчезают две безусловные точки опоры — единственное любимое им существо и вдохновение, которому он с детских лет и до самого конца служил верой и правдой.

История роковой любви на символическом уровне имеет своеобразное «музыкальное» обрамление. В ее начале — противостояние двух звуковых потоков — баховских «полных созвучий», льющихся к подножию небесного престола, и человеческого голоса, на котором лежит «печать первого грешного вопля». В конце мы слышим тот же «нечистый, соблазнительный напев», но в земных пределах ему уже нет противоядия: младенческое видение Баха исчезло под напором игривых итальянских рулад. Точно тяжелой каменной глыбой придавила божьего избранника та самая «полнота жизни», которой взахлеб желают герою новеллы ее многочисленные исследователи.

В реалистической системе координат «желание жизни полной» принято трактовать прежде всего как стремление к «радостям простого человеческого бытия», к «земным, грешным чувствам» и «земным треволнениям».[31] Принципиально иное содержание имеет это понятие в романе «Русские ночи». Из листков, прочитанных Фаустом, следует, что лишь в «жизни полной» «душа человека может найти успокоение».[32] Однако *полнота* эта мыслится в категориях мистико-философских, близких к учению Сен-Мартена, на которого и ссылается в конечном счете автор. Достичь этой полноты возможно лишь при условии высвобождения души из плена земной суеты, земных желаний, земных страстей, которые, собственно, и определяют разорванность человеческого сознания. Автор прямо указывает, что в понятие «жизни полной» входит достижение *полного* блаженства, *полной*, безусловной истины, проникновение в средоточие всех существ, постижение причины причин.[33] Ни о земных треволнениях, ни о «грешной» жизни речи не идет в принципе. Восстановить прежнего совершенного человека, каким был он до грехопадения, «когда каждая тварь слушалась его голоса, потому что он умел назвать ее; когда все силы природы, как покорные рабы, пресмыкались у ног человека» — такова конечная цель человеческой истории.[34]

Возможно, более других продвинулись к этой цели те, чей дух захвачен творческим познанием, проникновением в тонкие сферы бытия. На них прежде всего и обращает внимание автор, предлагая вниманию слушателей рассказы о гениальных безумцах. В том, что Бах принадлежит к их числу, сомнений быть не может. Ему, как и другим обитателям «Дома сумасшедших», свойственна «высшая степень умственного человеческого инстинкта, степень столь высокая», что понять ее можно, лишь находясь на той же степени.[35] Он одержим музыкой, подобно тому, как пушкинский

---

[31] *Маймин Е. А.* Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи». С. 274; *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...». С. 271; *Шумкова Т. Л.* Проблема искусства в свете романтической иронии... С. 77; *Морева Т. Ю.* Авторский мир в цикле В. Ф. Одоевского «Русские ночи». С. 71.

[32] *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. С. 17.

[33] Там же. С. 16–17.

[34] Там же. С. 24.

[35] Там же. С. 26.

Германн одержим идеей трех карт,[36] а бальзаковский Вальтасар Клаас — поисками Абсолюта.[37]

Однажды в отрочестве испытав духовное потрясение от соприкосновения с орга́ном, Бах всю жизнь остается верным рыцарем чудесного видения. Все его естество проникнуто музыкой настолько, что не остается места ни для чего другого. «Бах знал одно в сем мире — свое искусство; все в природе и жизни — радость, горе — было понятно ему тогда только, когда проходило сквозь музыкальные звуки; ими он мыслил, ими чувствовал, ими дышал Себастиян; все остальное было для него не нужно и мертво» (с. 97).

Подобная одержимость, как полагает Одоевский, является отличительной чертой не только клинических сумасшедших, чьи понятия и чувства нередко собираются в один фокус, концентрируются на одной мысли, но и гениев-творцов, гениев-изобретателей, целиком поглощенных одной идеей, готовых все на свете принести ей в жертву.[38]

Абсолютная, граничащая с мономанией приверженность Баха «святыне искусства» прочно вписывает его образ в галерею целостно задуманных персонажей «Дома сумасшедших». «...Странник среди роскошных наслаждений чуждой земли» (с. 91), претворяющий в гармонические созвучия все — от крика новорожденного младенца до последнего вздоха умирающего, — с точки зрения здравого рассудка, безумен не менее, чем терзаемый духами-эфироидами Пиранези или охваченный исступленным восторгом Бетховен. Героев цикла роднит между собой одержимость — та самая черта, по которой безошибочно узнаются среди обыкновенных людей гении и сумасшедшие. Поведение Баха в новелле от начала и до конца выдержано в строгом соответствии с его психологическим портретом. Даже смерть жены в творческом сознании композитора претворяется в гармонические созвучия. Но, как полагает рассказчик, не следует обвинять гения в жестокосердии или нечувствительности: «...он чувствовал, может, глубже других, но чувствовал по-своему; это были человеческие чувства, но одухотворенные искусством» (с. 97).

В общем замысле мироздания гении, подобные Баху, исполняют особую роль. Они — избранники божии, созданные для исполнения *высшего предназначения*. Эту чрезвычайно важную для понимания новеллы мысль озвучивает органный мастер Албрехт, наставляя будущего великого музыканта. «...Говорить тем языком, на котором человеку понятно божество и на котором душа человека доходит до престола всевышнего» (с. 86) — такова главная задача гения, таков смысл его земного бытия. Будучи посредником между высшим миром и существами из плоти и крови, творец, подобно искусно настроенному инструменту, улавливает тончайшие духовные вибрации. Он весь — ушная раковина, направленная в небо. Воля к воплощению управляет всеми его жизненными стремлениями. Иных желаний и страстей в нем нет, он так задуман *свыше* — божественной дудочкой, «орга́ном, возведенным на степень человека» (с. 99).

С точки зрения рассказчика истории о Бахе, жизнь художника существенно отличается от жизни «всякого другого человека» и подходить к ней с обычной меркой не следует. Изо дня в день «обтачивать клавиши» простых человеческих радостей — дело мастерового. Замысел же Бога о творце иной. Настоящая, «святая» жизнь художника — в его творениях, а вовсе не в происшествиях ежедневной жизни. Жизнь как таковая, в случае, когда речь идет о гении, представляет собой «ненужный отсед», «из которого выпарился могучий воздух, приводящий в движение колеса огромной машины» (с. 60). «...Другое, высшее предназначение тебя ожидает. Ты музыкант, Себастиян! <...> Ты определен на это высокое звание», — наставляет юного ученика органный мастер Албрехт (с. 86), в чьи уста на сей раз вкладывает автор свои ключевые философские идеи.

---

[36] См. об этом: *Жданов С. С.* Образ немецкого музыканта в новеллах В. Ф. Одоевского // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 55. С. 188.

[37] Любопытно отметить, что новелла Бальзака «Поиски Абсолюта» была написана в те же летние месяцы 1834 года, что и «Себастиян Бах» Одоевского.

[38] Об этом Одоевский еще до «Русских ночей» подробно рассуждал в статье «Кто сумасшедшие?» (1836), которая, по всей видимости, предполагалась в качестве предисловия к циклу «Дом сумасшедших» (см.: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма... Ч. 2. С. 205).

Рисуя психологический портрет Баха, художника, для которого в мире существует только искусство, Одоевский настаивает на абсолютной правомерности для творца подобной поведенческой парадигмы: «Таков *должен быть* художник — таков был Бах» (с. 97; курсив наш. — *Н. П., Е. Р.*).

Как творец главный герой новеллы представляет недосягаемый образец — гармоничный и совершенный. С ранних лет он одержим музыкой. Земные «грешные» чувства Баху неведомы. Даже в любви его не коснулся темный жаркий пламень земных страстей. Союз с Магдалиной явился продолжением той внутренней гармонии, которая наполняла его до краев, изливаясь в мир потоками небесной благодати. Однако при этом жизнь Баха не лишена и простых человеческих радостей — общения с детьми, учениками, семейственных посиделок и приятельских бесед. Проникнутая все той же гармонией, она течет ровно и спокойно: «Утром он писал, потом посвящал своих сыновей и других учеников в таинства гармонии или исполнял в церкви должность органиста, ввечеру садился за клавикорд, пел и играл с своей Магдалиной, засыпал спокойно, и во сне ему слышались одни звуки, представлялись одни движения мелодий» (с. 98).

Согласно логике сюжета, Бах в конечном счете осужден за то, чего никогда не совершал. Ради искусства он не отказывался от жизни, не предавал забвению простые человеческие чувства. Этих чувств, как не раз подчеркивается в тексте, он просто не знал, они не были ему даны. Замысел Бога о нем был иной, не менее, а может быть, более *полный* и совершенный, нежели та «полнота жизни», которую принято навязывать героям «Дома сумасшедших» в качестве идеала. Одержимость, необходимое условие гениальности, в силу своей природы противоречит любой другой «полноте», кроме своей собственной. Пребывать одновременно в состоянии творческого наития и полоскать в ведре сельдерей, как образно подметила в свое время М. И. Цветаева, невозможно. Человеческая природа в гении властно требует преодоления. Гениальность с ее мономанией уже, собственно, и есть первый шаг к освобождению от земного тяготения.

Насколько сочетается образ «идеального творца», каким он предстает на страницах новеллы, с идеей, заложенной в финале? Не противоречат ли горькие сетования Баха об ущербности прожитой им жизни, об отсутствии в ней любви и «простых человеческих радостей» внутренней логике развития сюжета? О чем на склоне дней горько сожалеет одинокий старик, в чем смысл его «страшного открытия»? Ответы на поставленные вопросы, безусловно, следует искать, обратившись непосредственно к тексту. Однако именно здесь исследователя подстерегает главная трудность. Дело в том, что финал новеллы был принципиальным образом переписан Одоевским в ходе создания «Русских ночей». На этот исправленный вариант и опираются в подавляющем большинстве литературоведы, определяя основную идею новеллы.

Согласно поздней редакции, Бах, оставшись один, сделал «страшное открытие»: «...он узнал, что в своем семействе он был — лишь профессор между учениками. Он все нашел в жизни: наслаждение искусства, славу, обожателей — кроме самой жизни; он не нашел существа, которое понимало бы все его движения, предупреждало бы все его желания, — существа, с которым он мог бы говорить не о музыке. Половина души его была мертвым трупом!»[39] Иными словами, в канун ухода великий композитор осознает собственную ущербность — любовь прошла мимо него, ему не было дано ее испытать, его душа реализовалась лишь наполовину: там, где должна была быть любовь, зияла ужасающая пустота, заполнить которую не смогли ни святое искусство, ни благоговейное религиозное предстояние.

Совершенно иначе выглядел финал в публикации 1835 года. Никакого «открытия» Бах в ранней редакции новеллы не совершал. Единственное, о чем по первоначальному замыслу автора сожалел на закате дней композитор, — это смерть жены: «...были у него ученики, приносившие ему славу другого рода; были обожатели, были завистники — но не было существа, которое понимало все его движения, предупреждало все его желания, — наконец, с которым он не имел нужды говорить словами. Половина жизни его была мертвым трупом!» (с. 111). О любимой женщине, без которой

[39] *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. С. 131.

он ощущал себя наполовину умершим, о близком, родном существе безутешно тоскует слепой одинокий старик. Горечь земной утраты, а вовсе не осознание упущенных возможностей рвет на части его сердце. Он плачет не о том, чего у него в жизни не было, не о том, что ему не дано было познать. Он плачет о том, что составляло «*половину* его жизни» и без чего композитор не чувствовал в себе более той «полноты бытия», которая была ему дарована Провидением.

Из всех героев «Дома сумасшедших» Баху, пожалуй, повезло менее всего. Поздняя авторская правка плохо вписалась в уже имеющуюся идейную канву. Добавленный в финале абзац кардинально изменил угол прочтения текста, внеся в него изначально отсутствовавший мотив «суда» и «приговора». Благодаря автору «Русских ночей» суд над Бахом в исследовательской литературе продолжается по сей день.

Принципиально иное место занимала «биография» Баха в архитектонике «Дома сумасшедших». Будучи финальным разрешающим аккордом общего замысла, она представляла историю «святой жизни художника», творца по преимуществу, гения, на земном уровне достигшего высших ступеней совершенства. Даже в сравнении с Бетховеном Бах оказывается в более выгодной позиции. Его внутренний мир гармоничен, чист, недоступен земным треволнениям. В нем безраздельно царит творчество, поддерживаемое идеальной любовью. Жена Баха — образец спутницы гения, жена-помощница, жена-секретарь, жена-единомышленница. О другой и мечтать для творца не приходится. В жизни Баха жена и музыка спаяны настолько крепко, настолько неразрывны они в его сознании, что он почти не ощущает между ними границы. Музыка переливается в любовь, любовь в музыку — целомудренно, полно, почти совершенно.

Но совершенства и полноты бытия мир грубой материи не терпит. Точно диковинной бабочке, обрывает он крылья творцу — деловито, методично, без суеты. Избежать этой страшной участи, кажется, никому еще не удавалось. Удел совершенства в мире — страдание. Эта истина во всей своей полноте раскрывается в последней новелле цикла. Игривых страстных канцонетт, а вовсе не божественных гармоний требует от творца копошащийся людской муравейник. Не Бах, а итальянская пустышка с черными полуденными глазами правит бал на уровне земного бытия. И против этой пустышки нет противоядия. Могильной плитой придавлено в мире мер одно из самых совершенных божественных творений. Согласно логике земного существования, чем выше ступень духовного развития, тем беспросветнее мрак и тяжелее плита.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-89-99

© ***Е. И. Вожик***

АЛЬМАНАХ В ЭПОХУ ЖУРНАЛОВ: «ДАГЕРОТИП» (1842) Н. В. КУКОЛЬНИКА*

С начала 1830-х годов российская правительственная политика в отношении печатных изданий становилась все более строгой.[1] В это время были закрыты «Европеец» И. В. Киреевского, «Московский телеграф» Н. А. Полевого, «Телескоп» Н. И. Надеждина, а открытие новых журналов было весьма затруднено. Именно с этими обстоятельствами Н. П. Смирнов-Сокольский связывает начало второго «альманачного периода», который приходится на первую половину 1840-х годов.[2] Альманахи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-20003 «Государство и институты литературы: от реформ Петра I до „Великих реформ“».

[1] См.: *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 185; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 308.

[2] *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 20.

заявляли о себе громче, «когда так называемым „толстым“ журналам теми или иными способами затрудняли существование»,[3] потому что к альманахам и сборникам цензура предъявляла меньше требований.

Именно в это время Н. В. Кукольник начинает издавать альманах «Дагеротип», который до сих пор остается практически не изученным исследователями.

Ранее Кукольник принимал активное участие в издании альманаха В. А. Владиславлева «Утренняя заря» — одного из наиболее успешных альманахов конца 1830-х — начала 1840-х годов. По утверждению В. Г. Белинского, «его успех опять ввел в моду альманахи».[4] Данные библиографического указателя Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.» подтверждают слова критика. После 1839 года появляются такие альманахи и сборники, как «Новогодник» (1839) того же Кукольника, «Одесский альманах» (с 1839) Н. И. Надеждина, «Сто русских литераторов» (1839) А. Ф. Смирдина и «Русская беседа» (1841), издававшаяся в его пользу, «Невский альбом» (1840) Н. И. Бобылева, «Наши, списанные с натуры русскими» (1841) А. П. Башуцкого, «Молодик» И. Е. Бецкого (с 1843) и некоторые другие. Все они представляют собой собрания прозаических и стихотворных сочинений, оригинальных или переводных.

Поздний альманах пока не получил развернутого описания в научной литературе, хотя он мало напоминает традиционный альманах 1820–1830-х годов, — по определению У. М. Тодда III, «изящный карманный томик, отвечающий литературным вкусам публики и претендующий на утонченность».[5] С. А. Венгеров пишет, что термин «альманах» «во второй половине века почти исчезает и заменяется словом „сборник“. <...> по существу такие литературные и научно-литературные сборники ничем не отличаются от альманахов».[6]

Отсутствие у поздних альманахов четких дифференциальных признаков привело к тому, что их стало сложно отличать от периодических изданий (журналов и газет). Проблема эта была особенно острой для цензоров. Пытаясь ее разрешить, 23 сентября 1841 года С. С. Уваров предложил Московскому цензурному комитету следующее определение сборника: «В сборниках такого рода не могут быть излагаемы <...> сведения о современных текущих явлениях по какой бы то ни было отрасли наук, литературы и пр.». И далее: «Критика как последовательное и периодическое суждение о произведениях, выходящих по какой-либо отрасли наук, литературы и пр., а тем более полемика, не должны быть допускаемы в сборнике».[7]

Запрет на освещение современных событий, а также на включение в состав альманахов и сборников критического и библиографического отделов следует признать первым и главным признаком этого типа издания в начале 1840-х годов. Он в полной мере присущ альманахам и сборникам, названным выше. На первый взгляд, альманах Кукольника «Дагеротип» также соответствует этому цензурному требованию. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не вполне справедливо. Не ставя перед собой цели провести исчерпывающий анализ этого любопытного издания, мы постараемся показать это, привлекая к анализу ранее не вводившиеся в научный оборот дневниковые записи Кукольника.

Конец 1841 года оказался для Кукольника тяжелым временем: в этот период многие обстоятельства препятствовали развитию его литературной карьеры, ранее весьма успешной.

Во-первых, неблагоприятным образом складывались взаимоотношения литератора с властью. За рассказ «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно»[8] Кукольник

---

[3] Там же. С. 26.

[4] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 4. С. 120.

[5] *Тодд III У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996. С. 95.

[6] Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708–1893): В 3 т. СПб., 1898. Т. 2. С. 214.

[7] Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 233.

[8] *Кукольник Н. В.* Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно // Сказка за сказкой. СПб., 1841. Т. 1. С. 1–55.

ник получил упреки в «безнравственном» изображении допетровского провинциального дворянства и искажении облика самого Петра.[9] В письме от 6 января 1842 года А. Х. Бенкендорф писал Кукольнику о неприятном впечатлении, которое произвел рассказ на императора Николая I, и предупреждал: «Желание ваше беспрерывно выказывать добродетель податного состояния и пороки высшего класса людей не может иметь хороших последствий, а потому не благоугодно ли вам будет на будущее время воздержаться от печатания статей, противных духу времени и правительства».[10] Рассказ был запрещен, после чего последовало общее ужесточение цензурного режима.[11] Эти обстоятельства побудили писателя внимательнее относиться к своим будущим произведениям.

Во-вторых, в конце 1841 года Кукольник испытывал серьезные финансовые затруднения. Согласно дневниковым записям, «надеждой своего существования»[12] в этот период он считал журнал «Русский вестник» Н. И. Греча и Н. А. Полевого: сотрудничество с ним некоторое время позволяло Кукольнику вести привычный ему богемный образ жизни. Тем не менее денежные дела Полевого, в ведении которого находился «Русский вестник», были очень запутаны: жалованье сотрудникам выплачивалось нерегулярно, и финансов недоставало даже на издание журнала в установленные сроки.[13]

В дневниковой записи от 31 декабря 1841 года Кукольник подводит итог гонорарам, полученным за публикацию своих сочинений, а также составляет перечень произведений, которые так и не были напечатаны или поставлены на сцене. Выводы, к которым приходит писатель, неутешительны. Придающий особое значение денежной стороне своего существования, Кукольник отмечает, что все эти затруднения нанесли ему «ущерб значительный».[14]

Новый 1842 год не сразу принес Кукольнику избавление от проблем. В дневниковой записи от 2 апреля читаем: «Вот уже прошло три месяца года нужд. С большим трудом пробивался я в денежном отношении. <...> Для этого года я еще ни на что не решился: планов бродило много, но ни один не устоялся».[15] Тем не менее на новый издательский проект Кукольник, подгоняемый безденежьем и желанием реабилитировать себя в глазах власти, решился довольно скоро: 28 апреля 1842 года писатель получил разрешение на издание альманаха «Дагеротип».

По всей видимости, Кукольнику официально удалось присвоить «Дагеротипу» статус альманаха. Об этом свидетельствует тот факт, что в журналах заседаний Петербургского цензурного комитета за 1842 год упоминаний «Дагеротипа» нет.[16] В списках же рукописей, рассмотренных цензурными комитетами в 1842 году, «Дагеротип» располагается рядом с многочастными изданиями (например, «Канва всемирной истории Ростислава Орлова», «Таинственный монарх, или некоторые черты из жизни Петра I») и газетами (например, «Литературная газета», «Messager de St.-Pétersbourg»).[17]

Перед Кукольником стояла задача воплотить в жизнь коммерчески успешную литературную форму. Самостоятельное издание толстого журнала Кукольник позволить

---

[9] *Шевырев С. П.* [Рец. на:] Сказка за сказкой // Москвитянин. 1841. № 12. Отд. VI. С. 424–428.

[10] Письма гр. А. Х. Бенкендорфа к Н. В. Кукольнику о впечатлении, произведенном на Николая Павловича чтением повести «Сержант, или Все заодно». 1842 // Русская старина. 1871. № 6. С. 793. Ср.: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 133.

[11] Уваров потребовал «поставить вообще С.-Петербургскому цензурному комитету в обязанность: употреблять особенную осмотрительность при цензуровании сочинений, которых авторы как бы исключительным предметом своих изображений избирают нравственное безобразие и слабости, и о всех описаниях такого рода, заимствованных из нашего отечественного и народного быта, представлять предварительно своему начальству, от благоусмотрения коего будет зависеть, и в нужных случаях спрашивать его разрешения» (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 35. Л. 1).

[12] ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 14.

[13] См.: *Полевой К. А.* Записки. СПб., 1888. С. 530–547.

[14] ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 14.

[15] Там же. Л. 18.

[16] РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 35.

[17] Там же. Ф. 772. Оп. 1. № 1509.

себе не мог как по политическим, так и по финансовым причинам: предприятие это было весьма затратное.[18] Кроме того, осуществление подобного проекта было связано с организационными сложностями.

Вместе с тем писатель владел другим типом капитала — капиталом символическим: в начале 1840-х годов его литературная репутация и связи с литературным миром были по-прежнему весьма устойчивы. С середины 1830-х годов Кукольник собирал у себя почитателей своего таланта, писателей, художников, музыкантов, сановитых любителей искусства. Популярность вечерам в доме Кукольника обеспечивали веселый нрав хозяина, его умение импровизировать и организовывать театральные постановки, а также образ обуреваемого страстями романтического поэта.[19]

Летом 1842 года, живя на даче в Парголове, Кукольник продолжал приглашать к себе гостей. Из записок, оставленных самим писателем, мы узнаем не только то, какие книги он читал и какие произведения писал в это время, но и то, с кем ему чаще всего доводилось общаться. Так, на парголовской даче Кукольника регулярно бывали литераторы О. И. Сенковский, А. Н. Струговщиков, И. И. Лажечников, В. Я. Петров, В. А. Владиславлев, книгопродавец М. Д. Ольхин, художник Я. Ф. Яненко, композитор В. М. Кажинский и некоторые другие.[20]

Эти же имена возникают и на страницах альманаха «Дагеротип» — в качестве авторов повестей и пьес или действующих лиц очерков и фельетонов. Неудивительно при этом, что имя самого организатора литературного кружка фигурирует в альманахе чаще всего.

Одним из цензоров «Дагеротипа» выступил еще один приятель Кукольника П. А. Корсаков, который сотрудничал с ним уже при издании «Художественной газеты», одного из недавних проектов Кукольника (1836–1838, 1840–1841). По воспоминаниям писателя В. П. Бурнашева, «добрейший и милейший» Корсаков «умел сочетать букву цензурного устава с посильным служением на пользу отечественной словесности, выступая „вечным ходатаем“ за писателей».[21] В альманахе «Дагеротип» его перу принадлежит одно небольшое переложение голландской легенды XVII века под названием «Шестиголовый дом в Амстердаме».

Отбор произведений по принципу дружественности, царящей между литераторами, роднит альманах Кукольника «Дагеротип» с более ранними образцами этого типа издания. В таком духе, например, пишет о «дельвиговском кружке», из которого вышли «Северные цветы», В. Э. Вацуро: «Сам же кружок интимен; он не „функционирует“, он живет обычной, домашней жизнью, с одной только особенностью: быт его литературен, и чтение чужих произведений и писание своих для него такая же повседневность, как дружеский визит или вечернее чаепитие».[22]

Экономически выгодным издание становится только в том случае, если оно имеет популярность у читателей. Именно поэтому Кукольник внимательно подошел к представлению альманаха «Дагеротип» публике.

Так, литератор неслучайно выбрал название альманаха. По мнению Е. А. Бархатовой, цель Кукольника состояла в том, чтобы привлечь публику, которая в большинстве своем верила в чудесную, мистическую природу дагеротипов.[23]

Изобретение Л. Дагера действительно вызвало огромный резонанс как в европейском, так и в российском обществе. О нем часто и с восхищением писали в прессе: как

---

[18] См.: *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель. М., 2008. С. 94–120.

[19] См.: *Панаев И. И.* Среды Н. Кукольника // Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М., 2019. С. 127.

[20] См., например: «Был в городе <...> у <П. А.> Корсакова, Платона <Кукольника — брата писателя>, в лавках и у <М. Д.> Ольхина» и т. д. (ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 22–26).

[21] *Бурнашев В. П.* Из истории нашей литературы недавнего прошлого // Биржевые ведомости. 1872. 22 дек. № 21.

[22] *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига–Пушкина // Вацуро В. Э. Избр. труды. М., 2004. С. 35.

[23] *Бархатова Е. В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства 1839–1914. СПб., 2009. С. 25.

указано в определении к слову «дагерротип» в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1846), описание этого прибора «можно встретить в любом журнале».[24]

Важно отметить трансформацию названия альманаха. Кукольник решил отказаться от первоначального названия «Всякая всячина», фигурирующего в записных книжках, и назвать альманах «Дагеротипом», чтобы придать ему большее концептуальное осмысление и, по всей видимости, выделить его в ряду сходных изданий. Вместе с тем оказывается, что оба названия избраны по одному принципу: «Всякая всячина» или «Смесь» — традиционное название газетного или журнального отдела, куда помещались фельетоны и все трудноопределяемые в жанровом отношении тексты в целом, а жанр фельетона, как покажет дальнейший ход рассуждений, напрямую соотносится с явлением дагеротипии.

Однако на страницах всех двенадцати тетрадей альманаха практически нет упоминаний о Луи Дагере и его изобретении — каким же образом в таком случае название «Дагеротипа» согласуется с его содержанием?

Издатель «Дагеротипа» предполагал включать в его состав «литературно-дагеротипные произведения», которые якобы были найдены им «в таинственной темной палате (camera obscura)» и созданы самой природой, без вмешательства человека: «Нам удалось выписать один экземпляр этого занимательного механизма и привести в действие посредством известного двигателя, не уступающего теплотой и блеском самому солнцу. К удивлению, <...> мы нашли и стихи, и повести, и разные известия; мы решились издать первые опыты на суд публики, и, если она найдет их сколько-нибудь достойными внимания, продолжать издание литературно-дагеротипных произведений по мере их изготовления. Остается пожелать, чтобы литературная погода постоянно благоприятствовала нашим опытам».[25]

Концепция издания неоднократно проговаривается во вступительных статьях:[26] «...будем себе издавать помаленьку, как Феб пошлет, а он у нас главный хозяин, как явствует из самого названия».[27] Смысл этой иносказательности в том, что изображение, получаемое с помощью дагеротипного аппарата, есть результат действия света на слой йодистого серебра, то есть снимок появляется словно бы по воле бога света Феба, в ведении которого находятся также и искусства. В первой тетради «Дагеротипа», в состав которой входят семь произведений, содержание предваряется надписью: «из семи следующих рисунков», — иными словами, литературный текст приравнивается издателями к рисунку, дагеротипному снимку.

Исходя из заявлений о нерукотворной природе «Дагеротипа», можно было бы ожидать, что напечатанные здесь тексты останутся без подписи. Тем не менее в альманахе практически нет анонимных произведений. Более того, Кукольник не раз подчеркивает, что в создании «Дагеротипа» принимают участие выдающиеся писатели: «„Дагеротип“ заключает в себе <...> более двадцати имен, пользующихся доброй известностью».[28] По всей видимости, это противоречие объясняется тем, что для литератора важнее всего было сделать альманах потенциально привлекательным для публики.

Вместе с тем в составе «Дагеротипа» выделяются две постоянные рубрики, не подписанные именами реальных авторов. Это «Астраханские письма» (завершаемые инициалом «С.») и «Заметки о Петербурге» (написанные якобы неким Т-вым), организующие единство издания и проясняющие его «дагеротипную» концепцию. Как

---

[24] Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1846. Вып. 2. С. 46.

[25] [Кукольник Н. В.]. Дагеротип // Дагеротип: Издание литературно-дагеротипных произведений. СПб., 1842. Тетр. 1. С. 2.

[26] Такие статьи предпосланы к половине тетрадей с целью объяснить намерения издателей, анонсировать состав выпуска или откликнуться на критические замечания других журналов и газет — все они совпадают в заглавии с самим альманахом.

[27] Там же. Тетр. 2. С. 2.

[28] Там же. Тетр. 12. С. 2.

показывают дневники Кукольника, автором «Писем» и «Заметок» является сам издатель «Дагеротипа».[29]

«Письма» написаны от имени столичного жителя, который, обращаясь к своему другу-провинциалу, рассуждает о современной литературе и музыке, философствует на темы отвлеченные и вполне конкретные (история и методы ее преподавания, первые памятники письменности), а самое главное — «безопасные», не дающие повода упрекнуть Кукольника в неблагонамеренности. Если в первых письмах литературная маска столичного приятеля выдерживается автором от начала до конца (он часто обращается к своему астраханскому другу, задает ему вопросы о жизни в Астрахани и т. д.), то в последующих выпусках от провинциального приятеля остается формальное «ты».

Вне сомнения, «Астраханские письма» являются фельетоном. В них реализуются все черты этого жанра, отмеченные В. Л. Комаровичем: городской пейзаж, непринужденность разговорного стиля, полная свобода в переходах от одной темы к другой, определенная авторская установка (фланирующий мечтатель, записывающий случайные впечатления улицы).[30] При этом здесь реализуется характерная для русского фельетона 1830–1840-х годов «дистанция между автором и созданной им фельетонной маской».[31]

Все вышесказанное относится и к другой постоянной рубрике альманаха «Заметки о Петербурге», тоже фельетону в жанровом отношении. Они написаны от лица провинциала-фланера, гуляющего по городу и выносящего суждения о том, что он видит. Трактиры, извозчики, отношения с женой — все это становится предметом рассуждения повествователя.

Фельетонность «Писем» и «Заметок» распространяется и на остальные тексты альманаха, относящиеся к другим жанрам. Будничный, «домашний» тон с сообщением бытовых подробностей издания «Дагеротипа» — неприятно удививший Белинского[32] — свойствен как вступительным статьям, так и, например, повести «Семен Семенович Огурчиков» Полевого или очерку «Дача» (автор которого — «житель наемной дачи», т. е., вероятнее всего, сам Кукольник, снимавший в это время дачу в Парголове).

То, что Белинский называет «фамильярностью», видимо, является еще одной традиционной альманашной чертой, которая в 1840-е годы прочитывается критиком уже в ином — негативном — ключе. Это имитация дружеской близости, особый интимный тон, которым проникнуты не только вступительные статьи и заметки от редакции, но и помещенные в состав традиционного альманаха тексты.

Фельетонная манера повествования обусловлена не только особенностями издания альманаха («дачи, переезды, корректуры — все это препятствовало выходу книжек»[33]) — она избирается Кукольником в качестве основной, поскольку в наибольшей степени соответствует концепции «литературно-дагеротипных произведений»: «дагеротипизм» фельетонов не раз назывался современниками в числе их отличительных признаков. Так, в «Литературной газете» читаем: «Фельетон — настоящий воплощенный дагерротип: в нем все отражается, от него нет спасенья; он ходит в виде трех мелко испещренных столбцов и пожирает все, что ему только попадется на глаза».[34]

---

[29] В указателе Смирнова-Сокольского эти тексты оставлены без атрибуции. Атрибутировать их позволяют дневниковые записи Кукольника. См., например, заметки от 14 июня: «В церкви. Гуляли. Б<ыл> Петров. Написано стих<отворение> „Суворов“ и „Петербургск<ие> Заметки“ о знакомстве»; от 21 июня: «Афишка и статьи о железной дороге. „Заметки о Петербурге“ Ст<атья> 2 и „Астраханское 4е письмо“» и др. (ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 22–26).

[30] *Комарович В. Л.* Петербургские фельетоны Достоевского // Фельетоны сороковых годов. М.; Л., 1930. С. 89–124.

[31] *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830-х — 1870-х гг. М., 2005. С. 83.

[32] «Право, мы того и ждем, что сочинитель „Астраханских писем“ уведомит публику, что у него пропали сапоги и что его человек был пьян или что-нибудь в этом роде. Удивительная фамильярность с публикой!» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 263).

[33] Дагеротип. Тетр. 12. С. 2.

[34] [Б. п.]. Смесь // Литературная газета. 1845. 1 фев. № 5. Первым обратил внимание на этот источник А. Г. Цейтлин (*Цейтлин А. Г.* Становление реализма в русской литературе: Физиологический очерк. Л., 1965. С. 109).

Отсутствие отбора материала, фиксация всех явлений действительности без разбора — так обычно характеризовался и принцип работы дагеротипного аппарата.[35]

В фельетоне эти черты проявляются как разрозненность и некоторая хаотичность содержания, что характерно как для альманаха «Дагеротип» в целом,[36] так и для «Астраханских писем» в частности. Интересно замечание Ф. В. Булгарина о жанровой природе «Писем». Он пишет о том, что по своему составу они напоминают «журнальную всякую всячину».[37] «Смесь. Журнальная всякая всячина» — это название одного из отделов «Северной пчелы», тоже фельетона в жанровом отношении.

Желая обеспечить своему альманаху дополнительную популярность, Кукольник позаботился не только о содержательной составляющей «Дагеротипа», но и о вписанности альманаха в литературное пространство. В 1840-е годы наиболее влиятельной, популярной, а потому, как правило, более выгодной формой издания являлся толстый литературный журнал. По свидетельству Белинского, «в журналах теперь сосредоточилась наша литература, и оригинальная и переводная».[38] О том, что Кукольнику это было хорошо известно, свидетельствуют черты альманаха «Дагеротип», сближающие его с журналом.

Во-первых, ориентация Кукольника на толстый литературный журнал косвенно подтверждается периодичностью публикации первых материалов альманаха. Хотя срок издания каждой тетради литератором не определялся, первые выпуски выходили раз в месяц.[39] Впоследствии этот принцип нарушился, и временные промежутки между следующими выпусками составили несколько дней, а цензурные билеты для тетрадей с седьмой по двенадцатую и вовсе были получены только в октябре и ноябре, при этом девятая, десятая и одиннадцатая появились под одной обложкой. Во вступительной статье к одному из выпусков альманаха подобная нерегулярность объясняется нежеланием «издавать ничего срочного», вызванным «чувством оригинальности».[40]

Несмотря на то, что периодичность издания выпусков альманаха не была выдержана Кукольником до конца, очевидно стремление литератора к ней, свидетельствующее, вероятно, о том, что Кукольник избирает форму толстого литературного журнала, подчиняясь основному закону его издания.

Во-вторых, несмотря на то, что дружеский кружок Кукольника — совсем не то же самое, что редакция толстого литературного журнала, объединяемая, в первую очередь, рабочими интересами, писатель стремится представить свой литературный круг в расширенном виде. Так, в одной из первых тетрадей «Дагеротипа» он сообщает: «Редакция (вероятнее всего, представленная одним лишь Кукольником. — *Е. В.*) получила много прекрасных статей для своего издания и не замедлит их выпуском»,[41] называя упомянутых выше Полевого, Струговщикова и Лажечникова и завершая этот ряд словами «и многие другие». Тем не менее анализ записных книжек и дневников

---

[35] Например, так пишет об этом А. Д. Галахов: «Верность действительности может быть двоякая: творческая, состоящая в ярком воспроизведении отличительных, характеристических особенностей каждого лица, и дагерротипная, состоящая в тщательном и безразличном записывании всего, что видится и слышится» (*Галахов А. Д.* «Бедная невеста», комедия А. Островского // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015. С. 249). См. об этом подробнее: *Вожик Е. И.* «Псевдореализм» и «дагерротипизм»: к вопросу о языке литературной критики рубежа 1840–1850-х гг. // Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей. М., 2018. [Вып. VI]. С. 62–76.

[36] В рецензии на альманах Белинский отмечает, что не все произведения «Дагеротипа» находятся на своем месте: например, известие об обнаружении в коллекции князя А. И. Долгорукого оригинальных эскизов знаменитых художников было бы уместнее в новостной газете (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 187).

[37] [Булгарин Ф. В.]. Смесь. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1842. 27 июня. № 142.

[38] *Белинский В. Г.* Русская литература в 1841 году // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 571.

[39] Цензурные билеты № 732, 884, 1028 от 7 мая, 9 июня, 7 июля соответственно (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 1509).

[40] Дагеротип. Тетр. 2. С. 2.

[41] Там же.

Кукольника показывает, что большинство произведений, напечатанных во всех двенадцати тетрадях «Дагеротипа», находились в распоряжении литератора уже на стадии разработки проекта издания: об этом свидетельствуют предварительные планы содержания выпусков.[42] О «значительном накоплении материала»[43] он пишет и сам во вступительной статье ко второй тетради «Дагеротипа». А перечень имен тех самых «многих других» авторов альманаха не отличается многообразием: Полевой, Струговщиков и Лажечников являются главными поставщиками произведений для «Дагеротипа».

Все это говорит о стремлении Кукольника создать у читателей образ издания, известного и даже популярного среди разных литераторов, которые желают напечатать свои произведения в «Дагеротипе». Вместе с тем он находит возможность заявить и о популярности издания среди самих читателей: «Значительное число не подписчиков, а покупателей первой тетради „Дагеротипа“ подает возможность Редакции и уменьшить, и определенно назначить цену на все предыдущие тетради».[44]

В-третьих, к типу периодического издания альманах «Дагеротип» приближает наличие в нем своего рода литературно-критического отдела, в роли которого выступает фельетон «Астраханские письма».

Во втором письме фельетонист Кукольника (С.) называет себя критиком, но при этом намеренно смешивает два значения этого слова: критик как профессиональный литератор, анализирующий тот или иной текст, и критик как человек, отыскивающий в чем-либо недостатки, склонный к порицаниям: «Все это я говорю про себя, потому что я критик. Ты, может быть, этого не знал; так знай же. Я каждый день кого-нибудь да критикую. И как я критик высшего разряда, то дело имею только с первоклассными гениями. Шекспир, Шиллер, Гете, Августин Тьерри, древние классики и т. д. — вот кому достается от меня. А Гете — пришлось плохо после смерти. У него ни при жизни, ни по смерти не было такого Зоила».[45]

Однако далее шутливое обыгрывание значения слова «критик» неожиданно оборачивается буквальным вживанием повествователя в эту литературную маску: «У меня есть один знакомый, который более трех лет думает о правильной драматургии; есть у него и тетрадочка, в которой он изложил план своего будущего сочинения с некоторыми объяснениями.[46] Я упросил напечатать этот слабый опыт в „Дагеротипе“, так как и отрывок из Вильгельма Мейстера, перевода А. Н. Струговщикова».[47] Из этого можно заключить, что повествователь «Астраханских писем», по всей вероятности, не просто фланер, склонный к размышлениям об искусстве, а еще и заведующий «литературно-критическим отделом» альманаха «Дагеротип».

Стоит отметить, что С., несмотря на уверения в непредвзятости,[48] чаще всего удостаивает положительных оценок тех авторов, произведения которых печатаются в «Дагеротипе», или прямо хвалит именно эти произведения.

Так, например, особым расположением автора «Астраханских писем» пользуется Струговщиков, в 1842 году начинавший работу над переводом «Фауста»: «...я читал недавно, или, правильнее, слушал новый перевод Фауста (Гете), стихами и — необыкновенно хорошо!»[49] В «Дагеротипе» же напечатаны другие его переводы, которые тоже

---

[42] См., например, план первой тетради: «Лисцт. — Стихи. — Повесть: Три. Справочное место. Железная дорога. Шереметевский хор. Черноглазова издание. Литературные, музыкальные, театральные и художественные тайны и кончено. Даже может быть и не все предметы войдут в состав первой книжки. Она должна состоять из двух печатных листов» (ИРЛИ. Ф. 371. № 78. Л. 25а).

[43] Дагеротип. Тетр. 1. Тит. лист.

[44] Там же. Тетр. 2. С. 1–2. Вероятно, имеются в виду не предыдущие, а последующие тетради.

[45] Там же. С. 36.

[46] По всей видимости, речь здесь идет о напечатанном в двенадцатой тетради произведении самого Кукольника под названием «Невинные злодеи, или Сюжет для комедии».

[47] Дагеротип. Тетр. 2. С. 36.

[48] «Но сделай милость, не подумай, что похвалы мои имели источником наше литературное соседство. Ой нет! И другу, и недругу в глаза правду; а если я мнение мое решаюсь напечатать, так только приятную правду, а иначе не стоит и пера брать в руки» (Там же. Тетр. 8. С. 41).

[49] Там же. Тетр. 5. С. 7.

получают одобрение С.: «Мудрец Платон и ученик его Ктезипп» и XX глава из IV части «Вильгельма Мейстера».

Гораздо более охотно фельетонист рассуждает о проблемах современного книгоиздания. Так, в седьмом «Астраханском письме» предметом рассуждений Кукольника становятся гравюры и политипажи, которые широко распространились в 1840-е годы. Он убежден, что иллюстрированные издания, подобно лубочной литературе, могут предназначаться только для «общенародного чтения», в то время как литература «серьезная» не должна пользоваться такими дешевыми средствами привлечения читательского внимания, какими являются политипажи: «Да минуют эти гравюры (политипажи. — *Е. В.*) сочинения, составляющие достояние образованного класса. В этом случае деревяшки как-то роняют достоинство книги и уменьшают ее внутреннюю важность».[50]

Очевидно, что Кукольник относит альманах к «серьезным» изданиям, рассчитанным на просвещенного читателя. Однако одновременно с этим издатель «Дагеротипа» выдвигает к его текстам требование обладать «приятностью» и быть незатруднительными в чтении[51] — очередная черта альманаха 1820–1830-х годов.

Таким образом, Кукольник надевает фельетонную маску литературного критика, тем самым приспосабливая «Дагеротип» к форме существования журналов и газет, в составе которых традиционно отводится место фельетону («Современник», «Библиотека для чтения» и т. д.).

О том, что у Кукольника хотя бы отчасти получилось вписать свой альманах в широкое поле литературы, свидетельствует литературная полемика, развернувшаяся вокруг «Дагеротипа».

В первую очередь нас будут интересовать уже цитировавшиеся выше статьи Белинского в «Отечественных записках» и фельетоны Булгарина в «Северной пчеле» — тексты авторов полярных, а потому интересных для сравнения. Отзывы на альманах, принадлежащие перу других критиков, обнаружить не удалось. Представляется, что они не отличались развернутостью или, что вероятнее, отсутствовали вовсе. Об этом говорит следующий факт: во вступительной статье к седьмой тетради альманаха, имеющей подзаголовок «Отзывы газет и журналов о „Дагеротипе“», издатели открыто полемизируют с «Отечественными записками» и «Северной пчелой», о других же периодических изданиях (или их представителях) не говорится; статья завершается словами: «Об отзывах других журналов собираются справки».[52] Тем не менее в последующих тетрадях «Дагеротипа» никаких упоминаний о рецепции альманаха в критике не появляется.

Наиболее развернутые рецензии на альманах принадлежат Белинскому. В статье «Русская литература в 1841 году» критик определяет талант Кукольника следующим образом: «Не так слаб, чтобы ограничиться безделками, доставляющими фельетонную известность, и не так силен, чтобы создать что-нибудь выходящее за черту посредственности».[53] Эта емкая характеристика резюмирует все высказывания Белинского о произведениях Кукольника в целом.

В серии рецензий на «Дагеротип» критик бегло перечисляет вошедшие в состав издания произведения, сжато характеризуя каждое из них. Последние же шесть тетрадей альманаха удостаиваются только одной короткой заметки, которая завершается словами: «Вот и всё, что есть в шести тетрадях „Дагерротипа“ особенно хорошего или особенно плохого».[54] Очевидно, что в содержании альманаха Белинский не находит ничего примечательного. Единственное произведение, получившее одобрение критика, — драма И. И. Лажечникова «Христиерн II и Густав Ваза» — признается, тем не менее, повторением предшествующих достижений литературы.[55]

---

[50] Там же. Тетр. 9–11. С. 119.

[51] «„Дагеротип“ заботится об одном: доставить публике приятное чтение, не слишком обременяя внимание, не обращая чтения в тяжкий и не всегда благодарный труд» (Там же. Тетр. 2. С. 2).

[52] Там же. Тетр. 7. С. 4.

[53] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 580.

[54] Там же. Т. 6. С. 500.

[55] Там же. С. 262.

Положительную оценку драме Лажечникова дает и Булгарин. Прочие же произведения характеризуются куда более сдержанно. При этом нельзя не отметить, что два отзыва Булгарина разнятся по общей тональности. По первому из них можно заключить, что критик отнюдь не жалует Кукольника: Булгарин избирает в качестве основного приема иронию и позволяет себе колкие замечания по поводу прочитанного. Наименее удачной им, по всей видимости, признается повесть Полевого «Семен Семенович Огурчиков», разбору которой он уделяет в своем отзыве значительное место; заключен этот разбор следующими словами: «И за то спасибо! Могло быть и хуже! А издатель „Дагерротипа“ вовсе не виноват! Он думал, что нашел клад, когда приобрел широковещательное писание, с огородным названием писателя...».[56]

В ответах «Дагеротипа» на замечания критиков видно стремление всеми силами оправдать себя и восстановить уязвленное самолюбие: «Новорожденных обыкновенно встречают ласково, радушно; не то случилось с „Дагеротипом“».[57] В результате Кукольник разменивается на мелочные придирки и язвительные замечания в сторону обидчика: «Почему при слове „старания“ поставлен журнальный крючок или так называемый вопросительный знак в скобках?»[58]

Комментируя эти замечания во втором отзыве на «Дагеротип», Булгарин меняет тон и отзывается об альманахе куда более благожелательно: «...если господа издатели „*Дагерротипа*“ по некоторым нашим замечаниям подумали, что „*Северная пчела*“ не благоприятствует „*Дагерротипу*“, то они ошиблись в этом. Напротив! Мы желаем всех благ этому изданию и за то, что в нем не заметно желчи, не видно неприязненного направления. И если существует „*Литературная газета*“, то как же не существовать „*Дагерротипу*“, который в литературном отношении в сто тысяч раз выше и „*Литературной газеты*“, и „*Отечественных записок*“. Правда, это не велика похвала „*Дагерротипу*“, но ведь мы не сравниваем, а упоминаем о журналах для того только, чтобы подивиться счастию. Кто читает и понимает эти *пафосы действительности*, эту *гуманность субъективности*, действующие на *объективности, сальности* и всю эту *тарабарскую грамоту* — не постигаем!»[59]

Разбор альманаха Кукольника во втором отзыве Булгарина превращается в скрытый спор с «Отечественными записками», в которых издатель «Северной пчелы» видит куда более серьезного противника. С Кукольником же он находит возможность солидаризироваться в условиях борьбы с «Отечественными записками». Выделяя курсивом слова «пафосы действительности», «гуманность субъективности», «объективности», Булгарин иронизирует, в первую очередь, над языком статей Белинского.

«Отечественные записки» не остаются в долгу у «Северной пчелы». Белинский пишет: «„Дагерротип“ обеспечил себя разными союзами, вследствие которых, будучи разбранен в 142 № „Северной пчелы“, он теперь расхвален в 164 № той же самой газеты. <...> Из этого ясно видно, что „почтеннейшие“ объяснились и поняли друг друга. Дай им бог совет и любовь: они стоят друг друга...».[60] Белинский ярко противопоставляет себя как Булгарину, так и Кукольнику, чьи произведения для него одинаково далеки от образа той литературы, устроителем которой он себя чувствовал.

Подведем итоги сказанному. Стремясь решить вполне конкретные задачи — поправить свое общественное и финансовое положение, Кукольник издает альманах и делает все от него зависящее, чтобы обеспечить «Дагеротипу» популярность. Литератор прекрасно осознает, какой тип издания является наиболее востребованным у публики, но не имеет финансовой возможности осуществить его, а также не хочет усугублять и без того непростые отношения с правительством — и потому издает альманах, ориентированный на кружковое сотрудничество. При этом Кукольник, со-

---

[56] Северная пчела. 1842. 27 июня. № 142. Тональность отзыва Булгарина обусловлена в том числе тем, что личные взаимоотношения литераторов складывались сложным образом (см. об этом, например: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 58–62).

[57] Дагеротип. Тетр. 2. С. 1.

[58] Там же. Тетр. 7. С. 3.

[59] Северная пчела. 1842. 25 июля. № 164.

[60] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 261.

четая традиционные альманашные черты с особенностями толстого литературного журнала, очевидным образом подстраивается под законы функционирования института журналистики. Тем не менее «Дагеротип» по типу издания мало напоминает «Отечественные записки» или даже «Северную пчелу»: он располагается между двумя полюсами, будучи равноудаленным от каждого из них.

Альманах «Дагеротип» вряд ли может быть назван успешным изданием. Он не получил однозначно положительных отзывов в критике, и в конце концов интерес к нему потерял даже сам Кукольник, наскоро издав остававшиеся у него материалы без какого-либо концептуального осмысления в двенадцатом выпуске, уступающем по объему всем предыдущим тетрадям. Вероятнее всего, осуществлению планов Кукольника помешала внутренняя противоречивость «Дагеротипа», его промежуточное положение между журналом и традиционным альманахом. Как представляется, Кукольнику и членам его кружка не удалось до конца сформировать облик потенциального читателя «Дагеротипа». В сущности, именно об этом пишет Белинский: «Кто это читает, кому это нужно — бог весть!»[61] Тем не менее для современного исследователя чтение изданий, подобных «Дагеротипу», может быть полезно: оно помогает прояснить сложные законы, по которым распределяются силы внутри литературного поля.

[61] Там же. С. 228.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-99-112

© *В. П. Трыков*

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, РОССИЯ И РУССКИЕ В СТАТЬЯХ И. ДЕЛАВО ДЛЯ ЖУРНАЛА «REVUE DES DEUX MONDES»

Ипполит Делаво (1808–1862) — французский писатель, литературный критик и переводчик — был до 1860-х годов ведущим специалистом по современной ему русской литературе, ее активным популяризатором в парижском журнале «Revue des Deux Mondes», который был основан в 1829 году швейцарским типографом Франсуа Бюлозом и стал одним из влиятельнейших французских периодических изданий XIX века. В разное время в журнале сотрудничали известные писатели и литературные критики: Жорж Санд, А. де Мюссе, П. Мериме, Ш.-О. Сент-Бев, Г. Планш, И. Тэн, Э. Ренан. В журнале были широко представлены материалы по иностранным литературам. Не была обойдена вниманием и русская литература: всего с 1831 по 1873 год ей было посвящено двадцать статей, среди авторов которых П. Мериме, Ш. де Сен-Жюльен, Сен-Рене Тайандье, Л. Леже. Каждому из этих почтенных авторов принадлежало по одной-две статьи. Делаво с 1854 по 1860 год опубликовал в журнале девять статей о русской литературе: «Современный русский роман. Александр Герцен» (1854), «Годы заключения и изгнания русского писателя. Александр Герцен» (1854), «Русский национальный эпос: „Слово о полку Игореве“» (1854), «Роман народных нравов в России. Григорович» (1855), «Литература и военная жизнь в России: 1812 г., Кавказ, Крымская война в произведениях русских писателей» (1856), «Николай Некрасов, сатирический поэт» (1856), «„Семейная хроника“ С. Т. Аксакова» (1857), «Религиозные нравы, схизматики русской церкви, староверы в романе и в истории» (1858), «Сатирический роман о нравах русской бюрократии. „Тысяча душ“ Писемского» (1860).

Делаво не был ни крупным писателем, ни ученым-литературоведом. Он был культурным французом, знавшим русский язык, интересовавшимся русской литературой, переводившим на французский произведения А. И. Герцена и И. С. Тургенева и стремившимся познакомить французского читателя с ее образцами. Написанное им интересно как отражение представлений образованного француза о России. Более того, как

литературный критик авторитетного парижского журнала, Делаво формировал определенный образ России и русских в культурном сознании Франции XIX столетия.

Для понимания того, какой образ России возникает в статьях Делаво, показательны названия его статей. Мотивы преследований, тема крепостничества, русского милитаризма, коррумпированности бюрократии — основные. Дважды в названии статей встречаем слово «сатирический» («Некрасов, сатирический поэт» и «Сатирический роман о нравах русской бюрократии»), что настраивало французского читателя на критическое восприятие российской действительности. Это акцентирование отрицательных сторон русской жизни особенно отчетливо на фоне нейтральных, не имеющих отрицательных коннотаций названий статей о немецкой и английской литературе в «Revue des Deux Mondes»: «Политический роман в Германии», «Философский роман в Германии», «Еврейский роман», «Роман о семейной жизни» и т. д.

Особое внимание Делаво привлекала фигура А. И. Герцена, которому посвящены две вышеупомянутые статьи. В Герцене Делаво увидел сочетание немецкого и русского гения. При этом «немецкость» под влиянием романтизма редуцируется к мечтательности и чувствительности, а «русскость» в результате знакомства с творчеством Н. В. Гоголя — к критицизму в разных его формах: аналитизм, реализм, скептицизм, сатира.[1]

Взгляды Делаво на русскую литературу складывались в значительной степени под влиянием Герцена. По мнению исследователей, Герцен сыграл особую роль не только в ознакомлении зарубежной аудитории с русской литературой, но и в ее рецепции на Западе. «В значительной мере благодаря критической деятельности Герцена русская литература — литература Пушкина и Гоголя, Лермонтова, Грибоедова и Тургенева — входит в сознание передовой интеллигенции мира как искусство беспощадного анализа и гневного отрицания, гуманистического пафоса и нравственного поиска, неразрывно связанное с потребностями жизни и революционной борьбы. Герценовская концепция русской литературы оказала существенное влияние на характер ее освещения в европейской критике <...> Более того, она во многом открывала этот новый поэтический материк для мирового эстетического сознания».[2] Из этого набора характеристик русской литературы для Делаво особенно значимыми оказались беспощадный анализ и гневное отрицание.

Однако у Делаво была и другая путеводная звезда в мире литературы. Это его соотечественница Жермена де Сталь, сформулировавшая в книге «Литература, рассмотренная в связи с общественными установлениями» (1808) основные положения романтического историзма. Писательница, в частности, утверждала, что национальное своеобразие той или иной литературы определяется общественной жизнью нации — ее нравами, обычаями, социальными структурами, политическим устройством. Делаво, руководствуясь идеями своей предшественницы, при анализе русской литературы не замыкался в кругу сугубо литературно-эстетических проблем. Он объяснял ее тяготение к детальному изображению негативных сторон российской действительности, острый критицизм общественной и духовной ситуацией: тяжелым гнетом самодержавия, умонастроениями и потребностями читающей публики, которая «с большой готовностью воспринимает правдивые и часто весьма подробные рассказы о местных нравах <...>, это стремление к скрупулезному изучению действительности».[3] Такой подход приводил к тому, что разговор о русской литературе почти неизбежно перерастал в разговор о России, а анализ литературных тенденций становился одним из приемов создания образа России и русских.

Для Делаво «русскость» не исчерпывается критицизмом. Он солидаризируется с мнением Герцена о русских, выраженным в статье «Дилетантизм в науке». Делаво сочувственно цитирует фрагмент статьи, в котором Герцен утверждает, что одна из особенностей этой нации та, что они с невероятной легкостью усваивают иностранные

---

[1] *Трыков В. П.* Статьи о русской литературе XIX века в парижском журнале «Revue des Deux Mondes» // Литература в школе. 2021. № 1. С. 50–66.

[2] *Лищинер С. Д.* Герцен // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1991. Т. 7. С. 40.

[3] *Delaveau H.* Le roman contemporain en Russie: M. Alexandre Hertzen // Revue des Deux Mondes. 1854. 15 juillet. P. 336.

идеи, но усваивают их поверхностно и не умеют реализовать их на практике.[4] Делаво продолжает старую тему французского дискурса о России, тему подражательности русских, русской литературы и культуры. Парадокс состоит в том, что, упрекая русских в подражательности, Делаво одновременно упрекает их в недостаточно глубокой подражательности, в том, что их восприятие иностранных (и прежде всего, конечно, западных) влияний поверхностно, что они не спешат воплощать заимствованные идеи в жизнь.[5]

Образ России в статье о Герцене складывается не только из характеристики «русского духа» (словосочетание «l'esprit russe» неоднократно встречается в его статьях), важнейших тенденций в литературной и духовной жизни России. Значимая его составляющая — мрачная картина политического режима и общественной жизни николаевской России, в которой живая мысль, потребность в честном и глубоком анализе русской жизни, новые идеи наталкиваются на мертвящую силу репрессивного государства. Арест Герцена и его товарищей, членов студенческого кружка, увлекавшихся социалистическими идеями, суд над ними, ссылка в «вечные снега Сибири»,[6] грубость, произвол и коррупция чиновников, деградация помещичьего класса — из этих «пазлов» складывается общая картина российской действительности в статье Делаво. Отметим, что, создавая эту картину, Делаво опирается на произведения Герцена, прежде всего на его роман «Кто виноват?» и повесть «Доктор Крупов». Делаво не занимает критической позиции по отношению к написанному Герценом о России, всецело доверяет автору и подчеркивает «поразительную правдивость» созданных им образов.[7]

Делаво охотно и без тени сомнения принимает в произведениях Герцена то, что вписывается в его собственные представления о чужой стране и не противоречит взглядам французского литератора, и подвергает критике то, что им не соответствует. В статье немногочисленны прямые высказывания Делаво о России, на основании которых можно было бы составить более-менее отчетливое представление о его восприятии нашей страны. Вот одно из них: «В России, как и во всех деспотических государствах, совершенно невозможно узнать общественное мнение».[8] Еще одна красноречивая деталь: давая периодизацию жизненного и творческого пути Герцена, Делаво выделяет три этапа — университетские годы, период службы на административных должностях в ссылке в Перми и Вятке и, наконец, эмиграция, годы которой Делаво неправомерно считает «годами ссылки» («des années d'exil»).[9] В эмиграцию Герцен, как известно, отправился добровольно. Называя время пребывания Герцена за границей «годами ссылки», Делаво вольно или невольно создает у читателя ощущение, что значительная часть жизни русского писателя прошла в неволе, в ссылке, что, конечно, не соответствовало реальным фактам его биографии.

Интересно посмотреть на те редкие моменты в тексте, где Делаво выражает свое несогласие с Герценом. Нарекание критика вызывают нападки русского писателя на институты брака и семьи, которые Делаво объясняет влиянием французских романов и гегельянством Герцена и уличает писателя в том, что в своей статье «О развитии революционных идей в России» тот преувеличил популярность подобных взглядов в российском обществе. Французский критик сообщает, что во время своего недавнего пребывания в России он имел возможность уточнить цифру убитых крестьянами помещиков, и она оказалась втрое меньше той, что Герцен приводит в своей статье. Заметим, что это единственный случай, когда Делаво упоминает о своем пребывании в России и исходя из своего личного опыта корректирует утверждения Герцена. Мысль, высказанная последним в статье «О развитии революционных идей в России», о том, что будущее принадлежит социалистическим идеям, конечно, не могла прийтись по вкусу журналисту респектабельного парижского журнала консервативного толка, показалась ему слишком радикальной. И хотя Делаво, давая в своей статье обзор творчества

[4] Ibid. P. 319.
[5] Ibid.
[6] Ibid. P. 317.
[7] Ibid. P. 325.
[8] Ibid. P. 324.
[9] Ibid. P. 319.

Герцена, не проходит мимо его философских статей, публицистики, все-таки Герцена-романиста он ставит выше Герцена-публициста, и это неудивительно, ибо, как писал Делаво, «романист заставляет нас забыть о преувеличениях публициста».[10]

Необходимо отметить не только те пассажи статьи, где ведется заочная полемика, но и не менее красноречивые «фигуры умолчания». Так, Делаво лишь вскользь упоминает о письме Герцена видному французскому историку Жюлю Мишле, которое критик характеризует как «весьма умное»,[11] сообщает, что оно было ответом на ошибочные суждения Мишле о России, но тема не находит развития. Делаво не поясняет, какие именно идеи Мишле он считает неверными, в чем суть полемики Герцена с французским историком. Возможно, критик не счел нужным останавливаться на этой полемике, полагая, что ее содержание знакомо французским читателям. Однако содержание других публицистических произведений Герцена, также хорошо известных во Франции, так как с 1848 года из-за цензурного запрета в России Герцен вынужден был печататься во французской прессе, Делаво излагает в своей статье о русском писателе. Почему же тогда письмо Герцена Мишле стало исключением? Чтобы дать свой вариант ответа на этот вопрос, кратко остановимся на обстоятельствах и сути полемики между Мишле и Герценом.

Письмо Герцена Мишле под названием «Русский народ и социализм» было впервые опубликовано в 1851 году в газете «L'Avènement du peuple», а затем под псевдонимом «Искандер» вышло в парижском издательстве Франка в 1852 году. Это был ответ Герцена на серию статей Мишле, напечатанных в той же газете в конце августа — начале сентября 1851 года. Главная мысль Мишле состояла в том, что Россия принципиально несовместима с Западом, так как ее специфику определяет то, что он назвал «коммунизмом». Под «коммунизмом» французский историк понимал сильные в России и ключевые, по его мнению, для русского менталитета общинные традиции, когда человек полагается на коллектив общины, снимает с себя личную ответственность за свою судьбу. Мишле полагал, что коллективизм, исторически сформированный крестьянской общиной, несовместим с западным индивидуализмом. Значительное влияние на представление Мишле о русских оказал Адам Мицкевич, с которым он был дружен. Как и Мицкевич, Мишле считал, что они не настоящие славяне. Из книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году» французский историк позаимствовал утверждения, что они лишены нравственного чувства, Россия является империей лжи (вспомним кюстиновское «Россия — империя фасадов») и что русской литературы не существует.

Все эти идеи Мишле Герцен убедительно опроверг в своей статье «Русский народ и социализм». Делаво, который, в отличие от Мишле, отнюдь не был заражен русофобией, очевидно, соглашается со многими аргументами и логикой герценовской статьи, признавая ее «довольно умной». Вместе с тем, как уже отмечалось выше, он не счел нужным излагать ее содержание. Возможно, одна из причин — критика, которой Герцен подвергал современную Европу, и Францию в частности, что не соответствовало взглядам Делаво на западную цивилизацию как модель для России. Более того, Герцен критиковал Запад с позиций революционера и социалиста, что также было неприемлемо для французского критика.

Таким образом, высказываемые в публицистике социалистические идеи Герцена, его поддержку революционных настроений в России, критику священных для буржуа институтов брака и семьи, Делаво расценивает как «преувеличения», однако он не считает таковыми те мрачные картины российской жизни, которые Герцен рисовал в своих романах и повестях.

Этот мрачный колорит лишь усиливается в следующей статье Делаво о Герцене «Годы тюремного заключения и ссылки русского писателя», опубликованной в «Revue des Deux Mondes» 1 сентября 1854 года. В ней Делаво подробно рассказывает об одном этапе биографии Герцена — его аресте, тюремном заключении и ссылке. То, что в предыдущей статье было лишь намечено пунктиром, здесь становится основным пред-

[10] Ibid. P. 325.
[11] Ibid. P. 324.

метом изображения. Воссоздавая этот этап, Делаво опирается на единственный источник — «Былое и думы» Герцена, вторая часть которых, «Тюрьма и ссылка», вышла в Лондоне в 1854 году и к моменту публикации статьи еще не была известна французскому читателю. Очевидно, что к 1854 году это произведение Герцена уже оказалось в поле зрения Делаво, который впоследствии переведет книгу на французский язык. Трехтомное издание «Былого и дум» будет выходить с 1860 по 1862 год в парижском издательстве «Дантю» под названием «Русский мир и революция («Былое и думы»)».

Значительная часть текста статьи Делаво — обширные цитаты из «Былого и дум», изредка прерываемые коротенькими авторскими пояснениями, связками и комментариями. Он вновь заявляет, что не разделяет политических взглядов Герцена,[12] который интересует Делаво прежде всего как «спокойный и строгий репортер русской жизни».[13] В самой этой российской действительности взгляд Делаво фокусируется на судьбе свободомыслия в России. В целом в статье складывается картина произвола властей и общей подавленности и бессилия русского общества. Пересказывая сюжет из «Былого и дум» о том, как были арестованы студенты Московского университета, участники оппозиционного кружка, французский критик комментирует: Россия — «страна, где власти имеют обыкновение действовать тайно и наносить удар исподтишка».[14]

В изображении Делаво Россия, с одной стороны, оплот деспотизма, полицейского и судейского произвола, страна, где свободная мысль подвергается гонениям, а с другой — рассадник революционных, коммунистических идей. И то и другое вызывает осуждение умеренного либерала Делаво.

Если в статье о Герцене Делаво на материале книг русского писателя знакомил французского читателя с обликом российского чиновничества и дворянства, то в статье «Роман народных нравов. Григорович» (1855) в центре внимания оказались обычаи и положение русского крестьянства, как они обрисованы в произведениях автора «Антона Горемыки» и «Деревни». Делаво видел свою задачу в том, чтобы «познакомить с рассказами писателя, который достойно представляет слишком немногочисленное семейство авторов, пишущих о народе, не только изучить любопытную литературную тенденцию, но также проникнуть в общественную жизнь страны, из которой к нам с трудом доходят редкие произведения, прояснить некоторые причины слабости и величия Российской империи».[15]

В статье о Григоровиче, как и в предыдущих статьях о Герцене, Делаво не ограничивался задачами литературного критика, но брал на себя роль историка и социолога, причем одновременно историка русской литературы и русского общества, о чем свидетельствует как его экскурс в историю русской литературы на первых страницах статьи, так и экскурс в историю становления крепостного права в России в ее финальной части. Делаво дает краткий обзор русской литературы XVII — начала XIX века, в котором проявляет незаурядную эрудицию, знакомит французского читателя с совершенно неизвестными и «экзотическими» произведениями русской литературы, где затрагивалась народная тема и изображались крестьянские нравы (повести XVII века «Фрол Скобеев», «Сава Грудцын», стихотворение поэта начала XIX века Ф. Н. Слепушкина «Изба»).

По мнению критика, Петровские реформы усилили западное влияние на русскую литературу, и она перестала изображать народную жизнь и нравы. Попытку вернуть ей самобытность и обратить к русской действительности предпринял Н. М. Карамзин в повестях «Бедная Лиза», «Марфа Посадница», «Наталья, боярская дочь», однако значительным было французское влияние на его сочинения. А. С. Пушкин и его «мощные творения» лишь вскользь упомянуты в обзоре рядом с именем В. Скотта, из чего можно сделать вывод, что Делаво, как, впрочем, и многие французские критики до него, не оценил Пушкина как великого национального поэта, в том числе и его вклад

---

[12] *Delaveau H.* Les Années de prison et d'exil d'un écrivain russe // Revue des Deux Mondes. 1854. 1 sept. P. 858.

[13] Ibid.

[14] Ibid. P. 860.

[15] *Delaveau H.* Le Roman de mœurs populaires en Russie. Grigorovitch // Revue des Deux Mondes. 1855. 15 juillet. P. 256.

в изображение и осмысление народной жизни, выражение русского духовного склада. Очевидно, что Делаво понимает народность как простонародность, только как воспроизведение быта и нравов крестьянства. Он прошел мимо собирательного образа народа, выражающего свою нравственную оценку политических деяний и исторических личностей в «Борисе Годунове», не заметил он и «Повестей Белкина» с их образом низовой, мелкопоместной, провинциальной России, и «Истории села Горюхина» с картиной крепостного сельского быта, с остро сатирическим изображением русской деревни.

Для Делаво писатель, освободивший русскую литературу от западного влияния, вернувший ее к национальным сюжетам, — Н. В. Гоголь. Его последователями выступают И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, В. И. Даль и Д. В. Григорович. Причем последнего Делаво ставит выше Тургенева, акцентируя внимание на двух произведениях: повести «Антон Горемыка» и романе «Рыбаки», т. е. на тех, в которых писатель поднимал проблему крестьянской жизни. Значительная часть статьи — подробный пересказ этих двух текстов Григоровича с обстоятельными цитатами из них. Вне поля зрения французского критика остались многие другие сочинения Григоровича, например очерк из столичной жизни «Петербургские шарманщики», повесть «Похождения Накатова», антинигилистическая миниатюра «Школа гостеприимства» и т. д.

По мнению Делаво, Григоровичу, как и Герцену-публицисту, которого, напомним, французский критик упрекал в «преувеличениях», недостает иногда чувства меры («le defaut de mesure»).[16] Это проявляется и когда Григорович выражает свои симпатии и сочувствие к крепостным крестьянам, и когда сами крестьяне демонстрируют чрезмерную экспрессивность в выражении своих чувств, и когда, желая изобразить злоупотребления помещиков-крепостников, автор, с точки зрения Делаво, сгущает краски.

Художественной неудачей автора «Рыбаков» Делаво считал образ крестьянина Вани. Ему казалась неубедительной жертвенность этого персонажа. Речь идет о сюжетной линии повести, построенной на отношениях трех персонажей: молодого крестьянина, сына Глеба Савинова Вани, приемыша в семье Глеба Гриши и крестьянской девушки Дуни, в которую влюблены оба молодых человека. Отец хочет женить Ваню на Дуне. Ваня, зная, что он не мил девушке и что она предпочла ему Гришу, добровольно идет в рекруты вместо него. Комментируя ситуацию, Делаво замечает: «Жертвенность не угасла в русском народе, но никогда человек этого класса не откажется от независимости ради любовной интриги. Выдумка автора совершенно неприемлема: любовь русского крестьянина не поднимается выше физиологического инстинкта и, следовательно, занимает в его глазах весьма второстепенное место в его душевных переживаниях».[17]

Делаво как будто прошел мимо тех художественных открытий, которые были сделаны в «Записках охотника» Тургенева, показавшего сложность и даже загадочность духовного мира простого крестьянина. Умозаключение критика еще более удивительно, если учесть, что «Записки охотника» (1847–1852) к моменту написания статьи уже были полностью опубликованы и он, знавший русский язык, мог прочитать книгу в оригинале. Более того, к 1855 году уже был напечатан во Франции перевод «Записок охотника» на французский язык, хоть и под другим названием — «Воспоминания русского помещика». Делаво опубликует в парижском издательстве «Дантю» свой перевод «Записок охотника», правда, только в 1858 году, т. е. спустя три года после выхода в свет статьи о Григоровиче. Как бы то ни было, трудно допустить, что критик, проявлявший интерес к творчеству Тургенева, к моменту написания статьи о Григоровиче прошел мимо тургеневского шедевра.

Григорович мотивировал поступок Вани не только уважением к чувствам любимой, которая предпочла другого, но и многолетней привязанностью к Грише, товарищу его детских игр, которого Ваня воспринимает почти как родного брата. Можно предположить, что невысокая оценка, которую дал Делаво образу Вани, была обусловлена несовпадением представлений французского критика о «русскости» с понимани-

[16] Ibid. P. 273.
[17] Ibid. P. 294.

ем русского национального характера Тургеневым и Григоровичем. Для Делаво в Ване «нет ничего русского».[18] Напротив, для Григоровича Ваня — воплощение лучших черт русского характера. Писатель завершает сцену, в которой Ваня твердо и спокойно заявляет отцу о своем намерении пойти в рекруты вместо Гриши, следующими словами: «Так простой русский человек совершает всегда великодушные поступки!»[19] Как уже отмечалось выше, по мнению Делаво, «русскость» — это прежде всего особый склад ума, которому свойственны трезвый и критичный взгляд на мир с примесью скептицизма, что нашло отражение в аналитизме и реализме русской литературы, сильной сатирической тенденции в ней. «Русскость» у Делаво не предполагала склонности к благородным и великодушным поступкам.

Кроме того, образ Вани не вполне соответствовал образу русского крестьянина, который возникает на страницах статей Делаво и которого автор наделяет такими качествами, как покорность, смирение, сдержанность в проявлении чувств, патриархальное презрение к женщине и глубокое уважение к отцовскому авторитету. «Бунт» Вани против отцовской воли женить его на Дуне противоречил этому стереотипу.

Делаво возмущало униженное положение крепостных крестьян в России. Заслугу Григоровича Делаво видел в том числе и в том, что его произведения стали частью «литературной агитации» («agitation littéraire») за отмену крепостного права. В критическую статью о Григоровиче он вставляет публицистические пассажи, в которых рассуждает о судьбах русского крестьянства, прямо выражает свое отрицательное отношение к крепостному праву и надежду на его скорейшую отмену: «Мы полностью разделяем мнение противников крепостного права. Русские крестьяне достойны быть отпущенными на волю. Это доказал опыт: те из них, кто, получив свободу, не злоупотребили ею».[20] При этом Делаво нигде в своей статье не объясняет, почему русские крестьяне достойны свободы, но не достойны считаться людьми, способными на нечто большее, чем подчиняться «физиологическому инстинкту» в своей нравственной жизни. Между тем несомненна заслуга Делаво в привлечении внимания французской публики к фигуре Григоровича, произведения которого к моменту выхода статьи в свет еще не были известны во Франции.[21]

Крестьянская тема найдет продолжение в статье Делаво о Некрасове, в стихотворениях которого он видит прежде всего описание тяжелой доли русского крестьянина. Страстная, обличительная интонация некрасовской поэзии импонирует французскому критику, который с удовлетворением констатировал: «Некрасов не поет, он проклинает», он «неумолимый судья» российской действительности.[22] Однако удивительным образом эта страстность, которую Делаво называет «усиливающейся экзальтацией»,[23] отнюдь не кажется ему чрезмерной. Если в статьях о Герцене и Григоровиче Делаво упрекал писателей в преувеличениях, считал, что им изменяет чувство меры, то Некрасов неожиданно предстает чуть ли не образцом умеренности. В его стихотворениях о тяжелой крестьянской доле, по мнению критика, проявляется «очевидная и хорошо просчитанная сдержанность».[24] Трудно сказать, в чем причина подобного интеллектуального кульбита. Маловероятно, что за три-четыре года, отделяющих статью о Некрасове от статей о Герцене и Григоровиче, столь кардинально изменились эстетические взгляды Делаво и его критерии вкуса и меры в искусстве. Вероятнее другое: за эти несколько лет усилилось критическое отношение Делаво к российской действительности, и прежде всего к крепостному праву, и поэтому даже самые мрачные картины тяжелой доли русских крестьян и самая острая критика политики

[18] Ibid.

[19] *Григорович Д. В.* Рыбаки: Роман. Повести. М.; Л., 1966. С. 173.

[20] *Delaveau H.* Le Roman de mœurs populaires en Russie. P. 289.

[21] Первое произведение Григоровича, переведенное на французский язык, роман «Столичные родственники» увидел свет только в 1888 году.

[22] *Delaveau H.* Un poète satirique en Russie. Nicolas Nekrasoff // Revue des Deux Mondes. 1858. 15 décembre. P. 845.

[23] Ibid. P. 841.

[24] Ibid. P. 848.

российского правительства уже не казались Делаво преувеличением и нарушением меры.

Это предположение отчасти находит подтверждение в финальной части статьи, где Делаво вписывает творчество Некрасова в социально-политический контекст российской действительности. Правление Николая I характеризуется как «угнетение народа, еще не смягченное влиянием цивилизации».[25] Николай I хотел искоренить всякую свободную мысль в сознании высших классов, но получил ответную реакцию. Одним из выразителей этих протестных и реформаторских настроений и стал Некрасов, воплотивший в стихах «бунт национального духа против режима, ныне почившего».[26]

Тем не менее в финале статьи о Некрасове, как и в концовках предыдущих статей, звучат успокоительно-обнадеживающие ноты: «Нужно заметить, однако, что это угнетение прекратилось и что либеральное движение в России должно принять направление, отличное от того, которое имело место тридцать лет тому назад. Мы не увидим тех сцен кровавого насилия, которые разыгрались в начале царствования последнего императора на Дворцовой площади. Партия реформ искренне привязана к новому императору».[27]

В статье о Некрасове Делаво добавил несколько штрихов к нравственно-психологическому портрету русского народа, который он нарисовал в предыдущих статьях. В исполненных грусти стихотворениях Некрасова французский критик видит проявление «наивного гения русского народа».[28] Однако к этой «наивности», что бы под этим ни понималось, и другим «ценным качествам, которыми одарен русский народ», добавляется «жестокость, доходящая до дикости».[29] Делаво развивает в статье и тему пьянства, начатую еще в статье о Григоровиче, которое трактуется теперь не как характерная черта быта и нравов отдельного социального слоя — фабричных рабочих и крестьян, ушедших из деревни в город, — а как общенациональный недуг, правдиво показанный в произведениях Некрасова и порожденный тяжелыми условиями жизни в России и теми испытаниями, которые выпали на долю русского народа в его историческом развитии.

К представлениям Делаво о русском народе как нельзя лучше подходит характеристика европейского общественного мнения о России и русских, данная Герценом в статье «Русский народ и социализм». После краткого обзора типичных суждений европейских авторов о России он заключал: «Мне кажется, есть что-то трагическое в старческой рассеянности, с которою старый мир спутывает все сведения о своем противнике. В этом сброде противоречащих мнений проглядывает столько бессмысленных повторений, такая печальная поверхностность, такая закоснелость в предрассудках, что мы поневоле обращаемся за сравнением к временам падения Рима».[30] Некоторые из стереотипов, которые перечислил Герцен в своей статье (всемогущество царя, произвол правительства, рабский дух народа, природная одаренность русских, их пьянство и плутовство), воспроизводил и Делаво.

В статье о Некрасове французский критик дает не только безотрадную картину русской жизни, но и краткое описание под определенным углом зрения эволюции русской поэзии от XVIII до середины XIX века: он прослеживает различные флюктуации лирического и сатирического элементов в ней. Некрасов оказывается в данном отношении центральной фигурой, поскольку именно ему удалось добиться наиболее полного и органичного синтеза лирики и сатиры. Кроме того, в творчестве Некрасова Делаво видел отражение состояния умов передовой части русского общества: недовольство существующим положением вещей, усиление социального критицизма, ожидание реформ и прежде всего отмены крепостного права.

---

[25] Ibid. P. 853.
[26] Ibid.
[27] Ibid.
[28] Ibid. P. 848.
[29] Ibid. P. 851.
[30] *Герцен А. И.* Избр. философские произведения: В 2 т. М., 1948. Т. 2. С. 138–139.

Статья «Военная литература и жизнь в России» была напечатана в номере «Revue des Deux Mondes» от 15 августа 1856 года, т. е. уже после окончания Крымской войны. Парижское мирное соглашение было подписано весной 1856 года. Отголосок недавних не только военных, но и идеологических баталий между воюющими сторонами отчетливо слышен в этой статье французского критика. Едва скрываемое раздражение, смешанное с иронией, сквозит в следующих строках: «Россия обязана своим величием, главным образом, своей армии, и не приходится удивляться тому, что в ней так быстро нашлись писатели, готовые эту армию воспеть».[31] Делаво упрекает русских писателей, описывавших войну 1812 года, в «грехе преувеличения», в том, что они «были судьями слишком пристрастными».[32] Его обижает высокомерно-снисходительный тон русских авторов по отношению к поверженным французам. Делаво всячески старается исправить эту ситуацию. Он пытается затушевать несправедливый захватнический характер войны, которую Наполеон начал против России. Примечательно, что в статье ни разу не упомянуто имя Наполеона I, отсутствуют оценки его восточной политики, а Отечественная война 1812 года названа нейтральным словосочетанием «кампания 1812 года». Делаво ничего не пишет о доблести русских воинов, зато акцентирует мужество и стойкость французских солдат, которых не могли не отметить их противники. Из значительного массива литературы о войне 1812 года Делаво выбирает рассказ Бестужева-Марлинского «Латник» (в статье приведено не название, а подзаголовок «Рассказ партизанского офицера»), из которого приводит два эпизода. В первом рассказчик, который вместе со своим отрядом преследует отступающую французскую армию, живописует страшную картину гибели французских солдат от холода. Особенно внимание русских привлекала фигура замерзшего гренадера, который мертвым стоял, опершись на свое ружье. На его застывшем лице — следы прежней гордости и отваги, «презрение боли, его победившей». Русские при виде такого зрелища испытывают чувство жалости, смешанное с восхищением «эдаким молодцом». Второй эпизод повествует о том, что отряд наткнулся на французов, завязалась перестрелка, а затем и рукопашный бой, в котором опять русские не могли не оценить «храбрых своих врагов». Делаво характеризует рассказ как «дань уважения французской армии».[33]

Если французы, несмотря на поражение, предстают в статье храбрыми и стойкими воинами, то русские — жестокими варварами. Партизанский отряд «преследует остатки французской армии с дикой яростью».[34] Делаво в своем пересказе пропускает тот эпизод в рассказе Марлинского, когда русские взяли в плен французского солдата-барабанщика и, несмотря на предложение одного из персонажей расправиться с ним, сохранили ему жизнь, зато пускается в ламентации о тяжкой доле французских солдат: «Читая некоторые эпизоды военных рассказов Марлинского, невозможно отделаться от тягостного впечатления. Сердце сжимается при виде зрелища французских солдат, побежденных губительным климатом, и русских, с жестокой радостью довершающих дело разрушения, начатое природой».[35]

Недовольство критика вызывает и то, что «Марлинский повествует о грустных сценах 1812 года с мрачной безучастностью, которая удивляет и печалит».[36] Показательно, как старательно Делаво избегает называть вещи своими именами, как он уклоняется от слова «война», на сей раз заменяя его «грустными сценами 1812 года» («les tristes scènes de 1812»). Заметим также, что выше критик упрекал русских писателей в «грехе преувеличения», в чрезмерной страстности, здесь его не устраивает их бесстрастность и безучастность. Это кажущееся противоречие легко объяснимо. Подтекст понятен: Делаво полагал, что русские писатели чересчур эмоционально прославляют победу русского оружия в войне с Наполеоном (в частности, вскользь, не приводя

---

[31] *Delaveau H.* La littérature et la vie militaire en Russie // Revue des Deux Monde. 1856. 15 août. P. 775–776.

[32] Ibid. P. 778.

[33] Ibid. P. 780.

[34] Ibid. P. 779.

[35] Ibid.

[36] Ibid. P. 780.

названий, он упоминает «романтические гимны» Жуковского[37]) и они недостаточно эмоциональны в выражении своего сочувствия разбитой французской армии.

Об отражении событий Кавказской войны в русской литературе Делаво говорит весьма коротко. Очевидно, что она интересовала его меньше, чем войны, в которых принимали участие его соотечественники: война 1812 года и Крымская война. Он отмечает лишь, что Кавказская война породила очередной всплеск энтузиазма в русском обществе и волну интереса к военной тематике в литературе, упоминает «Кавказского пленника» Пушкина и «Героя нашего времени» Лермонтова, повести о войне Марлинского и вновь упрекает русских писателей в чрезмерности: «Этот энтузиазм иногда побуждает их забыть всякую меру».[38]

Первый, кому, по мнению Делаво, удалось преодолеть эту «чрезмерность» и правдиво изобразить характер русского солдата, — Л. Н. Толстой. Делаво отмечает у него мастерство создания типов русских солдат и офицеров, интерес писателя к будничной стороне войны, описанию нравов и отношений людей на войне. Делаво подробно останавливается на «Севастопольских рассказах», в которых, по мысли критика, проявилась «проницательная наблюдательность» Толстого. Романтическим преувеличениям Лермонтова и особенно Марлинского Делаво противопоставляет в качестве положительного примера тип повествования, разработанный Толстым: «Простой и детализированный рассказ, наподобие дневника, показывает нам с душераздирающей правдивостью как страдания осажденного гарнизона, так и его воинскую доблесть...».[39]

Для Делаво Толстой прежде всего бытописатель войны и внимательный наблюдатель военных нравов. Критик остается в этом отношении верен себе. Как и в других статьях о русской литературе, его интересует в первую очередь нравственное состояние русского общества, разных его слоев и социальных групп. Толстой-психолог, тонкий аналитик человеческой души не получил достойной оценки в статье. Показательно, что, представляя французскому читателю «Севастопольские рассказы», Делаво в своем подробном и довольно верном пересказе, перемежающемся большими цитатами, опускает внутренние монологи героев, авторский аналитический комментарий их душевных состояний (например, описание чувств Козельцова после посещения блиндажа командира полка).

Отметим и еще одну редукцию, производимую Делаво. В своих переводах толстовского текста он снимает фразы, которые привносят элемент патетики в повествование. Проиллюстрируем это на одном примере — сцене смерти Козельцова-старшего. Вот как она описана у Толстого:

«— Что, я умру? — спросил Козельцов у священника, когда он подошел к нему.

Священник, не отвечая, прочел молитву и подал крест раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Он взял слабыми руками крест, прижал его к губам и заплакал.

— Что, выбиты французы везде? — твердо спросил он у священника.

— Везде победа за нами осталась, — отвечал священник, говоривший на *о*, скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя.

— Слава Богу, слава Богу, — проговорил раненый, не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело.

Мысль о брате мелькнула на мгновенье в его голове. „Дай бог ему такого же счастия“, подумал он».[40]

Сравним с переводом этой сцены, сделанным Делаво:

---

[37] Очевидно, имеются в виду такие стихотворения Жуковского, как «Певец во стане русских воинов», «Вождю победителю», «Императору Александру», в которых поэт славит победу русского оружия, восхищается неиссякаемой силой русской нации и поэтически осмысливает великое значение Отечественной войны 1812 года.

[38] *Delaveau H.* La littérature et la vie militaire en Russie. P. 783.

[39] Ibid. P. 791.

[40] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 4. С. 114–115.

«— Est-ce que je suis blessé à mort? — lui demanda celui-ci.

Le prêtre ne lui répondit pas. Il prononca une prière et lui tendit la croix à baiser. Le lieutenant prit la croix de ses mains affaiblies, la pressa contre son cœur, et quelques larmes mouillèrent ses paupières; puis, essayant de se relever, il se tourna vers le prêtre.

— L'ennemi est-il repoussé? — lui demanda-t-il.

— Nous avons l'avantage sur tous les points, répliqua celui-ci, ne pensant point qu'il fût prudent d'annoncer au mourant que le drapeau français flottait sur la tour Malakof.

— Dieu soit loué! — dit le blesse, et cette nouvelle parut ranimer ses forces. Puis, le souvenirs de son frère s'étant présenté à sa pensée, il souhaita en lui-même que ce jeune homme eût comme lui rempli son devoir au prix de sa vie...»[41]

Как видим, Делаво в своем переводе заменяет толстовский пассаж, описывающий чувства умирающего героя, его эмоциональную реакцию на слова священника о победе, якобы одержанной русской армией, и содержащий прямую оценку поведения Козельцова как «геройского дела» («не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело»), более нейтральной констатацией: «Эта новость, казалось, оживила его силы». Снимает он и фразу «смерть не испугала Козельцова».

Делаво пропускает в своем пересказе и эпизод внезапного героического воодушевления, охватившего до того трусившего Вланга. Французский критик сообщает читателю, что рассказ завершается смертью Козельцова-младшего, и затем дает цитату, описание разбитой русской армии, остатки которой на пароходе переплывают на Северную.

Одним словом, в трактовке Делаво, в том, как он представил французскому читателю финал рассказа, доминирует мотив смерти: индивидуальной смерти главного героя и коллективной смерти русской армии. Однако Толстой завершает рассказ иначе. Последняя сцена — диалог двух русских солдат, в котором они выражают уверенность, что победа французов временная и что русская армия вернет Севастополь, и далее следует патетическое описание отступления русской армии: «Севастопольское войско, как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, развиваясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой тесноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, — от места, всего облитого его кровью, — от места, 11 месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага, и которое теперь велено было оставить без боя».[42] Это описание и финальные строки («Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимою горечью в сердце вздыхал и грозился врагам»[43]) выражают мысль не о смерти, не об окончательном разгроме, а о нравственной несломленности русской армии.

В той части статьи, которая посвящена отражению событий Крымской войны, образ русского солдата становится более объемным. Теперь Делаво видит в нем не только грубого и жестокого варвара. Очевидно, находясь под впечатлением от рассказов Толстого, французский критик отмечает самообладание, простоту, отсутствие бравады, дисциплинированность и, что самое, быть может, главное — человечность русского солдата. Более того, именно человечностью Делаво объясняет поражение в Крымской войне: «Русский солдат отличается чувством гуманности, которому он редко изменяет. В этом, как легко догадаться, одна из причин поражения, которое он потерпел в последней войне <...> Беспощадность, которая свойственна нашей армии, должна была, несомненно, обеспечить ей большое преимущество перед русскими, которые лишь неохотно отвечали ударом на удар и не спешили добить противника. Это правда, что русский солдат научился самообладанию, что останавливает его руку; он испытывает воодушевление в пылу сражения, но почти всегда способность сдерживать себя приводит к его поражению».[44]

---

[41] *Delaveau H.* La littérature et la vie militaire en Russie. P. 801.

[42] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 118.

[43] Там же. С. 119.

[44] *Delaveau H.* La littérature et la vie militaire en Russie. P. 803–804.

Статья завершается, как и почти все статьи Делаво о русской литературе, размышлениями критика о состоянии российского общества и о будущем России. Такая структура реализовывала замысел, лежавший в основе этого цикла статей Делаво, — сквозь призму литературы увидеть тенденции социальной жизни современной России, нравственно-психологическое состояние общества.

Делаво в финальном пассаже выстраивает оппозицию простой народ / российская элита. Симпатии Делаво на стороне народа, носителя нравственных ценностей. По мнению критика, русская литература, показывающая высшим классам российского общества и Европе истинное лицо народа, его жертвенность, покорность, героическую стойкость, искреннюю религиозность, способствует скорейшим реформам, которым противится наиболее консервативная часть общества. Делаво завершает статью, как и некоторые прежние свои статьи, выражением надежды, что русские крестьяне обретут свободу, а Россия двинется по пути реформ и либерализации.

Последняя статья Делаво о русской литературе «Сатирический роман в России» была опубликована за два года до его кончины в январском номере «Revue des Deux Mondes» за 1860 год. Она знакомила читателя с произведениями еще одного представителя реалистической литературы — А. Ф. Писемского, чье творчество, как и творчество Герцена, Григоровича, Некрасова в предыдущих статьях, рассматривается как свидетельство того, что русская литература, пережив иностранные влияния, обрела наконец свой национальный характер, стала выражением «национального гения» («génie national») русского народа, которому свойствен трезвый и критический взгляд на мир, проявляющийся в «комическом остроумии» («verve comique») и язвительности («l'esprit caustique») русского ума. Усиление критицизма и сатирического начала в русской литературе XIX века в творчестве таких писателей, как Крылов, Гоголь, Григорович, Салтыков-Щедрин, Герцен, Некрасов и Писемский, с точки зрения Делаво, говорит о возвращении русской литературы к своим истокам. В этом ряду Писемский занимает особое место, так как знаменует «последний прогресс реалистической школы».[45] По мнению критика, этому автору удалось соединить гоголевский скрупулезный анализ фактов повседневной жизни с некрасовским страстным обличительным пафосом.

Особенно подробно Делаво останавливается на романе «Тысяча душ», в свойственной ему манере детально пересказывает сюжет, цитирует большие фрагменты, отмечает «удивительную правдивость» созданных писателем типов, высоко оценивает критический взгляд писателя. Заслугу Писемского Делаво видит в том, что в перечень чиновничьих пороков, помимо взяточничества (осмеянного до него Гоголем), оказываются включены и глубочайшее невежество, неискоренимая лень, готовность выслужиться перед начальством, другие пороки этого сословия.

Однако критицизм русской литературы вообще, и Писемского в частности, не всегда приходится по вкусу французскому журналисту. Так, например, с плохо скрываемым раздражением он отмечает, что в правление Николая I в русской прозе появилась тенденция критического изображения иностранцев и русских подражателей Западу. Этим грешили Гоголь, Тургенев, поздний Герцен. Не избежал этого и Писемский. «Эта досадная тенденция, — продолжает Делаво, — была поддержана партией славянофилов».[46] А далее следует вежливая по тону, но весьма категоричная рекомендация: «В интересах России следовало бы пожелать, чтобы сатирический дух русских писателей вдохновлялся другими предметами».[47] Как видим, критицизм русского ума не всегда хорош для Делаво: он готов хвалить его, когда тот проявляется в изображении российской действительности, но не одобряет его при изображении иностранцев. При этом журналист не замечает явного противоречия в своей позиции: он неоднократно в своих статьях с сожалением писал о «подражательности» русской литературы, выступал сторонником ее скорейшего освобождения от иностранных

[45] *Delaveau H.* Le roman satirique en Russie // Revue des Deux Mondes. 1860. 15 janvier. P. 426–427.

[46] Ibid. P. 441.

[47] Ibid. P. 442.

влияний, в статье о Писемском с удовлетворением констатировал, что это освобождение произошло и русская литература наконец-то обрела свою самобытность, — и тут же через несколько страниц упрекал русских писателей в некотором критицизме по отношению к Западу и западным влияниям. Это противоречие объясняется смешением у Делаво двух критериев в оценке литературы: собственно эстетического и политического. Как критик, Делаво не может не отметить оригинальности современной ему русской литературы, но как французский интеллектуал, встревоженный усилением славянофильских настроений в Европе, он хотел бы сохранить влияние Запада на русскую культуру и общественную жизнь. В этом же причина появления, казалось бы, не имеющих прямого отношения к теме статьи, посвященной творчеству Писемского, нападок Делаво на молодых русских чиновников, которые за границей пытаются защитить репутацию своих коллег. В заключительной части статьи снова звучит волнующий автора вопрос: «Откуда в русских писателях сатирического направления это чувство недоверия к западному обществу?»[48] Ответа на него критик не дает, зато вновь наставительно рассуждает о том, что «существенным фактором прогресса для России является способность славянского духа воспринимать и осваивать все живое и благотворное, что он находит в чужеземных нравах и институтах <...> Поощрять ненависть к иностранному значило бы способствовать неизлечимому бессилию русского национального духа».[49]

Как литературный критик самого авторитетного парижского журнала, с которым знакомилась почти вся образованная и состоятельная Франция и Европа, Делаво внес заметный вклад в ознакомление этой части читающей публики с новинками русской литературы и шире — в формирование образа России в культурном сознании Европы. Делаво не открыл французам богатства и своеобразия русской литературы, как это сделает впоследствии Э. М. де Вогюэ в своем «Русском романе». Заслуга Делаво состояла в том, что он в середине XIX века стал популяризатором русской литературы во Франции. Свою просветительскую миссию он осуществлял и в качестве переводчика, и в качестве литературного критика. Он знакомил французских читателей с произведениями, которые еще не были переведены на французский язык. Статьи Делаво о русской литературе не отличались ни глубиной или оригинальностью мысли, ни широтой взгляда. Новейшая русская литература в статьях французского критика была представлена несколько однобоко, всего несколькими именами современных русских писателей (Герцен, Григорович, Некрасов, Писемский). Делаво прошел мимо почти всей русской поэзии середины XIX века (Фет, Полонский, Майков, Тютчев). В статьях не получило освещения творчество Гончарова, Тургенева, раннего Достоевского.

Делаво не всегда удачно пытался совместить в своем лице литературного критика, историка, социолога, публициста и умелого рассказчика. Хотя ему нельзя отказать в эрудиции (он прекрасно ориентируется в современной русской литературе), однако как литературный критик он поверхностен, как историк и социолог зачастую поспешен в своих умозаключениях, как публицист лишен темперамента и страсти, как рассказчик недостоверен и, конечно, не может соперничать с Мериме. Статьи Делаво в значительной степени носили реферативный характер, состояли из пересказа сюжетов и обширных цитат из произведений русской литературы, но хотя бы в таком виде русская литература становилась достоянием культурной Франции. Для Делаво-критика литература — прежде всего источник информации о России. Творческая оригинальность каждого из русских авторов для Делаво — вопрос второстепенный. Произведения рассматриваются им не как эстетические явления, художественные феномены, а как картины разных сторон русской жизни, прежде всего нравов и институтов общества. В произведениях Герцена Делаво интересны нравы русского чиновничества и помещиков, в повестях Григоровича — жизнь и нравы русского крестьянства, в статье «Религиозные нравы, схизматики русской церкви, староверы

[48] Ibid. P. 453.
[49] Ibid.

в романе и в истории» — жизнь религиозных сект, староверов и т. д. Такая установка вполне соответствовала культурно-просветительским задачам, которые ставил перед собой журнал «Revue des Deux Mondes», полагавший своей главной целью расширение культурного горизонта французов, их ознакомление с «другим миром», установлениями, нравами, политической и культурной жизнью других стран и народов. В достижение этой цели свой посильный вклад внес Ипполит Делаво.

В целом отношение Делаво, как и журнала, сотрудником которого он являлся, к России заинтересованно-благожелательное. Он видит в России страну в состоянии трансфера, переходящую к реформам, вставшую на путь постепенной либерализации. Борьба нового со старым — постоянный мотив статей Делаво.

В некотором смысле Делаво выступает предтечей де Вогюэ и его знаменитой книги «Русский роман» (1886). Для Делаво данное им в статьях описание современной русской литературы, ее наиболее значимых, с его точки зрения, фигур и течений — это всего лишь инструмент изучения «общих тенденций русского народа» («les tendances générales du peuple russe»).[50] Вогюэ в своих статьях в «Revue des Deux Mondes» с бóльшим успехом, чем его предшественник, продолжит на материале русской литературы исследование нравственного состояния русского общества, а также пресловутых «l'esprit russe», «le génie russe». Правда, в интепретации Вогюэ они приобретут некую таинственность, которой в них не ощущал Делаво, превратятся в «загадочную русскую душу».

[50] Ibid. P. 834.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-112-117

© *Е. М. Филиппова*

ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБРАЗА ВОЛКА-НИГИЛИСТА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Исследователи творчества И. А. Гончарова неоднократно обращали внимание на символическую насыщенность последнего из его романов,[1] не характерную для поэтики XIX века и сближающую «Обрыв» с произведениями более позднего времени.[2] Особую роль играет в книге анималистическая образность (речь идет о сопоставлении или уподоблении человека и животного). Ее значимость, с одной стороны, свидетельствует, что писатель интересовался актуальной в 1840–1860-х годах позитивистской полемикой о соотношении духовного и животного начал в человеке,[3] с другой же, позволяет увидеть в романе определенные признаки «антинигилистического» жанра:[4] «...анималистические параллели уместны в антинигилистическом романе, в содер-

[1] См. об этом, например: *Пруцков Н. И.* Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 155–156.

[2] *Краснощекова Е. А.* И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 358.

[3] Материалы цензорской деятельности Гончарова подтверждают его знакомство с журналом «Русское слово», популяризовавшим идеи позитивизма в России. По мнению В. И. Мельника, «романист и сам видит в человеке еще очень много „звериного“, но, в отличие от позитивистов, не просто констатирует этот факт, а дает ему соответствующую оценку, показывает борьбу „звериного“ и „духовного“ в человеке и надеется на „очеловечение“ человека. На этой надежде основывается вся этическая концепция Гончарова, начиная с произведений 40-х гг.» (*Мельник В. И.* Этический идеал И. А. Гончарова. Киев, 1991. С. 87).

[4] *Гродецкая А. Г.* Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве» // Пушкинские чтения — 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 159.

жании которого стержневым является философский спор о природе человека: человек — животное или человек — храм Божий».[5]

Тем не менее тот факт, что «зооморфная» символика свойственна в той или иной степени большинству произведений Гончарова,[6] подтверждает, что анимализм в «Обрыве» — не только отражение идей позитивизма или следование традициям жанра. Детальное изучение его происхождения требует также обращения к другим областям, например мифопоэтике и компаративистике.

Отдельную проблему составляет поиск источников образа нигилиста-волка — Марка Волохова. На протяжении книги сравнение Марка с волком используется восемь раз.[7] Первый раз сопоставление неявно подается в сцене разговора с Верой. Намекая на тайную губительную страсть героини, Райский произносит: «...дети тоже не боятся, и на угрозы няньки „волком“ храбро лепечут: „А я его убью!“ И ты, как дитя, храбра и, как дитя же, будешь беспомощна, когда придет твой час...».[8] Затем, во время свидания с Марком, Вера, словно повторяя прозвучавшую аналогию, снова уподобляет Волохова хищнику из басни «Волк и журавль»: «Как волк оценил услугу журавля. Ну что бы сказать ему „спасибо“ от души, просто, как он просто сделал? Прямой вы волк! — заключила она, замахнувшись ласково зонтиком на него. — Все отрицать, порицать, коситься на всех...» (VII, 523). Вновь ассоциативный ряд «страсть — Марк — волк» возникает в диалоге с Борисом: «Настоящий волк! как ни корми, все к лесу глядит!» (VII, 577).

Легко заметить, что перечисленные выше случаи упоминания волка так или иначе ориентированы на его фольклорный архетип, писатель активно использует и переосмысливает сказочные мотивы, пословицы. Не будем отдельно останавливаться на их анализе, так как подробно мифопоэтические функции волчьего образа в сюжете «Обрыва» рассмотрены в статье А. Г. Гродецкой «Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в „Обрыве“».[9] Вне внимания остается, пожалуй, только мотив волчьего голода[10] Марка, раз за разом подталкивающий героя переступить запретную грань (и в прямом, и в переносном смыслах) — будь то забор сада или порог закрытого трактира.[11]

Сравнительно-типологический подход к изучению анимализма Волохова применяет В. А. Недзвецкий в работе, посвященной сопоставлению «Обрыва» с романом Жорж Санд «Мопра». Прослеживая сходство двух названных романов, исследователь отмечает параллелизм их сюжетов и героев: «Марк Волохов, сравниваемый автором „Обрыва“ с волком и библейским разбойником Варравой, „восходит“ к сандовскому Бернару де Мопра, ремеслом которого до встречи с главной героиней романа был и впрямь разбой, хотя и невольный, а руководившие его поведением инстинкты сам герой называет волчьими. „Разбойником“, „дикарем“ и „мужланом“ остается он в глазах некоторых лиц произведения и после встречи с Эдме».[12]

Е. В. Уба, рассматривая характеристики персонажей только в русле поэтики Гончарова, приходит к выводу о том, что к сопоставлению своих героев с животными

---

[5] *Старыгина Н. Н.* Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 209.

[6] См. об этом, например: *Ларин С. А.* Семантическая структура романа «Обломов» в контексте творчества И. А. Гончарова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. С. 3.

[7] Реже встречаются также сравнения со зверем и собакой.

[8] *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. VII. С. 413. Далее ссылки на этот том приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

[9] *Гродецкая А. Г.* Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве». С. 156–162.

[10] «Волк есть символ злости, прожорливости, жадности...» (*Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 40).

[11] Вечный голод Марка замечает Вера, сравнивая Волохова с семинаристами: «Они неопрятны, бедно одеты, всегда голодны...» (VII, 520).

[12] *Недзвецкий В. А.* И. А. Гончаров и Жорж Санд («Обрыв» и «Мопра») // И. А. Гончаров. Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 210.

образами писатель прибегает тогда, когда «они — вольно или невольно — нарушают этические нормы, когда страсти, необузданные и пагубные, берут верх над разумом...».[13] В таком ключе образ волка в художественной системе Гончарова может быть рассмотрен как устойчивый символ чрезмерности. Так, прозвищем «волчонок» в «Обрыве» наделен вполне «безобидный», но эмоционально экзальтированный персонаж — Николай Викентьев: «Этот вечный спор шел с утра до вечера между ними, с промежутками громкого смеха. <...> Любовь его к матери наружно выражалась также бурно и неистово, до экстаза. В припадке нежности он вдруг бросится к ней, обеими руками обовьет шею и ослепит горячими поцелуями: тут уже между ними произойдет буквально драка. Она ловит его за уши, дерет, щиплет за щеки, отталкивает, наконец кликнет толсторукую и толстобедрую ключницу Мавру и велит оттащить прочь „волчонка“» (VII, 281).

Отдельно следует указать на значимость волчьей аллегорики в литературно-философском дискурсе. «Обрыв», несомненно, остается актуальным в русле полемики о «новых людях», развернутой в прозе и публицистике 1860-х годов. По мнению К. Ю. Зубкова, споры о нигилизме романист воспроизводит «на языковом уровне», используя определенные «слова-сигналы», устойчивые выражения, научные термины и метафоры.[14] Не составляют исключения в том числе и анималистические черты героев: сравнение нигилистов с хищными животными распространено в ранних антинигилистических романах.[15] Уподобление носителя новых идей волку ставит «Обрыв» в один ряд с произведениями авторов, обращавшихся к схожим сравнениям. Среди них можно назвать романы Н. С. Лескова «Некуда» (1864), В. А. Клюшникова «Марево» (1864), М. В. Авдеева «Меж двух огней» (1868), Б. М. Маркевича «Бездна» (1883–1884).[16]

Не стоит, однако, забывать, что работа над «Обрывом», завершенным в 1869 году, длилась около двадцати лет (первоначальный замысел романа сложился у Гончарова еще в конце 1840-х годов), а формирование нигилизма как отдельного культурного феномена русского общества условно можно отнести к концу 1850-х — началу 1860-х. Н. Н. Страхов в статье «Слово и дело» (1863) с иронией замечает, что «нигилизм <...> едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты».[17]

Таким образом, очевидно, что Марк не мог задумываться как тип «нового человека». Сам писатель указывает на этот факт.[18] В «Предисловии к роману „Обрыв“» он сообщает, что фигура Волохова «не входила собственно в задачу романа и не составляла вовсе заметного в программе лица, а оставалась на третьем плане, в тени. Она нужна была, как вводное лицо, для полной обрисовки личности Веры».[19] Ранее, в переписке с Е. П. Майковой, Гончаров также подчеркивает, что «почти единственная цель в романе — есть рисовка жизни, простой, вседневной, как она есть или была, и Марк попал туда случайно», а «Марк во 2-й части — не то, что он в 3-й, 4-й и 5-й, он <...> вышел сшитым из двух половин, из которых одна относится к глубокой древности, до 50-х годов, а другая — позднее, когда стали нарождаться новые люди. Первоначальный Марк задуман был как враг старого порядка <...>, но таким пока врагом, который протест свой против старой дури, своеволия и прочее выражает, рисуя карикатуры, травя собаками полицию и вообще преследуя грубо и цинически, что ему не

---

[13] *Уба Е. В.* Поэтика имени в романной трилогии И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»). Дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. С. 140.

[14] *Зубков К. Ю.* Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 25–39.

[15] *Базанов В. Г.* Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941. С. 52–53.

[16] *Зубков К. Ю.* Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова. С. 32.

[17] *Страхов Н. Н.* «Слово и дело» // Время. 1863. № 1. Разд. V. Современное обозрение. С. 169.

[18] Подробнее об этом см.: *Гродецкая А. Г.* «Случайный» нигилист Марк Волохов и его сословная геральдика // Русская литература. 2015. № 3. С. 5–38.

[19] *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 145.

нравится».[20] Вместе с тем романист осознает, что образ Волохова, совмещающий в себе старое и новое, может быть не понят читателями, так как «едва ли в современном поколении найдется такое резкое выражение крайностей», а «новая жизнь очень нова и молода», она «еще складывается», а «люди не успели повториться во стольких экземплярах одного направления, воспитания, идей, понятий, чтобы образовать группу так называемых типов, они тоже живут, так сказать, „в теории“ и в „области мышления“, следовательно, около них не успела устояться известная сфера нравов, быта».[21] Попытка типологизировать, свести в одном персонаже устоявшееся и зарождающееся действительно привела к тому, что Марк потерял свою узнаваемость: в статье «Образ нигилиста у Гончарова» (1928) В. Ф. Переверзев рассматривал «нигилизм Волохова», «нигилизм русского радикала» и «нигилизм русских новых людей» как совершенно несоотносимые вещи.[22]

Итак, из предисловия «Обрыва» мы уже знаем, что частично фигура Марка была задумана писателем в 1850-х годах. Момент изменения ее замысла тоже датируется Гончаровым очень точно: «В 1862 году, когда я ездил вновь по Волге, прожил лето на родине, был в Москве, мне уже ясно определилось это лицо».[23] Тем не менее есть свидетельства, которые позволяют предположить, что первое представление о носителях новых идей Гончаров мог получить еще до 1862 года, в Петербурге, общаясь с семьей Майковых. Сохранившаяся переписка младшего из Майковых (Леонида) и его друзей подтверждает, что среди учащихся Санкт-Петербургского Императорского университета была группа радикально настроенных студентов, прозванных «волками». Приведем небольшой отрывок из письма от 14/26 апреля 1862 года, адресованного неизвестному товарищу по университету. Оценивая недавно вышедший роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», Леонид сообщает: «Он <Тургенев. — *Е. Ф.*> метил на красных <т. е. радикалов. — *Е. Ф.*> и дал почувствовать, что они более или менее подлецы: да разве это правда? Они могут иметь ложные убеждения, но, несмотря на примеры Писарева, Чернышевского и пр<очих>, я никогда не поверю, чтобы они были ближе к подлости, чем к честному поступку. А военная молодежь? И многие из тех, которые в университете назывались *волками*?»[24]

Ответное письмо (предположительно, автором является А. М. Скабичевский)[25] содержит воспоминания о двух видах «скептиков» в университетской среде и их подробный анализ. Если первые («умеренные») терпимы и способны к сомнению, то вторые («радикалы») не имеют убеждений, нравственных норм и ориентированы лишь на удовлетворение собственных мелких прихотей: «Я решительно не согласен с твоими мыслями об „Отцах и детях“, о Базарове и о нас применительно к Базарову. — В твоих словах есть доля правды, что в нашем новом поколении есть много левых новых начал,

---

[20] Там же. С. 401.

[21] Там же. С. 147, 161.

[22] *Переверзев В. Ф.* Образ нигилиста у Гончарова // Литература и марксизм. 1928. № 1. С. 57–61.

[23] *Гончаров И. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 92.

[24] ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. № 59. Л. 2 об. Курсив мой. — *Е. Ф.*

[25] На левом поле пятого листа письма, датированного 25 апреля 1862 года, на обороте, имеется поперечная приписка: «Поздравь меня с новорожденною племянницею». По всей видимости, имеется в виду новорожденная племянница А. М. Скабичевского — Любовь Модестовна Малышницкая, появившаяся на свет 20 апреля 1862 года (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 842. Л. 210). В метрических книгах церкви Александра Невского при Правительствующем Сенате также сохранилась дата венчания Елены Михайловны Скабичевской и надзирателя 2-го квартала Петербургской части, капитана Модеста Ивановича Малышницкого — 30 апреля 1861 года. На момент вступления в брак невесте было 17 лет, а жениху 34 года (Там же. Д. 786. Л. 40). Скабичевский считал брак сестры вынужденным, так как после ее выпуска из института семья находилась в тяжелом материальном положении: отец вышел в отставку и получал скромную пенсию в 14 рублей, а доходы только что окончившего университет Александра Михайловича не превышали 50-ти рублей в месяц — «...немудрено, что сестра поспешила выйти замуж за первого посватавшегося жениха, за которого, вероятно, не пошла бы, если бы обстоятельства наши были хоть сколько-нибудь лучше...» (*Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1923. С. 175).

каких не было в старом; старое поколение хотя и думало иногда, что оно имеет убеждения, но убеждения эти были по большей части привитые, заимствованные, люди брали их на веру, не сличали с ними жизни и действительных фактов и жили, спустя рукава, руководствуясь более чувством, чем умом. — Новое поколение не берет ничего на веру, не дает простора чувству и разбирает умом явления жизни, не спеша подвести их под заранее составленные убеждения. Это новое направление анализа и скептицизма ты очень метко подметил, но ты забыл, что в этом направлении есть два слоя, заметно отличающиеся один от другого в настоящее время: 1) умеренные скептики и 2) радикалы; как тех, так и других порядочно размножается в последнее время, и ни те, ни другие не составляют уже какого-нибудь исключительного явления. Кружок наш[26] я причисляю к умеренным скептикам. Умеренные скептики не кричат, не выставляются, не рисуются. Они анализируют, они во многом сомневаются, но сомнений своих они не доводят до всеуничтожения. Они способны к вере, не стыдятся чувства (не сам ли ты, причисляющий себя к нигилистам, говорил, что пора нам восстановлять, что сожигали), они не спешат составлять себе убеждений, но в них нет недостатка в творчестве, сомнения не поглотили в них потребности суждения, и во имя этой потребности, если они путем анализа доходят до какого-нибудь убеждения, то они при всем их анализе и сомнении способны быть идеалистами в преследовании этого убеждения. Но главное их неотъемлемое достоинство — терпимость. Во имя терпимости они прощают многое, что вовсе не согласно с их мнениями; они не оскорбят дерзким самонадеянным спором своих родителей-стариков, не станут глумиться над их святым чувством, не оттолкнут родительских объятий грубою холодностью и не ответят смехом на горькие слезы матери. Совсем другое представляют радикалы. Всеотвергающие, над всем смеющиеся, они простерли свои сомнения до того, что все разрушили в себе до основания, у них нет ни чувства, ни убеждений, ничего святого, никакой основы, никакого творчества; при всем своем анализе в жизни они очень шатки и по большей части несостоятельны, и понятно почему: анализировать и сомневаться очень легко, сделать что-нибудь доброе — трудно, но путем сомнений они доходят до того, что считают совершенно бесполезным сделать это доброе, а не имея никаких нравственных оснований, путем анализа они доходят до того, что не прочь иногда учинить какую-нибудь пакость, им ничего не значит при всей их ненависти к аристократизму жить даром в доме богача; они оправдают себя какими-нибудь идеями коммунизма и, вкушая сладкие яства богача, будут в то же время на основании независимости личных убеждений поносить его в глаза и заочно, смеяться над ним, а на основании эманципации женщин или права индивидуального наслаждения обольстят его жену или любовницу. Таковы все партизаны „Современника“, шулеры Некрасовы, грабители Панаевы,[27]

[26] Речь, очевидно, идет о т. н. «филологическом кружке», сформировавшемся в студенческие годы и состоявшем из восьми человек: Д. И. Писарев, Л. Н. Майков, Е. Е. Замысловский (впоследствии историк), В. В. Макушев (славист), П. Н. Полевой (журналист, беллетрист, историк литературы), Ф. Ф. Ордин (адвокат), Н. А. Трескин (педагог) и сам А. М. Скабичевский. Помимо «Литературных воспоминаний» (с. 111), кружок упоминается также Писаревым в статье «Наша университетская наука» (1863). Члены этого сообщества поддерживали дружеские отношения и некоторое время после окончания Л. Н. Майковым университета в 1860 году. Первым вышел из него Писарев, став сотрудником «Русского слова» (*Скабичевский А. М.* Письмо к Л. Н. Майкову / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 189). Скабичевский и Майков перестали общаться в 1866 году (подробнее см.: Там же).

[27] Характеристика «шулер» связана с приверженностью Некрасова азартным играм и редкой удачливостью в них (*Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. С. 258–260). В целом, негативная оценка Некрасова и Панаева в письме относится, вероятно, к делу об имении Н. П. Огарева. В 1849 году М. Л. Огарева предъявила своему мужу иск об оплате выданных ей векселей на 85 815 рублей серебром. Процесс длился до весны 1851 года. А. Я. Панаевой, представлявшей интересы Марии Львовны в суде, удалось добиться успеха (см.: *Дементьев А. Г.* К истории «огаревского дела» (неизвестные письма А. Я. Панаевой) // Вопросы литературы. 1979. № 11. С. 238–239). На имение Огарева был наложен арест. По договоренности с супругой Огарева поместье должно было быть продано в течение следующих двух лет, однако ни сам осужденный, ни его бывшая жена причитающихся от продажи средств не получили. Предполагается,

беззаветно наслаждающийся за карточным столом Писарев,[28] когда нужда и горе стучится в дверь его семьи. Они больше всех задают крику о себе, по всей матушке России; рисуясь и кривляясь, самохвально величают они себя передовыми людьми, прогрессистами, в себе одних видят спасение России. Очень понятно, что эти Чернышевские, [Базар<овы>] Добролюбовы и прочая братия могли [попасться] бросаться в глаза Тургенева...».[29]

Завершается письмо также рассуждениями о «волках» и сравнением их с типом Базарова: «...Базаров не есть карикатура; Базаров один из типов современной жизни, весьма метко схваченный, изображенный весьма художественно и глубоко прочувствованный. Уж мы не будем брать таких крупных представителей базаровщины, каковы Некрасовы, Чернышевские, Писаревы, вспомни о тех многих и многих студентах, которых мы встречали в коридорах университета, и тех так называемых *волках*, красных, с которыми трудно было и заговорить без того, чтобы не встретить на их устах саркастической базаровской улыбки, которые в последнее время начали носить тулупы вместо шинелей, штаны прятать в сапоги и которых коробило при взгляде на белую жилетку или при звуках французского языка. Сколько в каждом из них Базаровского, подумай только».[30] Схожая типология скептиков нового поколения и упоминание о «волках» встречаются и в университетских воспоминаниях Скабичевского: «...в студенческом движении участвовали лишь две партии: умеренный центр и крайние левые, которых прозывали „волками“. Умеренные желали мирно и спокойно пользоваться дарованными студентам вольностями, по возможности избегать шума и относиться к начальству не с настойчивыми требованиями, а с почтительными просьбами. Волки же, щеголяя, нарочно в пику беложилетникам, всклокоченными волосами[31] и ветхими, никогда не чищенными сюртуками, являлись представителями самых радикальных требований, любителями крутых мер и скандальных демонстраций».[32]

Подводя итог вышесказанному, можно с осторожностью говорить о том, что Гончаров, на протяжении всей жизни поддерживавший дружеские отношения с семьей Майковых, мог знать о существовании в стенах Петербургского университета радикально настроенных студенческих течений, называемых «волками». Однако достоверных подтверждений этому нет: Скабичевский, также посетивший несколько собраний литературного салона, характеризует автора «Обрыва» как человека замкнутого и мало сближающегося с молодежью.[33] Тем не менее такое совпадение кажется любопытным, и нельзя полностью исключать, что образ волка-нигилиста у Гончарова, помимо перечисленных мифопоэтических, типологических и литературно-философских оснований, имеет вполне определенные биографические предпосылки.

что они были частично растрачены самой Панаевой. Дело получило широкий общественный резонанс. Некрасов, принявший на себя вину, подвергся остракизму среди друзей и знакомых — «вором и подлецом» называет его в своей переписке Герцен (*Герцен А. И.* Собр. соч: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Письма 1860–1864 годов. Кн. 1. С. 149). Личное знакомство Скабичевского и Некрасова произошло весной 1866 года, когда критик был приглашен в «Современник» для написания рецензий по беллетристике (*Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. С. 295).

[28] О собственной расточительности упоминает Писарев в письме к матери от первой декады сентября 1861 года: «...было бы, конечно, изящнее с моей стороны, если бы вместо того, чтобы разбрасывать деньги, я ими помогал семейству, как это делает, напр(имер), Трескин. Но у меня нет этого влечения...» (*Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2012. Т. 11. Письма, 1851–1868. С. 212).

[29] ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. № 59. Л. 4–5.

[30] Там же. Л. 5 об. Курсив мой. — *Е. Ф.*

[31] Эта портретная характеристика перекликается с «всклокоченной головой» Марка (VII, 336), его «поношенным и небезупречным от пятен пальто» (VII, 339).

[32] *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. С. 101.

[33] Там же. С. 195.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-118-129

© *А. Н. Розов*

ОБРАЗ ДЬЯКОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА В ОЦЕНКЕ ЦЕРКОВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье, посвященной оценке церковными критиками образа священника в русской литературе второй половины XIX — начала XX века, нами отмечалось, что духовная журналистика обращала внимание на все романы, повести, рассказы, очерки писателей, как известных, так и второстепенных и третьестепенных, в которых были изображены иереи.[1] Критики в первую очередь обращали внимание: соответствует ли действительности тип священнослужителя, оставляя в стороне художественные достоинства произведения. Одной из главных целей подобных рецензий было ознакомление духовенства с литературными новинками, при этом рецензенты, как правило, подробно излагали беллетристический сюжет, а потом делали вывод, насколько он правдоподобен. Да и само духовенство в те десятилетия проявляло интерес к светской литературе. Корреспондент церковного журнала писал о том, что священники должны знакомиться с новейшей беллетристикой, которая сообщает о том, что происходит в душе современного человека, а это знание должно помочь пастырю в его приходской деятельности.[2]

Профессору Санкт-Петербургской духовной академии Н. И. Барсову принадлежит заслуга в том, что он первым проанализировал все вышедшие до 1874 года произведения, в которых изображались служители Церкви, и ввел понятие «типы духовенства в литературе».[3] Через 12 лет профессор Казанской духовной академии А. В. Попов опубликовал большую работу,[4] где не только перечислил разные типы иереев, но и обратил внимание на образы низших членов клира: дьякона и причетника, которые, по его мнению, «не отличаются такой отделанностью, рельефностью и разнообразием, как типы священника».[5]

Рассуждая о романе Н. С. Лескова «Соборяне», критики наряду с образами о. Савелия Туберозова, его жены Наталии Николаевны, о. Захарии Бенефактова подробно анализировали и образ дьякона Ахиллы Десницына. Профессор Киевской духовной академии А. Д. Воронов в статье, посвященной роману,[6] считал, что если о. Савелий «является представителем силы разумной», то Ахилла, — настоящий богатырь, обладающий прекрасным басом, «представляется олицетворением, так сказать, „силы стихийной“».[7] Он родом из украинских казаков и, будучи дьяконом, сохраняет «многие казачьи привычки». Вначале образ Ахиллы кажется немного карикатурным, но в дальнейшем в нем обнаруживаются самые светлые черты, а его различные чудачества показывают только его «простоту и близость к природе, в которой все его утешает и радует».[8] Дьякон очень любит о. Савелия, пытается защитить его от незаслуженного

---

[1] *Розов А. Н.* Заметки о церковной критике второй половины XIX — начала XX века (образ священника в русской литературе) // Русская литература. 2001. № 4. С. 32.

[2] Отношение духовенства к современной светской литературе // Вятские епархиальные ведомости. 1913. 15 авг. № 33. Ч. неофиц. С. 985–989.

[3] *Барсов Н. И.* Мнения и отзывы нашей светской литературы о русском духовенстве // Христианское чтение. 1874. Март. Внутреннее обозрение. С. 477–500.

[4] *Попов А.* Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие // Православный собеседник. 1884. Ч. 2. Май. С. 44–88; Июнь. С. 202–238; Июль. С. 278–331 (отд. изд. вышло в Казани в том же 1884 году).

[5] Там же. С. 293.

[6] *А. В.* [Воронов А. Д.]. Типы духовных лиц в светской литературе («Соборяне» // Русский вестник. 1872. Кн. 4–7) // Руководство для сельских пастырей (далее — РДСП). 1872. Т. 3. № 50 (10 дек.). С. 569–576; № 51 (17 дек.). С. 608–617; № 52 (24 дек.). С. 664–674.

[7] Там же. С. 672.

[8] Там же. С. 673.

тяжелого наказания, а когда протопоп умирает, то Ахилла продает все свое имущество, чтобы на полученные деньги поставить памятник на могиле протопопа.

Воронов делает вывод, что Лесков, изображая Ахиллу, наводит читателя «на мысль, что и таким „стихийным силам“ надлежало бы дать исход и направление, более соответственное и полезное, чтобы не заедала их „неодоленная скука“, ведущая к разным „увлечениям“».[9]

Другой критик, А. Г. Вишняков, вслед за Вороновым считал, что, во-первых, Ахилла по своим человеческим чертам стоит выше о. Захарии; во-вторых, он до известной степени карикатурен. По мнению Вишнякова, такой тип дьякона едва ли существовал в действительности и «трудно не усмотреть излишней утрировки в изображении „похождений“ его».[10]

А. В. Попов называет Ахиллу симпатичным и своеобразным типом дьякона, который «живет как стихийная сила, не зная сам, для чего и к чему он поставлен <...>. Сил у Ахиллы, как видится, много, но применить их он не знает, куда. Сан дьякона как будто не дает ему дела для затраты сил».[11] Отсюда все его многочисленные чудачества.

Роман Лескова, несомненно, оказал влияние на повесть Л. А. Лашеевой (псевдоним Марк Басанин) «Новоселковское кладбище» (опубл. 1901). Главный герой этого произведения — кладбищенский дьякон Сила Фавматургов, человек высокого роста с младенческим характером. Он добрый человек, раздающий деньги тем, кто нуждается, его часто обманывают, но на обманщика не сердится; он неглуп, жалостлив и наблюдателен, здраво судит о том, что происходит. Сила очень любил умершего священника о. Феофила и стремится во всем подражать ему. Обо всем этом, подобно о. Савелию Туберозову, он пишет в дневнике. Отец Петр, новый настоятель, любит дьякона. «Ум у него, — говорит он, — есть, но на манер как бы младенческого, непрактичный, в жизни неудобный. А душа у него чистая и светлая, как кристалл. <...> Сила, хотя и бывает маломыслен, уважения достоин».[12]

Священник Н. А. Колосов, библиотекарь Московской духовной академии, автор обзоров новинок русской литературы с 1896 по 1911 год, где были выведены представители служителей церкви, писал, что Сила похож на Ахиллу «только без размашистой удали и дурачеств этого последнего».

Итак, Ахилла Десницын и Сила Фавматургов — это особый тип городского дьякона.

Корреспондент одного из церковных журналов утверждал, что Ахилла «смотрит и на свой сан, т. е. как на что-то неопределенное для него, неясное. Этим автор, вероятно, хотел показать ненужность дьякона в общей жизни духовенства, неопределенность и двусмысленность его существования».[13] С подобным мнением можно не согласиться: едва ли Лесков, создавая образ Ахиллы, хотел подчеркнуть, что городские дьяконы не нужны, а первым писателем, который действительно заявил об этом, имея в виду сельский приход, был А. А. Потехин.

Если Лесков писал о жизни городского духовенства в 1830–1860-е годы, то А. А. Потехин посвятил свой второй очерк «Деревенские мироеды»[14] сельскому приходу. Рассказу о деятельности дьякона Павла во времена крепостного права предшествует рассуждение писателя о роли дьякона в селе.

Эти рассуждения были актуальны для того времени, так как по Положению 1869 года «О составе приходов и церковных причтов» было введено новое штатное расписание

---

[9] Там же.

[10] *NN* [Вишняков А. Г.]. Наше духовенство по беллетристическим произведениям. I. *Соборяне. Старогородская хроника.* Соч. Лескова (Стебницкого) 1872 // Православное обозрение. 1876. Февраль. С. 304–333.

[11] *Попов А.* Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие // Православный собеседник. 1884. Ч. 2. Июль. С. 298.

[12] *Басанин М.* [Лашеева Л. А.]. Новоселковское кладбище. СПб., 1901. С. 38–39 (сер. «Новая библиотека Суворина»).

[13] [Б. п.]. Отношение беллетристики к духовенству // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1885. Июль–август. Внутреннее обозрение. С. 126–154.

[14] *Потехин А. А.* Сельские мироеды // Вестник Европы. 1880. Кн. 5. С. 101–140.

для членов причта. Дьяконская должность в сельском приходе ликвидировалась, каждая церковь должна была иметь лишь двух членов клира: священника и псаломщика. Делалось все это для улучшения материального состояния духовенства, прежде всего сельского. Теперь «прихожане любой церкви по своему желанию, но исключительно на собственные средства, могли заполучить в штат дьякона».[15]

К. П. Победоносцев, который с 1880 года стал обер-прокурором Синода, осуждал Положение 16 апреля. Он утверждал, что в ряде епархий «из-за дьяконов, составляющих ныне редкость, происходят чуть не драки; между тем как закрытие дьяконских вакансий не прибавило дохода священникам. Доход этот остается в руках прихожан, раздраженных отъятием дьяконов».[16]

Закон от 16 февраля 1885 года «пересмотрел и проблему дьяконов, объявив, что церковные причты во всех епархиях, кроме западных и закавказских, отныне будут состоять из священника и псаломщика в приходах с числом верующих менее 700 душ мужского населения и из священника, дьякона и псаломщика в тех, где более 700 душ. И вообще, везде, где имелись местные средства, архиереи получили позволение назначать дьяконов и при меньшем числе прихожан».[17]

По мнению Попова, Потехин выразил «общее отношение беллетристики к дьякону и причетнику как типам художественной литературы».[18] Далее критик подробно изложил содержание этого очерка. Писатель отмечал двойственное положение сельского дьякона: с одной стороны, он, как и священник, священнослужитель, а не церковнослужитель, как дьячок и пономарь. Однако священник никогда не будет считать дьякона равным себе, дьячок же полагает, что по своему достоинству он почти не уступает дьякону, а в знании церковного устава превосходит последнего. В общении с прихожанами старый дьячок, как правило, более необходим, чем дьякон. Дьякон чаще всего завидует священнику и не уважает его, поэтому старается найти поддержку у церковнослужителей. Однако в церкви и в домах прихожан, куда нет доступа причетникам, дьякон старается быть рядом с батюшкой, хотя и играет здесь второстепенную роль.

Когда молодой дьякон, красивый и имеющий хороший голос, начинает свою деятельность, то он стремится стать в приходе независимой и самостоятельной личностью, подражая «важности соборного протодьякона». Он истово служит в храме, пытается создать из прихожан церковный хор, обучает деревенских детей в церковно-приходской школе, старается сблизиться с иереем. Однако со временем дьякон понимает всю тщетность своих устремлений, «впадает в апатию и проникается завистью и скрытым недовольством против священника».[19]

Дьякон не способен вести свое хозяйство, как причетник, поэтому последний, хотя и получает меньше доходов от служения в церкви, живет лучше его. Дьячок вместе с членами его семьи много времени и сил отдает разным деревенским занятиям. Ему не нужно, как дьякону, заботиться о церковном облачении. Обстановка дома у дьячка ничем почти не отличается от крестьянской избы. Дьяконское же общественное положение требует бóльших расходов, хотя его доход значительно меньше, чем у настоятеля храма. Его домашняя обстановка, одежда и обувь его и членов семьи должна быть наравне с тем, что наблюдается у священника. Работа на поле непристойна для него, поэтому приходится прибегать к помощи прихожан (так называемые «помочи»), которые, в отличие от помочей у батюшки, идут к нему неохотно.

Попов приходит к выводу, что хотя в литературе встречаются и другие типы сельских дьяконов, но везде «как бы подчеркивается ненужность дьякона в общей жизни и, во всяком случае, неопределенность и двусмысленность его существования».[20]

---

[15] См.: *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 522–523, 545.

[16] Цит. по: Там же. С. 543.

[17] Там же. С. 545.

[18] *Попов А.* Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие. С. 278.

[19] Там же. С. 294.

[20] Там же. С. 298.

Как видим, Попов не стал рассматривать образ дьякона о. Павла из очерка Потехина.

Другой критик[21] замечает, что в последнее время в светской печати высказывается мнение о восстановлении дьяконской вакансии в сельских приходах. Дьяконы, во-первых, подчас необходимы священникам как помощники в богослужении и даже могут в ряде случаев их заменить; во-вторых, русский народ очень любит дьяконское служение. Дьяконы, чаще всего являясь более образованными, чем причетники, способны преподавать в сельских школах и даже заведовать ими.

Критик не согласен с рассуждениями беллетристов о роли сельских дьяконов, так как они основаны на недостаточном знании положения духовенства. Этот недостаток характерен даже для лучших писателей, которые пишут о жизни сельского клира, например для Потехина. Он слишком категоричен в своих рассуждениях, когда утверждает, что дьякон играет второстепенную роль в причте, потому что хотя он стоит выше причетника, но всегда ниже священника. И в этом заключается неопределенность, шаткость и двусмысленность положения сельского дьякона. Но это совершенно нормальное явление, так как отношение прихожан к членам причта зависит от их сана, и дьякон занимает положение между священником и псаломщиком. Подобная градация наблюдается во всех классах общества. Русский народ «хотя относится к дьяконам с меньшим почтением, нежели к священникам, однако высоко ставит сан дьяконов и всегда проводит определенную границу в своих отношениях к ним и причетникам».[22] Далее рецензент не соглашается с мнением Потехина, что любой дьякон стремится стать священником, завидует настоятелю и вступает в оппозицию ему вместе с причетниками. Однако, во-первых, священнический сан мог получить только тот, кто закончил семинарию, а таких людей во время крепостного права было мало; во-вторых, негативное отношение дьякона к священнику не повсеместное явление, как утверждает Потехин, а весьма редкое; в-третьих, редко наблюдается сближение дьякона с причетниками, так как «обычно дьякон все же стоит ближе к священнику, чем к низшим членам причта».[23]

Критик не соглашается и с утверждением писателя о том, что любой дьякон, начав свое служение в сельском приходе, проявляет большую активность: стремится занять равное положение со священником, для чего угождает влиятельным прихожанам, работает в церковно-приходской школе, не сближается с причетниками. Однако со временем все его благие намерения терпят крах. Подобное утверждение нельзя применять ко всем дьяконам. По сравнению с другими клириками дьякон реже может выражать свое неудовольствие, так как, во-первых, по своим обязанностям в приходе он не столь ответствен за церковную деятельность и не столь тесно связан с прихожанами, как священник; во-вторых, он менее причетников зависит от иерея и паствы. Только низшие члены причта могут сетовать на свою судьбу, так как имеют скудное жалованье, выполняют всякие черные работы, находятся в полной зависимости от других клириков, нередко подвергаются унижениям со стороны ряда богатых прихожан.

Потехин сравнивал дьякона с дьячком, который, несмотря на то, что его церковные доходы гораздо меньше дьяконских, всегда живет лучше, имеет больше урожай с земельного надела, меньше тратит денег на себя и свою семью. По мнению критика, и это утверждение весьма спорно.

Другие авторы рецензий, например Н. К. Калинников,[24] подробно излагают сюжет второго очерка, посвященного деятельности старого сельского дьякона о. Павла, которого Потехин также считал деревенским мироедом. О. Павел почти сорок лет служит в небогатом приходе, в котором чувствует себя хозяином. Он скряга и крохобор

---

[21] *Д-т Д-в.* К вопросу о положении сельских дьяконов // РДСП. 1883. Т. 3. № 45 (6 нояб.). С. 259–267.

[22] Там же. С. 261.

[23] Там же. С. 263.

[24] *Калинников Н. К.* Деревенские мироеды. Старый покровский дьякон. Очерк А. А. Потехина (Вестник Европы. 1880. Май) // РДСП. 1882. Т. 3. № 45 (7 нояб.). С. 249–267; Т. 3. № 48 (28 нояб.). С. 345–353.

с одной страстью — стяжательством. О. Павел установил разные поборы с прихожан, посещая их избы. Когда крестьяне роптали, то он, обладая даром красноречия, ссылался на Священное Писание и убеждал их, что все поборы законны. Для увеличения своих доходов дьякон придумал новые требы, которые не встречались в соседних приходах. О. Павел считал, что именно он, а не настоятель храма «настоящий пастырь <...> духовного стада», благодаря которому в приходе возникло «рвение к церкви Божьей».[25] Дьякону удалось расположить к себе местную помещицу, которая посылала ему своих крепостных для обработки дьяконской земли, разрешала рубить ее лес для разных построек и т. д., а также с бургомистром, помогавшим о. Павлу в его деятельности. Дьякон был отличным земледельцем, получавшим самый большой урожай в приходе. Он продавал крестьянам зерно для посева, покупал у них по низкой цене скот, сбывая его за большие деньги на ярмарке.

Много сил отдавал о. Павел своему хозяйству, при этом он никогда не нанимал работников, справлялся сам с помощью жены, а когда та умерла, то ему помогать стали сестра и дочь.

У дьякона взрослая дочь, но он никогда не думал о ее замужестве, так как по обычаям тех лет зять должен занять его должность в приходе. Сестра уговаривает брата выдать дочь замуж. Местный благочинный говорит о. Павлу, что он уже стар и его могут уволить за штат. Дьякон соглашается на брак дочери. Он посылает сестру в город к своему двоюродному брату Бронзову, профессору семинарии, чтобы тот выбрал подходящего жениха среди своих учеников. Бронзов рекомендует Якова Горского, который готов ехать в приход о. Павла, если тот даст ему в качестве приданого не меньше 700 рублей. Горский приезжает к будущему тестю, и оба торгуются за приданое. Наконец, они договорились, что жених перед свадьбой получит 200 р., а также вексель на 500 р. Очерк оканчивается описанием свадьбы.

Калинников считает, что это произведение посвящено быту сельского духовенства времен крепостного права (1850–1860-х годов). По его мнению, в самом словосочетании «деревенский мироед», примененном к о. Павлу, «нет какого-то дурного значения».[26] Дьякон без всякой брани и угроз забирает у прихожан разные подаяния. О. Павел не скряга, а скорее скопидом, работающий до истощения, «расчетливый и опытный хозяин», не производящий «на читателя впечатления отталкивающего. Если ему во многом нельзя симпатизировать, то и осуждать его было бы большой натяжкой и несправедливостью». Для Калинникова и образ Якова Горского весьма симпатичен: он «просто неглупый и аккуратный молодой человек, с житейским тактом и расчетливостью», поэтому о. Павел «не ошибся в выборе будущего зятя».[27]

Далеко не все критики были согласны с подобной оценкой о. Павла. Так, корреспондент одного из церковных журналов считал, что очерк Потехина — «единственное произведение, где с поразительною живостью и полнотою представлен, в грязно отвратительном виде, дьякон, как скряга, скопидом и где он отнесен к числу деревенских мироедов».[28]

Калинников не обратил внимания на то, что даже свою церковную деятельность дьякон посвятил той же цели — обогащению, поэтому, на наш взгляд, о. Павел, как и Яков Горский, — это отрицательные типы сельских дьяконов.

Было немало писателей, в произведениях которых выведены разные положительные дьяконские типы, например рассказ Соловьева-Несмелова «Будет и преизбудет», который рассматривал Колосов.[29] В сельском приходе живут священник о. Михаил и его отец, заштатный дьякон Платон, которому почти 80 лет, но он продолжает служить в домах прихожан: читает псалтырь по умершим, а на досуге читает и поет псал-

---

[25] *Потехин А. А.* Сельские мироеды. С. 111.

[26] *Калинников Н. К.* Деревенские мироеды. С. 361.

[27] Там же. С. 362.

[28] [Б. п.]. Отношение беллетристики к духовенству // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1885. Июль–Август. Внутреннее обозрение. С. 146–147.

[29] *Колосов Н. А., свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе 1901–1902 гг. М., 1903. С. 16–19.

мы. В село приезжает князь Голицын, которому о. Михаил так понравился, что он приглашает его служить в своем селе. Священнику не хочется покидать приход, а Голицын, уезжая, просит подумать о переезде. Князю понравился также и старый дьякон, которому он предлагает помочь получить сан священника, но Платон отвечает, что этого сана не заслужил.

О. Михаил лишился покоя, его жена хочет переезда на новое место, а его отец надеется, что сын откажется от соблазна. Ночью священнику снится таинственная фигура, которая говорит ему: «...не уходи, служи при моем храме», после чего о. Михаил понимает, что должен остаться в селе. Утром о. Платон увидел сына, и по его лицу понял, что сын преодолел искушение. Обняв его, он сказал: «— То-то! все слава Богу. Помни старинный завет родителей наших: держись, птица, за сучок, на коем гнездо свила; мал сучок да обсижен, — крепче большого дерева — и твой он, и на нем у тебя все будет и преизбудет, а сядешь и на большое дерево, да все врозь пойдет».[30] В этом рассказе писатель затронул важную проблему преемственности традиций, что имело и имеет большое значение как в жизни всего общества, так и в жизни разных слоев, в частности духовенства.

Высоко оценила церковная критика «Рассказы о прошлом» С. Я. Елпатьевского. Священник, законоучитель ряда киевских учебных заведений Е. З. Капралов считал особой заслугой писателя, что он «соединил с художественною правдою правду бытовую».[31] Для критика произведение Елпатьевского — «памятник *классической* литературы». Особенно подробно остановился Капралов на главе «Отец». Пересказывая сюжет этой главы, он отметил, что в то время всюду в сельской жизни царил страх перед начальством, но самый страшный страх — за будущий урожай, за завтрашний день. «Это — не фотография только, — подчеркивал Капралов, — это целый тип, которому не суждено, вероятно, долго умереть и отойти в область преданий потому, что еще слишком глубокими корнями сидят и в современной приходской жизни условия, этот тип создавшие. Две-три несущественные поправки в названиях, две-три, может быть, новых черточек — и в сущности перед нами современный о. дьякон весьма значительной части великорусских приходов».[32]

Отец Елпатьевского, дьякон — это маленький человек с великой душой. «Невыразимое, до боли жгучее сострадание щемит сердце, когда пробегаешь строки, изображающие эту затаенную скорбь <...>. Мелкая душа в такой обстановке безобразится. Душа крутогорского отца дьякона в той же обстановке покоряет и вызывает просто умиление. Ни тени ропота, ни звука жалобы, ни слова осуждения кому-нибудь <...>. Это — уже величие духа, пред которым наша притязательная, вздорная требовательность кажется пошлой».[33]

Такой же маленький человек с великой душой, дьякон Филипп Сперанский, изображен Л. Андреевым в рассказе «Жили-были». Отметим, что если все творчество писателя, его рассказы, повести, пьесы вызывали резко негативную реакцию у церковных критиков, то этот рассказ — единственное его произведение, оцененное в высшей степени положительно. Автор рецензии на сборник рассказов Андреева (1901) в журнале «Воскресный день» заметил, что в нем «среди общего мрака ярко выделяется одна светлая точка, такая яркая, что ее одной достаточно для ищущего света».[34] Далее подробно излагается сюжет рассказа, главным персонажем которого является тамбовский дьякон, приехавший лечиться в московскую клинику. Простой, словоохотливый человек, он перезнакомился со всеми в больнице, рассказывая о себе, о своей семье, доме и саде. Дьякон активно борется со смертельной болезнью, сохраняя силу духа. Он

---

[30] *Соловьев-Несмелов Н. А.* Будет и преизбудет: Очерк из поволжских типов недавнего прошлого. М., 1906. С. 100.

[31] *Капралов Е., свящ.* Духовенство в современной беллетристике // РДСП. 1905. Т. 2. № 27 (3 июля). С. 250–261.

[32] Там же. С. 253.

[33] Там же. С. 254–255.

[34] Христианство и литература. Рассказ Л. Андреева «Жили-были» // Воскресный день. 1902. № 1. С. 10.

постоянно восхищается всем, что видит вокруг: чистотой палат и коридоров, добротой докторов, радуется, глядя в окно, ясному солнцу, чирикающей на подоконнике птичке. Антиподом дьякону служит сосед по палате купец Лаврентий Петрович Кошеверов, в высшей степени циничный человек, который неоднократно старается спустить соседа с неба на землю, предрекая ему скорую смерть. Филипп Сперанский, делает вывод рецензент, «простой, неученый человек, <...> покорял людей и заставлял себя любить всех, кто его знал. Купец сказал, что он „глуп до святости“... Действительно, „до святости“, но не глуп, а наивен и детски доверчив. Из жизни трудовой и полной лишений, он вынес сердце отзывчивое и ту свежесть души и чувства, которые его не покидали до последней минуты <...>. Такому истинно верующему человеку легко жить, и умирать не страшно».[35]

Колосов, без комментариев изложив сюжет рассказа Андреева, присоединяет отрывок из опубликованных в «Русских ведомостях» в 1902 году воспоминаний писателя Л. Ф. Пантелеева о вологодском дьяконе, жившем в середине XIX века. Дьякон уже не служил в соборе. У него не было своего жилья, поэтому, по словам Пантелеева, «жил, как птица небесная, где день, где ночь, всюду встречаемый, как желанный гость».[36] Дьякон был человеком кротким и участливым к людскому горю. Когда у него были деньги, он тратил их на свечи в храме, покупал просфоры или отдавал нищим. На улице одни ему приветливо кланялись, другие подходили под благословение. Дьякон обожал детей и уделял им много внимания. Его особенно любили в среде небогатых обывателей, которые делились с ним своими печалями и радостями. Когда он умер, то город никогда не видел такого количества людей, провожавших его на кладбище. Дьякон обладал даром прозорливости. Далее писатель перечислил все ему известные случаи, когда его предсказания сбылись.

Присоединяя к своему анализу рассказа Андреева отрывок из воспоминаний Пантелеева, Колосов использовал его «как доказательство того, сколько есть неведомых миру достойных и истинных служителей Божиих, а также и того, что положительные типы духовенства — не плоды фантазии, а взяты с натуры».[37]

В своем обзоре новинок беллетристики критик журнала «Воскресный день»[38] рассматривает рассказ А. В. Круглова «Непутевый дьякон», в котором выведен еще один положительный тип священнослужителя. Это — Аркадий Кустодиев, служивший в церкви одного из губернских городов. Прозвище «непутевый дьякон» он получил за ряд своих чудачеств (и в этом он, конечно, похож на Ахиллу Десницына). Отца Аркадия за его прекрасный голос и истовое служение в храме знали и любили все в городе. Он очень добрый человек, готовый помочь каждому нуждающемуся. Однажды он узнал, что бедную вдову с внуками выселяют за долги из дома. Все усилия дьякона достать деньги для нее оказываются неудачными. Он решает обратиться к настоятелю монастыря архимандриту Акакию, который имел прозвище «блаженный» за то, что раздавал все свои деньги, а сам при этом оставался без гроша; когда у него не было денег, то раздавал вместо них разные вещи.

Кустодиев уважал настоятеля, а тот знал и любил дьякона, снисходительно относясь к его чудачествам. «Это что, это внешнее, — говорил он о Кустодиеве, — главное душа, а душа у дьякона славная. У него уж натура такая неугомонная... Здоров он очень, крови избыток... Выхода сила просит... С годами утихомирится».[39] У архимандрита нет денег, но, узнав, на что они нужны, предлагает свою дорогую шубу, чтобы дьякон либо продал ее или заложил.

Изложив сюжет рассказа, критик сетует, что здесь только два положительных персонажа — дьякон Кустодиев и архимандрит Акакий, все же другие духовные лица «вы-

---

[35] Там же. С. 11.

[36] Цит. по: *Колосов Н. А.* Типы православного духовенства в русской светской литературе. С. 36.

[37] Там же. С. 35.

[38] [Б. п.]. Православное духовенство в русской литературе // Воскресный день. 1908. № 3. С. 34–36.

[39] *Круглов А. В.* Непутевый дьякон // Исторический вестник. 1907. Т. 109. Июль. С. 116.

водятся в неприглядном свете».[40] Такого же мнения придерживался и Колосов, считавший, что Круглов стал относиться к духовенству негативно и примером является этот рассказ, в котором «дьякон, прозванный непутевым за свои чудачества и дурачества, оказался несравненно лучше и выше приличных по наружности своих собратий».[41]

Церковные критики далеко не всегда были единодушны в оценке тех или иных писателей. Примером того могут служить произведения А. П. Чехова. Архимандрит Георгий, ректор Тульской духовной семинарии, посвятил статью[42] образам русского духовенства в его творчестве. Архимандрит считал, что писатель очерняет все белое духовенство,[43] а Победов — поверхностный, легкомысленный и бездеятельный человек, живущий обыкновенной, будничной жизнью и совершенно не думающий о служении Церкви.

Священник М. М. Степанов, автор ряда монографий о религии русских писателей, отрицательно отнесся к образу Победова, называя дьякона «лентяем и неблаговоспитанным человеком».[44]

Совершенно другой взгляд на одного из персонажей повести «Дуэль» у священника Н. Стойкова,[45] который часть своей статьи, где он рассматривает образы дьяконов в творчестве Чехова, предваряет рассуждениями о том, кем являются эти священнослужители в причте. По мнению критика, дьякон — самый самостоятельный человек среди членов клира. Если священник ответствен за все, что происходит в его приходе, и, как правило, боится и раболепствует перед любым начальством, дьячок находится в полной зависимости от настоятеля храма, то дьякон, хотя и должен подчиняться священнику, но на самом деле такое подчинение наблюдается редко. Объясняется это тем, что дьякон не обязателен для штата причта, особенно в сельских приходах, где дьяконская должность — определенная роскошь. «Это своего рода казачество в духовном сословии, — пишет критик, — смелое, бесшабашное, всегда протестующее, благодушно-юмористически или злобно-саркастически настроенное».[46] Именно такие дьяконы изображены Чеховым в рассказах «Панихида», «Певчие», «В бане», «В почтовом отделении».

В повести «Дуэль» Победову не свойственны робость и забитость, характерные для духовного сословия. Он живет весело и беззаботно, дружит с людьми из интеллигентного круга, которые не верят в Бога, да и нравственно далеко не безупречны.

Для Стойкова Победов — «натура в высшей степени симпатичная, что называется душа-человек, его все любят, его обществом дорожат». И дьякон тоже любит свое окружение: «Они хотя неверующие, — говорит он, — но добрые люди и спасутся».[47] Как видим, критик не рассматривает Победова как духовное лицо, а лишь как хорошего, доброго, сердечного человека.

В творчестве плодовитого писателя И. Н. Потапенко, проходившего общеобразовательный курс в Одесской духовной семинарии, большое место занимают различные типы представителей духовного сословия, в том числе и дьяконы. Церковная критика не раз упрекала Потапенко в том, что он недостаточно знает разные стороны быта

---

[40] [Б. п.]. Православное духовенство в русской литературе. С. 39.

[41] *Колосов Н. А., свящ.* Поход против духовенства в современной русской беллетристике // Московские церковные ведомости. 1907. 30 сент. № 39. С. 1211–1212.

[42] *Георгий.* Наше духовенство в произведениях А. П. Чехова (Литературно-философский очерк) // Вера и разум (Харьков). 1904. № 19. Октябрь. Кн. 1. Разд. философский. С. 211–230.

[43] Также считали и другие критики. Например, киевский священник, писатель и журналист С. С. Брояковский замечал: «Его (Чехова. — *А. Р.*) рассказы из духовного быта отличаются уродливостью, тенденциозностью и другими тяжелыми, удручающими и несогласными с действительностью качествами» (*Брояковский С.* Духовенство в произведениях А. Чехова // РДСП. 1903. Т. 3. № 44 (2 нояб.). С. 41).

[44] *Степанов М. М., свящ.* Религия русских писателей. Саратов, 1913. Вып. 1. Религия А. П. Чехова. С. 44.

[45] *Стойков Н., свящ.* Духовенство в изображении А. П. Чехова // Странник. 1905. Июль. С. 37–50.

[46] Там же. С. 46.

[47] Там же. С. 49.

духовенства, поэтому в его произведениях нередко соседствуют как соответствующие действительности детали, так явно нереальные.

Инспектор Киевской духовной семинарии С. В. Кохомский опубликовал рецензию на рассказ писателя «Шестеро».[48] У сельского дьякона Антония Бубырко шестеро детей и смертельно больная жена, которая хочет, чтобы муж, пока она жива, поехал к архиерею просить священнического места. Однако от благочинного дьякон узнает, что архиерей, помня, как когда-то давно Бубырко служил в архиерейском хоре и «не попадал голосом в тон певчих», не хочет возводить его в сан. Бубырко приезжает в город, приходит в консисторию и, изложив свою просьбу, кладет на стол конверт с прошением и деньгами. Вопреки его ожиданиям, ему было отказано. «Нужно ли было владыке припоминать малозначащее непопадание в тон, — пишет С. В. Кохомский, — когда так легко было указать на самый сильный и вполне достаточный мотив к отказу: недостаток образования Бубырко, едва протянувшего в семинарии один год и состоящего на дьяконском месте только 8 лет?»[49] Бутырко приходит к владыке, падает ему в ноги, объясняет, что священство ему нужно для того, чтобы прокормить шестерых детей, и архиерей посвящает его в сан. По мнению рецензента, рассказ «читается легко и производит впечатление»,[50] в нем есть отражение действительности, однако его портят некоторые малоправдоподобные детали.

Для Л. А. Соколова этот рассказ — свидетельство слабости духовных интересов низших клириков, для которых «вся жизнь их — сплошная борьба за существование».[51] Они бесхарактерные люди, готовые пресмыкаться перед сильными мира сего, безропотно переносить любое унижение.

Другой критик[52] подробно проанализировал рассказ «Речные люди», в котором главным героем является дьякон Лев Исопов, 25 лет прослуживший в одном сельском приходе. Его, обладателя прекрасного баса, зовут в губернский город на должность протодьякона. Однако он не хочет менять место своей службы, так как дружно живет в селе с настоятелем, знает всех прихожан. Льва Исопова, вместе с другими дьяконами, приглашают на испытание в архиерейские покои, где он решительно отказывается от протодьяконского места, заслужив от своих конкурентов прозвище «неразумный».

Рецензент перечисляет ряд деталей в рассказе, которые не могли иметь место в действительности, однако считает, что образ о. Льва «с религиозно-нравственной стороны, во многих отношениях достоин подражания».[53] Он всегда искренен, никогда не прибегает ко лжи, прост в общении со всеми. Ему хорошо в своем приходе и не нужно никакого улучшения материального положения.

Колосов выделил положительные образы дьяконов, созданных Потапенко. Это добрые и отзывчивые люди, готовые прийти на помощь нуждающимся: соборный дьякон о. Гурий Маккавеев в романе «Счастье по неволе», дьякон Антоний в рассказе «Забытый пономарь». Подробно проанализировал критик рассказ «Примирение».[54] В нем изображены два священника, которые поделили приход пополам. Между ними происходят ссоры. Однажды в приходе умирает старуха, и ее сын идет сначала к одному священнику, потом к другому, прося их похоронить мать, но те отказываются. Сын идет к старому дьякону, который ответственно относился к жизни в приходе. Дьякон также поочередно посещает обоих священников, уговаривая их отпеть ста-

---

[48] *Кохомский С. В.* Быт русского духовенства по изображению светского писателя // РДСП. 1891. Т. 37 (15 сент.). С. 49–55.

[49] Там же. С. 53.

[50] Там же.

[51] *Соколов Л. А.* Типы наших духовных пастырей в произведениях светских писателей (По поводу сочинений г. Потапенко) // Странник. 1892. Декабрь. С. 720.

[52] [Б. п.]. Тип дьякона по рассказу И. Потапенко «Речные люди» // Воскресный день. 1895. № 39. С. 620–622.

[53] Там же. С. 621.

[54] *Колосов Н. А., свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе. С. 43–45.

руху, но его затея не удалась. Тогда он посоветовал крестьянину зарыть тело матери самому, а в ближайшее время кто-нибудь из батюшек ее обязательно отпоет. Так и случилось: в воскресенье старуха была отпета. Колосов дал подробную характеристику обоим пастырям и их женам, но почему-то не обратил внимания на совершенно новый образ дьякона, который без тени робости относится к своему начальству.

Резко раскритиковал Колосов рассказ Потапенко «Поиски протодьякона».[55] В Москве служит протодьякон Ксенофонт Явленский, обладатель феноменального баса. Его очень любили прихожане, ни одна свадьба, ни одни поминки не обходились без него. За столом он пел хозяевам, их родственникам и гостям многолетие, получая за это большие деньги. Однажды, когда он пел многолетие на именинах церковного старосты, у протодьякона лопнули связки и голос был навсегда потерян. Когда Ксенофонт умирает от горя, прихожане ищут ему замену и находят в провинции семинариста с прекрасным голосом. Его срочно женят на дочери умершего и посвящают в дьяконы. Дочь о. Ксенофонта, имеющая светское образование, хорошую пенсию за отца и его же доходный дом, для того чтобы не лишиться отцовского места и квартиры, выходит замуж за незнакомого человека. По мнению Колосова, совершенно неправдоподобны образы протодьякона Ксенофонта, а тем более его дочери.

Творчество другого очень популярного писателя начала XX века С. И. Гусева-Оренбургского церковная критика восприняла в основном отрицательно. Так, Капралов, рецензируя его сборник рассказов, писал: «Можно родиться в духовной среде, быть самому священником, знать жизнь духовенства, как свои пять пальцев, и в то же время в литературном изображении этой жизни быть в лучшем случае посредственностью <...>. В творчестве Гусева-Оренбургского мелькают какие-то толпы отвратительных уродов».[56]

Все типы дьяконов в сборнике явно отрицательны. Например, в рассказе «Обида» запойный пьяница дьякон Вавилонов, придя нетрезвым в дом настоятеля о. Феогниста, жалуется ему на то, что некто Мореходов, певший когда-то в архиерейском хоре, уже стал священником, а он до сих пор остается дьяконом. На десяти страницах излагаются причитания Вавилонова, на церковнославянском языке, что, по мнению писателя и о. Феогниста, очень смешно. Однако на самом деле, делал вывод Капралов, все «до того неестественно и пошло, что не возбуждает даже негодования на автора. Чувствуется только действительно обида, „обида“ <...> за читателя, да стыд за автора».[57]

В рассказе «Бедный приход»[58] дьякон Громкогласов убеждает своего молодого зятя, получившего назначение в бедный приход, ехать туда. Дьякон рассказывает зятю, как он, когда был молодым, тоже приехал псаломщиком якобы еще в более бедный приход, чтобы там разбогатеть: собрал хороший урожай на своем наделе и много руги,[59] занимался перепродажей угля, дров, барок, за два ведра водки, выставленной крестьянскому сходу, стал получать от прихожан 60 рублей в год и т. д. Во всех своих способах разбогатеть он, по нашему мнению, напоминает дьякона о. Павла из очерка Потехина «Деревенские мироеды».

В рассказе «Худая молва» дьякон пишет донос на своего настоятеля, называя его «либералом». Перепуганный священник унижается перед благочинным и архиереем. Все это, с точки зрения критика, свидетельствует о полном разложении жизни в приходе. «Плох дьякон, плох священник».[60]

---

[55] *Колосов Н. А., свящ.* Дни лукавые // Странник. 1908. Июнь. С. 197–208.

[56] *Капралов Евг., свящ.* Духовенство в современной беллетристике // РДСП. 1906. Т. 1. № 2 (8 янв.). С. 35–36.

[57] *Капралов Евг., свящ.* Духовенство в современной беллетристике // Там же. № 3 (15 янв.). С. 75.

[58] *Капралов Евг., свящ.* Духовенство в современной беллетристике // Там же. № 4 (22 янв.). С. 99–101.

[59] Руга — годичное содержание всему причту от прихожан деньгами, хлебом и разными припасами.

[60] Там же. С. 105.

Если Капралов писал свой отрицательный отзыв на один сборник рассказов, то Н. А. Колосов рассматривает все творчество С. И. Гусева-Оренбургского до 1915 года,[61] при этом он делит его на два периода. Первый из них продолжался до 1905-го, когда писатель еще не стал резко обличать духовенство, а затем начался второй — полного неприятия духовного сословия. Уже в первом периоде наблюдается тенденция Гусева-Оренбургского изображать отрицательные черты в служителях церкви: неприятная внешность, стяжательство, пьянство, неприязненные отношения внутри причта и т. д.

Писатель в большинстве случаев черными красками рисует не только священников, но и дьяконов. Среди отрицательных черт, которыми наделяет их писатель, жадность и мстительность. В рассказе «Кахетинка» дьякон Авесаломов решает отомстить одной крестьянке, отказавшейся продать ему курицу редкой породы, тем, что он, при попустительстве священника, отказывается венчать ее сына. Лишь после длительных уговоров и всяческих унижений родителей жениха он соглашается на венчание, получив за это сумму в пять раз больше, чем принято. Многие дьяконы — запойные пьяницы, другие — любители посутяжничать со своими священниками при дележе дохода, нагрубить иерею, поссориться с членами семьи и т. д. Например, в рассказе «Дьякон и смерть» дьякон Ястребов 12 лет судится из-за пустяка со своим сыном, дьячком из другого прихода. Где бы ни встретились отец с сыном, у них начинается спор, доходящий порой до драки. Писатель демонстрирует невысокие умственные способности дьяконов, которые проявляются на экзамене, устроенном сельским благочинным по указанию епархиального начальства. Написанная в карикатурном стиле сценка ответов служителей церкви показывает полное незнание ими церковной истории и богослужения.

Наряду с отрицательными образами дьяконов, есть, по мнению Колосова, и положительные: «дьякон народолюбец» Василий Иванович («Рыцарь Ланчелот»); дьякон Колобродов («Несокрушимый оптимист»), «с необыкновенною настойчивостью и энергией защищающий девушку и успевающий в этом»; «веселый и общительный рыболов Серафимов» («В гостях»); «с некоторыми оговорками философ Малиновский дьякон» («Над поемой»); дьякон Яков («Враги») и в особенности дьякон Макар Коловоротов («Дьякон и смерть»), «бывший раньше сапожником, человек очень добрый и практически неглупый, хотя совершенно необразованный».

Таким образом, анализируя произведения Гусева-Оренбургского, церковные критики акцентировали свое внимание на отрицательных образах дьяконов, не раскрывая положительных черт других типажей. Так, Колосов отметил, что в его текстах, во-первых, много повторений («слишком не велик запас у нашего автора типов и выражений»[62]), во-вторых, он подражает то Потапенко, то Л. Толстому, то Андрееву, тем не менее, как считает критик, духовенству полезно и нужно познакомиться с творчеством писателя.

В данной статье рассмотрены сочинения писателей второй половины XIX — начала XX века, в творчестве которых представлены различные типы дьяконов, получивших положительную или отрицательную оценку в церковной критике. Следует подчеркнуть, что в целом авторов критических статей не удовлетворяла общая картина изображения духовенства по следующим причинам: во-первых, отсутствие у большинства писателей глубокого знания и понимания специфики жизни и служения Церкви как священников, так и дьяконов; во-вторых, даже если писатель имел духовное образование (Потапенко, Гусев-Оренбургский), то он, вместо объективного подхода к духовенству, выражал свое субъективное отношение к изображаемым персонажам, и чаще всего оно было негативным. Их образы, по мнению большинства критиков, были мало художественны, неубедительны и трафаретны, не отражали сложную реальность церковного служения.

---

[61] *Колосов Н. А.* Православное духовенство в изображении С. Гусева-Оренбургского // Христианин. 1915. № 10. С. 331–349; № 11. С. 522–539; № 12. С. 716–731.

[62] *Колосов Н. А., свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе 1901–1902 гг. С. 726.

Анализируя литературные произведения, их восприятие духовной критикой, можно констатировать следующее: писатели, как правило, не изображали ни дьякона как служителя церкви, ни его взаимоотношений с прихожанами. Они рассказывали о нем как о человеке, прежде всего, в обыденной жизни, не затрагивая обычно семейных отношений. Поэтому образы созданных ими дьяконов не показывали общей картины их служения Церкви. Даже высоко оцененные критикой образы Ахиллы Десницына и отца писателя Елпатьевского не раскрыты как церковные служители.

В заключение необходимо отметить, что изучение богатого материала о творчестве писателей в духовной периодике[63] расширяет и углубляет восприятие исследователя литературы: церковные критики анализировали произведения с религиозно-нравственной стороны, что не всегда в полной мере учитывается в современном литературоведении.

[63] Большим подспорьем в этом служит библиографический указатель: Христианство и новая русская литература / Сост. А. П. Дмитриев, Л. В. Дмитриева. СПб., 2002.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-129-156

© *В. А. Лукина,* © *В. И. Симанков*

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД И. С. ТУРГЕНЕВА: «ДЕЛО СОМОВА» В РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПЕРИОДИКЕ 1879 ГОДА

4 (16) августа 1879 года И. С. Тургенев получил письмо от своего давнего знакомого Е. Я. Колбасина, находившегося в это время на лечении в немецком курортном городке Наугейме. Письмо Колбасина, к сожалению, не сохранилось, однако до нас дошел ответ писателя. 5 (17) августа 1879 года Тургенев сообщал из Буживаля: «Я получил вчера Ваше письмо с приложенной, действительно потрясающей, корреспонденцией. — Я ее сегодня же перевел — и постараюсь поместить ее в одном из здешних журналов: жалко только то, что ни один из попадающих в Россию журналов — как напр.: „Temps“ — не согласится ее принять, боясь повредить себе. — А именно это было бы желательно. О самом происшествии уже не говорю: это один из симптомов того невозможного, небывалого состояния, в котором находится теперь Россия! — Во всяком случае, очень благодарен за сообщение. <...> Как только выяснится, в *каком* журнале будет напечатана корреспонденция — я Вам непременно дам знать...».[1]

Несколько дней спустя Тургенев получил еще одно письмо от Колбасина (также несохранившееся), из которого следовало, что в их переписке произошла путаница: Тургенев по недосмотру перепутал конверты и отправил Колбасину послание, предназначавшееся петербургскому приятелю А. В. Топорову. Чтобы исправить неловкую ситуацию, 9 (21) августа Тургенев отправил на имя Колбасина еще одну депешу, в которой вкратце повторил содержание первого (на тот момент не дошедшего до Колбасина) письма: «В моем письме к Вам я Вас благодарил за доставление корреспонденции

[1] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 117, № 4924 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома и страницы арабскими цифрами). Фрагменты из этого и следующего письма Тургенева к Колбасину сверены и уточнены по автографам (ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 17) в ходе подготовки издания: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 17. Кн. 1 (в печати; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома римскими и страницы арабскими цифрами). Первое письмо, от 5 (17) августа 1879 года, было отправлено Колбасину лишь 14 (26) августа, после того как оно было возвращено Тургеневу А. В. Топоровым (см. ниже).

(хотя содержание ее ужасно, потрясающе) — и извещал Вас, что я перевел ее немедленно — и намерен поместить ее в журнале — хотя это и не так легко — так как журналы, получаемые в России, как напр.: „*Temps*“, боятся повредить себе». И тут же прибавлял: «Эта корреспонденция явится наверное либо в „XIX-e Siècle“, либо в „Voltaire“... Я Вам ее выслал бы в напечатанном виде, но боюсь, что уже Вас не будет в Наугейме» (П, 12-2, 115, № 4921). Дальнейшая переписка с Колбасиным за 1879 год остается неизвестной.

Итак, из процитированных писем мы узнаем, что 4 (16) августа 1879 года Тургенев получил от Колбасина некую «корреспонденцию». Содержание этой корреспонденции столь взволновало писателя, что он не только в самые короткие сроки перевел ее на французский язык, но и ходатайствовал о ее немедленном помещении в одной из ведущих парижских газет. О какой же «корреспонденции» идет речь?

В 1923 году харьковский исследователь А. И. Белецкий впервые опубликовал два упомянутых письма Тургенева[2] по автографам, предоставленным ему в 1918 году М. С. Федоровым,[3] в частном собрании которого находилось немало ценных материалов из семейного архива Колбасина,[4] и предположил, что присланной корреспонденцией являлась «напечатанная в „Temps“ 1879 г., 17 октября (так! — *В. Л.*, *В. С.*) статья

---

[2] См.: *Белецкий А.* Из материалов для изучения И. С. Тургенева: Письма и заметка из архива Е. Я. Колбасина // Документы по истории литературы и общественности. М.; Пг., 1923. Вып. 2. И. С. Тургенев. С. 33–41. В этой публикации впервые были обнародованы три письма Тургенева к Колбасину за 1879 год (П, 12-2, № 4908, 4921 и 4924), а также список «Сюжетов», составленный писателем предположительно в 1845–1846 годах (ср.: С, I, 415).

[3] Митрофан Семенович Федоров (1870–1942), харьковский художник, был женат на Ольге Елисеевне Колбасиной (1882?–1964), дочери Елисея Яковлевича Колбасина и Марии Михайловны Сухомлиной (урожд. Савиновой). У М. С. Федорова и О. Е. Колбасиной родилось трое детей: старший сын Вадим (умер во младенчестве), а также сестры-близнецы Ольга и Наталья. Вскоре после рождения дочерей Федоровы развелись, и Ольга Елисеевна повторно вышла замуж. Вторым ее мужем стал Виктор Михайлович Чернов, лидер партии эсеров, который не только удочерил двух девочек Ольги, рожденных от брака с М. С. Федоровым, но и дал им свое отчество. Подробнее см.: Письма О. Е. Колбасиной-Черновой (1938–1946) / Публ. А. д'Амелия // Русско-итальянский архив. Салерно, 2012. Вып. IX. Т. 1. С. 427–431. Ср. также: *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее: Воспоминания. М., 1991. С. 432–433.

[4] Как следует из книги поступлений Рукописного отдела ИРЛИ РАН, 16 августа 1939 года Федоров, перебравшийся из Харькова в Ленинград и проживавший на Васильевском острове (4-я линия, д. 3, кв. 25), продал Пушкинскому Дому небольшой комплекс материалов из архива Колбасина на общую сумму в одну тысячу рублей. Среди этих материалов значатся семь (в действительности шесть) писем Тургенева к Колбасину, в том числе три письма, впервые напечатанные Белецким (см. прим. 2), а также еще три недатированных письма, два из которых относятся к 1860-му, а одно к 1875 году (см.: П, IV, № 963, 997; XIV, № 4122). Седьмым письмом оказалась недатированная записка, адресованная не Елисею, а его старшему брату Дмитрию (см.: П, 13-2, № 6262). Ныне все перечисленные письма составляют единицу хранения: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 17. Кроме того, одновременно с письмами Тургенева Федоровым были проданы Пушкинскому Дому упоминавшийся список «Сюжетов» (Там же. № 2), а также по одному письму к Колбасину от Некрасова (Там же. Оп. 20. № 18; см.: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 2000. Т. 15. Кн. 2. С. 125, № 1155), А. Ф. Писемского (ИРЛИ. Р. I. Оп. 22. № 177) и Н. Ф. Щербины (Там же. Оп. 38. № 19). Отметим, что еще одна, остающаяся малоизвестной часть документов из архива братьев Колбасиных была получена Пушкинским Домом в июле 1967 года в дар от Анны Васильевны Филипченко (1891–1970), дочери Василия Ивановича Сухомлина (1860–1938), приемного сына Колбасина. Среди переданных ею материалов: письмо Тургенева к Колбасину за 1855 год (см.: П, III, № 392) и фотография Тургенева работы Э. Каржа, предположительно выполненная в Париже в октябре 1861 года (ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 408; воспроизведение см.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Авт.-сост. Н. П. Генералова и др. СПб., 2018, на вклейке между с. 128 и 129); диплом Колбасина об окончании в 1854 году юридического факультета Петербургского университета (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 537); шесть писем Н. Н. Тютчева к Д. Я. Колбасину, относящиеся ко времени службы последнего в Департаменте уделов в 1861–1862 годах; письмо неизвестной к нему же (Там же. № 538, 539); фотография жены Е. Я. Колбасина (Там же. № 540), а также групповая фотография, на которой запечатлены среди прочих братья Колбасины (Там же. № 544; снимок представляет собой единственное известное до сих пор изображение Д. Я. Колбасина). За сведения об истории этих поступлений приносим благодарность заведующей учетом Рукописного отдела ИРЛИ РАН Л. Д. Зародовой.

„En cellule“ (чувства и переживания революционера в одиночном заключении)», к которой Тургенев написал «небольшое вступление».[5] Очевидно, имелся в виду мемуарный очерк И. Я. Павловского «В одиночном заключении», опубликованный во французском переводе через посредство и при участии Тургенева, а также с его предисловием (в виде открытого письма к редактору газеты Адриену Эбрару) и анонимным послесловием, также принадлежащим перу Тургенева.[6] Предположение Белецкого было, однако, опровергнуто уже в первом академическом собрании Г. В. Степановой, комментировавшей письма к Колбасину и справедливо указавшей на то, что очерк Павловского был переведен для «Le Temps» не Тургеневым, а А. Н. Луканиной, к которой писатель обратился с соответствующей просьбой еще в начале мая н. ст. 1879 года (см.: П, 12-2, 470–471, прим. 2 к письму 4924). В то же время исследовательница вынуждена была констатировать: «О какой корреспонденции идет речь — установить не удалось» (П, 12-2, 470). Проблема, как видим, была сформулирована более полувека назад, однако с тех пор дело так и не сдвинулось с места. Посмотрим, нельзя ли сегодня отыскать ключ к указанной загадке?

Еще раз напомним слова из письма Тургенева к Колбасину от 9 (21) августа: «Эта корреспонденция явится наверное либо в „XIX-e Siècle“, либо в „Voltaire“». Тот факт, что Тургенев говорит о готовящейся публикации с полной уверенностью, нисколько не случаен. Не случаен, на наш взгляд, и выбор французских изданий. Обратимся вначале к газете «Le Voltaire». Прежде всего следует отметить, что в этой газете, возникшей годом ранее на месте закрытой «Le Bien public», активно сотрудничал Э. Золя, помещавший в ней свои еженедельные обзоры «Revue dramatique et littéraire». Известно, что Тургенев неоднократно обращался к французскому коллеге с различными просьбами газетно-издательского характера, и потому резонно предположить, что он мог прибегнуть к его услугам и в данном случае.[7]

Обследование номеров «Le Voltaire» за вторую половину августа — сентябрь н. ст. 1879 года не выявило, однако, каких-либо релевантных статей или заметок, где бы освещалось современное положение дел в России и упоминалось о некоем вопиющем, «потрясающем» событии, которое можно было бы соотнести с присылкой Колбасина.

Особняком в обозначенный временной период стоят два номера газеты — от 11 (23) августа и 22 августа (3 сентября) 1879 года, содержащие очередные корреспонденции из цикла «La Vérité sur le nihilisme en Russie» («Правда о нигилизме в России»).[8] Этот цикл регулярно печатался на страницах «Le Voltaire» за крайне странной подписью «Piotr. Merskoff», в которой имя «Piotr» неизменно сопровождалось точкой.[9] Ни сам цикл, ни его автор, постоянный (или специальный) русский корреспондент «Le Voltaire», не попадали до сих пор в поле зрения исследователей.[10]

---

[5] *Белецкий А.* Из материалов для изучения И. С. Тургенева. С. 37.

[6] En cellule. Impressions d’un nihiliste / [Par] J. Pavlofsky // Le Temps. 1879. 12 novembre. № 6779. P. 3; 19 novembre. № 6786. P. 3; 25 novembre. № 6792. P. 3 (раздел «Variétés»). Текст предисловия и послесловия Тургенева см.: С, X, 362.

[7] Об одном из подобных обращений к Золя в декабре 1878 года (в связи с откликом на постановку очередной пьесы П. В. Корвин-Круковского) см.: П, XVI-1, 318, 580–581, прим. 2, 4 к письму 5162 (комм. Н. П. Генераловой). Отметим, что речь идет о следующем фельетоне: *Zola E.* Revue dramatique et littéraire // Le Voltaire. 1878. 17 décembre. № 165. P. 1. Стоит особо подчеркнуть, что, несмотря на полное отсутствие сведений о публикациях Тургенева в «Le Voltaire», вопрос о его сотрудничестве в этой газете заслуживает дальнейшего изучения.

[8] Здесь и далее в пределах статьи даты выхода иностранных и русских газет указываются по двум стилям.

[9] Цикл под названием «Правда о нигилизме в России» вобрал в себя до сорока статей, выходивших на протяжении более полутора лет — с 19 мая н. ст. 1879 года по 26 сентября н. ст. 1880 года. Впоследствии, с сентября н. ст. 1880 года, этот цикл был, по-видимому, преобразован в «Петербургскую хронику» («Chronique de Saint-Pétersbourg»), продолжавшую печататься в «Le Voltaire» вплоть до конца ноября н. ст. 1883 года.

[10] Исключением является составленная П. Уоддингтоном аннотированная библиография «И. С. Тургенев во французской печати XIX века», где зафиксированы четыре публикации «Петра Мерзкова» из «Le Voltaire», имеющие отношение к писателю. См.: *Waddington P.* An annotated bibliography of French writings on I. S. Turgenev, published up to 1900 // New Zealand Slavonic

Очевидно, что «Петр Мерзков» — это псевдоним. Кто бы ни скрывался под этой маской,[11] важно подчеркнуть, что ни одна из статей, опубликованных в «Le Voltaire» за подписью «Piotr. Merskoff» в августе–сентябре н. ст. 1879 года, не содержит в себе каких-либо смычек с корреспонденцией, полученной Тургеневым от Колбасина. Иными словами, крайне маловероятно, что Тургенев передал колбасинские материалы в радикальную газету «Le Voltaire», да еще через ее петербургского корреспондента.

Проверим теперь другую парижскую газету, упомянутую писателем, а именно республиканскую газету левого толка «Le XIXe siècle». Здесь в рассматриваемый нами период (вторая половина августа — сентябрь н. ст. 1879 года) обращают на себя внимание прежде всего «Lettres de Russie» («Письма из России»), помещавшиеся под криптонимом «W. B. G.» в качестве постоянной корреспонденции из Петербурга.[12] Хотя за данный период вышло сразу пять «Писем из России»,[13] все они также ни единым словом не упоминают о каком-либо «потрясающем» происшествии, которое можно было бы связать с письмами Колбасина, а указание на Петербург как отправную точку корреспонденций «W. B. G.», кажется, и вовсе исключает возможность участия в них Тургенева.

Как и «Le Voltaire», газета «Le XIXe siècle» была изданием совсем не чужим для Тургенева. Более или менее хорошо известны и задокументированы контакты писателя с Э. Абу, главным редактором французского листка и председателем Литературного общества. Личное знакомство двух литераторов относится предположительно к 1861 году, особенно же тесно Тургенев сблизился с Абу в ходе Парижского Международного литературного конгресса 1878 года, куда был приглашен по инициативе французского коллеги.[14] О том, что Тургенев и ранее обращался за содействием к Абу, свидетельствует, например, стихотворение «Кро́кет в Виндзоре», прозаический автоперевод которого был помещен в «Le XIXe siècle» 22 августа (3 сентября) 1876 года вместе с развернутым предисловием, принадлежавшим, очевидно, перу главного редактора.[15] Француз-

---

Journal. 1987. P. 26, 46, 50. Список упоминаний Тургенева в фельетонах «Петра Мерзкова» не ограничивается указанными случаями и может быть легко расширен.

[11] Есть веские основания предполагать, что это мог быть П. Д. Боборыкин. Детальная аргументация в пользу этой версии требует отдельного, обстоятельного рассмотрения.

[12] Цикл статей «Письма из России», включавший в себя 133 (!) корреспонденции и выходивший на протяжении более трех лет — с 14 июня н. ст. 1879 года (№ 2731. P. 1) по 11 ноября н. ст. 1882 года (№ 3967. P. 3), никогда не становился предметом изучения. Его автор, укрывшийся за подписью «W. B. G.», достоверно не установлен. Среди многочисленных корреспонденций, напечатанных в «Le XIXe siècle» за подписью «W. B. G.», обращает на себя внимание, в частности, письмо LXVI о смерти и похоронах Достоевского, опубликованное 17 февраля (1 марта) 1881 года (№ 3350. P. 3). Письмо это, выпавшее из поля зрения исследователей, имеет сильные корреляции с анонимной статьей А. С. Суворина (см.: Память Ф. М. Достоевского // Новое время. 1881. 31 янв. № 1770. С. 1). Существуют и другие, не менее примечательные схождения между «Письмами из России» и материалами из «Нового времени». Все это позволяет осторожно предположить, что за quasi-криптонимом «W. B. G.» мог скрываться А. С. Суворин. Ср. также запись из его дневника за 30 мая (11 июня) 1893 года: «Петипа получила академическую пальму. „Что это?“ — я сказал. Ну, а меня Сарсе хвалил, *наша* печать — не ваша петербургская» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 161). Если Суворин действительно печатался в газете «Le XIXe siècle», тогда становится понятной его дневниковая запись о похвалах ведущего критика французской газеты.

[13] Под номерами X–XIV: Le XIXe siècle. 1879. 22 août. № 2799. P. [1]; 29 août. № 2806. P. [1]; 5 septembre. № 2813. P. [1]; 17 septembre. № 2825. P. [1–2]; 19 septembre. № 2827. P. [1].

[14] Подробнее об отношениях Тургенева и Абу, а также о предполагаемом времени их знакомства см.: *Zviguilsky A.* Tourguéniev et Edmond About // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1985. № 9. P. 13–20; рус. пер.: *Звигильский А.* Иван Тургенев и Франция. М., 2008. С. 285–296 (Тургеневские чтения. Вып. 3; пер. с фр. Н. П. Генераловой).

[15] См.: Le Crocket à Windsor («La reine est assise dans sa forêt de Windsor...») // Le XIXe siècle. 1876. 3 septembre. № 1728. P. [1–2]. Авторство перевода впервые установлено П.Уоддингтоном, им же высказано предположение об авторстве редакционного предисловия: *Waddington P.* Some new light on Turgenev's relations with his French publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. № 3. P. 341–342. Эти сведения, как и текст редакционного предисловия, оказались неучтенными в соответствующем томе академического издания: С, XII, 642. На автографе перевода, сохранившемся в архиве Этцеля в Bibliothèque Nationale de France,

ская публикация стихотворения состоялась при посредстве П.-Ж. Этцеля, во многом способствовавшего сближению Тургенева с Абу. Она-то, по всей видимости, и стала не только первым случаем сотрудничества Тургенева в «Le XIXe siècle», но и хронологически первой публикацией «Кро́кета» в полном виде.[16]

В конце 1879 года Тургенев, как минимум, дважды обращался к Абу с просьбами издательского характера. В итоге в газете были напечатаны две его статьи — о выставке картин В. В. Верещагина и о первом французском переводе романа Л. Н. Толстого «Война и мир», при этом обе они написаны в форме открытых писем к редактору. Именно в преддверии появления второй статьи,[17] в конце декабря н. ст. 1879 года, между Абу и Тургеневым состоялся обмен письмами, из которого следует, что они неоднократно встречались лично, поскольку оба жили в Париже по соседству, на улице Дуэ. Так, на просьбу Тургенева от 15 (27) декабря 1879 года уделить ему «четверть часа (не более)» в любое удобное время начиная с понедельника[18] Абу откликнулся на следующий день: «Дорогой и высокочтимый мэтр, я буду иметь честь явиться к вам завтра, в понедельник, в 10 часов утра, если это не неудобно для вас. Примите уверение в моем совершеннейшем почтении. Эдмон Абу».[19] К сожалению, переписка между Тургеневым и Абу за август 1879 года (если таковая, конечно, имела место) не сохранилась, однако ее отсутствие еще не означает, что в указанный период между двумя литераторами не было никаких контактов (ср., например, полное отсутствие переписки между Тургеневым и Абу вокруг нашумевшего «Кро́кета» или статьи о выставке Верещагина).[20]

Несмотря на то, что никаких документальных свидетельств обращения Тургенева в редакцию «Le XIXe siècle» не сохранилось, можно с высокой долей вероятности предположить, что оно имело место и, более того, увенчалось успехом, причем в рекордно быстрые сроки. Спустя всего неделю после второго письма Тургенева к Колбасину на первой полосе «Le XIXe siècle» от 15 (27) августа 1879 года появилась статья «Effets physiologiques» («Физиологический эффект») за подписью соредактора и ведущего критика газеты Франсиска Сарсе (1827–1899), посвященная вопиющему инциденту, который произошел в Одесском тюремном замке в июле того же года и прогремел не только на всю Российскую империю, но и за ее пределами. Вот эта статья:

«Effets physiologiques

Les journaux parisiens et peut-être le „XIXe Siècle“ ont parlé d’un suicide qui s’était accompli en des circonstances extraordinaires.

C’est en Russie, dans ce pays du nihilisme, que s’était passé la chose. Un jeune homme de bonne famille, détenu dans les prisons d’Odessa, s’était brûlé lui-même, avec une intrépidité et une constance qui passent de beaucoup la célèbre légende de Mucius Scœvola.

имеется запись: «Traduction d’une pièce de vers russe de Tourgueneff, faite et écrite de sa main. J<ules> H<etzel>. 1er 7bre» («Перевод русского стихотворения Тургенева, выполнен и записан его рукой. Ж<юль> Э<тцель>. 1-го сентября»; см.: *Waddington P.* Some new light on Turgenev’s relations with his French publisher... P. 342).

[16] Ibid. См. также: *Žekulin N. G.* Turgenev’s *Króket v Vindzore* («Croquet at Windsor») // New Zealand Slavonic Journal. 1983. P. 90–91.

[17] Une Lettre de Tourguéneff // Le XIXe siècle. 1880. 23 janvier. № 2951. P. [2]; также с редакционным вступлением Абу. См.: С, 15, 186–187. Во втором академическом издании, согласно принятым эдиционным принципам, данное открытое письмо помещено в соответствующем томе серии Писем (П, XVII-1, в печати).

[18] См.: *Звигильский А.* Тургенев и Эдмон Абу. С. 287. Здесь же впервые предложена датировка данного письма Тургенева.

[19] «Cher et illustre maître, / J’aurai l’honneur de me présenter chez vous demain lundi à 10 heures du matin sauf avis contraire. / Veuillez agréer l’expression de ma plus respectueux sympathie. Edmond About» (Houghton Library. MS Mus 232 (16). Ранее письмо находилось в коллекции Ле Сен).

[20] В настоящее время известно всего четыре письма Тургенева к Абу (1879, 1880, 1883), причем два из них составляют вышеназванные статьи в форме открытых писем к редактору «Le XIXe siècle», и всего одно ответное письмо Абу (1879, см. выше).

Les feuilles dévouées au gouvernement insinuèrent qu'il y avait un peu de folie dans son cas. Les journaux opposants, à qui la bride est tenue fort serrée là-bas, se contentèrent de répondre que les médecins avaient fait l'autopsie de son cerveau et constaté qu'aucune lésion n'aurait pu expliquer l'altération de ses facultés intellectuelles. Mais en Russie, le public entend à demi-mot. On avait lu entre les lignes, et l'on avait compris que ce malheureux jeune homme avait été poussé à cet acte de farouche désespoir par la barbarie de ses geôliers.

Le hasard a fait tomber entre mes mains une lettre venue de Russie, écrite par un Russe qui a été témoin oculaire de cet événement. Je me la suis fait traduire; elle m'a paru saisissante, et je donne cette traduction sans y changer un mot.

„Un jeune homme du nom de Somoff (et non de Sornoff) se trouvait détenu depuis un an dans la prison d'Odessa. La cellule où on l'avait renfermé était si infecte et si pleine d'immondices que le prisonnier y étouffait à la lettre. Ne pouvant plus supporter un pareil martyre, il se mit à supplier avec instance le surveillant en chef, les officiers de service et jusqu'aux gardiens qu'on le mit enfin en jugement, sa détention n'étant que préventive. Ces instances réitérées finirent par exaspérer le surveillant, qui fit infliger à Somoff une punition corporelle et lui attacha les mains derrière le dos avec une grosse corde. Resté seul, Somoff se souleva sur son grabat, et ne pouvant atteindre avec ses mains la lampe à pétrole accrochée au mur, parvint à arracher à l'aide de ses dents le verre qui la recouvrait et la renversa sur lui. Le pétrole répandu mit aussitôt le feu à ses vêtements, puis à sa chair; mais Somoff, ne voulant pas qu'on vint le sauver, ne poussa pas un cri, et ce n'est que quand l'odeur de la chair brûlée, passant à travers les fentes de la porte, frappa la sentinelle qui se tenait dans le corridor qu'on s'aperçut de ce qui venait d'arriver. Le surveillant, averti par la sentinelle, accourut avec les gardiens et trouva Somoff flambant comme une victime de l'Inquisition, mais ne proférant ni un mot ni une plainte. L'infortuné vécut encore vingt-quatre heures, son corps à demi carbonisé ne présentait qu'une plaie. En proie aux plus atroces souffrances, il répondait avec calme et fermeté aux gens qui l'interrogeaient. Il leur disait qu'il avait toujours été prêt à se soumettre à la sentence d'un tribunal et à souffrir pour ses convictions, mais qu'il n'avait pu supporter le châtiment avilissant et inhumain qu'on lui avait infligé. Le courage inouï qu'il avait montré en se laissant brûler vif sans proférer une seule plainte a frappé de stupeur tous les témoins oculaires de cette mort héroïque, et *c'est l'un de ces témoins qui vous écrit ceci*, en vous affirmant sur l'honneur la vérité absolue de ce qu'il vient de raconter".

Il est impossible de ne pas frémir à la lecture de ce récit, qui porte tous les caractères de l'authenticité, et dont la vérité me serait garantie d'ailleurs par l'honorabilité, je dirai plus: par l'illustration de la personne qui m'a remis cette lettre.

Je ne ferai point de réflexions sur les prétendus crimes que l'on avait voulu punir en jetant ce jeune homme dans cette prison infecte. Il nous est assez difficile, à cette distance, de comprendre ce que méditent les novateurs qui cherchent à révolutionner l'empire des czars et d'avoir une opinion sur les rigueurs dont le gouvernement les écrase.

Mais en écoutant cette lettre éloquente, j'étais poursuivi d'une idée que je ne crois pas inutile de mettre sous les yeux de mes lecteurs.

La phrase de Pascal me remontait à la mémoire, vous savez bien, cette phrase célèbre et si souvent citée par les apologistes de la religion chrétienne, où Pascal, après avoir parlé du courage des martyrs de Néron et de Dioclétien, ajoute: „Pour moi, j'en crois des témoins qui se font égorger pour leur foi".

Pascal a fort mal raisonné en parlant ainsi. Il est parti de cette *majeure* que la vérité était la seule chose pour laquelle les hommes pussent sacrifier leur vie, qui leur est plus chère que tout le reste et il en a conclu que ce sacrifice se tournait par cela même en preuve de la vérité, au nom de qui il était fait.

Mais rien n'est moins prouvé que cette majeure. Elle est fausse, absolument fausse, radicalement fausse.

Toute foi pousse l'homme au sacrifice: qu'elle soit vraie ou fausse, ce n'est pas l'affaire. Il suffit qu'elle soit intense. Les Allemands diraient qu'elle tire toute son énergie de

sa subjectivité. Mais laissons là ces grands mots d'outre-Rhin; parlons français, c'est-à-dire: parlons clairement.

On vient dire à une mère: „Votre enfant est mort". Aussitôt elle fond en pleurs. Que la nouvelle soit vraie ou fausse, il n'importe guère. La douleur, pour le moment, est la même. L'amour maternel fait son office; il tend les nerfs d'une certaine façon; il fait affluer le sang au cœur, il exagère la sécrétion des larmes. C'est un effet physiologique, dont l'intensivité varie suivant la nature et les dispositions du sujet qui l'éprouve, mais non suivant le plus ou moins de vérité de la nouvelle.

Que fait cette vérité puisque la mère, elle, ne révoque pas la nouvelle en doute? Elle y croit.

Eh bien! le propre du croyant, c'est de croire: le mot lui-même l'indique. S'il ne croyait pas, et de tout son cœur et de toutes ses forces, il ne serait pas croyant; il n'aurait pas la foi. Cela est si évident que j'ai quelque honte à m'y arrêter.

Il ne s'agit donc pas de savoir si cette foi est sainte ou impie, vraie ou fausse, raisonnable ou absurde; elle est, et voilà tout.

Les effets qu'elle produira sur tels ou tels individus seront donc proportionnels non pas à son plus ou moins de vérité, mais aux dispositions des individus qu'elle anime.

Ces effets seront plus intenses, plus énergiques, plus extraordinaires, si l'homme a lui-même les nerfs, plus vibrants, l'imagination plus surexcitée; les cordes d'un violon tendu rendent le même son, quel que soit l'archet qui les touche.

Voilà un garçon dont l'héroïsme étonne et déconcerte. Peut-être reculerions-nous d'étonnement et de dégoût si nous savions pour quelle foi il mourait avec cette constance opiniâtre. Les aliénés qui se laissaient, en poussant des cris de plaisir, décharger des coups de bûche dans l'estomac, au cimetière de Saint-Médard, n'en faisaient ni moins ni plus que les martyrs qui flambaient dans le cirque de Néron en chantant des *alleluia*, que ce nihiliste, qui, réduit en charbon, s'entretient avec gravité, sans une plainte, de la foi qui lui a conseillé le suicide.

Il a manqué à Pascal d'être physiologiste et d'avoir assisté aux cours du docteur Charcot.

Francisque Sarcey».[21]

Перевод:

«Физиологический эффект

Парижские газеты, не исключая, может быть, и газету „XIXe Siècle", уже писали об одном самоубийстве, которое произошло при чрезвычайных обстоятельствах.

Это случилось в России, на родине нигилизма. Молодой человек из хорошей семьи, посаженный в одесскую тюрьму, совершил акт самосожжения с такою решимостью и стойкостью, которой немало бы подивился даже легендарный Муций Сцевола.

Лояльные правительству издания косвенно дали понять, что в данном случае речь идет о некотором помешательстве. Оппозиционные же газеты, которые в России держатся в строгой узде, удовольствовались в ответ словами о том, что, по заключению вскрывавших врачей, в головном мозге несчастного не обнаружилось таких патологических изменений, которые бы указывали на ненормальное состояние его умственных способностей. Но в России общественность понимает с полуслова. Она прочла между строк и увидела, что именно жестокость тюремщиков подтолкнула молодого человека к столь безысходному и отчаянному поступку.

По случаю ко мне в руки попало письмо из России, написанное одним русским, очевидцем этого происшествия. Мне его перевели; оно показалось мне потрясающим, привожу этот перевод, не изменив в нем ни слова.

[21] *Sarcey F.* Effets physiologiques // Le XIXe siècle. 1879. 27 août. № 2804. P. [1].

„Молодой человек по фамилии Сомов (а не Сорнов) в течение года содержался в одесской тюрьме. Камера, в которую его поместили, была столь зловонна и полна нечистот, что заключенный там в буквальном смысле слова задыхался. Не имея более сил выносить подобную муку, он принялся настойчиво умолять главного надзирателя, дежурных офицеров и даже охранников, чтобы его наконец предали суду, ибо заключение его было предварительным. Неоднократные мольбы разозлили в конце концов надзирателя, который распорядился подвергнуть Сомова телесному наказанию и связать ему руки за спиной толстой веревкой. Оставшись один, Сомов приподнялся на своей жалкой постели и, не имея возможности снять руками керосиновую лампу, закрепленную на стене, умудрился сперва стащить зубами стекло и потом опрокинул лампу на себя. От пролившегося керосина тотчас вспыхнула одежда, а затем и все тело; однако Сомов, не ища для себя спасения, ни разу не вскрикнул от боли, и когда запах горелой плоти, пробившийся сквозь дверные щели, дошел до часовых, находившихся в коридоре, только тогда-то все и обнаружилось. Надзиратель, оповещенный часовыми, прибежал вместе с охранниками и увидел Сомова: тот, словно жертва инквизиции, горел, не издавая при этом ни одного звука, ни одного стона. Несчастный прожил еще сутки, его тело, наполовину обугленное, представляло собой сплошную рану. Измученный жесточайшими страданиями, он отвечал спокойно и твердо тем, кто его допрашивал. По его словам, он был всегда готов подчиниться приговору суда и пострадать за свои убеждения, но едва ли мог вынести унизительное и бесчеловечное наказание, которому его подвергли. Невероятное мужество, обнаруженное им при самосожжении, во все время которого он не издал ни единого стона, повергло в изумление всех очевидцев этой героической смерти, и *один из этих очевидцев пишет вам сейчас*, заверяя вас своей честью в совершенной истинности каждого сказанного им слова“.

Невозможно не содрогнуться, читая этот рассказ, который несет на себе все признаки подлинности и правдивость которого к тому же удостоверяет репутация, скажу более — известность человека, передавшего мне это письмо.

Не буду высказывать никаких соображений о преступлении, будто бы совершенном этим молодым человеком, за которое его хотели наказать, бросив в зловонную тюрьму. Нам, находящимся за тридевять земель, довольно сложно судить о замыслах революционно настроенных элементов, стремящихся коренным образом преобразовать царскую империю, и тем паче составить мнение о суровости ответных мер правительства.

Знакомясь с красноречивым письмом, приведенным выше, я не мог, однако же, отделаться от мысли, которой считаю небесполезным поделиться со своими читателями.

Мне припомнилась одна фраза Паскаля, всем хорошо известная, та самая знаменитая фраза Паскаля, которую так часто приводят апологеты христианской религии, а именно слова, сказанные им по поводу стойкости мучеников в периоды Нерона и Диоклетиана: „Что до меня, то я верю лишь тем свидетелям, которые за веру свою дают перерезать себе горло“.

Говоря подобное, Паскаль рассуждал в корне неверно. Он исходил из той *предпосылки*, что истина является единственным, ради чего человек может пожертвовать своей жизнью, самым дорогим, что у него есть, и из этого заключал, что самопожертвование превращается тем самым в подтверждение истины, во имя которой оно совершается.

Однако нет ничего менее доказанного, чем эта предпосылка. Она неверна, совершенно неверна, в корне неверна.

Любая вера толкает человека на самопожертвование — истинная она или ложная, не имеет значения. Достаточно того, что она крепка. Немцы сказали бы, что вера черпает всю свою энергию из своей субъективности. Но оставим эти громкие германские слова; давайте говорить по-французски, то есть: давайте говорить ясно.

К матери приходят и говорят: „Ваш сын мертв“. Она тотчас заливается слезами. Не столь важно, правдиво это известие или нет. Горе есть горе. А материнская любовь

есть материнская любовь: она-то и перевозбуждает нервную систему; она-то и учащает кровообращение; она-то и доводит до предела слезоотделение. Это физиологический эффект, интенсивность которого зависит от природы и задатков того, кто его испытывает, а не от того, правдиво или нет само известие.

Да и что значит правда, если сама мать не сомневается в услышанном? Она верит — и все тут.

Что же! верующему свойственно верить: само слово на это указывает. Если бы он не верил, притом всем сердцем своим и всеми силами, он не был бы верующим; он не имел бы веры. Это столь очевидно, что даже несколько неловко на этом останавливаться.

Итак, речь идет не о том, какая эта вера: святая или безбожная, истинная или ложная, разумная или абсурдная; главное — она существует, в этом все дело.

Эффект, который она оказывает на тех или иных индивидов, будет зависеть не от того, насколько она истинна, но от задатков тех, кем она движет.

Этот эффект будет более сильным, более интенсивным, более исключительным, если сам человек имеет натуру более впечатлительную, нервы более тонкие, воображение более пылкое; натянутые струны скрипки издают один и тот же звук, независимо от того, какой смычок их касается.

Вот молодой человек, героизм которого и поражает, и приводит в замешательство. Возможно, мы бы отшатнулись в изумлении и отвращении, если бы узнали, во имя какой идеи он умер с таким неколебимым мужеством. Сумасшедшие, позволявшие бить себя поленьями в живот на кладбище Сен-Медар и издававшие при этом вопли восторга,[22] поступали ровно так же, как поступали мученики, которые сгорали заживо в цирке Нерона, напевая *аллилуйя*, и ровно так же, как поступил этот нигилист, обугленный до головешки, который со всей невозмутимостью и без единой жалобы говорил о вере, приведшей его к самоубийству.

Паскалю не довелось быть физиологом и посещать курсы доктора Шарко.

Франсиск Сарсе».

Одесская история, изложенная у Сарсе, берет свое начало в трех номерах «Новороссийского телеграфа» за 12 (24), 15 (27) и 19 (31) июля 1879 года.[23] Именно здесь были впервые даны все ключевые подробности по делу Сомова. В самом скором времени реляции из «Телеграфа» попали в другие одесские газеты и, с прибавлением новых подробностей, нашли отражение в центральной печати, а чуть позже были подхвачены европейской прессой, предсказуемо вызвав широкий резонанс, в значительной мере потому, что это был фактически первый случай самосожжения среди заключенных в российских тюрьмах.[24]

Одной из первых иностранных газет, сообщивших о самосожжении Сомова, стала лондонская «The Times» от 27 июля (8 августа) 1879 года:

«Одесса, 7-е авг. В здешней тюрьме некий социалист по фамилии Сомов совершил чрезвычайно странное самоубийство. Накануне вечером, после поверки, когда камеры были заперты, дежурный ключник услышал запах дыму, идущий из камеры Сомова. Когда вошли в камеру, то застали арестованного сидящим над керосиновою лампою в попытке совершить самосожжение. Пальцы его уже обгорели до кости, а спина его,

[22] Имеются в виду «конвульсионеры», проводившие свои экзальтированные собрания на парижском кладбище Сен-Медар. Деятельность этой секты неоднократно анализировалась в работах Ж.-М. Шарко.

[23] В Приложении к настоящей статье в хронологическом порядке помещены основные материалы по делу Сомова, печатавшиеся в русской прессе в июле–августе 1879 года. Цитаты из зафиксированных в Приложении газетных заметок приводятся далее в тексте без полных библиографических ссылок, только с указанием места и даты публикации.

[24] Ср.: «Симптоматичными для режима политических тюрем конца 70-х годов были случаи самосожжения узников: так, сожгли себя террорист Николай Сомов в Одесском тюремном замке 14 июля 1879 г. и (по свидетельству И. С. Джабадари, которое, может быть, неточно) пропагандист Николай Васильев в Тобольской тюрьме 7 июня 1878 г.» (*Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России: Политические процессы, 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 213).

почти по самую шею, покрылась страшными ожогами. Решимость, с которой Сомов пытался покончить с собой, была столь велика, что во все время этой операции он ни единым звуком не обнаружил физических страданий; он не проронил ни звука и впоследствии, когда его уже доставили в больницу, где он вскоре и умер. Что побудило Сомова совершить столь странный поступок — это, кажется, так и не получило объяснения».[25]

Уже на следующий день известие из «The Times», где, по сути дела, суммировались сведения, впервые обнародованные в «Новороссийском телеграфе», было перепечатано парижской «Le Globe»[26] (с ошибкой в написании фамилии Сомова — Sornoff вместо Somoff, повторенной затем рядом других, в том числе крупных изданий) и в течение ближайших двух-трех дней мгновенно растиражировано во французской прессе. Лишь в единичных случаях данные британской газеты дополнялись сведениями, почерпнутыми напрямую из русских печатных источников. Так, например, «Le Figaro» от 29 июля (10 августа),[27] помимо перевода из «The Times», привела пространную выдержку из некоей московской газеты (которая обозначена как «„Russia Viedomoski“ (sic!) de Moscou»),[28] в свою очередь заимствованную, по всей видимости, из «Новороссийского телеграфа» от 19 (31) июля 1879 года.

Подавляющая часть сообщений, выявленных нами по делу Сомова во французских газетах за август н. ст. 1879 года, восходит преимущественно к британской «The Times»[29] и, соответственно, носит вторичный характер. Статья же Сарсе основывается на *эксклюзивных* сведениях из письма некоего очевидца, личность которого осталась неназванной. Именно это «письмо очевидца» и может являться, на наш взгляд, той самой «потрясающей» корреспонденцией, которую Тургенев не только перевел, но и немедленно передал Сарсе для помещения в «Le XIXe siècle». В пользу этого предположения говорит ряд обстоятельств.

Прежде всего, предваряя собственно публикацию «письма очевидца», Сарсе вкратце коснулся истории с самоубийством Сомова, обнаружив при этом прекрасное знание того, как освещалось это событие в России, причем как в проправительственных, так и в оппозиционных повременных изданиях. «Лояльные правительству издания, — авторитетно резюмировал критик, — косвенно дали понять, что в данном случае речь идет о некотором помешательстве. Оппозиционные же газеты, которые в России держатся в строгой узде, удовольствовались в ответ словами о том, что, по заключению вскрывавших врачей, в головном мозге несчастного не обнаружено таких патологических изменений, которые бы указывали на ненормальное состояние его

---

[25] The Times. 1879. 8 August. № 29641. P. 5: «Odessa, Aug. 7. An extraordinary suicide has been committed in the prison here by a Socialist named Somoff. The other evening, after all the prisoners were locked up for the night, a warder noticed smoke issuing from Somoff's cell, and upon entering it he found the prisoner in a sitting posture over a lighted petroleum lamp slowly burning himself to death. The flesh of the fingers was already consumed so that only the bones remained, and the back nearly up to the neck was dreadfully burnt. Such was the man's determination that neither during the act nor at the hospital whither he was removed only to linger and die did he utter a word or give any sign indicative of suffering, and no one appears to be able to account for the strange deed». См. также дополнение, в котором говорится, что Сомов, упомянутый в предыдущей заметке, есть тот самый человек, который накануне «пытался устроить политическую демонстрацию» на Приморском бульваре: «Odessa <...> In the telegram of the 2d inst. respecting the Socialist Somoff's suicide by burning in the prison it should have been mentioned that he was the same man who the day before attempted to get up a political demonstration during the fashionable promenade on the boulevard here» (Ibid. 11 August. № 29643. P. 5). Сердечно благодарим А. Ю. Кокотова за любезно предоставленные копии из лондонской «The Times».

[26] Le Globe. 1879. 9 août. № 97. P. 2.

[27] Le Figaro. 1879. 10 août. № 222. P. [3].

[28] «Московские „Русские ведомости“» — *фр., искаж.* В газете «Русские ведомости» искомое сообщение не обнаружено. Реальный источник публикации в «Le Figaro» требует дальнейших разысканий.

[29] См. ниже, прим. 51–53.

умственных способностей».[30] Примечательна при этом и странная оговорка критика в первом предложении статьи: «Парижские газеты, не исключая, *может быть*, и газету „XIXe Siècle“, уже писали об одном самоубийстве, которое произошло при чрезвычайных обстоятельствах» (курсив наш. — *В. Л.*, *В. С.*). Вряд ли Сарсе, не приметивший того, что его родная газета «Le XIXe siècle» двумя неделями ранее поместила свой перевод заметки о Сомове из «The Times»,[31] мог столь чутко уловить настроения русской общественности, которая, по его словам, будто бы «прочла между строк» и разгадала истинную подоплеку одесского дела. Подобную осведомленность в русских делах и расстановке сил в русской прессе сложно предположить у француза, ранее не затрагивавшего в своих статьях проблем из внутренней жизни России. Столь же неожиданной в статье Сарсе является и характеристика Сомова как «молодого человека из хорошей семьи»[32] — деталь, отсутствующая во всем корпусе сообщений по одесскому делу в русской печати. Все это может означать только то, что даже в авторской речи Сарсе использовал сведения, полученные от русского информатора.

В статье «Физиологический эффект» Сарсе раскрыл и некоторые детали, касающиеся происхождения публикуемого им письма: «*По случаю* ко мне в руки попало письмо из России, написанное одним русским, очевидцем этого происшествия. *Мне его перевели*; оно показалось мне *потрясающим*, привожу этот перевод, не изменив в нем ни слова» (курсив наш. — *В. Л.*, *В. С.*). Как видно, замечание о «потрясающем» («saisissante») письме, присланном очевидцем из России и переведенном, по словам Сарсе, при содействии кого-то из парижских знакомых, вполне коррелирует с тем, что нам известно из двух упомянутых писем Тургенева к Колбасину. Более того, хотя Сарсе прямо не называет имя знакомого, сообщившего ему текст письма, он делает довольно прозрачную оговорку: «Невозможно не содрогнуться, читая этот рассказ, который несет на себе все признаки подлинности и правдивость которого к тому же удостоверяет репутация, скажу более — известность человека, который передал мне это письмо». Все это еще более укрепляет нас во мнении, что человеком, который перевел и сообщил Сарсе письмо с новыми подробностями о Сомове, мог быть именно Тургенев.

Как и редактор-издатель «Le XIXe siècle» Абу, Сарсе жил на улице Дуэ, по соседству с Тургеневым, и был с ним лично знаком. Об этом французский критик мимоходом упомянул в статье, написанной по случаю выхода одиозного издания «Souvenirs sur Tourguéneff» («Воспоминания о Тургеневе») И. Я. Павловского (Paris, 1887): «Что касается меня, то именно за обедом у Доде я имел удовольствие впервые пообщаться с Тургеневым — даром что мы долгое время были соседями; он жил на улице Дуэ, почти напротив моего дома. Но в Париже, как известно, можно десять лет прожить на одной площадке с соседями и ни разу при этом не встретиться».[33] Хотя Сарсе и прибавлял

---

[30] Учитывая весь корпус выявленных нами публикаций по делу Сомова в русской печати, не вполне понятно, о каких «оппозиционных» газетах здесь может идти речь. Возможно, под ними подразумеваются какие-то газеты, перепечатавшие сведения о результатах вскрытия из «Новороссийского телеграфа» от 19 (31) июля. Последнее же издание явно опиралось на источники, близкие к одесской тюремной администрации, полиции или судебной палате. Фразеология и манера речи, использованные корреспондентом «Телеграфа» при освещении материалов по делу Сомова, не обнаруживают и тени «оппозиционности».

[31] Le XIXe siècle. 1879. 13 août. № 2791. P. [3].

[32] Примечательно, что в австрийской «Steyrer Zeitung» от 26 июля (7 августа) 1879 года (№ 63. S. 2) Сомов был назван «сыном очень богатого купца» («eines sehr reichen Kaufmannes Sohn»). Эта подробность, неизвестная по другим публикациям и явно восходящая к не выявленному нами источнику («Odessaer Zeitung»?), хотя и не соответствует действительности, тем не менее нуждается в анализе. Ср. упоминание о том, что Сомов был «сыном богатого курского помещика», в сообщении одесского корреспондента «Московских ведомостей» от 27 июля (8 августа) 1879 года.

[33] *Sarcey F.* Souvenirs sur Tourguéneff // République française. 1887. 12 octobre. № 5786. P. 3 («Pour moi, c'est à la table de Daudet que j'ai eu pour la première fois le plaisir de causer avec lui, bien que je fusse depuis assez longtemps son voisin; car il demeurait rue de Douai, presque en face de chez moi. Mais vous n'ignorez pas qu'à Paris on peut vivre dix ans sur le même palier sans se rencontrer jamais»).

далее, что «имел честь беседовать с Тургеневым не более двух или трех раз в жизни»,[34] самый факт их личного знакомства, состоявшегося, по всей видимости, во время Международного литературного конгресса в Париже, не вызывает сомнений.

Характер отношений между Тургеневым и Сарсе мог бы стать более рельефным, если бы их переписка дошла до нас в сколько-нибудь полном объеме, однако этого не случилось. Маловероятно, впрочем, что она была интенсивной. Это следует из слов И. Д. Гальперина-Каминского, неутомимого собирателя и публикатора французских писем Тургенева: «На мою просьбу (сообщить письма Тургенева. — *В. Л.*, *В. С.*) Жюль Симон ответил, что он действительно „очень хорошо знал и очень сильно любил Тургенева“. „Наши встречи, — прибавил он далее, — были слишком частыми, чтобы поддерживать еще и литературную переписку, а кроме того, мой архив был фактически разграблен“. Такой же ответ последовал и от Франсиска Сарсе, с тою лишь разницей, что он сам отдал „любителям автографов“ несколько незначительных записок, полученных им от Тургенева».[35] Не исключено, что среди последних были и две записки Тургенева к Сарсе за май н. ст. 1878 года, опубликованные недавно по автографам из частного собрания г-жи Энгельбах (Париж; ср.: П, XVI-1, № 5019, 5020). Нынешнее местонахождение остальных «незначительных записок» неизвестно.

Рассмотрим теперь вопрос о том, как объяснить связь между Колбасиным и письмом, присланным неким очевидцем из Одессы. Сам Колбасин, несомненно, не мог быть этим очевидцем, поскольку уже 1 (13) июля 1879 года, т. е. за неделю до ареста Сомова, находился в Гейдельберге.[36] Вместе с тем известно, что давние знакомые Тургенева братья Колбасины, уроженцы Ананьевского уезда Херсонской губернии,[37] считали Одессу своей второй родиной.[38] Именно здесь, в Одессе, провел последние годы своей жизни Елисей Колбасин.[39] Это означает, что письмо о прогремевшем на весь город событии (если оно оказалось в руках у Е. Я. Колбасина) было получено им за границей от кого-то из одесских знакомых или родственников, к примеру от родного брата Дмитрия.[40]

---

[34] Ср.: «Je n’ai guère eu l’honneur que deux ou trois fois en ma vie de causer avec Tourguéneff <...>» (Ibid.).

[35] См.: Lettres d’Ivan Tourguéneff à Mme Pauline Viardot, à Gustave Flaubert et à Mme Commanville / Publiées et annotées par É. Halpérine-Kaminsky // Cosmopolis. 1896. Vol. 3. № 7 (July). P. 138 («Jules Simon a répondu à ma demande qu’en effet il a „beaucoup connu et beaucoup aimé Tourguéneff. Nos entrevues, ajouta-t-il, étaient trop fréquentes pour qu’il y eût lieu entre nous à une correspondance littéraire, et d’ailleurs mes cartons ont été affreusement pillés“. C’est le même cas pour Francisque Sarcey, avec cette différence qu’il a volontairement donné à des „amateurs d’autographes“ les quelques billets insignifiants qu’il a reçus de Tourguéneff»).

[36] Данные о пребывании Колбасина в Гейдельберге реконструируются на основании сведений, содержащихся в письме П. В. Анненкова к Тургеневу от 3 (15) июля 1879 года (см.: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подг. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 2. С. 108).

[37] См. личные дела коллежского асессора Д. Я. Колбасина и коллежского советника Е. Я. Колбасина, сотрудников Департамента неокладных сборов Министерства финансов: РГИА. Ф. 574. Оп. 7. Д. 543. Л. 4 об.; Д. 544. Л. 14 об. (здесь в деле Е. Я. Колбасина в графе «Есть ли имение» значится: «Родовое: За родителями его в Ананьевском уезде Херсонской губернии 1500 десятин земли с поселенными 150 душами временнообязанных крестьян»).

[38] Ср. фрагмент из письма Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 5 марта 1857 года: «Если Вы приедете в мае, то мы в одно время выедем из Петербурга, я хочу пробраться на родину, в Одессу, и хочу непременно, а то что-то я больно плох стал, совсем Петербург заездил — надо порассеяться...» (ИРЛИ. Ф. 7. № 143. Л. 44–44 об.).

[39] Ср. фрагмент из письма Е. Я. Колбасина к Тургеневу от 10 августа 1881 года: «Я по-прежнему живу в Одессе на своей дачке, и кроме книг и родных никого более не вижу» (Щукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 437). Ср. также фрагмент из письма Д. Я. Колбасина к Я. П. Полонскому от 16 мая 1885 года: «Вот уже 8 лет, как я живу в родовом имении (в селе Марьяно-Чегодаровке Ананьевского уезда Херсонской губернии. — *В. Л.*, *В. С.*) и лично веду хозяйство, нисколько не жалея, что бросил казенную службу, хотя и там имел немалый успех, благодаря дружбе Тургенева, Тютчева и Грота. Брат мой, Елисей Яковлевич, живет с семейством в Одессе, но 4 года как потерял зрение окончательно и сильно нервно расстроен» (ИРЛИ. № 12148. Л. 2–2 об.).

[40] Дмитрий Яковлевич Колбасин (1827 — не ранее 1895) — фигура, слабо отраженная в литературе о Тургеневе. Сохранилось свыше 30 писем его к Тургеневу, однако только часть из них

Вглядимся еще раз в «письмо очевидца» из статьи Сарсе. С содержательно-стилистической точки зрения оно частично тяготеет к заметке, помещенной постоянным одесским корреспондентом в газете «Русская правда» 22 июля (3 августа) 1879 года. В то же время в «письме очевидца» обнаруживаются подробности, которые отсутствуют не только в каких бы то ни было открытых печатных источниках, но и в следственных документах по делу Сомова. Так, автор письма упоминает о том, что Сомов содержался в тюрьме без предъявления обвинения «в течение года», причем содержался в нечеловеческих условиях, а в ответ на свои мольбы о правосудии был подвергнут телесному наказанию. Все это резко расходится с официальной версией, согласно которой Сомов был задержан на Николаевском Приморском бульваре вечером 10 (22) июля 1879 года, на следующий день препровожден в Тюремный замок, ночью 12 (24) июля совершил акт самосожжения, а уже утром 14 (26) июля скончался от ожогов в тюремной больнице. Об этом однозначно говорит и секретное донесение начальника Одесского жандармского управления К. Г. Кнопа от 15 (27) июля 1879 года:

«<Докладная записка начальника
Жандармского управления г. Одессы К. Г. Кнопа
шефу жандармов А. Р. Дрентельну>

Секретно

НАЧАЛЬНИК
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
ГОРОДА ОДЕССЫ
15 июля 1879 года
№ 797
г. Одесса

В дополнение докладной моей записки от 11 сего июля за № 766 Вашему Высокопревосходительству имею честь донести, что данные, добытые полицейским дознанием по обвинению Николая *Сомова*, вполне подтвердились и не обнаружены какие-либо новые обстоятельства.

На допросе Сомов отказался давать какие-либо показания, высказывал крайнюю раздражительность, то упорно молчал, то сердился на каждый новый вопрос и повторял, что он уже двадцать раз говорил, что не будет отвечать.

При осмотре принадлежащих ему вещей, взятых в гостинице, где он остановился в тот же день, он отворачивался, сердился, что его заставляют при этом присутствовать, и говорил, что с ним поступают незаконно.

введена в оборот. Совершенно неизвестными остаются примечательные мемуары Колбасина о Тургеневе, Писемском, Щербине, Фете и др. (в настоящее время готовятся к публикации). Сведения о Колбасине крайне противоречивы. Так, даже указание на год смерти во всех без исключения источниках дается с ошибками. См., например: П, II, 592. Приведенный здесь год смерти (1890) является неверным, что подтверждают, в частности, документы о продаже Колбасиным имения при деревне Людвиполь Каменецкого уезда Подольской губернии, состоявшейся 18 декабря 1892 года (РГИА. Ф. 593. Оп. 2. Д. 168. Л. 14–14 об.), а также отчаянное до слез письмо к Л. Н. Толстому от 5 февраля 1895 года (ГМТ. Ф. 1. 156/85; см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1954. Т. 68. С. 35). Ср. также: К вопросу о земледелии (Письмо в редакцию) / Землевладелец Дмитрий Колбасин // Одесский вестник. 1892. 6 (18) марта. № 60. С. 2; Из воспоминаний Д. Я. Колбасина [Два письма И. С. Тургенева по поводу надела крестьян] // Одесский вестник. 1893. 22 февр. (6 марта). № 49. С. 3; фр. пер: Deux lettres inédites de Tourguéneff / [Tr. par] O. de Sitt [= «Одессит» = М. О. Ашкинази?] // Entretiens politiques et littéraires. 1893. Т. VI. № 41 (25 Avril). P. 364–370. И русская, и французская публикации писем Тургенева к Д. Я. и Е. Я. Колбасиным от 27 марта (8 апреля) и 8 (20) апреля 1858 года остались неучтенными в литературе.

Как самый его поступок на бульваре 10-го июля вечером, так равно и его поведение во время допросов наводили на мысль, что умственные его способности находились не в нормальном состоянии. Но этому, по-видимому, противоречило найденное при нем письмо, писанное в тот же день и адресованное в г. Курск на имя его матери; письмо это писано вполне здраво и наполнено нежными заботами о матери. Из этого письма видно, что он жил на одном из одесских лиманах <так!>, но на котором еще не обнаружено; он же на вопрос о том не хотел отвечать.

При отвозе Сомова из полиции в тюрьму, в тюремной карете, он на дворе полиции, а также по доставлении его туда, на дворе замка, стал кричать, но при этом о Царе более не упоминал, а выставлял себя мучеником и объявлял, что пищи принимать не будет.

Во внимание к такому странному его поведению и допуская возможность психического страдания, я 11-го сего июля письменно поручил смотрителю тюремного замка обратить особое свое внимание на этого арестанта, учредить за ним бдительное наблюдение и по возможности не раздражать его. На следующий день 12 числа я посетил Сомова в замке с частным врачом и нашел его более покойным, но так же не разговорчивым. При этом он меня, однако, просил ускорить заседание суда по его делу и вызвать его мать, но отказался мне дать ее адрес. На мой вопрос, зачем ему нужна мать, он мне ответил, что он умрет, и прибавил: „Как же я умру без матери“. Присутствовавший врач ни к какому определенному заключению не пришел.

В тот же вечер при проверке арестантов Сомов опять стал кричать и, обращаясь к конвойным, говорить, что он мученик; при этом бросался в дверь из камеры и буйствовал так, что смотритель приказал его связать и положить на тюфяк. В комнате на полу осталась лампа. Часа через три часовой заметил дым, выходящий из камеры, и, когда ее отворили, оказалось, что Сомов успел высвободить свои ноги, губами снял стекло с лампы и, присев на пол спиною к лампе, зажег свое белье и таким образом причинил себе обжоги на спине, связанных за спиною руках и ляжках; руки обожжены до костей. При этом он не издавал от боли ни одного звука, а затем говорил покойно и заявлял, что его взял святой Иосиф, и просил доктора вылечить ему руки, так как ему надо писать, а о спине не заботиться. Обжег же он себя нарочно.

В прошлую ночь он от последствий обжогов умер.

По полученным мною от полковника Пальшау[41] по телеграфу сведениям, Сомов болен малокровием, пороком сердца, увеличением селезенки, занятий не имеет, выехал в июне из Курска в Одессу для излечения болезни; с тою же целью был в Крыму и Киеве.

Таким образом дело по обвинению Сомова должно быть прекращено смертию, причем я, однако, полагаю дополнить его розыском квартиры Сомова на лимане для установления, с кем он там вел знакомство и не посещали ли его подозрительные в политическом отношении личности, которые могли, быть может, его подговорить к поступку на бульваре; хотя по нравственному моему убеждению Сомов действовал на бульваре единолично, под влиянием припадка умопомешательства. В течение 11, 12 и 13 чисел он ничего не ел, хотя пища стояла у него, и только вчера, после обжога он выпил чаю.

Полковник Кноп».[42]

Сведения из докладной записки полковника К. Г. Кнопа на имя шефа жандармов А. Р. Дрентельна от 15 (27) июля 1879 года находятся в полном согласии с заключением прокурора Одесской судебной палаты Г. А. Евреинова от 16 (28) августа 1879 года, представленным в Департамент Министерства юстиции:

---

[41] Имеется в виду полковник Николай Федорович Пальшау, начальник Курского губернского жандармского управления.

[42] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 411. Л. 9–11. Докладная записка К. Г. Кнопа находится в составе дела под названием «По обвинению дворянина Николая Сомова в государственном преступлении», хранящегося в архиве III отделения собственной е. и. в. канцелярии (3-я экспедиция). Дело Сомова включает в себя различные документы, охватывающие период с 11 (23) июля по 19 (31) сентября 1879 года.

«Заключение
о дальнейшем направлении дела о сыне майора Николае Николаеве Сомове, обвиняемом в государственном преступлении

10 июля 1879 г. и. д. полициймейстера г. Одессы[43] препроводил начальнику Одесского жандармского управления[44] три протокола о беспорядке, произведенном на одесском Приморском бульваре сыном майора Николаем Николаевым Сомовым.

При производстве дознания спрошенный в качестве свидетеля околодочный надзиратель Викторов показал, что 10 июля он был назначен в наряд на городской бульвар, куда и прибыл в 6 часов вечера. В 8 ½ часов вечера, когда заиграла музыка, из-за стоявшего неподалеку от него жандарма выскочил на средину большой аллеи бульвара неизвестный молодой человек (оказавшийся впоследствии сыном майора Николаем Сомовым) и, подбросив вверх свой картуз, крикнул: „Да здравствуют ребята! у нас нет Царя!.. вот когда восторжествует истина!“

Услышав это, он, Викторов, подбежал к Сомову, накинул на него свою шинель и при помощи находившихся вблизи жандармов и двух городовых, Дынкина и Марказина, усадил его на дрожки. В это время шинель спала с головы Сомова, и он крикнул, обращаясь к публике: „Прощайте, ребята! не робейте!.. Вот когда восстали новые мученики“.

Во время пути Сомов боролся и пальто часто спадало у него с головы; при каждом таком случае он кричал проходившей публике: „Не робейте, ребята! Государя нет!..“

Показание Викторова вполне подтвердили свидетели Шишков, Дынкин и Марказин.

Свидетель околодочный надзиратель Лютковский показал, что он был дежурным по участку 10-го июля, когда был доставлен Викторовым Сомов, который сначала вел себя смирно, но когда он, Лютковский, начал его обыскивать, то Сомов начал ругать всех бывших в комнате шпионами и сказал, что они хотят присвоить себе его часы. Затем прибыл в управление полициймейстера г. одесский градоначальник,[45] и когда туда же вели Сомова, то он пытался бежать, а по поимке его начал кричать: „Ребята, сюда на помощь! да восторжествует истина!“ На вопросы градоначальника о его звании и месте жительства он ответил, что он сын дворянина Николай Сомов и остановился в гостинице „Штутгардт“, а затем заявил, что более ничего не желает отвечать, причем, обращаясь к градоначальнику и и. д. полициймейстера Лохвицкому, прибавил: „Вы все шпионы, во всех вас нет истины; ну, чего вы приглядываетесь, вы бы хорошенько всмотрелись в себя“.

Спрошенный в качестве обвиняемого сын майора Николай Сомов отказался давать какие-либо показания.

Во время производства дознания Сомов находился в возбужденном состоянии, и обнаруженные в его поведении странности подали повод предположить ненормальность его умственных способностей. Вследствие этого смотрителю Одесского тюремного замка,[46] куда был препровожден обвиняемый Сомов, было предписано иметь особое за ним наблюдение и внимательно и мягко с ним обращаться.

Отношением от 13 июля сего года за № 2606 смотритель Тюремного замка донес начальнику Одесского жандармского управления, что Сомов 12 июля, раздевшись нагим, стучал в дверь камеры и кричал сторожевым солдатам: „Убейте меня за свободу

---

[43] Имеется в виду коллежский советник Петр Андреевич Лохвицкий, помощник одесского полицеймейстера Владимира Платоновича Перелешина. Именно Лохвицкий исполнял должность полицеймейстера по случаю отпуска своего начальника со 2 (14) по 19 (31) июля, т. е. в самый разгар истории с Сомовым (см.: Одесский листок объявлений. 1879. 3 июля. № 143. С. 1; Ведомости одесского градоначальства. 1879. 3 июля. № 143. С. 2; 20 июля. № 158. С. 2).

[44] Имеется в виду полковник Карл Германович Кноп.

[45] Имеется в виду генерал-лейтенант Александр Константинович Гейнс, одесский градоначальник в 1878–1880 годах.

[46] Имеется в виду титулярный советник Филипп Стахиевич Зубачевский (см.: Памятная книжка Одесского градоначальства на 1879 год / Изд. Одесского статистического комитета. Одесса, 1878. С. 71).

и истину!“ Для усмирения он был связан и положен на тюфяк, а по прошествии некоторого времени в его камере был замечен дым, а затем оказалось, что Сомов причинил себе значительные обжоги на разных частях тела посредством находившейся в его камере лампы. Немедленно ему была подана необходимая медицинская помощь, но 14 июля в 7 часов утра Сомов умер.

На основании изложенного и ст. 1045 Уст<ава> угол<овного> суд<опроизводства> изд<ания> 1876 г.[47] предполагается настоящее дело за смертью обвиняемого прекратить.

Составлено 16 августа 1879 года.
Прокурор Одесской судебной палаты Евреинов».[48]

Нетрудно заметить, что и докладная записка К. Г. Кнопа, и официальное заключение Г. А. Евреинова не вполне согласуются с версией, изложенной в одесской корреспонденции из статьи Сарсе. Отмеченные в «письме очевидца» противоречия, касающиеся содержания Сомова в тюрьме, и в то же время уникальные подробности, отсутствующие во всем корпусе выявленных нами газетных публикаций, не позволяют сделать твердого вывода о том, кем же на самом деле являлся неизвестный очевидец. Как уже говорилось выше, им мог быть кто-то из родственников или знакомых Колбасина, в особенности тот, кто был близок к тюремной администрации, полиции или судебным кругам. Очевидцем мог быть, например, и кто-то из врачей, присутствовавших при вскрытии. Круг знакомств Колбасина среди одесских врачей был неизбежно широк. Находясь с конца 1860-х годов на службе в Министерстве финансов в качестве старшего ревизора Таврического акцизного управления, он из-за расстроенного здоровья и резкого ухудшения зрения регулярно брал длительные отпуска; затем, в ноябре 1876 года, был вынужден перевестись в Департамент неокладных сборов, а 24 декабря того же года и вовсе уволился «по болезни».[49]

Вполне вероятно, что и сам Колбасин мог внести в присланный ему из Одессы текст какие-то изменения или даже отредактировать его. На это указывает уточнение в самом начале письма: «Молодой человек по фамилии Сомов (а не Сорнов) <...>», явно предназначавшееся для французского читателя.[50] Именно в ряде французских изданий, в том числе авторитетных, фамилия Сомова, как уже говорилось, печаталась с данным искажением. Помимо упомянутой «Le Globe», опечатку повторили в том числе «Le Courrier du soir» 29 июля (10 августа),[51] «Journal des débats» 30 июля (11 августа)[52] и «La Presse» 2 (14) августа.[53] Судя по датам выхода газет, анонимный очевидец вряд ли успел бы заприметить данную опечатку во французской прессе, а если бы и заприметил, то никак не смог бы сообщить о ней в своем письме Колбасину, поскольку это означало бы, что корреспонденция была отправлена им 29 июля (10 августа) или позднее, что хронологически крайне маловероятно. Гораздо более правдо-

[47] Согласно ст. 1045 Устава уголовного судопроизводства издания 1876 года (Кн. III. Разд. II «О судопроизводстве по государственным преступлениям»), «всякое дознание представляется, по его окончании, прокурором судебной палаты министру юстиции» (см.: Свод законов Российской Империи. СПб., 1876. Т. 15. Ч. 2. С. 147).

[48] РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7810. Л. 8–9. Заключение Г. А. Евреинова находится в составе дела под названием «О сыне майора Николая Сомова», хранящегося в архиве Министерства юстиции (II уголовное отделение. Стол политических дел). Дело Сомова включает в себя различные документы, охватывающие период с 11 (23) июля по 25 сентября (7 октября) 1879 года.

[49] См.: Там же. Ф. 574. Оп. 7. Д. 544. Л. 22 (аттестат Е. Я. Колбасина).

[50] Е. Я. Колбасин владел немецким и французским языками и вообще был, по-видимому, полиглотом — в этом убеждает, например, нетривиальная статья «Иеремиады эстетиков и общественный прогресс» (Одесский вестник. 1885. 29 авг. (10 сент.). № 192. С. 2–4), ставшая его лебединою песнью.

[51] Le Courrier du soir. 1879. 10 août. P. 3.

[52] Journal des débats. 1879. 11 août. P. [2].

[53] La Presse. 1879. 14 août. № 245. P. [2].

подобным представляется вывод о том, что уточнение было внесено самим Колбасиным, который должен был отправить Тургеневу в Буживаль готовую корреспонденцию о Сомове не позднее 2 (14) августа.

Всегда «глубоко огорчаясь несправедливостию и грубым насилием»,[54] Колбасин, разумеется, не мог не откликнуться на доставленное ему «письмо очевидца». Обличительный пафос письма был, по-видимому, полностью созвучен его умонастроениям конца 1870-х годов. Именно в это время, по словам Василия Сухомлина, приемного сына Елисея Яковлевича, в убеждениях Колбасина произошел «решительный поворот»:

«К чести моей матери надо сказать, что она, а под ее влиянием и вотчим, не закостенели в своем предубеждении к молодежи. Решительный поворот в их настроении произошел после появления в „Вестнике Европы“ романа Тургенева „Новь“. Мать была в восторге от этого романа и с тех пор стала горячо защищать молодежь против обычных обвинений в отсутствии у нее идеализма и в других грехах. Затем, после таких событий, как казанская демонстрация и особенно выстрел В. И. Засулич и ее оправдание судом присяжных, не только мать, но и более консервативный вотчим совершенно переменили фронт. Любимым журналом вместо „Вестника Европы“ стали „Отечественные записки“, при получении которых первыми разрезывались и прочитывались статьи Елисеева, Михайловского и Щедрина. Вотчим стал терять зрение, и читать ему приходилось матери и мне. Я охотно исполнял эту обязанность, так как каждая прочитанная статья служила поводом Колбасину, прекрасному рассказчику, делиться своими воспоминаниями о Тургеневе, Некрасове, Панаеве и других литераторах. Естественно, что, имея таких воспитателей, как мать и вотчим, мне не трудно было с юных лет поставить целью своей жизни борьбу за политическую свободу и социализм».[55]

В начале нашей статьи мы процитировали два письма Тургенева к Колбасину и поставили перед собой вопрос: какую же корреспонденцию передал Тургенев во французские газеты? Из самих писем прямо или косвенно вытекали следующие параметры поиска: 1) искомая корреспонденция должна была быть напечатана либо в «Le XIXe siècle», либо в «Le Voltaire»; 2) она должна так или иначе соотноситься с личностью Е. Я. Колбасина; 3) содержание ее должно быть «ужасно, потрясающе»; и, наконец, 4) корреспонденция должна была появиться в газетах, вышедших после 9 (21) августа 1879 года, в самое скорое время. Произведенные нами разыскания показывают, что только «письмо очевидца» из статьи Сарсе от 15 (27) августа 1879 года непротиворечиво согласуется со всеми заданными параметрами. Именно это письмо оперативно перевел Тургенев и именно его немедленно передал в газету «Le XIXe siècle».

Статья Сарсе, как, по-видимому, и рассчитывал Тургенев, мгновенно произвела ощутимый эффект. Уже 15 (27) июля, в формальный день выхода номера «Le XIXe siècle», сразу несколько парижских газет целиком перепечатали переведенное Тургеневым «письмо очевидца», в ряде случаев сопроводив его примечательными высказываниями.[56] Характерно, что именно «письмо очевидца» составило львиную долю всех перепечаток; рассуждения же Сарсе о «физиологическом эффекте», помещенные вслед за одесской корреспонденцией, остались почти без внимания.[57]

---

[54] Ср.: «Будучи человеком доброго сердца и впечатлительного характера, Елисей Яковлевич умел обласкать и направить всех обращавшихся к нему к плодотворному труду и честной деятельности, глубоко огорчаясь несправедливостию и грубым насилием, не говоря уже о материальной помощи нуждающимся, чем только мог» ([Колбасин Д. Я.?]. Елисей Яковлевич Колбасин [Биографический очерк] // Одесский вестник. 1885. 3 (15) нояб. № 244. С. 4).

[55] Сухомлин Василий Иванович [Автобиография] // Энциклопедический словарь Русского библиографич. института Гранат. М., [1924]. Т. 40. Вып. 7–8. Социализм. Стб. 424.

[56] Le Constitutionnel. 1879. 27 août. № 239. P. 3; La Liberté. 1879. 27 août. P. 2, и др.

[57] Были, впрочем, и исключения. См. статьи, в которых размышлениям Сарсе отведено немало места: *Boubée S.* M. Sarcey juge les martyrs // La Gazette de France. 1879. 27 août. P. 2; *Paulon A.* M. Sarcey, vous êtes mal informé // Le Tintamarre. 1879. 14 septembre. P. 5.

О том, в каком свете ретранслировалась заметка Сарсе во французской печати, говорят уже самые заголовки некоторых статей — «La Terreur en Russie» («Террор в России»),[58] «Atrocités de la tyrannie russe» («Зверства русской тирании»)[59] и т. п. Австрийские издания, наиболее оперативно откликнувшиеся на публикацию из «Le XIXe siècle», представили «письмо очевидца» несколько иначе, а именно в контексте напряженных русско-немецких отношений.[60] В политизированном контексте выступила чуть позже и германская печать. Например, ведущее берлинское издание «Vossische Zeitung», перепечатавшее перевод из венской «Die Presse» без указания на источник, увидело в истории Сомова «красноречивое известие», свидетельствующее о «бесчеловечном обращении с политическими заключенными в России».[61] Любопытно, однако, что во всей немецкоязычной прессе «французское, слишком французское» рассуждение Сарсе о «физиологическом эффекте» (с мимолетным германофобским выпадом) было полностью проигнорировано.

Стоит особо подчеркнуть, что в русской печати каких-либо откликов на статью Сарсе не выявлено. Трудно сказать, в чем причина такого молчания. Дело, конечно, может объясняться тем, что история с Сомовым уже нашла отражение на страницах отечественной печати и что для русского читателя в изложении Сарсе не содержалось ничего принципиально нового. Не исключено, однако, что молчание было вызвано либеральной направленностью «Le XIXe siècle», материалы которой, в особенности статьи, освещавшие то или иное политическое дело, почти не попадали на страницы русских газет.

Примечательно, что ни в русской, ни в европейской периодике 1879 года мы не найдем ни малейших сведений о самом Сомове. Первоначально о нем говорится как о некоем безымянном «социалисте», и только впоследствии всплывает его фамилия. Кто же этот человек? Как его зовут? Откуда он родом? На все эти вопросы тогдашний читатель не смог бы отыскать и тени ответа. Между тем до нас дошли архивные источники, к которым прежде всего следует отнести дело «О политическом преступнике Н. Сомове, умершем 14/VII с/г в Одесском тюремном замке», хранящееся в архиве секретного стола канцелярии одесского градоначальника.[62] В настоящее время данное дело для нас недоступно — препятствие, хотя и огорчительное, но все же преодолимое. Принимая во внимание механику ведения и рассмотрения политических дел в 1870-е годы, основные материалы, содержащиеся в том или ином политическом деле локального уровня, должны были быть отражены в документах, поступавших в вышестоящие инстанции. Действительно, в архиве Министерства юстиции, занимавшемся рассмотрением политических дел по существу, хранится дело «О сыне майора Николая Сомова», уже упомянутое нами выше, а также сопутствовавший ему «Справочный листок об обвиняемом в государственном преступлении».[63] Сверх того, имеются и секретные документы III отделения собственной е. и. в. канцелярии, в чьем ведении находился политический сыск. Здесь, в бумагах 3-й экспедиции, сохранилось дело «По обвинению дворянина Николая Сомова в государственном преступлении»[64] и, что са-

[58] La Lanterne. 1879. 28 août. № 859. P. 2.

[59] L'Indépendant de la Charente-Inférieure. 1879. 30 août. № 4325. P. 2.

[60] Die Presse. 1879. 28. August. № 237 (Abendblatt). S. 3 («Wenn die russische Presse nicht im Augenblicke ganz von ihrer Deutschenfresserei in Anspruch genommen wäre, möchten wir sie um ihre Ansicht über ein Dokument bitten, welches Herr Francisque Sarcey im „XIX. Siècle" veröffentlicht»).

[61] Königlich privilegirte Berlinische Zeitung [= Vossische Zeitung] (Morgen-Ausgabe). 1879. 29. August. № 241. S. 3 («Ebenfalls aus Odessa kommt eine Enthüllung, welche zeigt, wie gerechtfertigt die jüngst im englischen Parlament gegen Rußland erhobene Anklage gewesen ist, daß es seine politischen Gefangenen mit raffinirter Grausamkeit behandele»).

[62] Государственный архив Одесской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1696. Точное указание на местонахождение этого дела в ГАОО впервые дано в кн.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 213, прим. 26.

[63] См. соответственно: РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7810; Ф. 1405. Оп. 540. Д. 49. Л. 293–293 об.

[64] См.: ГА РФ. Ф. 109. Оп. 164. 3-я экспедиция. 1879 г. Д. 411.

мое ценное, т. н. «справка III отделения» с персональными данными на Сомова.[65] Она находится в алфавитном каталоге революционных деятелей 1870-х годов, составленном для внутреннего пользования в Департаменте полиции. Подобные «справки», представляющие собой выписки из дел того или иного лица, подозреваемого в государственном преступлении, до сих пор являются неиссякаемым источником информации для всех историков, изучающих социалистическое движение в России 1870-х годов.

Впервые данные из справки III отделения по делу Сомова были привлечены в конфиденциальном отчете, составленном князем Н. Н. Голицыным по заказу Министерства внутренних дел.[66] Отчет этот, вышедший ограниченным тиражом в сто экземпляров и предназначавшийся исключительно для внутреннего пользования, носил по необходимости обзорный характер и был далек от полноты. Более детально сведения из справки III отделения были учтены А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, составителями словаря «Деятели революционного движения в России».[67] Ленинградские археографы проделали немалую работу по выявлению архивных и печатных материалов, так или иначе связанных с делом Сомова, однако из-за требований экономии, обычных для словарного жанра, они были вынуждены представить свои разыскания в сильно препарированном виде, с неизбежными пропусками и изъятиями. В полном виде справка III отделения по делу Сомова публикуется впервые:

«*В III Отделение Собственной*
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
Канцелярии
Июля 24 дня 1879 года
№ 849

Фамилия, имя и отчество. Сомов, Николай Николаев.
Звание, происхождение, народность и вероисповедание. Сын умершего майора, потомственный дворянин Курской губ., Новооскольского уезда, русский. Православного.
Место рождения и место постоянного жительства. Родился в деревне Цепляевой, Новооскольского уезда. Жительство имел в г. Курске, но в мае сего года выехал в Киев, откуда в июле прибыл в Одессу, где и польз<овался> лиманным лечением.
Занятие. Определенных занятий никаких не имел.
Средства к жизни. Жил на средства, получаемые им от матери.
Экономическое положение родителей. Отец умер лет 15 назад, а мать Людмила Павловна Сомова живет в Курске на проценты с небольшого капитала.
Семейное положение заподозренного. Холост.
Место воспитания и на чей счет воспитывался. 10-ти лет поступил в Корочанскую (Курской губ.) прогимназию, где пробыл 3 года, и с переездом его семейства

---

[65] См.: Там же. Оп. 230. Справки III отделения. Д. 7803.

[66] Именно здесь впервые в печати было названо имя Сомова и раскрыты некоторые детали его биографии: «Можно указать еще на один случай, как на факт необычайный, как на отчаянный поступок, характеризующий степень фанатизма, на который были способны революционеры; случай этот имел место в одесской тюрьме. Молодой арестант, Николай Сомов (21 год), дворянин Курской губернии, который упорно отказывался сообщить данные о своей личности, прибег к самоубийству, зажегши на себе одежду; он получил такие ужасные обжоги, что вскоре умер» (впервые: Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878–1887 / [Par le Prince N. N. Golitsyne]; Rédigée sous la direction du l'adjoint du Ministre de l'intérieur, le lieutenant-général Schébéko. [St.-Pétersbourg], 1890; цит. по: Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. Официальный отчет / [Сост. кн. Н. Н. Голицын; под ред. ген.-лейт. Н. И. Шебеко]. М., 1906. С. 97).

[67] Сомов Николай Николаевич // Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. М., 1932. Т. 2. 1870-е гг. / Сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой. Вып. 4. С–Я. Стб. 1574. Статья о Сомове, несмотря на неполноту и отдельные неточности (так, здесь указано, что Сомов родился в «дер. Циплясской», хотя деревни с таким названием никогда не существовало), сохраняет, тем не менее, свою справочную ценность и по сей день.

в Курск поступил в гимназию, где пробыл 3 года и вышел в 1873 году, воспитывался на счет матери.

Причины неокончания курса в случае выхода из заведения с указанием и самого заведения. Из Курской классической гимназии вышел по болезни — по случаю сильных приливов к голове и по малокровию.

Был ли за границею, где и когда именно. Не был.

Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены. В Киеве содержался по какому-то политическому делу под арестом при полиции 1 ½ недели в мае сего года и, по допросе его в Жандармском управлении, был освобожден.

В чем обвиняется, заподозрен или уличен. В преступлении, предусмотренном 252 ст. Улож<ения> о наказ<аниях>.

Принятая мера пресечения. 11-го сего июля был заключен в Одесский тюремный замок, а 14 числа умер в оном от причиненных им себе сильных обжогов.

Подпись: Помощник начальника Одесского жандармского управления штабс-капитан Иванов.

<Рукой Иванова на полях:>

Примечание: Ведомость эта составлена со слов сестры Сомова, так как сам Сомов отказался дать какое-либо показание».[68]

Сведения об отце Сомова, приведенные выше, крайне скудны и могут быть дополнены по другим источникам. Так, из материалов, хранящихся в РГВИА, следует, что Николай Никанорович Сомов (1802 — после 1863) некогда служил в Финляндском драгунском полку.[69] Когда Н. Н. Сомов-старший получил звание майора — доподлинно неизвестно. В открытых источниках начала 1860-х он уже значится как «майор».[70] В конце 1850-х — начале 1860-х годов майор Сомов владел небольшим имением в селе Цепляево Новооскольского уезда Курской губернии (за ним здесь числилось 22 души).[71] Там же, в селе Цепляево (нынешнее название — Первое Цепляево Шебекинского района Белгородской области), в 1858 или 1859 году родился у него единственный сын — Николай. Какие-либо сведения о сестрах Сомова,[72] а также о его матери, Людмиле Павловне Сомовой, отыскать не удалось.

Даже имея на руках все архивные материалы по делу Сомова, все равно приходится признать, что мы не в силах твердо ответить на ряд вопросов: был ли Сомов психически здоров или ненормален? состоял ли он в рядах социалистов или действовал в одиночку, по собственной воле? что именно выкрикивал Сомов и чего хотел добиться? как случилось самосожжение? Данные, имеющиеся на этот счет как в печатных, так и в архивных источниках, крайне противоречивы.

Версия о возможном помешательстве Сомова, представленная в целом ряде проправительственных изданий, вызвала предсказуемое недоверие среди людей, обыкно-

---

[68] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 7803. Л. 1.

[69] «Формулярный список Финляндского драгунского полка о службе и достоинстве поручиков» от 1 января 1826 года содержит в себе следующие данные: «Николай Никаноров сын Сомов — из дворян Курской губернии. Российской грамоте читать и писать умеет и арифметику знает. Юнкер — 1820 сентября 10. Прапорщик — 1821 июня 28. Поручик — 1824 марта 21» (РГВИА. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 144. Л. 6 об. — 7).

[70] См.: Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (за 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). СПб., 1862. Т. 1. С. 261.

[71] См.: Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. 1. С. 168. В Государственном архиве Курской области (Ф. 68. Оп. 1. № 614) имеется «Дело по прошению новооскольского помещика майора Н. Н. Сомова о причислении его к мелкопоместным» за 11 января — 16 марта 1862 года. За сведения из ГАКО и РГВИА сердечно благодарим М. Г. Сомова, составителя генеалогической таблицы рода Сомовых.

[72] В «Справочном листке об обвиняемом в государственном преступлении», заведенном на Сомова в Министерстве юстиции, значится, что он «имеет мать и пятерых сестер»; здесь же, в графе «Возраст (в какое время)» указано: «20 лет (в июле 1879)» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 540. Д. 49. Л. 293).

венно склонных принимать в штыки любое официальное сообщение. Недоверие это нашло отражение и у Сарсе, во вступительной части к «письму очевидца». Необходимо, впрочем, заметить, что указанная версия могла бы действительно показаться сомнительной, если бы не шифрованная телеграмма от 11 (23) июля 1879 года, посланная в Министерство юстиции прокурором Одесской судебной палаты: «Вчера вечером на гулянье некий Сомов, по-видимому помешанный, обращался к публике с бессвязными революционными воззваниями».[73] Можно, конечно, предположить, что версия о безумии Сомова была сфабрикована в прокурорской среде задним числом только затем, чтобы покрыть зверства тюремщиков, однако предположение это опровергается одним единственным фактом: телеграмма Г. А. Евреинова была отправлена тотчас после ареста Сомова, за несколько дней до трагедии. Примечательно, что идентичной была и оценка самого Александра II, узнавшего о задержании Сомова из шифрованной депеши начальника Одесского жандармского управления К. Г. Кнопа на имя А. Р. Дрентельна от 11 (23) июля 1879 года: «Приезжий из Курска Николай Сомов вечером на гулянье кричал, что нет у нас Царя, что истина восторжествует; арестован, отказывается от показаний, от пищи, дерзок, — дознание начато». Ознакомившись с донесением Кнопа, император оставил на нем следующую запись: «не сумасшедший ли он?».[74]

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о том, действительно ли Сомов являлся «социалистом» или радикалом, как его пытались представить и в русской, и в иностранной прессе. Документы Министерства юстиции, как и материалы III отделения, однозначного ответа на этот вопрос не дают. Не дает его и радикальная печать, от которой можно было бы ожидать неподцензурного освещения интересующих нас событий.

Так, женевские социалисты на страницах газеты «Le Révolté» от 11 (23) августа 1879 года поместили собственный отчет об одесском инциденте. Любопытно, что Сомов фигурирует в нем как «молодой социалист» («jeune socialiste»). Определение это, надо полагать, было почерпнуто из русских газет. Прочие подробности, представленные в женевском листке, также находятся в созвучии с сообщениями из русской прессы. Между тем примечателен финальный пассаж, оставленный анонимным корреспондентом «Le Révolté»: «Некоторые журналисты пытаются представить дело так, будто Сомов был сумасшедшим: они не говорят об этом прямо, как об установленном факте, но всячески намекают на это. Мы же, со своей стороны, полагаем, что для Сомова, с которым обращались хуже, чем с собакой; затравленного тюремщиками до полного исступления; избитого до потери сознания; связанного по рукам и ногам; принужденного под влиянием физического воздействия подчиниться диктату столь ненавидимой им власти; для Сомова, повторяем, это ужасное самоубийство было единственным способом отомстить своим палачам и рассказать всему миру, что такое русская тюрьма. Врачи, проводившие вскрытие Сомова, подтверждают, что мозг его найден совершенно в нормальном здоровом состоянии».[75]

Случай с самосожжением Сомова был также подробно изложен в первом номере «Народной воли», вышедшем 1 (13) октября 1879 года. Предложенная в этом издании версия не слишком расходится с официальной и в значительной мере близка к изложенной в «письме очевидца», хотя и сообщает ряд новых подробностей: например, здесь упоминается о том, что Сомов прибыл в Одессу из Курска (сведения эти могли

[73] РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7810. Л. 1.

[74] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 164. 3-я экспедиция. 1879 г. Д. 411. Л. 1.

[75] Ср.: «Certains journalistes cherchent à faire croire que Somoff était fou: ils hésitent de l'affirmer, ils l'insinuent. Quant à nous, nous comprenons que pour Somoff, maltraité pire qu'un chien, assommé par les gardiens furieux, garroté, réduit par la force physique à subir le pouvoir de ces institutions qu'ils haïssait de toutes ses forces, cet horrible suicide fut l'unique moyen de se venger de ses bourreaux et de dire au monde entier ce que c'est qu'une prison russe. L'autopsie et l'enquête médicale confirment que l'état du cerveau de Somoff était parfaitement sain» (Le Révolté. 1879. 23 août. № 14. P. 4).

быть получены только из кулуарных источников). Однако при этом Сомов не называется ни социалистом, ни революционером и вообще не квалифицируется как член того или иного радикального движения: «Вот еще факт, вполне дорисовывающий картину. Некто Сомов, недавно приехавший из Курска в Одессу, подвергся почему-то самому докучливому полицейскому надзору: шпионы буквально ходили за ним по пятам; и вот, однажды, когда он гулял по Приморскому бульвару, где по вечерам обыкновенно так много народу, что в толпе очень легко скрыться, шпионы, боясь потерять его, кликнули жандармов и велели арестовать его. Жандармы предложили Сомову следовать за ними, но тот отказался идти добровольно и, возмущенный подобной наглостью, обратился к публике с речью, в которой указывал ей на безвыходность положения всякого русского гражданина при современной разнузданности полицейских властей. Едва он успел сказать это, как на него накинулись жандармы и, осыпая всевозможными оскорблениями, потащили с собой; когда наконец он был привезен в тюремный замок, то тело его было покрыто синяками, а одежда буквально изорвана в клочки; там, избитого, полуживого, втолкнули его в грязную коморку, где не было даже тюфяка, чтобы лечь. Нервное потрясение, испытанное им после всех перенесенных оскорблений, было так сильно, что он в ту же ночь решился покончить с жизнью. Не имея под рукой никаких более удобных средств к исполнению своего намерения, он сжег себя при помощи тюремной керосиновой лампы».[76]

В той же народовольческой среде циркулировали и альтернативные точки зрения на причину смерти Сомова. Отдельно стоит упомянуть недатированное письмо В. С. Ефремова (1854–1915), арестованного за попытку освобождения из Харьковской тюрьмы Медведева (Фомина). Осенью 1879 года, по пути на каторгу, он сообщал своим товарищам: «...в Одессе во время гулянья из толпы выступил молодой человек (Сомов) и произнес собравшейся толпе речь, где порицает действия правительства. Его арестуют, садят, угощают прикладами и избивают до смерти, а чтобы скрыть, распускают слух, что он сжег себя, обливши себя керосином и зажегши. В подтверждение отбирают спички от тюремщиков. Но это, как передают одесситы, ложь: в продолжение 4-х дней были слышны из камеры Сомова крики: „О мать моя!“ Этого Сомова никто из радикалов не знал; очевидно — это самород, выработанный последними событиями. Дай Бог больше Сомовых, но без их конца!»[77]

Письмо Ефремова представляет особый интерес сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, из него опять-таки следует, что в радикальных кругах никто о Сомове не знал. Во-вторых, бросается в глаза принципиально иная версия обстоятельств его кончины. Эти сведения, будто бы записанные со слов неназванных «одесситов», уникальны по своему содержанию, однако их уникальность не поддерживается никакими документальными источниками.[78] Тем не менее данная версия нашла отражение в из-

[76] Народная воля. 1879. 1 окт. № 1. Цит. по: Литература социально-революционной партии «Народной воли». [Paris], 1905. С. 56–57.

[77] Архив «Земли и воли» и «Народной воли» / Подг. к печати и снабдили прим. В. Р. Лейкина и Н. Л. Пивоварская. М., [1932]. С. 285. Все даты по делу Сомова, приведенные в именном указателе к этому изданию, неверны (см.: Там же. С. 437).

[78] В секретном представлении прокурора Одесской судебной палаты Г. А. Евреинова на имя министра юстиции Д. Н. Набокова от 22 июля 1879 года особо подчеркивалось, что к смерти арестованного Сомова привело преступное бездействие тюремного начальства, а не те или иные противоправные действия с его стороны: «В дополнение к представлению от 12 сего июля за № 357, имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что заключенный в Одесский тюремный замок Николай *Сомов* 12 числа сего же июля месяца произвел в камере беспорядок, разделся донага, кричал солдатам, чтобы его убили за свободу и истину. Вследствие этого тюремное начальство распорядилось его связать и положить на тюфяк, а около него была поставлена керосиновая лампа. / Несмотря на очевидные признаки расстройства, Сомов был оставлен без надлежащего присмотра, последствием чего было, что он зубами снял стекло от лампы и зажег на себе белье. В камеру его вошли только тогда, когда из нее стал распространяться сильный запах гари по коридору, при чем нашли Сомова сильно обгоревшим. От последствий этих обжогов Сомов умер. / Донося о вышеизложенном Вашему Высокопревосходительству, имею честь присовокупить, что о неправильных в данном случае распоряжениях и преступном бездействии власти тюремного начальства, имевших столь печальные послед-

вестной хронике В. Л. Бурцева (без ссылок на источники и, вероятнее всего, на основании письма Ефремова),[79] откуда впоследствии перекочевала в словарь «Деятели революционного движения в России».

Противоречивость ходивших в одесском обществе слухов об истинной причине смерти Сомова зафиксировал и специальный корреспондент газеты «Голос», отметивший в обобщающей заметке от 2 (14) августа, что «самосожжение Сомова возбудило в городе различные толки; вариации слухов на эту тему чрезвычайно различны». Дав наиболее подробное, подневное изложение хода событий, он подчеркнул, что обстоятельства самосожжения остаются не до конца проясненными, поскольку «точных данных нет и не может быть», и вынужденно констатировал: «Этот чрезвычайный случай замечательного самоубийства так и канет в вечность без достаточного освещения».

Возвращаясь к Тургеневу и его роли в представленной истории по делу Сомова, необходимо заключить, что обнаруженная нами публикация в газете «Le XIXe siècle», содержащая в себе неизвестный ранее перевод Тургенева, не только позволяет реконструировать новый эпизод в биографии писателя, но и реанимирует ряд тем, утративших свой прежний статус из-за смены идеологических вех, например, «Тургенев и радикальная молодежь 1870-х годов».[80]

И в делах, уже хорошо известных, и в новонайденном деле Сомова, Тургенев предстает перед нами человеком, всегда готовым вскрыть очередной симптом «того невозможного, небывалого состояния, в котором находится теперь Россия». Нет нужды при этом говорить, что Тургенев, содействуя появлению той или иной «симптоматической» публикации, никогда не выпячивал свое имя и никогда не искал себе славы записного обличителя. Случай с Сомовым — яркое тому доказательство.

История с французской газетой также невольно подводит нас к вопросу: а все ли мы знаем об анонимном и скрытом участии Тургенева в иностранной печати? возможны ли еще неизвестные эпизоды, подобные приведенному выше? Работа над очередными томами Писем для второго академического издания, которая идет полным ходом и еще не завершена[81] (новые письма писателя появляются на зарубежных и отечественных аукционах ежегодно!), показывает, что не только введение в академический оборот ранее неизвестной корреспонденции, но и ревизия уже введенных в оборот писем — все это, вне всякого сомнения, даст нам еще немало «неизвестного Тургенева».

В помещаемое ниже приложение включены основные публикации по делу Н. Н. Сомова, выявленные в русской печати за июль–август 1879 года. Все материалы републикуются впервые.[82]

ствия, мною сообщено на распоряжение одесского градоначальника» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7810. Л. 4–4 об.).

[79] За сто лет (1800–1896): Сб. по истории политических и общественных движений в России: В 2 ч. / Сост. Вл. Бурцев. London, 1897. Ч. 2. С. 102 («...27 июля † (так! — *В. Л.*, *В. С.*) в одесской тюрьме Сомов (сжег себя, по другим сведениям, после побоев тюремная администрация сожгла его)»).

[80] О намерении Тургенева окончательно вернуться в Россию и включиться в политическую жизнь страны, возникшем у писателя в первой половине 1879 года после интенсивного общения в Москве и Петербурге с революционно настроенной молодежью, см.: *Генералова Н. П.* Невероятное путешествие И. С. Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 76–96.

[81] Так, только в состав подготавливаемой ныне первой книги семнадцатого тома, которая охватывает всего год — с 1 (13) июля 1879 по 30 июня (12 июля) 1880 года, включаются свыше семидесяти новых писем к тридцати различным адресатам.

[82] Приносим глубокую благодарность И. А. Кузьминой за помощь в разыскании материалов, помещенных на страницах газет «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Новое время», «Молва».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русская печать о «деле Сомова»

1

Обманутые надежды социалиста. Во вторник[1] на бульваре, во время гулянья публики (играла музыка) арестовали одного господина, который сначала прокричал какие-то безобразно-нелепые слова, а потом, когда был задержан, стал вопить, чтобы публика его спасла, заступилась за него: «Не давайте меня, русский народ, арестовать, заступитесь, меня ведут на эшафот, не я первый и не последний», и т. п. речи произносил арестованный субъект и в ответ на все это получил полнейшее доказательство несочувствия публики. Не только никто ни единым словом не вмешался в распоряжение администрации об арестовании, напротив, одни помогали арестованного усадить на дрожки, другие кричали: «Поделом, сумасшедший», и т. п. Да когда же образумятся эти несчастные подонки общества и убедятся в том, что им никто из общества не сочувствует и что они представляют жалкое исключение?

Новороссийский телеграф. 1879. 12 (24) июля. № 1303. С. 2. Перепеч.: 1) Правда (Одесса). 1879. 13 (25) июля. № 153. С. 2; 2) Московские ведомости. 1879. 18 (30) июля. № 183. С. 3 (в сокращении); 3) Новое время. 1879. 19 (31) июля. № 1216. С. 4 (контаминация с заметкой «Новороссийского телеграфа» от 15 (27) июля).

[1] Т. е. 10 июля.

2

Смерть социалиста. Как нам сообщают, молодой человек, который был арестован полициею во вторник,[1] на бульваре (во время гулянья публики), где он прокричал какие-то безобразно-нелепые слова, во все время своего нахождения в одесском тюремном замке морил себя голодом, пытался сжечь себя и вообще замечалось у него умопомешательство. Вчера, в субботу,[2] утром, он, наконец, умер.

Новороссийский телеграф. 1879. 15 (27) июля. № 1306. С. 2. Перепеч.: 1) Новое время. 1879. 19 (31) июля. № 1216. С. 4 (контаминация с заметкой «Новороссийского телеграфа» от 12 (24) июля); 2) Русские ведомости. 1879. 19 (31) июля. № 181. С. 1 (с изменениями: выкрики Сомова приведены по заметке из «Голоса» от 16 (28) июля).

[1] Т. е. 10 июля.

[2] 14 июля.

3

Одесса, *11-го июля* (*корреспонденция «Голоса»*). — Вчера, 10-го июля, в 8 ½ часов вечера, на Николаевском Приморском бульваре, когда, по обыкновению, играла музыка, из толпы народа возле беседки, где играют музыканты, взвивается наверх шапка, потом летит туда же и пальто и какой-то молодой человек, лет 20-ти, начинает что-то громко провозглашать. Вся публика обратила на него внимание, но в тот же момент полицейские тащили его уже на дрожки, конечно, для отправки в полицию. Хотя я был всего на расстоянии десяти шагов от места происшествия, но до моего слуха долетали только отрывочные фразы: «Во имя свободы!.. истина восторжествует... я пропал... я мученик... прощайте!» Хотя от момента взятия молодого оратора, очевидно, или больного, или слишком нафанатизованного, до отправления его в полицию прошло не более трех минут, но вся площадь перед памятником герцога Ришельё была запружена публикою, которая потом так же скоро и спокойно разошлась гулять по бульвару.

Голос. 1879. 16 (28) июля. № 195. С. 3. Перепеч.: 1) С.-Петербургские ведомости. 1879. 17 (29) июля. № 194. С. 2 (со следующей подводкой: «Заразительны и душевные эпидемии, и ничего не было бы удивительного, если бы в числе наших революционных сумасбродов оказались простые маньяки. По-видимому, один из таковых попался в Одессе»); 2) Русские ведомости. 1879. 18 (30) июля. № 180. С. 1.

4

Причины смерти социалиста Сомова, о котором мы недавно сообщали. В воскресенье,[1] утром, в одесском тюремном замке, в присутствии и. д. прокурора одесского окружного суда и и. д. одесского полициймейстера, было произведено врачами Бернштейном, Генрихсеном, Розеном и Циммерманом 2-м вскрытие трупа Сомова с целью определения причин смерти, которая, как оказалось, произошла от полученных им обжогов. Обжоги эти произведены следующим образом: вечером, после поверки, когда камеры были заперты, дежурный ключник услышал запах дыму из камеры Сомова. Поднялась тревога и когда вошли в камеру, то застали Сомова сидящим над фотоженовою лампою, обжигающего себя. До чего обжоги были сильны, достаточно указать, что кисти рук совершенно обуглились, так что на пальцах обнажены кости; верхние части ягодиц и спина, почти до шеи, тоже совершенно обуглились. Во все время этой операции, ни после таковой в больнице, Сомов ни единым звуком не обнаружил физических страданий. Очевидно, что такие действия положительно могут изобличать ненормальное состояние умственных способностей. Тем не менее вскрывавшие врачи единогласно пришли к заключению, что вскрытием не обнаружено таких патологических изменений, которые бы указывали на ненормальное состояние умственных способностей Сомова. Что же это такое? Неужели достигший высшего развития фанатизм?

Новороссийский телеграф. 1879. 19 (31) июля. № 1309. С. 1. Перепеч.: 1) Правда (Одесса). 1879. 20 июля (1 авг.). № 159. С. 2; 2) Одесский листок объявлений. 1879. 20 июля (1 авг.). № 158. С. 1; 3) Одесский вестник. 1879. 21 июля (2 авг.). № 160. С. 2. Нем. пер.: Neue Freie Presse. 1879. (25. Juli) 6. August. № 5368 (Abendblatt). S. 2.

[1] Т. е. 15 июля.

5

Нам сообщают из **Одессы**: «12-го июля в здешнем тюремном замке один из арестантов секретной камеры, задержанный 9-го июля на бульваре за произнесение неприличных слов, снял со стены петролеумовую лампу и, воспламенив находившийся в ней керосин, сел на этот импровизированный костер для того, чтоб сжечь себя. Хотя покушение это было вовремя усмотрено, тем не менее, сумасшедший частью успел исполнить свое намерение: руки и еще некоторые другие части тела совершенно обгорели; надежды на его выздоровление нет. Говорят, что как во время задержания этого человека на бульваре, так и после того, он держал себя так, что давал основание предполагать в нем сумасшедшего. Его поместили в тюремный замок временно, до освидетельствования его надлежащим порядком. Несчастный умер на другой день, в семь часов утра, в страшных мучениях, прожив после учиненного им над самим собою аутодафе тридцать часов. Фамилия его Сомов; ему лет двадцать от роду».

Голос. 1879. 19 (31) июля. № 198. С. 3.

6

Нам пишут из **Одессы**: «10-го июля на Николаевском бульваре, во время гулянья публики, арестовали одного господина, который сначала прокричал какие-то

безобразно-нелепые слова, а потом, когда был задержан, стал вопить, чтобы публика его спасла, заступилась за него. Он был немедленно арестован и помещен в тюремный замок, в одиночную камеру впредь до освидетельствования его умственных способностей, о нормальности которых возбуждено сомнение со стороны прокурорской власти. Но несчастный заключенный (по фамилии Сомов) решился лучше покончить с собой и, за неимением под рукой какого-либо орудия, подвергнул себя ужасной смерти — самосожжению. С этой целию в ночь на 12-е июля он снял со стены камеры горевшую лампу и, воспламенив в ней керосин, сел на импровизированный костер, от которого получил столь сильные обжоги, что на другой день утром умер в страшных мучениях».

Русская правда. 1879. 19 (31) июля. № 78. С. 3. Перепеч.: Московские ведомости. 1879. 22 июля (3 авг.). № 187. С. 2 (в сокращении).

7

Из Одессы. 12 июля. Еще одна жертва социалистов! Третьего дня, на бульваре, при многолюдном стечении публики, какой-то прибывший из Херсона юноша, лет 17, начал кричать нигилистические нелепости. Глупца арестовали; он бранил всех, кричал и на допросе старался доказать, что выходка его не есть продукт психически расстроенных мозгов, а сознательно додуманная им мысль.

Радуйтесь, убийцы и поджигатели! Празднуйте и торжествуйте! Еще одна молодость загублена вами, еще одна семья повержена в скорбь.

Московские ведомости. 1879. 19 (31) июля. № 184. С. 3 (подп.: «Z. O.»).

8

Из Одессы, 15-го июля (*От нашего корреспондента*).

Вы, вероятно, знаете уже о странном происшествии, случившемся у нас на днях на бульваре. Какой-то молодой человек, остановившись перед павильоном, в котором играл хор военных музыкантов, обратился с речью к толпе, собравшейся послушать музыку. Хотя громкие звуки труб заглушали слова оратора, но из отрывочных фраз можно было заключить, что у говорившего «не все в порядке». Когда он стал бросать вверх свою шляпу и пальто и кричать: «Да здравствует революция! долой тиранов!», то на него кинулись полицейские, зажали ему рот и немедленно увезли. Арестованный оказался Сомовым. Несмотря на все признаки острого помешательства, его отвезли в тюрьму и посадили в отдельную камеру. Дождавшись ухода сторожей и смотрителей, Сомов сделал попытку лишить себя жизни. Хотя у него и были связаны руки, но он умудрился вскарабкаться на столик и затем снять зубами раскаленное стекло с керосиновой лампы. Увеличив огонь в горелке также посредством зубов, Сомов приблизил к разгоревшемуся пламени свою спину и стал ее жечь. Долго ли продолжалась эта ужасная операция самоизжарения — не знаю; но когда привлеченные запахом гари сторожа вбежали в камеру, они нашли Сомова с такими сильными обжогами, что не было надежды спасти его жизнь.

Вчера, поутру, Сомов умер в городской больнице в страшных мучениях.

Русские ведомости. 1879. 21 июля (2 авг.). № 183. С. 3. Перепеч.: Новое время. 1879. 23 июля (4 авг.). № 1220. С. 3 (в сокращении). Нем. пер.: Die Presse. 1879. (25. Juli) 6. August. № 215 (Abendblatt). S. 3.

9

Нам пишут из **Одессы:** «Сообщаю подробности о случае самосожжения политического заключенного Сомова, о котором я вам уже писал. Сомов, будучи посажен в одиночную камеру одесского тюремного замка, вел себя крайне неспокойно, кричал, стучал ногами, вследствие чего смотритель тюрьмы приказал его связать. В таком положении Сомов оставался и вечером. В припадке ли умопомешательства или просто под сильным давлением непреодолимого желания прекратить чашу страданий, выпавших на его долю, Сомов решился на самоубийство, — неизвестно; до этого он морил себя голодом, отказываясь принимать какую бы то ни было пищу. Самый акт самосожжения произошел несколько иначе, чем я вам сообщил. Связанный по рукам, Сомов не мог снять лампы и разлить керосин на полу, а умудрился сперва снять зубами разгоряченное ламповое стекло и потом стал в такое положение, чтобы пламя лампы зажгло край его платья. Когда это было достигнуто, Сомов лег на койку, на которой лежал тюфяк, набитый соломой. Огонь от края одежды постепенно охватил всего Сомова, а также занял солому. Вся камера наполнилась дымом, пробившимся через щели двери в коридор, что и привлекло внимание часового, давшего немедленно знать о случившемся. Когда отворили камеру, заключенный весь почти горел. Немедленно были приняты меры к прекращению действия огня. Глазам присутствовавших представилось обуглившееся совершенно тело, подающее слабые признаки жизни. Принятые медицинские меры ни к чему не повели, обнаружив лишь изумительную выносливость самоубийцы, который во время перевязки наиболее поврежденных частей тела, несмотря на страшную физическую боль, не издал ни одного стона, ни одного звука, хотя и отвечал на предложенные ему вопросы. В таком состоянии он прожил целые сутки».

Русская правда. 1879. 22 июля (3 авг.). № 81. С. 3. Перепеч.: 1) Молва. 1879. 23 июля (4 авг.). № 200. С. 2; 2) С.-Петербургские ведомости. 1879. 23 июля (4 авг.). № 200. С. 2; 3) Голос. 1879. 24 июля (5 авг.). № 203. С. 2. Нем. пер.: Kölnische Zeitung. 1879. (27. Juli) 8. August. № 218 (Zweites Blatt). [S. 2].

10

Из Одессы. 18 июля. Молодой человек, о котором писал я в прошлом письме моем, арестованный на бульваре за произнесение возмутительных слов, — сын богатого курского помещика Сомова. В настоящее время он уже умер. В тюремном замке Сомов не хотел отвечать ни на какие вопросы, не хотел принимать пищи, и в конце концов ночью облил себя керосином из лампы и, так сказать, сжег сам себя живого. Что это, бешенство? помешательство? или дикий фанатизм?

Московские ведомости. 1879. 27 июля (8 авг.). № 192. С. 4 (подп.: «Z. O.»).

11

Одесса, 28-го июля (*корреспонденция «Голоса»*).

<...> Самосожжение Сомова возбудило в городе различные толки; вариации слухов на эту тему чрезвычайно различны. Это заставляет меня выяснить подробно и точно обстоятельства, сопровождавшие такой неслыханный факт.

Сомова, как известно читателям, арестовали на Приморском бульваре, вечером, 9-го июля. На бульваре он произносил какие-то восклицания, в полиции вел себя еще страннее, повторяя, что истина восторжествует, и угрожая, что всех истребят. Потом, в тот же вечер, Сомов заявил исправляющему должность полициймейстера, Лохвицкому, что более не будет отвечать, а также пищи не будет принимать. Он это и исполнил.

11-го июля Сомов был переведен из полиции в тюремный замок, где тотчас стал пропагандировать, по-прежнему, обращаясь к ключникам и солдатам.

12-го июля, пред вечернею проверкою, Сомов сделался особенно неспокоен, порывался выбежать из камеры, требовал, чтоб часовые его убили, душил ключника, разделся совершенно. Смотритель тюрьмы приказал связать его по рукам и ногам его же бельем и положить на тюфяк. Потом камера была заперта и на полу ее оставлена керосиновая лампа.

Между семью и восемью часами вечера того дня заметили в камере дым. Отворили камеру и застали Сомова обгоревшим. На руках, спине и ягодицах оказались смертельные обжоги.

Сомов, не принимавший никакой пищи со времени своего ареста, как видно по последствиям, твердо решился покончить с собою. Выпутавшись из связывавших его кальсонов, он дошел до лампы, сдвинул ламповое стекло и сидя или стоя произвел самосожжение. Так можно заключить по некоторым данным, хотя точных данных нет и не может быть. Никто не видал этого акта самоистязания, никто не слышал ни одного звука стона от боли. Сомова немедленно перевели в тюремную больницу, где он и умер 14-го июля.

Отсутствие достаточного наблюдения за ним в то время, когда он был связан, и присутствие в камере керосиновой лампы были ближайшими пособниками человеку, решившемуся во что бы ни стало убить себя. Но эта чрезвычайная сила воли, не остановившаяся пред выбором самого мучительного рода смерти, эта сила воли у человека 22-х лет, всего более изумительна тем, что он не был ни больным, ни сумасшедшим. По крайней мере, медицинский акт вскрытия трупа констатирует такой факт. Мозг исследованного четырьмя врачами субъекта найден совершенно в нормальном здоровом состоянии, и вскрытие трупа не обнаружило никаких изменений, которые давали бы повод заключить о существовании какой-нибудь болезни.

Этот чрезвычайный случай замечательного самоубийства так и канет в вечность без достаточного освещения. Вместо ключника, при буяне-арестанте, каким он, конечно, представлялся тюремному начальству, и притом ключника, не пожелавшего даже находиться при нем для наблюдения, несмотря на приказание, нужны были психиатры и представители науки о нервной системе, чтоб точно определить степень развития крайней возбужденности, степень крайнего развития отправления нервной системы, взявшего верх над всеми другими отправлениями.

В печати нашей уже прорывались мнения о болезни нашего века — крайней напряженности и возбужденности нервной системы, имеющей первым осязательным последствием чрезвычайное увеличение числа самоубийств, как это утверждают статистические данные, независимо от многих других уклонений, которые, хотя в летописи не всегда заносятся, но — на глазах у каждого, кто задает себе труд наблюдать за нынешними явлениями жизни, сопоставлять их, приводить в систему и пр.

Случай с Сомовым послужил поводом к распоряжению, чтоб впредь во всех камерах одесского тюремного замка, взамен внутреннего освещения, было введено наружное.

Голос. 1879. 2 (14) авг. № 212. С. 3.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-157-168

© *Т. В. Мисникевич*, © *А. С. Александров*

А. А. ИЗМАЙЛОВ И И. И. ЯСИНСКИЙ: ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИАЛОГ*

Имена Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921) и Иеронима Иеронимовича Ясинского (1850–1931), без преувеличения, чрезвычайно значимы для истории русской литературы и журналистики конца XIX — начала XX века. Первый из них — «царь всех пародистов», по определению К. И. Чуковского,[1] популярный критик, которого знали в начале XX века «почти все пишущие, живущие в Петрограде <...> и обширные читательские круги»,[2] второй — прозаик, редактор газеты «Биржевые ведомости» и выступающий под псевдонимом «Независимый» ее корреспондент, а также основатель ряда других периодических изданий. Однако долгое время, прежде всего в силу идеологических причин, они в значительной степени пребывали в забвении. С начала 1990-х годов Измайлов и Ясинский попали в сферу постоянного исследовательского интереса, а в 2000-х стали появляться в печати первые после долгого перерыва их творческие и биографические материалы.[3] Несомненно, полноценной научной публикации заслуживает и многолетний эпистолярный диалог литераторов.[4] Особенно важно, что этот диалог перекликается с многочисленными, близкими по времени, параллельными диалогами Измайлова и Ясинского с современниками, в том числе с А. А. Блоком, В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом, А. М. Ремизовым, В. В. Розановым, Л. Н. Андреевым, Ф. К. Сологубом, А. В. Амфитеатровым, А. Ф. Кони. Впечатляет и число имен активных участников литературной и культурной жизни 1890–1910-х годов, упомянутых в данной переписке: Л. Н. Толстой, И. Л. Щеглов-Леонтьев, Д. С. Мережковский, П. Д. Боборыкин, Ф. Ф. Фидлер, С. М. Проппер, М. М. Гаккебуш, Н. Н. Брешко-Брешковский, Ф. Н. Фальковский, Валериан Светлов, С. Н. Шубинский, К. С. Баранцевич, З. А. Венгерова, Анна Мар, Наталия Грушко, Павел Радимов и многие другие. Соответственно, диалог Измайлова

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», https://rscf.ru/project/19-78-10012/, ИРЛИ РАН.

[1] *Чуковский К. И.* Нат Пинкертон и современная литература // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М., 2012. Т. 7 / Предисловие и комм. Е. Ивановой. С. 57.

[2] *Кауфман А.* Памяти А. А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 12.

[3] См., например: *Измайлов А. А.* 1) Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа / Подг. текста, вступ. статья, комм. Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2002; 2) Лесков и его время / Подг. текста О. Л. Фетисенко, А. С. Александрова; преамбула А. С. Александрова // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. С. 157–435; 3) Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; предисловия, подг. текстов и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2017; Переписка А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева (Щеглова) (1904–1911) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова, О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2019. С. 227–270; *Нымм Е.* 1) Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003; 2) Журнал Иеронима Ясинского «Ежемесячные сочинения» как предтеча модернистских периодических изданий начала XX века // Русская литература. 2019. № 2. С. 103–111; *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1–2; Переписка Ф. К. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской с И. И. Ясинским / Вступ. статья, подг. текста и комм. Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2019. № 3. С. 122–133. Переписка Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3. С. 70–84.

[4] Краткий очерк истории отношений Измайлова и Ясинского и переписка 1915–1916 годов представлены в публикации: *Александров А. С.* Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021. С. 375–399.

и Ясинского не только выявляет нюансы взаимоотношений двух критиков и проясняет те или иные моменты в биографии каждого из них, но и захватывает литературное поле в целом. Измайлов и Ясинский выполняли на нем роль ключевых игроков, поскольку определяли политику крупных популярных изданий и принимали участие в формировании литературных репутаций писателей самых разных направлений. В настоящей статье мы постараемся обозначить, какие темы, герои и события эпохи оказались в центре обсуждения Измайлова и Ясинского.

Точкой отсчета для осмысления более чем двадцатилетней переписки литераторов могут послужить мемуары Ясинского «Роман моей жизни». В их печатной прижизненной версии, подвергнутой значительным сокращениям, Измайлов упомянут лишь несколько раз, наиболее содержательно: в главе 55 «1896» — в связи с началом редакторской деятельности в газете «Биржевые ведомости» («Вместо бесцветного Дубинского, писавшего под именем Полтавского литературно-критические заметки, я пригласил Измайлова»[5]); в главе 62 «Л. Н. Андреев», посвященной писателю, с которым Измайлов и Ясинский поддерживали дружеские отношения и часто бывали у него в гостях;[6] в главе 63 «1910–1911» — как автор статьи, приуроченной к 40-летию творческой деятельности Ясинского, и организатор юбилейного вечера («Я же просил, чтобы крестьянские и рабочие депутации, приносившие мне поздравления, были приглашены бесплатно на вечер. Измайлов, член комитета, извинился. Он искренно хотел, чтобы рабочие были, но кто-то отменил»[7]); в главе 65 «1913–1917» — как редактор «Петербургского листка», коллега по цеху, с которым произошло расхождение во взглядах после февраля 1917 года, но сохранились добрые дружеские отношения.[8]

Эта намеченная пунктиром образно-сюжетная линия, представляющая роль Измайлова в жизни Ясинского: перспективный сотрудник «Биржевых ведомостей»; участник совместных дружеских посиделок; человек левых убеждений, проявляющий симпатии к рабочим; поклонник творчества Ясинского; представитель интеллигенции, выбравший ложные ориентиры в ходе русской революции, — реализована в главе «А. А. Измайлов» в полном тексте «Романа моей жизни».[9]

Нельзя не учитывать, что свои воспоминания Ясинский писал в зрелые годы, причем уже в советское время, а потому многие реалии и факты дореволюционной жизни он подавал с учетом требований новой эпохи. Это отчасти относится и к главе об Измайлове. Однако в целом она выделяется высокой и объективной оценкой деятельности критика, а проникновенная интонация мемуариста определена чувством скорби и вызвана его преждевременным уходом.[10] Безусловно, это связано и с тем, что Измайлов неизменно относился к Ясинскому, имевшему далеко не однозначную репутацию в литературных кругах,[11] с чувством дружеской симпатии и ценил его литературное

---

[5] Цит. по первому изданию: *Ясинский Иер*. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 287. Дубинский Михаил Игнатьевич (псевд. Н. Полтавский) — журналист, критик, писатель.

[6] Там же. С. 310.

[7] Там же. С. 314.

[8] Там же. С. 324–326.

[9] См.: *Ясинский И. И*. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 532–542.

[10] Ясинский точными штрихами наметил основные черты облика Измайлова: «Он был истинный петербуржец, ему нравилось вращаться в литературных кругах <...> Вся моя семья искренно любила его. Он умел подходить к людям с дружелюбным расположением, с дружеским советом, с участливыми расспросами об их радостях или горе и всегда сочувствовал им непритворно, у него был такой склад души» (Там же. С. 536).

[11] К примеру, А. В. Скабичевский характеризовал Ясинского следующим образом: «Он привык вращаться в мире пошлости и грязи до такой степени, что ему трудно и представить себе такие душевные движения и страсти, которые возвышались бы над пошлостью» (*Скабичевский А*. Литературная хроника. Трагики, роман И. Ясинского. СПб., 1889 г. // Новости и Биржевая газета. 1889. 20 июля); см. также записи о неблаговидном поведении Ясинского в дневнике Ф. Ф. Фидлера (*Фидлер Ф. Ф*. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступ. статья, сост., пер. с нем., прим., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М., 2008. С. 46, 70, 164).

творчество. Так, на титульном листе своего сборника повестей и рассказов «Рыбье слово» (СПб., 1903) он оставил следующую запись:

«Критик Измайлов не весьма высокого мнения о беллетристе Измайлове и если решится рекомендовать его новый грех дорогому Иерониму Иеронимовичу, то единственно в силу близости его начинающему автору и в надежде на обычную, хорошо изведанную дорогу и снисходительность своего литературного учителя, глубоко уважаемого и нелицемерно любимого

1903 г. янв. 22.

СПб».[12]

Измайлов посвятил Ясинскому отдельную главу в книге «Литературный Олимп», тем самым включив его в число наиболее значимых и оригинальных писателей эпохи рубежа веков.[13]

Материалы переписки Измайлова и Ясинского позволяют существенно дополнить историю личных отношений литераторов и их многолетнего сотрудничества, прокомментировать ряд позиций «Романа моей жизни» и специфику отдельных приемов Ясинского-мемуариста. Они рассредоточены в трех архивохранилищах: в Рукописном отделе Пушкинского Дома — 59 писем Ясинского 1897–1917 годов в фонде Измайлова (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392), 6 писем Измайлова 1919–1920 годов в фонде Ясинского (Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 310); в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки — 67 писем Измайлова 1903–1918 годов в фонде Ясинского (Ф. 901. Ед. хр. 752); в РГАЛИ — 7 писем Ясинского 1912–1916 годов в фонде Измайлова (Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 185). При общем довольно внушительном объеме и временной продолжительности (1897–1920) переписка не отличается особой интенсивностью, лишь в отдельные годы она насчитывает свыше десяти писем (1908, 1910, 1911, 1916).

Наметим ее основные тематические блоки. Важнейший и занимающий наибольший объем — это сотрудничество в изданиях С. М. Проппера «Биржевые ведомости», «Огонек» и «Новое слово». Как уже отмечалось выше, именно Ясинский предложил начинающему литератору попробовать себя в качестве критика газеты «Биржевые ведомости».[14] В частности, в одном из первых сохранившихся писем 1897 года Ясинский извещает Измайлова о размере гонорара за строку (по 25 копеек)[15] и далее дает профессиональные рекомендации: «Дорогой Александр Алексеевич, очень прошу Вас не сердиться за сокращения, допущенные мною в Вашем фельетоне. Но мне хочется видеть в этом исключительный случай. Следовало бы писать только о художественных явлениях, а о личных довольствоваться краткими строками в „Б<иржевых> В<едомостях>“. Еще просьба: статьи, которые обрабатываются Вами, необходимо править на ложе Прокруста — более 200–250 строк не должно быть по условиям газетного дела».[16]

Неудивительно, что в письмах прежде всего обсуждаются текущие издательские дела: корректуры, гонорары, возможность напечатать то или иное произведение,

---

[12] РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 1. На титульном листе сборника пародий «Осиновый кол» Измайлов написал: «Дорогому Иерониму Иеронимовичу Ясинскому от искреннего почитателя Ореста Ядовиткина <псевдоним Ясинского. — *Т. М., А. А.*> на добрую память. 1915. 22. X. СПб.» (Там же. Л. 18).

[13] См.: *Измайлов А.* Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб, Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев: Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911. С. 399–417.

[14] Об этом он впоследствии вспоминал в «Романе моей жизни»: «Я объявил ему (А. А. Измайлову. — *Т. М., А. А.*), что литературная критика, отдел, который я веду сам за неимением сотрудников, могла бы быть предоставлена ему, но что едва ли он может надеяться со временем на славу беллетриста, о которой он мечтает. Второстепенными беллетристами вымощен наш литературный ад, а что касается критиков, то даже второстепенные зоилы редки и без хлеба не сидят» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 533).

[15] ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 89. Записка на визитной карточке: «Иероним Иеронимович Ясинский. Редактор „Биржевых ведомостей“».

[16] Там же. Л. 75.

литературные конкурсы и т. п. Они носят, скорее, деловой характер, но вместе с тем не лишены и некоторых эмоциональных оценок, прежде всего относительно личности самого Проппера. Так, в письме от 10 марта 1903 года Ясинский восклицает: «Вкратце отвечу, что предложение, сделанное через Вас, не считаю серьезным, как не считаю и самого случайного собственника „Б<иржевых> В<едомостей>“ серьезным человеком. *Теперь* — не считаю. Будет время, когда он и 200 т<ысяч> не пожалеет, но будет поздно. Независимый — есть Независимый, а Проппер — есть Проппер».[17] В письме от 5 апреля 1908 года, комментируя переданный через Измайлова отказ Проппера опубликовать рассказ в «Огоньке»,[18] успокаивает своего коллегу: «Зачем, дорогой друг, Вы написали мне такое письмо: можно подумать, что Вы боялись, что меня очень огорчит возвращение рукописи. Меня возвращение ее не огорчило, право, — даже почти обрадовало. „Огонек“ сильно уже скомпрометировал себя, и только доброе и обязательное отношение к Станиславу Максимилиановичу заставило меня послать, по предложению Вашему, рукопись. Шерлоковщина воняет в „Огоньке“ до отвращения. Следовало бы убедить Станислава Максимилиановича, что только литература имеет теперь успех».[19]

Стилистика и содержание отзывов Ясинского о Проппере и его издательской политике в письмах к Измайлову вполне совпадают с многочисленными пассажами в «Романе моей жизни» и подкрепляют одну из ключевых сюжетных линий повествования: честный, борющийся за интересы сотрудников и качество материалов редактор vs. хитрый, корыстный, довольно недалекий издатель.[20] Несколько деталей историко-литературного характера, связанных с кадровой реорганизацией в «Биржевых ведомостях», и в частности уходом с поста фактического редактора газеты М. М. Гаккебуша, содержится в письме Ясинского от 30 апреля 1916 года. Этот сюжет отражен и в его мемуарах, в главе, посвященной событиям 1915–1916 годов, где приведены дополнительные подробности.[21] В письме, направленном Измайлову после Октября 1917 года, Ясинский упомянул неоднократно повторенный на страницах мемуаров эпизод, связанный с якобы выдвинутым против него обвинением редакцией «Русского богатства», что он «обобрал г. Проппера».[22]

Еще один важнейший аспект — сотрудничество Измайлова в журналах Ясинского «Ежемесячные сочинения» и «Беседа». Уважительный и деликатный тон писем Ясинского подтверждает, что он чрезвычайно ценил своего младшего коллегу. К примеру, в марте 1900 года Ясинский обратился к Измайлову с просьбой о статье для журнала «Ежемесячные сочинения»: «Позволю себе предложить Вам план статьи о „Воскресении“; надо, по-моему, выделить из романа главнейшие психологические портреты или типы: 1) Нехлюдов, 2) Катюша, 3) <?>, 4) вице-губернатор, 5) судьи,

---

[17] Там же. Л. 3.

[18] Несколько ранее Измайлов писал Ясинскому: «С<танислав> М<аксимилианович> возложил на меня тяжелую обязанность отсылки Вам рассказа, сделанного по его же просьбе. Вы поверите, до чего мучительно я сознаю необходимость выполнить его решение. Все материалы теперь читает он сам, и я прочитал рассказ уже только сейчас, по получении его для отсылки. Ради Бога, не сердитесь на меня. Я бы дорого дал, чтобы этого не было. Не могу и видеть его сейчас вторично, — он уже уехал из редакции. Размеры, что ли, его испугали?» (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 58–59).

[19] ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 6.

[20] Ср., например, в главе 71: «Проппер, как хозяин, был, в сущности, очень несносен. Он во все вмешивался, называя себя только казначеем газеты, торговался с сотрудниками из-за каждой копейки, в особенности если расход выходил за пределы утвержденного им бюджета <...> так уже построен мир, что как только начинает везти капиталисту и он видимо на глазах у публики раздувается, все о нем кричат, восхваляют его ум, энергию, сплетничают о нем, тайно ругают, завидуют, а явно жмут ему руку, говорят комплименты, невольно убеждают его, что он умный человек, что, не будь у него семи пядей во лбу, ни за что бы ему не подняться и не возвыситься над другими умными людьми и не обратить их в своих рабов» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 513).

[21] См.: Там же. С. 681–682.

[22] Статья была опубликована после празднования 40-летнего юбилея литературной деятельности Ясинского. При общей негативной оценке деятельности критика подобного обвинения она не содержала. См.: *Пешехонов А.* На волне пошлости // Русское богатство. 1911. № 3. С. 93–97.

6) каторжане — что-либо в этом роде — и главками писать»,[23] и спустя некоторое время поблагодарил: «Очень хороша Ваша статья,[24] и в том как раз духе, какой нужен и каким я проникнут, так что жму Вашу руку как единомышленнику и товарищу по журналу».[25] В этом письме четко обозначено стремление Ясинского, уже накопившего опыт редакторской работы в «Биржевых ведомостях», самостоятельно, в открытую определять политику подчиненного ему издания и выбирать круг авторов. В «Романе моей жизни» он рассуждает о причинах появления первого собственного издательского предприятия следующим образом: «Мои народовольческие симпатии юности и антипатия к либералам <...> должны были склонить меня <...> к народившемуся тогда „черному переделу“, к плехановщине. <...> Довольно смутно, окруженный капиталистическими и монархическими догматами и уклонами, проводил я социал-демократическую линию в „Биржевых ведомостях“, но это был такой робкий и нерельефный подход, что мне остается краснеть, вспоминая о постоянных препятствиях, встречаемых мною на этом пути, остановках и уклонах. <...> не располагая ни одним органом, в котором я бы мог, как мне казалось, свободно писать <...>, я приступил к изданию собственного ежемесячного журнала».[26] Однако реальные установки «Ежемесячных сочинений» и привлекаемые авторы большею частью никак не вписывались в социал-демократическое направление. Программа журнала скорее отвечала позициям эстетизма: «Мы стоим в стороне, мы говорим то, что думаем, проникнутые любовью к нашей родной литературе; мы работники слова, поклонники прекрасного; мы отмежевали себе область, где нет мелких злоб дня, дрянных страстей, где нет журнальной сутолоки, где течет независимая мысль, ибо в наше время только в чистой литературе она независима и абсолютно свободна <...>».[27] Измайлов, столь приветствуемый в качестве участника одного из первых номеров этого издания, также не отличался каким-либо политическим радикализмом, что лишний раз подтверждает намеренную «переверстку» Ясинским-мемуаристом фактов собственной литературной биографии.

В переписке речь идет о сотрудничестве литераторов в ряде других печатных органов, в частности в газете «Слово»[28] и журнале «Образование», а также об их участии в литературных кружках и объединениях. Переписка 1915 года начинается с обсуждения публикации для «Журнала учителя» — нового печатного органа, задуманного Товариществом Сытина (предприятие, впрочем, не состоялось).

Несомненный интерес представляют письма личного характера, содержащие приглашения в гости, рассказы о заграничных поездках, об участии в юбилейных торжествах друзей-писателей, о подготовке к 40-летнему юбилею литературной деятельности Ясинского, отмечавшемуся в январе 1911 года. Эта часть переписки выявляет неподдельную теплоту и искренность отношений Измайлова и Ясинского. К примеру, 29 июля 1908 года Измайлов писал: «Дорогой Иероним Иеронимович, ценность познается тогда, когда ускользает здоровье, тогда, когда подходит болезнь. Приехав в СПб и толкаясь в нем вот уже с неделю, я горько ощутил Ваше отсутствие. Как бы чудно было теперь, при относит<ельной> свободе, посидеть за раками с беседой! Как хотелось бы, ч<тобы> Вы возвращались поскорее!»[29]

Кроме того, в письмах 1910 года Измайлов уточнял сведения для раздела о Ясинском в готовящейся к печати книге «Литературный Олимп».[30] В частности, 5 сентября он попросил адресата предоставить «критические материалы» о себе и сообщить, не сократил ли тот «из скромности» отзыв о своей повести в письме Гончарова, опубликованном

---

[23] ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 78.

[24] См.: *Измайлов А.* Нехлюдовщина // Ежемесячные сочинения. 1900. № 2–3. С. 113–124.

[25] ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 42.

[26] *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 544.

[27] *Ред.* [Ясинский И. И.]. Наш идеал подобен солнцу // Ежемесячные сочинения. 1901. Т. 2. № 5/6. Июнь. С. 5–7.

[28] См.: Переписка А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева (Щеглова) (1904–1911). С. 242.

[29] РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 40–41.

[30] Согласно «Книжной летописи» (№ 48. Вып. от 11 декабря 1910 года), «Литературный Олимп» вышел в свет в начале декабря 1910 года (запись № 27370). На титульном листе книги указан 1911 год.

ранее в журнале «Ежемесячные сочинения».[31] В ответе Измайлову Ясинский ошибочно приписал Гончарову все рецензии на собственные произведения, опубликованные в журнале «Отечественные записки», и сообщил, что автограф письма подарил Ф. Ф. Фидлеру.[32] Упомянутое письмо Гончарова от 11 апреля 1882 года было обращено к начинающей писательнице Э. А. Центковской. Автор «Обломова» прочел ее рассказ в рукописи, не рекомендовал его к печати, а посоветовал познакомиться с творчеством молодых современных прозаиков, чтобы та могла по достоинству оценить свои литературные способности. Здесь же Гончаров дал оценку одному из первых серьезных произведений Ясинского: «Из молодых, начинающих писателей можно, впрочем, указать на одного с явными признаками недюжинного таланта и значительного умения писать — это на г. *Максима Белинского* и на его повесть „Всходы“, напечатанную в мартовской книжке „Отеч[ественных] записок“».[33] Это письмо было впервые опубликовано Ясинским в журнале «Ежемесячные сочинения» без упоминания имени корреспондентки Гончарова и собственного псевдонима.[34] В книге «Литературный Олимп» имя Ясинского было раскрыто.[35] Писатель очень гордился высокой оценкой Гончарова и неоднократно подробно останавливался на этом эпизоде в своих мемуарах и автобиографических очерках.[36] Весьма польстила ему и статья Измайлова в целом. В автобиографии 1913 года, предназначенной для собрания С. А. Венгерова, Ясинский писал о книге «Литературный Олимп»: «Она уже два года у меня, я обо всех прочитал, а о себе оставил страницы неразрезанными. И только недавно, на одном вечере, в частном кружке любителей литературы и искусства, вдруг была вслух прочитана статья Измайлова в моем присутствии, и, признаться, это было жуткое чувство — сочетание острого стыда и странно болезненного — я не скажу удовлетворения, но чего-то в этом роде».[37]

Тем не менее в главе об Измайлове в «Романе моей жизни» книга «Литературный Олимп» упомянута лишь вскользь: «<...> он (А. А. Измайлов. — *Т. М., А. А.*) отвел мне большое место и не без робости, но все-таки расхвалил меня как писателя».[38] Не исключено, что в 1920-е годы Ясинский, радикально сменивший свою «независимую» позицию, старался отмежеваться от образа «чистого художника», каким представил его Измайлов, сделав акцент на «внепартийности» и сопоставив с Н. С. Лесковым.[39]

Рефреном через переписку двух современников проходит личность и творчество Леонида Андреева: все трое поддерживали тесные дружеские отношения. Впервые его имя упоминается в письме Измайлова Ясинскому от 19 сентября 1910 года — в связи с предстоящим чтением андреевской пьесы «Океан».[40] Наибольший интерес представляет обстоятельное письмо Ясинского от 8 декабря 1915 года, ставшее реакцией на фельетон Измайлова «Уксус и желчь писательства», в котором критик теоретизировал о феномене литературного успеха.[41] Рассуждая о славе Леонида Андреева и сопутствующих ей информационных шумах, спорах, ссорах, Измайлов подкреплял свои ана-

---

[31] См.: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 42.

[32] См.: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 56. Ср. запись от 28 февраля 1910 года в дневнике Фидлера: «Договорившись с Ясинским, нанес ему сегодня визит. <...> Он подарил мне письма Салтыкова, Гончарова, Чернышевского и других» (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеристики и суждения. С. 531).

[33] Из переписки Гончарова. Гончаров — Э. А. Центковская. 1882 / Вступ. статья и публ. Т. Г. Динесман // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 564.

[34] См.: Ежемесячные сочинения. 1901. № 11. С. 187.

[35] См.: *Измайлов А.* Литературный Олимп. С. 400–401.

[36] См. в главе 32 «Романа моей жизни» «И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, П. Д. Боборыкин, Вс. Гаршин» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 249–250), а также в очерке «Литературные воспоминания (1878–1882)» (Там же. Т. 2. С. 64–66) и в автобиографии 1913 года (Там же. С. 151–152).

[37] Там же. С. 165.

[38] Там же. С. 537.

[39] Подробнее об этом см.: *Пильд Л.* Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского // Там же. Т. 1. С. 24–27.

[40] См.: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 63.

[41] См.: *Измайлов А. А.* Темы и парадоксы: Уксус и желчь писательства // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 7 дек. № 15255. С. 2.

литические размышления различными примерами из истории литературы. В статью критик инкорпорировал разговор, состоявшийся между ним и известным в начале XX века прозаиком К. С. Баранцевичем: «Незадолго до андреевского спектакля один из маститых писателей в случайной беседе предложил мне объяснить, почему почти всякий без исключения автор, если, конечно, он не Толстой, переживает в своей жизни грань, когда он становится явно лишним и ненужным в литературе. Его чураются редакции, в нем, по-видимому, не нуждается читатель, обозревателям интереснее писать о чем угодно, только не о нем. Всегда ли дело только в том, что он устал и исписался? Не в том ли еще, что идеи и формы изнашиваются, как перчатки и ботинки, и их надо менять, чтобы быть принятым в общество. „Ведь, может быть, меня прочитали бы и даже похвалили, если бы я в свои 65 лет напечатался под псевдонимом“».[42] Ясинский принял эти рассуждения на свой счет и направил Измайлову большое исповедальное письмо, в котором разъяснил свою позицию о месте писателя в литературном процессе и роли критиков в становлении писательского мастерства, а также дал оценку феномену популярности Андреева.[43] Ссылаясь на собственный опыт, он отметил, что Леонид Андреев должен пережить период увлечения «мелкими вещами», вызывающими осуждение и насмешки критики, и вступить в новую, наиболее яркую («Я жду от лампады Андреева пожара!»), фазу развития своего таланта.

Данные рассуждения позволяют проследить трансформацию позиции Ясинского после принятия власти большевиков и активного включения в жизнь нового государства. В главе «Леонид Андреев» «Романа моей жизни», в целом отдавая должное таланту писателя и не забывая о собственной роли в успехе Андреева,[44] Ясинский сделал акцент на его «буржуазности» в духе оценок марксистской критики. Подобная переориентация не осталась без внимания современников и вызвала возмущение. Так, Ю. И. Айхенвальд в рецензии на первое издание мемуаров иронически отмечал: «Леониду Андрееву приписывает Иероним Ясинский „философский обобщающий ум, положим, мрачного направления“ и только упрекает его в „лжепатриотизме“ <...> Но так как <...> „коммунистическая партия великодушна“, то „можно не сомневаться, что Андреев... не будет отвергнут, и советская история литературы помянет его и добрым словом“».[45]

Из сюжетов литературной жизни 1910-х годов, затронутых в переписке, стоит упомянуть деятельность организованного при непосредственном участии Ясинского литературно-художественного общества «Страда».[46] Оно возникло осенью 1915 года (учредительное собрание состоялось 17 октября) и просуществовало до 1917 года. Идея создания «Страды» принадлежала С. М. Городецкому, целью объединения было всестороннее содействие развитию и процветанию народной литературы. Председателем общества был избран И. И. Ясинский, сформулировавший ряд принципов и задач этой литературной группы. Предполагалось, что общество будет защищать «чисто художественные, поэтические явления от тех или других чересчур стеснительных направленских рамок и посягательств тенденциозной цензуры», «приходить на помощь начинающим талантам, молодым и свежим дарованиям, теснимым устарелыми литературными программами, прокрустовыми ложами журналов, коммерческими соображениями современных

---

[42] Там же.

[43] См.: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 23–28; *Александров А. С.* Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.). С. 384–385.

[44] Так, в рецензии на книгу Андреева «Рассказы» (СПб., 1901) Ясинский писал: «В лице Леонида Андреева русская изящная словесность приобретает выдающуюся силу. Род литературы, избранный или открытый им, едва ли требует для своего выражения широких рамок романа. Это миниатюрная психология. Автор работает при помощи скальпеля и микроскопа, и он прав, что обратил свое внимание на эту сторону. Область необъятного под микроскопом гораздо менее исследована в беллетристике» (Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 384).

[45] Цит. по: *Айхенвальд Ю. И.* Посмертная книга // Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 2. С. 193. Впервые: Руль (Берлин). 1926. 8 сент. № 1753.

[46] См.: *Вдовин В. А.* Есенин и литературно-художественное общество «Страда» // Есенин и русская поэзия. Л., 1967. С. 171–194; *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004. С. 233–234.

издателей».[47] В первом сборнике (всего удалось выпустить два) было также заявлено: «Мы преследуем исключительно литературные цели. Служение народной словесности — наша главнейшая задача как незыблемой основы русской общественности в ее развивающихся и совершенствующихся формах выявления».[48] Не успело литературно-художественное общество начать деятельность, как в рядах организаторов назрел конфликт, в результате которого один из вдохновителей этого объединения С. М. Городецкий был вынужден сложить с себя обязанности товарища председателя. Вакантное место Ясинский предложил занять Измайлову, который с благодарностью откликнулся. Однако и Измайлов недолго пробыл в этом качестве. В апреле 1916 года в жизни критика случилась резкая перемена: он занял пост редактора газеты «Петроградский листок», покинув «Биржевые ведомости», в которых проработал без малого восемнадцать лет. Измайлов устранился от дел литературно-художественного общества «Страда» и в письме от 16 апреля 1916 года уведомил о своем решении старшего коллегу.[49]

С этого момента в эпистолярном диалоге литераторов появляются вопросы, связанные с работой Измайлова в новой должности. Он приложил немало усилий к преобразованию «уличного и шантажного» «Листка». Имея большие связи в литературных кругах, обращался ко многим известным литераторам с просьбой о сотрудничестве. Не все откликнулись на зов новоиспеченного редактора, Ясинский же с энтузиазмом принял приглашение коллеги. При этом крупные вещи он старался пристроить в солидные издания. Так, планируя опубликовать в «Биржевых ведомостях» свой цикл стихотворений «Отблески Ницше» и обращаясь в связи с этим к их редактору Волынскому 18 января 1917 года, Ясинский отметил: «Кстати, в моем портфеле лежат романы. Неужели печатать их в „Петербургском листке“, кстати, единственной газете, в которой главный редактор настоящий литератор».[50]

Тем не менее впоследствии он участвовал в праздничных номерах «Петроградского листка», а также в коллективных опросах газеты, в том числе о летнем отдыхе писателей. Заканчивается переписка 1916 года деловым обсуждением традиционного рождественского номера. Это последний праздничный выпуск, который можно было готовить в относительно спокойной деловой обстановке. Рождественский номер 1917 года собирался уже в условиях революционной действительности, когда праздник, имеющий глубокую мировую и отечественную традицию, был упразднен одним из декретов советской власти.

Закономерно, что в переписке 1914–1917 годов затрагивалась военная тема. Так, 14 декабря 1914 года Измайлов обратился к Ясинскому: «Редакция „Биржевых ведомостей“, желая помочь читателям суждениями выдающихся умов современности в настоящий тяжелый день, имеет честь покорнейше просить Вас не отказать ей в участии в анкете на тему: есть ли достаточные основания считать нынешнее Рождество последним кровавым рождеством для человечества».[51] А весной 1916 года пригласил его принять участие в праздничных пасхальных номерах сначала в «Биржевых ведомостях», и затем в «Петроградском листке». В обоих приглашениях Измайлов делал примечание: «избегаем войны» — свидетельство накопившейся усталости от сводок с фронта и все возрастающего разочарования, которое пришло на смену захлестнувшему периодическую печать в 1914–1915 годах ура-патриотическому угару. Оба литератора заняли активную гражданскую позицию, что выразилось в их участии в различных общественных организациях, оказывавших помощь действующей армии, в частности в таких, как «Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам», «Комиссия по организации отправки вещей в действующую армию», «Петроградский областной ко-

[47] ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 441. Л. 1.

[48] См.: Страда: Литературный сб. Пг.: А. Д. Семеновский, 1916. Кн. 1. С. 7.

[49] См.: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 34; *Александров А. С.* Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.). С. 390.

[50] ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 45. Л. 1–11. Ясинский высоко оценил преобразования Измайлова и в своих воспоминаниях: «Перед самой революцией Измайлов сделался редактором „Петербургского листка“, и в литературном отношении он придал ему характер весьма порядочной газеты» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 538).

[51] РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 16. На бланке газеты «Биржевые ведомости».

митет». В мартовском письме 1916 года Измайлов пригласил Ясинского принять участие в благотворительной лотерее «Союза городов» в пользу солдат. Розыгрыш состоялся 24 марта 1916 года в оперном зале Народного дома в Петрограде. В организации этого благотворительного мероприятия Измайлов принял деятельное участие.[52]

Один из наиболее выразительных блоков переписки охватывает период Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Измайлов неоднократно просил Ясинского «высказаться по поводу переживаемого Россией момента»,[53] и в августе тот откликнулся на приглашение «Петроградского листка» ответить на анкету «Русские люди о революции». Сама анкета была сопровождена предисловием: «Газета не есть „парламент мнений“. Но единственный ее отдел — отдел опроса известных людей (анкета) приближается к парламенту, и здесь редакция считает себя обязанной дать место всякому свободному суждению, даже если оно расходится с ее идейной программой».[54] Впоследствии Ясинский неоднократно подчеркивал, что уже тогда высказал свое сочувствие партии большевиков и оправдывал их политику насилия.[55] Однако в реальности он отозвался о переживаемом Россией моменте следующим образом: «Государственный переворот был принят за революцию, и в этом ошибочном представлении всячески старались утвердить народ, слепо веривший своим взглядам. Но мало-помалу революционная маска стала спадать с государственного переворота, и отсюда антагонизм и вражда между народом собственно и господствующими классами. Боюсь, что кончится нехорошо. Государственный переворот — значит удачный бунт, переселивший царей в Сибирь, а тех, кто с ними сражался, водворивший в Зимнем дворце; причем в государстве все осталось, можно сказать, по-старому: та же бессмысленная война, те же международные договоры (неизвестно какие), те же Кресты и политические аресты, та же охранка и запрещения газет и даже смертная казнь. А революция значит — мир, довольство, свобода личности и слова и равенство. Увы! Революция была погашена в первые же дни. <...> Не сегодня — завтра мы обанкротимся, и тем не менее дух безумия веет над Россией, и, изнемогая в жестокой неволе нужды, мы даже молоденьких девушек бросаем с налитыми кровью глазами в жертву современному Молоху в его союзе с Марсом». Завершил же свои рассуждения горьким сожалением: «Разумеется, политики, строящие жизнь или, вернее, разрушающие ее железом и кровью, казнями и террором, пожмут плечами, пробежав юбилейные мысли старого пацифиста, набрасывающего эти строки».[56]

---

[52] Ср. запись Ф. Ф. Фидлера от 28 марта 1916 года: «24-го Измайлов попросил меня прийти в Союз городов и принять участие в проведении лотереи в пользу солдат. Там я говорил с ним не более минуты: он весь был поглощен регистрацией пожертвованных книг — работой, которую мог бы выполнить любой мало-мальски умеющий читать и писать» (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеристики и суждения. С. 683).

[53] См., например, мартовское письмо 1917 года: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 18.

[54] Петроградский листок. 1917. 27 авг. № 206. С. 2.

[55] В автобиографии 1920 года для Второго городского района РКП(б) Ясинский ошибочно указал на существование отдельного примечания к своему ответу: «В „Петербургском листке“ под редакцией Измайлова в августе 1917 г. мне удалось напечатать статью и в ней определенно высказать свое сочувствие большевикам и осуждение политики Керенского; статью эту редакция снабдила примечанием, что сотрудники газеты не согласны со мною» (цит. по: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 2. С. 169). Аналогичная интерпретация представлена в «Романе моей жизни»: «Когда по поводу шестимесячной годовщины нашей Февральской революции Измайлов стал печатать мнения, более или менее восхваляющие мещанский социализм Керенского и его сподвижников, я тоже дал Измайлову, в ответ на его обращение ко мне, статью и в ней высказал отрицательное отношение к политике народников, эсеров, кадетов и меньшевиков и подчеркнул подозрительное поведение Корнилова, между тем как поведение большевиков выставлял единственно правильным и лозунги их единственно приемлемыми. Измайлов был настолько литературен, что напечатал мое письмо, урезав в нем одно только резкое слово, но сопроводил письмо примечанием от себя, что за содержание его редактор не отвечает, не разделяя моих взглядов» (Там же. Т. 1. С. 538). На самом деле в письме Измайлову, сопровождающем ответ на анкету, Ясинский лишь высказал предположение, что редакция захочет как-либо прокомментировать его текст (см.: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 45).

[56] Петроградский листок. 1917. 27 авг. № 206. С. 2.

Несмотря на то, что после Октябрьского переворота литераторы заняли абсолютно разные позиции по отношению к власти большевиков, они сохранили дружеские отношения и продолжили обсуждение литературных дел и политических событий. Открывается данный период их эпистолярного общения пространным письмом-исповедью Ясинского «О большевиках, о сверхчеловеке и жабах», в котором он подробно обосновал готовность принять новую российскую действительность и найти в ней свое место.[57] Отметив собственную изначальную аполитичность и нежелание входить в какие-либо партии, Ясинский последовательно изобразил свой путь к принятию большевистской идеологии, в частности через увлечение идеями анархизма и ницшеанство, и сделал акцент на том, что его сотрудничество с нынешним правительством никак не связано с желанием приспособиться к текущей ситуации, упомянув, что еще в августе 1917 года, до победы большевиков, выразил им симпатию в ответах на анкету газеты «Петроградский листок», поскольку его взгляды не совпадали с программой какой бы то ни было другой политической партии. Он также напомнил Измайлову, что именно благодаря его редакторской деятельности второе (рассчитанное на провинциального читателя) издание газеты «Биржевые ведомости» приобрело истинно «демократический дух».

Оправдательный тон письма, несомненно, был вызван многочисленными обвинениями в приспособленчестве, аморализме и двурушничестве, выдвинутыми против Ясинского в левой российской печати. Поводом для этих обвинений послужили упомянутая в письме статья А. В. Луначарского «Сретение», в которой описан визит Ясинского в Зимний дворец, и выступление писателя с лекцией о философии Ницше перед революционными матросами в Кронштадте.[58]

Подробное объяснение своей послереволюционной позиции в письме Измайлову Ясинский едва ли не дословно использовал в 103-й главе «Романа моей жизни».[59]

Острый политический пафос полностью исчез в письмах, в которых Измайлов и Ясинский делились своими переживаниями и бытовыми проблемами в тяжелое послереволюционное время. Так, 17 июня 1919 года Ясинский писал из Кронштадта:

«Дорогой и милый Александр Алексеевич, Вы и не подозреваете, как обрадовало меня Ваше чудесное письмо. Я даже заплакал. Со времени смерти Клавушки[60] я, впрочем, часто плачу: горе мое горит, да и старость слезлива. Неправда, будто старики черствы. Скорее моя молодость была черства. От Коринфского я тоже получил хорошие строки. Ах, славный Александр Алексеевич, как хочется Вас! Да, да, приезжайте 28 июня. Это придется в субботу — ту. По субботам рано кончаются занятия, я же и вовсе не пойду. Переночуйте у меня. Авось голодны не будете. Хороший друг! Не забудьте. А не захотите ночевать — пароходы есть — до 11 часов, от Летнего Сада и до Приморского вокзала. Целую Вас! Иер. Ясинский».[61]

---

[57] См.: ИРЛИ. Ф. 155. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 91–92.

[58] *Луначарский А.* Сретение // Известия. 1917. 17 нояб. С. 3. В статье под тем же названием «Сретение», подписанной псевдонимом Leo, приведено стихотворение, последняя строфа которого звучит так: «И вот, былой порнограф штатский, / Ведомый знаменем одним, / Теперь угодник ты Кронштадтский, / О, большевик Иероним!» (Дело народа. 1917. 21 нояб. № 215). Ср. также в статье И. Осеньева «Салон»: «У большевиков свои лейб-поэты и лейб-литераторы, — такова судьба всякого победителя. <...> Сегодня лагерь большевистских поэтов увеличен еще одним. В Кронштадте выступает с лекциями небезызвестный романист И. И. Ясинский (Максим Белинский), бывший редактор „Биржевых ведомостей“ и журнала, издающегося при нем, „Новое слово“. Что за фигура Ясинский — лучше всего характеризует известное письмо группы литераторов, во главе с Горьким, отказавшихся сотрудничать в журнале, в котором принимает участие „черносотенец“ Ясинский. Салон г-жи Коллонтай может похвастаться: он не уступает салону гр. Игнатьевой. Распутин, где ты?!» (Вечер. 1917. 17 (30) нояб. № 7).

[59] См.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 698–703.

[60] Жена Ясинского, Клавдия Ивановна Степанова, скончалась 21 сентября 1918 года.

[61] ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 86. Ср. также описание встреч Измайлова и Ясинского в «Романе моей жизни» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 539–541).

В своем последнем письме от 3 декабря 1920 года Измайлов поблагодарил Ясинского за содействие его публикации в журнале «Пламя»: «Душевно Вас благодарю, дорогой Иероним Иеронимович. Так дорого и Ваше внимание и ласковость, и так необычно-радостно увидеть свою строку после трех лет поста! Непременно приду к Вам. Но мало рассчитываю на ночевку. Я приобрел тяжелую и подлую болезнь сердца. Ложная грудная жаба на почве невроза. Вероятно, Вы знаете, что это такое. Человека душит при движении, как если бы кто схватил его за грудь и горло. Огневая боль. Вчера — ровно 2 месяца, как она меня не покидает. А ходить необходимо. Иду и останавливаюсь после 100 шагов, а самому холодно. Проклятие!»[62]

По свидетельству В. В. Смиренского, Ясинский был среди немногочисленных участников похорон Измайлова, состоявшихся 19 марта 1921 года.[63]

Некрологическая заметка И. И. Ясинского «Памяти Александра Алексеевича Измайлова» публикуется по машинописи с авторской правкой, хранящейся в его личном фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 248. Л. 1–6).

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. И. Ясинский

Памяти Александра Алексеевича Измайлова

Мне, на восьмом десятке лет, меньше всего можно было ожидать, что я, переживя Александра Алексеевича, в состоянии еще буду написать о нем несколько поминальных строк. Около тридцати лет я был знаком с ним; был дружен с ним; до последнего времени почти каждый день видался с ним. По внешности он казался мне неизменным: все такой же молодой и солидный, светлый, отзывчивый, глубоко просвещенный и начитанный, на редкость литературный, добрый, и, я бы сказал, целомудренный в лучшем смысле этого слова...

И вдруг опустилась костлявая рука смерти, и из нашей, и без того крайне поредевшей, семьи внезапно выхватила этого превосходнейшего человека с кристальной душою. Еще на днях я его видел, жал ему руку, любовался его литературной ненасытностью, его чарующей дружеской улыбкой... И уже нет его. И по гробовой крышке его глухо стучат комья земли!

Мы потеряли в Измайлове, однако, не только великолепного человека, но выдающуюся, пожалуй, даже огромную литературную силу. Поразительная скромность покойного писателя, конечно, не могла не повлиять и на излишнюю скромность признанного за ним, при его жизни, литературного значения. Он никогда не выставлялся, не оригинальничал, был застенчив, почти робок. Родился и работал он на переломе нашего литературного сознания, во время тех литературных сумерек, которые воспел Чехов и которые прошли через критический анализ и самого Измайлова. Во всяком случае следует согласиться со мною, что литературные сумерки, которыми закончился последний дореволюционный период нашего литературно-общественного развития, ни одним другим критиком не был<и> так подробно изучен<ы> и объяснен<ы>, как Александром Алексеевичем. А известная книга его о Чехове[1] представляет собою работу, поистине, монументальную, и можно удивляться, что автор не был за этот труд сделан членом Академии наук. Не умеют у нас ценить людей.

А что Александр Алексеевич был не только выразителем и комментатором наших литературных сумерек, но и вообще одним из немногих русских критиков, на деятельности

[62] ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 310. Л. 3–4.

[63] *Скорбный Андрей* [Смиренский В. В.]. Александр Алексеевич Измайлов. Пб., 1922. С. 20.

которых историк русской литературы, несомненно, остановится с пристальным вниманием, покажет будущее — надеюсь, близкое. Ибо уже наступает время итогов.

Распространено мнение, будто нет ничего легче критики. Да. Легка плохая критика, но хорошая критика, на самом деле, еще «труднее» хорошей беллетристики. Разве много было у нас критиков?

Именами выдающихся беллетристов можно исписать целую страницу. А критиков раз-два и обчелся. Кого из критиков читают? Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского — и то не все, тома Михайловского — и тоже далеко не все. А Измайлова читают и будут читать. В нем жил и останется жить в его критических произведениях глубокий литературный темперамент, и сколько таланта в его статьях, книгах, в каждой его любовно обточенной и огнем любви и понимания согретой литературной фразе!

Еще слишком свежа могила Александра Алексеевича, еще слеза набегает на глаза и застилает строки... Еще трудно сказать то настоящее, что хотелось бы посвятить памяти нашего друга. Александру Алексеевичу надо было бы воздвигнуть первым делом даже и не такой памятник, как литературная панихида: надо было бы издать все его сочинения... Какого другого бессмертия, более действительного и яркого, достоин русский писатель?

Прости, дорогой Александр Алексеевич, благородный и незабвенный друг, достойнейший из достойных, что мы пока бессильны исполнить этот священный долг русского общества.[2]

[1] Имеется в виду издание: *Измайлов А. А.* Чехов. 1860–1904: Биографический набросок. М.: Тип. Т<оварищест>ва И. Д. Сытина, 1916.

[2] Последний абзац перечеркнут. Слева на полях вписано: «Биографию Измайлова следовало бы написать и издать».

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-168-173

© *Н. Ю. Грякалова*

К РАЗРЕШЕНИЮ ОДНОГО ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО КАЗУСА (НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. А. БЛОКА К Д. Н. ФРИДБЕРГУ)

В девятой записной книжке А. А. Блока (сентябрь–октябрь 1904 года), на развороте л. 12 об. и 13, находится следующий стихотворный набросок:

Веселимся, кружимся,
Хороводом тешимся —

Мальчики да девочки,
Ясные звездочки.[1]

Красное солнце!
Глянь-ка в оконце!

[1] Первоначально набросок начинался с незавершенного варианта двустишия: «Девочки, мальчики, / Ясные звездочки. // Кружимся». Инициальные строки, оставшись таковыми, позже перейдут в стихотворение «Вербочки» (1–10 февраля 1906): «Мальчики да девочки, / Свечечки да вербочки / Понесли домой» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 73; далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы).

А в оконце — глянь-ка,[2]
Мамка да нянька![3]
Белая хатка,
Смуглая солдатка!

———————————

Старшая сестрица
Дай-ка нам водицы[4]

———————————

Эй вы ребятки,
Врозь во все лопатки![5]
Скидавайте шапки

Нянька[6] то ————
Старшая сестрица[7]

Без последних двух строк и с упорядоченной пунктуацией он был опубликован в четвертом томе 12-томного Собрания сочинений поэта как завершенное стихотворение, извлеченное из записных книжек.[8] Пополнив корпус законченных стихотворных текстов, оно впоследствии включалось В. Н. Орловым и в Полное собрание стихотворений Блока в двух томах,[9] и в хрестоматийный восьмитомник.[10] И только в процессе подготовки академического Полного собрания сочинений и писем, при дифференциации законченных и незавершенных блоковских текстов, была отмечена немотивированность подобного решения, о чем в преамбуле к т. 4 (Стихотворения, не вошедшие в основное собрание) сказано: стихотворение «Веселимся, кружимся...» «явно не закончено: оно имеет набросок продолжения, не учтенный Ивановым-Разумником» (4, 385). В своем новом текстологическом статусе оно было включено в состав т. 11 (раздел «Незаконченные стихотворения и наброски»).

Однако было бы несправедливо возлагать ответственность за текстологическую ошибку на Иванова-Разумника, проделавшего, как известно, колоссальную работу по освоению архива Блока и подготовке рукописей стихотворных текстов, включая подробное описание их истории, для 12-томного собрания сочинений.[11] К тому же существует собственное признание критика, уже опального и потому скрывшегося под псевдонимом: «В четвертом томе „Собрания сочинений“ Александра Блока имеется отдел „Для детей“, в котором находятся одиннадцать стихотворений 1904–1912 годов.

Собственно говоря, этих стихотворений должно быть только десять, предназначенных самим Блоком для этого отдела и напечатанных им при жизни; одиннадцатое стихотворение „Веселимся, кружимся“ (помещенное в отделе вторым) внесено в отдел *волею издательства* из записной книжки А. Блока и вовсе не предназначалось им для

---

[2] Незачеркнутый вариант: глядь-ка,

[3] Ниже записан вариант: тятька

[4] Ниже в скобках записан вариант: (напиться!)

[5] Было: *а. начато:* Эй вы
б. Ну-ка вы ребятки
Врозь во все лопатки!

[6] Далее начато и густо зачеркнуто начало слова или предлог.

[7] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 12–13 об.

[8] *Блок А.* Собр. соч.: В 12 т. [Л.:] Издательство писателей в Ленинграде, [1932]. Т. 4. С. 217–218.

[9] *Блок А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Вступ. статья, ред. и прим. Вл. Орлова. [Л.], 1946. Т. 2. С. 192, 195.

[10] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 315.

[11] Подробно эта сторона деятельности основоположника блоковской текстологии освещена во вступительной статье А. В. Лаврова к публикации переписки Блока с Р. В. Ивановым-Разумником (Лит. наследство. 1981. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2. С. 382–384).

печати».[12] Более того, оно так и осталось в набросках, поскольку работа над ним была прервана по ряду причин, и к этому тексту Блок больше не возвращался, хотя, как уже было отмечено, отдельные его элементы были «использованы» им в дальнейшем.

Окончательно разрешить текстологический казус позволяет неизвестное письмо Блока к Д. Н. Фридбергу от 12 сентября 1904 года, обнаруженное нами в фонде В. Н. Орлова в РГАЛИ вместе с еще двумя посланиями к тому же адресату; к ним приложен автограф стихотворения «Колыбельная песня».[13] Они относятся к осени 1904 года (сентябрь–октябрь), периоду дружеского общения Блока с товарищами по Петербургскому университету и студенческому литературному кружку — Дмитрием Фридбергом (1880–1961) и Леонидом Семеновым (1880–1917).[14] Письма вложены в двойной лист большого формата, на лицевой стороне отметки, принадлежащие В. Н. Орлову:

Ал. Блок

Три письма Д. Фридбергу

1. 12 сентября 1904 г.
2. 17 сентября 1904 г. (открытка).
3. 8 октября

Получены от Дм. Наум. Ефимова (Фридберга) 20.VI.1935.[15]

Скорее всего, блоковские письма были переданы исследователю творчества поэта при личной встрече: в той же единице хранения находится конверт с надписью зелеными чернилами рукой Фридберга: «Письма А. А. Блока», в левом верхнем углу которого отмечено: «от Фридберга-Ефимова, Д. Н. 20.VI.1935. Вл. О<рлов>».[16] Оставляя на будущее подробный обзор материалов, поступивших от адресата Блока и отложившихся в архиве литературоведа, как и текстуально зафиксированной здесь же информации, приведем только первое письмо, принципиально значимое для нашего сюжета.

Милый Дмитрий Наумович.

Я еще не начинал хоровода, лучше совсем бросить его. Я брошу. Вот солдатская песня Брюсова (на след. стр.).

---

[12] *Корсаков Р.* <Иванов-Разумник Р. В.>. Стихи А. Блока для детей // Детская литература. 1940. № 11–12. С. 79. Курсив мой. — *Н. Г.*

[13] В «Перечне несохранившихся и неразысканных писем А. А. Блока», составленном В. Н. Орловым (подпись: Вл. Орлов), они отсутствуют. См.: Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В. Н. Орлова. М., 1975. Вып. 1. Письма Александра Блока. С. 473–480. Три новонайденных письма будут включены в корпус блоковского эпистолярия и опубликованы в т. 15 Полного собрания сочинений. Из писем Фридберга к Блоку известно только одно (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 440; архивная датировка: 16 мая 1907 года).

[14] См.: *Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В.* Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. [Вып.] IV. С. 67–68; *Иванова Е. В.* Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 198–212. Биографические сведения приведены: *Фридберг К. Д., Эльзон М. Д.* Ефимов (до 1918 Фридберг) Дмитрий Наумович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 281–282; *Баевский В. С.* Семенов, Семенов-Тян-Шанский Леонид Дмитриевич // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 553–555. О Фридберге, его сближении с ранними символистами, вхождении в круг Мережковских и «Нового пути» см.: Лит. наследство. 1991. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. (по указ.); *Минц З. Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 143–144; Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 2. Е. П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи. С. 371, 380, 385; см. о нем также: *Райков Б. Е.* На жизненном пути. Автобиографические очерки: В 2 кн. СПб., 2011. Кн. 1. С. 200–201, 237, 327, 519.

[15] РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 1.

[16] Там же. Л. 6.

Непременно приходите вечером до 20 сентября. Как бы нам сговориться с Вами и с Л. Д.? — Если Вам ничего, я сговорюсь с ним, и назначим какой-нибудь день на этой неделе? Он хотел прийти и верно будет свободен.
Напишу вам заранее, если будет неудобно, — переменим.

Ваш Ал. Блок.

Если увидите В. А., кланяйтесь ему от меня, пожалуйста.

12 сентября 1904 г.
Спб.

Из текста письма — по упоминанию в нем «хоровода» и (под инициалами) Л. Д. Семенова и В. А. Тернавцева, а также «Солдатской песни» В. Брюсова — реконструируются и обстоятельства, его сопровождавшие. Именно в это время В. А. Тернавцев, религиозно-общественный деятель, один из инициаторов диалога Церкви и интеллигенции и организаторов (совместно с Д. С. Мережковским, В. В. Розановым и Д. Ф. Философовым) петербургских Религиозно-философских собраний,[17] где такой диалог стал возможен, на тот момент — чиновник Святейшего Синода (с начала 1906 года — чиновник по особым поручениям канцелярии Обер-Прокурора Синода по отделу образования), курировал разработку новых учебников для начальных классов народных (церковно-приходских) школ. Это предполагало отбор текстов классической литературы, их переложение и адаптацию, включение дидактического материала и, кроме того, поиски возможностей обновления канонического репертуара поэзии для детей. К реализации этой задачи он и привлек молодых поэтов, близких кругу Мережковских и разделявших взгляды адептов «нового религиозного сознания» — Семенова и Фридберга, заинтересованных и в росте популярности, и в литературном заработке. Их имена были анонсированы в редакционном предуведомлении к учебным пособиям — «Букварю»[18] и «Книге для чтения»,[19] выходившим под общим заглавием «Наша школа».

Естественно, в орбиту внимания Тернавцева был вовлечен и Блок. Приглашение к сотрудничеству в образовательно-просветительском проекте было передано Блоку через Фридберга при личной встрече 31 августа 1904 года. Содержание беседы Блок подробно изложил в письме к матери от 2 сентября: «31-ого вдруг пришел перед завтраком Фридберг по делу от Тернавцева, который издает букварь для народных школ (разойдется в десятках тысяч экз<empляров>, если будет принято) — трехтомный, совсем по-новому, — для развития и облагоражив<ания> вкусов? Там много стихов, и он просит меня написать что-то вроде колыбельной песни. Обещает очень хорошо заплатить и пригласил для разговоров. Пойду к нему завтра, он объяснит лучше Фридберга (понятнее)».[20]

---

[17] Доклад В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей», с которым он выступил 29 ноября 1901 года на первом заседании Религиозно-философских собраний, открывал публикацию «Записок петербургских Религиозно-философских собраний» в журнале «Новый путь» (1903. № 1). Блок обратил внимание на данное выступление, прочитав его с карандашом в руках, см.: *Игошева Т. В.* Блок и доклад В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей» // Игошева Т. В. Ранняя лирика А. А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М., 2013. С. 95–100. Ср. его замечание в письме к Л. Д. Менделеевой от 27 декабря 1902 года в связи с выходом нового журнала: «Думаю, что журнал очень интересный. Нравится ли Тебе и что именно? Занятен Тернавцев» (Лит. наследство. 1978. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене / Вступ. статья и комм. Вл. Орлова. С. 98).

[18] «Рассказы и статьи, помещенные в этой книге, написаны вновь. Ближайшее участие в этой работе принимали следующие лица: М. А. Тернавцева, Л. Д. Семенов, Влад. Вас. Успенский и Вас. Вас. Успенский» (*Тернавцев В.* Наша школа: Год первый. Букварь и первое чтение. СПб.: Училищный Совет при Святейшем Синоде, 1906. С. <III>).

[19] «Большинство рассказов и статей, помещенных в оглавлении без имени автора, составлены вновь. Ближайшее участие в этой работе принимали следующие лица: М. А. Тернавцева, Вас. Вас. Успенский, Влад. Вас. Успенский и Дм. Наум. Фридберг» (*Тернавцев В. А.* Наша школа: Год второй. Книга для чтения. СПб.: Училищный Совет при Святейшем Синоде, 1905. С. <I>).

[20] Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. Т. 1. С. 127.

Это был первый опыт Блока в написании стихов «на заказ», и в следующем письме к матери (после 3 сентября), уже после очного обсуждения предложения, он выражал сомнение в успехе: «Много интересного с Тернавцевым говорил, не знаю, что выйдет из стихов на заказ».[21] Таким образом, кроме «хороводной», в истории отношений с редакцией «Букваря» появляется еще и заказ на песню в другом жанре — колыбельной. Работа над ней, не столь и простая, отражена в той же записной книжке № 9, где на л. 23 об. — 25 об. расположены черновой набросок и первоначальная редакция будущей «Колыбельной песни» («Спят луга, спят леса...»), доведенной до финала 25 сентября 1904 года.[22] Однако в «Букварь», для которого писалась (ср. помету: «Для букваря» в рабочей тетради № 4), она принята не была, а была опубликована позже в детском журнале «Тропинка» (1906. Июнь. № 11), а затем включена Блоком в сборник «Сказки. Стихи для детей» (1913).[23]

А что же «хоровод»? Едва начав разработку поэтического замысла, Блок получил уведомление издательской комиссии об отказе от первоначальной договоренности: в письме от 11 сентября 1904 года (за подписью «М. Ф.») автора информировали о решении Училищного совета при Святейшем Синоде не печатать «хороводной песни» и рекомендовали оставить работу над ней.[24] Чем было мотивировано подобное решение, неизвестно, возможно, сторонники «модернистских веяний» оказались в меньшинстве. Кстати, стихотворение В. Брюсова «Солдатская» («Так-то, братцы, и с Китаем...») из сборника «Urbi et Orbi» (1903; раздел «Песни»),[25] список с которого был послан Блоком при его письме к Фридбергу для формирования редакторского портфеля, также не было опубликовано в рассматриваемых учебных пособиях. Если оно, не лишенное ангажированности политическим моментом, и могло быть признано не соответствующим целевой аудитории — учащимся начальной школы, то совершенно непонятно, по какой причине было отклонено подходящее по всем параметрам стихотворение «Детская» («Палочка-выручалочка...»), направленное Блоком Тернавцеву при письме от 13 октября 1904 года с постскриптумом: «Прилагаю „детскую“ песенку Брюсова, о которой Вы говорили».[26] В «Книгу для чтения» было включено только стихотворение Брюсова «На колокол» — такое название получил текст — все из того же раздела «Песни» — «Сборщиков» («Пожертвуйте, благодетели...»), имитирующее распев стиха странствующих сборщиков на церковные колокола:

Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол —
Глас Господень.
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.[27]

Это было единственное стихотворение поэта-символиста, опубликованное под патронатом Святого Синода.

---

[21] Там же. С. 129. Два письма Блока к Тернавцеву, относящиеся к данному сюжету, были приведены (без обращения, подписи и постскриптума) Ивановым-Разумником в указанной выше статье (Детская литература. 1940. № 11–12. С. 81). Их местонахождение в настоящее время: ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 55.

[22] Автограф первоначальной редакции стихотворения Блока сохранился среди материалов, переданных Фридбергом В. Н. Орлову (РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 7), однако остался неизвестен составителям Полного собрания сочинений и писем Блока.

[23] История текста подробно представлена в Полном собрании сочинений и писем (4, 349–352; комм. на с. 588–589).

[24] РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 1.

[25] Раздел «Песни» был структурирован следующим образом: I. Фабричная. II. Фабричная. III. Детская. IV. Солдатская. V. Сборщиков. VI. Девичья. VII. Веселая.

[26] ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 55. Л. 1 об.

[27] См.: *Тернавцев В. А.* Наша школа: Год второй. С. 106–107. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым и Я. В. Вейнбергом («Песня сборщиков»).

Присмотримся теперь к микроконтексту — текстуальным элементам, непосредственно примыкающим к блоковскому наброску «Веселимся, кружимся...». На предшествующем ему листе (л. 12) имеется стихотворный набросок, формально и содержательно с «хороводом» не связанный:

Еще прозрачней станешь ты.
Еще бессмертней стану я.
[Кружись и ты — зажги цветы —]
Залог кружащейся мечты —[28]
Душа последняя моя.

Однако обозначенная в нем тема кружения могла стать импульсом (возможно, бессознательным) к выбору для написания именно хороводной песни — напомним о ключевой роли глагола «кружимся» в вариантах инициальных строк рассматриваемого наброска.

Обращает на себя внимание расположенная над наброском «хоровода» и отчеркнутая от него запись, впоследствии зачеркнутая несколькими косыми линиями: «Сборщики Брюсова», что отсылает к соответствующей «песне». Эта маргиналия была проигнорирована предшествующими поколениями текстологов, а в новейшем издании записных книжек прочитана как «Сборник Брюсова» (13, 157).[29] Однако вводимые в научный оборот неизвестные ранее эпистолярные материалы меняют и режим чтения текста, и парадигмы его интерпретации. Резонно предположить, с учетом реконструированного контекста, что Блок мог рекомендовать «Сборщиков» Тернавцеву, подобно другим брюсовским «песням». Известно, что сборник Брюсова «Urbi et Orbi», став для Блока настоящим откровением, был им дважды прорецензирован (см.: 7, 139–141 и 141–144), в свет вышла — летом 1904 года в журнале «Новый путь» — только вторая, более развернутая и комплиментарная рецензия. Восхитившись «разнообразием брюсовской музы» и выделив контрапункт книги — «лозунг „memento vivere“»,[30] рецензент обратил внимание и на раздел «Песни», в частности на две «фабричные» (7, 143). Обращение Брюсова к образцам новейшего фольклора в форме стилизации «наивной» поэзии воспринималось Блоком в контексте брюсовского урбанизма, как часть общей картины современной жизни и ее обостренного восприятия — феномен, который И. Анненский назвал «современной чувствительностью». Кроме того, для Блока, экспериментировавшего в данный период со стихотворными формами, были существенно важны открытия в области стихосложения. В своем отклике на программный сборник «мэтра» Блок не преминул отметить его новации в этом направлении: «Надо заметить, что Брюсов не обременяет читателя не только вариантами одного содержания, но избегает повторений и в размерах. Достаточно указать, что в книге, состоящей из 96 стихотворений, употреблено более 40 разных размеров. При этом некоторые из них (vers libre) усвоены русским стихосложением впервые» (7, 141).

В своем раннем опыте фольклорной стилизации — поэзии «детской», или «наивной», каковой была его «хороводная», Блок избрал ориентиром брюсовские «Песни». Попытка, как мы видели, не удовлетворила поэта, и он оставил свой замысел. Блок больше никогда не возвращался к этим наброскам и, конечно, не считал текст «Веселимся, кружимся...» законченным, почему и не внес его в план предполагаемой книги стихов «Для детей».[31]

---

[28] Было: В залог кружащейся мечты —

[29] То есть «Urbi et Orbi», как отмечено в комментарии.

[30] помни о жизни (*лат.*)

[31] План, составленный 19 августа 1918 года в рабочей тетради № 9, был опубликован Ивановым-Разумником, см.: *Корсаков Р.* <Иванов-Разумник Р. В.>. Стихи А. Блока для детей. С. 79.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-174-180

© *Е. Н. Филиппов* (*Словакия*)

«КРАСНЫЙ СМЕХ» «ЦАРЯ ГОЛОДА»: МИГРАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. АНДРЕЕВА 1900-Х ГОДОВ

В письме от 12–14 ноября 1904 года Л. Н. Андреев обращается к М. Горькому с просьбой прочитать его повесть «Красный смех»: «Некто посоветовал мне выбросить отрывок 15-й, говорит, рассудочно очень — посмотри, друже, может, и правда».[1] Горький в ответном письме от 16–18 ноября 1904 года рекомендовал: «...15-й отрывок надо выбросить вон, он не усиливает впечатления, он разбавляет кровь мутной водой и даже написан не в тоне».[2] Андреев прислушался к Горькому и полностью изменил этот фрагмент. В окончательном тексте повести его нет, но в ранних редакциях сохранилось два варианта первой версии пятнадцатого отрывка (далее — Т1). Позже Андреев возвращается к исключенному материалу, перерабатывает его и включает в пьесу «Царь Голод».

Целью данного исследования является анализ межтекстовых связей: генезис, пути миграции и специфика трансформации художественных образов в повести «Красный смех» (1904), пьесах «К звездам» (1905) и «Царь Голод» (1908), а также ранних редакциях указанных произведений.

В повести «Красный смех» исключенный эпизод представлял собой сон героя, в котором «умственная чернь города» устроила «настоящее правильное собрание». В пьесе этот образ выступает уже как элемент реального действия, где «голодная чернь пародирует настоящее деловое заседание» (картина вторая). Происходит своего рода экстериоризация образа внутри двух художественных систем. Сравним эти эпизоды. Впервые в пьесе мы встречаемся с элементами Т1, но уже переработанными, в ремарке во второй картине. Портрет черни («низкие и приплюснутые лбы»[3]) не только гипертрофировался в «почти полное отсутствие лба, уродливое развитие черепа, широкие челюсти» (6, 201), «головы микроцефалов», «низенький лоб» (6, 207), но и трансформировался в пространственную характеристику подвала («сводчатые потолки очень низки», «помещение имеет форму сплюснутого полуовала» — 6, 201). Пространство в пьесе выполняет характерологическую функцию по отношению к хоровым персонажам черни. Мы наблюдаем семиотическую синонимию: низкие лбы — низкие потолки, приплюснутые лбы — сплюснутая форма помещения. Отсутствие лба и широкие челюсти образуют форму полуовала, с которой также сравнивается помещение. Подобный параллелизм усиливает суггестивный эффект художественного образа.

Обратимся к номинации черни. В ранней редакции «Красного смеха» Андреев называет ее «умственной чернью города», в «Царе Голоде» — «голодной чернью». В Т1 герой узнает этих людей «по хищному и тревожному голодному выражению скотских лиц» (4, 318) — акцентируем внимание на лексеме «голодный», которая встречается и в Т1, и в тексте пьесы.

Также в обоих текстах присутствует мотив потери человеческого облика («не-человеческого»), «звериного» в образах.[4] В Т1 — «хищное выражение скотских лиц», в пьесе — «сплошное, дикое и злое уродство, только смутно напоминающее человека»,

---

[1] Переписка Горького и Андреева / Комм. В. Н. Чувакова // Лит. наследство. 1965. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. С. 236.

[2] Там же. С. 243.

[3] *Андреев Л. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2017. Т. 4. С. 318. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

[4] Этот мотив присущ и другим произведениям Андреева, см.: *Догнал Й.* Крик у Э. Мунка и Л. Андреева // На рубеже веков: Российско-скандинавский диалог. Доклады междунар. науч. конф. Москва, 23–27 апреля 2000 г. М., 2001. С. 248–256.

«что-то скотское или звериное в походке и движениях делают их существами как бы совсем особой расы», председатель походит на «задыхающуюся пьяную жабу» (6, 201), «в зверином оскале зубов» (6, 202), «свирепо оскалив зубы» (6, 203), «мы голодны и, как собаки, выброшены в ночь», «мы хуже скотов, потому что когда-то были людьми» (6, 204), «сударыня, и вы могли любить эту свинью» (6, 205), «мы раньше перегрыземся сами» (6, 206), «выползайте понемногу из ваших нор», «свободнее выходит наружу зверь» (6, 211), «дикий свист. Кто-то в безумии кружится как юла» (6, 212), «председатель с злобно оскаленными зубами» (6, 214).

В пьесе образ черни более детализирован: перечисляются ее представители («уличные дешевые проститутки, хулиганы и их подруги, сутенеры, мелкие воры, убийцы, нищие, калеки и другие отбросы большого города, все самое ужасное, что может дать нищета, порок, преступление и вечный, неутолимый голод» — 6, 201), увеличивается общее число выступающих «членов собрания», появляются два-три персонажа с «обыкновенными человеческими лицами и платьями», а «клочки изорванных одежд» (4, 318) в «Царе Голоде» превращаются в «фантастическую и грязную» одежду и «нелепо-франтовские наряды» сутенеров с «пестрыми галстуками».

Интересно проявил себя в тексте пьесы образ мертвой черни. В Т1 он дан через поэтику сна и галлюцинаций: «„Они, должно быть, мертвые“, подумал я, и мне стало страшно, и они все сразу побледнели, закрыли глаза и заколыхались в багровом и дымном огне, пропадая в живой, подвижной темноте углов» (4, 319). В «Царе Голоде»: «Некоторые лица очень темны; другие очень красны; и есть несколько зловещих лиц, бледных смертельно, совершенно белых, с яркими пятнами румянца на скулах» (6, 201). Если в Т1 чернь бледнеет после того, как герой подумал, что они мертвые, то в пьесе в описании живой черни используется эпитет «смертельно» бледные. Близка и цветовая гамма: красный, белый, черный. В Т1 встречаются: красный — багровый, огонь; белый — побледнели; черный — темнота углов, дым. В «Царе Голоде»: красный — красные лица, яркие пятна румянца на скулах; белый — бледные и совершенно белые лица; черный — очень темные лица. Живая темнота углов, контрастирующая с пропадающей в ней мертвой чернью, в пьесе также связана с семантикой смерти: труп первого председателя «грубо оттаскивают в угол, и там лежит он все время» (6, 205). Тема «живых мертвецов» развивается в момент голосования («Мертвые также имеют голос» — 6, 209), когда председателя поднимают («Подходят трое и, среди молчания, поднимают мертвого и держат его стоя» — Там же).

В Т1 герой не слышит слов председателя, они кажутся ему «строчками — красными строчками на черной бумаге» (4, 319). В пьесе эта деталь отсутствует, но красный цвет переходит в портрет председателя: «Лицо красное» (6, 201).

Тема уничтожения книг, звучащая на собрании в Т1, в эпизоде «заседания» в пьесе представлена в сильно редуцированном виде, но она получила свое продолжение в четвертой картине. Во дворце, где прячется от бунта «сытое» общество, «видна библиотека — ряды шкапов, уставленных книгами в богатых переплетах» (6, 232). Книги здесь выступают в качестве атрибута этого общества и являются одним из средств противопоставления пространств разных социальных групп (ср.: «В углах помещения и в дальнем конце его валяется всякая рухлядь: пустые, полурассыпавшиеся бочки без обручей, какие-то доски, деревянные козла и т. п.» — 6, 201). Профессор сокрушается, увидев, что во время бунта жгут книги: «Наше сокровище — нашу человеческую гордость — нашу великую святыню — они жгут книги, господа», — но не находит отклика в этом обществе: люди «пренебрежительно, с улыбками, не удостаивая ответа, как сумасшедшего или ребенка, отходят» (6, 239).

В ранней редакции «Царя Голода» тема уничтожения книг на «заседании» отсутствует, она возникает только в реплике Профессора во время бунта («Когда я увидел сегодня, как они рвали и жгли книги — понимаете, книги! Ведь это сокровище! Ведь если когда-нибудь совсем погибнет человек, и останется только книга — новый пришлец благословит имя человека. А они жгли их! Рвали! Даже не подозревая, что они делают!» — 6, 509).

Стоит отметить, что Андреев обращается к этой теме и в работе над пьесой «К звездам» (на это указывает и В. Н. Чуваков).[5] В черновиках мы встречаем в репликах Высокого такие суждения: «От книги вся неправда. Были люди равны, а выдумал дьявол книгу, и стали господа. <...> Барин тот, у кого книга. Научи собаку читать, она с собаками жить не захочет» (4, 469). В другом варианте появляется тема уничтожения книг: «Книги нужно сжечь. От книг все. Много книг, много народу горя. Книг не было — лучше жили» (4, 485). В окончательный текст пьесы «К звездам» эти эпизоды не вошли.

Интересно также то, что в черновых вариантах «К звездам» содержатся эпизоды со зверями: «Зверинец тут приехал <...>. Так зверей бы выпустить. Замок у них дешевый, я видел» (4, 476); «Они нынешней зимою зверей хотели выпустить. Зверинец приезжал, так они ночью хотели клетки пораскрывать» (4, 484). В итоге эти фрагменты «перекочевали» в «Царя Голода»: «Тут есть сад с зверями, с тиграми... Я предлагаю: взломать клетки и выпустить зверей» (6, 205).

Мотив огня как средства борьбы является сквозным для Т1 («Огонь также хорошее [орудие] средство...» — 4, 319) и пьесы «Царь Голод» («Запасайтесь спичками. Спички дешевы! <...> Огонь! Будет светло. <...> Будем жечь! <...> Сожжем весь город!» — 6, 211–212). Тема захвата артиллерии, возникающая в Т1 («Также приняты меры к тому, чтобы хотя часть их прекрасной артиллерии была своевременно захвачена в наши руки» — 4, 320), перешла в «Царя Голода» в трансформированном виде не в сцену заседания голодной черни, а в картину первую — «Царь Голод призывает к бунту работающих»:

«Голоса. У них пушки!

Царь Голод. Так отнимите их!

Первый рабочий. А кто будет управлять? Мы не умеем, царь!

Царь Голод. <...> Безумцы! Пушки нужны им, а не вам. Отнимите их только, и они станут бессильны и кротки, как домашние животные, они будут плакать и молить вас о пощаде.

Голоса. Это правда!

Царь Голод. Отнимите пушки — и к вам на службу придут инженеры и ученые, и вы станете господами земли!» (6, 198).

Из речи оратора, представителя черни, призыв захватить артиллерию перешел в речь Царя Голода, поменялся и адресат: в Т1 — чернь, в «Царе Голоде» — рабочие. В пьесе артиллерия (орудия, снаряды, пушки) фигурирует также в четвертой и пятой картинах, и, собственно, артиллерия становится тем средством, с помощью которого подавляется бунт.

Имитируя «правильное собрание» в Т1 «председатель спросил, как настоящий и все рассмеялись: / — Кто имеет возразить?» (4, 320). В «Царе Голоде» Андреев перерабатывает этот эпизод, пародирующий «настоящее деловое заседание», и расширяет его:

«Председатель. <...> Но чтобы не вышло (*рисуясь*) юридической ошибки, я ставлю вопрос на баллотировку.

<...>

Председатель. Но, чтобы впоследствии не заслужить упрека в несправедливости и соблюсти все необходимые...

Запинается.

Царь Голод (*подсказывает*). ...Процессуальные.

Председатель. Да, я знаю... Процессуальные формы, я предложил бы кому-нибудь из присутствующих взять на себя их защиту. Кто желает?» (6, 209).

Мольба героя Т1 не убивать детей («Не надо детей!» — 4, 321) после заявления представителя черни, «что их дети также подлежат истреблению», переросла в пьесе в обсуждение:

«Встает старая пьяная женщина.

[5] См.: Переписка Горького и Андреева. С. 244 (комм.).

— Вот только насчет детей. Детей бы не нужно убивать.

Вскакивает худой, длинноволосый, с близоруким, ошалелым взглядом.

— Ну да: не надо детей, а потом не надо женщин. А дети вырастут, а женщины нарожают новых... Это, тетка, называется гуманизм; нам, тетка, это не к лицу... Детей!

— Ну не знаю, как хотите. Я думала... а может, и ваша правда. Я не знаю» (6, 210).

Андреевым трансформирован и эпизод рассуждения черни по поводу «морганатического брака». В пьесе этот фрагмент более развернутый, автор включает стилистическую игру (канцеляризмы, специальную лексику, усложненный синтаксис и т. д.), пародирующую заседание.

Т1 и картину четвертую пьесы «Царь Голод» объединяет также мотив горящего города: «Город уже горит: смотрите какое зарево!» (4, 321); «...окна, за которыми клубится ярко огненно-красное зарево пожаров» (6, 232).

В комментариях к переписке Андреева и Горького Чуваков утверждает, что «по уцелевшим фрагментам ранней редакции „отрывка пятнадцатого“ (собрание «умственной черни города», решающей уничтожить книги), у Андреева еще в 1904 году зрел замысел будущей пьесы „Царь Голод“».[6] На наш взгляд, данное предположение необоснованно. Первые упоминания Андреева о его задумке фиксируются только в 1906 году в письмах К. С. Станиславскому и В. И. Немировичу-Данченко.[7] Вдобавок этот образ Андреев включает в работу над пьесой «К звездам», о чем говорит сам Чуваков: «Ср. также образ полусумасшедшего старика „Высокого“ из первого действия ранней редакции драмы „К звездам“».[8] Это также свидетельствует о том, что созданный в работе над повестью «Красный смех» образ автор не планировал использовать в «Царе Голоде», и это не может служить основанием для гипотезы.

Отдельно стоит сказать об «Отрывке четырнадцатом» окончательного варианта повести «Красный смех», из которого Андреев переносит часть образов. Паника в театре, которую рисует у себя в сознании герой повести, находит отражение в пьесе «Царь Голод» (картина четвертая). Интересно, что таким образом события эпического текста переходят в текст драматургический, а мы наблюдаем очередную экстериоризацию образов и мотивов (см. выше) из сознания персонажа в реальное действие пьесы.

Первое, что совпадает в текстах, — это «крик». В «Красном смехе» зрители в театре «заорут, они завоют, как животные, <...> женщины будут визжать» (4, 66). В «Царе Голоде» четвертая картина сопровождается неоднократно подчеркиваемым ужасом гостей, истерическим плачем, рыданиями, криками, воплями, стонами.

Второе — «передвижение». В повести: «Судорога безумия охватит их спокойные члены. Они вскочат, <...> они начнут метаться, точно пораженные внезапной слепотой» (4, 66). В пьесе «все мечутся» (6, 233), «охваченные паническим страхом, молча, точно слепые, все движутся в разные стороны и натыкаются друг на друга» (6, 242). В обоих текстах встречаются разные словоформы лексемы «метаться» и сравнения со слепотой, при этом в синтаксических конструкциях сравнительный оборот присоединяется с помощью союза «точно».

Третье — «музыка и свет». В четырнадцатом отрывке: «Пустят яркий свет, и кто-то бледный со сцены будет кричать, что все спокойно и пожара нет, и дико-весело заиграет дрожащая, обрывающаяся музыка...» (4, 66). Из ремарки в четвертой картине: «Музыка, помещающаяся на хорах, то начинает играть громко и бравурно, то беспорядочно замолкает; и одна какая-нибудь труба нелепо долбит свою ноту и сразу испуганно обрывается...» (6, 232). Здесь мы опять видим однокоренные слова (обрывающаяся — обрывается), музыка в обоих случаях характеризуется прерывистостью, неровностью, отсутствием плавности. В диалоге хозяина дома с гостями проявляется попытка успокоить, уверение, что все в порядке, как и в крике со сцены в «Красном смехе»:

---

[6] Переписка Горького и Андреева. С. 244.

[7] Неизданные письма Леонида Андреева (К творческой истории пьес периода первой русской революции) / Вступ. статья, публ. и комм. В. И. Беззубова // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1962. Вып. 119. С. 378–393.

[8] Переписка Горького и Андреева. С. 244.

«— Что случилось? В чем дело?

— Кто-то приказал музыке молчать, и вот все в ужасе.

— Кто приказал? Как он смел? Музыканты, играйте. Господа, ничего не случилось. Сейчас будем танцевать. Кавалеры, приглашайте дам на котильон» (6, 233).

В один из эпизодов четвертой картины в речь Девушки в черном из «Красного смеха» мигрировал образ «яркого света», противостоящего темноте и происходящему ужасу в момент паники и приближающейся смерти: «Что с вами? Отчего вы не танцуете? Где музыка? Музыканты, играйте! <...> Что же вы? Вы боитесь? Почему горят не все огни? Вы боитесь? О трусы! Мне стыдно быть с вами! Да танцуйте же! <...> Не в темноте, а в ярком свете нашей жизни должны мы их встретить — танцуя — танцуя — танцуя! Пусть красотою будет наша смерть!» (6, 240).

Четвертое — бестиализация или «расчеловечение». В «Красном смехе» зрители сравниваются с животными («Они вскочат, они заорут, они завоют, как животные...» (4, 66); «...они всегда убийцы, и их спокойствие, их благородство — спокойствие сытого зверя, чувствующего себя в безопасности» (Там же); «...оборванной кучкой устыдившихся зверей соберутся у выхода...» — 4, 67). Особое внимание уделим сопоставлению этого общества с «сытыми зверями», так как в пьесе общество, против которого направлен бунт, предстает как «сытое» общество в противоположность «голодной» черни, рабочим и крестьянам. В четвертой картине есть эпизод в обращении Профессора к «сытым», который напоминает дневные похождения Диогена с фонарем в поисках людей: «Где же лица? Где же лица? Что это? Кто это? (*Громко.*) Кто это?» (6, 239). Мотив потери человеческого облика в «Царе Голоде» распространяется не только на «сытое» общество, но и на представителей других социальных слоев (см. выше).

«Озверевшие» зрители в театре «забудут, что у них есть жены, сестры, матери» (4, 66), и гости во дворце думают только о себе:

«— <...> Мы можем погибнуть, вот что важно. Вы понимаете это: мы!

Все с яростью наступают на Старичка и бьют себя кулаками в грудь.

— Мы можем погибнуть, вот что важно. Мы!

— Мы!

— Вы понимаете это: мы!

— Мы! Мы!

Яростными криками: „мы! мы! мы!“, двигаясь толпою, загоняют Старичка куда-то в угол» (6, 238).

Зрители «в безумии своем будут душить друг друга этими белыми пальцами, от которых пахнет духами» (4, 66). Один из гостей говорит про Девушку в черном: «Еще немного — и я бы схватил ее за горло» (6, 241).

Женщины в театре «будут визжать и биться, беспомощные, у их ног, обнимая колени» (4, 66). В четвертой картине дважды появляется мотив вставания на колени: «Жить так приятно. Если они придут сюда, я стану на колени, я буду умолять их: не убивайте меня, жить так приятно» (6, 238). Во второй раз Андреев доводит эту ситуацию до свойственной ему крайней степени:

«Очень красивая дама, Жена Хозяина дома, говорит громко:

— Господин Инженер! Вы некрасивы, у вас грязный носовой платок, вы вульгарны и не умеете держаться в порядочном обществе, но вы наш спаситель, и я становлюсь перед вами на колени.

Становится на колени. Остальные кричат:

— И я! И я! И я!

Дама (*продолжает*). И от вас еще пахнет чем-то очень дурным, но, если вы захотите, я буду принадлежать вам!

— И я! И я!

— И мой муж позволит это, потому что и он, как и все мы, понимает, что вы наш спаситель. Позвольте поцеловать вашу руку.

Тянется на коленях за рукою. Другие также» (6, 244–245).

Мотив потери человеческого облика также связан с утратой ценностей культуры, искусства и религии. В театре «дико-весело заиграет дрожащая, обрывающаяся музыка, — а они не будут слышать ничего — они будут душить, топтать ногами, бить женщин по головам» (4, 66). Во время бунта в пьесе гости обесценивают науку, книги, живопись, музыку, начинают молиться Дьяволу.

Если в «Красном смехе» «сытое» общество убивает друг друга («И когда половину они сделают трупами...» — 4, 67), то в пьесе во время бунта друг друга убивает «голодная чернь» («...эти идиоты уже начали великолепнейшим образом истреблять друг друга» — 6, 244). А вопрос о том, кто поджег Национальную галерею, остается открытым («Впрочем, очень возможно, что галерея зажжена нашими же снарядами» — 6, 243).

Андреев показывает, что потеря человеческого облика («озверение») — это не специфическая черта «голодной черни» (при всем их «не-человеческом» «фантастическом» виде), а антропологическая категория, присущая виду вне социальной принадлежности.

Пятое — «вести с полей». В четырнадцатом отрывке «Красного смеха», когда герой выходит из театра и на мгновение задумывается, что «быть может, все это сон и никакой войны нет», перед ним неожиданно появляется мальчик, который кричит: «Громовое сражение. Огромные потери. Купите телеграмму — ночную телеграмму!» (4, 67). В четвертой картине «Царя Голода» во время бунта несколько раз приходят люди во дворец с «новостями» (молодой человек, который потом стреляется, Профессор и Инженер).

Сравнивая «Отрывок четырнадцатый» и «Картину четвертую. Бунт голодных и предательство Царя Голода», необходимо также отметить, что оба текста объединяют мотивы пожара и большого количества трупов.

Данный анализ показывает, что из четырнадцатого отрывка «Красного смеха» и из ранней редакции пятнадцатого отрывка, а также из ранних редакций пьесы «К звездам» множество образов в трансформированном виде мигрировало в пьесу «Царь Голод». Часть метаморфоз обусловлена транспонированием эпического текста в драматургический. Обновленные элементы мы встречаем как в авторских ремарках, так и в речи героев.

Ряд образов подвергся специфической экстериоризации: переходу из сознания персонажа (сон, мысли) в реальное драматическое действие. В «Красном смехе» они выполняют функцию отражения и изображения психических переживаний. Их экстериоризация в драматургическом тексте позволила Андрееву углубить (в качестве идеи, оставляя максимально широкое пространство для наполнения его индивидуальными чертами) характеры, положения, обстановку и дала возможность «охватить столь широкие и общие темы»,[9] отвечая эстетическим установкам, задуманной новой форме драмы (из письма Андреева Станиславскому: «Голод я хочу подвергнуть исследованию со стороны философской и широко-общественной и дать вневременное художественное обобщение его»[10]). Экстериоризация образов придала действию особую динамику, также значимой является роль визуального эффекта, так как Андреев еще в ходе работы над пьесой писал о постановке: «Сложная, громоздкая, декоративная почти до степени оперы или балета»,[11] «Очень сложная, даже грандиозная постановка, много действующих лиц и в центре — любопытная фигура самого Царя Голода».[12]

Некоторые образы расширены и переработаны автором, при этом семантические доминанты остаются прежними. Межтекстовые связи обнаруживаются в образе черни, бестиализации, теме уничтожения книг и захвата артиллерии, в цветовой

---

[9] Неизданные письма Леонида Андреева (К творческой истории пьес периода первой русской революции). С. 390.

[10] Там же. С. 384.

[11] Там же. С. 382.

[12] Там же. С. 384.

палитре, мотивах огня и пожара, в образах панического страха и связанных с ними крика и хаотичного передвижения (метания), в образах музыки и света, вставании на колени и т. д. Генетическое родство художественных образов проявляется на идейном, мотивном, стилистическом и лексическом уровнях.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-180-190

© *Е. Р. Обатнина*

ВОКРУГ КНИГИ «ПОСОЛОНЬ»: СКАЗКА «НОЧЬ ТЕМНАЯ» В КОНТЕКСТЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВСТРЕЧ А. М. РЕМИЗОВА И М. В. САБАШНИКОВОЙ

В биографии Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) с именем Маргариты Васильевны Сабашниковой (1882–1973) устойчиво связывается начало иконографии писателя, которое было положено графической работой молодой художницы, запечатлевшей необычный образ «восходящей звезды» русского символизма.[1] В известной книге Сабашниковой «Зеленая Змея: история одной жизни»,[2] ставшей ценным источником исследовательских реконструкций литературного быта и умонастроений первых десятилетий XX века, представлен и литературный портрет Ремизова, отобразивший его личность на момент знакомства осенью 1906 года. Опираясь на содержательные впечатления мемуаристки, мы намерены в нескольких эпизодах конкретизировать мотивы взаимного интереса писателя и художницы и в русле сложившегося к настоящему времени в научной литературе осмысления символистского мифотворчества и жизнестроительства описать оставшийся незамеченным случай переноса логики мифа на события реальной жизни. В центре нашего внимания окажутся события 1906–1907 годов, получившие отражение в некоторых, как может показаться, незначительных документах литературного быта.

Ко времени первой встречи с Ремизовым, состоявшейся в десятых числах октября 1906 года,[3] Сабашникова, во многом благодаря влиянию ее мужа М. А. Волошина, уже не ограничивалась самовыражением в области изобразительного искусства, но также «пробовала перо» в поэзии и прозе. Ремизов в это время подготовил к изданию книгу сказок «Посолонь», двенадцать новелл из которой с конца июля печатались на страницах журнала «Золотое руно». Новая проза, основанная на образцах русского фольклора, не только существенно изменила его творческое реноме, но и утвердила в статусе писателя-символиста, черпающего вдохновение в фольклорно-мифологической традиции.[4] Воспоминания Сабашниковой воссоздают атмосферу бесед с Ремизовым, обращенных к образам фольклорного бестиария. В частности, художницу интересовал вопрос: «как может выглядеть кикимора — женский стихийный дух, которым пугают

---

[1] О портрете работы Сабашниковой см.: *Розанов Ю. В.* «Лик творчества» писателя А. М. Ремизова // Вестник Вологодского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1 (4). С. 58–63; *Обатнина Е. Р.* Портрет писателя: взгляд извне и самоотождествление героя (Алексей Ремизов в художественной галерее 1906–1910 гг.) // «Учителя, ученики, коллеги...»: Сб. статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М., 2022. С. 340–351.

[2] Первоначально книга издана на немецком языке: *Woloschin M.* Die grüne Schlange. Stuttgart, 1954. Далее цитируется по изданию: *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея: история одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; комм. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. М., 1993.

[3] См.: Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В. П. Купченко // Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. III. № 3. С. 368.

[4] См. подробнее: *Данилова И. Ф.* Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 28–58 (Slavica Helsingiensia; vol. 39).

детей»,[5] и она зафиксировала парадоксальный ответ («Вот как раз, как я, и выглядит кикимора»[6]), который послужил ей «подсказкой» к отображению внутреннего мира молодого писателя в созданном тогда же портрете.[7] Миф и сказка в этом новом знакомстве стали почвой для развития дальнейших отношений.

Незадолго до приезда в Петербург, летом и осенью 1906 года, Сабашникова работала над первым в своей литературной практике произведением, созданным на основе мифологических мотивов. «Сказка о распятом царевиче», объединившая в себе поэтику былинного эпоса, легенд и баллад, повествовала о чудесном воскрешении казненного королевича-царевича. О горькой судьбе героя читатель узнавал из монолога, случайно услышанного из-под земли в ночном лесу девушкой Катеринушкой:

Королевичем я жил
И во дубе рáспят был.
Распят был родным отцом
Вверх ногами, скован сном...[8]

Катеринушка обручилась с мертвецом и силою своей любви вернула его в мир живых. Если традиционно мифологический мотив «мертвый жених» завершался трагическим финалом (возлюбленная мертвеца уходила с ним в загробный мир), то версия начинающей писательницы, в соответствии с законами волшебной сказки, заканчивалась счастливой свадьбой живых и здравствующих героев.

По совпадению творческих интенций образ «мертвого жениха» оказался центральным в одной из самых загадочных новелл книги Ремизова «Посолонь» — «Ночь темная».[9] Интересующий нас «страшный» рассказ создавался благодаря тонкой игре с выбором источников сюжета и жанра. В авторских комментариях к изданию «Посолони» в Собрании сочинений 1912 года были названы как получивший распространение в фольклоре и литературе мотив «о живом мертвеце», так и его древнейший образец — древнегреческий миф о Протесилае и его верной супруге Лаодамии, последовавшей за мужем в царство вечности.[10] Ключевой мифологический инвариант в «Ночи темной» объединен с повествовательными линиями «Сказки об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке».[11] По слухам, донесшимся до обитателей башни царевны Копчужки, заждавшейся возвращения Ивана-царевича, — его «за крепкими стенами повесили».[12] Такая участь героя дала основания современному исследователю творчества Ремизова искать связь вымысла и реальной жизни. В качестве возможного «прототипа» мертвого жениха из «Ночи темной» был назван казненный в Шлиссельбургской крепости 10 мая ст. ст. 1905 года товарищ Ремизова по вологодской ссылке Иван Платонович Каляев.[13] С точки зрения авторской прагматики едва

---

[5] *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея. С. 147.

[6] Там же.

[7] Портрет (бумага, итальянский карандаш, соус) в настоящее время хранится в фондах Литературного музея ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; расположен на экспозиции, посвященной Серебряному веку. См. воспроизведение: Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв. / Авторы-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко // http://pushkinskijdom.ru/remizov/content/painters/sabashnikova1906.pdf; дата обращения: 02.12.2022. Впервые был опубликован в первом томе «Сочинений» Ремизова, выпущенных издательством «Сирин» (1912).

[8] *Волошина (Сабашникова) М. В.* Сказка о распятом царевиче. Из творческого наследия / Публ. И. А. Репиной // Крымский альбом 2000. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисловие к публикациям Д. Лосева. Феодосия; М., 2000. С. 148.

[9] Впервые: *Ремизов А. М.* Посолонь. М., 1907. С. 37–39. Далее цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 2. Докука и балагурье. С. 43–46.

[10] См.: Там же. С. 172.

[11] См.: *Розанов Ю. В.* Фольклоризм А. М. Ремизова: Источники, генезис, поэтика. Вологда, 2008. С. 134–135.

[12] *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2. С. 45.

[13] *Розанов Ю. В.* Фольклоризм А. М. Ремизова. С. 134–135. См. также о неомифологической природе образа Ивана-царевича в «Ночи темной»: *Данилова И. Ф.* Литературная сказка А. М. Ремизова. С. 51.

ли возможно однозначно установить авторскую проекцию конкретной личности на персонаж миниатюры, ювелирно исполненной в жанре страшного детского фольклора, хотя в предложенном прочтении она эффектно соотнесена с казненным революционером-террористом. Как нам представляется, прямолинейная корреляция была абсолютно исключена, особенно если принять во внимание, что Каляев и Ремизов родились в один день (24 июня (6 июля) 1877 года). Смертный приговор человека, с которым писателя связывала дружеская привязанность и первый литературный опыт в печати,[14] очевидно, был для него глубокой психологической травмой.[15]

Однако согласимся, что поиск источников мотивных линий художественного произведения в биографическом контексте не лишен смысла, только с той поправкой, что подтексты ремизовской новеллы обращены не к реальности как таковой, а к литературной фантазии Сабашниковой. По нашему предположению, «Ночь темная», авторские исправления и дополнения которой, согласно истории подготовки рукописи к печати, совершались до начала декабря 1906 года,[16] заключала в себе аллюзию к неопубликованной «Сказке о распятом царевиче» через мотив казни героя (распят = повешен[17]) и, в свою очередь, являлась контрверсией авторской обработки устойчивого мифологического сюжета. Актуальность такой взаимосвязи с современными интерпретациями зафиксирована и в комментарии Ремизова к его новелле, где указывалась параллель с пьесой Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» (1906).[18]

Собственно, и наша гипотеза о скрытой адресации «Ночи темной» Сабашниковой как автору сказки на сходный мотив была бы беспочвенна, если бы в истории отношений писателя с Сабашниковой и ее мужем Волошиным не имел место факт ремизовской рефлексии, сближающий образ героини «Ночи темной» с именем художницы. Речь идет об авторском инскрипте на экземпляре книги «Посолонь», предназначен-

---

[14] Подробнее о Каляеве: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 441–442; а также воспоминания сотрудницы редакции «Северного края» А. В. Тырковой «На путях к свободе» (London, 1990. С. 105–108).

[15] В одном из ежедневных писем к жене, написанном за две недели до исполнения решения трибунала, Ремизов упомянул о встрече с адвокатом приговоренного: «...в редакц<ии> В<ладимир> А<натольевич> Жданов. Рассказывал много. И<ван> П<латонович> <Каляев> мне кланяться велел, велел передать, что читал в „Грифе“ „Иван Купала“. Находится он в такой волне-радости, что сделал что-то и ждет смерти. Ночью спит хорошо. А ведь это, ты понимаешь, как важно. Рассказывают, что люди спят хорошо до, а если придет не то, что ждут, они перестают спать...» (Литературный музей истории российской литературы им. В. И. Даля. Ф. 156. Оп. 2. № 337; тексты готовятся к публикации). В этом же контексте личного выбора Ремизов оценивал и жизнестроительство отдельных бывших революционеров, обобщенный образ которых писатель назвал именем секретаря журнала «Вопросы жизни» Г. И. Чулкова: «Думаю и думаю об И<ване> П<латоновиче>. Из головы он у меня не выходит. И какое говно, подумаешь, все эти Георгии Иванычи (с маленькой буквы)» (Там же). Ср. также позднюю авторскую редакцию тех же писем: На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. № 9. С. 456, 458. Ценные дополнения к отражению казни Каляева в творчестве Ремизова см.: *Сумрачев О.* К вопросу о первой публикации рассказа А. Ремизова «Крепость» // http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaz; дата обращения: 02.12.2022. Важный штрих к теме казни Каляева вносит факт посещения Ремизовым и его женой Шлиссельбургской крепости в марте 1906 года. Одно из подтверждений этой поездки, раскрывающее реальный контекст рассказа «Крепость», находим в публикации: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 236.

[16] См. историю подготовки книги к печати: *Данилова И. Ф.* Литературная сказка А. М. Ремизова. С. 33–39.

[17] Подчеркнем, что выбор расправы над героем через повешенье в ремизовской сказке, действительно, мог иметь прямое отношение к пережитой недавно казни Каляева, но не на уровне неразрывной смысловой связи с революционером, а на уровне конкретизации обстоятельств сказочного события. Такой же принцип обращения реалий в условные знаки сказочного мира мы можем выделить и в кажущемся очевидным сопоставлении «башни» Копчужки и «Башни» Иванова: в сказочном изложении обе башни утрачивают угадываемые носителями реального знания смысловые коннотации, оставаясь лишь одноименными символическими локусами.

[18] См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2. С. 172.

ном для супругов Волошиных, который открывает простор для мифологических экстраполяций на поворотный сюжет в биографии Сабашниковой, связанный с таким известным локусом символистской культуры, как «Башня» Вяч. Иванова.

Вновь подчеркнем, что в биографии Ремизова конец 1906 года был ознаменован выходом в свет книги сказок «Посолонь». Издание открывалось посвящением Вяч. Иванову, которого автор почитал как глубокого исследователя истории мифа. Отъезд из Петербурга на краткое время отвлек его от «башенной» жизни, и мы не знаем, догадывался ли он об увлечении Иванова женой Волошина. Первое появление на Таврической по возвращении из Берестовца пришлось на 16 января, когда Ремизов получил приглашение на обед к хозяевам «Башни». Поводом к визиту стала, между прочим, и приятная возможность передать новую книгу Волошиным, в конце декабря еще проживавшим этажом ниже Ивановых, в комнатах художественной школы Е. Н. Званцевой. Теперь писатель оказался перед фактом перемещения супругов непосредственно на «Башню». Чутко улавливая психологические диссонансы в настроениях друзей, Ремизов написал на форзаце своей «Посолони»: «Максимилиану Александровичу Волошину, Медведю лесному, и царевне Капчушке <sic!> Маргарите Васильевне Сабашниковой А. Ремизов. С.-Петербург. 16 генваря 1907 года у М. А. в новой его комнате перед обедом, и сам он нелюдимый такой, страшно».[19]

Основной текст автографа уже рассматривался в исследовании генезиса и творческой истории «посолонного» цикла. Ю. В. Розанов прочитал его содержание как профетическое послание писателя, предостерегавшего «молодую и красивую девушку от смертельной опасности».[20] Рассматривая текст сказки в приложении к биографии реальных насельников «Башни» на Таврической, 25, трудно не удивиться символическим сближениям судьбы царевны Копчужки с судьбой Маргариты Сабашниковой, оказавшейся «под чарами» символиста-мистагога Вяч. Иванова.[21] Тем не менее было бы преувеличением считать загадочный автограф Ремизова «предостережением», обращенным к героям жизненной драмы, концовку которой еще никто не мог предсказать. Поэтому в истории с инскриптом нас более всего интересует логика мифа, запечатленная в сказочном мотиве «мертвый жених» и возымевшая действие в реальной жизни «Башни» Вяч. Иванова.

Быт и творческое выражение символистско-мифологической программы ивановской «Башни» подробно исследованы по многочисленным документальным источникам. Как известно, перенесение представлений о сакрально-мистическом исполнении культа Эроса в контур реальных взаимоотношений людей нового века завершилось личной трагедией как для избранницы Иванова, так и для ее мужа Волошина. Печальная история началась с того, что в течение нескольких месяцев (с октября 1906 года по январь 1907 года) между хозяевами «Башни» и молодоженами Маргаритой Сабашниковой и Максимилианом Волошиным, приехавшими осенью из Москвы с твердым намерением обосноваться в северной столице, установились тесные отношения, развивавшиеся по мере роста взаимной заинтересованности. Поэт и художница, поселившиеся в том же доме, вовлекаются в интеллектуально-творческую атмосферу «Башни» и знаменитых «сред», основной дискуссионной темой которых в тот период стало постижение мифологии и философии Эроса.[22] Первое такое собрание, прошедшее 18 октября, не случайно врезалось в память мемуаристки.[23] Прения участников «диспута об Эросе» перевернули

---

[19] Цит. по: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: очерки и публикации. СПб., 2004. С. 137.

[20] *Розанов Ю. В.* Фольклоризм А. М. Ремизова. С. 136–137.

[21] Добавим à propos, что написанная Сабашниковой «Сказка о распятом царевиче» могла представлять для Иванова особый интерес ввиду его замысла «Повести о Светомире царевиче». Историю текста, его жанра и историософские подтексты см.: *Иванов Вяч.* Повесть о Светомире царевиче / Изд. подг. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М., 2015 (сер. «Литературные памятники»).

[22] Подробнее см.: *Обатнин Г. В.* К биографии Вяч. Иванова: «четные Среды» // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 133–144.

[23] Ремизов и С. П. Ремизова-Довгелло также присутствовали на этой так называемой «четной» среде. См. приглашение, адресованное им накануне, в письме Вяч. Иванова: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. Ремизова А. М. Грачевой; подг. писем

сознание Сабашниковой, она вспоминала: «...мысли об Эросе явились для меня совершенно новыми и глубокими, восхищению моему не было границ».[24]

По разнообразным свидетельствам мы знаем, что молодые Волошины также оказались в ближайшем круге общения Ремизова и его жены Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло.[25] Закономерно, что в компании с Вяч. Ивановым и М. А. Кузминым они составили избранную аудиторию взыскательных слушателей первого авторского чтения легенды «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь», собравшихся 7 ноября 1906 года в квартире Ремизовых. Как представляется, авторское переложение народных преданий о роковой любви дочери царя Ирода (в народной версии Иродиады) к Иоанну Крестителю являлось личным творческим вкладом в осмысление природы Эроса.[26] Кузмин тем же вечером записал: «Алекс<ей> Мих<айлович> читал свою „Иродиаду“, очень красочную и душную вещь, не без декадентства, очень раскритикованную Ивановым; сидели очень недолго».[27]

Это был один из первых прецедентов расхождения Ремизова с Maître не только в методологии обращения с мифом, но и в осмыслении Эроса через народное переложение евангельской истории, повествующей о смертоносной силе любви. Другое событие творческой биографии Ремизова, произошедшее 18 марта 1907 года уже на Таврической, впервые было описано Сабашниковой в ее книге «Зеленая Змея». На сей раз критике подверглась апокрифическая версия канонического евангельского рассказа о казни и воскресении Христа в легенде «О страстях Господних: Тридневен во гробе»,[28] в которой писатель представил личную телеологию.[29] Как запомнилось Сабашниковой, после эмоционального протеста Иванова, возмущенного «кощунственным» измышлением, «Ремизов, и без того уже согбенный и раненный жизнью, еще больше сгорбился и молча ушел вместе с женой».[30] Авторское самолюбие, по-видимому, было особенно уязвлено оттого, что в кругу единомышленников хозяина «Башни», практиковавших экстатическое переживание стихии древнего мифа, он представил едва ли не визионерский опыт соприсутствия голгофской трагедии.

Сабашникова — свидетельница каждого из упомянутых прецедентов, постепенно осваиваясь на ивановских «средах», могла заметить, что Ремизов держался в стороне от коллективных постижений мистериальной стихии культа Диониса. Сохраняя независимость в избранном направлении исследования мифа и, в частности, эротического фольклора, он обращался к народной интерпретации.[31]

Вяч. Иванова О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 89; уточнение датировки приглашения см.: *Обатнин Г. В.* К биографии Вяч. Иванова. С. 135.

[24] *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея. С. 152.

[25] К основным источникам отнесем: *Волошин М. А.* История моей души / Сост. В. П. Купченко. М., 1999; Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой. С. 360–387; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000; *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. СПб., 2002. Т. 1. 1877–1916; *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009; *Зобнин Ю. В.* Материалы к летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова // http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf; дата обращения: 02.12.2022.

[26] Подробнее см.: *Топорков А. Л.* Повесть А. М. Ремизова «О безумии Иродиадином», пьеса Оскара Уайльда «Саломея» и «Песнь песней» царя Соломона // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М., 2015. С. 170–191.

[27] *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. С. 258.

[28] Этот же эпизод был несколько позже воспроизведен в эмигрантских воспоминаниях одного из участников событий. См.: *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания // Новый журнал = The New Review. 1955. № 43. С. 120–133; см. также: Воспоминания о Серебряном веке / Сост., предисловие и комм. В. Крейда. М., 1993. С. 376–377.

[29] Подробнее об этом см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова. С. 78–79; «На вечерней заре». Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1912 год / Вступ. статья и комм. Е. Р. Обатниной, подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Русская литература. 2019. № 1. С. 97–98.

[30] *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея. С. 164.

[31] Ср. комплиментарный отзыв А. В. Тырковой-Вильямс: «Среди петербургских романистов и поэтов Ремизов занимал особое место. Бывал в „башне“, бывал и в других кружках, но ни к одному

Возвращаясь к дарительному инскрипту, подчеркнем тот очевидный факт, что в его подтексте прочитываются аллюзии к содержанию книги «Посолонь». В воображении писателя супруги Волошины оказались ассоциированы с героями разных сказочных мотивов. Максимилиан Волошин — скорее, с героем сказки «Медведюшка»,[32] а Маргарита Сабашникова — с героиней «Ночи темной». Конкретность последней корреляции обнаруживает случайная грамматическая ошибка автора, написавшего имя хозяйки сказочной башни — царевны Копчужки, образованное от слова *коптить*, через букву «а» («Капчужка»), как раз по аналогии с фамилией художницы, в корневой морфеме которой вопреки простейшей этимологии (от слова *собака*) исторически зафиксировалась та же буква. Основная содержательная часть посвящения опиралась на силлогизм, в котором субъект *Сабашникова* и предикат *Копчушка* были объединены темой одного сказочного мотива о мертвом женихе. Так сопряжение трех частей создало тождество: Царевна Копчужка = Маргарита Васильевна Сабашникова. Этими наблюдениями по поводу приведенного здесь документа бытовой культуры начала XX века можно было бы и ограничиться, выдвинув версию, альтернативную предложенной Ю. В. Розановым. Заметим, однако, что исследователь оперировал не полным содержанием инскрипта. Если же высказывание Ремизова мы рассмотрим в его целостности, то окажется, что оно отражает реальность в значительно большей степени, чем мы можем предположить, увлекаясь гипотезами.

Чтобы раскрыть латентные смыслы надписи, обратим внимание на специфическую особенность многих книжных автографов Ремизова. Уже в ранних образцах они характеризуются ярко выраженным идеостилем, сдвигающим обычный жанр формализованного посвящения в сторону эпистолярной миниатюры, в которой фиксировался биографический момент жизни как самого писателя, так и его адресата. Инскрипт, таким образом, становился своего рода «вехой» мемориального «хронографа», запечатлевшей памятные события литературного быта.[33]

Вот и в ремизовской надписи, адресованной супругам Волошиным, смысловую нагрузку несет в себе не столько основной текст, сколько post scriptum с описанием «места действия» и гнетущей психологической атмосферы, которая проявлялась даже в бытовых деталях обстановки «новой комнаты» Волошиных.

Из сохранившихся записей О. А. Шор-Дешарт мы узнаем, что перед въездом гостей помещение было отремонтировано. М. А. Волошин в предчувствии крушения семейного счастья распорядился оклеить ее, «и без того несветлую, мрачными, серыми обоями»,[34] как кажется, в противовес разноцветью ивановской квартиры. Символическая колористика сыграла не последнюю роль в создании спонтанной дарственной надписи Ремизова, транслировавшей уже не простой намек на сопоставление двух авторских решений мотива «мертвый жених», по всей вероятности заготовленный загодя, а мрачное впечатление от жилья, само по себе ассоциированное с ожиданием драматической развязки мистерии, задуманной Ивановым.

из них нельзя было его приписать. <...> Никто не мог считать его своим — ни Мережковский, ни Вячеслав Иванов, ни, позже, Федор Сологуб. Но с ним все они считались, прислушивались к его оценкам, справедливым и честным. В своих суждениях о литературе он был свободен от личного пристрастия или личной неприязни. Это не часто бывает» (цит. по: Воспоминания о Серебряном веке. С. 341). Об отличиях в понимании Эроса и эротического между Ремизовым и кругом литераторов «Башни» Вяч. Иванова см.: *Обатнина Е.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 199–234; *Доценко С. Н.* К проблеме дешифровки одного анекдота из мемуарной книги А. Ремизова «Кукха» // Русская литература. 2005. № 1. С. 179–187.

[32] *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2. С. 49–57.

[33] Показательным примером такого посвящения-«письма» является надпись, обращенная к А. А. Блоку, на первом томе Сочинений Ремизова. См.: Библиотека А. А. Блока. Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской: [В 3 кн.]. Л., 1985. Кн. 2. С. 209. Другие инскрипты Ремизова см.: Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16–31; ср. также: *Обатнина Е. Р.* Обезьяний царь, П. Е. Щеголев и архивно-музейное дело РСФСР (из материалов собрания М. С. Лесмана) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год. СПб., 2021. С. 74.

[34] Цит. по: *Галанина Ю. Е.* О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова (по архивным материалам) // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 481.

Вернемся к тексту новеллы «Ночь темная», которая открывается пиршеством, устроенным в башне царевны Копчужки по случаю возвращения ее долгожданного жениха. В финальной сцене эта славянская родственница Золушки[35] становится жертвой мертвого суженого. Непосредственная встреча 16 января в «новой комнате» Волошиных для самого Ремизова углубила семантику до сей поры вполне формальной ассоциации царевны Копчужки с Сабашниковой, которая теперь оказалась под чарами хозяина «Башни» — мистагога Иванова.

Внезапное и даже иррациональное перенесение писателем содержания его сказки на реалии жизни,[36] на наш взгляд, объективирует принцип художественного мышления, ориентированного на миф как смыслообразующую и организующую модель жизни. Мифологический паттерн как будто по волшебству реализовался в действительности и подчинил себе развитие событий. Даже распределение ролей в автографе раскрывает перемены в отношениях супругов Волошиных, оказавшихся ассоциированными с персонажами-антиподами: медведь лесной — витальный представитель гармоничного мира,[37] царевна Копчужка — измененная навязанной ей волей личность, находящаяся перед выбором двух миров — жизни и смерти. Концепция книги «Посолонь», как мы знаем из истории ее создания и ремизовским комментариям ко второй печатной редакции, состояла в неотступном следовании традиции, в которой обряд и сказка выполняют функцию социализации человека. По логике страшной сказки — невеста мертвого жениха должна быть им «съедена».

Волшебная сказка, воспроизводящая поведенческую модель подчинения чужой власти, в процессе посвящения ребенка во взрослую жизнь лишается смысла «понарошку», преобразуя условности в акт инициации.[38] Эротическая подоплека сказочного повествования, для ребенка остающаяся в пределах абстрактной угрозы быть съеденным злым сказочным героем, раскрывает свой потаенный смысл в ситуации взрослой жизни. Финальное междометие в сюжете «Ночи темной» — «— Ам! — съел», поддерживающее механизм нагнетания страха,[39] — в своем сакральном подтексте от-

---

[35] См.: *Розанов Ю. В.* Фольклоризм А. М. Ремизова. С. 20; а также: *Буевич О. В.* Жанровое своеобразие сказки А. М. Ремизова «Ночь темная» // Вестник Омского ун-та. 2011. № 3. С. 199–200.

[36] Замечание об этой обратной связи высказано также Ю. В. Розановым в монографии «Фольклоризм А. М. Ремизова...» (с. 136).

[37] В фольклорной традиции образ медведя как тотемного героя связывается с образом жениха, с обрядами девичьих инициаций и в целом идеалом семейного благополучия. См. подробнее: *Жепниковска И.* Медведь в русской волшебной сказке: Эскиз исследования проблемы // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М., 2012. С. 62–71. Ремизов, несомненно, к этому комплексу народных верований подключил и известное ему домашнее прозвище Волошина — «Медведь». Ср. персонификацию в образах сказочных персонажей в концовке письма Сабашниковой мужу: «...люблю моего мишу-мишуту. Я — снегурочка» (*Волошин М.* Собр. соч. / Под ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой. М., 2015. Т. 11. Кн. 2. С. 172). Немаловажно в контексте избранной проблематики, что в образном ряду Волошина Сабашникова мыслилась как «царевна». Ср. письмо поэта от 7–8 октября 1905 года (*Волошин М.* Собр. соч. Т. 11. Кн.1. С. 613). Свой образ поэт также материализовал в игрушечном медведе, переданном маленькой дочери Ремизова не позднее конца 1906 года. Об этом подарке см. письмо Ремизова от 7 января 1907 года: «Недавно вернулись от Наташи. Больше всех ей медведь понравился рыжий, а Вашего медведя кормит окурками: положит туда, знаете, — и ждет, когда съест. И ей всегда кажется, что он съел» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1020. Л. 1 об.; см. также цитирование в статье: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов. С. 136).

[38] Этой проблеме посвящена, в частности, статья С. Б. Адоньевой «Сказка и биография» (https://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva2.htm#_ftnref27; дата обращения: 02.11.2022). Благодарим за указание на ценный источник и совместное обсуждение специфики мифопоэтического мышления хранителя фонда фольклора Рукописного отдела ИРЛИ Я. В. Нагорную.

[39] Ср. авторский комментарий к озвучиванию текста: «**— ам!!! — съел.** — Эту фразу надо прочитать так, чтобы действительно слушатели забоялись, а для этого следует подготовлять предыдущими фразами и сразу после паузы: „ам!!!“» (цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2. С. 173). Существенным в контексте рецепции современниками сказки, соединившей детское и взрослое мировосприятие, является также фрагмент из ремизовского дневника от 3 октября 1905 года, т. е. записанный в то время, когда «Ночь темная» еще была на стадии замысла: «Была

сылает к взаимосвязи символических значений Эроса и Танатоса, которая в народном иносказании передается эвфемизмом «съесть».[40]

Характерно, что Ремизов, сохраняя содержание своей волшебной по формальным признакам сказки в парадигме детского «безобидного» фольклора, легшего в основу всей книги «Посолонь», не использовал другую, более известную присказку, с конкретностью мифологической логики обнаруживающую полноту и необратимость действия: «— Ам! — никому не дам». Этот безнадежный вариант прочитывается в ремизовском инскрипте Волошиным, который был не более чем спонтанной трактовкой обнаруженной им на «Башне» новой мизансцены отношений в треугольнике «Волошин — Сабашникова — Иванов», со сказочной скоростью, «в мгновение ока» перестроившей мифологический код судьбы ее основной героини — Маргариты Сабашниковой. Символические образы жизнерадостного Эроса — Amori и Primavera, предписанные ей Волошиным и Ивановыми,[41] в восприятии писателя оказались переориентированы на поэтику Танатоса, реализованную в образах мифологической родословной Лаодамии-Лорелеи.[42]

Аналогичная, танатологическая по существу, интерпретация жизненных экспериментов на «Башне» проявилась и в следующем послании Ремизова, обращенном к Сабашниковой четыре дня спустя после встречи на Таврической. Искусный автограф с использованием красной и черной туши был создан в качестве скромного подношения (*см. ил.*):

«В день Вашего Рождения

Маргарита Васильевна[43]

Восхотела Страфил-птица — всем птицам мать — попеть в огнепалимой башне на Ваших руках.

И вот посылаю Ее к Вам, пускай поет.

Листина баба[44] пошла уже к Вам, шишек да брусники понесла, и черепаха[45] за ней.

А. Ремизов

С. Петербург, 19 генваря 1907 года, пятница ½ 6 вечера».

На втором листе письма, уже изменив каллиграфический стиль на печатные буквы, писатель дополнил:

у нас Зинаида Николаевна и Т. Н. У З. Н. бывают минуты неподдельно детские. Как хорошо она выговаривает в сказке: „ам!“» (цит по: *Ремизов А.* Кукха: Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. М., 2011. С. 21 (сер. «Литературные памятники»)).

[40] В своем первом прозаическом произведении большой формы — романе «Пруд» — Ремизов использовал схожее иносказание, семантика которого уходит вглубь архаических представлений. Подробнее об этом см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 162–164.

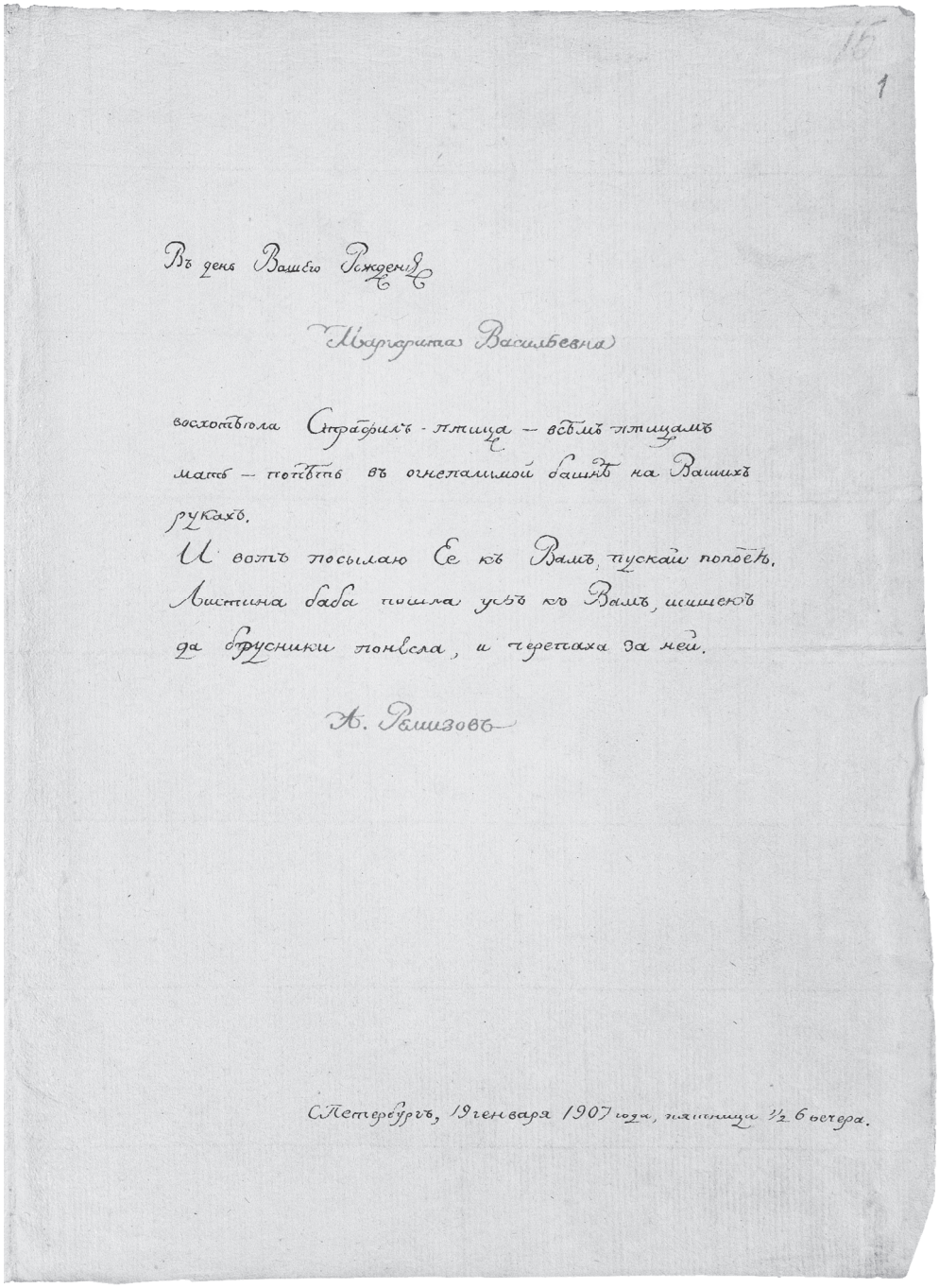
[41] Amori — от Amor (*лат.*) — любовь; Аморя — имя Сабашниковой, возникшее в письмах Волошина (одну из первых эпистолярных фиксаций см.: *Волошин М.* Собр. соч. Т. 11. Кн. 1. С. 328). Primavera — имя Сабашниковой в контексте вечеров Фиаса, проводившихся на «Башне» Вяч. Иванова супругой поэта Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в противовес преимущественно мужским собраниям на вечерах Гафиза (*Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 76, 347).

[42] О генезисе мотива сказки «Ночь темная» см.: *Жиляков А. С.* Эстетика и поэтика таинственного в сказке А. М. Ремизова «Ночь темная» (Сюжет о «мертвом женихе») // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 294. С. 11–16.

[43] Здесь и далее курсивом отмечено использование в автографе красных чернил.

[44] Сказочный герой, персонифицированный в самодельной игрушке из коллекции природных артефактов Ремизова, связанных со славянской мифологией. Ср. авторский комментарий в книге «Посолонь»: «...слепышка Листин — в лесу живет, весь из листьев. Есть и Листина баба — игрушка: туловище сделано из мха, а вместо рук еловые шишки, на ногах настоящие лапотки» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2. С. 174–175).

[45] Возможно, игрушка, подаренная в коллекцию Ремизова Волошиными, поскольку Черепаха не имеет отношения к славянскому бестиарию и не вошла ни в одно из описаний ремизовского собрания. См. о коллекции в прим.: *Данилова И. Ф.* Литературная сказка А. М. Ремизова. С. 49–50.



Въ день Вашего Рожденья

Маргарита Васильевна

восхотѣла Стратфиль - птица — всѣмъ птицамъ
мать — потѣшить въ очнетаимой башнѣ на Вашихъ
рукахъ.
И вотъ посылаю Ее къ Вамъ, пускай полетѣ.
Листина баба пошла усъ къ Вамъ, шишекъ
да брусники понесла, и черепаха за ней.

А. Ремизовъ

С.Петербургъ, 19 генваря 1907 года, пятница ½ 6 вечера.

А. М. Ремизов. Письмо к М. В. Сабашниковой. 19 января 1907.
Красные и черные чернила, бумага, перо (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед. хр. 97)

«Серафима Павловна Вас поздравляет и кланяется.

[рис.: цветочек]».[46]

Практически каждый элемент этого артефакта обладает семиотической валентностью — от изысканного каллиграфического шрифта и контаминации красной и черной туши до символической топонимики, связующей теперь башню Копчужки и «Башню» Иванова.[47] Метафора «огнепалимая», восходящая к тезаурусу русских переводов Ветхого Завета и Торы, образует очевидную коннотацию с символическим жертвенником,[48] с одной стороны, а с другой — активирует и более близкие подтексты. К ним следует отнести бытовую историю памятного пожара на «Башне», случившегося 8 ноября 1906 года, огненный цвет обоев в комнатах Ивановых[49] и, наконец, доминантное положение стихии огня в поэтике Иванова.[50]

Обратившись к сказочному повествованию «Посолони», убедимся, что миф о птице Страфил также прочитывается в контексте событий на «Башне» не отвлеченно, а как тайное пожелание «лучших дней»: «И куда-то улетела Страфил-птица. Страфил-птица — мать птицам — свет забыла. А когда-то любила свой свет: когда нашла грозная сила, и мир содрогнулся, Страфил-птица победила силу, схоронила свет свой под правое крыло».[51]

Мучительные душевные терзания, пережитые Сабашниковой в январе–марте 1907 года, могли стереть в ее памяти сказочные аллюзии Ремизова. Однако существуют подтверждения, что художница нуждалась в психологической поддержке и находила ее в доме писателя. Остается сожалеть, что конфиденткой была выбрана супруга Ремизова, которая, увы, не отличалась умением хранить чужие тайны. Так, с ее слов, другая представительница художественной элиты Петербурга — Татьяна Николаевна Гиппиус, выполняя по заданию своей старшей сестры Зинаиды Николаевны роль хроникера событий петербургской жизни, писала в очередном отчете, направленном во Францию, о том, что 24 января 1907 года «к С<ерафиме> П<авловне> пришла жена Волошина (лицо, как у Мадонны на картине Филиппино Липпи) и рассказывала, что она уезжала от них в Финляндию,[52] не могла быть с ними (квартира у них общая, кажется)».[53]

Оставаясь в поле гипотетических рассуждений, отметим зафиксированную в этой записи примечательную художественную аллюзию. По всей вероятности, Т. Н. Гиппиус сравнила образ Волошиной-Сабашниковой с известной ей по коллекции Эрмитажа Мадонной, изображенной на картине «Поклонение Христу» кисти Липпи-младшего (Filippo Lippi, или Filippino Lippi; 1457/1458–1505), сына прославленного Фра Филиппо Липпи. Вместе с тем не исключено, что в восприятии художницы взаимоотношения жены Максимилиана Волошина с Ивановым подсознательно вызывали аналогию

---

[46] *Ремизов А. М.* Письмо к М. В. Сабашниковой. 19 января 1907 // ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 97 (красные и черные чернила, бумага, перо). Упоминание об этом документе также содержится в статье: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов. С. 135.

[47] См. прим. 17.

[48] Об ивановской «Башне» как ритуальном пространстве см.: *Титаренко С. Д.* От архетипа — к мифу: Башня как символическая форма у Вяч. Иванова и Л. Г. Юнга // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 260.

[49] См.: *Галанина Ю. Е.* О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова. С. 479–484.

[50] См., в частности, краткую статистику употреблений символа огня в книге «Кормчие звезды»: *Лосев А. Ф.* Проблема художественного стиля. Киев, 1994. С. 242.

[51] Цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2. С. 154. Страфил-птица — персонаж сказки «Ховала» (1907), впервые опубликованной только в летнем номере «Золотого руна» (№ 7–9) за 1907 год.

[52] С 9 по 14 ноября 1906 года Сабашникова пребывала в санатории в Мустамяки (Финляндия), недалеко от Петербурга (Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой. С. 368).

[53] «Общая квартира» — «Башня», квартира Ивановых, одну из комнат которой в десятых числах января заняли супруги Волошины (Там же. С. 369). Благодарим М. М. Павлову за предоставление фрагмента из готовящихся к печати материалов эпистолярного наследия сестер Гиппиус. Встречи у Ремизовых продолжались также в связи с завершением работы Сабашниковой над портретом для «Золотого руна». Последняя из них, согласно приглашению Ремизова в письме Волошину, состоялась 1 февраля 1907 года (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1020. Л. 3).

с биографией Липпи-отца (Fra Filippo di Tommaso Lippi; 1406–1469). Биографический сюжет о любви зрелого художника-кармелита Филиппо Липпи к юной воспитаннице монастыря Лукреции Бути, почерпнутый в «Жизнеописаниях...» Дж. Вазари, с одной стороны, актуализировал подоплеку оценок мистериально-мистических отношений героев «Башни» с ригористических позиций — как любви неправедной, а с другой — был связан с иконографией возлюбленной Липпи, послужившей моделью как для его знаменитой «Мадонны с младенцем» (1460–1465, Уффици), так и для образа-антипода — Саломеи на фреске «Пир Ирода» (1452–1466, Кафедральный собор в Прато). Такой ракурс, объединявший тему запретной любви с темой ее отражений в художественном творчестве, на наш взгляд, позволяет вывести проблему рецепции любовной драмы на «Башне» в близком круге современников, включая Ремизова, из плоскости бытовых инсинуаций в область исследования мифопостроений символистов, наблюдавших свершавшееся на их глазах необратимое переосмысление целомудренного женского образа.[54]

Откровения Сабашниковой, дошедшие до нас в искаженном виде пересказа, не отражают подлинной сути событий, но вполне достоверно передают сумбур, охвативший сердце влюбленной замужней женщины, и желание исправить внешнее впечатление о ее личной жизни. По-видимому, общение с женой Ремизова давало ей пример прямолинейного и безыскусного мировоззрения, в корне противоположного «башенному» эстетизму. Не случайно в «Зеленой Змее» много лет спустя мемуаристка вспоминала: «Серафима Павловна <...> не стеснялась говорить все напрямик, если дело касалось истины. Я очень полюбила ее за честность и открытость. Она знала, что хорошо и что плохо».[55]

Ремизова-Довгелло, присоединившаяся в 1913 году к русским последователям антропософского движения для совместной поездки в Мюнхен на лекции Рудольфа Штейнера, по возвращении рассказывала о встрече с Маргаритой Сабашниковой: «...живет при Штейнере как при старшем брате только, живет потому, что измучена жизнью, больше, чем потому, что — Штейнер...».[56] Так образ царевны Копчужки — невесты «мертвого жениха», ассоциированный в инскрипте Ремизова с именем художницы, создал устойчивый мифологический «шлейф» вокруг ее личности.

Экстраполяция символических смыслов сказки на реалии жизни, запечатленная в двух документах литературного быта (инскрипте и поздравительном письме), представляет собой собственно восприятие писателя, оперирующего архетипическими символами и образами. В этом понимании мудрость народной сказки, отдельные мотивы которой, нередко пересекающиеся с сюжетами известных мифологических легенд, предстают открытой семантической системой, оставляющей для познающего мир человека перспективу постижения новых «уроков жизни».

Воспоминания Сабашниковой «Зеленая Змея», раскрывая опыт осознания значительной части прожитой жизни с позиции последовательницы учения Рудольфа Штейнера, транслировали сходный модус отношения к мифу. По признанию мемуаристки, сквозь призму сказочного мотива философской сказки Гете «О Прекрасной Лилии и Зеленой Змее» ей раскрылись «прообразы сил», воздействующих на индивидуальный путь человека: «Из этой „Сказки“, — писала художница, — я поняла, как события и персонажи такой истинно инспирированной сказки могут быть образами духовной действительности, как в этих образах можно узнавать силы, действующие в различных планах: в собственной душе, в истории человечества, в мировом свершении. Это совсем не аллегория».[57] Подобная оптика, обращенная на конкретные обстоятельства жизни, отражала свойства творческого сознания человека эпохи символизма, для которого миф являлся наиважнейшим ключом к постижению жизни и ее высшего смысла.

---

[54] Благодарим И. Ф. Данилову за эту идею и изысканное развитие предложенной нами темы.

[55] *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея. С. 148.

[56] *Блок А.* Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 167.

[57] *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея. С. 159.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-191-205

ПИСЬМА В. П. СВЕНЦИЦКОГО К Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ И З. Н. ГИППИУС

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

Письма Валентина Павловича Свенцицкого (1881–1931) — активного церковного публициста предреволюционной эпохи, одного из создателей и идеологов союза «Христианское братство борьбы» (1905–1908; далее — ХББ),[1] писателя-проповедника, к Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус извлечены из архива Мережковских, хранящегося в Центре русской культуры Амхерста (США). Они относятся к периоду первой парижской эмиграции Мережковских (1906–1908)[2] и, очевидно, являются фрагментом двухсторонней переписки, в своей основной и более пространной части утраченной.

История «Христианского братства борьбы» основательно изучена как в поле газетно-журнальной полемики, так и в контексте личной переписки участников религиозно-философского и общественно-политического движений начала XX века — «Взыскующих Града» и «Нашедших Град».[3]

В настоящее время в распоряжении исследователей имеется одно письмо Мережковского к Свенцицкому — от 25 ноября 1908 года.[4] Судя по указанному в публикации шифру, текст воспроизведен по выписке из перлюстрированного письма,[5] каковые изготавливались для полицейских отчетов. (Свенцицкий значился в списках полицейского управления с 1905 года, его неоднократно привлекали к следствию за издание революционных листовок, воззваний, брошюр ХББ.[6] Переписка Мережковских после отъезда из России также перлюстрировалась.[7])

---

[1] Христианское братство борьбы — первая христианская политическая организация в России, основанная в 1905 году (инициаторы: А. В. Ельчанинов, В. П. Свенцицкий, В. Ф. Эрн); Свенцицкому принадлежат основные программные документы братства, см.: *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. М., <2010>. Т. 2. Письма ко всем: Обращения к народу 1905–1908 / Сост., послесловие, комм. С. В. Черткова. С. 3–161, 563–583 (комм.); см. также: Нашедшие Град: История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост., предисловие и комм. С. В. Черткова. М., 2017; В. Ф. Эрн: pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 2006. С. 59–88; *Кейдан В. И.* На путях к граду земному // Взыскующие Града / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 11–18; *Колеров М. А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996. С. 225–277 (Исследования по истории русской мысли; т. 1); *Шеррер Ю.* В поисках «христианского социализма» в России // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 88–135.

[2] См.: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Кн. 1. С. 319–371; *Павлова М.* Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999. С. 7–54 (Исследования по истории русской мысли; т. 4).

[3] См. прим. 1; см. также: Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. 2-е изд., испр. и доп. М., 2020. Кн. 3. 1905–1906 / Сост. В. И. Кейдан.

[4] Нашедшие Град. С. 428.

[5] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 340. Л. 444 («Письма и выписки из писем разных лиц. Копии»).

[6] Подробно см. в комментариях Черткова: *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. Т. 2.

[7] О перлюстрации семейной корреспонденции неоднократно упоминает Т. Н. Гиппиус в письмах-дневниках 1906–1908 годов (готовятся к печати). В документах Жандармского управления Мережковский, З. Н. Гиппиус и Философов значились под кличками «Старик», «Красная» и «Страус», см.: *Соболев А. Л.* Ошибка филера // Соболев А. Л. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 181–195 (в публикации приведены документы за 1913 год).

Новонайденные письма Свенцицкого к Мережковским отчасти восполняют имеющуюся лакуну и позволяют внести некоторые акценты в историю личных взаимоотношений корреспондентов.

Первая встреча студента Свенцицкого с автором трилогии «Христос и Антихрист» состоялась в январе 1905 года. Появление «неистовых москвичей» Свенцицкого и В. Ф. Эрна[8] в квартире Мережковских в доме Мурузи (Литейный пр., д. 24) отражено в мемуарах Андрея Белого, в те дни находившегося в Петербурге. Он был знаком с «ходоками» по московским студенческим кружкам, все трое учились на историко-филологическом факультете Университета, участвовали в работе кружка по изучению В. Соловьева и еще одного, собиравшегося на квартире П. И. Астрова (заявившего о себе выпуском двух литературно-философских сборников — «Свободная совесть»).[9]

«В это время, — вспоминал Белый в «Начале века» (второй части мемуарной трилогии), — совсем неожиданно к Мережковским явились Свенцицкий и Эрн; оба только что приехали из Москвы с проектами обращенья к Синоду от группы церковников, желающих заклеймить синодальное оправданье расстрелов: Д. С. Мережковский, А. В. Карташев[10] и Д. В. Философов впервые познакомились тогда с молодыми людьми (я их знал прежде); Волжский[11] восторженно заявлял: появились-де „религиозные радикалы“» и т. д.[12] Со слов Белого, «Свентицкий хотел самолично явиться в Синод, чтобы бросить эту духовную бомбу в „отцов“», однако его проект, «со всех позиций разобранный, был отклонен А. В. Карташевым, Д. В. Философовым как героизм совершенно бесцельный и вредный, срывающий подготовление к борьбе».[13]

---

[8] Эрн Владимир Францевич (1882–1917) — философ, церковный публицист; в 1904 году окончил историко-филологический факультет Московского университета, один из создателей «Христианского братства борьбы» и Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (1905–1918; далее — МРФО), ближайший товарищ Свенцицкого; с 1910 года — член редакции издательства «Путь», профессор философии Московского университета, с 1916-го — член Московского психологического общества. Подробно о нем см. статью А. А. Ермичева «Жизнь и дела Владимира Францевича Эрна» (В. Ф. Эрн: pro et contra. С. 7–59).

[9] См.: Лит. наследство. 2016. Т. 105. Андрей Белый. Автобиографические своды: Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. С. 108.

[10] Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — приват-доцент Санкт-Петербургской духовной академии (1901–1905); историк Русской православной церкви; преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, многие годы провел под одной крышей с Т. Н. и Н. Н. Гиппиус как ближайший друг семьи (и член младшего «троебратства» неохристианской общины Мережковских), см.: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус) // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242; № 4. С. 166–194; товарищ обер-прокурора Синода в первых составах Временного правительства, в июле 1917 года избран обер-прокурором Синода, после упразднения должности в августе назначен главой Министерства исповеданий Временного правительства; с 1919 года в эмиграции; один из основателей и профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925–1960).

[11] Глинка Александр Сергеевич (псевд. Волжский; 1878–1940) — публицист, литературный критик, историк литературы; сотрудничал в журнале «Вопросы жизни», участник ХББ; ближайший товарищ и постоянный корреспондент С. Н. Булгакова, в 1906 году совместно с ним инициировал издание газеты «Народ» в Киеве (выходила с апреля), с участием основных сотрудников прекратившегося журнала «Вопросы жизни» (1905), а также ряда лиц духовного звания, профессоров Духовной академии и светских публицистов на религиозно-церковные темы. Всего вышло 7 номеров. Подробно см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 198–224. После закрытия газеты Булгаков переехал в Москву, преподавал на юридическом факультете Московского университета (приват-доцент по кафедре политической экономии и статистики), Глинка жил в Симбирске. Подробно см.: *Глинка (Волжский) А. С.* Собр. соч.: В 3 кн. / Сост. и ред. А. Резниченко. М., 2005. Кн. 1. 1900–1905 (Исследования по истории русской мысли; т. 10).

[12] *Белый Андрей.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 118–119 (сер. «Литературные памятники»).

[13] *Белый Андрей.* Начало века. Воспоминания: В 3 кн. М., 1990. Кн. 2 / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. С. 495. Позднее, в «Ракурсе к дневнику» Белый дополнил этот эпизод нюансами: «Появление в Петербурге Эрна и Свенцицкого. 1) Обсуждение обращения к „епископам“, написанное Свенцицким (у Мережковских). 2) Выработка „радикальной“ религиозной платформы у Волжского. 3) Дебаты со Свенцицким и Эрном у Перцова (участвуют: Мережковский, Гиппиус,

3 февраля 1906 года Свенцицкий, бывший свидетелем жестокого подавления в Москве Декабрьского вооруженного восстания, опубликовал в журнале «Полярная звезда» «Открытое обращение верующего к Православной Церкви» (оно начиналось словами «Я не могу молчать»), с призывом осудить кровопролитие, «возвысить свой голос и призвать сынов своих к покаянию» (наложить покаяние на московского генерал-губернатора Дубасова, «который был главным руководителем совершаемых злодейств, а равно и на всех тех, проливших кровь, кто именует себя христианами. Если же покаяние они отвергнут — отлучить от Церкви»).[14]

Одновременно появляется текст «Воззвание к Церкви»,[15] очевидно составленный Мережковскими, Философовым и Карташевым в те же декабрьские дни 1905 года[16] (ответ на отмену свобод, дарованных царским Манифестом 17 октября, жестокое подавление московского восстания, усиление полицейских репрессий и попустительство со стороны власти еврейским погромам, расстрелам и казням). Они призывали иерархов прекратить в храмах возношение молитв за царя и царствующий дом; возносить молитву за освобождение народа; разрешить войско от присяги царю; объявить Синод лишенным канонических прав, немедленно созвать Собор, который явился бы истинным и полномочным представителем Церкви перед народом и т. д.[17] По заключению С. В. Черткова, «идеи Братства были радикализированы Мережковским, причем совсем не в христианском духе».[18]

В феврале 1906 года Мережковские и Философов на два с половиной года уезжают во Францию. Одной из первоочередных задач, намеченных «тройственным союзом» перед отъездом, было издание коллективного сборника «Меч», посвященного вопросам религиозной общественности и религиозному оправданию революции. К участию были приглашены близкие по духу авторы и «идеалисты» — сотрудники бывшего «Нового пути» (ноябрь 1902–1904) и сменивших его «Вопросов жизни» (1905), разделявшие идеи «нового религиозного сознания»: В. В. Розанов, Н. М. Минский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Глинка-Волжский, П. А. Флоренский, Л. Шестов, А. Белый, Вяч. Иванов и др. (В процессе подготовки издания состав участников расширился, в результате было принято решение поделить материал на две книги — «Самодержавие и русская революция» и «Анархия и теократия», из которых вышла в свет только первая — «Царь и революция», с участием самих инициаторов сборника.[19])

Перцов, Философов, Тернавцев, я, Свенцицкий, Эрн, Карташев). 4) Обсуждение плана действий „Христианского братства борьбы“ (я, Свенцицкий, Эрн)» (Лит. наследство. Т. 105. С. 358).

[14] *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. Т. 2. С. 69. Против редактора «Полярной звезды» П. Б. Струве, опубликовавшего статью, и Свенцицкого было выдвинуто обвинение (в «дерзостном неуважении к власти»). На суде, состоявшемся 4 ноября 1906 года, его оправдали (он сам выступил в роли защитника). В «Речи на суде» (опубл.: Век. 1907. № 2 (14 янв.). С. 20–21) он заявил, что христианин не должен подчиняться государственным законам, если они противоречат заветам Христа, подробно см.: *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. Т. 2. С. 69–72, 598 (комм.).

[15] Полный текст «Воззвания к Церкви» опубл. по копии С. П. Каблукова: РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 10. Л. 97–103; *Мережковский Д.*, *Гиппиус З.*, *Философов Д.* Царь и революция. С. 10–12; с незначительными разночтениями по копии из архива В. Ф. Эрна: Взыскующие Града <...> 1997. С. 702.

[16] Чертков датирует документ осенью 1906 года (см.: *Чертков С.* В. П. Свенцицкий. Его эпигоны и последователи (И. А. Ильин, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев) // Философия и культура. 2010. № 5. С. 105). Однако в это время Мережковские и Философов находились в Париже, они выехали из Петербурга 25 февраля 1906 года.

[17] Оригинальный текст «Воззвания к Церкви» не сохранился, до нас дошли два списка — текст записан в дневнике С. П. Каблукова за 1910 год, без датировки, с комментарием: составлено после того, «когда самодержавное правительство не выполнило обещаний, данных манифестом 17 окт. 1905 г.» (РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 10. Л. 97–103); и рукописная копия в архиве В. Ф. Эрна с его маргиналией «Составлено Мережковским, 1906» (Взыскующие Града <...> 1997. С. 702).

[18] *Чертков С.* В. П. Свенцицкий. Его эпигоны и последователи. С. 105.

[19] Сборник статей «Le Tsar et la Révolution» был издан в Париже в 1907 году журналом «Mercure de France», состоял из предисловия Мережковского и его же статьи «Религия и революция», двух статей Гиппиус («Революция и насилие» и «Истинная сила царизма») и статьи Философова «Царь-Папа». В 1908 году книга была переведена на немецкий язык. См.: Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Философовым (1898–1918) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. Л. Соболева // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн.

Однако ни Свенцицкий, ни Эрн, несмотря на их политический радикализм, в сборник приглашены не были. В глазах Мережковских и их литературных соратников «неистовые москвичи» были ортодоксами-анахоретами, романтиками, чаявшими обновления церковной жизни по образу и подобию первых веков христианства, а не на пути разрыва с «исторической церковью», спаянной с самодержавием. (Колоритную характеристику ХББ дал П. П. Перцов в письме к В. В. Розанову от 21 января 1908 года: «Это какие-то „братчики“, либеральные хоругвеносцы, свободомыслящие церковные старосты. Они сливают несливаемое. Критикуют церковь, но не понимают ее корней. Хотят обновления без разрушения».[20])

Противостояние сторон нашло отражение в журнально-газетной полемике на страницах еженедельника «Век» и «Церковного обновления» (приложение к «Веку»)[21] и др.

Позиция ХББ отчетливо сформулирована в статье Свенцицкого «Революция или бунт?» (1908): «Разница наша не в том, что мы заботливые инженеры, реформаторы, а Д. С. Мережковский — проповедник переворота, а в том, что он проповедник бунта. / Он хочет создать „Новую Церковь“, „Церковь Троицы“, „Церковь Иоаннову“, в которую взошла бы вся правда Церкви Христовой, весь второй завет с Сыном и правда нового завета — с Духом Святым, — и как первое условие, как в своем роде свидетельство о благонадежности, для входа в эту новую церковь требуется свидетельство „о неговении“. / Это уже не революция, это бунт, религиозная пугачевщина. Революция рождается изнутри, а не сваливается с неба. Она есть одно из звеньев последовательного хода истории. <...> / Мережковский спрашивает: „Реформация или революция?“ Нет: революция или бунт? Коренной переворот из недр православной стихии или пугачевский набег из вольных степей? Да, ответим мы: революция, а не бунт. Переворот, а не погром!»[22]

Публикуемые письма, вопреки инерции ожидания, напрямую не касаются вопросов христианской политики и полемики. Они носят личный характер, причем два из них свидетельствуют о глубоком внутреннем кризисе, переживаемом Свенцицким, в состоянии которого он доверительно обращается за поддержкой к Мережковским.

Все четыре письма (три к Мережковскому и одно к Гиппиус) не датированы. Полагаясь на документальные публикации С. В. Черткова (своего рода «путеводитель» по творчеству Свенцицкого), их можно отнести ко второй половине 1907 года, первое — вероятно, к августу, последнее — к концу 1907-го.

Эти месяцы, как и следующее полугодие, были одним из наиболее драматических периодов в духовной биографии и личной жизни Свенцицкого. 9 (22) августа 1907 года Д. В. Философов сообщал Белому: «Сегодня Дм. Серг. получил очень страшное письмо от Свенцицкого. Свенц извещает, что он идет в монастырь. Жутко как-то стало».[23] Об этом же в октябре 1907 года сообщала Мережковским (со слов Карташева) Т. Н. Гип-

---

Кн. 1. С. 614; *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908). С. 345–350; *Павлова М.* Мученики великого религиозного процесса. С. 13–22.

[20] Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918): В 2 т. / Вступ. статья Е. И. Гончаровой; сост., подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2022. Т. 2. 1903–1918. С. 158.

[21] Критика «внецерковного христианства» Мережковского была предпринята Эрном, см.: *Эрн В.* Таинства и возрождение Церкви // Церковное обновление. Бесплатное приложение к еженедельнику «Век». 1907. № 9 (4 марта). С. 65–66; перепеч.: В. Ф. Эрн: pro et contra. С. 89–92. Соглашаясь с Мережковскими в том, что современная церковь удалилась от идеалов первохристианства и должна быть преодолена в ее исторически сложившейся форме, Эрн настаивает на преемственности «Исторической» и «Грядущей Церкви». См. также: *Свенцицкий Вал.* О новом религиозном сознании (По поводу статьи Д. В. Философова) // Свенцицкий В. П., прот. Собр. соч. Т. 2. С. 422–426; впервые: Век. 1907. № 18 (13 мая). С. 253–255.

[22] Нашедшие Град. С. 447. Ответ Свенцицкого на статью Мережковского «Реформация или революция?» (впервые: Речь. 1908. 10 апр. № 86). Статья была послана в газету «Речь» в 1908 году; впервые опубликована С. В. Чертковым: Религиоведение. 2013. № 1. С. 189–194.

[23] См.: Переписка З. Н. Гиппиус с Андреем Белым (1902–1918) / Вступ. статья Н. А. Богомолова; подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и А. Л. Соболева // Лит. наследство. Т. 106. Кн. 2. С. 147 (Приложение 2. Переписка Д. В. Философова с Андреем Белым (1902–1910)). Упомянутое письмо к Мережковскому не сохранилось. Свое намерение Свенцицкий осуществил в 1917 году.

пиус: «Свенцицкий мучится какой-то медиумической силой в себе, не находит места и думает: и в монастыре не скрыться».[24]

4 ноября после встречи с Андреем Белым, приехавшим из Москвы, она писала сестре: «Рассказывал о Свенцицком, он в бунте, на собрании[25] был: Свенц<ицкий>, Ельчанинов,[26] Булгаков, Боря, Эрн — Свенц<ицкий> был в злобном возбуждении, спрашивал у Эрна, Булгакова и Бори — на каком основании Булгаков приним<ает> Ц<ерковь> целиком, Эрна на каком основ<ании> имеет право *часть* вычеркивать, а Боря — все отрицать. Ельчанинов потом Кар<таш>ову <так!> рассказывал, что было очень трудно ему отвечать, п<отому> ч<то> он был возбужден и зол и требовал ответа. Что-то переживает, м<ожет> б<ыть> отрицает Ц<ерковь> — как Боря говорил. Трудно заключить что-либо определенное, по отрывочным сведениям. Ясно одно, что какой-то бунт, с Эрном расходится все. Пишу после: очень важное Боря случайно сообщил, что Свенцицкий Дмитрия хотел страшно, отрекался от историч<еской> церкви. Рыдал, говорил — вот бы Дм<итрия> Серг<еевича>!

Общество московское — Боря говорит — говорильня со слезой. Дам миллион: умиляться ходят Свенцицким. Разница: на Бальмонте дамы в шляпках и с прическами, а на Свенцицком дамы в очках и без причесок. „Так лучше же дамы с прическами“. Зрелище — то же самое».[27]

Летом 1907 года Свенцицкий завершил работу над романом «Антихрист (Записки странного человека)».[28] 2 августа он извещал А. С. Глинку: «Я кончил своего „Антихриста“ и, кончив, понял, что, каковы бы ни были его литературные недостатки, я *должен* предать его гласности. Мне посчастливилось, и Ефимов[29] согласился издать его. К 15 сентября он выйдет. <...> Я как к ребенку-калеке мучительно привязан к своему Антихристу. Он до сих пор со мной — в сердце моем, в душе моей, но уже совсем по-другому. Я „нянчаю“ его, ухаживаю за ним, убаюкиваю его — моего родного бесценного страдальца».[30]

В ноябре первое издание романа было отпечатано, Свенцицкий посылает книгу Мережковским с просьбой написать рецензию (см. письмо 3 и прим. к нему). Мережковский отмалчивается. Гиппиус публикует в «Русской мысли» (1908. № 2) под рубрикой «Из дневника журналиста» статью «Острая точка», в которой в контексте размышлений о проблемах современной молодежи дает в целом одобрительно-снисходительную оценку романа. Однако ее рецензия не могла не задеть самолюбие Свенцицкого содержащимся в ней упреком в инфантилизме и ординарности переживаний главного героя (Гиппиус прочитала «Антихриста» как авторскую исповедь): «...самый обычный юноша, из десятка, а может быть, из тысячи... <...> сама книжка кричит об

---

[24] Amherst Center for Russian Culture: Zinaida Gippius and Dmitri Merezhkovsky Papers. Series 2. Box 2. Folder 34.

[25] Имеется в виду заседание МРФО.

[26] Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934) — церковный публицист и историк церкви, священник, ближайший товарищ П. А. Флоренского и В. Ф. Эрна; окончил историко-филологический факультет Московского университета (1904), редактор-издатель газет ХББ, член совета МРФО; с 1912 года жил в Тифлисе, преподавал в гимназии В. Левандовского; с 1921 года в эмиграции, один из руководителей Русского христианского демократического движения.

[27] Ibid.

[28] Книга Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)» (СПб.: Издательство Д. П. Ефимова, 1908) подверглась цензурному аресту, тираж был конфискован. Подробно см.: *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. Т. 1. Второе распятие Христа. Антихрист. Пьесы и рассказы (1901–1917). С. 692–705.

[29] Ефимов Дмитрий Панфилович (1866–1930) — владелец московского книжного магазина, издатель, специализировался на выпуске дорогих открыток; издавал продукцию «Христианского братства борьбы», в том числе серию «Религиозно-общественная библиотека», которой руководили Свенцицкий и Эрн; проспект серии был составлен С. Н. Булгаковым.

[30] Нашедшие Град. С. 360. В комментариях к этому письму Чертков приводит позднейшее признание Свенцицкого: «В этой книге мною ставился один общий духовный вопрос: можно ли узнать Христа, не пережив антихриста? Если бы я писал эту книгу теперь, я многое не написал бы так, как тогда. Но это основное положение я и теперь утверждал бы также: нельзя узнать Христа, не пережив антихриста» (*Свенцицкий В., прот.* Монастырь в миру. М., 1995. Т. 1. С. 36–37).

этом, каждая страница ее — лик не одного, а многих таких же, так же томящихся смертной тоской о себе, о своем „я“, о котором, „если не решить, что оно такое — жить нельзя“ <...>. Однородное, схожее страдание у многих, хотя каждый из этих многих еще одинок. Подлинное страдание у автора „Антихриста“ <...>. И страдание воистину смертное. <...> Страданья, ошибки, борьба юного поколения нашего обращены к будущему, — потому что это страданья живых людей и трепет живых мыслей».[31]

Между тем роман, воспринятый как «человеческий документ»,[32] вызвал скандал. (10 июня 1908 года Н. А. Бердяев писал Эрну: «Его книга „Антихрист“ произвела на меня очень тяжелое, кошмарное впечатление. Многого я в Свенцицком не понимаю».[33]) Образ главного героя (аморалиста) резко расходился с устоявшейся репутацией Свенцицкого. М. В. Вишняк, знавший его в юности, вспоминал о нем: «Излюбленными темами было изобличение любострастия, чревоугодия, стяжательства, карьеризма. Но и меньшие пороки, вроде невинного флирта или кокетства, хвастовства или честолюбия не избегали бичующего негодования и нападок нашего Савонаролы. <...> Мы — и не только мы — были свидетелями того, что Валентин не только проповедует воздержание, но и сам ведет почти аскетическую жизнь. Просто, почти бедно одетый, он строго соблюдал все посты, раздавал нищим все деньги, которые были при нем. Постоянно нуждался. Жил почти в пустой каморке, не имел своего имущества, спал на твердом, не слишком опрятном ложе, над которым возвышался деревянный крест».[34]

В дружеском кругу роман осудили, восприняли как акт саморазоблачения (по сути, он был опытом сублимации). П. А. Флоренский писал Свенцицкому 2 ноября 1907 года: «...насчет „Антихриста“ (кстати сказать, я очень негодую на Вас за выпуск его в свет, но сейчас не в этом дело). Нового он мне дал мало, т. е. я все в вас чувствовал и видел из отдельных разговоров и т. д. Но мне думается, что Вы не замечали самого скверного — книги. Говорю „скверного“. Это неверно. Я не знаю, были или не были случаи, описанные в „Антихр<исте>“, да и все равно это. Если бы Вы под присягою показали мне, что все это было, я ни на одну йоту не изменил бы своего отношения к Вам. Но мне не то тяжело, что это было (мало ли что бывает!), а то, что Вы носитесь с гадостью, словно любуетесь ею, и других соблазняете».[35]

В ближайшие месяцы Свенцицкий оказывается в одиночестве, переживает разрыв с друзьями и единомышленниками (В. Ф. Эрном, П. А. Флоренским, А. В. Ельчаниновым, С. Н. Булгаковым, Д. Д. Галаниным[36]), осуждавшими его за поступки, несовместимые с духом христианства. На фоне зреющего скандала 14 февраля 1908 года Свенцицкий читает в Религиозно-философском обществе доклад «Мировое значение аскетического христианства».[37]

Мережковские были в курсе петербургских событий, они получали из России письма от литературных соратников и из дома — от А. В. Карташева и Т. Н. Гиппиус

---

[31] *Гиппиус З.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2003. Т. 7. Мы и они. С. 306, 312–313; впервые: Русская мысль. 1908. № 2. С. 155–160.

[32] См., например, рецензию Н. И. Петровской: Весы. 1908. № 2. С. 85–88.

[33] Взыскующие Града <...> 1997. С. 166.

[34] *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 31.

[35] Нашедшие Град. С. 376. См. также: Переписка В. П. Свенцицкого и П. А. Флоренского / Публ. П. В. Флоренского и С. В. Черткова // Новый журнал (Нью-Йорк). 2011. № 264. С. 132.

[36] Галанин Дмитрий Дмитриевич (1886–1978) — участник ХББ, заведующий редакцией Религиозно-общественной библиотеки, выпускавшей продукцию ХББ.

[37] Текст доклада см.: Русская мысль. 1908. № 5. С. 89–103; Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде), 1907–1917. История в материалах и документах: В 3 т. / Вступ. статья О. Т. Ермишина и О. А. Коростелева; подг. текста О. В. Ермишина, О. В. Самоцветовой, Л. В. Хачатурян; прим. О. В. Ермишина, О. А. Коростелева, С. В. Мартьяновой, О. В. Самоцветовой, Л. В. Хачатурян; сост. хроники А. А. Ермичева; сост. аннотированного списка С. М. Половинкина. М., 2009. Т. 1. С. 265–282, 641–642 (прим.). В том же номере «Русской мысли» под общей рубрикой «Проблемы аскетизма» напечатан ответ Свенцицкому — доклад В. В. Розанова «О христианском аскетизме», который состоялся 12 марта 1908 года (Русская мысль. 1908. № 5. С. 103–111); см. также: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде), 1907–1917. Т. 1. С. 283–290, 643 (текст и прения).

с рассказами о заседаниях Религиозно-философского общества, а также газеты с хроникой и отчетами заседаний. 6 марта 1908 года Гиппиус просила Розанова: «Напишите вы нам обстоятельно, что за реферат читал Савонарола-Свенцицкий? Неужели правда затвор рекомендовал? Да это все равно что непрерывно кричать о том, что необходимо молчание! Иди в затвор сам первый — и молчи. Не попалась ли вам его книжка недавняя — „Антихрист“? Сделайте исключение, прочтите ее: ручаюсь, что не раскаетесь! Это „исповедь“, автобиография. Увидите, как интересно».[38]

В июле 1908 года Мережковские вернулись в Россию, после лета, проведенного в Суйде (под Гатчиной), в сентябре они возобновили работу в Религиозно-философском обществе. Об их контактах со Свенцицким в эти месяцы сведения отсутствуют, однако они могли быть в курсе московских новостей через А. Белого, гостившего у них на даче в августе.

В ноябре 1908 года Свенцицкого исключили из МРФО по обвинению «в ряде действий, явно предосудительных» (рождение внебрачных дочерей[39] и присвоение денег из кассы еженедельника «Век», притом что он был одним из его пайщиков;[40] «за» проголосовали члены совета Эрн, Ельчанинов[41] и Булгаков), затем он был вынужден бежать из Москвы.

В упомянутом письме к Свенцицкому от 25 ноября 1908 года Мережковский выражал сочувствие в связи с его исключением из МРФО, в создании и работе которого он принимал горячее участие, будучи одним из инициаторов и членом совета общества. (Несогласие с решением МРФО по делу Свенцицкого выразил и Вяч. Иванов в письме к В. Эрну от 25 ноября 1908 года.[42])

«Я слышал, что вас исключили из Религиозно-философского общества, — писал ему Мережковский. — Я не знаю тех поступков, за которые вас осудили. В газете я прочел, что вы сами себя за них осуждаете,[43] а если это так, то никто не имеет права судить вас, кроме Церкви. Религиозно-философское общество не есть Церковь, и суда его над вами я не могу признать правильным. Каковы бы ни были ваши поступки, я ничем не лучше вас и в покаянии и прощении нуждаюсь не менее, чем вы. Я думаю,

---

[38] В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 208.

[39] Имеются в виду дети от Ольги Владимировны Шер (входила в ХХБ; 1888–1970), родившей втайне от Свенцицкого 6 апреля 1908 года дочь Ольгу, которую представила родным как удочеренную «сиротку», и от Надежды Сергеевны Багатуровой (Багатарян Егинэ Саркисовна; 1890–1976) — детской писательницы, переводчицы; гражданской жены В. П. Свенцицкого; 21 июля 1908 года она родила дочь Надю, крестной которой стала О. В. Шер (подробно см.: Нашедшие Град. С. 319–320, 428).

[40] Осенью 1907 года Свенцицкого подозревали в присвоении 350 рублей из кассы трудовой общины «Века», которые предназначались для ведения судебного процесса по делу журнала, но потом обстоятельства разъяснились (Там же. С. 427).

[41] В обширном письме к П. А. Флоренскому от 25 ноября 1908 года Ельчанинов рассказывал о событиях, которые предшествовали исключению Свенцицкого из МРФО: «12-го, в среду, открылось, что у Вал<ентина> есть двое детей от Оли и Нади; немного спустя поступила в Совет жалоба на Вал<ентина> от матери одной гимназистки, а потом открылся целый ряд фактов той же категории + шантажные денежные дела. <...> 17-го братья Оли отправились к Вал<ентину> и поставили ему ультиматум: или пусть он отпустит девиц и немедленно выедет из Москвы, или он будет подвергнут физическому воздействию. Тогда Антихрист капитулировал и принял все условия, а на другой день прислал Володе (В. Ф. Эрну. — *М. П.*) признание во всех своих гнусностях, даже таких, о которых мы не знали. В этом письме он всецело предавался на волю победителей и только умолял помочь ему поступить в монастырь» (Там же. С. 426).

[42] См.: Нашедшие Град. С. 429; ответ Эрна Иванову от 28 декабря 1908 года: Там же. С. 431.

[43] Имеется в виду помещенное в газете «Русское слово» (1908. 21 нояб. № 271. С. 5) письмо совета МРФО о заседании, состоявшемся 11 ноября 1908 года, на котором Свенцицкому было предложено выйти из общества; опубликовано за подписью председателя общества Г. Рачинского, членов совета: кн. Е. Трубецкого, С. Булгакова, А. Глинки (Волжского), В. Эрна, А. Ельчанинова. В этом же письме сообщалось: «Еще до получения копии с постановлением совета В. П. Свенцицкий прислал на имя председателя о<бщест>ва заявление о своем выходе из числа членов о<бщест>ва, а затем в письме на имя одного из членов совета от 18-го ноября признал справедливость предъявленных ему обвинений».

что вам теперь трудно и больно. Копию с этого письма я посылаю А. В. Ельчанинову, чтобы он сообщил его подписавшимся».[44]

26 ноября Мережковские приехали в Москву для координации работы петербургского и московского Религиозно-философских обществ (6 декабря состоялось общее закрытое собрание, на котором Мережковский читал доклад «Борьба за догмат»[45]); они неоднократно встречались с Булгаковым и Эрном.

Друзья Свенцицкого отреагировали на несогласие Мережковского с решением МРФО, 12 декабря 1908 года С. Н. Булгаков сообщал А. С. Глинке (Волжскому): «Вы знаете, что Д. С. <Мережковский> написал было Св<енцицкому> письмо с изъяснениями в любви и смирении после нашего газетного письма. Здесь, когда им рассказали всё, они с нами согласились по существу (оговорки — неважны) и решили, что его нельзя пускать в СПб Религиозно-философское общество. Но только la donna è mobile,[46] сами знаете, непреклонна из них только З. Н. <Гиппиус>, которая относится к Св<енцицкому> с холодным брезгливым презрением».[47] Однако заключение Булгакова оказалось поспешным. В декабре Гиппиус писала Б. В. Савинкову: «...грандиозный скандал со Свенцицким потряс „христианскую“ Москву (Булг<аков>, Эрн), но все же мы не на стороне этих новых „смиренных“».[48]

Тексты писем В. П. Свенцицкого воспроизводятся по автографам: Amherst Center for Russian Culture: Zinaida Gippius and Dmitri Merezhkovsky Papers. Series 2. Box 5. Folder 6; орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной грамматической нормой.

1

<Август (?) 1907 года[1]>

Дорогой Дмитрий Сергеевич! Я получил Ваше письмо, мне было и радостно, и грустно читать его.[2] Радостно потому, что я из него увидел и понял, что между нами, как бы мы ни разномыслили, уже нет более того тяжелого чего-то, что так давило и мучило меня. Я почувствовал, что Вы меня простили, что что бы там ни было, у нас один Христос, один Бог.

Родной мой Дмитрий Сергеевич, мне до смешного хочется говорить Вам ласкательные слова, увидеть Вас и услышать. Страшное в Вашем письме было то, что Вы написали о моей силе. Мне хочется, чтобы Вы думали и знали обо мне именно то, что *я есть*, видит Христос, не из скромности пишу, а потому что чувствую себя правдивым.

Во мне много силы, но силы демоничной, человеческой, тяжелой, я мучаюсь ей.

Когда-то на спиритическом сеансе *при свете* я приказывал вещам *передвигаться*, и они двигались. С тех пор (пусть это был гипноз) я никогда не делаю ничего подобного, но чувствую «животную» подлую силу и «власть» не Божескую.

Хочу быть как ребенок, ничего не знать, никакой «воли» не иметь.

Я — не старший «брат» — я мишура и гордыня — вот все, что я узнал к 25 годам своей жизни. И рад этому и счастлив бесконечно.

---

[44] Нашедшие Град. С. 428.

[45] Впервые: Речь. 1908. 14 дек. № 307. С. 3.

[46] Женщина переменчива (*ит.*) — цитата из либретто Ф. М. Пьяве к опере Дж. Верди «Риголетто» (1851).

[47] Нашедшие Град. С. 448. Свенцицкий состоял действительным членом Петербургского Религиозно-философского общества, исключен из него не был.

[48] Революционное христовство: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009. С. 146. Имеются в виду семь «смиренных» Святейшего Синода, подписавших приговор об отлучении Л. Толстого от церкви (1901). В статье «Семь смиренных» Мережковский назвал новыми «смиренными» участников сборника «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (М., 1909); впервые: Русские ведомости. 1909. 25 апр. (8 мая). № 94. С. 4; также: Речь. 1909. 26 апр. (9 мая). № 112. С. 2–3; в авторском сборнике «Больная Россия» (СПб., 1910. С. 93–109).

Вот почему мое решение идти в монастырь[3] не есть установление объективного пути для всех. Я и за себя-то ничего решать не смею. Потому у меня нет еще определенных, отчетливых решений. Я путаюсь, признаюсь, но так ясно теперь знаю, что надо идти в пустыню, но кажется, что это искушение — одно я теперь только как неподвижную точку ощущаю в себе — это что Господь поможет мне, но оставим.

Я живу *внешне* значительно по «*инерции*»; внешнее что-то делается, езжу, хожу в Унив<ерсите>т[4] и пр. и пр., а сам точно уже где-то не здесь. И радостно, и жутко. И так хочется плакать, что в душе столько язв, мерзости тьмы. Так ясно видишь, как мучаешь Спасителя своей подлостью и все еще не можешь перестать и быть его сыном.

О «земном» я должно быть не так выразился. Может быть, я не знаю настоящей любви *к земле*, но то, что я знаю, мне кажется, что есть любовь. Я люблю природу, люблю траву, цветы, лес, так бы и обнял все, так бы и приласкал.

Впрочем, теперь у меня какая-то жажда ненасытимая, хочется любить все, всегда и всех, и чем больше любишь, тем больше хочется, и боишься, что умрешь и не поспеешь еще ласкать и полюбить.

Из Вашего письма я вынес впечатление, что Вы приезжаете в Россию?[5] Правда ли это? Мне необходимо видеть Вас и говорить лично.

Волжский[6] когда-то все, с обычной его нежностью, выговаривал мне за то, что я не «принимаю мелочей» и что это грех. Господи, как он прав. Требовать от всех — чувствуйте, как и я, это такая безобразная форма самоутверждения, и потому я, каясь за прошлое, теперь стараюсь всюду любовно и *просто* относиться к делам житейским, не говоря уж об «общественных», а потому по мере сил буду и в «Веке» (он возобновится в виде «Религии и Жизни»),[7] и в Религиозно-фил<ософском> обществе,[8] пока не определюсь, куда мне идти. Об этом теперь я молюсь непрестанно и прошу Вас, брата моего, молиться обо мне, как и я теперь постоянно молюсь за всех Вас, как умею.

Господи, как хочется сказать: Христос посреди нас. Господи, возьми к себе и прости и помилуй.

Горячо обнимаю Вас и крепко-крепко целую.

В. Свенцицкий

P. S. Покуда мой адрес:

Москва, Остоженка, 1-ый Зачатьевский пр. д. № 6 <нрзб.> кв. 1.

Канцелярия Рел<игиозно>-фил<ософского> Об<ще>ства.

Если Вы приедете в Россию, ведь вы, конечно, прочтете что-нибудь в нашем Москов<ском> Обществе?

[1] Датируется по содержанию.

[2] Письмо Д. С. Мережковского неизвестно.

[3] См. вступ. статью. Свенцицкий отправился в Оптину пустынь к своему духовному наставнику прп. Анатолию (Потапову) Оптинскому осенью 1908 года, после исключения его из МРФО. См. об этом в комментарии С. В. Черткова к письму А. В. Ельчанинова к П. А. Флоренскому (25 ноября 1908 года): «...22 ноября Свенцицкий, никому не сказав, покинул наемную квартиру в д. 4 на Остоженке. В книге „Граждане неба“ (Пг., 1915) он вспоминал: „Со мной случилось большое несчастье. Я, как говорится, запутался. Запутался и нравственно, и житейски... Мне казалось, что все ложь, и вокруг меня, и во мне самом. Я ушел из своего дома осенью, как беглец, в чем был. Бессмысленно метался из одного места в другое <...>. И теперь, зимой, явился в монастырь“» (Нашедшие Град. С. 428). Однако желание уйти в затвор возникло у него раньше, о чем свидетельствует его последовательная апология аскетизма, см. прим. 8.

[4] В. П. Свенцицкий в 1903–1907 годах учился на историко-филологическом факультете Московского университета (исключен за неоплату VII семестра).

[5] Мережковские вернулись в Россию 12 июля 1908 года, после двух с половиной лет, проведенных во Франции. См. вступ. статью и прим. 2 к ней.

[6] См. прим. 10 к вступ. статье.

[7] «Век» — еженедельник религиозно-общественной жизни и политики (редактор-издатель В. А. Никольский); печатный орган «Братства ревнителей церковного обновления»; издавался в Петербурге. Первый номер вышел в свет 12 ноября 1906 года при ближайшем участии А. В. Карташева и К. М. Аггеева, которые заняли место ведущих авторов журнала; приостановлен 9 июля 1907 года. При еженедельнике выходили Приложения: «Церковное обновление» и «Библиотека „Века“». Свенцицкий был постоянным автором «Века». Летом 1907-го группа ХББ забирает

«Век» в свои руки, пытаясь реорганизовать издание (см. письмо В. П. Свенцицкого к А. С. Глинке от 2 августа 1907 года: Нашедшие Град. С. 360). Вместо «Века» стал выходить журнал «Религия и жизнь» (редактор-издатель Г. Ф. Говоров), всего вышло три номера (№ 1, 1 сентября, № 3 — 23 сентября 1907 года); в Приложении к журналу выпустили брошюру из «Библиотеки „Века“»: *Никольский В. А.* Из истории наших религиозных движений. «Московский евангелист» [Дмитрий Тверитинов]. СПб., 1907. Подробно об изданиях см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 246–262.

[8] Вероятно, здесь речь идет не о МРФО, в котором Свенцицкий постоянно выступал с докладами, а о Петербургском Религиозно-философском обществе, в работе которого он принимал деятельное участие (см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде), 1907–1917 (по указ.)). В заседании 14 февраля 1908 года Свенцицкий читал доклад «Мировое значение аскетического христианства». В хронике «Московского еженедельника» сообщалось: «...публики явилось множество. Талантливо и страстно характеризует Свенцицкий <...> влияние христианства на духовную жизнь человека <...> Чувствовалось, что все сказанное глубоко заложено в его собственной душе, что это ни измышление ума, ни литература, а живая история душевных мук. Это <...> импонировало публике, которая слушала г. Свенцицкого не только с интересом, но и с видимым сочувствием» (*Х<ижнякова>-Ч<ерносвитова> М.* В религиозно-философском обществе // Московский еженедельник. 1908. № 12. С. 54–57). Подробно см.: Нашедшие Град. С. 397–398.

2

<Октябрь 1907 года[1]>

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Я возвратился сейчас из Петербурга, куда ездил для ликвидации «Века»[2] и на открытие Об<ще>ства.[3] По поводу того и другого пишу Вам «деловое» письмо.[4]

Мы решили, ввиду закрытия «Религии и Жизни»[5] за полной невозможностью издаваться в Петерб<урге>, перенести издание в Москву. У нас для Москвы есть разрешение на «Живую Жизнь».[6] Денег у нас с уплатой штрафа мало.[7] Всего хватит № на 4. Будем мы издавать поэтому с 1 ноября книжечками листов в 5 по 2 раза в месяц, т. е. два месяца ноябрь и декабрь. За это время мы откроем подписку и, если подписка пойдет — перенесем издание на 1908 г., если нет, возвратим присланные деньги обратно и прекратим издание.

Ввиду такого оборота дела, мы просим помочь нам литературно и прислать по возможности для 1-го № какую-нибудь, хотя бы самую коротенькую статью.[8] О том же просим Зин<аиду> Никол<аевну> и Философ<ова>. Это во-первых, а во-вторых, просим разрешить упоминать ваши имена в числе сотрудников в объявлениях.[9]

Теперь об обществе.

В. В. Успенский[10] сказал, что Вы в Россию нын<ешний> год не приедете. Это толкнуло меня обратиться к Вам с следующим предложением. Не согласились ли бы Вы приехать к нам в Москву со специальной целью прочесть реферат в двадцатых числах ноября? Само собой, что в материальном отношении это не потребовало бы от Вас никаких расходов, а удобство то, что Вы тот же реферат могли бы прочесть и в Петербурге.

Если бы Вы знали, какая большая радость была бы для нас Ваш приезд. По получении этого письма ответьте мне телеграммой о Вашем решении, т. к. это отразится на всем плане наших рефератов. Еще, конечно, ноябрь удобен, можно и в начале декабря, и в начале ноября.

О заседании в Петербурге Вам, наверное, напишут лучше меня,[11] скажу только о себе, что хотя я и выступал и говорил против нового религиозного сознания, но уверен, что *теперь*[12] все это было по-новому, и уверен не только потому, что, видимо, это чувствуют идущие после заседания. Ельчанинов сказал мне, что стал говорить совсем иначе. Еще бы не иначе! Мне было так легко и радостно на душе, я все думал, что вы сидите все рядом со мной, и мне хотелось всем сказать, что мы все маленькие, все деточки, я чуть не обнял Введенского,[13] который так сердито говорил, и не подозревая, какой он сам маленький голенький птенчик.

Ну, прощайте. Христос с вами.

Ваш Вал. Свенцицкий

[1] Датируется по содержанию.

[2] См. прим. 7 к п. 1.

[3] Первое официально разрешенное заседание Петербургского Религиозно-философского общества состоялось 3 октября 1907 года, слушали доклад С. А. Аскольдова «О старом и новом религиозном сознании», текст см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде), 1907–1917. Т. 1. С. 36–46, 622–623 (прим.); впервые в сокращении: Записки С.-Петербургского религиозно-философского общества. СПб., 1908. Вып. 1. С. 3–10; полный текст: Вопросы религии. М., 1908. Вып. 2. С. 193–222. Свенцицкий напечатал подробный критический отчет о докладе Аскольдова, см.: *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. Т. 2. С. 481–483; впервые (под криптонимом: *С. В.*): Живая жизнь. 1907. № 1 (1 нояб.). С. 59–61.

[4] Письмо неизвестно.

[5] См. прим. 7 к п. 1.

[6] Двухнедельный религиозно-философский журнал «Живая жизнь», основанный Свенцицким и Эрном, издавался в Москве, редактор-издатель В. А. Рукович; первый номер вышел 27 ноября 1907 года, последний — 30 января 1908 года. Под обложкой журнала учредители стремились соединить различных представителей религиозно-философской мысли; сотрудничали: Аскольдов, Бердяев, И. П. Брихничев, Глинка-Волжский; предполагалось сотрудничество К. М. Аггеева, А. Белого, З. Гиппиус, Карташева, Е. Н. Трубецкого, Философова, Флоренского и др. Всего вышло четыре номера, после чего журнал был прекращен за отсутствием средств (подробно см.: *Колеров М. А.* 1) Не мир, но меч. С. 269–276; 2) Издания Христианского братства борьбы (1906–1908) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 304–306).

[7] Речь идет о финансовых делах, связанных с прекращением «Века» и изданием «Антихриста» (см. об этом письмо В. Ф. Эрна к А. В. Ельчанинову от 9 ноября 1907 года: Нашедшие Град. С. 377–378).

[8] Мережковский дал в журнал статью «О Воскресении» (Живая жизнь. 1907. № 1 (27 нояб.). С. 3–8), которая затем вошла в первую редакцию статьи «Меч» в сборнике Мережковского «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (СПб.: М. В. Пирожков, 1908).

[9] См. прим. 6.

[10] Успенский Василий Васильевич (1876–1930) — приват-доцент Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре педагогики и пастырского богословия, товарищ А. В. Карташева; церковный публицист, он был одним из членов-учредителей Религиозно-философских собраний (подготовил первое отдельное издание стенографических отчетов: Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1902–1903 гг.). СПб., 1906), а позднее Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества, сотрудничал в «Новом пути» и «Вопросах жизни». В этот период Успенский сочувствовал реформаторским идеям Мережковских, но считал для себя невозможным полный разрыв с Православной Церковью и отказ от евхаристии (как Карташев и Свенцицкий).

[11] Подразумеваются письма к Мережковским Карташева и Т. Н. Гиппиус. См.: Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 658–706; также: Лит. наследство. Т. 114. Семейные хроники в письмах-дневниках Т. Н. Гиппиус (1906–1908) / Изд. подг. М. М. Павлова (в печати).

[12] Слово подчеркнуто двумя чертами.

[13] Александр Иванович Введенский (1856–1925) — философ-кантианец, психолог и логик; профессор и заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского университета (1890–1913), председатель университетского Философского общества.

3

<Не ранее второй половины ноября 1907 года[1]>

Дорогой мой брат о Христе, я долго не писал Вам, потому что был болен духом. Я и сейчас не совсем поправился, но уже нет той остроты. Я снова выплыл, снова начинаю любить и радоваться, а без любви и радости как-то грешно подходить к человеку. И сколько бы ни писал Вам, я всегда буду начинать с того, что люблю Вас, потому что так хочется без конца повторять это *чудное*[2] слово. Я знаю, Дмитрий Сергеевич, что если встречусь с Вами, многое переживу *не*любовно, от многого оттолкнусь, многое внешнее не смогу преодолеть, — но все же это чувство к Вам на расстоянии — не иллюзия, наоборот — то иллюзия.

Хочу, чтобы Вы знали, в чем мои затруднения. Я передам их схематично и теоретично, но знаю, что Вам нетрудно понять их психологическое содержание.

Не в силах я преодолеть раздвоенность *созерцания* и религиозной *активности*. Это новая для меня внутренняя задача, которой раньше я как-то не чувствовал. И она разрывает мою душу на две половины, и я то хочу пустыни — то площади.

Началось это с лета, а эти дни, особенно под влиянием виденных впечатлений, дошло до болезни. Приехав, Волжский да и Булгаков сдружились с Новоселовым,[3] теперь прославляют приятие мира в виде «житья-бытья», против религиозного максимализма восстают самым резким образом и как-то размякли. Я чувствую, что в активности много соблазна, но *такая* мягкость стала приводить меня в злобное состояние, скверное и несправедливое, в результате которого я дошел до грубости и опять стал впадать в религиозную писаревщину.[4] А тут опять заговорило в душе молитвенное, Бога видеть, почти осязать, вся душа уходит в нетленное. Сейчас успокоился, грубость прошла. У нас оттепель, и на душе тоже снег сошел. И я пишу Вам, как брату бесконечно дорогому и близкому. Христос с Вами. Зинаиде Николаевне спасибо за письмо и за приписочку в Вашем письме.[5] Письмо ее поразило меня глубоко внутренней чистотой и силой правдивости.[6] Ваши письма обоих так дополняют друг друга и имеют для меня совершенно исключительное значение. Передайте ей, что я целую ее *три раза* и прошу ее, пусть и она перекрестит меня, мне это нужно. Хочется мне еще сказать Вам несколько слов об Антихристе, которого послал Вам.[7] Тут дело не в том, «Антихрист» ли это — но мне хочется, чтобы Вы поняли эту книгу вполне, а для этого хочу сказать два слова о ее внутреннем происхождении. Писал я ее два года — пережитое в ней относится к 5–6 годам назад (хотя фабула взята более современная). То есть когда мне было 19 лет и я только что начинал веровать. Я тогда стал замечать двойственность в виде неуловимых и раздельных чувств, чем дальше, тем больше и, наконец, увидел какого-то внутреннего двойника, абсолютно со мной схожего и диаметрально мне противоположного. Даже когда я молился, он тоже по-своему молился. Я чувствовал, что погибну и духовно, и психически, если его не преодолею. Господь помог мне. После того я стал принимать причастие.

Я не мог не написать этой книги, этой исповеди своего двойника, но не печатать ее, конечно, мог, — здесь уж были мотивы тоже религиозные, но уже иного порядка. [У меня был] Вл<адимир> Фр<анцевич> Вам кланяется.

Я хотел бы Вас просить написать об этой книге,[8] ибо предвижу религиозно-невежественную ругань по поводу этого больного моего «детища». Что бы и как Вы ни написали, как бы Вы меня резко ни судили и как литератор и как мыслитель — Вы это сделаете *с любовью*, а потому уж если даже и не объективно, правильно, то (с моей точки зрения), то внутренно правильно. Впрочем, это так, я понимаю, что Вам может оказаться тяжело писать, и тогда не обращайте на мою просьбу никакого внимания.

Статьи Ваши получил. Журнал печатается,[9] но все выходят задержки из-за разрешения, вторая статья Ваша, к несчастью, нецензурна. Спасибо Вам за помощь. Надеемся выйти 25-го ноября.

Прощайте. Всем Вам желаю мира и радости. Помогите научиться любить. Христос с вами, дорогие. Вал. Свенцицкий

Влад<имир> Фр<анцевич>[10] Вам кланяется.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Слово подчеркнуто двумя чертами.

[3] Новоселов Михаил Александрович (1864–1938, расстрелян; новомученик) — публицист, духовный писатель; окончил историко-филологический факультет Московского университета (1886), последователь учения Л. Н. Толстого (до 1892 года); участник Религиозно-философских собраний (1901–1903); издатель «Религиозно-философской библиотеки» (1902–1917), в 1907 году создал строго православный московский «Кружок ищущих христианского просвещения», который собирался у него на квартире (в числе участников: П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Ф. Д. Самарин, Иосиф Фудель и др.); в 1912 году избран почетным членом Московской духовной академии; после 1917 года — идеолог иосифлянства. В апреле 1907 года Булгаков писал Глинке в Симбирск: «...очень сблизился я за это время с Новоселовым, в котором много подлинной цер-

ковности. (К радости понял и Валентин Павлович, которому я говорил). И тем самым я стал ближе к „исторической“ Церкви, стал еще более „православным“» (Нашедшие Град. С. 355).

[4] «Писаревщина» — утилитарный подход к искусству, здесь — к религии, вере; возможно, в переносном смысле: крайность, догматизм.

[5] Возможно, об этом невыявленном письме упоминает Т. Н. Гиппиус, 22 сентября 1907 года она сообщала Мережковскому: «К<арташ>ов <так!> прочел у Ельчанинова твое письмо к Свенцицкому и радуется. Говорит, что ты многое написал, как бы в ответ на его мучение и вопросы, разрешил» (Amherst Center for Russian Culture: Zinaida Gippius and Dmitri Merezhkovsky Papers. Series 2. Box 4. Folder 24).

[6] Письмо З. Н. Гиппиус неизвестно.

[7] Имеется в виду роман В. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека»), книга вышла в издательстве Д. П. Ефимова в начале ноября 1907 года, в 1908 году напечатано 2-е издание с послесловием автора.

[8] По наблюдению С. В. Черткова, результатом внимательного прочтения романа «стала глава „Меч“ в сб. Мережковского „Не мир, но меч“ (М., 1908): в разделах IV–V подробно изложен ход мысли героя романа-исповеди» (подробно см.: Нашедшие Град. С. 382–383). 26 ноября 1907 года Мережковский писал по поводу романа Глинке: «А Свенцицкий!.. мы только что прочли его „Антихриста“. Мы не нашли в нем „потрясающего ужаса“, книга эта показалась нам глубоко ничтожной, в религиозном смысле, бесконечно жалкой, ребячески беспомощной. И он достоин лучшей участи. Тут нет никакого „антихриста“, а есть лишь образная сторона „православного житья-бытья“. Удушья одиночества. А кто из вас ему помог? / Ужас не в нем, а в том, что, уже будучи со всеми вами в церкви, он не нашел защиты от этого ужаса. А теперь не ужасаться надо, а успокоить его, принять грех его на себя, полюбить еще сильнее. <...> А ведь Свенцицкий, хотя и одинок, *но не один*. Таких, как он, множество. Он очень обыкновенный, средний человек своего поколения (Леонид Андреев, Ремизов, <...>). Все вы — безнадежные праведники, а ведь Христос пришел не для праведников» (опубл.: Письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к А. С. Суворину (1891–1911) / Подг. текста, вступ. статья и комм. Н. А. Богомолова // Лит. наследство. Т. 106. Кн. 1. С. 85).

[9] Имеется в виду статья Мережковского «О Воскресении» (Живая жизнь. 1907. № 1 (27 нояб.). С. 3–8). О какой второй статье Мережковского идет речь, установить не удалось.

[10] В. Ф. Эрн.

4

<Не ранее конца ноября 1907 года[1]>

Дорогая Зинаида Николаевна,

Я сейчас получил Ваше письмо,[2] — оно так меня взволновало, что я не могу не написать Вам ответ сейчас же.

Вы сказали в своем письме много несправедливого, и я, поскольку смогу, напишу Вам откровенно.

Во-первых, Вы пишете: «вы ее так любовно издали и разослали».[3] Издателем являюсь не я, и никому книги, кроме Д<митрия> С<ергеевича>, я не посылал. Во-вторых, Ваши слова о письме Волжского[4] ударили меня по самому больному месту. Действительно, А<лександр> С<ергеевич> в этот приезд застал меня в подлом виде, но добрый и тихий А<лександр> С<ергеевич>, Булгаков и пр. буквально, как зайца, травили меня и чуть было не затравили, но Бог спас. И все из любви делали. И вот травля даже там в письме. Я всех их собрал в этот приезд: Флоренского,[5] Булгакова, Эрна, Рачинского.[6] Был и Бугаев — Вы любите его,[7] Вы и спросите, как они мне «помогали» это тяжелое время. Глупо, но важно-таки, что Бугаев, рассказывая о Вас, помог мне больше всех. Когда они по-дружески потравили меня некоторое время, он тихо сел ко мне и стал говорить о том, как вы молитесь. Спросите его, Бога ради, о том вечере, Вам многое станет понятно.[8] Вы пишете, что я создаю вокруг себя шум, нельзя было ничего сказать насмешливее, я *с ума схожу* от всех этих религиозных сплетен, где Булгакову говорит Новоселов, а Новоселову передает Кузнецов,[9] Кузнецову Тернавцев,[10] и пр., и пр., и пр.

Все мои друзья были против опубликования книги, и я почти разошелся с Эрном[11] после ее напечатания — были же, значит, какие-то мотивы побольше <делания?>

«шума».[12] Да и какой шум? Разве я не понимаю, что эта книга сплошной минус для моего самолюбия.

В Вашем письме мне больно какое-то страшное внутреннее недоверие, которое парализует искренность, и когда начинаешь бояться, что написанное чувство будет воспринято как «самоковыряние». Вы пишете, что я лезу в абсолютики. Неправда это, неправда, тысячу раз неправда. Никаким себя гением я не считаю, а жить «просто» я не могу, хотя хочу этого всей душой, хочу быть Вл<адимиром> Францичем[13] <так!>, даже быть простым и никому не знакомым, где-нибудь капусту рубить на пироги.

Вы скажете, с какой же стати было печатать. Это *тайна* моя большая, тайна, которую я, умирая, не скажу. Но если сколько-нибудь мне верите, поверьте, что здесь что-то побольше моей воли.

Я ничего не понимаю из того, что Вы пишете о любви. Может быть, у Вас зрение глубже, но я свое чувство не могу называть *возможностью* полюбить.

Я для Вас троих — когда чувствую, что люблю, все бы отдал бы, ни минуты не колеблясь.

После рассказов Андрея Белого[14] у меня явилась мысль поехать к Вам, ибо я хоть и средний человек, но и средние люди могут погибать. Я измучен галлюцинациями, которые путаются с видениями, измучен мелкими, но мучительными сомнениями. Мне Бор<ис> Ник<олаевич> сказал, что он, когда совсем измучится, всегда стремится к Вам.

Ваше письмо меня оттолкнуло и ударило непрямотой и резкостью своей с этим ставлением под вопрос самую задушевную сторону человека.[15] Ведь в конце концов и мелкое копание в душе большой грех и большой упадок.

Вообще сейчас мне очень трудно, много личного горя, и все это как-то связывается некстати. Когда-нибудь напишу Вам еще, а покуда прощайте. Если можете, помолитесь, я, как умею, всегда теперь молюсь за Вас всех.

Вал. Свенцицкий.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Письмо неизвестно.

[3] Речь идет о книге В. Свенцицкого «Антихрист. Записки странного человека» (1907).

[4] В амхерстском архиве Мережковских содержатся три письма А. С. Глинки с приглашением их и Философова сотрудничать в киевской газете «Народ», затеянной им совместно с С. Н. Булгаковым: письмо к З. Н. Гиппиус от 13 марта 1906 года: Amherst Center for Russian Culture: Zinaida Gippius and Dmitri Merezhkovsky Papers. Box 2. Folder 47; письмо к Д. В. Философову от 26 марта 1906 года, аналогичного содержания; письмо к Д. С. Мережковскому от 22 апреля 1906 года, в котором он также сообщает о согласии участвовать в парижском сборнике Мережковских (см. вступ. статью): Ibid. Box 4. Folder 25. Два письма Мережковского к А. С. Глинке этого времени — от 23 марта 1906 года и недатированное — опубликованы в комментариях: Письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к А. С. Суворину (1891–1911). С. 83–86.

[5] Флоренский Павел Александрович (1882–1937, расстрелян) — иерей, выпускник физико-математического факультета Московского университета (1904) и Московской Духовной академии (1911), богослов, религиозный философ, поэт, ученый; участник ХББ; ближайший товарищ В. Ф. Эрна.

[6] Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939) — публицист, редактор собраний сочинений В. С. Соловьева и Ф. Ницше; с ноября 1907 года председатель МРФО.

[7] Подробно об истории взаимоотношений см.: Переписка З. Н. Гиппиус с Андреем Белым (1902–1918). Приложение 1. Письма Т. Н. Гиппиус к Андрею Белому (1905–1909); Приложение 2. Переписка Д. В. Философова с Андреем Белым; Приложение 3. Переписка Д. С. Мережковского с Андреем Белым (1903–1909) / Вступ. статья Н. А. Богомолова; подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и А. Л. Соболева // Лит. наследство. Т. 106. Кн. 2. С. 9–193.

[8] О содержании доверительной беседы Белого и Свенцицкого других сведений не сохранилось.

[9] Кузнецов Василий Васильевич (1881–1925) — скульптор, в 1901–1905 годах обучался в Высшей художественной школе при Императорской Академии художеств в мастерской В. А. Беклемишева. См. о нем: *Карпова Е. В.* Петербургский скульптор В. В. Кузнецов // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 2006. Вып. 7. С. 547–567 (здесь же опубликованы воспоминания о Кузнецове его жены Л. Д. Бурлюк и список его скульптурных работ); *Вершинина А.* От «работы при архитекторах» до скульптуры малых форм: Коллизии творчества

В. В. Кузнецова // Русское искусство. 2006. № 4. С. 82–91. В 1906–1908 годах входил в семью-коммуну младшего «гнезда» неохристианской общины Мережковских (в начале 1908 года вышел из нее); см.: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М., 2004. С. 391–455.

[10] Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940) — богослов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода (с 1907), один из устроителей и активный участник Религиозно-философских собраний; в 1906–1908 годах был дружен с В. В. Кузнецовым.

[11] В письмах к А. В. Ельчанинову Эрн сообщал: «С Валентином нам страшно трудно. Все мы в спутанном состоянии» (3 ноября 1907 года); «...духовный кризис Валентина — есть кризис и всех тех дел, с которыми Валентин связан кровно (а это значит, почти всего нашего дела)» (9 ноября 1907 года; Нашедшие Град. С. 376, 378).

[12] См. вступ. статью, письмо Свенцицкого к А. С. Глинке от 2 августа 1907 года.

[13] Имеется в виду В. Ф. Эрн.

[14] По-видимому, подразумевается рассказ Белого о встречах с Мережковским в Париже, в частности, в канун Нового года Белый заболел (диагностировали флегмону с угрозой заражения крови), в дни болезни и после операции его опекала З. Н. Гиппиус. См.: Переписка З. Н. Гиппиус с Андреем Белым (1902–1918). С. 54.

[15] Возможно, отзыв об «Антихристе», содержавшийся в письме, Гиппиус повторила в статье «Острая точка» (впервые: Русская мысль. 1908. № 2; под рубрикой «Из дневника журналиста»), см. вступ. статью.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-205-233

© *Е. А. Глуховская*

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ 1907–1908 ГОДОВ: ЖУРНАЛ «РУССКИЙ АРТИСТ»*

1907–1908 годы — время бурных внутрисимволистских полемик, противостояния журналов «Весы», «Золотое руно», «Перевал» и споров московских и петербургских литераторов вокруг «мистического анархизма».[1] Случай, о котором пойдет речь в статье, дополняет историю символистских междоусобиц. Однако прежде, чем перейти к нему, необходимо в общих чертах напомнить хронологию развития событий.

В конце января 1906 года вышел первый номер журнала «Золотое руно». Заведующим литературным отделом был основатель книгоиздательства «Гриф» С. А. Соколов (Кречетов), однако в июле 1906 года он со скандалом уходит из «Золотого руна» и создает собственный журнал «Перевал». К активной работе в «Золотом руне» по совету В. Я. Брюсова вместо Соколова привлекается А. А. Курсинский, в результате чего возрастает влияние Брюсова на внутрижурнальную политику «Золотого руна». В это время главным противником для них становится «Перевал», начинается активная

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», https://rscf.ru/project/19-78-10012/, ИРЛИ РАН.

[1] Подробнее см.: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 257–326; *Богомолов Н. А.* К истории «Золотого руна» // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 41–83; *Лавров А. В.* 1) «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 457–485; 2) «Перевал» // Там же. С. 486–498; 3) Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 215–250; *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 65–136; *Обатнин Г. В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. [Вып.] 3. С. 466–477; *Шруба М.* Мистические анархисты // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 121–123.

конфронтация между изданиями. Однако уже в марте 1907 года Курсинский покидает «Золотое руно». Вслед за ним из числа авторов уходит и Андрей Белый. После этого журнал подвергся внутренней реорганизации, фактическое управление перешло к секретарю Г. Э. Тастевену.[2] Начался «антивесовский» этап «Золотого руна», характеризующийся интеграцией со сторонниками «мистического анархизма» (Г. И. Чулковым, С. М. Городецким и др.). К лету 1907 года «Весы» и «Золотое руно» оказались идейными противниками, отстаивающими разные эстетические ценности. В августе 1907 года после ряда публичных разбирательств заявление о выходе из «Золотого руна» подписали Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис, М. А. Кузмин, М. Ф. Ликиардопуло.[3] Отношение «весовцев» к Соколову, все больше сближавшемуся с петербургскими литераторами, также оставалось негативным. Попытка молодых писателей включиться в эту полемику еще больше обострила противостояние: в сентябре 1907 года под редакцией В. И. Стражева и при ближайшем участии П. П. Муратова, Б. А. Грифцова и Б. К. Зайцева начала выходить газета «Литературно-художественная неделя» (состоялось всего четыре номера).[4] Это издание было печатным органом литературного кружка «Зори», собиравшегося в 1906–1907 годах и тяготевшего к левым взглядам.[5] Согласно воспоминаниям Зайцева, активным участником кружка был Эллис, связан с «Зорями» был и Андрей Белый.[6] «Литературно-художественная неделя», ангажированная петербургской группой символистов и примкнувшими к ним «грифовцами»,[7] имела ярко выраженную «антивесовскую» направленность и, критикуя «старшее» поколение, провозглашала будущее за «младшими», среди лучших представителей которых указывались А. А. Блок и А. М. Ремизов. Андрей Белый, первоначально входивший в число авторов газеты и даже успевший опубликовать в первом номере хвалебную статью о «Жизни человека» Л. Н. Андреева,[8] увидел в действиях газеты «враждебность общего тона <...> к тому направлению», которое было ему «близко и дорого»,[9] и (не без скандала) разорвал отношения с редакцией.

Большое внимание в «Литературно-художественной неделе» уделялось актуальным в то время спорам о современном театре, в том числе в двух развернутых статьях были подробно изложены взгляды Вяч. Иванова и Чулкова на театр будущего.[10] В четвертом номере газеты (8 октября), со ссылкой на другие издания, сообщалось, что в Москве начинает выходить новый театральный журнал «по типу „Театра и ис-

---

[2] Тастевен Генрих Эдмундович (1880–1915) — художественный и литературный критик, переводчик с французского языка, публиковал в «Золотом руне» философско-эстетические статьи, полемичные по отношению к авторам «Весов».

[3] *Лавров А. В.* «Золотое Руно». С. 475–480.

[4] Подробнее о «Литературно-художественной неделе» и конфликте Белого с редакцией газеты см.: *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы». С. 126–127; *Вайсбанд Э.* «Ходасевич был скептик, разрушал вокруг себя все, не создавая ничего»: Об одном конфликте в эмиграции // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 46–56; *Малмстад Дж.* Кое-что об Андрее Белом. I. Буря символистов в стакане воды // Новое литературное обозрение. 2000. № 1 (41). С. 204–210.

[5] Участниками кружка также были: А. Ф. Диесперов, Муни (С. В. Киссин), А. А. Койранский, Н. Е. Поярков, П. М. Ярцев и др. Подробнее см.: *Шруба М.* «Зори» // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 59–60.

[6] *Зайцев Б. К.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1999. Т. 6 (доп.). Мои современники. С. 41–45. В № 9–10 журнала «Зори» была помещена статья Андрея Белого «Принцип современной эстетики» (Зори. 1906. № 9–10. С. 1–2).

[7] Литературно-художественная неделя: Еженедельная газета литературы и искусства. 1907. № 1–4. Среди участников газеты были указаны: С. А. Ауслендер, Л. Н. Андреев, А. А. Койранский, С. Кречетов, В. Линденбаум, Муни (С. В. Киссин), Н. И. Петровская, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб, В. Ф. Ходасевич, Г. И. Чулков, Е. Янтарев (Е. Л. Бернштейн) и др.

[8] Там же. № 1. С. 2–3. Пьеса Андреева была опубликована в первом выпуске альманаха «Шиповник» (Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». 1907. Вып. 1. С. 197–201).

[9] Цит. по: *Малмстад Дж.* Кое-что об Андрее Белом. I. Буря символистов в стакане воды. С. 208.

[10] См.: Литературно-художественная неделя. 1907. № 3. С. 1–2; № 4. С. 1–2.

кусства“».[11] Подвергнув критике журнал А. Р. Кугеля за поверхностность и беспринципность, автор статьи высказал надежду, что новое московское издание все же не будет следовать этому образцу.[12]

Упоминаемый новый журнал, вероятно, — «Русский артист», первый номер которого вышел в Москве 7 октября 1907 года. Он имел подзаголовок «еженедельный художественно-театральный журнал», состоял из 16 большеформатных страниц со сквозной нумерацией в течение года, включал как текст, так и визуальные материалы: черно-белые портреты театральных деятелей, зарисовки декораций к спектаклям, репродукции картин, карикатуры на театральные темы. Обложки номеров за 1907 год были оформлены известным театральным художником М. В. Кожиным.[13] По своему формату и структуре «Русский артист» во многом, действительно, ориентировался на один из самых популярных еженедельных театральных журналов того времени — «Театр и искусство».

На форзаце первого номера «Русского артиста» были перечислены сотрудники журнала, преимущественно театральные деятели — артисты, драматурги, критики и художники: Э. М. Бескин, М. М. Букша, Н. Н. Званцев, В. И. Качалов, Н. С. Кротков, Н. А. Манькин-Невструев, С. С. Матов, Н. А. Миклашевский, А. Ф. Морозов, Я. Л. Розенштейн (Яков Львов), Ю. С. Сахновский, Б. М. Соловьева (Мистер Бемс), Д. И. Соловьев (Поль-Нолэ), Д. Д. Языков, Я. Г. Якимченко. Заявлялось, что журнал будет объективно освещать театральную жизнь столиц и провинции и готов предоставить свои страницы каждому, «кто хочет и может сказать интересное, живое слово по текущим вопросам».[14] Кроме этого, «Русский артист» ставил перед собой задачу объединить театральных деятелей и дать им возможность обсуждать насущные проблемы, совместно бороться за свои права. Издательская программа подразумевала широкий спектр театральных тем, связанных как с современностью, так и с прошлым, активное взаимодействие с читателями, развлекательные материалы. В первом же номере объявлялось о печатании приложения к журналу, в котором планировалось публиковать современные драматургические произведения, некоторые из них должны были специально для этого переводиться на русский язык.[15]

В открывающей журнал редакторской статье заявлялось, что «искусство вообще, а сценическое в особенности переживает сейчас кризис»,[16] следствием чего явилось множество полемизирующих друг с другом изданий и непрерывная борьба мнений («...каждый орган в лице своего постоянного излюбленного сотрудника сплошь и рядом вступает в резкую полемику с другими изданиями, где заведующий художественным отделом придерживается иных взглядов по данному вопросу»[17]), именно поэтому «Русский артист» позиционировался как принципиально беспартийный. Новый журнал характеризовался тематической универсальностью и рассчитан был на круг читателей, симпатизировавших модернистским течениям. В профессиональной среде журнал, хотя и не вызвал восторгов, был принят с интересом: «Вышел в свет первый № „Русского артиста“. Дебютный номер, жиденький по содержанию, производит все же выгодное впечатление внешностью и приличным корректным тоном. Credo нового театрального

---

[11] Там же. 1907. № 4. С. 3. «Театр и искусство» — еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1897–1918 годах под руководством А. Р. Кугеля. Реклама «Русского артиста» печаталась в «Журнале Театра Литературно-художественного общества» в конце 1907 года (1907–1908. № 1, 2, 3–4, 5).

[12] Газета «Театр», недоумевая по поводу того, о каком именно издании идет речь, восприняла это объявление как «инспирированную рекламу» нового журнала (Театр. 1907. 9 окт. № 66. С. 11).

[13] Кожин Михаил Владимирович (1886–1966) — художник, декоратор, работал в Абрамцеве у С. И. Мамонтова; сотрудничал со многими московскими театрами.

[14] Русский артист. 1907. № 1. С. 1.

[15] Позже в виде отдельного приложения к журналу под редакцией режиссера Московского Императорского Малого театра Н. А. Попова начали издаваться также материалы из специального отдела «Вопросы режиссуры».

[16] Русский артист. 1907. № 1. С. 1.

[17] Там же. С. 2.

издания: полная свобода взглядов, искренность и беспристрастность убеждений, беспартийность в самом широком масштабе... Из статей заслуживает внимания набросок Н. Маныкина-Невструева, навеянный гастролями Коммиссаржевской, и тепло написанный очерк о безвременно скончавшемся В. В. Толкачеве. Фактический материал, потерявший всякий интерес, — сплошная перепечатка из старых газет».[18]

Редактором-издателем «Русского артиста» был племянник мецената С. И. Мамонтова — Платон Николаевич Мамонтов (1875–1950). Наиболее полно, хотя и с соответствующими времени умолчаниями, сведения о нем представлены в личном деле 1945 года, сохранившемся в материалах Московского цыганского театра «Ромэн».[19] В краткой автобиографии П. Н. Мамонтов указывал: «Родился я в 1875 г. — 7-го февраля в селе Тарталеях <так!> Нижегородской губ<ернии> Княгининского уезда. Матери своей я не помню, т. к. она умерла от родов, а я был взят моим отцом Николаем Ивановичем Мамонтовым,[20] пот<омственным> почетным гражданином г. Москвы в его семью, где нас и росло четыре брата.

Приемная мать Анна Александровна, вернее, мачеха мне, меня не очень любила, так что я ушел рано из дому, сначала давал уроки, потом сам работал, содержал себя. Мой отец служил бухгалтером в Правлении Акц<ионерного> Общ<ества> Ярославской ж<елезной> д<ороги>. По окончании Московского Реального Училища я, держа конкурсный экзамен в Императ<орское> Техническое Училище, был принят на 1-ый курс механо-строительного <так!> факультета. С пятого курса был исключен за невзнос платы и за участие в общестуденческих забастовках, так что выпускного проекта не защищал. По отбытии 1 года воинской повинности уехал на практику в г. Дмитров и с 1900 года начал работать в театре, начав с помощника администратора Т<оварищест>ва артистов Московской Частной Оперы. С тех пор за малым исключением работал или в театре, или около театра, ремонтируя существующие театры, начиная с Большого, оборудуя новые театры (в П<арке> К<ультуры> и О<тдыха> в Сокольник<ах>).[21] Состоял почетным членом Всероссийского Театрального Общества».[22]

Проработав четыре года в «Московском товариществе артистов частной русской оперы»,[23] перед тем как поступить в «Театр К. Незлобина», П. Н. Мамонтов с 1905 по 1909 год служил в строительных ведомствах Москвы и Курской губернии. Именно в это время он и взялся за издание журнала.[24] К сожалению, редакционных документов «Русского артиста» не сохранилось, в переписке современников журнал также

---

[18] Театр. 1907. 10 окт. № 67. С. 13. Через неделю «Театр» вновь отозвался о публикациях из «Русского артиста» все в том же скептическом тоне: Театр. 1907. 17 окт. № 74. С. 13.

[19] РГАЛИ. Ф. 2928. Оп. 2. Ед. хр. 186. В Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина в фонде Саввы Мамонтова (ГЦТМ. Ф. 155) также хранятся документы П. Н. Мамонтова: рукопись монографии о В. Н. Петровой-Званцевой и материалы к ней 1941–1946 годов; письма к П. Н. Мамонтову 1910–1918 годов.

[20] Мамонтов Николай Иванович (1845–1945) — младший брат Саввы Мамонтова, с 1890 года был директором правления акционерного общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Жена — Анна Александровна Щепотьева.

[21] Среди театров, указанных П. Н. Мамонтовым в личном деле (РГАЛИ. Ф. 2928. Оп. 2. Ед. хр. 186): Театр К. Незлобина, «Никитинский театр», Театр Мейерхольда, Малый театр, Театр им. Е. Вахтангова и др.

[22] Там же. Л. 3.

[23] См. в неопубликованных воспоминаниях П. Н. Мамонтова о Савве Мамонтове 1947 года: «Я вступил в этот театр в качестве администратора. До того времени, несмотря на мое страстное желание фактически работать в Частной опере, дядя Савва запрещал мне это, считая „неудобным“» (РГАЛИ. Ф. 799. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 13). Фрагменты воспоминаний П. Н. Мамонтова частично цитируются в книге: *Бахревский В. А.* Савва Мамонтов. М., 2000 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

[24] В тех же воспоминаниях П. Н. Мамонтов дважды отмечает свое участие в издании «Русского артиста»: «Я лично очень жалею, что, издавая журнал — „Русский артист“, не успел поместить ничего о Частной Опере, а все осталось в записках, заметках и ненапечатанным» (РГАЛИ. Ф. 799. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 107); «В то время я издавал театральный журнал „Русский артист“ и вкратце я рассказал дяде Савве содержание двух статей об этой новой постановке, резко критикующих режиссера» (Там же. Л. 180).

практически не упоминается, поэтому основным материалом для нашей статьи послужат содержание номеров и синхронные им литературные и журнальные публикации, архивные свидетельства.

Первые номера «Русского артиста» были вполне традиционными для подобного рода изданий: рецензии на новые постановки, фрагменты пьес, стихотворные фельетоны из театральной жизни, новости. С четвертого номера (28 октября) журнал преображается: меняется оформление обложки (она становится более строгой, включает содержание номера); принимается решение печатать пьесы отдельными изданиями и бесплатно рассылать подписчикам.[25]

Настоящая революция происходит в «Русском артисте» с шестого номера (11 ноября): во-первых, журнал начинает анонсироваться как «богато-иллюстрированный»; во-вторых, сообщается, что у журнала появляются «собственные корреспонденты во всех русских и иностранных театральных центрах»;[26] в-третьих, создается критико-литературный и библиографический отдел, в котором обещают писать о каждой книге, поступившей в редакцию журнала. Из тонкого еженедельника «Русский артист» начинает превращаться в более солидное издание, стремящееся охватить все сферы театральной жизни. Но главное — среди сотрудников журнала появляется Александр Курсинский, который и становится заведующим новым отделом. И уже в этом номере публикуется его рецензия на постановку «Бога Мести» Шолома Аша в Театре Корша.[27]

В следующем номере (18 ноября) среди существенно расширившегося списка сотрудников журнала появляются Балтрушайтис, Ликиардопуло, В. В. Гофман и Эллис, т. е. литераторы из ближайшего круга «Весов».[28] Каждый номер «Русского артиста» теперь открывался поэтическим текстом. Новая структура журнала, вероятно, отражала эстетические установки пришедших туда поэтов-символистов. В 1902 году

---

[25] Примечательно, что в этом же номере помещен некролог Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, скончавшейся 17 октября 1907 года (Русский артист. 1907. № 4. С. 61).

[26] Там же. № 6. Форзац.

[27] Там же. С. 81–83. Курсинский, несмотря на то, что оказался в центре скандала «Весов» и «Золотого руна», в печатной полемике участия не принимал и занимал весьма подвижную позицию, периодически критикуя и тех и других. В ноябре 1907 года он предпринял попытку организовать собственную газету («Клуб: газета художественная, литературная, театральная и клубная»), однако вышло всего три номера (11, 14 и 18 декабря). Газета имела откровенно «провесовский» характер, в разделе «Литературное обозрение» упоминались новые произведения Брюсова, Белого, Мережковского, Сологуба, Ликиардопуло и др.; критиковался новый номер «Золотого руна», а среди рекламных объявлений наряду с информацией о «Весах» и «Скорпионе» была помещена реклама «Русского артиста». Подробнее о Курсинском см.: Переписка <В. Я. Брюсова> с А. А. Курсинским, 1895–1916 / Вступ. статья А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова; публ. и комм. Р. Л. Щербакова // Лит. наследство. 1991. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. Кн. 1. С. 269–358.

[28] Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944) со студенческих лет был дружен с С. А. Поляковым и В. Я. Брюсовым, стоял у истоков издательства «Скорпион», был постоянным сотрудником журнала «Весы». Подробнее о нем см.: *Дауётите В.* Юргис Балтрушайтис: Монографический очерк / Пер. с литов. Б. Балашявичюса. Вильнюс, 1983; *Лавров А. В.* Андрей Белый и Юргис Балтрушайтис // Лавров А. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 207–219. Михаил Федорович Ликиардопуло (1883–1925) был секретарем журнала «Весы» и одним из главных знатоков и пропагандистов творчества О. Уайльда в России. Подробнее о его взаимоотношениях с Брюсовым см.: *Лавров А. В.* «С Брюсовым на равной ноге»: Письма М. Ф. Ликиардопуло к В. Я. Брюсову // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 48–107. Виктор Викторович Гофман (1884–1911) начал сотрудничать с символистскими кругами еще учась в гимназии, публиковался в альманахе «Северные цветы» и «Гриф», в 1904–1905 годах был секретарем и редактором критико-библиографического отдела журнала «Искусство», где его сменил С. Соколов. После расхождения с Брюсовым в 1904–1905 годах, с 1906 года постоянно публиковался в «Весах» и выступал противником «Золотого руна». Подробнее см.: *Лавров А. В.* Виктор Гофман: Между Москвой и Петербургом // Писатели символистского круга: новые материалы. М., 2003. С. 193–222. Эллис (Лев Львович Кобылинский, 1879–1947) весной 1907 года был привлечен Брюсовым к сотрудничеству в «Весах» и очень быстро стал самым рьяным и непримиримым критиком журнала, ведущим ожесточенную борьбу со сторонниками «мистического анархизма». Подробнее см.: Эллис в «Весах» / Предисловие, публ. и комм. А. В. Лаврова // Там же. С. 287–327.

в статье «Ненужная правда» Брюсов сформулировал свое представление о символистской модели театра.[29] Главная роль в искусстве отводилась художнику-творцу, чья душа определяет содержание произведения искусства; из всех видов искусств предпочтение отдавалось лирике: «Самое типическое из искусств — лирика. Собственно „искусство“ и „лирика“ понятия тождественные. Все искусство стремится стать лирикой».[30] Творцом театра, по Брюсову, является артист, и на этом основании он приравнивается к поэту: «Артист должен быть столь же велик, как мы того хотим от поэта. Все, что мы требуем от писателя, мы вправе требовать и от актера».[31] Вероятно, брюсовские представления о сущностной связи лирики и театра определяли интерес «весовцев» к театральному журналу.

Первым в «Русском артисте» появилось стихотворение Балтрушайтиса «Осенний звон».[32] Следующий номер открывало стихотворение Гофмана «Терцины»,[33] а в разделе «Хроника» сообщалось о прочитанном в Литературно-художественном кружке реферате Андрея Белого «Театр и современная драма».[34] Кроме этого, здесь публикуется развернутая статья Ликиардопуло «Утренняя драма Оскара Уайльда», сопровождавшаяся портретом Уайльда и подписью: «портрет собств<енность> ред<акции> „Весов“».[35] В разделе библиографии сообщается о поступлении в редакцию пьесы Уайльда «Флорентинская трагедия» в переводе Курсинского и Ликиардопуло,[36] а в рубрике «Новости театральной литературы» упоминается «Веер Леди Уиндермер» Уайльда в переводе все того же Ликиардопуло.[37] Таким образом, можно говорить о том, что происходит экспансия журнала символистами «весовского» толка.

В девятом номере «Русского артиста» (2 декабря) в списке сотрудников появляется также имя Андрея Белого. Именно его стихотворение «В полях (Из цикла «Тоска по воле»)» открывает номер, а на обложке анонсируется публикация в следующем выпуске его же статьи.[38] Кроме этого, дается развернутая заметка Ликиардопуло, на этот раз про комедии Уайльда,[39] а среди объявлений появляется реклама «Весов». В кратком обзоре издававшейся во Владивостоке газеты «Далекая окраина», вероятно инспирированном новыми сотрудниками «Русского артиста», все эти нововведения представляются как несомненные изменения журнала к лучшему: «Выходящий в Москве новый журнал, посвященный театру, — „Русский Артист“, с каждым выпуском значительно оживляется. В последнем № напечатано начало воспоминаний К. Стани-

---

[29] *Брюсов В. Я.* Ненужная правда (По поводу Московского художественного театра) // Мир искусства. 1902. № 3–4. С. 67–74.

[30] Там же. С. 69.

[31] Там же. Подробнее о взглядах Брюсова на театр см.: *Бродская Г. Ю.* Брюсов и театр // Лит. наследство. 1976. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 167–179.

[32] Русский артист. 1907. № 7. С. 97.

[33] Там же. № 8. С. 113.

[34] Там же. С. 120. Автор критиковал доклад из-за сложности языка и путанности изложения, однако отмечал оригинальность и новизну мыслей. Заметка была подписана инициалом «М.», за которым, вероятно, скрывался Сергей Саввич Мамонтов (1867–1915), поэт, драматург, художник, двоюродный брат П. Н. Мамонтова. С. С. Мамонтов был действительным членом Литературно-художественного кружка, публиковал многочисленные обзоры художественных выставок и театральных новостей на страницах «Русского артиста» также под псевдонимами — «С. С. Матов» и «Матов».

[35] Там же. С. 114–116.

[36] *Уайльд О.* Флорентинская трагедия: В 1 д. / Пер. М. Ликиардопуло и А. Курсинского. М., 1907. До этого в первом номере «Весов» за 1907 год была опубликована часть трагедии (*Уайльд О.* Флорентийская трагедия / Пер. М. Ф. Ликиардопуло, А. А. Курсинского // Весы. 1907. № 1. С. 19–38). Копия с неопубликованной рукописи пьесы была передана Ликиардопуло другом Уайльда Р. Б. Россом.

[37] Отдельное издание: *Уайльд О.* Веер Леди Уиндермер / Авторизованный пер. М. Ликиардопуло. М.: [Польза], [1908] (Универсальная библиотека; № 41).

[38] Русский артист. 1907. № 9. С. 131. Это сообщение соседствует с указанием на публикацию воспоминаний К. С. Станиславского: «С этого № начались печатанием записки-воспоминания Конст. Серг. Станиславского. В следующем № будет помещена статья Андрея Белого».

[39] Там же. С. 131–132.

славского, обещающих быть весьма интересными. В том же №, кроме того, напечатаны стихи Андрея Белого и статья Ликиардопуло о комедиях Оскара Уайльда».[40]

Десятый номер (9 декабря) открывается стихотворением В. В. Пашуканиса[41] «Забытый дом», вслед за которым помещается прозаическая миниатюра В. Гофмана «Моя душа».[42] В том же номере публикуется статья Андрея Белого «Метод символизма».[43] Об этом сообщалось уже на обложке, что, безусловно, свидетельствовало о значимости текста для журнала. Возможно, статья Белого была ответом на доклад Эллиса «Задачи и методы символизма», который планировался в Обществе свободной эстетики в конце октября 1907 года и оппонентом которого должен был стать Белый. Согласно сохранившемуся плану выступления, Эллис собирался затронуть практически те же вопросы, что и Белый в своей статье: «1. Символизм и религия; 2. <Символизм> и общественность; 3. <Символизм> и искусство: 1) Поэзия, 2) Живопись, 3) Музыка; 4. Символ и аллегория; 5. Мечты символизма; 6. Современный символизм как цельное миросозерцание».[44]

Теоретико-критическая статья Белого занимала весь разворот и в общем контексте «Русского артиста» выглядела как манифест того взгляда на искусство, которого придерживается журнал. Символизм провозглашается универсальной теорией творчества, позволяющей выйти за пределы существующего круга искусств и рассматривать все виды художественной реализации как единое целое: «Символизм в таком освещении одинаково изучает законы мифического творчества, как и законы мистического, эстетического и всякого иного творчества, не подчиняя эти законы этике, ни обратно: не подчиняя этику, например, религии. Он противостоит ни науке, ни метафизике, ни религии, ни искусству, а только теории познания».[45] Утверждая главенство творчества над познанием, Белый отвечает на споры о кризисе современного театра и, в частности, об идее «мистериального» театра Вяч. Иванова.

Вероятно, статья Белого вызвала недовольство внутри редакции журнала, поскольку в последующих выпусках 1907 года монополия «весовцев» на стихотворное открытие номеров прекратилась, зато были опубликованы произведения музыканта и поэта Н. Маныкина-Невструева.[46] Тем не менее в сдвоенном 12/13 номере (23 декабря) все же публикуются стихотворение В. Гофмана «Песня обещания»,[47] рассказ Курсинского «В новой роли (Из недавних встреч)»,[48] а также отчет о «Вечере мерцаний» в Обществе свободной эстетики.[49] Заканчивался первый год издания журнала оптимистическим заявлением: «За протекшие три месяца „Русск<ий> Артист“ имел возможность вполне убедиться, что он приобрел прочное положение в артистическом мире и среди широкой публики, интересующейся вопросами театра и искусства. Успех журнала во много превысил скромные ожидания. Длинная вереница сочувствующих писем, полученных со всех концов России, и все возрастающее число читателей

---

[40] Далекая окраина. 1907. 29 дек. С. 4.

[41] Пашуканис Викентий Викентьевич (1879–1919) — поэт, издатель; весной 1907 года вместе с Брюсовым участвовал в организации Общества свободной эстетики (Балтрушайтис, Белый, Гофман, Ликиардопуло и Эллис также были активными членами общества с момента его основания), где занял должность секретаря, однако в результате скандала вокруг «Вечера мерцаний» вышел из состава Общества.

[42] Русский артист. 1907. № 10. С. 145.

[43] Там же. С. 146–147. Современное переиздание: *Белый А.* Собр. соч. М., 2020. Т. 16. Несобранное. Кн. 1 / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. С. 319–323 (Проект проф. В. М. Пискунова (1925–2005)).

[44] РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 10.

[45] Русский артист. 1907. № 10. С. 147.

[46] Там же. № 11. С. 161; № 12/13. С. 177. Цикл стихотворений «Под родными небесами (Из альбома сонетов)». Николай Александрович Маныкин-Невструев (1869–?) обучался в Александровском военном училище, а затем в Московской консерватории, в 1903–1909 годах был дирижером и заведующим музыкальной частью МХТ.

[47] Там же. № 12/13. С. 177.

[48] Там же. С. 178–180.

[49] Там же. С. 185. Подробнее о «Вечере мерцаний» и скандале, разгоревшемся вокруг него, см.: *Соболев А. Л.* Вечер мерцаний // Slavica Revalensia. 2019. № 6. С. 126–139.

заставляют нас с еще большей энергией вести начатое дело и принять меры к расширению журнала и привлечению новых видных сотрудников. Заканчивая этим, выпущенным в увеличенном размере, номером 1907 год, мы надеемся встретиться со всеми нашими читателями в наступающем 1908 году».[50]

И действительно, в первом месяце 1908 года журнал, казалось, продолжил намеченное развитие. Уже 6 января в списке сотрудников появились «весовские» авторы Кузмин и М. Я. Шик, и именно стихотворение Кузмина («Вновь я бессонные почти узнал...») открывало номер.[51] Однако ему предшествовал анонимный манифест «Новый шаг в будущее...», в котором, в противоположность статье Белого, говорилось, что «кроме двух основных направлений натурализма и символизма, появляются новые и новые побочные отростки, разветвления, искания»,[52] как, например, «театр интимный», позволяющий зрителю индивидуализироваться, «уйти в себя, в свой тесный кружок — смеяться и плакать наедине».[53] А в разделе «Хроника» подробно рассказывалось про интимный театр Бориса Зайцева: «Интимный театр, организуемый Бор. Зайцевым, П. Ярцевым и П. П. Муратовым, откроет свои двери лишь во второй половине января. Репетируются две пьесы: „Любовь“ Бор. Зайцева и „Тайга“ Георгия Чулкова. Исполнители — ученики московск<их> драматических школ. В дальнейшем намечены к постановке две новые пьесы в стихотворной форме Вик. Стражева и Влад. Ходасевича (заглавия их пока держутся в секрете), „Смерть Тициана“ Гофмансталя и „Дух земли“ Ведекинда. В этом сезоне предполагается поставить minimum четыре спектакля».[54] Все это свидетельствовало, что символистский курс «Русского артиста» начал видоизменяться.

Во втором номере «Русского артиста» за 1908 год (13 января) преобразования стали еще более заметными: заведовать беллетристическим и литературно-критическим отделом вместо Курсинского стал Гофман.[55] В третьем номере (20 января) в рубрике «Библиография» за подписью «С. А-р»[56] была помещена заметка о сборнике «„Театр“. Книга о новом театре», вышедшем в издательстве «Шиповник» (СПб., 1908). Автор заметки останавливается на статьях А. В. Луначарского, Ф. Сологуба и С. Л. Рафаловича, объединенных идеей о всенародном театре коллективного творчества, превращенном в мистерию, «поднимающую души до религиозного экстаза».[57] И в качестве ответа на вопрос, «что будет содержанием будущего театра», приводил цитату из статьи Чулкова («Лирика, символизм и музыка — вот те элементы, которые положены в основу нового театра»[58]), утверждая идею вагнеровского синтетического

---

[50] Русский артист. 1907. № 12/13. С. 205.

[51] Там же. 1908. № 1. С. 1.

[52] Там же.

[53] Там же.

[54] Там же. С. 5. Ранее об этом начинании сообщила газета «Театр»: Театр. 1907. 28 дек. № 143. С. 23. Подробнее см.: *Зайцев Б. К.* Собр. соч. Т. 6. С. 77–78.

[55] Статьи Курсинского продолжили печататься, но количество их сильно сократилось: *Курсинский А.* 1) Поворот в творчестве Л. Андреева // Русский артист. 1908. № 9. С. 130–131; 2) Художественный театр. Росмерсгольм // Там же. № 10. С. 146–148 (подп.: А. Кур-ский); 3) Хроника. Старинный театр // Там же. № 13. С. 199 (подп.: А. Кур-ский). Отношения Курсинского с «Весами» к этому времени также испортились, 1 марта 1908 года он оповестил редакцию о своем выходе из состава сотрудников журнала (подробнее см.: Переписка <В. Я. Брюсова> с А. А. Курсинским, 1895–1916. С. 273).

[56] Русский артист. 1908. № 3. С. 48. Статьи, подписанные этим псевдонимом, печатались с начала издания журнала. Можно предположить, что за этим криптонимом скрывался Сергей Ауслендер, хотя его имени и не было в числе авторов. Ауслендер в это время сотрудничал с театром В. Ф. Коммиссаржевской и много публиковался как театральный критик; он входил в ближайшее окружение Вяч. Иванова, активно участвовал в журнальной полемике со стороны «Золотого руна»; в январе 1908 года в третьем сборнике «Факелы», являвшемся печатным органом «мистических анархистов», была опубликована повесть Ауслендера «Некоторые достойные внимания случаи из жизни Луи Бедо» (Факелы. М., 1908. Кн. 3. С. 123–179).

[57] Русский артист. 1908. № 3. С. 48.

[58] Там же.

театра, построенного на «мистико-анархических основаниях».[59] И лишь в последних строках очень лаконично говорилось о взглядах на театр Брюсова и Белого, чьи статьи также были в сборнике. Вероятно, ответом на эту заметку в «Русском артисте» стала рецензия Эллиса на это же издание в апрельском номере «Весов» за 1908 год. Автор выступал с эмоциональной критикой петербургских литераторов (Гиппиус, Чулкова, Вяч. Иванова и др.), высмеивал идею символизма как мифотворчества, попытки «смешения театрального зала с церковью», «пророчествования» о театре будущего. Всему этому он противопоставлял «безукоризненно-четкую, презрительно-популярную и математически доказательную» статью Брюсова «Реализм и условность на сцене», призывающую «обратиться к приемам театра античного и шекспировского», и «статью-программу» «Театр и современная драма» Белого, высказывающего схожие мысли.[60]

При этом в первые месяцы 1908 года в «Русском артисте» продолжали публиковаться стихотворения Гофмана, Пашуканиса, Балтрушайтиса, Эллиса, к которым, однако, добавились более равнодушные к символистским спорам Александр Кондратьев (его имя появилось в числе сотрудников в № 5) и Федор Сологуб (указывался с № 7).[61] В шестом номере вновь была дана реклама «Весов». Еще в начале февраля Ликиардопуло писал Сологубу, прося от имени Гофмана прислать стихотворения для «Русского артиста»: «К Вам просьба, Федор Кузьмич, здесь в Москве выходит журнал „Русский артист“, посвященный преимущественно театру, но с беллетристическим отделом, которым заведует молодой поэт Виктор Гофман. Он просит меня передать Вам просьбу редакции прислать что-нибудь для „Русск<ого> артиста“ (можно стихи — плата 50 к. строчка, проза — 10 к.) и разрешить поставить имя в списке сотрудников. Если надумаете и согласитесь, напишите мне и пришлите какое-нибудь стихотворение. Я передам».[62] Однако уже 16 марта на обложке 11-го номера журнала отсутствовало упоминание литературно-критического и беллетристического отдела, который, вероятно, был упразднен. Стихотворения Пашуканиса и Кузмина появились в № 12 и 14 соответственно, «весовцы» остались в списке сотрудников журнала, однако более ничего не напоминало об их участии в «Русском артисте».[63]

На то, что литературные предпочтения «Русского артиста» изменились, косвенно указывают также развернутые заметки в № 13 (30 марта) о спектакле литераторов «Плоды просвещения», который состоялся в Литературно-художественном кружке 27 марта.[64] В спектакле приняли участие литературные и газетные деятели и их жены, постановка имела благотворительную цель: собранные средства должны были пойти на помощь безработным коллегам — писателям и журналистам. Среди выступавших на сцене, как следует из опубликованных в «Русском артисте» фотографий, были С. Соколов, его жена Л. Д. Рындина, В. Ф. Ходасевич, Б. А. Койранский, а также С. С. и П. Н. Мамонтовы.[65] И хотя сам спектакль и игра литераторов подверглись

---

[59] Там же.

[60] *Эллис*. Что такое театр? // Весы. 1908. № 4. С. 85–91.

[61] Укажем все опубликованные ими в 1908 году художественные тексты: «Вновь я бессонные почти узнал...», «Уж не слышен конский топот...» Кузмина (№ 1, 7); «Весною», рассказы «Разговор о весне» и «В саду летнего театра» Гофмана (№ 2, 3, 8); рассказы «Ноктюрн» и «Одинокий» Пашуканиса (№ 3, 7); «Вперед, вперед, мой темный конь...» Балтрушайтиса (№ 4); «Черные лилии» Кондратьева (№ 5); «Беатриче» Эллиса (№ 6); «Если ищешь тайну жизни...» Курсинского (№ 8); рассказ «Тиамат» Кондратьева (№ 8); «Шестиконечная звезда» Сологуба (№ 9).

[62] Цит. по: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения и поэмы, 1900–1913 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. С. 637. Указывается, что на письме есть помета об отправке 12 февраля 1908 года.

[63] На смену символистским поэтам в 1908 году со своими стихотворениями пришли: Т. Ардова («Весна»; «О, люди, вы мечты безумных городов...» — № 10, 13); Н. Белоусов («Из Б. Гринченка», пер. с малорусского — № 11); Д. М. Ратгауз («О, дети бедные печальных наших дней...» — № 15).

[64] Русский артист. 1908. № 13. С. 197, 200. Спектакль анонсировался ранее, см.: Там же. 1907. № 11. С. 166; 1908. № 6. С. 86.

[65] Такая же фотография была опубликована в «Театре и искусстве» (1908. № 13. С. 243).

в журнале критике, очевидным является сближение редакции «Русского артиста» с другой модернистской фракцией — Соколовым и «грифовцами» — и предпочтение Литературно-художественного кружка брюсовскому Обществу свободной эстетики.[66] Впрочем, вскоре после этого журнал прекратил свое существование (последним стал № 15 от 14 мая 1908 года), причины его закрытия неизвестны.

Таким образом, интерес символистов «весовского» круга к журналу «Русский артист» показывает, как в ходе внутрисимволистской полемики литераторы искали альтернативные пути изданий, обращаясь в том числе в смежные художественные области. О том, что «весовцы» действительно возлагали надежды на «Русского артиста», свидетельствует письмо Курсинского Сологубу от 14 ноября 1907 года: «Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой помочь мне своим участием поставить на желательную высоту этот журнал, безусловно, имеющий хорошие перспективы. Прошу дать Ваше имя в список сотрудников и подкрепить этот дар присылкою некоторого материала».[67] Однако плодотворного сотрудничества не получилось, авторитет «Весов» был подорван, потенциальные союзники в итоге предпочли другой символистский лагерь.

[66] С начала 1908 года развитие Общества свободной эстетики главным образом определялось Брюсовым и целенаправленно двигалось в сторону эстетической позиции «Весов». Подробнее см.: *Соболев А. Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 384–457. О том, что «весовцы» планировали использовать ресурсы Общества свободной эстетики в отстаивании своих интересов, см. также в письме Белого от августа 1907 года: «Ввиду того, что ближайшее участие в литературной секции принимают там Брюсов, Эллис, я, мы надеемся организовать из кружка клуб „Весов“, привлечь газетчиков, сочувствующих „Весам“, и развить наступательные действия (некоторые газеты подхватят) против Петербурга, что в связи с лекциями Брюсова, моими, Эллиса (нас публика начинает серьезно слушать, особенно Брюсова) создаст из Москвы действительную оппозицию Петербургу» (Неизвестное письмо Андрея Белого / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Т. 5. С. 211–212). В то же время Сергей Соколов начинает принимать активное участие в деятельности Литературно-художественного кружка, в 1911 году он возглавит Комиссию по организации исполнительских собраний, а также вместе с С. Мамонтовым 14 января организует Вечер современных литераторов (см.: Литературно-художественный кружок. Отчет за 1910–1911 годы. М., 1911. С. 25–26).

[67] Цит. по: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 637–638.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-214-233

© *В. Б. Зусева-Озкан*

Э. РОСТАН И *РОМАНТИЧЕСКОЕ* В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Общеизвестно восторженное отношение М. И. Цветаевой к творчеству Э. Ростана, особенно в юные годы. Тем более удивительно, что до настоящего момента не делалось попыток развернуто проанализировать креативную рецепцию ею ростановских произведений. Исследование «ростановского слоя» в цветаевском творчестве фактически ограничивается поиском отдельных реминисценций и аллюзий, в основном к пьесе Ростана «Орленок» и в ранних текстах писательницы.[1] Однако тема «Цве-

[1] *Нива Ж.* Миф об Орленке (По материалам женевских архивов, связанных с Мариной Цветаевой) // Звезда. 1992. № 10. С. 139–143; *Таганов А. Н.* «Твой конь как прежде вихрем скачет...» (Марина Цветаева и Эдмон Ростан) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1996. Вып. 2. С. 106–114; *Карпова Т. Н.* М. И. Цветаева-драматург как интерпретатор художественного опыта классиков («Орленок» Э. Ростана и «Приключение» М. Цветаевой) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 314–317; *Стрельникова Н. Д.* Марина Цветаева и Эдмон Ростан // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Язык и литература. 2009. № 3.

таева и Ростан», безусловно, заслуживает более глубокого изучения — тем более что, согласно нашей гипотезе, творчество французского поэта-неоромантика стало одним из главных источников, питавших представление Цветаевой о романтизме и романтическом.

Высказывания Цветаевой о романтизме настолько многочисленны, что этой теме следует посвятить отдельную работу. Здесь скажем только, что романтизм всегда оставался для Цветаевой очень значимым явлением — причем не историко-литературным фактом, а гранью ее собственной души. Даже в 1930 году он продолжал быть для нее актуальным: 26 апреля этого года в Париже прошел «Вечер Романтики» (в честь столетия французского романтизма), на котором выступала и Цветаева и который она в письме И. Г. Церетели называет «своим вечером»[2] (первоначально его планировалось посвятить всецело творчеству Цветаевой).

В этой статье мы постараемся показать, как именно формировалось представление Цветаевой о романтическом и какую огромную, до сих пор недооцененную роль сыграл в этом Ростан. Основным материалом послужит доэмигрантское творчество Цветаевой, хотя, несомненно, влияние на нее Ростана ощущается и позднее, что явствует, в частности, из очерка о Брюсове «Герой труда», написанного уже в 1925 году: «Я покупала книги у Вольфа, на Кузнецком, — ростановского „Chanteclair'a", которого не оказалось. <...> Стою, уже ища замены, но Ростан — в 16 лет? *нет, и сейчас в иные часы жизни — незаменим*, стою уже не ища замены, как вдруг <...> — отрывистый лай, никогда не слышанный, тотчас же узнанный:

— „Lettres de Femmes" — Прево. „Fleurs du mal" — Бодлера, и „Chanteclair'a", пожалуй, хотя я и не поклонник Ростана.

<...> Сам Брюсов! <...> И — не поклонник Ростана: Ростана — L'Aiglon, Ростана — Мелизанды, Ростана — *Романтизма*!

Пока дочувствовывала последнее слово, *дочувствовать которого нельзя, ибо оно — душа*, Брюсов, сухо щелкнув дверью, вышел. Вышла и я — <...> писать ему письмо. <...>

Сегодня, в Магазине Вольфа, Вы, заказывая приказчику Chanteclair'a, добавили: „хотя я и не поклонник Ростана". <...> как можете Вы, написавший Ренату, не любить Ростана, написавшего Мелизанду?» (4, 21–22; курсив наш. — *В. З.-О.*).[3]

Отметим здесь это *отождествление романтизма с душой*, которое присутствует и в других высказываниях Цветаевой. Например, зимой 1937/1938 годов она заканчивает открытое письмо, предназначенное для детского журнала на русском языке, так: «...вы спроси́те: „Что такое романтизм?" — и увидите, что никто не знает; что люди берут в рот (и даже дерутся им! и даже плюются! и запускают вам в лоб!) — слово, смысла которого они не знают. Когда же окончательно убедитесь, что *не* знают, сами отвечайте бессмертным словом Жуковского: — „Романтизм — это душа"» (7, 647).

Этот тезис вписывается в общие представления Цветаевой о соотношении Души (Психеи) и телесности (Евы или Елены — в цветаевских номинациях). В письме А. В. Бахраху от 25 июля 1923 года она тоже сопрягает романтизм и душу, бесконечно предпочитая их реальности (возникает антитеза «романтизм — реальность») и плоти: «Двадцати лет <...> я во всеуслышание заявляла: „раз я люблю душу человека, я люблю и тело. Раз я люблю слово человека, я люблю и губы. Но если бы эти губы у него срезали, я бы его все-таки любила". <...> добавляла: „я бы его еще больше любила".

И десять лет подряд, в ответ, непреложно:

С. 109–115; *Башкирова И. Г., Войтехович Р. С.* Эпиграфы из Ростана в структуре «Вечернего альбома» Цветаевой // 1910 — год вступления Марины Цветаевой в литературу: Сб. докладов. М., 2012. С. 212–218.

[2] *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 7. С. 376. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

[3] Память почти не обманывает Цветаеву — в этом письме В. Я. Брюсову (от 15 марта 1910 года) она писала: «Почему Вы не любите Rostand? Неужели и Вы видите в нем только „блестящего фразера", неужели и от Вас ускользает его бесконечное благородство, его любовь к подвигу и чистоте? Это не праздный вопрос. Для меня Rostand — часть души, очень большая часть» (6, 37).

— „Это Романтизм. Это ничего общего с любовью не имеет. <...> Душа любит душу, губы любят губы <...>“.

Милый друг, есть доля правды в этом <...> самые лучшие, самые тонкие, самые нежные так теряют в близкой любви, так упрощаются, так грубеют <...> В вплотную-любви в пять секунд узнаешь человека, он явен и — слишком явен! *Здесь* я предпочитаю ложь» (6, 577–578). Как мы увидим, все эти мотивы будут крайне существенны в восприятии Цветаевой ростановского творчества.

До настоящего времени в научной литературе говорилось главным образом об увлечении Цветаевой пьесой Ростана «Орленок», которая, действительно, была «главным» для нее произведением французского автора. «Лозэн — мой первый герой после Герцога Рейхштадтского. <...> Две вещи я бы написала, если бы они не были написаны: „L'Aiglon“ Rostand (именно Rostand!) и „Der Abenteurer und die Sängerin“ Hoffmansthal'a — о Казанове! <...> Rostand украл у меня Орленка!» — писала Цветаева в 1919 году по поводу своей пьесы «Фортуна».[4] «Орленок», таким образом, ощущался ею как собственная вещь, вполне выражающая ее самое. Тем не менее в цветаевском корпусе можно найти следы восприятия и других произведений Ростана: пьес «Принцесса Греза», «Сирано де Бержерак», «Шантеклер», лирических стихов, которые она читала по-французски, в оригинале.[5] Следы этого чтения вполне ощутимы — и в виде отдельных параллелей, словесных и мотивно-сюжетных, а также этических и эстетических максим, жизненно-творческого кодекса, который еще юной Цветаевой во многом был заимствован из пьес Ростана.

При этом надо понимать, что увлечение Ростаном отнюдь не было в России рубежа веков широко распространенным в интеллигентской и творческой среде явлением. Отзыв Брюсова, приведенный Цветаевой в очерке «Герой труда», был весьма критическим («„Ростан прогрессивен в продвижении от XIX в. к XX в. и регрессивен от XX в. к нашим дням“»; 4, 23). Позднее М. Слоним, сдружившийся с Цветаевой уже в эмиграции (с 1922 года), писал: «Из-за Ростана мы с ней повздорили: я говорил о Ростане скептически и любовь к нему считал чуть ли не проявлением дурного вкуса, а МИ восхваляла его романтически и упрекала меня в литературном снобизме».[6] В очерке «Живое о живом» (1932) явно прочитывается безразличие к Ростану М. А. Волошина, который пытается обнаружить у юной Цветаевой модернистские интересы: «— А Франси Жамма вы никогда не читали? А Клоделя вы...

В ответ самоутверждаюсь, то есть утверждаю свою любовь к совсем не Франси Жамму и Клоделю, а — к Ростану, к Ростану, к Ростану» (4, 164).

Гораздо позднее З. А. Шаховская, которая знала Цветаеву в начале 1930-х годов, удивлялась тому, что «водопадная Марина Цветаева могла любить и ценить ручейкового автора Орленка и Шантеклера, Ростана...».[7] Но ни широко распространенные представления о «дурновкусии» увлечения Ростаном, ни противопоставление ростановской манеры цветаевской не должны вводить в заблуждение: есть очень серьезные основания видеть в творчестве Ростана одно из сильнейших влияний, всегда сохранявших свою значимость для Цветаевой.

Показательно при этом, что среди многочисленных упоминаний произведений Ростана в текстах Цветаевой (как художественных, так и нефикциональных) и в текстах о Цветаевой — тоже как документальных, так и художественных (см., например, рассказ С. Я. Эфрона «Волшебница», напечатанный в сборнике «Детство» в 1912 году, где она выведена под именем Мары, которая просит своих маленьких друзей, очарованных ею, молиться за Ростана и его героев, причем сам Ростан приобретает туманно-

---

[4] *Цветаева М. И.* Неизданное. Записные книжки: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 343.

[5] Хотя, видимо, знала она и переводы Т. Щепкиной-Куперник, о чем свидетельствует письмо В. В. Рудневу, правда уже от 1933 года: «...мы все-таки, с Ходасевичем, по слову Ростана в передаче Щепкиной-Куперник: — Мы из одной семьи, Monsieur de Bergerac!» (7, 445).

[6] *Слоним М.* О Марине Цветаевой. Из воспоминаний // Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 310.

[7] *Шаховская З.* Отражения. Paris, 1975. С. 163.

легендарные черты литературного персонажа[8]) — нет ни одного упоминания его ранней пьесы «Романтики» («Les Romanesques», 1891).

Эта пьеса вряд ли оставалась незнакомой Цветаевой, поскольку входила как во французские собрания его сочинений (а Цветаева постоянно заказывала книги из Парижа через магазин Готье), так и в русское (изд. А. Ф. Маркса, 1914). Однако Цветаева, вероятно, предпочитала более поздние — чем дальше, тем все более патетические — произведения Ростана этой ранней пьесе, где автор добродушно иронизирует над романтическим умонастроением, которое предстает в виде формализованных атрибутов (вражда семей, похищение, дуэль, плащи, факелы и пр.). Более того, речь идет не о романтическом как таковом (т. е. о том, что было близким и родным самоощущению Цветаевой), а о «романическом». Герои этой пьесы — не romantiques, а romanesques, т. е. начитавшиеся романов, причем, как можно судить по речам Сильветы и Персине, не только «романтического», но и идиллического склада, и не только романов, но и книг вообще — они проецируют, в частности, свои отношения на историю Ромео и Джульетты. Конфликт этой пьесы Ростана, очень тонкий и изобретательный, строится на постоянных колебаниях между высоким обманом и жизненной правдой — как у младшего поколения (влюбленных), так и у старшего (их отцов). Здесь в шутливой форме, продиктованной и жанром комедии, и традицией, в которую вписывается пьеса (commedia dell'arte), начинают складываться темы, впоследствии ставшие для Ростана центральными, и прежде всего тема *соотношения воображения (мечты) и жизни*.

Так, отцы главных героев, которые сознательно создали для своих детей романическую иллюзию вражды семей а-ля Монтекки и Капулетти (понимая, что иначе детей не заманить в экономически выгодный брак) и сами, казалось бы, лишены всяких претензий на романтизм, рассуждают: «Счастливее мы были, может быть, / Смотря сквозь розовую призму... / Неужто ж романтизму / Удастся за себя так странно отомстить?»[9] Эта тема проводится и через второй акт, где молодые влюбленные, узнав об обмане, сразу же видят в речах друг друга, которые их прежде восхищали, «претенциозность» и «высокопарность». Оскорбленные тем, что вместо драмы они, не ведая того, играли комедию, оба готовы усомниться в самом своем чувстве и стремятся найти «романическое» помимо друг друга. Спасает ситуацию новое вмешательство Страфореля, соединяющего традиционные для комедии дель арте роли капитана и ловкого слуги. Испугавшись его притворных «романтических» ухаживаний, грозящих смертью и позором, Сильвета восклицает: «Тогда роман хорош и хороша мечта, / Когда немножко их, так только, для забавы, / Как в кушанье немножко для приправы / Лаврового листа»; Персине: «Весь этот романтизм хорош, когда вы сыты...» (с. 87, 88). Разумеется, подобное умонастроение не могло быть близко Цветаевой с ее «чрезмерностью в мире мер»...

У Ростана действие совершает как бы двойной поворот: в финале выясняется, что не все было иллюзией и обманом и что в простой идиллии есть высокое:

> Да, кукольный театр... но как хорош был он!
> Кулисы были нам тогда деревья парка <...>
> У рампы яркие блестели светляки,
> Оркестр невидимый был — майские жуки <...>
> А пьесу дивную дала играть актерам
> Любовь! Сама любовь! Любовь в семнадцать лет!
>
> (с. 90, 91)

---

[8] «— Какая это Princesse?

— Лучшая из всех <...> каждый вечер молитесь о здоровье и долгой жизни Ростана. Это принц, который нашел эту принцессу. <...> Он, кроме нее, нашел еще одного принца — сына Наполеона, герцога Рейхштадтского» (*Эфрон С.* Волшебница // Эфрон С. Детство. М., 1912. С. 135).

[9] *Ростан Э.* Пьесы / Пер. с фр. Т. Щепкиной-Куперник. М., 1983. С. 50 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы). В оригинале: «Est-ce que / Ce serait la revanche, ici, du Romanesque?..» (*Rostand E.* Les Romanesques. Paris, 1900. P. 32).

При этом, когда отцы героев желают вновь снести стену между своими владениями, Страфорель восклицает: «Оставьте стену вы: стена — необходима!» (с. 95).[10]

В пьесе возникает несколько смысловых линий, важных как для творчества Ростана самого по себе, так и для вопроса о влиянии его на Цветаеву. Во-первых, хотя основной пафос пьесы заключен в необходимости поиска высокого в обыкновенном и умении оценить простые радости жизни, Ростан одновременно приходит к парадоксальному выводу о том, что человеку — будь он стар или молод — нужно чувство чрезвычайного. В финальном совете Страфореля прочитывается мысль о том, что для счастья необходимы дистанция, место для игры, место для свободы. Эта мысль станет принципиально важной для Цветаевой (ср. хотя бы приведенную выше цитату из письма Бахраху о том, что «самые лучшие, самые тонкие, самые нежные так теряют в близкой любви»), как и для самого Ростана, у которого она гораздо более патетически будет высказана в «Принцессе Грезе» (точнее, в «Далекой принцессе»).

Во-вторых, в «Романтиках» берет начало характерная для ростановского театра конструкция «театра в театре», игры при сознании игры: то же имеет место в «Принцессе Грезе», когда Бертран играет роль для Мелисинды, а Мелисинда — для умирающего Жофруа Рюделя; конечно же, в «Сирано де Бержераке», где Сирано и Кристиан де Невилет разыгрывают роль перед Роксаной (а также часть действия происходит в театре); в «Орленке», где графиня Камерата и герцог Рейхштадтский на время как бы «меняются ролями», причем герцог всегда принужден носить своего рода маску, якобы отвергая своего отца и Францию; даже в «Шантеклере» с его нарочитым маскарадом. Игра при сознании игры, при том что игра эта предельно серьезна и на кону нередко оказывается жизнь, не менее важна в творчестве и жизнетворчестве Цветаевой, как мы покажем далее.

В следующей, гораздо более трагичной, пьесе Ростана «Принцесса Греза» («La Princesse Lointaine», 1895) мечта, фантазия уже всецело завладевают героями и оказываются сильнее реальности. Даже простые моряки готовы терпеть голод и усталость, не боятся близкой смерти потому, что их «заразила» греза трубадура Жофруа Рюделя о далекой принцессе: «Мы все устали, но смотри, товарищ: / Мы говорим о ней — и забываем / И боль и голод... И почти довольны!..» (с. 102). Если в «Романтиках» мечта представлялась чем-то вроде щепотки пряностей, необходимой для того, чтобы почувствовать настоящий вкус к жизни, здесь она становится главной духовной пищей, заменяющей пищу реальную. Принципиально, что с новой силой возникает и тема дистанции, необходимой для высокой любви: слишком близкое соседство неизбежно разрушит фантазию, и лучше предпочесть смерть, чем позволить фантазии исчезнуть. Жофруа Рюдель предельно отчетливо формулирует эту мысль: «...если сердце / Возвышенно, оно любить не в силах / Того, что знает слишком хорошо!» (с. 116).[11] Примечательно, что в 1921 году, размышляя, в частности, о Казанове, Цветаева записывает следующую мысль: «Тело насыщаемо, душа — нет. Поэтому та́ любовь — островами, соединенными (разъединенными!) пустотой (океана, т. е. одиночества) неминуемо гибнет.

Обкормишь — сдохнет. (Это до меня лучше сказал Ростан

Car l'amour — ô étrange et nature! —
Vit d'inanition et meurt de nourriture.

<...>) — И даже досыта кормить нельзя, ибо долго не захочет. Дразнить или голодом или приправами...».[12]

При публикации сводных тетрадей Цветаевой источник цитаты не установлен, хотя и сказано, что у Ростана этих слов не обнаруживается. Действительно, этот стих принадлежит не Ростану, а А. де Мюссе и в точности звучит так:

---

[10] В оригинале: «Non, construisez le mur, — il est indispensable!» (*Rostand E.* Les Romanesques. P. 72).

[11] В оригинале: «...lorsqu'ayant un cœur impatient et haut / On ne peut plus aimer ce que l'on connaît trop!» (*Rostand E.* La Princesse Lointaine. Paris, 1901. P. 18).

[12] *Цветаева М. И.* Неизданное. Сводные тетради / Подг. текста, предисловие и прим. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М., 1997. С. 63.

L'amour (hélas! l'étrange et la fausse nature!)
Vit d'inanition, et meurt de nourriture.[13]

Но аберрация памяти Цветаевой не так уж далека от истины: Мюссе — любимый поэт Ростана (наряду с В. Гюго), но важнее то, что у Ростана мы многократно находим ту же мысль, в частности в «Принцессе Грезе». Здесь нужно вспомнить и характерную для Цветаевой, осознаваемую ей самой способность придумывать человека и затем любить этот воображаемый образ — способность, также запечатлевшуюся у множества мемуаристов. И — отталкиваться от человека, узнавая его.

Интересно, что в «Принцессе Грезе» герои наделены очень высокой степенью самосознательности, способности к самоанализу. В духе предпочтения грезы реальности высказывается и сама Мелисинда, которая по мере развития действия «испытывается» на соответствие высокой мечте Рюделя. В начале пьесы она говорит о грезе Рюделя, выраженной в его стихах, как о воздухе, нужном ей для дыхания: «Пойми, как в скуке жизни повседневной / Отрадно мне почувствовать себя / Мечтой поэта...» (с. 131). Она готова выйти за византийского императора, поскольку такой муж претендует лишь на ее тело, он не будет отвлекать ее от главного — от мечты и любви возвышенной. Своей наперснице Соризмонде, которая не понимает ее, Мелисинда отвечает: «Ты хочешь слишком ясных ощущений...» (с. 132). Встретив Бертрана, тоже поэта и друга Жофруа, Мелисинда поначалу готова забыть о Рюделе и мечте ради прекрасной телесности, страдает от двойственности:

Того, кто умирает за меня,
Люблю, люблю глубоко и жалею.
Другого — обожаю, жажду я!
И вот душа терзается моя.

(с. 163)

Эта двойственность, разумеется, имеет место и в текстах Цветаевой, причем напрямую соотносится с романтизмом — см., например, письмо Бахраху, где говорится о любви к «губам» и любви к «душе», причем, по ассоциации, немедленно возникает тема «далекой любви», которая и является в конечном счете единственно возможной, — а это тема «Принцессы Грезы».

В конце пьесы Ростана Мелисинда жертвой побеждает двойственность и возвышается до того образа, который был придуман Рюделем. В финальном монологе с новой силой возвращается тема невозможности любви «вблизи», невозможности сохранить высоту мечты в земной жизни.

Жофруа.

Не всем дано блаженство перед смертью
Принцессу Грезу видеть наяву.

Мелисинда (убаюкивая его).

Да, милый мой, но многим суждено
Ее вблизи увидеть слишком рано
И слишком долго, слишком близко знать! <...>
Твою любовь не может омрачить
Действительность с тоскливой серой прозой...

(с. 192)

Конечно, вопреки внешней близости к романтизму с его стремлением к несказанному, к тайне, здесь возникает типично модернистский излом, позволяющий говорить

[13] *Musset A. de.* Premières Poésies. Paris, 1859. P. 118. Дословный перевод: «Любовь (увы, с ее странной и фальшивой натурой!) / Живет в состоянии истощения и гибнет от пищи».

о *нео*романтическом характере ростановского творчества: в искусстве рубежа XIX и XX веков, в отличие от «исторического» романтизма, даже самая пламенная и/или самая возвышенная любовь начинает осознаваться как нечто преходящее, предельно хрупкое, обреченное по самой своей природе. Формируются парадоксальные идеи: чтобы сохранить любовь, нужно отказаться от нее. Таков, например, ход, который предпринимает Анри-Генриэтта в пьесах Цветаевой о Казанове: по таинственным причинам (но в конечном счете — именно потому, что она хочет быть «принцессой Грезой») героиня покидает влюбленного Казанову. Среди его mille e tre она остается «единственной», как свидетельствует финал «Приключения» (1919) («Тринадцать лет, Анри, в каком аду! / Платонова родная половина!»; 3, 496) и третья картина «Феникса» (1919), где Казанове становится ясно, «с чьей рукой в руке / Очнусь в небесных будуарах» (3, 539).

Главная тема Ростана — сила воображения и мечты, которые следует предпочесть реальности, — для Цветаевой принципиальна. Подобная же убежденность прочитывается не только в эпиграфах двух ранних поэтических книг Цветаевой (в «Вечернем альбоме» эпиграфы перед первыми двумя разделами взяты как раз из «Принцессы Грезы», а перед третьим — из речей Наполеона I и Наполеона II, т. е. фигур, крепко связанных в сознании Цветаевой с Ростаном и его пьесой «Орленок») и в стихотворениях, непосредственно вдохновленных сюжетами и героями Ростана («В Париже», «В Шенбрунне», «Камерата», «Герцог Рейхштадтский», «Бонапартисты»), но и в темах и мотивах. См., например, стихотворение «Вокзальный силуэт», где практически повторяется основная тема «Принцессы Грезы»:

Пусть так! Пусть это будут бредни!
Ведь только бредней можно жить!

(1, 25)

В стихотворении «Расставание» речь идет об Орленке, герое Ростана, но сама тема стихотворения продиктована характерной уже для «Принцессы Грезы» мыслью о том, что мечта может быть сильнее и «реальнее» реальности. О давно погибшем принце, о тени из книг лирическая героиня тоскует, как о возлюбленном:

Мне шепчет голос без названья:
— «Ах, гнета грезы — не снести!»
Пред вечной тайной расставанья
Прими, о принц, мое прости.

(1, 31)

Орленок становится для лирической героини Цветаевой тем же, чем была Мелисинда для Жофруа Рюделя.

Вообще, *предпочтение «грезы», «тени» и «бреда» «земной были»* — это, пожалуй, главная тема двух первых книг Цветаевой: «— Всё в знаньи, скажут вам науки... / Не знаю... Сказки — хороши!»; «Что ясно нам — для них совсем туманно: / Как и на все — на фею нужен глаз!» (1, 40, 43). При этом повторяется ростановская, из «Принцессы Грезы», мысль о том, что нельзя пытаться соединить реальность и мечту — ибо это губительно для мечты:

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
<...>
Вам мудрый сон сказал украдкой:
— «С ним –лишь на небе!» — «Здесь — не с ней!»

(1, 48)

Или:

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

(1, 64)

Если никаких следов следующей пьесы Ростана «Самаритянка» (1897) в творчестве Цветаевой не обнаруживается, то драма «Сирано де Бержерак» (1897), несомненно, на нее повлияла (кстати, в этой пьесе играл небольшую роль муж Цветаевой С. Эфрон в Камерном театре в 1915 году). Для Цветаевой принципиально важен, казалось бы, не самый очевидный элемент душевного облика главного героя: его благородство и романтизм проявляются, в частности, в том, что он совершенно не ценит материального, денег. В первом акте, в сцене в театре, сорвав спектакль, Сирано бросает актерам, оставшимся без выручки, кошель со всем «отцовским пенсионом» — и этот эффектный жест его друг Ле-Бре комментирует: «Уж это благородство! / Отдать все деньги им... Ей-богу, идиотство!» (с. 235). Это отсутствие интереса к материальному у Ростана становится качеством поэта par excellence — не только Сирано, но и певца солнца Шантеклера.

У Цветаевой способность, фигурально выражаясь, «бросить кошель» тоже связывается со статусом поэта. Она не раз, особенно в тяжелейший период 1918–1921 годов, пишет о «человеке, у которого нет и который дает», сопрягая эту мысль со следующей самохарактеристикой — «завиток романтика во мне»: «Раньше, когда у всех все было, я все-таки ухитрялась давать. Теперь, когда у меня ничего нет, я все-таки ухитряюсь давать»; «Даю я, как все делаю, из какого-то душевного авантюризма — ради улыбки — своей и чужой» (4, 542) (у Цветаевой в этот период «авантюризм» практически отождествляется с «романтическим» — см. ее героев-авантюристов Лозэна и Казанову). В ее стихах 1917–1921 годов и в пьесах, которые должны были составить сборник «Романтика», не раз обыгрывается жест «кошель под ноги». В «Приключении» этот жест передается героине, Анри-Генриэтте. Капитан рассказывает о ней (имея в виду попытку купить ее любовь): «...шварк / Мне под ноги кошель!» (3, 473). А Девчонка, вопреки внешней приземленности, тоже обнаруживает свою подлинно романтическую натуру, когда описывает, как отомстила бы своей квартирной хозяйке... запустив в нее содержимым кошеля: «Так, так, так, так. Потом бы золотой / В лоб запустила — не один, а тыщу! / Вот-вот-вот-вот — за то, что у ворот. / Стужей меня знобила...» (3, 494).

За этим жестом у Цветаевой тянется целый пучок родственных мотивов, в том числе *отказ от всех материальных интересов, бестелесность* (и худоба — все герои Цветаевой «легки», худощавы, стройны), причем и здесь Цветаева следует за «буквой» Ростана: у него одним из маркеров романтического героя является отсутствие интереса к еде — и в Сирано, и в героях «Принцессы Грезы», и в Шантеклере, и в Орленке подчеркивается их способность питаться чуть ли не воздухом, отчетливое предпочтение пищи духа пище телесной, вообще аскетизм. Цветаева заимствует эти мотивы (от еды в ее пьесах отказываются Дама в плаще и Господин в плаще в пьесе «Метель», Лозэн в «Фортуне», Казанова, Анри-Генриэтта, Девчонка, Франциска в «Приключении» и «Фениксе»[14]), всячески их трансформируя.

В ее стихах и пьесах отчетливо стремление героев и героинь получить в уплату не кошель, а душу, их бескорыстность доходит до полного самозабвения, причем иногда трактуется в парадоксальном духе, когда деньги отвергает куртизанка, как в стихотворении «Кавалер де Гриэ! — Напрасно...» (1917), где «страстно любящая Вас / М.» объявляет: «Нам от вас ничего не нужно, / Кроме ужина — и жемчужин, / Да быть может еще — души!» (1, 383). В стихотворении «Нет, с тобой, дружочек чудный...» (1918) вольная в своих страстях героиня предпочитает богатому «блудного сына», который оставляет все ради «недостойной» героини. В стихотворении «Проста моя осанка...», завершающем

[14] Ср. в «Повести о Сонечке», где Цветаева и Сонечка Голлидэй обсуждают недостаток истинного понимания любви Юрием Завадским: «...он бы не репетировал без конца „Святого Антония“, а Святым Антонием бы — был <...> и вообще бы никогда бы не обедал и не завтракал» (4, 304).

раздел «Мариула» в сборнике «Психея. Романтика», бескорыстие доводится до степени самосожжения: «Согреть чужому ужин — / Жилье свое спалю» (1, 562).

В стихотворении «Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!..» убогость быта романтизируется, а способность лирической героини обитать в этих холодных «эмпиреях» трактуется как атрибут поэта и готовность в любую минуту «взойти на небо» — см. эти же мотивы в «Сирано де Бержераке», где, особенно в последнем акте, акцентируются бедность героя, его убогий быт, сопровождающий его голод, неумение и нежелание героя воспользоваться плодами своих трудов — и при этом гордость духа, умение Сирано переживать все свои несчастия смеясь. В стихотворение вводится голос друга или гостя, равно ужасающегося положению лирической героини и восхищенного ее стойкостью (ср. с Ле-Бре, который безуспешно пытается служить голосом разума для Сирано):

Взойдите. Гора рукописных бумаг...
Так. — Руку! — Держите направо, —
Здесь лужа от крыши дырявой.
<...>
— А что с Вами будет, как выйдут дрова?
— Дрова? Но на то у поэта — слова
Всегда — огневые — в запасе! <...>
А если уж слишком поэта доймет
Московский, чумной, девятнадцатый год, —
Что ж, — мы проживем и без хлеба!
Недолго ведь с крыши — на небо.

(1, 488–489)

Помимо этого презрения романтического индивидуума к материальному, Цветаева заимствует у Ростана *тип героини*: она одновременно «причудница» (у Ростана, дословно, «прециозница» — но не в мольеровском, а в высоком духе) и амазонка. Не только в «Сирано», но и в «Орленке», и в «Шантеклере» действует особая героиня, отвергающая общественные нормы, в том числе продиктованные условностью пола, и спроецированная на тип воительницы, т. е. существа как бы андрогинного. В «Орленке» это графиня Камерата, в «Шантеклере» — Фазанья курочка, которая говорит о себе: «Да, я мятежница! И волен мой полет! / Стряхнула гордо я рутины пошлый гнет...» (с. 448); Шантеклер сравнивает ее с амазонкой. В «Сирано де Бержераке» Роксана, хоть и не является воительницей, сопоставляется с богиней-охотницей Дианой (которая тоже всегда воспринималась как одна из воительных дев): «Ей не хватает лишь колчана, / Чтоб все сказали: „Вот Диана!..“» (с. 240). У Цветаевой Диана неоднократно упоминается именно в «воительном» контексте, например: «Иоанна д'Арк, Диана, одна раса».[15] В четвертом акте Роксана бесстрашно пробирается на место осады, где воюют Сирано и Кристиан. Когда друзья уговаривают Роксану покинуть место битвы, она отказывается: «Здесь будет битва. Да! Но я останусь тут»; «Непостижимо! Вы — герой!» (с. 353, 351) — восклицает о ее поступке Ле-Бре. Реплики Сирано и Роксаны фиксируют ее бесстрашие и героизм:

«*Сирано*.
Так из причудницы вдруг стала героиня?
Роксана.
Мосье де Бержерак! Мы из одной семьи» (с. 354).[16]

Между тем в творчестве Цветаевой героиня-воительница становится практически ее альтер эго.[17] Не поднимая огромный пласт ее текстов, где появляется такая геро-

[15] *Цветаева М. И.* Неизданное. Записные книжки. Т. 1. С. 190.

[16] В оригинале: «*Cyrano.* Et quoi! la précieuse était une héroïne?
Roxane. Monsieur de Bergerac, je suis votre cousine» (*Rostand E.* Cyrano de Bergerac. Paris, 1897. P. 164).

[17] Подробно см.: *Зусева-Озкан В. Б.* Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М., 2021. С. 440–485.

иня, сошлюсь только на случаи ближайшего, в том числе текстуального, совпадения. Так, в пьесе «Метель» (1918) Дама в плаще описана как «чуть юношественная». Диалог с Господином в плаще напоминает о диалоге Роксаны с Сирано — в обоих произведениях подчеркивается бесстрашие и ведется игра со словами «герой» и «героиня»:

Господин

Замок родовой
На вьюжные леса покинуть ныне —
Способны лишь ребенок — и герой.

Дама

Я не герой.

Господин

Вы лучше, — Героиня!

(3, 368)

Цветаева обращает легкое «амазоноподобие» Роксаны в андрогинность Анри-Генриэтты (и потом, в «Фениксе», — ее двойника Франциски), которая первоначально является Казанове в пьесе «Приключение» в виде гусара. Более того, Анри-Генриэтта схожа с Роксаной и в том, что обе не только амазонки, но и «причудницы»: напомню, проблема Кристиана и вся завязка «Сирано» состоят в том, что образованная, остроумная, искусная во всех светских забавах Роксана не может полюбить мужчину просто за то, что он красив и даже благороден — ей нужна родственная душа, острый ум, таланты. Анри-Генриэтта характеризуется подобным же образом (кроме того, как выясняется, она умеет играть на виолончели, читает Спинозу, у нее высокое происхождение — как и у Роксаны):

Послушна как дитя, добра, умна,
Старик Гораций ей слагал бы оды! —
Но вдруг мужскую надевает моду,
По окнам бродит, как сама Луна <...>
То в честь Платона составляет вирши,
То — молнией в седло...

(3, 471)

Интересно и то, что в обоих случаях важную роль в мотивно-образной системе играет *образ луны и лунного луча*. Поскольку прототип ростановского героя, реальный Сирано де Бержерак, был автором сатирического «Иного света, или Государств и империй Луны», в пьесе Ростана многократно повторяется образ луны — разумеется, в лиризованном духе, соответствующем тону этой «героической комедии». В частности, в финале, умирая, Сирано улыбается Луне и говорит, что его заберет на небо лунный луч: «...Je vais monter dans la lune opaline...», «Vous voyez, le rayon de lune vient me prendre!»;[18] в переводе Щепкиной-Куперник: «Вот наконец взлечу я на луну...», «Но мне пора... простите... вот... с луною / Я должен уходить... Она пришла за мною...» (с. 401, 402). В пьесах Цветаевой луна и лунный луч тоже родственны романтическим героям: в «Метели» с лунным лучом, как Сирано, собирается исчезнуть Господин в плаще. Представляется же он так: «Князь Луны, / Ротонды кавалер — и Рыцарь Розы» (3, 366). Прощаясь навеки со спящей Дамой в плаще — и в то же время обещая ей встречу в вечности, он говорит: «И будет плыть в пустыне графских комнат / Высокая Луна... / *(Глядя на нее, спящую, настойчиво и нежно.)* / Ты женщина, ты ничего не помнишь... / Не помнишь!.. Не должна...» (3, 372). С лунным лучом появляется и исчезает Анри-Генриэтта в «Приключении», чей образ вообще теснейшим образом связан с луной («Прелестна — и до странности похожа / На лунный свет...»; 3, 476):

[18] *Rostand E.* Cyrano de Bergerac. P. 212, 214.

Гусар

Я — лунный луч. Вольна
Мне всякая дорога.

Казанова

Кто вы?!

Гусар

Как спутница Земли — Луна,
Я — вечный спутник Казановы.

(3, 462)

При свете луны Казанова в финале «Приключения» вспоминает о покинувшей его 13 лет назад Генриэтте (чем вызывает обиду Девчонки: «Я вам предоставляю госпожу / Луну, а вас — Луне предоставляю!»; 3, 497) и называет ее «мой лунный мальчик»; так же, при луне, является ему в старости, на пороге смерти, двойник Генриэтты Франциска. Но и сам Казанова тоже имеет к луне прямое отношение: недаром Капеллан в «Фениксе» говорит о нем: «Так и есть — с Луны!» (3, 519). Наконец, в стихотворениях Цветаевой из «Вечернего альбома» и «Волшебного фонаря» присутствует мотив отлета на луну («Колдунья»: «Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь / Сегодня на лунном коне!»; 1, 34) и лунного света, причем и в связи с Ростаном и его персонажами — например, в стихотворении «В Шенбрунне» об Орленке:

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна. <...>
Все спокойно. Спит Шенбрунн.
Кто-то плачет в лунном свете.

(1, 29)

В «Сирано де Бержераке», о чем не раз писали, разыгрывается конфликт, схожий с тем, что ранее подспудно имел место в «Принцессе Грезе», а именно конфликт двойственности любви — если воспользоваться словами Цветаевой, любви к «губам» и любви к «душе». Как и в предшествующей пьесе, героиня преодолевает эту двойственность — в четвертом акте Роксана признается Кристиану, что ей все равно, как он выглядит, что его «глаза и кудри сказочного принца» более ничего не значат для нее. Некоторую параллель этому находим в «Приключении» и «Фениксе», хотя, конечно, для Цветаевой ее ультраромантического периода все-таки очень важна внешняя «очаровательность» ее героев — см. цикл, обращенный к Ю. Завадскому и весь строящийся на восхищении внешностью, например:

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
— Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! —
Сказать еще? — Златого утра краше!
Сказать еще? — Один во всей вселенной!
Самой Любви младой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.

(1, 454)

Но даже в этом стихотворении лирическая героиня подчеркивает невинность и как бы заведомую «невозможность» своей любви, ее окрашенность в тона грезы:

Я Вас люблю. — В камине воет ветер.
Облокотясь — уставясь в жар каминный —
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

(1, 454)

Та же мизансцена — в «Фениксе», где старику Казанове, которому уже 75 лет и от которого остался лишь «остов», признается в пламеннейшей любви девочка Франциска, которая никогда не видела его раньше, во времена его молодости и великолепия. Точно так же она говорит о своей любви при свете камина, когда на улице воют ветер и вьюга, а Казанова сидит в кресле. На этот раз перед нами ребенок не в фигуральном, а в прямом смысле, а вместо молодого мужчины — старик. Тот же мотив любви, пренебрегающей внешностью и физической «составляющей» человека, возникает в «Приключении», где Казанова влюбляется в Генриэтту еще тогда, когда она предстает ему гусаром Анри. См. также проникнутые высокой влюбленностью стихи Цветаевой, обращенные к старикам А. А. Стаховичу и С. М. Волконскому.

Берет начало в «Сирано де Бержераке» (и возможно, в «Шантеклере») и *мотив вражды*, бездумной, органической, животной, которую испытывает все низкое и подлое по отношению *к высокому, поэтическому, аристократическому* в том особом смысле, который придавала Цветаева этому слову («Для других — аристократ — человек высокого рождения... Аля, быстро: — А для Вас — высокого духа»[19]). Сирано говорит: «Пускай вокруг меня шипит и вьется злоба, / Пусть ненависть меня преследует до гроба, — / Я буду этим горд! Да, легче мне идти / Под градом выстрелов по моему пути!» (с. 279). Пьеса заканчивается смертью героя, последовавшей в результате тайного заговора оскорбленных его остроумными словами врагов, — ему сбрасывают на голову бревно. В «Шантеклере» (о котором речь дальше) главного героя тоже постоянно пытаются убить, против него плетут заговоры создания ночи, а когда он уходит в лес, его хотят столкнуть с другим поэтом — Соловьем.

В «Фениксе» же одну из сюжетных линий, которая завершается тем, что оскорбленный Казанова уезжает из замка Дукс в ночь, вьюгу и, очевидно, смерть, составляют враждебные действия замковой челяди и людей нового, негероического и приземленного века по отношению к главному герою. Интересно, что Казанова у Цветаевой не только ценитель Ариосто и Тассо и автор любимых ею «Мемуаров», но и поэт. Возникают даже текстуальные совпадения (при наличии смысловой инверсии), касающиеся земной судьбы Сирано и Казановы. У Ростана в русском переводе:

Ну, словом, Сирано де Бержерак.
Почтим его мы надписью надгробной!
Он интересен тем,
Что всем он был — и не был он ничем!..
(с. 402)

Последняя строка в оригинале звучит так: «Qui fut tout, et qui ne fut rien».[20] У Цветаевой в «Фениксе» в списке действующих лиц Казанова охарактеризован так: «Джакомо Казанова фон Сегальт, ныне библиотекарь замка Дукс, 75 лет, „Que suis — je? Rien. Que fûs — je? Tout“» (3, 499).

Более того, аллюзия на Ростана и мир его пьес поддерживается еще и тем, что Казанова имплицитно сравнивается с Наполеоном — любимым героем Цветаевой, и в большой степени именно благодаря Ростану и его «Орленку». Казанова говорит:

<...> Венера! —
Звезда бродяг и гордецов.
Безроднейшего из юнцов
К монархиням ведет в альковы,
В Рим — черноглазого птенца,
Чтоб Миром правил. — Без венца
Зачатого — под дождь лавровый...
Колумбов к басенным брегам,
И корсиканцев — в Нотр-Дам!
(3, 519)

[19] *Цветаева М. И.* Неизданное. Записные книжки. Т. 2. С. 56.
[20] *Rostand E.* Cyrano de Bergerac. P. 213.

Главным творением Ростана для Цветаевой всегда оставался «Орленок» (1900). Поскольку влияние именно этой пьесы на ее творчество наиболее исследовано, мы сосредоточимся на тех чертах сходства, которых мало или совсем не касались. Прежде всего, это сюжетно-психологический комплекс *сильная женщина (воительница) и инфантилизированный возлюбленный*.

В «Орленке», как выясняется в финале, три женщины любят герцога Рейхштадтского: эрцгерцогиня, Тереза де Лорже и графиня Камерата, кузина герцога. В стихах Цветаевой первые две отсутствуют, в отличие от графини Камераты — «амазонки» и племянницы Бонапарта, которая стала как бы моделью, образцом для будущих цветаевских героинь. По-видимому, именно у Ростана берет начало такая важная черта поэтического мира Цветаевой, как героиня-воительница. Ростан не раз подчеркивает «амазоноподобие», воительность графини Камераты — приведу лишь одну из многочисленных цитат: «Держать эфес своей рукою твердой / Иль укротить лихого жеребца — / Все нипочем ей, как Пентезилее, / И быть нельзя прелестней и смелее».[21]

Эта героиня, как вообще все воительницы (в той или иной степени), андрогинна — отсюда типичный для сюжетов о воительнице мотив переодевания в мужское платье или доспех. В «Орленке» Камерата облачается в наряд самого герцога Рейхштадтского и, играя эту роль, даже вступает в сражение. В ранних стихах Цветаевой множество таких героинь-воительниц (см., например, стихотворения «Молитва», «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...», «Руан», «Бог, внемли рабе послушной!..» и мн. др.). В пьесе «Приключение» Анри-Генриэтта — не только гусар по одежде, но и участница битв, как следует из рассказа Капитана. В «Фениксе» Казанова говорит о Франциске: «Воительница!» (3, 530). В самом Орленке, герцоге Рейхштадтском, Ростан, напротив, подчеркивает хрупкость, слабость, нежность — вопреки желанию героических подвигов. Эта пара — сильная женщина и ее слабый, инфантилизированный возлюбленный — будет многократно возникать в художественных и эго-документальных текстах Цветаевой.

Мотив любования прелестным юношей-ребенком, слабым и очаровательным, явствен в стихотворениях, обращенных к С. Эфрону (в частности, «Как водоросли ваши члены...»), в цикле «Комедьянт» и, конечно, в пьесе «Фортуна» (1919), где все женщины, влюбленные в Лозэна, стремятся ему покровительствовать, защищать его и служить ему, как ребенку. Более того, Лозэн в принципе спроецирован на Орленка — недаром в записной книжке Цветаева упоминает их вместе. У Ростана герцог осознает: «Меня любили / Все женщины, как слабого ребенка. <...> / Которого так ласково балуют <...>, Которого бесстрашно защищают».[22] То же — в «Фортуне», где все возлюбленные Лозэна, даже девочка Розанэтта, которая гораздо моложе самого Лозэна, видят в нем восхитительное дитя. Лозэн рожден, казалось бы, чтобы «с королем ходить на приступ», причем его женщины (Изабэлла Чарторийская, Мария-Антуанетта) мечтают о великой судьбе для него, но при этом он остается в конечном счете лишь великим возлюбленным. Так же обстоит дело и с Орленком: «О, мой герой... Ты побеждал войска, / Но буду толпы женщин побеждать я. / Оружие мое — мои объятья / И поцелуев страстная тоска...».[23]

Примечательно, что герцог Рейхштадтский и Камерата связаны также узами крови и рода — мотив родственности воительницы и ее возлюбленного будет очень важным у Цветаевой, в том числе в более позднем творчестве.[24] Собственно, мотив крови как предназначения присутствует уже у Ростана; так, герцог говорит своей матери Марии-Луизе об отце: «Во мне вели две крови смертный бой / И — как всегда — та победила вашу».[25] Камерата «рада <...> погибнуть» «за кровь мою на царственном престоле!..». У Цветаевой в стихотворении «Камерата» это тоже есть:

---

[21] *Ростан Э.* Сирано де Бержерак. Орленок: Пьесы / Пер. с фр. Т. Щепкиной-Куперник. М., 2012. С. 368. В оригинале: «...celle qui toujours se singularisa, / Qui toujours, dans la vie, Amazone sans casque, / Portant avec orgueil sa race sur son masque, / Brave un péril, tient un fleuret, dompte un pur sang!.. <...> / Quand vous saurez que cette Penthésilée...» (*Rostan E.* Aiglon. Paris, 1900. P. 40).

[22] *Ростан Э.* Сирано де Бержерак. Орленок. С. 627.

[23] Там же. С. 520.

[24] *Зусева-Озкан В. Б.* Дева-воительница в литературе русского модернизма. С. 469–476.

[25] *Ростан Э.* Сирано де Бержерак. Орленок. С. 394.

Его любя сильней, чем брата,
— Любя в нем род, и трон, и кровь, —
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь.

(1, 30–31)

В дальнейшем этот мотив рода и крови, специфически связанный с доблестью, сохраняется у Цветаевой — так, в «Фортуне» Лозэн говорит:

И так же будет в битву несть
Героя — Род и Кровь...
Запомни, Розанэтта, здесь
Две вечности: Цветок и Честь,
Две: Доблесть и Любовь!

(3, 409)

Кстати, отметим на полях, что Орленок сравнивается Ростаном со св. Георгием («Сам белокурый, как святой Георгий...»[26]) — любимым святым Цветаевой, который является у нее идеальным возлюбленным воительницы; см. цикл «Георгий» и соотнесенную с ним поэму «На красном коне», где героиня — воительница и поэт — становится духовной возлюбленной Всадника-Гения, спроецированного на Георгия.

Как всегда у Ростана, в «Орленке» возникает мотив жестокого несоответствия мечты и действительности, поэзии и жизненной прозы: «Устал я жить в уныньи пошлой прозы, / Когда кругом такой бесцветный мрак... / Устал лежать, устал курить табак / И рифмовать мечты свои и грезы».[27] Как уже говорилось выше, этот мотив является у ранней Цветаевой константным, он зачастую ассоциируется с Ростаном и напрямую с «Орленком». Таковы, например, стихотворения «В Париже» («Дороже сердцу прежний бред! <...> Rostand и мученик Рейхштадтский / И Сара — все придут во сне!»), «В Шенбрунне» («Снова слезы, снова сны / В замке сумрачном Шенбрунна...»), «Бонапартисты» («...С раннего детства я — сплю и не сплю — / Вижу гранитные глыбы»), «Первый бал» («Ты, первый бал, — самообман. / Ты, как восточный талисман, / Как подвиги в стихах Ростана. / Огни сквозь розовый туман...») и даже «Сердце, пламени капризней...», где лирическая героиня предпочитает действительности уже не грезу как таковую, а творчество, поэзию: «С детской песней на устах / Я иду — к какой отчизне? / — Все, чего не будет в жизни, / Я найду в своих стихах!» (1, 28, 169, 170, 179–180). Это тоже близко Ростану, у которого фигура поэта максимально противопоставлена действительности — и в «Принцессе Грезе», и в «Сирано де Бержераке», и в «Шантеклере», и даже в «Орленке», где имя Гюго становится знаком мечты в той же степени, как и победы Наполеона («К названиям Ваграма, Ровиго, / Прибавлю я иной названье славы / И герцогом я сделаю Гюго!..»[28]).

Чем дальше, тем в большей степени в творчестве Цветаевой выдвигается на первый план *автометарефлексия*. То же можно сказать о Ростане, чья последняя большая пьеса «Шантеклер» (1910) целиком посвящена тому, что есть поэт и каково его призвание. Не случайно — хотя, разумеется, обусловлено и непосредственно жизненным материалом — именно «Шантеклер» упоминается в очерке Цветаевой о Брюсове «Герой труда», трактующем темы поэзии и поэта. Именно нелюбовь Брюсова к Ростану становится для Цветаевой первоначальным импульсом для переоценки Брюсова как поэта. (И кстати, именно ростановские строки — из его «Баллады о Новом годе» — Цветаева делает своим девизом и «оружием», посылая Брюсову конкурсные стихи на тему «Но Эдмонда не покинет / Дженни даже в небесах».)

---

[26] Там же. С. 343. В оригинале: «Il a franchi l'obstacle! Et blond comme un saint George!..» (*Rostan E.* Aiglon. P. 22).

[27] *Ростан Э.* Сирано де Бержерак. Орленок. С. 370.

[28] Там же. С. 581.

Шантеклер — певец солнца и сам воплощенное Солнце, а Цветаева не раз писала о своей солнечной природе, противопоставляя себя «лунным» возлюбленным и близким — см., например: «Прекрасно понимаю влечение ко мне Али и С<ережи>. Существа лунные и водные, они влекутся к солнечному и огненному во мне».[29] Примечательно, что мотив солнца очень часто связывается у Цветаевой с темой поэта и поэзии — связь совершенно нетривиальная и ведущая непосредственно к «Шантеклеру»: «Аля: М<арина>! У Вас даже ночь — солнечная, а у Ахматовой — и день лунный»;[30] «Слово для поэта — собирательное стекло. Солнце — душа. Но какое же собирательное стекло без солнца?»;[31] «В. Гюго. — „Общие места“. — Да, если солнце — общее место.

К маленьким поэтам:

Для того, чтобы воспевать японские вазы — или край ноготка вашей возлюбленной <над строкой: (вам, эстеты) фаянсы, (вам, футуристы) небоскребы> — достаточно казаться. Чтобы говорить о Боге, о солнце, о любви — нужно быть.

Стихи есть бытие: не мочь иначе»,[32] — пишет Цветаева в 1919 году. Несомненно, и сама полемика с «маленькими» поэтами и их изысканными темами ведет к «Шантеклеру», где огромное место занимает спор Ростана с современными ему поэтами и литературными течениями. Шантеклер поет именно потому, что не может иначе: «От песни я не жду ни славы, ни успеха. / Мне нужно, чтобы свет торжествовал над тьмой. / И в пенье — вера вся, и труд, и подвиг мой» (с. 487). Вся сцена приема у Цесарки посвящена высмеиванию тех, кто поет, чтобы «казаться», т. е., по Ростану, декадентов, парнасцев, ницшеанцев и пр., воплощенных в образе Павлина:

> Милы эмали мне, и лунная камея,
> И мягкий блеск камней, их мглу лелею, млея;
> *Индюк (из глубины).*
> <...> Великий наш Павлин, наш славный...
> *Павлин (скромно).*
> Сверхпавлин!

Шантеклер противопоставляет этим изысканностям — как поступает и Цветаева в приведенных записях — нечто «простое» и настоящее, причем подчеркивает свою подвластность «грезе», которая и делает его поэтом:

> Мне вовсе не нужны восточные наркозы,
> Когда во власти я своей волшебной грезы;
> И в жилах у меня течет мятежно кровь.
> Я не люблю разврат, но я люблю любовь!
> (с. 523)

Он называет себя «рыцарем роз» («Да, да, я рыцарь роз, rosarum...»), чему посвящен замечательный и очень изобретательный, изысканный монолог «склонения розы», напоминающий столь же виртуозные поэтические соло в «Сирано де Бержераке» — монолог Сирано о носе и его дуэльную балладу (а также ряд лирических опытов Ростана, в частности «Charivari à la Lune»). Сама эта типично модернистская изобретательность даже при декларациях простоты и естественности, несомненно, маркирует творчество и Ростана, и Цветаевой как неоромантическое, принадлежащее иной парадигме, нежели исторический романтизм.

Кстати, в текстах Цветаевой появляются и рыцари роз (и многократно «склоняются» розы — в частности, в пьесе «Фортуна», где это лейтмотивный образ), и мотив

---

[29] *Цветаева М. И.* Неизданное. Записные книжки. Т. 2. С. 52.
[30] Там же. С. 261.
[31] Там же. Т. 1. С. 160.
[32] Там же. С. 311.

нелюбви к разврату — при «любви к любви». В «Метели» Господин в плаще представляется: «Позвольте мне исправить: Князь Луны, / Ротонды кавалер — и Рыцарь Розы» (3, 366). В «Фортуне» Лозэн говорит: «Вселенской розы Кавалер, / Хочу, чтоб розой был увенчан / Розовый век...» (3, 397). В «Фениксе» князь де Линь и Казанова «стоят по обе стороны двери, как две кариатиды прошлого. <...> Над разъединяющей их аркой — смутным овалом изображение какой-то молодой красавицы, точно благословляющей их розой, скользящей у нее с колен» (3, 522). Даже Казанову, Лозэна (и — в стихотворениях — Дон Жуана) Цветаева изображает не как развратников, а как рыцарей любви (подобно тому как Шантеклер, хотя и имеет успех у всех кур, верен главной своей возлюбленной — Заре): «...в любовных приключениях Казановы — сердца столько же, сколько пола»; «Казанова: Бонапарт Любви»; «10 лет назад и теперь: бессонные ночи, вечный восторг, напряженная и во сне не спящая любовь к Герцогу Рейхштадтскому <...> сейчас — к Казанове. <...> И та же невинность. Только сейчас я невиннее, чем тогда».[33] В раннем стихотворении «В чужой лагерь» с эпиграфом «Да, для Вас наша жизнь действительно в тумане» (туманы = грезы) лирическая героиня признается в главенстве поэтической грезы над страстью — именно вечерняя заря делает прекрасным любовное объятие: «Но знайте: в миг, когда без силы / И нас застанет страсти ад, / Мы потому прошепчем: „Милый!“ / Что будет розовым закат» (1, 69).

В «Шантеклере», помимо прочих насмешек над литературным цехом, Ростан высмеивает страсть к «-измам», к направлениям и классификациям: «И это разница, понятная артистам: / Кукурекистом быть или кикирикистом» (с. 537). Та же нелюбовь к литературному классифицированию многократно высказывалась Цветаевой; в очерке «Герой труда», неразрывно связанном с «Шантеклером», она это формулирует предельно четко: «Для Брюсова поэт без „ист“ не был поэтом. Так, в 1920 г. кажется, на вопрос, почему на вечер всех поэтических направлений («кадриль литературы») не были приглашены ни Ходасевич, ни я, его ответ был: „Они — никто. Под какой же я их проставлю рубрикой?“ (Думаю, что для Ходасевича, как для меня, только такое «никто» — лишний titre de noblesse)» (4, 39).

В «Шантеклере» ненависть непоэтов (и присоединившихся к ним созданий ночи) к поэту истинному выливается в заговор против Шантеклера — насмешки и попытку его убийства, а затем — в идею столкнуть Шантеклера с другим истинным поэтом, Соловьем. В пьесе «Феникс» встречаем полную параллель к этому сюжету: поэт Видероль, сын нового века, «смесь амура и хама», насмехается над Казановой, причем даже высмеивает недостаточно модный и современный его наряд, как Павлин оперение Шантеклера.

Если у Цветаевой место истинного поэта занято давно ушедшими Тассо и Ариосто — любимыми авторами Казановы (который, впрочем, и сам предстает поэтом и читает свое стихотворение о Старости), то у Ростана истинными поэтами показаны петух Шантеклер и его двойник-антипод Соловей. Примечательно, что создания ночи не могут заставить их враждовать: «Друг друга мы поймем: ты сильный, я же нежный» (с. 576), — говорит Соловей. Оба находят в созданиях друг друга нечто недоступное им самим — и взаимно испытывают не зависть, а восхищение. Жизненное поведение Цветаевой с ее восхищением Ахматовой, Блоком, Мандельштамом, Маяковским и Пастернаком совершенно соответствует этому идеалу — ср., например, стихотворение, обращенное к Мандельштаму: «Я знаю, наш дар — неравен, / Мой голос впервые — тих. / Что Вам, молодой Державин, / Мой невоспитанный стих!» (1, 252).

Как Шантеклер уходит от козней врагов в лес, так и Казанова. Как у Казановы есть своя «воительница» — Франциска (которая живет в лесу — она найденыш, приемная дочка лесника), так у Шантеклера — «амазонка» и обитательница лесов Фазанья курочка: «...прочь одна летит, свободна и горда, / Как полная отваги амазонка» (с. 446). Как во Франциске поражают ее золотые, рыжие волосы («Ослеп от блеска!» — восклицает Казанова), так Фазанья курочка блестит золотом, напоминая Шантеклеру о его главной возлюбленной — Заре: «Быть может, предок мой / Был феникс

[33] Там же. Т. 1. С. 151, 362, 424.

древности?» — говорит она: «На корабле своем Язон меня привез, / Я вся из золота, не правда ли, по виду? / Быть может, я была и золотым руном!» (с. 449). Хотя Фазаночка, конечно же, персонаж отчасти комический (чего никак не скажешь о Франциске), ей свойственны благородные порывы и самопожертвование — как и цветаевской героине: напомню, пьеса Ростана кончается тем, что Фазанья курочка приносит себя в жертву, чтобы помочь Шантеклеру (который предпочел ей Зарю) избежать охотничьей пули. Но и Франциска готова на любые жертвы ради Казановы: «И когда мой князь / Взойдет — весь водомет / Шелков, кружев — все бархата! — / И принца-жениха / В придачу — весь венчальный хлам — / Всё, всё к твоим ногам!»; «*(выхватывая из-за пояса пистолет.)* Ну, череп раздроби!» (3, 568).

Наконец, очень важна для Ростана и в «Шантеклере», и в «Сирано де Бержераке» тема остроумия, выше которого — способность к воспарению, неутраченное умение мечтать и грезить. Герои Ростана очень остроумны, но для них это лишь оружие, защищающее грезу. В конечном счете и то и другое родственны, поскольку оба требуют воображения. Не случайно якобы остроумный, но в то же время циничный, лишенный всех идеалов Дрозд оказывается высмеян Шантеклером за свою вторичность: «Остроты жалкие без соли и без перца, / Гасильники ума, ракет мишурных треск... / Нет! Не смешаем мы поддельный этот блеск / С живыми искрами пылающего сердца!»; пес Пату поддерживает Шантеклера: «И разве тот умен, кто ко всему идет / С критическим смешком и парою острот?» (с. 555, 433).

В творчестве Цветаевой, особенно в 1917–1921 годах, остроумие и острословие тоже очень важны (и тематизированы), и, как у Ростана, они, с одной стороны, уподобляются поединку (ср. дуэльную балладу Сирано и выражения вроде «рипост» и «рифмованный выпад» в «Герое труда», где Цветаева пересказывает историю своих отношений с Брюсовым), а с другой, предстают как оружие, защищающее грезу. См., например, поставленные рядом остроумие и романтизм (чьими знаками выступают музыка,[34] скачка на коне, театральная сцена, имена Шумана, Шопена и Байрона) в стихотворении 1913 года «Аля», где первое при этом сравнивается с хлыстом:

Залу, спящую на вид,
И волшебную, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена... <...>
Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови
И уста.

(1, 187)

В пьесе «Приключение» Анри-Генриэтта наделена подчеркнутым остроумием — но при этом она способна и к глубоким чувствам (походя в этом на «причудницу» Роксану, как уже отмечалось выше), причем знаком романтического и здесь выступает музыка.

Генриэтта

Секундной стрелкой сердце назову,
А душу — этим звездным циферблатом!

Горбун

Божественно!

Педант

Отменно!

[34] Ср.: «От матери я унаследовала Музыку, Романтизм и Германию. Просто — Музыку. Всю себя» (4, 546).

Посол французский

И остро!

<...>

Генриэтта
(подходя к виолончели)

Посмотрим, всё ли мы с тобою в дружбе,
Виолончель, душа моей души?

(3, 481, 483)

При всем остроумии ростановских и цветаевских пьес для обоих поэтов принципиальным является представление о поэзии как сосуде грезы и о поэте как вестнике потустороннего. Когда Шантеклер понимает, что солнце встает и без его песни, он не разочаровывается в себе и своем пении, а приходит к откровению: «А! Значит, вестник я иных, далеких Зорь! / Мой крик пронзает ночь, он ей наносит раны, / И звезды нам видны сквозь синие туманы!» (с. 586). К своему дару он относится как к тайне: «Но пред моим трудом я трепещу украдкой: / Для самого себя я остаюсь загадкой...», — а к видимому миру — как к проявлению того, что за ним, выше: «Мы все носители таинственных наследий; / Есть красота во всем, страданье есть везде; / Клочок небес уже дает приют звезде...» (с. 497, 454). Как параллель этим идеям (особенно в связи с тем, что Шантеклер называет себя «рыцарем розы» — не забудем и о «мистической розе») предстает стихотворение Цветаевой 1918 года, которое вряд ли можно назвать вдохновленным исключительно ростановской пьесой, но в которой ощущаются ее отзвуки:

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сие?

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

(1, 418)

Как эхо этого стихотворения звучит фрагмент записной книжки Цветаевой, трактующий те же мотивы, в котором, благодаря локусам «огород» и «небо», еще более отчетливо возникает тень ростановской пьесы, а романтизм вновь рефлексируется непосредственно: «В природе, должно быть, я люблю ее Романтизм, ее Высокий Лад. Меня не тянет ни к огороду (подробности), ни к сажанию и выращиванию, <...> — вечернее небо (апофеоз, где все мои боги!) меня опьяняет больше, чем запах весенней земли».[35]

Если влияние пьес Ростана на Цветаеву очевидно и несомненно, то влияние его поэзии более проблематично. Цветаева ее знала уже в юные годы (первое издание поэтического сборника Ростана «Les Musardises» вышло еще в 1890 году) — так, на проводившийся Брюсовым конкурс свои стихи она послала, выбрав в качестве девиза строку Ростана из стихотворения «Баллада о Новом годе»: «Il faut à chacun donner son joujou». Эта строчка использована Цветаевой сразу в нескольких функциях. Во-первых, она знаменовала собой продолжение начатого в ее письме Брюсову спора о ценностях — литературных и жизненных; во-вторых, являлась способом самоутверждения, настояния на собственной позиции (что-то вроде «каждому свое, мне — мой Романтизм»); в-третьих, возможно, намекала на холодность и жесткость Брюсова, походя ранящего «детское сердце» адресанта — ведь, по сути, эта баллада вся устремлена к посылке: «A celle qu'un jour je vis sur la grève / Et don't le regard est mieux qu'andalou, / Donne

[35] *Цветаева М. И.* Неизданное. Записные книжки. Т. 2. С. 157.

un cœur d'enfant pour qu'elle le crève. / Il faut à chacun donner son joujou».[36] Наконец, благодаря «детскости» этого стихотворения, которая дала Т. Щепкиной-Куперник идею вставить в свой перевод отсутствующую в оригинале строчку «Мы остаемся, стареясь, детьми...», утверждалась «детскость» самой Цветаевой, ее стремление сохранить в себе ребенка — то, что отмечали (и за что, скорее, ругали) чуть ли не все критики, заметившие «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь».

Можно найти отдельные сюжетные и мотивные переклички между лирикой Ростана и стихами юной Цветаевой, от самых простых — котята («Le petit chat» и «Собаки спущены с цепи...»), игрушки, дети (см. своего рода диалог со стихотворением «Joujoux» у Цветаевой, которая в «Безнадежно-взрослый вы, о нет...» утверждает не столь идиллический взгляд на детское сознание, причем диалогичность поддерживается ростановским мотивом дележа игрушек) — до более сложных. Оба поэта, кстати, любят описывать свой дом, комнату, обстановку; стихотворение Цветаевой «Наша зала», например, напоминает ростановские «Ma chambre», «A ma lampe», «Le divan».

У обоих возникает мотив «равнодушной природы», чья вечная краса, тем не менее, сама по себе содержит утешение; это стихотворения Ростана «Лес», где проигрывается сцена возможного самоубийства лирического героя («Когда ж бы проскользнул сквозь ветви отблеск лунный / И белым саваном мой хладный труп облек — / Твой теплый ветерок, душистый ветерок / Не стал бы прекращать напев свой тихострунный; / И скоро б у меня, воздушны и легки, / Веревку обвили лазурные вьюнки»[37]), и Цветаевой «Быть нежной, бешеной и шумной...» («И так же будут таять луны / И таять снег, / Когда промчится этот юный, / Прелестный век»; 1, 193). Оба поэта, хотя сердце у них и может быть «полно тяжелых дум», высоко ставят «легкомыслие», радость, игру, которые противопоставляют мрачным настроениям (см. «ростановскую» позицию Цветаевой в том же споре с Брюсовым: «Нужно петь, что все темно, / Что над миром сны нависли.../ — Так теперь заведено. — / Этих чувств и этих мыслей / Мне от Бога не дано!»; 4, 24). Например, стихотворение Ростана «Тамбуринер» заканчивается жизнеутверждающими строками:

Знай, сердце у меня полно тяжелых дум;
Твой легче тамбурин, чем гнет печали вечной...
Но, как бы ни звучал гнет жалобы сердечной,
Как флейта дерзкая, задорный и беспечный,
Смеется все мой ум!.., —[38]

и тем же чувством одушевлено стихотворение Цветаевой «Легкомыслие! — Милый грех...», как и «Встреча с Пушкиным» («И — потому что от худшей печали / Шаг — и не больше — к игре! — / Мы рассмеялись бы и побежали / За руку вниз по горе»; 1, 188).

Мотив «Теней и дымка» («Ombres et fumées») встречается у Цветаевой многократно, связываясь с мотивом грезы, как и у самого Ростана. Наконец, дело не только в содержательно-смысловых пересечениях — Цветаева использует и некоторые формальные приемы Ростана. Так, игровое строение стихотворения Цветаевой «Надпись в альбом» напоминает «Смутное воспоминание, или Скобки», где столь же существенную роль играет сказанное в скобках и как бы «поправляющее» то, что говорится в основном тексте; только у Ростана высокое снижается, а у Цветаевой — наоборот.

---

[36] *Rostand E.* Les musardises. Paris, 1911. P. 97. В весьма неточном русском переводе: «О, Новый год! Той, что мечта полна, / Чьих нежных глаз пленительна загадка, / Дай сердце, чтоб разбить ей без остатка: / Своя игрушка каждому нужна» (*Ростан Э.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник. СПб., 1914. Т. 1. Кн. 1. С. 382). Третья строка в подстрочнике дает более ясное представление о том, чье именно сердце разбито — не жестокой возлюбленной, а самого поэта или, точнее, лирического героя, сравнивающего себя с ребенком: «Дай детское сердце, чтобы она убила его...».

[37] *Ростан Э.* Полн. собр. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 374.

[38] Там же.

А рефренное строение стихов, излюбленное Ростаном, отзывается, например, в цветаевском «Плохом оправданье».

Таким образом, поэзия Ростана тоже оставила свой след в раннем творчестве Цветаевой, а именно в связи с темами детства, игры и особой жизнерадостности, преодолевающей тяжелые настроения и модернистские «сны», хотя это влияние и не столь очевидно, как влияние ростановских пьес. Рецепция драматургии Ростана у Цветаевой происходит не только в виде прямых отсылок, но и на уровне тем, мотивов, образов и характеров, сюжетных поворотов — даже там, где имена Ростана и его героев не упоминаются. И во всех случаях эти аллюзии связаны с романтизмом, который понимается Цветаевой в огромной степени по-ростановски. Это и центральная для обоих идея превосходства мечты, воображения, грезы над реальностью, и «разрыв», непременно существующий между душой и телом, и мотив отказа от материальных интересов, и представление об истинной поэзии, и то, что Цветаева назвала «Высоким Ладом», и по-особому понятый «аристократизм» («бесконечное благородство», «любовь к подвигу и чистоте», по характеристикам самой Цветаевой), и, наконец, романтические «атрибуты» и имена, занимающие столь существенное место в творчестве обоих. В общем, значение Ростана в творческой вселенной Цветаевой нуждается в переосмыслении и переоценке — это не просто юношеское увлечение «Орленком», а огромное, всеобъемлющее влияние, сказывавшееся на всем протяжении ее жизни и не ограниченное чисто «литературной» сферой.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-233-239

© *Е. И. Погорельская*

РАССКАЗЫ И. Э. БАБЕЛЯ «МОЙ ПЕРВЫЙ ГОНОРАР» И «СПРАВКА»: К ИСТОРИИ ТЕКСТА

В настоящее время в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН началась подготовка научного собрания сочинений И. Э. Бабеля в пяти томах. Трудности в работе связаны в первую очередь с отсутствием основного архива писателя, изъятого во время ареста 15 мая 1939 года и до сих пор не найденного. Однако некоторые его рукописи сохранились в фондах редакций и в личных собраниях, в том числе рукописи произведений, не публиковавшихся при жизни автора. Среди них «Мой первый гонорар»[1] (далее — «Гонорар») и «Справка», построенные на одном сюжете — любви героя-повествователя к тифлисской проститутке Вере.

По свидетельству А. Н. Пирожковой, их основой послужила история, произошедшая с П. И. Сторицыным: «О рассказе „Мой первый гонорар“ Бабель сообщил мне, что этот сюжет был ему подсказан еще в Петрограде журналистом П. И. Сторицыным. Рассказ Сторицына заключался в том, что однажды, раздевшись у проститутки и взглянув на себя в зеркало, он увидел, что похож „на вздыбленную розовую свинью“; ему стало противно, и он быстро оделся, сказал женщине, что он — мальчик у армян, и ушел. Спустя какое-то время, сидя в вагоне трамвая, он встретился глазами с этой самой проституткой, стоявшей на остановке. Увидев его, она крикнула: „Привет, сестричка!“»[2]

Среди исследователей и публикаторов Бабеля нет единого мнения об очередности создания этих рассказов. Как более поздний вариант «Гонорар» рассматривают

[1] У А. С. Новикова-Прибоя есть рассказ под названием «Мой первый гонорар», позднее включенный в пролог романа «Цусима». Впервые он был напечатан в № 12 журнала «30 дней» за 1930 год, и Бабель, активно сотрудничавший с этим изданием, скорее всего, об этом знал.

[2] *Пирожкова А. Н.* Я пытаюсь восстановить черты: О Бабеле — и не только о нем. М., 2013. С. 288.

Р. Хэллет,[3] Э. Зихер,[4] И. Н. Сухих,[5] «Справку» — Е. А. Краснощекова,[6] В. Е. Ковский,[7] А. К. Жолковский.[8] Выдвигаемые аргументы свидетельствуют о достоинствах каждого из текстов: бóльшая информативность и образность «Гонорара» (Хэллет), лаконичность и сжатость «Справки» (Жолковский). Главным сюжетным избытком «Гонорара» Жолковский считает «открывающий его абзац о зависти героя к страстным молодоженам за стеной <...> В „Справке“ этот вуайеристский элемент отсутствует: повествование прямо и без обиняков начинается с „любви к женщине по имени Вера“, которая „была проституткой“».[9]

В пользу версии о том, что «Справка» создана после «Гонорара», свидетельствует характер правки, которая обычно у Бабеля шла по линии сокращения, сжатия текста. Дополнения же могли составлять одно или несколько слов, в крайнем случае фразу.

Помимо яркой экспозиции «Гонорара», в «Справке» отсутствует фрагмент, повествующий о том, что предшествовало первой встрече рассказчика с Верой: «Иметь двадцать лет от роду, жить в Тифлисе и слушать по ночам бури чужого молчания — это беда. Спасаясь от нее, — я кидался опрометью вон из дому, вниз к Куре, там настигали меня банные пары тифлисской весны. Они накидывались с размаху и обессиливали. С пересохшим горлом я кружил по горбатым мостовым. Туман весенней духоты загонял меня снова на чердак, в лес почернелых пней, озаренных луной. Мне ничего не оставалось, кроме как искать любви. Конечно, я нашел ее. На беду или на счастье, женщина, выбранная мною, оказалась проституткой. Ее звали Вера. Каждый вечер я крался за ней по Головинскому проспекту, не решаясь заговорить. Денег для нее у меня не было, да и слов — неутомимых этих пошлых и роющих слов любви — тоже не было. Смолоду все силы моего существа были отданы на сочинение повестей, пьес, тысячи историй. Они лежали у меня на сердце, как жабы на камне. Одержимый бесовской гордостью, — я не хотел писать их до времени. Мне казалось пустым занятием — сочинять хуже, чем это делал Лев Толстой. Мои истории предназначались для того, чтобы пережить забвение. Бесстрашная мысль, изнурительная страсть стоят труда, потраченного на них, только тогда, когда они облачены в прекрасные одежды. Как сшить эти одежды?..

Человеку, взятому на аркан мыслью, присмиревшему под змеиным ее взглядом, трудно изойти пеной незначащих и роющих слов любви. Человек этот стыдится плакать от горя. У него недостает ума, чтобы смеяться от счастья. Мечтатель — я не овладел бессмысленным искусством счастья. Мне пришлось поэтому отдать Вере десять рублей из скудных моих заработков».[10]

Взамен в «Справке» дается лаконичная характеристика героини: «В ответ на ваш запрос сообщаю, что литературную работу я начал рано — лет двадцати. Меня влекла к ней природная склонность, поводом послужила любовь к женщине по имени Вера. Она была проституткой, жила в Тифлисе и слыла среди своих подруг деловой женщиной: брала в заклад вещи, покровительствовала начинающим и при случае торговала в компании с персами на восточном базаре».[11]

Кстати, такая деталь, как торговля на восточном базаре — одно из занятий «деловой женщины» Веры, не могла появиться в «Гонораре», где на восточном базаре торговал мясом хозяин мансарды, которую снимал герой-повествователь.

---

[3] См.: *Hallet R.* Isaac Babel. New York, 1972. P. 63.

[4] См.: *Sicher E.* Style and Structure in the Prose of Isaak Babel'. Columbus, OH, 1986. P. 117–119, 139.

[5] См.: *Бабель И. Э.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост. и прим. И. Н. Сухих. М., 2006. Т. 1. С. 550.

[6] См.: *Бабель И. Э.* Из неопубликованного и забытого / [Предисловие Е. А. Краснощековой] // Заря Востока (Ташкент). 1967. № 3. С. 108.

[7] См.: *Ковский В. Е.* Судьба текстов в контексте судьбы // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 77.

[8] См.: *Жолковский А. К.* Полтора рассказа Бабеля «Гюи де Мопассан» и «Справка/Гонорар»: Структура, смысл, фон. М., 2006. С. 8.

[9] Там же.

[10] *Бабель И. Э.* Рассказы / Сост., подг. текстов, послесловие, комм. Е. И. Погорельской. СПб., 2014. С. 461–462.

[11] Там же. С. 471.

Ряд менее значительных по объему сокращений автор произвел в середине рассказа. Например, исключены первый диалог героя с Верой и его рассуждения о духанщиках.

Существенные изменения коснулись окончания рассказа. В «Справке» Бабель снял последний абзац, которым завершался «Гонорар»: «Прошло много лет с тех пор. За это время много раз получал я деньги от редакторов, от ученых людей, от людей, торгующих книгами. За победы, которые были поражениями, за поражения, ставшие победами, за жизнь и за смерть они платили ничтожную плату, много ниже той, которую я получил в юности от первой моей читательницы. Но злобы я не испытываю. Я не испытываю ее потому, что знаю, что не умру, прежде чем не вырву из рук любви еще один — и это будет мой последний — золотой».[12] «Справка» заканчивается предшествующей этому пассажу фразой: «Мы уговорились встретиться вечером, и я положил обратно в кошелек два золотых — мой первый гонорар».[13]

Центральный эпизод рассказа — выдуманная история жизни героя до встречи с Верой — оставлен почти без изменений.

«Справка» отличается от «Гонорара» не только объемом, но и формой повествования. В обоих случаях рассказ ведется от первого лица, но в «Гонораре» история просто рассказывается, а в «Справке» выстраивается как некий документ, точнее письмо в редакцию, и в этом плане «Справка» жанрово примыкает к таким рассказам Бабеля, как «Письмо», «Солнце Италии», «Соль», «Измена», «Нефть». К слову, при жизни писателя, в 1937 году, «Справка» была напечатана на английском языке под названием «Ответ на запрос» («A Reply to an Enquiry»[14]).

«Гонорар» предполагался к публикации в альманахе «Год XVI». Однако против этого выступил М. Горький. В ноябре 1932 года Л. Л. Авербах писал ему: «Спорный вопрос — „*Первый гонорар*“ *Бабеля*. Как Ваше мнение на сей счет? Я, Павленко, Фадеев (мнение остальных еще не знаю) — за печатание».[15] Горький отвечал: «Зная отношение к Бабелю некоторых товарищей — не советую помещать „Гонорар“ в первом альманахе; „Гонорар“ — „вещица на любителя“, а в первом альманахе не должно быть „ни сучка, ни задоринки“».[16]

Рассказ был опубликован за рубежом дочерью писателя Н. И. Бабель-Браун в альманахе «Воздушные пути» в 1963 году,[17] «Справка» с небольшими цензурными изъятиями (не названо слово «армянин») увидела свет в 1966 году в сборнике, изданном в Кемерове.[18] В двухтомник 1990 года Пирожкова включила только «Гонорар»,[19] многие массовые издания следуют этому примеру. Вместе с тем в настоящее время существует практика публикации обоих рассказов, причем последовательность их размещения в книге зависит от позиции составителя: «Справка», затем «Гонорар»[20] или наоборот.[21]

Какую же из версий — «Гонорар» или «Справку» — надо считать более поздней? На этот вопрос отвечают сохранившиеся архивные источники рассказов.

Автограф «Гонорара» (вместе с автографом рассказа «Колывушка») Бабель подарил своей приятельнице О. И. Бродской. После ее смерти эти две рукописи находились у ее сына, Г. В. Бродского, скончавшегося в 2001 году. Дальнейшая судьба автографов неизвестна. Единственный прижизненный источник «Гонорара», имеющийся сегодня в нашем распоряжении, — машинопись с редакторскими пометами из фонда альманаха «Годы XVI–XXI». Под текстом проставлена дата: «1922–1928».[22] Эта же дата имелась в автографе, с которого рассказ печатался в посмертных изданиях, так как на нее

---

[12] Там же. С. 468.
[13] Там же. С. 468, 474.
[14] *Babel I.* A Reply to an Enquiry // International Literature. 1937. № 9. P. 86–88.
[15] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2019. Т. 21. Декабрь 1931 — февраль 1933. С. 689.
[16] Там же. С. 232.
[17] Воздушные пути: Альманах. Нью-Йорк, 1963. [Вып.] 3. С. 35–44.
[18] *Бабель И. Э.* Избранное. Кемерово, 1966. С. 320–323.
[19] *Бабель И. Э.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 245–253.
[20] *Бабель И. Э.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 209–224.
[21] *Бабель И. Э.* Рассказы. С. 461–474.
[22] РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. № 42. Л. 1–12.

указывают комментаторы. В фонде альманаха хранится и машинопись «Справки» с незначительной авторской правкой.[23]

В 2021 году на одном из московских аукционов всплыл беловой автограф «Справки», выполненный черными чернилами на восьми листах ученической тетради.[24] О его происхождении ничего не известно. Однако нельзя исключить, что именно об этой тетради говорится в воспоминаниях Л. Я. Борового, слушавшего авторское чтение рассказа в доме их общего знакомого: «Это был рассказ „Справка“, который до того назывался „Мой первый гонорар“. Когда он (Бабель. — *Е. П.*) кончил читать, мы помолчали немного <...>.

Наконец Владимир Александрович первым опомнился, чмокнул губами и потянул руку к тетрадке с рассказом.

— Не пойдет. Ведь сам понимаешь! Но для аванса годится. Все-таки оправдательный документ.

Бабель отвел его руку и, к моему изумлению, протянул тетрадку мне <...>.

Так я получил от Бабеля написанный его рукой один из вариантов (и, кажется, лучший) его рассказа „Мой первый гонорар“».[25]

Машинопись «Справки» из альманаха «Год XVI» и беловой автограф имеют незначительные разночтения. Оба документа не датированы.

В личном архиве Т. Н. Тэсс сохранилась остававшаяся до сих пор вне поля зрения исследователей авторизованная машинопись рассказа «Справка» под названием «Мой первый гонорар», которая вводится настоящей публикацией в научный оборот (см. Приложение). Старое название нового варианта говорит о промежуточном характере этой машинописи. Под текстом стоит авторская дата: «1930 г.». Как указано выше, «Гонорар» датирован автором 1922–1928 годами.[26]

Таким образом, исходя из авторских датировок, можно утверждать, что «Справка» была создана позднее «Гонорара», послужившего для нее основой. Однако вопрос о том, является ли «Гонорар» ранней редакцией «Справки», или Бабель рассматривал эти рассказы как два самостоятельных произведения, из-за отсутствия прижизненных публикаций и, следовательно, из-за невозможности определить авторскую волю остается открытым. Поэтому в научном Собрании сочинений писателя эти рассказы предполагается поместить во втором томе в раздел «Неопубликованное. Неоконченное» в хронологической последовательности.

Рассказ «Справка» (с заглавием «Мой первый гонорар») публикуется по хранящейся в фонде Т. Н. Тэсс в РГАЛИ машинописи с незначительной авторской правкой (Ф. 3108. Оп. 1. № 126. Л. 1–4). Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. В примечания вынесены варианты, содержащиеся в беловом автографе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. Э. Бабель

МОЙ ПЕРВЫЙ ГОНОРАР

Уважаемый товарищ![1] В ответ на ваш запрос сообщаю, что литературную работу я начал рано — лет двадцати. Меня влекла к ней природная склонность, поводом по-

[23] Там же. Л. 13–17. Еще три рассказа («Нефть», «Улица Данте» и «Фроим Грач») были переданы Бабелем Горькому для следующего выпуска альманаха «Год XVII» перед отъездом последнего из Италии в мае 1933 года.

[24] В настоящее время находится в частном собрании (Москва).

[25] *Боровой Л. Я.* Подарок // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 202.

[26] Обе авторские даты вряд ли могут считаться достоверными, нам важно подчеркнуть, что Бабель сам указал на более позднее происхождение краткого варианта рассказа.

служила любовь к женщине по имени Вера. Она была проституткой, жила в Тифлисе и среди своих подруг слыла деловым человеком. Она поучала молоденьких, брала в заклад вещи и торговала при случае[2] в компании с персами на Восточном базаре. Каждый вечер выходила она на Головинский[3] и, рослая, белолицая, плыла впереди толпы, как плывет богородица на носу рыбачьего баркаса. Я крался за нею безмолвно, копил деньги и, собрав 20 рублей, решился наконец. Вера спросила с меня 10 рублей. Я согласился. Она взяла меня под руку, прижалась плечом и забыла обо мне.[4] В харчевне, где мы ели люля-кебаб, разгоревшись от волнения, Вера[5] убеждала кабатчика расширить торговлю и переехать на Михайловский проспект; из харчевни мы отправились к сапожнику, чтобы взять у него из починки башмаки, потом она оставила меня на улице одного и пошла к подруге, жене чиновника, у которого были крестины в тот день.[6] Было 12 часов ночи, когда мы пришли в гостиницу, но и там у нее нашлись нескончаемые дела.[7] Какая-то старушка снаряжалась в путь, к сыну в Армавир. Вера тискала коленями ее чемоданы, увязывала ремнями подушки, заворачивала пирожки в масляную бумагу. Старушка[8] с рыжей сумкой на боку и в газовой шляпенке ходила по номерам прощаться. Она шаркала по коридору резиновыми ботиками, всхлипывала и улыбалась всеми морщинами. Час ушел на проводы.[9] Я ждал Веру в ее номере, заставленном трехногими креслами, с глиняной печью и сырыми углами в разводах. Передо мной в пузырьке, наполненном[10] молочной жидкостью, умирали мухи, каждая умирала по-своему. Чужая жизнь шаркала в коридоре и разражалась хохотом. Вера вошла и прикрыла за собой дверь.[11]

— Сейчас сделаемся, — сказала она.[12]

Приготовления ее были похожи на приготовления доктора к операции. Она зажгла керосинку, поставила на нее кастрюлю с водой, потом перелила согревшуюся воду в кружку, от которой отходила белая кишка. Она бросила кристалл в кружку и стала стягивать с себя платье...

— Проводили Федосью Маврикиевну, — сказала Вера, — поверишь, она нам как родная была... Старушка едет,[13] ни попутчика, никого...

Вера легла и потянула меня к себе. Большая женщина с опавшими плечами лежала передо мной. Расплывшиеся соски слепо уставились на меня. Я не двинулся с места.

— Что сидишь невесел, — сказала Вера, — или денег жалко?..[14]

— Моих денег не жалко...

— Почему так — не жалко... Или ты вор?..

— Я не вор, я мальчик...

— Вижу, что не корова, — пробормотала Вера и зевнула. — Глаза ее слипались, она снова потянула меня к себе.[15]

— Мальчик, повторил я, — мальчик у армян... — И похолодел от внезапности моей выдумки. Отступать было невозможно, тогда я рассказал[16] случайной моей спутнице историю мальчика у армян.

— Мы жили в местечке Алешки Херсонской губернии, — придумал я для начала, — отец мой работал чертежником, делал все для того, чтобы дать нам, детям, образование, но мы пошли в мать, лакомку и хохотунью. С 10 лет[17] стал я воровать у отца деньги, подросши, убежал в Баку, к родственникам матери. Они познакомили меня с армянином Степан Иванычем,[18] я сошелся с ним, и мы прожили вместе четыре года...

— Да тебе лет-то сколько было тогда?..

— Пятнадцать...

Вера ждала злодейства[19] от армянина, развратившего меня. Тогда я сказал: мы прожили четыре года. Степан Иваныч оказался[20] доверчивым человеком, всем приятелям верил за[21] слово. Мне бы изучить ремесло за эти четыре года, но у меня было другое на уме — биллиард...[22] Приятели разорили Степан Иваныча. Он выдал им бронзовые векселя, приятели предъявили их ко взысканию...[23]

Сам не помню, как взбрели мне на ум бронзовые векселя, но я сделал правильно, упомянув о них. Вера поверила всему, услышав о векселях.[24] Она закуталась в шаль, красный платок заколебался на ее плечах.

— Степан Иванович разорился. Его выгнали из квартиры, мебель продали с торгов. Он поступил приказчиком на выезд, я не стал жить с ним, с нищим, и перешел к богатому старику, церковному старосте...

Церковный староста — это было украдено у какого-то писателя, выдумка ленивого сердца, тогда, чтобы поправиться, я вдвинул астму в желтую грудь старика, припадки астмы, сиплый свист удушья... Старик вскакивал по ночам и дышал со стоном в бакинскую керосиновую ночь. Он скоро умер. Родственники прогнали меня. И вот я в Тифлисе с 20 рублями в кармане. Номерной гостиницы, в которой я остановился, обещал мне богатых гостей, но пока он приводит духанщиков...[25] И я стал молоть о духанщиках, о грубости их и корыстолюбии вздор, слышанный мною когда-то... Жалость к себе разрывала мое сердце, гибель казалась близкой. Я замолчал и отвернулся. История моя была кончена. Керосинка давно потухла.[26] Вода закипела и остыла. Женщина неслышно подошла к окну.[27] Передо мной двигалась ее спина, мясистая и печальная.

— Чего делают, — прошептала она, — боже, чего делают...[28]

Она протянула голые руки и развела створки окна.[29] В квадрате его[30] уходил каменистый подъем, кривая турецкая уличка. Остывающие камни посвистывали на улице. Запах воды и пыли шел от мостовой...

— Значит стерва, наша сестра — стерва?..

Вера обернулась ко мне. Рубаха косым клочком лежала на ней.

— Ну, а баб ты знаешь?

Я понурился.[31]

— Откуда мне их знать, кто меня допустит...

— Чего делают, — повторила Вера, — боже, чего делают...

Теперь мне хочется спросить вас, видели ли вы, товарищ, как рубит[32] деревенский плотник избу для своего собрата плотника, как споро, сильно и счастливо летят стружки, прочь от обтесываемого бревна...

В ту ночь тридцатилетняя женщина обучила меня немудрой своей науке. Я испытал в ту ночь любовь, полную терпения и труда, я услышал[33] слова женщины, обращенные к женщине.

Мы заснули на рассвете. Нас разбудил жар наших тел. Мы пили чай на майдане, на базаре старого города. Мирный турок налил нам из завернутого в полотенце самовара чай багровый, как кирпич, дымящийся, как только что пролитая кровь. Караван пыли летел на Тифлис — город роз и бараньего сала. Пыль заносила малиновый костер солнца. Тягучий крик ослов смешивался с ударами котельщиков. Турок подливал нам чаю и на счетах отсчитывал баранки. Когда испарина бисером обложила меня, я поставил стакан донышком вверх и, расплачиваясь с турком, подвинул к Вере две золотые пятирублевки. Полная ее нога лежала на моей ноге. Она отодвинула деньги.

— Расплеваться хочешь?

Нет, я не хотел расплеваться. Мы уговорились встретиться вечером, и я положил обратно в кошелек два золотых — мой первый гонорар.

1930 г.

[1] *Уважаемый товарищ!*: Этой фразы нет.

[2] *среди своих подруг <...> при случае*: слыла среди своих подруг деловой женщиной: брала в заклад вещи, покровительствовала начинающим и при случае торговала (л. 1).

[3] *Головинский*: Головинский проспект (л. 1).

[4] *и, собрав <...> плечом*: и, наконец, решился. Вера запросила десять рублей, прижалась ко мне мягким, большим плечом (л. 1).

[5] *Вера*: она (л. 1).

[6] *к сапожнику <...> были крестины*: к сапожнику за туфлями, потом, оставив меня одного, Вера пошла к подруге, у которой были крестины (л. 2).

[7] *Было <...> дела*: В двенадцатом часу ночи пришли мы в гостиницу, но и там нашлись дела (л. 2).

[8] *чемоданы, <...> сумкой*: чемоданы, заворачивала в масляную бумагу пирожки. Старуха с рыжей сумкой (л. 2).

[9] *Час ушел на проводы*: Этой фразы нет.

[10] *Передо мной <...> наполненном*: В пузырьке, наполненном (л. 2).
[11] *по-своему. <...> дверь*: по-своему; чужая жизнь шаркала и разражалась хохотом в коридоре. Прошла вечность, прежде чем явилась Вера (л. 2).
[12] *сказала она*: сказала она и прикрыла за собой дверь (л. 2).
[13] *Старушка едет:* Старушка одна едет (л. 3).
[14] *Вера легла <...> денег жалко*: В постели, слепо уставившись в меня расплывшимися сосками, лежала большая женщина с опавшими плечами. / — Что сидишь невесел, — спросила Вера и потянула меня к себе, — или денег жалко (л. 3).
[15] *Вижу, <...> меня к себе*: Вижу, что не корова, — зевнув, сказала Вера. Глаза ее слипались (л. 3).
[16] *Отступать <...> рассказал*: Отступать было некуда, и я рассказал (л. 3–4).
[17] *Мы жили <...> С 10 лет*: Мы жили в Алешках Херсонской губернии, — придумано было для начала, — отец работал чертежником, пытался дать нам, детям, образование, но мы пошли в мать, картежницу и лакомку. Десяти лет (л. 4).
[18] *Иванычем*: Ивановичем (л. 4).
[19] *злодейства*: злодейств (л. 4).
[20] *мы прожили <...> оказался*: мы прожили с ним четыре года. Степан Иванович оказался (л. 4).
[21] *за*: на (л. 4).
[22] *Мне бы <...> биллиард*: Мне бы ремесло изучить за эти годы, но у меня на уме одно было — биллиард (л. 4).
[23] *бронзовые <...> взысканию*: бронзовые векселя, векселя предъявили ко взысканию (л. 4–5).
[24] *Сам <...> услышав*: Как взбрели мне на ум бронзовые векселя — кто знает? — но я сделал правильно, упомянув о них. Женщина всему поверила, услышав (л. 5).
[25] *гостиницы, <...> духанщиков*: гостиницы, где я остановился, обещал богатых гостей, но пока он приводит одних духанщиков (л. 5–6).
[26] *керосинка давно потухла*: керосинка потухла (л. 6).
[27] *подошла к окну*: прошла по комнате (л. 6).
[28] *она, <...> делают*: она и развела створки окна, — боже чего делают (л. 6).
[29] *Она протянула голые руки и развела створки окна*: Этой фразы нет.
[30] *его*: окна (л. 6).
[31] *Значит, стерва <...> Я понурился*: Этого отрывка нет.
[32] *делают, <...> рубит*: делают, — сказала Вера — боже, чего делают... / Я прерву здесь рассказ, для того чтобы спросить вас, товарищ (л. 6–7).
[33] *полную терпения и труда, я услышал*: полную терпения и услышал (л. 7).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-239-250

© *А. А. Кобринский*

«ДОРОГОЙ НИКАНДР АНДРЕЕВИЧ...»: К БИОГРАФИИ Н. А. ТЮВЕЛЕВА

В работах, посвященных истории и поэтике русского авангарда, давно общим местом стали попытки выявить линии русской и мировой литературной традиции, которые развивал и продолжал Д. Хармс, а также степень его влияния на последующую русскую литературу, разумеется, периода 1960-х годов и далее, исключением можно назвать только несколько работ, в которых ставится вопрос об ориентации на творчество Хармса его современника Геннадия Гора.[1] Считалось, что практически полное отсутствие напечатанных при его жизни текстов (за исключением детских произведений)

[1] См., например: *Муждаба А.* 1) «Вмешательство живописи» Геннадия Гора: карикатура или автопортрет? // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. СПб.; Kaukolempiälä (Цвелодубово), 2012. С. 255–265; 2) Поэзия Геннадия Гора // Геннадий Гор. Стихотворения 1942–1944. М., 2012. С. 11–22; *Ласкин А.* Квадратура Гора // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 38. С. 253–268.

Ил. 1. Н. А. Тювелев. Фотография из студенческого дела (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Ед. хр. 765; оборот обложки дела)

не позволяет говорить о его влиянии на литературу вплоть до появления таких публикаций в 1950-е годы и одновременного возникновения «самиздатских» сборников.

Между тем рядом с Хармсом в конце 1920-х — начале 1930-х годов был поэт, который практически открыто ориентировался как на его поэтику, так и на авангардное бытовое поведение и которого многие называли его учеником. Так получилось, что некоторые из сохранившихся воспоминаний современников о стихах Никандра Андреевича Тювелева были вполне комплиментарными, но о самом поэте до настоящего времени практически ничего не известно.

Н. Харджиев так вспоминал о Тювелеве в своих заметках: «У Хармса был последователь Никандр Тювелев, писавший недурные стихи. Коренастый, сильный, красивый парень. Говорил, что хотел бы быть единственным в стране поэтом: тогда бы его все боготворили. Он был арестован и, по всей вероятности, расстрелян».[2]

«...Почти ничего не известно об „ученике Хармса“ Н. Тювелеве, следы которого искал покойный Л. Чертков (в друскинском архиве есть лист с его черновиками)», — пишет М. Мейлах в своих заметках о «персонажах из чинарско-обэриутского окружения».[3] И действительно, следов в архивах не находилось. А. Дмитренко в процессе подготовки комментария к тóму «Даниил Хармс глазами современников» ввел в научный оборот две статьи из ленинградских студенческих газет 1929 года, где весьма критически описывались похождения студента ЛГУ Тювелева (о них ниже), однако в его комментариях также содержатся неточности и ошибочные предположения, вызванные все теми же причинами — отсутствием каких бы то ни было источников по биографии Тювелева.

Причины неудач архивных поисков кроются в том, что от рождения фамилия Никандра Андреевича была не Тювелев, а Тювилев. В связи с чем он решил изменить в ней одну букву, неясно, но это произошло к концу его учебы в университете, ориентировочно — в 1929 году. Поступал же он в ЛГУ именно как Тювилев, его личное студенческое дело сохранилось в архиве[4] и дает нам возможность раскрыть ранее неизвестные факты его биографии.

Никандр Андреевич Тювилев родился 1 ноября 1902 года[5] в селе Сурадеево Княгининского уезда Бутурлинской волости Нижегородской губернии[6] в семье крестьянина Андрея Андреевича Тювилева и его жены Хионии Михайловны. Из анкет мы узнаем, что его мать была 1862 г. р. У Тювелева также была младшая сестра 1910 г. р. (л. 10 об.). О бедности семьи можно судить также по его студенческой анкете. В ней же в 1928 году

[2] Цит. по: *Мейлах М. Б.* Поэзия и миф: Избр. статьи. 2-е изд. М., 2018. С. 1010 (Studia philologica).

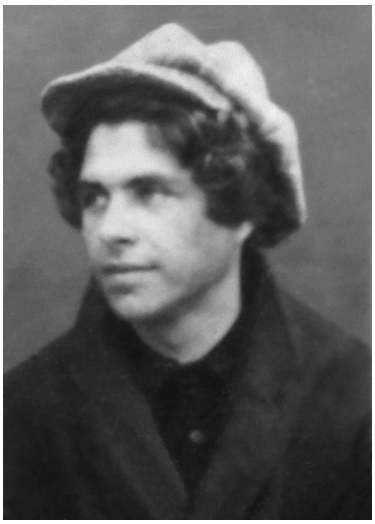
[3] Там же. С. 631.

[4] ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Ед. хр. 765. В дальнейшем ссылки на указанную единицу хранения приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа.

[5] До настоящего времени год рождения Тювелева предположительно указывался как 1905 (*Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 ч. / Сост. В. Сажина и Ж.-Ф. Жаккара; прим. В. Сажина. СПб., 2002. Ч. 2. С. 390; Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / Под ред. А. Дмитренко и В. Сажина. СПб., 2019. С. 511 и др.), что неверно. Таким образом, он не ровесник Хармса, а был на три года его старше.

[6] В студенческих анкетах Тювелев указывает местом рождения Сергачский уезд, это было связано с тем, что в 1923 году Княгининский уезд был разделен и село Сурадеево на момент заполнения анкет оказалось уже в Сергачском уезде.

Тювелев сообщал, что до 1917 года у семьи был один душевой надел земли и корова, к 1921 году количество земли увеличилось до надела для «двух едоков», т. е. примерно полторы десятины, однако после 1921 года коровы уже не было. По состоянию на 1928 год мать продолжала жить в деревне, принадлежащий ей земельный надел не изменился, однако она сдавала его в обработку, так как из-за отсутствия своей лошади самостоятельно обрабатывать землю было невозможно (л. 19 об.).[7]



Ил. 2. Н. А. Тювелев. Фотография из студенческого дела (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Ед. хр. 765. Л. 22 об.)

Тювелев вступил в комсомол (был ответственным секретарем первичной ячейки). Проявлял заметную общественную активность, и с 1919 по 1923 год был даже членом сельсовета в Сурадееве.[8] Переехал в Нижний Новгород, где поступил на рабфак Нижегородского университета.[9] Одновременно работал портным в частной швейной мастерской и на государственной фабрике «Промшвей» — очевидно, для заработка. В 1925-м был принят кандидатом в члены ВКП(б) (однако по описываемым ниже причинам в партию в то время принят не был). Впоследствии он укажет, что считал себя портным по основной профессии до поступления в вуз.

Рабфак Тювелев окончил в 1926 году («по биологическому уклону»), получив направление для поступления в Ленинградский университет. В том же 1926 году он приехал в Ленинград и без особых проблем (без «проверочных испытаний» — в счет квоты мест для выпускников рабфаков) поступил на факультет языкознания и материальной культуры (так называемый «Ямфак»).[10]

Поскольку с документами и направлением у него все было идеально, Тювелева поселили в университетском общежитии по адресу: Мытнинская наб., д. 5/2, комн. 187 (затем — 67) — или «на Мытне», как для краткости говорили студенты. Летом 1927 года он находился на двухмесячных сборах в Красной армии.

Тогда же, в университете, началось увлечение Тювелева поэзией. Примерно в первые месяцы 1929 года он знакомится с Хармсом — и это знакомство стало переломным для его личностного и творческого развития. С этого момента он пишет достаточно «обэриутские» стихи (несколько дошедших до нас стихотворений это вполне подтверждают) и открыто ориентируется на поэтику Хармса. Но пожалуй, не менее важными оказались возникшие личные дружеские отношения и попытки Тювелева перенять и развить блестящие хармсовские импровизации, «хэппенинги», которые были широко известны в ленинградской культурной среде и о которых осталось немало мемуарных свидетельств. Некоторые из них Тювелев разыгрывал со своим «учителем». В воспоминаниях Г. Гора приводится такой эпизод: «Однажды я стал свидетелем такой сцены. Хармс вместе с Никой Тювелевым вошли в кондитерский магазин фирмы знаменитого в те годы нэпмана Лора. Ника Тювелев упал на колени перед элегантно одетым, похожим на иностранца Хармсом и на тарабарском, тут же созданном языке стал клянчить, умолять, чтобы Хармс купил ему лоровское

[7] В деле также имеется справка о том, что хозяйство, в котором он проживал на родине, в 1928–1929 годах освобождено от уплаты 3 рублей 70 копеек налога «по случаю бедного состояния» (л. 16).

[8] В одной из анкет он утверждает, что с 1921 по 1923 год был председателем сурадеевского сельсовета (л. 17 об.).

[9] Тювелев писал, что был секретарем профсекции рабфака (л. 19).

[10] Как указано в справке, находящейся в личном деле, «Цикл Восточной Европы (уклон литературный)» (л. 33).

пирожное. Собралась толпа, привлеченная сценой, вырванной из того не написанного, но сыгранного романа, который Хармс создавал не на бумаге, а в жизни».[11]

Однако попытка Тювелева устроить собственную акцию в театре Сатиры с переодеванием и чтением стихов, которой предшествовала весьма традиционная для Хармса «прогулка по Невскому» в переодетом виде,[12] обернулась скандалом. При этом так получилось, что этот скандал наложился на другой — когда он вместе со своим приятелем, также студентом ЛГУ Н. А. Бугровым (который был старше Тювелева на два года) попал в милицию за пьяный дебош в магазине. Результатом последней истории стало письмо, направленное 15 октября 1929 года в ЛГУ из административной комиссии Центрального района Ленинграда, в котором руководство университета извещалось о том, что «вашим студентам БУГРОВУ Ник. Ал-ровичу 1900 г. и ТЮВЕЛЕВУ Никандру Андреевичу постановлением комиссии от 1/X № 14779 вынесено предупреждение за скандал с площадной руганью и др. хулиганские выходки в магазине, будучи в нетрезвом виде» (л. 12).

Неприятности на этом не закончились: почти одновременно Тювелев стал героем двух публикаций в ленинградской студенческой печати. В этих публикациях, благодаря которым мы узнаем некоторые подробности его авангардных «акций», по обычаям того времени содержались политические обвинения и призывы к жестким «оргвыводам». Кроме того, к его несчастью, к 1929 году дискуссии о литературно-художественной богеме (особенно в молодежной среде), распространенные еще несколькими годами ранее, уже прекратились, а само явление уже окончательно заняло свое место по соседству с такими понятиями, как «хулиганство», «мещанство», «анархизм», «упадничество», т. е. глубоко вредными и реакционными с точки зрения ценностей пролетарской революции. Не случайно именно в 1929 году выходит статья В. Фриче в «Литературной энциклопедии», посвященная богеме, где вся эта тематика объявляется реакционной уже практически официально.[13]

«Кабацкие лавры Есенина[14] и раннего Маяковского некоторым мелкобуржуазным юношам не дают покою — так начиналась статья Амбы «Гнилой аромат богемы...» в газете «Ленинградский студент» (под псевдонимом «Амба» скрывалась будущий драматург Надежда Яковлевна Гольдберг). — Взятый в тиски пролетарской диктатуры, мелкий буржуа бесится. Он кричит о своей „свободной душе“, „свободных порывах творчества“ и т. п. вещах. Пролетарское общество не желает ни читать, ни портить бумагу на издание мелкобуржуазных и кабацких поэтов и поэтиков. Но они жаждут славы. Жаждут известности, какой бы ценой эта известность ни была куплена».[15]

---

[11] *Гор Г.* Замедление времени // Даниил Хармс глазами современников. С. 229. В 1920-е годы в Ленинграде существовал целый ряд кафе-кондитерских, принадлежавших семейству Лор. Возможно, в данном случае речь идет о кафе на Невском пр., д. 44.

[12] См., например, описание прогулки по Невскому, предложенной Хармсом в 1924 году Э. Мельниковой (урожд. Изигкейт): она должна была быть одета няней — в переднике и косынке и вести Хармса за руку — с висящей на шее соской (*Мельникова Э. Э.* «Вполне прилично» // Глоцер В. И. Вот какой Хармс! Взгляд современников. М., 2012. С. 23–25).

[13] *Фриче В.* Богема // Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 1. Стлб. 534–535. См. об этом также: *Яковлева Н.* Богема и ее герои в русской литературе // Varietas et Concordia. Essays in Honor of Pekka Pesonen. Helsinki, 2007 (Slavica Helsingiensia; vol. 31). Многие молодые поэты, начинавшие в «богемной» среде, на рубеже 1920–1930-х годов принялись публично «каяться и отмежевываться», ср. характерные строки В. Эрлиха, близкого друга С. Есенина: «Я пил твое вино, я ел твой хлеб, богема. / Осиновым колом плачу тебе за то» («Между прочим», 1931; цит. по: *Эрлих В.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1963. С. 47).

[14] Скорее всего, Тювелев действительно осознанно или неосознанно воспроизводил некоторые модели бытового поведения, присущие сохранившемуся в массовом сознании образу Есенина. Возможно, что на это влияло и не до конца еще ушедшее к 1929 году восхищение Есениным, свойственное Хармсу в 1925–1926 годах и передавшееся «ученику». При этом Тювелев явно «эксплуатировал» свою яркую внешность (ср. ниже в мемуаре Г. Гора: «кудрявый, как Лель», «рослый красавец»), также отсылающую к Есенину.

[15] *Амба* [Гольдберг Н. Я.]. Гнилой аромат богемы. Пьяные ухари срывают работу литературной ассоциации ЛГУ // Ленинградский студент. 1929. 7 нояб. № 2. С. 4.

Установив «литературные корни» своего персонажа, автор статьи переходит непосредственно к характеристике его личности: «Тювилев по университету известен как поэт — выразитель наиболее реакционных настроений, имеющих в своей основе кулацкие переживания. Творчество Тювилева неизменно подвергается резкой критике со стороны пролетарской части студенчества. Идеология Тювилева чужда, и он не имеет поклонника, за исключением своего оруженосца Бугрова. Отсюда его „скука“ и желание бить стекла, чтобы хоть этим обратить на себя внимание.

И эта двойка создает систему хулиганства как средство к достижению скандальной известности. Целый ряд отвратительных хулиганских поступков, проделанных этими личностями за последнее время, подтверждает наше положение. Беспробудная пьянка, дебош на вечере Маяковского, целый ряд мелких дебошей и, как венец „славы“, скандальные похождения в театре Сатиры, когда Тювилев одел юбку, размалевал лицо под женщину и попытался в фойе театра прочесть свои стихи».[16]

Заканчивалась статья намеками на то, что в ЛАУ (Литературной ассоциации университета), членом которой был Тювелев, имеются люди, сочувствующие ему и втайне им восхищающиеся. Автор статьи вспоминает в связи с этим историю с недавним распространением в главном коридоре университета листовок в поддержку «контрреволюционного выступления Пильняка» и настаивает на более решительной борьбе ЛАУ со «струей отъявленной мелкобуржуазной идеологии». Самого же Тювелева с Бугровым «некоторые товарищи» справедливо требуют исключить из советского вуза.[17]

Этим дело не ограничилось: в тот же день появилась и другая публикация, посвященная Тювелеву — в газете «Студенческая правда»: «На днях два члена ЛАУ Тювелев[18] и Бугров, переодевшись в женское платье, в обществе какой-то неизвестной девицы отправились гулять на Невский. Однако простое гулянье не удовлетворило жаждавших „подвига“ поэтов.

Каким-то образом они попали в театр „Сатиры“ и там, в фойе, стали декламировать свои стихи. Для большего эффекта Тювелев надел на голову калошу. Как он сам хвастался, их выступление имело „большой успех“.

И немудрено: вид этих мужчин, одетых в женское платье, и калоша на голове одного из них могли возбудить огромное любопытство у скучающих мещан из числа завсегдатаев театра „Сатиры“.

Последний подвиг в этот день совершен был Тювелевым и Бугровым в каком-то магазине, где они в пьяном виде устроили хулиганский скандал с самыми последними похабными словами (об этом сообщает в ун-т адм. комиссия райсовета ЦГР).

Тювелев объясняет свои выходки скукой, неудовлетворенностью жизнью, в которой он будто бы не может найти применения своим „блестящим способностям“. Он даже старается подвести под такие дела, как выступление в театре „Сатиры“, теоретическую базу:

— Вся современная литература контрреволюционна!

— Я задыхаюсь в здешней обстановке, я хочу полной свободы!

— Своими действиями я только желаю реализовать свою метафору, свой образ!»[19]

В отличие от статьи в «Ленинградском студенте», эта публикация завершалась гораздо более жесткими требованиями исключения Тювелева и Бугрова из ЛГУ, а их «акции» квалифицировались как «попытка протеста загнивших, впавших в индивидуализм личностей против пролетарской общественности».[20]

«Оргвыводы» последовали сразу. Разбор скандала, случившегося 1 октября 1929 года в театре Сатиры, а также двух публикаций в прессе происходил в профкоме факультета, который на своем заседании 6 ноября постановил исключить обоих из профсоюза

---

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] В отличие от статьи в «Ленинградском студенте», здесь фамилия Тювелева уже пишется через «е», видимо, именно в это время он изменил ее написание.

[19] *Горностаев В.* О господах, которым скучно на этом свете // Студенческая правда. 1929. 7 нояб. № 16. С. 4.

[20] Там же.

и обратиться в деканат факультета с предложением об их исключении также и из университета. Тювелев с Бугровым подали жалобу на это постановление в профком ЛГУ; в личном деле Тювелева сохранилось письмо, которое они с Бугровым направили в качестве объяснения своих действий:[21]

«В профком работников Л. Г. У.
от студентов ФИЛа[22]
Тювилева и Бугрова

Заявление.

Настоящим просим профком пересмотреть дело в связи с нашим исключением из университета. Наша просьба исходит из того, что тот материал, который профкомом имелся в виду, нисколько не соответствует действительности. Опубликованные фельетоны в газетах „Студ<енческая> правд<а>“ и „Ленингр<адский> ст<удент>“ о нашем „похождении“ в „театр Сатиры“ заполнены личной расценкой нашего поступка и, больше того, — изобретениями авторов. Оба фельетона — как тот, так и другой — содержат в себе исключительно коридорные сплетни.

Во-первых, там все смакуется пьянкой. На самом же деле, ничего подобного не было. Об этом могут сказать посторонние: В. Меркулов, С. Ершов, А. Падорка и др.

Извращен также и факт в магазине Ц. Р. К. В фельетоне „Студ<енческой> пра<вды>“ говорится, что случай в магазине Ц. Р. К. был нашим последним номером. На самом же деле, и этот случай происходил месяц тому назад до этого пресловутого похождения.

И сам факт, приписки нам Административной комиссией (случай в магазине Ц. Р. К.) как хулиганский мы считаем недоразумением. Для разъяснения последнего факта мы прилагаем соответствующую справку. Больше всего возмущает каждого, кто знает нас, что авторы фельетонов приписывают нас к мелкому буржуа. Что мы в своем творчестве организуем настроение кулаков и лавочников.

Наше социальное положение — крестьянские бедняки. Так же как тот, так и другой, предвузовскую подготовку получили на рабочем факультете. Наша творческая работа со всем этим глубоко и неразрывно связана.

Литературная Ассоциация нам никогда не приписывала того, что мы организуем кулацкие настроения. Это выдуманная ложь нечестного газетного работника.

За свой поступок мы наказаны исключением из Л. А. У. Постановление Л. А. У. мы считаем правильным и отвечаем письмом в редакцию „Студ<енческой> пр<авды>“, где так же резко осуждаем себя.

В остальном же, т. е. в тех раздутых сплетнях, которые служили в деле нашего исключения из Университета, как действительный материал, — мы просим профком разобраться.

18/XI.29. Тювилев, Бугров <подписи>» (л. 4–4 об.).

До этого поэты были исключены из университетской Литературной ассоциации,[23] причем этот факт был уже известен авторам статей в газетах. В. Горностаев пишет, что выступления двух поэтов на заседании Ассоциации были таковы, что «на перевоспитание и возвращение их в прежнюю среду надеяться бесполезно».[24]

---

[21] Орфография и пунктуация подлинника в документе сохранены.

[22] Т. е. историко-лингвистического факультета, в который в 1929 году был переименован Ямфак.

[23] Членство в Литературной ассоциации университета позволяло Тювелеву иметь хотя бы минимально признанный статус поэта и периодически выступать со своими стихами в школах и на заводах (л. 20).

[24] *Горностаев В.* О господах, которым скучно на этом свете. С. 4. Подборка публикаций на той же странице, посвященных Литературной ассоциации Университета, начиналась с письма в редакцию Геннадия Гора, входившего не только в ЛАУ, но и в рапповскую группу «Смена»

Профком ЛГУ просьбу о пересмотре решения факультетского профкома отклонил.[25] Однако студентам повезло: выяснилось, что из-за бюрократической несогласованности дело поэтов-дебоширов было доложено еще 6 ноября руководству университета, которое решило ограничиться строгим выговором с предупреждением о возможном отчислении. Это решение пересматривать не стали (л. 3, 12 об.). Письмо в «Студенческую правду», упомянутое Тювелевым и Бугровым в заявлении, в газете не появилось, но в январе 1930 года в этой газете была напечатана маленькая заметка, в которой сообщалось, что «Тювелев и Бугров <...> постановлением профкома ФИЛ'а исключались из университета. Исполбюро, признавая решение профкома принципиально правильным, но, принимая во внимание, что Тювелев и Бугров признали свои ошибки и что они выходцы из бедняцко-батрацкой среды, постановило вынести им строгий выговор с опубликованием в печати».[26]

О каком «дебоше» на вечере Маяковского сообщает автор «Ленинградского студента»? Воспоминания об этой «акции» оставил Геннадий Гор: «В конце двадцатых годов среди университетских поэтов появились „бунтари", которым даже Маяковский казался устарелым. Помню, как один такой „бунтарь", кудрявый, как Лель, потомок нижегородских богомазов, Никандр Тювелев послал Владимиру Владимировичу дерзкую записку. Маяковский улыбнулся и пригласил Тювелева на трибуну. Случилось нечто непостижимое: став рядом с Маяковским, рослый красавец Ника вдруг стал уменьшаться и оказался по плечо тому, кого он заподозрил в поэтическом консерватизме. Он сразу позабыл, что хотел сказать. Под смех всего зала вернулся на свое место, а Владимир Владимирович, как будто ничего не было, продолжал читать стихи. Потом долго виделась мне эта удивительная сцена, как вырастал на глазах Маяковский и как уменьшался кудрявый университетский Лель — Никандр Тювелев».[27]

Эпизод с Тювелевым на выступлении Маяковского несколько иначе описывает И. Эвентов, ошибочно датируя его 4 марта 1930 года (на самом деле речь, видимо, идет о вечере Маяковского в Ленинградском университете 20 октября 1929 года): «На одном из подоконников полусидел молодой человек в треухе, из-под которого торчали густые курчавые волосы, резко выделявшиеся на матово-бледном лице. Это был студент-стихотворец Никандр Тювелев; многие из присутствовавших знали его не столько по стихам, сколько по экстравагантным выходкам, в которых была немалая примесь мальчишества и позерства (незадолго до этого он прославился тем, что в фойе Театра сатиры — нынешнего Театра комедии — во время антракта взобрался ногами на стул и принялся читать стихи, привлекая к себе внимание публики). Маяковский едва начал говорить, как Тювелев стал подавать ему короткие грубые реплики, смысл которых до всех нас не сразу дошел. Одну и ту же фразу он повторял несколько раз, пока Маяковский не сделал паузу и не дал нам возможность услышать раздававшиеся с подоконника слова:

— Володимир, ты обобрал Велимира!

Наступила еще более длительная пауза, которую Маяковский прервал словами:

— Ну-ка, выйдите сюда, расскажите...

и учившегося на том же Ямфаке. Гор выражал протест против сопровождения публикации его рассказа «Иван» негативным комментарием редакции. Далее следовал большой и разносный ответ редакции, обвинявшей Гора в формализме и «чуждости пролетариату» и требовавшей «основательной проверки литературных кадров университета». «Это нужно сделать тем более быстро, — указывалось в статье, — что в ЛАУ, помимо Гора, окопались такие лица, как Тювелев, не только в творческом, но и в бытовом отношении враждебные нам» ([Б. п.]. Ответ Геннадию Гору // Студенческая правда. 1929. 7 нояб. № 16. С. 4). Эта полемика завершилась публикацией в мае 1930 года покаянного письма Гора.

[25] На заявлении Тювелева и Бугрова в профком вверху имеется резолюция: «Постановление профкома от 6/XI-29 оставить в силе. 2/XII-29» (л. 4).

[26] Решение Исполбюро по делу Тювелева и Бугрова // Студенческая правда. 1930. 14 янв. № 1–2. С. 8.

[27] *Гор Г.* Замедление времени. С. 228.

Тювелев тут же поднялся на эстраду, скинул шапку, стал что-то бормотать (до нас донеслось только «нахлебники Хлебникова»[28]) и сразу сник...

— Чего же вы хотите? — спросил Маяковский.

— Хочу читать стихи. Они не заимные, а свои...

— Давайте, — разрешил поэт.

И Тювелев, поднявшись на носки, начал. Но публика не пожелала его слушать. В зале поднялся шум, кто-то засвистел. Непрошеный чтец вынужден был удалиться в сопровождении еще одного студента и какой-то девицы. Маяковский развел руками — в знак своей непричастности к его поражению, — занял свое место на эстраде и снова овладел вниманием зала. Но было видно, что инцидент ему неприятен: в голосе появилась дрожь. Когда выступление кончилось, мы окружили поэта и пытались ему объяснить, что это не первая выходка нашего однокашника, снедаемого жаждою известности и славы».[29]

Как выше уже было сказано, знакомство Тювелева с Хармсом началось ориентировочно в 1929 году. Впервые его имя появляется в хармсовских записных книжках в мае этого года, тогда же Хармс фиксирует, судя по всему, прочтенное Тювелевым произведение «Златой вылаз» (не дошло до нас) и, видимо, по своему обыкновению, отмечает наиболее понравившиеся строки.[30] В январе 1930 года Хармс уже включает Тювелева (вместе с его «приятелем» — скорее всего, с Бугровым) в список участников планировавшегося выступления («силы к вечеру Обэриутов»[31]), а это уже означало существенное признание. О том, что Тювелев был внесен в специальный список кандидатов в «ОБЭРИУ», вспоминает и И. Бахтерев.[32] Особые отношения, сложившиеся у Хармса с Тювелевым, отразились и в составленном Хармсом в июне 1933 года списке «С кем я на ты?»: в нем всего 11 человек, и среди них упомянут Тювелев.[33]

---

[28] Тювелев ссылался на книгу: *Хлебников В.* Всем. Ночной бал. Альвэк. Нахлебники Хлебникова: Маяковский, Асеев / Обл. П. Митурича. М., 1927, — в которой И. С. Израилевич (псевд. Альвэк) обвинил Маяковского в том, что тот присвоил некоторые из рукописей Хлебникова и теперь печатает их под своим именем. Судя по всему, Тювелев воспроизводил скандал, устроенный самим Альвэком во время выступления Маяковского в Москве (см. об этом: *Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. С. 52–53). Возможно, он присутствовал на докладе Альвэка в Ленинграде 26 марта 1928 года (см. об этом: *Шишман С.* Несколько веселых и грустных историй о Данииле Хармсе и его друзьях. Л., 1991. С. 18–19 (с ошибкой в годе); *Аничков В.* Сапоги всмятку: диспут «Современное и новое искусство» // Вечерняя новая газета. 1928. 28 марта. № 85 (1755). С. 3).

[29] *Эвентов И. С.* Три поэта. В. Маяковский. Д. Бедный. С. Есенин: Этюды и очерки. Л., 1980. С. 204–205.

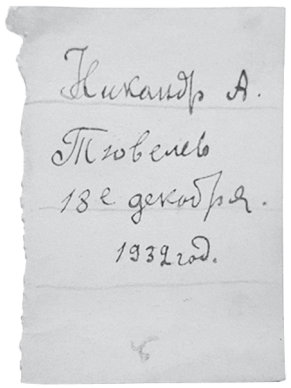
[30] *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Ч. 1. С. 295.

[31] Одна из неудавшихся попыток организации вечера под названием «Василий Обэриутов». См.: Там же. С. 320.

[32] *Бахтерев И. В.* Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 77. Бахтерев говорит о списке кандидатов в «Левый фланг», однако знакомство Хармса с Тювелевым состоялось, когда «Левого фланга» уже не существовало. Интересно, что в этот же список был включен и Гор.

[33] См.: *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Ч. 2. С. 8. Для Хармса переход на «ты» был знаком начала особых отношений с человеком, вот почему при его огромном круге знакомств список «С кем я на ты?» оказался столь небольшим. Ср. показания И. Андроникова во время допроса 20 декабря 1931 года по делу Детиздата (он был арестован вместе с Хармсом, Введенским и др., однако дело в отношении него было прекращено за недоказанностью): «И Хармс, и Введенский предложили в разных случаях, но в одинаковой форме перейти с ними на „ты“, причем в этот переход на „ты“ они вкладывали какое-то важное для них содержание. Хармс, например, сказал мне, многозначительно подчеркивая свои слова: „Я очень редко перехожу на «ты», но, если перехожу, то очень крепко“» («...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 565). Данный список оказывается последним упоминанием имени Тювелева в записных книжках и дневнике Хармса. Инициалы в записи Хармса, сделанной в начале 1934 года: «73-56 Н. А. Т.» (*Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Ч. 2. С. 88), расшифрованы Сажиным как «Никандр Андреевич Тювелев» ошибочно. Данный номер телефона принадлежал звукорежиссеру Николаю Андреевичу Тимофееву, проживавшему на 3-й Советской ул., д. 4.

Немаловажно и то, что Тювелев оказался среди довольно ограниченного круга людей, отношения с которыми у Хармса начались в 1920-е годы, до ссылки, и продолжились после нее. Хармс фиксирует в дневнике визит к нему Тювелева 7 декабря 1932 года. Судя по всему, это был первый визит после возвращения из Курска, во всяком случае, Хармс записывает новые для него сведения о жизни бывшего «поэта-бунтаря»: «Он занимается математикой и немецким языком».[34] В одной из записных книжек Хармса также сохранилась вложенная рукописная визитная карточка Тювелева: «Никандр А. Тювелев. 18[e] декабря. 1932 год».



Ил. 3. Рукописная визитка Н. А. Тювелева, вложенная в записную книжку Д. Хармса (РНБ. Ф. 1232. Оп. 2. Ед. хр. 750. Л. 45)

Самым последним упоминанием Хармсом имени Тювелева стало обращение в прозаическом рассказе в форме письма, датированного «5 сентября и октября 1933»: «Дорогой Никандр Андреевич...». Он входит в широкий контекст шуточных писем первой половины 1930-х годов, написанных Хармсом как до ссылки, так и в Курске и после него, большинство из них были действительно направлены адресатам: А. Введенскому, Т. Липавской (Мейер), К. Пугачевой и др. В них Хармс моделирует различные виды авторского «я», чаще всего — демонстрирующие комический разрыв между описываемыми реалиями и уровнем их восприятия. Что же касается текста «Дорогой Никандр Андреевич...», то в нем этот разрыв возникает на уровне самого развития повествования, когда в результате специфической афазии автор забывает то, что он только что говорил, воспроизводя раз за разом одни и те же языковые конструкции, и, таким образом, он оказывается не способен преодолеть отправную точку сюжета, постоянно к ней так или иначе возвращаясь. Возможно, что в этом письме (судя по всему, оно существовало именно в форме рассказа, не будучи посланным, как другие, адресату) Хармс в наибольшей степени отразил определенные черты сознания «естественных мудрецов», которых он собирал вокруг себя.

В архиве Хармса сохранилось несколько автографов Тювелева, и среди них — два его неоконченных стихотворения «Жалобная книга» и «Вы ходите теперь не те...», а также трехстрочный черновой фрагмент «Важно открою семнадцатый век...» (РНБ. Ф. 1232. Оп. 1. Ед. хр. 431). Свиток (длинная красная бумажная лента) со стихотворением Тювелева «Молитва перед торговкой», написанным в июле 1931 года, был подарен автором Хармсу и висел у него в комнате, пока Хармс, в свою очередь, не подарил его Харджиеву. В 1983 году С. Сигей (Сигов) опубликовал «Молитву перед торговкой» по принадлежащему Харджиеву автографу в журнале «Транспонанс»:

Молитва перед торговкой

Мария ты мельница
Мытарю дай меч
Мария ты сенница
Сытому дай сечь
И я отсеку носы
Людям и будкам
И уйду честным как весы
К малюткам

[34] *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Ч. 2. С. 216. Немецкий язык Тювелев до этого изучал в университете (л. 25 об.).

Мария колода моя
Мария церковь моя
Мария собор
Мария мешок цветов
Мария город венков
Мария пирог небес
Мария топор.

Открой мне Мария мельницу
покажи мне ножку
положи мне мельницу в ложку
пекарю дай ружье
писателю дай хлеба
учителю дай утюг
а мытарю небо

Мария!
ты колокольня огня
Мария,
ты брюха мотив
Мария,
ты против меня
кооператив.

Июль 1931[35]

Таким образом, от всего творческого наследия Тювелева сохранилось всего три стихотворения, из которых «Молитва перед торговкой» представляется наиболее интересным, поскольку оно не только несет на себе явные следы влияния хармсовской поэтики (прежде всего, конечно, «серенады» Хармса 1927 года «Выходит Мария, отвесив поклон...»), но и, видимо, в свою очередь повлияло на возникновение у Хармса вуайеристско-эротического мотива, связанного со «сладострастной торговкой» (см. одноименное стихотворение 1933 года). Не исключено также, что «кооперативная» тематика стихотворения Тювелева вызвала впоследствии к жизни хармсовский рассказ «Кассирша», имевший первоначальный вариант названия «Маша и Кооператив». Разумеется, «Молитву перед торговкой» следует рассматривать также и в контексте жанра литературных молитв Хармса, который стал для него особенно актуальным в 1931 году (см. включенную в название дату написания одной из самых известных молитв: «Молитва перед сном 28 марта 1931 года в 7 часов вечера»).[36]

[35] *Тювелев Н.* Молитва перед торговкой // Транспонанс. 1983. № 17. С. 93–94. «Указание, что это стихотворение было *переписано Даниилом Хармсом* (Там же. С. 96), ошибочно, — замечает В. Эрль. — Случайно или нет, но почерки Тювелева и Хармса удивительно схожи. Надо также учесть, что, переписывая для Хармса свое стихотворение, Тювелев, вероятно, вольно или невольно подражал так называемым „калиграммам“ Хармса, выполненным в то же время, — в частности, я имею в виду автограф Хармса „На сиянии дня месяца июня...“. Кроме того, естественно для гостя, но никак не для хозяина указывать под текстом место записи стихотворения (под текстом «Молитвы...» указан адрес Хармса)» (*Эрль В.* С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов. СПб., 2011. С. 39).

[36] О литературных молитвах Хармса см., например: *Топорков А. Л.* Из истории литературных молитв // Этнолингвистика малых форм фольклора: Тезисы. М., 1988. Ч. 2. С. 29–30; *Шукуров Д. Л.* Опыт деконструкции стихотворных текстов-молитв Даниила Хармса // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. № 4. С. 366–377; *Рябкова О. В.* Жанр молитвы в поэзии Даниила Хармса // Дергачевские чтения — 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 201–205; *Судник Д. М.* Стихотворные молитвы Даниила Хармса периода творческого кризиса // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: В 3 ч. Минск, 2021. Ч. 2. С. 280–283.

Наконец, теперь уже невозможно сомневаться в том, что персонаж по имени Никандр, появляющийся в стихотворной сценке Хармса «Вода и Хню» (1931) — действительно является прямой отсылкой к Н. Тювелеву:

Хню (молча):
Да. Это я.
А вот мой жених Никандр.

Никандр:
Люблю, признаться, вашу дочь.
И в этом вас прошу помочь
мне овладеть ее невинностью.
Я сам Бутырлинского края,
девиц насилую, играя
с ними в поддавки.
А вам в награду, рыбачок,
я подарю стальной сачок
и пробочные поплавки.

Рыбак:
Шпасибо, шпасибо!

Никандр:
Лови полтину![37]

До настоящего времени происхождение Никандра из «Бутырлинского края» никак не могло комментироваться, но теперь его прототипические связи с Н. Тювелевым становятся очевидными: хармсовский «ученик» родился именно в Бутурлинской волости. Кроме этого, в сценке содержатся иронические отсылки к любвеобильности Тювелева. Наконец, в тексте также присутствует явная ироническая контаминация Бутурлинской волости и Бутырской тюрьмы.

Последним по хронологии документом в университетском личном деле Тювелева оказывается заявление в студенческий отдел ЛГУ на клочке бумаги, датированное 9 сентября 1931 года, в котором он сообщает, что в 1930 году, 14 мая, он окончил университет[38] и теперь просит выдать ему документы для представления их в Институт речевой культуры,[39] куда он собирается поступать «в асперантуру» (так! — *А. К.*) (л. 1). Однако, судя по всему, он туда поступать не стал или не поступил, во всяком случае, в списках аспирантов Института речевой культуры начала 1930-х годов имя Тювелева не значится.[40]

Информация Харджиева об аресте Тювелева и о возможном его расстреле, упомянутая в начале данной статьи, также не нашла подтверждения.[41] Согласно ответам архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также Центрального

[37] *Хармс Д.* Полн. собр. соч. СПб., 1997. Т. 1. Стихотворения, переводы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. В. Н. Сажина. С. 195.

[38] Сохранившийся в студенческом деле матрикул дает возможность получить представление об уровне полученного им образования. Так, к примеру, в 1930 году он прослушал курс поэтики и отдельный по ней семинарий у Б. Томашевского (л. 26).

[39] Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков запада и востока Ленинградского государственного университета, существовавший с 1921 года; в 1930-м был преобразован в Государственный институт речевой культуры. Впоследствии, в 1933 году, институт был ликвидирован, а на основе его языкового сектора создан Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания.

[40] См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 302. Оп. 1. Ед. хр. 39, 67; а также: Оп. 2 (личный состав института), и др.

[41] К сожалению, указание на арест и вероятный расстрел Тювелева по делу ленинградского «Перевала» попало и в нашу публикацию 1990 года: Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ., вступ. статья, комм. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее. Paris, 1991. Вып. 11. С. 564.

архива ФСБ РФ и информационного центра УМВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, архивных уголовных дел в отношении Н. А. Тювелева (Тювилева) не имеется. Зато Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО) позволил в значительной степени прояснить позднейшую судьбу поэта. Оказалось, что он благополучно дожил до войны, а 13 декабря 1941 года был призван в армию военкоматом Автозаводского района г. Горького в звании рядового и прошел всю войну. Таким образом, не став аспирантом Института речевой культуры, Тювелев уехал из Ленинграда в Горький (Нижний Новгород), где он в свое время учился на рабфаке, и жил там до призыва в армию.

Воевал на 2-м и 3-м Белорусском, а также на 1-м и 2-м Прибалтийском фронтах. В представлении его к ордену Отечественной войны I степени, датированном 23 мая 1945 года и подписанном командиром 576-го стрелкового Тильзитского полка подполковником И. П. Сердюковым, о боевом пути Н. Тювелева говорится подробно: «В боях за Социалистическую Родину тов. ТЮВЕЛЕВ был 4 раза ранен и один раз контужен. 20 марта 1942 г. ранен в районе Старой Руссы, будучи в составе 169 с<трелковой> д<ивизии> телефонистом, в правую руку. 5.8.<19>42 г. в составе 463 стрелкового полка пом. ком. взводом <так! — *А. К.*> наступая, ранен в голову. 22.8.<19>42 г. ранен под Ржевом в левое бедро в составе 463 стрелкового полка. 30.11.<19>42 г. в должности командира пулеметного взвода в составе 31 курсантской бригады ранен легко в предплечье под Новосокольниками. Контужен 13.8.<19>43 г. в районе гор. Невеля в составе 1195 стрелкового полка».[42]

В 1943 году Никандр Тювелев вступил в ВКП(б). Дослужился до звания старшего лейтенанта и был демобилизован 10 июля 1946 года.[43] Последняя его известная должность — начальник клуба полка (январь 1946 года).[44] На этом информация о жизненном пути Никандра Тювелева пока что обрывается.

[42] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1758. Л. 245. Приказ о награждении был издан 19 июня 1945 года (ЦАМО. Картотека награждений. Шкаф 19н. Ящик 1).

[43] Там же. Учетно-послужная картотека. Шкаф 211. Ящик 5. Здесь же имеются сведения о награждении Тювелева медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

[44] Там же. Ф. 422. Оп. 10514. Д. 213. Л. 276.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-250-258

© ***Юань Мяосюй*** **(*КНР*)**

КИТАЙСКАЯ СУДЬБА ТВОРЧЕСТВА Б. Л. ПАСТЕРНАКА (РЕЦЕПЦИЯ И ПЕРЕВОДЫ)*

Без всякого преувеличения можно сказать, что в 50-е годы XX века китайская переводная художественная литература понимается как литература, переведенная с русского языка. По данным статистики,[1] в этот период издания китайских переводов русско-советской литературы составляют 2146, затем переводы английской литературы — 250, американской литературы — 213, французской литературы — 185. Начиная с 1957 года, когда разногласия между КПК и КПСС обострились, в Китае изда-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного общественного научного фонда КНР в рамках научного главнейшего проекта № 18ZDA284 и переводческого проекта научных трудов № 20WZSB002.

[1] Подробные данные были опубликованы в монографии: *Ван Югуй.* История китайской переводной литературы второй половины XX века: 1949–1977. Пекин, 2015. С. 315, 717, 781–782, 966.

валась большая серия переводной художественной литературы и справочников для конфиденциального чтения под названием «Книга с желтой обложкой». Это свидетельствовало о том, что Китай, отказываясь от публичных взаимодействий с иностранной литературой, в то же время не подавлял потребностей непосредственно познакомиться с идеологическими и культурными процессами в других странах, в частности в Советском Союзе. Интересно, что спустя 20 лет статус публичного издания приобрела бóльшая часть данной серии, а для поколения читателей из китайской интеллигенции, родившихся приблизительно в 1950–1960-х годах, эти произведения стали духовной пищей и проводником жизненной силы, в том числе и творчество Б. Л. Пастернака.

Имя Бориса Пастернака впервые прозвучало в Китае почти одновременно с выпуском романа «Доктор Живаго» в Италии. Это произошло 15 ноября 1957 года, а буквально через месяц, 11 декабря, в китайском периодическом справочнике «Иностранная литература» для конфиденциального чтения была опубликована короткая заметка о нем. В ней, со ссылкой на агентство «Associated Press», было отмечено, что итальянский перевод вышел в свет не беспрепятственно и сам роман может быть сравним с романом «Не хлебом единым» В. Д. Дудинцева и книгой «Новый класс» М. Джиласа по размаху политической сенсации.

Нобелевская премия дала возможность массовому читателю познакомиться с поэтом. Однако через неделю после объявления Шведской академией наук лауреата того года в газете «Жэньминь жибао»[2] была опубликована рецензия, в которой Пастернака назвали растением, ядовитым для советской власти. Отзывы подобного рода появились один за другим в таких всекитайских газетах и журналах, как газета «Вэньибао», журнал «Ивэнь» и т. д. Вместе с тем в декабре 1958 года вышел сборник для конфиденциального чтения на тему «Пастернаковские события», в который было включено 36 репортажей и рецензий, написанных авторами из США, Англии, Италии, Франции, Швеции, Бельгии и Японии, касающихся биографии Пастернака, персонажей и сюжета романа «Доктор Живаго», его актуальности. Кроме того, большое значение имел фрагмент романа, опубликованный в приложении к этому сборнику. На китайский язык были переведены всего четыре части романа, первые три — с английского, по версии из американского журнала «Корреспондент», а четвертая, т. е. эпилог романа, — с французского, по версии из журнала «Доказательство». Перевод данного фрагмента важен и потому, что он представлял собой первую китайскоязычную версию,[3] хотя, сравнивая его с оригиналом, можно отметить, что из-за недостаточного объема фрагмента и слабой связи между частями читать его было очень тяжело.

В первой половине 1960-х годов портрет Пастернака вместе с другими литературными фигурами начала XX века был представлен в мемуарах «Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга. С декабря 1962-го по январь 1964 года издавался китайский перевод воспоминаний в 4 томах. По словам современного поэта Бэй Дао,[4] этот перевод «стал Священным Писанием молодежи своего поколения <...> открыл им тайное окно во внешний мир».[5] Во время культурной революции, когда на такого рода переводной литературе уже закрепился штамп «запрещенное», ее популярность, особенно среди молодых читателей, наоборот достигла более высокого уровня. Эти переводы стали духовной пищей для будущих писателей и поэтов.

---

[2] «Жэньминь жибао» — ежедневная газета, официальное печатное издание Центрального комитета КПК.

[3] На Тайване чуть позже — 25 декабря 1958 года — появился китайский перевод, включавший только первые три части указанного фрагмента; а в Гонконге китайский перевод романа был издан в 1959 году.

[4] Бэй Дао (род. 1949) — современный китайскоязычный поэт, один из основателей и редакторов журнала «Сегодня», 9 номеров которого вышло с 1978 по 1980 год; он вызвал дискуссию сразу после выпуска о так называемой новой поэзии, т. е. «туманной поэзии». Сам поэт три раза был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

[5] *Бэй Дао*. Роза времени. Пекин, 2005. С. 40.

Точка в различии подходов к оценке Пастернака была поставлена только в конце 1970-х годов. Начиная с 1978 года[6] его произведения и сведения о нем постепенно стали появляться в публичных изданиях. Так, во втором выпуске журнала «Иностранная литература и искусство» была опубликована новость о выходе в США воспоминаний О. Ивинской «В плену времени». На следующий год был издан трехтомный биографический словарь иностранных писателей, в числе которых был и Пастернак.

Первая волна переводов Пастернака в Китае относится к 1980–1990-м годам, в течение которых произведения разных жанров стали доступны массовому читателю. Одним из значимых достижений в переводе творчества Пастернака и иностранной художественной литературы в целом в последнее двадцатилетие XX века, несомненно, является выход в свет с ноября 1986-го по июнь 1987 года четырех китайскоязычных версий перевода романа «Доктор Живаго». Одна из них была опубликована в трех подряд номерах журнала «Мир прозы».[7] Остальные версии были изданы отдельными книгами, каждая из которых имела свой русскоязычный оригинал — изданный в 1959 году в Париже, в том же году в Издательстве Мичиганского университета и в 1983 году в Нью-Йорке. Отметим, что все три русскоязычные версии были изданы не в России (в СССР роман был опубликован только в 1988 году). Однако издание китайских переводов вполне может рассматриваться как симптом оттепели по отношению к Пастернаку на его родине. В предисловии или послесловии к этим переводам было отмечено, что Пастернак — это наследник гуманистической традиции русской литературы, а в романе «Доктор Живаго» правдиво изображена описываемая эпоха. Через три месяца после выхода первого полного перевода публицист Хэ Маньцзы[8] назвал этот роман «потрясающе красивым» и написал: «хочу на одном дыхании проглотить».[9] Он отметил, что одним из источников трагедии Живаго является его благородная душа, опередившая свое время. В части «Опять в Варыкине» читатель может увидеть «духовное пробуждение настоящего человека»[10] и ощутить русскую литературную традицию, исходящую от классики XIX века. Хэ Маньцзы пишет: «Пастернак лишь инакомыслящий человек, оценивающий посвоему Октябрьскую революцию, в то же время он утверждает ее справедливость и необходимость».[11] По результатам опроса «Сто шедевров литературы», организованного «Китайской газетой чтения» в 1999 году, роман занимал 13-е место среди иностранной литературы и первое среди русской.

Отдельные переводы стихотворных произведений Пастернака начали публиковаться еще в 1982 году, в частности «Ветер» Юрия Живаго был напечатан в журнале «Мировая литература». Его переводчик Чжан Бинхэн впоследствии выполнил также и перевод самого романа. Он учился на факультете китайской литературы Университета Цинхуа и хорошо знал классическую литературу, поэтому в его переводе заметно чаще встречаются рифмующиеся слова. Что касается первого переводного собрания стихотворений поэта, оно вышло в свет в 1988 году под названием «Вальс со слезой». В нем было собрано 113 стихотворений Пастернака разных периодов. Как отмечено в аннотации к изданию, писатель уже «широко известен в нашей стране <...> в его (Пастернака. — *Ю. М.*) поэзии отражаются идеалы символизма, акмеизма и футуризма, в то же время звучит и свой уникальный голос».[12] Не меньшее значение имеет и перевод избранных стихотворений Пастернака под заголовком «Сестра моя — жизнь», выпущенный в 1991 году. Необходимо отметить, что, поскольку эти два собрания про-

---

[6] Именно в 1978 году в Китае начались экономические и общественные реформы.

[7] Данная версия была издана только один раз, в ней отсутствуют приложенные к роману стихотворения Юрия Живаго, также неизвестно, что послужило ее источником.

[8] Хэ Маньцзы (1919–2009) работал корреспондентом, редактором; автор более 50 книг.

[9] *Хэ Маньцзы.* Диалог о «Докторе Живаго» // Иностранная литература и критика (Пекин). 1988. № 2. С. 77.

[10] Там же. С. 78.

[11] Там же. С. 77.

[12] Вальс со слезой: Избр. стихотворения Пастернака / Пер. с рус. Ли Ган и У Ди. Ханчжоу, 1988.

изведений были составлены и переведены разными мастерами, они отличаются не только включенными в них стихотворениями, версиями переводов одних и тех же произведений, но и взглядом на поэзию Пастернака. Так, в первом сборнике подчеркивается музыкальная гармония и картинность, а во втором внимание уделяется превосходству символических образов над действительными предметами или явлениями. Так или иначе, оба они принесли китайскому читателю новую возможность познакомиться с Пастернаком не только как с прозаиком, но и как с поэтом.

В 1980–1990-е годы были опубликованы также автобиографические очерки Пастернака. Первая версия — перевод отрывка из очерка «Люди и положения» — была напечатана в 1985 году в журнале «Мировая литература».[13] Через шесть лет полный его перевод совместно с переводом раннего очерка «Охранная грамота» и другими статьями[14] был издан отдельной книгой. Автобиография как дополнение к роману и стихотворениям составляет вместе с ними «ясную и многомерную душу России».[15] С точки зрения критика, в «Охранной грамоте» можно увидеть беззаботное время автора-юноши, а в «Людях и положениях» — тоску и отпечаток прожитых лет. Как будто откликаясь на свой роман, высказываясь о своих современниках, Пастернак «глубоко проникал в их духовный мир и воспринимал их слова и замыслы с крайней печалью».[16]

Кроме этого, в журнале «Советская литература» в 1987 году была опубликована повесть «Воздушные пути». Перевод был выполнен Лю Вэньфэем, который в 1992 году впервые познакомил читателя с перепиской между Б. Пастернаком, М. Цветаевой и Р. Рильке и назвал эти продолжающиеся в течение одного года письма «симфонией времен года».[17] В то же время на китайский язык была переведена и стенограмма выступления Пастернака в 1931 году на вечере, посвященном памяти В. В. Маяковского, что свидетельствует о популярности Маяковского в Китае, с одной стороны, а с другой — о возрастающем интересе к Пастернаку у массового читателя. Безусловно, значительную роль здесь сыграло ослабление цензуры иностранной литературы после 1978 года, поэтому за короткое время в Китай хлынуло относительно большое количество произведений иностранной литературы, тем самым в какой-то степени покрывая дефицит объема массового чтения и расширяя его круг.

В XXI веке роман «Доктор Живаго» продолжает привлекать к себе внимание широкого читателя. Наряду с переизданием трех общепризнанных версий полного перевода 1980-х годов появилось около 20 разных версий, в том числе и адаптированные для школьников и студентов. Здесь стоит отметить перевод, выполненный тайваньским писателем Хуан Яньдэ. Впервые он был опубликован в материковом Китае в 2012 году[18] и вызвал дискуссию в Интернете о качестве по сравнению с предыдущими тремя переводами. В нем нередко встречаются обработанные слова и предложения — изменение порядка слов по сравнению с оригиналом, замена выражений адаптированными и т. п.

В течение последнего двадцатилетия переиздавались и другие произведения Пастернака. В 2011 году в Шанхае начала выходить серия книг «Сочинения Пастернака». В 2014 году издание прервалось, к тому времени было опубликовано четыре выпуска, в том числе три тома полного собрания стихотворений. В переводе участвовали русисты старшего и младшего поколений, которые были способны не только выполнить работу по перенесению творчества Пастернака на китайскую почву, но и дать анализ его стихотворениям. По словам главного переводчика Гу Юньпу, для понимания стихотворений Пастернака необходимо «художественное мышление», т. е. на первом плане

---

[13] Были переведены последние три раздела «Перед Первой мировою войною», «Три тени» и «Заключение».

[14] Имеются в виду 22 письма к друзьям, одно интервью и воспоминания о Пастернаке К. Чуковского.

[15] *Цуу Ян.* Тяжелая мечта // Чтение (Пекин). 1994. № 2. С. 68.

[16] Там же. С. 70.

[17] *Лю Вэньфэй.* Последнее удаленное рукопожатие // Город цветов (Гуанчжоу). 2020. № 4. С. 189.

[18] Данный перевод впервые был опубликован на Тайване в 1979 году.

«мгновенная вечность», поскольку автор «дает себе задание разрабатывать поэзию как вид искусства, а не просто переносить в нее свой жизненный опыт».[19] Стоит упомянуть о том, что Гу Юньпу еще в 1990 году опубликовал перевод избранных 78 стихотворений поэта под названием «Советский мастер туманной поэзии»,[20] в предисловии сделав акцент на пастернаковской второй действительности в поэзии, родившейся в результате своеобразной вариации первой действительности. Без сомнения, одной из отличительных черт является особая метафоричность его стихотворений, но в то же время более значима была запечатленная картина мира и замысел. Полное собрание стихотворений Пастернака привлекает также внимание молодого писателя и критика Юнь Етуя.[21] Он видит в слове «поезд» ключ к восприятию всего пастернаковского творчества: с его точки зрения, именно на поезде перевозятся «огромные исторические перемены», которые перципирует Пастернак. Поэт сравнивает жизнь с поездом, который идет вперед, даже если скорость падает, он не останавливается. В 1958 году, когда Пастернак получил Нобелевскую премию, он написал стихотворение «Поездка», в котором поезд теряет мощную движущую силу, но все же едет и поддерживает свою жизнь. В конце рецензии Юнь Етуй отметил, что Пастернак — чистый, выделяющийся из массы человек, он, как и прежде, надеется на дождь, слякоть, колеса и чудеса:

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.[22]

К особому феномену нового века относятся переводы Пастернака, выполненные современными поэтами. В 2005 году Бэй Дао напечатал сборник биографических эссе о девяти иностранных поэтах с заголовком «Роза времени», содержащий и статью о Пастернаке. Помимо основных фактов жизни и творчества поэта Бэй Дао упомянул три произведения — «Февраль», «Марбург» и «Гамлет». С его точки зрения, к стихотворной вершине Пастернака относится именно «Марбург», поскольку в нем проявляется не столько неудачная любовь, сколько «кризис, вызванный неудачей в любви, включающий духовные путешествия, сомнения в рациональном мире и осознание собственной миссии».[23] Все три стихотворения анализируются в статье в сопровождении нескольких переводов, один из которых был сделан самим автором. Бэй Дао проявил языковую интуицию и чувство ритма в своих переводах, но в то же время, к сожалению, не всегда объективно критиковал другие версии. Дело, возможно, в его недостаточном уровне владения иностранными языками. Как бы то ни было, его версии полезны для изучения стихотворного перевода, и он, в свою очередь, продолжает традицию поэтов-переводчиков. Помимо него переводом стихотворений Пастернака за-

[19] См.: *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. стихотворений: В 3 т. / Пер. Гу Юньпу и др. Шанхай, 2014. Т. 1. С. XI.

[20] Туманная поэзия — одно из направлений современной китайской поэзии на рубеже 1970–1980-х годов, представители которой черпали вдохновение в китайской традиции и эстетических идеях символизма. Однако само название было не бесспорное, поскольку оно не совсем соответствовало заложенным в нем идеям. В связи с этим термин туманная поэзия не в полной мере подходит к творчеству Пастернака.

[21] Юнь Етуй (род. 1979) — псевдоним поэта, настоящее имя Чжан Лэтянь. См. его рецензию на собрание стихотворений Пастернака: *Юнь Етуй.* Вагонными дверцами сыплет в степи // Газета экономического обозрения (Пекин). 2014. № 677.

[22] *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 2. С. 150.

[23] *Бэй Дао.* Роза времени. Пекин, 2005. С. 192.

нимаются также поэты А Цзю[24] и Ван Цзясинь,[25] кроме того, в ранней поэзии последнего выражается особое уважение к Пастернаку.

В процессе развития китайской литературы XX века после «Движения 4 мая 1919 года»[26] серьезное значение придается восприятию иностранной литературы и ее теории, а русская литература с самого начала участвовала в нем и без перерыва продолжает свое распространение в Китае, хотя и с явным застоем в 1960–1970-е годы. Большинство писателей и поэтов, родившихся в 1940–1950-х годах и занимающих свое определенное место в современном литературном процессе, черпают вдохновение из культуры Серебряного века. В этом смысле Пастернак, пришедший из Серебряного века «печальной тенью», проживший дольше некоторых своих современников, стал «собственно поэтическим мифом»[27] в глазах китайской молодежи 1960–1970-х годов, любящей литературу и искусство. И сила этого мифа со временем не увядает. Так, Чжан Канкан[28] в своей рецензии признала, что «благодаря возвращению к жизни романа „Доктор Живаго“ <...> к сорока годам я заново и навсегда увидела в русской и советской литературе свою духовную колыбель».[29] Между тем, как отметил Чжан Вэй,[30] сравнив поступки русских (советских) и китайских писателей под давлением неблагоприятных внешних обстоятельств, «духовные оковы не разрушили могучих корней русской литературы и ее традиционных сил, которые неисчислимы, и поэтому появился пастернаковский „Доктор Живаго“».[31] Среди тех, кто видит в Пастернаке своего литературного учителя, особо стоит упомянуть поэта Ван Цзясиня.

Студенческие годы Ван Цзясиня пришлись на начало 80-х годов прошлого века, когда молодые люди читали и писали стихи, создавали разные литературные кружки и объединения. Они погружались в поэтическую атмосферу и потом, в 1990-е годы, некоторые из них становились представителями младшего поколения современной поэзии, в том числе Ван Цзясинь. В выступлении перед студентами он подчеркнул, что его питала поэзия таких авторов, как У. Йейтс, Р. Рильке и Б. Пастернак.[32] Перечитывая с 1980 года[33] их стихотворения, Ван Цзясинь от начального этапа своего творчества, на котором «отображал явления действительности с коллективной позиции, без какой бы то ни было индивидуальной особенности»,[34] переходил к поиску духовного собеседника, чтобы в удаленном от центра поэтического круга уголке[35] переживать

---

[24] А Цзю (род. 1966) — псевдоним поэта, настоящее имя Ли Сюньтянь.

[25] Ван Цзясинь (род. 1957) — современный китайский поэт.

[26] «Движение 4 мая» — массовое движение в Китае. Началось со студенческих волнений в Пекине 4 мая 1919 года. Одним из последствий «Движения 4 мая» стала вестернизация культуры и начало использования *байхуа* (современный китайский разговорный язык) в качестве официального письменного языка в литературе, делопроизводстве, образовании и т. д.

[27] *Ван Цзясинь.* Стихи ответственного человека: откровение русской и советской поэзии // Поиск приюта для феникса: Избр. статьи о современной поэзии. Пекин, 2008. С. 160.

[28] Чжан Канкан (род. 1950) — профессиональная писательница первой категории, заместитель председателя Союза писателей Китая с 2006 года. Ее повесть «Северное сияние» была переведена на русский язык А. Н. Желоховцевым.

[29] *Чжан Канкан.* Человек с большой буквы // Иностранная литература и критика (Пекин). 1989. № 4. С. 122.

[30] Чжан Вэй (род. 1956) — писатель, заместитель председателя Союза писателей Китая с 2016 года. Роман «Старый корабль» был переведен на русский язык известным синологом И. Егоровым.

[31] *Чжан Вэй.* Сомнение и доверие // Нежная любовь ручки к бумаге. Шэньян, 2002. С. 205.

[32] Выступление Ван Цзясиня в Пекинском университете от 6 ноября 2006 года опубликовано в «Газете южных городов» (2006. 22 дек.).

[33] С 1980 года в Издательстве литературы и искусства Шанхая начали выпускать серию «Стихотворения иностранных модернистов», куда были включены стихи У. Б. Йейтса и Р. М. Рильке.

[34] См.: *Ли Цзяньчжоу*. Ван Цзясинь: Занятие внутри поэзии // Люди (Пекин). 2008. № 5. С. 35–38.

[35] В течение трех лет после окончания Уханьского университета Ван Цзясинь работал в педагогическом училище в горной местности северо-западной провинции Хубэй.

тяжелые моменты жизни. Его неутолимая жажда перемен нашла отклик в стихотворении Рильке «Осенний день»:

Потом вели, пусть плод последний спелый
Нальется совершенством, и вино
Тяжелое Ты, как заведено,
За два-три южных дня чудесным сделай!

Теперь бездомный не построит дома,
Кто одинок, тот будет одинок.
Не спать, читать, ронять наброски строк,
Бродить аллеями по бурелому,
Когда осенний лист шуршит у ног. [36]

Страдая от разрыва между мечтой и реальностью, Ван Цзясинь осознал ценность спокойной жизни после ее превратностей, а также суть одиночества — ответственность за свою судьбу.

Без преувеличения, Пастернак видел в Рильке своего духовного учителя. В первом письме к Рильке от 12 апреля 1926 года он написал: «Я Вам обязан основными чертами своего характера, всем складом духовной жизни. Они Вами созданы. <...> До сих пор я был бесконечно благодарен Вам за широкие, бесконечные и бездонные благодеяния Вашей поэзии».[37] А по окончании работы над повестью «Охранная грамота», посвященной памяти поэта, Пастернак написал: «В первый раз в жизни мне пришло в голову, что Вы — человек, и я мог бы написать Вам, какую нечеловечески огромную роль Вы сыграли в моем существованьи».[38] Поэтому неудивительно, что в конце 1980-х годов, восприняв австрийского поэта как своего просветителя и единомышленника, Ван Цзясинь сопереживал Пастернаку и называл отношение к нему «дыханием в унисон и жизнью одной судьбой».[39]

В то же время работа в издательстве «Поэзия» (Пекин) открывала перед Ван Цзясинем больше возможностей присоединиться к окружению поэтов китайского авангарда. Однако он продолжал идти по своему пути: «Поэзия — это плоды одиночества и духовное дело с личными тайнами».[40] Существенное влияние на Ван Цзясиня оказали автобиографическая повесть Пастернака «Охранная грамота» и «Доктор Живаго». На его взгляд, благодаря этому роману восстановились великие традиции русской литературы XIX века, в особенности русская стихотворная культура; тем самым роман имеет значение духовного откровения. По словам Ван Цзясиня, Пастернак заслуживает уважения всех, кто твердо отстаивает поэтическую истину, поскольку «становишься поэтом лишь тогда, когда из-под пера выходят слова в музыкальной гармонии, а не мертвый язык».[41]

Зимой 1989 года, заимствовав сюжеты из 14-й части «Доктора Живаго» «Опять в Варыкине», Ван Цзясинь соединил с ними «собственный жизненный опыт»[42] и написал стихотворение «Баллада в Варыкине» как дань уважения Пастернаку. В этом произведении через отображение судьбы Пастернака выражается сомнение в том, справляется ли поэзия с невзгодами в реальной жизни. В тяжелой обстановке чистое искусство не сосуществует с реальностью, попав в безвыходное положение, поэт смог лишь поднять «пронзительные крики»:

---

[36] Перевод Вяч. Вс. Иванова. См.: http://kogni.narod.ru/versiones.htm (дата обращения: 31.01.2023).

[37] *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 648.

[38] Там же. Т. 3. С. 524.

[39] Газета южных городов. 2006. 22 дек.

[40] *Ван Цзясинь.* Мои восьмидесятые годы // Дерево Тарковского: Избр. Ван Цзясиня 1990–2013. Пекин, 2013. С. 245.

[41] Газета южных городов. 2006. 22 дек.

[42] *Бай Хуа.* От подражания к интертекстуальности: пастернаковский импульс Ван Цзясиня // Иностранные стихотворения в Китае. Чэнду, 2008. С. 83.

Свеча горит.
Перо поэта снова на бумаге мчится,
Скачущие строки
Без внимания оставляют намеки на судьбу.
Но волки свищущие
Подступают вплотную,
Поэты! Почему-то вопли
Не смогли участвовать в вашей музыке?
Зачем смертельная схватка человека со зверем
Виделась только во сне мятежном?
Чистые поэты! Опущенное в ваших стихах
Будет в вашем существовании
Проявляться более злобно,
Оно волчий клык, холодный, белый,
И отрежет вашу судьбу,
Его открытая пасть уже повернута к вам.
Зловещий признак!
Слабые стихи, разве преодолеют
Страхи такие глубинные?
Поэты положили свое перо.
Со снежной глубокой ночи, через щель
Между словами
Раздается волчий вой, неудержимо
Раздается...

Свеча горит,
Как пишем дальше?
Когда язык не разделит тяготы,
Когда не различим никак,
Те пронзительные крики
Исходят из снежных полей или
От нашей души...[43]

Если в «Балладе» Ван Цзясинь выступил в роли последователя поэтического мышления Пастернака, то буквально через год в стихотворении «Пастернаку» он уже выразил сильное желание побеседовать с поэтом. Это стихотворение написано «в период развития китайской поэзии 90-х гг., когда время идеализма подходило к концу и наступала индустриальная эпоха с духовной нищетой, оно безусловно относится к числу современной классики».[44] Однажды утром после снегопада Ван Цзясинь ехал на работу на автобусе с запада на восток по центральной улице Пекина Чанъаньцзе. Зимняя слякоть, блеск восхода и морозный пейзаж на севере Китая напомнили Ван Цзясиню «далекое далекого, Пастернака, общую жизнь и судьбу»,[45] и потом в его голову пришли строки:

Наконец можем писать по своей душе.
Но так жить нельзя.
Это трагедия наша общая.[46]

Поэт выразил сомнение в цели своего творчества и одновременно признался в том, что «на всех нас оказывали влияние два противостоящих требования — этическое

[43] В стихотворении «Баллада в Варыкине» четыре строфы, здесь приведены последние две (подстрочный пер. с кит. здесь и далее мой. — *Ю. М.*).

[44] *Хо Цзюньмин.* Зимний голос от души: о стихах «Пастернаку» Ван Цзясиня // Анализ художественных произведений (Тайюань). 2008. № 21. С. 38.

[45] Газета южных городов. 2006. 22 дек.

[46] Фрагмент второй строфы.

и эстетическое».[47] Образ снега в творчестве Пастернака многозначен. Кроме жесткой общественной ситуации он символизирует и подлинную интеллигентность и становится свидетелем страдания и счастья. Снег, в свою очередь, стал эмоциональным посредником между Пастернаком и Ван Цзясинем, что нетрудно заметить в строках последнего:

От снега до снега, по грохочущей слякоти еду
И читаю ваши стихи в пекинском автобусе, — [48]

заимствованных из пастернаковского стихотворения «Февраль». Образ снега у Ван Цзясиня проявляется через слова «метель», «снежный холод» и «снежно-ледовый», которые построены на контрасте — в них сомнение и уверенность, печаль и радость. В последней строфе размышление Ван Цзясиня о личной ответственности китайского поэта в ту эпоху оказывается актуальным и сегодня:

Это и есть боль, есть счастье, которые <можно> высказать
Только при моей жизни, полной снега и льда.[49]

В 1990-е годы истинное литературное творчество как отражение состояния души было непростым делом для китайских поэтов, поскольку их окружало стремление к материальному благосостоянию и духовный упадок, и они бы становились бесчувственными, если бы не переосмысливали себя, не отстаивали нравственные ценности поэзии. Ван Цзясинь, следуя Пастернаку, переживает свою жизнь, полную «снега и льда», и таким образом выделяется из китайской творческой интеллигенции 1990-х годов.

Среди современных китайских стихотворений, опубликованных в XXI веке, относительно редко встречаются произведения, заглавие которых непосредственно отсылает читателя к Пастернаку. Среди прочих можно отметить поэта Юань Яна,[50] который вместе с Ван Цзясинем принадлежит выходцам из поэтического сообщества Лоцзя.[51] В 2006 году Юань Ян написал стихотворение «Глаза березы» с посвящением «Пастернаку». В них без труда опознается картина из начала романа «Доктор Живаго»:

Черное шествие шло по бескрайнему снегу
Мальчик с выпученными глазами
Пытался понимать смерть, погружался в думы о маме
О ее лице под черной землей.[52]

На сегодняшний день, когда имя Пастернака знакомо китайцам более 60 лет, мы можем сказать, что китайские переводы его творчества выдержали испытание временем и стали общепризнанной классикой переводной литературы. И разговор об этом имени будет продолжаться.

[47] *Ван Цзясинь.* Соловей в свое время. Шанхай, 1997. С. 22.
[48] Фрагмент четвертой строфы.
[49] Фрагмент последней строфы.
[50] Юань Ян (род. 1962) — псевдоним поэта, настоящее имя Ван Юаньян, современный китайский поэт.
[51] Лоцзя — это название холма, на склонах которого расположен Уханьский университет. В нем учились члены сообщества Лоцзя.
[52] Фрагмент второй строфы.

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-259-262

© *О. В. Макаревич*

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ХОДИТЬ ПО ЧУЖИМ СЛЕДАМ? (О ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ «НЕОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ» И. А. ГОНЧАРОВА)

Общим местом всех статей, посвященных «Необыкновенной истории» И. А. Гончарова, стало утверждение о том, что писатель обвинил своего бывшего приятеля, коллегу по литературному цеху И. С. Тургенева в *плагиате*. Именно о проблеме плагиата и связанных с ним аспектах литературной собственности и авторского права, как правило, пишут исследователи, вне зависимости от того, анализируют ли они произведение как «человеческий документ» или рассуждают о его жанровых, стилистических особенностях, его литературном и культурном контексте.

Между тем сам Гончаров, употребляя термин плагиат в «Необыкновенной истории», отнесся к нему с большой долей осторожности — в тексте он фигурирует редко и с оговорками. Ср., например: «„*Но ведь такой plagiat по-русски называется воровство*“, — сказал я. — „*Ну, пожалуй, воровство!*“ — повторил он (Тургенев. — *О. М.*) равнодушно, вполголоса...»;[1] «...я юридически доказать не мог его plagiat, как он выразился, не решаясь перевести слова на русский язык — et pour cause» (с. 210); «...забылось бы и обвинение мое против него — в похищении, или плагиате, как он осторожно выражался» (с. 210). Повторяющиеся отсылки к проблеме перевода с французского на русский подсказывают обратить внимание не только на французское plagiat (плагиат; подражание), но и на очень близкое к нему contrefaçon (подделка, контрафакция[2]). Стоит заметить, что, к примеру, в материалах Парижского литературного конгресса 1878 года, посвященного вопросу соблюдения авторского права, второе из слов оказывается гораздо более употребительным.[3] Для Гончарова, однако, не столько важен узус, сколько значимы смысловые оттенки: словом plagiat описывают заимствование идеи, contrefaçon — заимствование формы и/или стиля, причем как незначительное (несколько слов, фраз), так и масштабное, вплоть до сюжета, образов, композиции и т. п. В «Необыкновенной истории» русским аналогом французского contrefaçon выступает *подделка*, маркирующая мелкие заимствования, неспособные сохранить дух оригинала, а потому заведомо проигрывающая ему в стилистическом отношении; ср.: «Но как образы целиком украсть нельзя, надо подделываться под них, а *кисти нет*, и выходят подделки бледны, и если есть *искры*, то чужие — и в воображении читателя не остаются» (с. 241).

Среди предъявляемых Гончаровым «обвинений», помимо уже названных «плагиата» и «подделки», используются такие обозначения, как «подражание», «параллель», «переложение», «заимствование», «слепок», «сколок», «воровство». Однако наиболее частым оказывается не терминологическое обозначение, а метафора, повторяющаяся более десятка раз: «...а я, так сказать, иду по его следам, *подражаю ему*»

---

[1] Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 229. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

[2] Оговоримся, что слово «контрафакция» (по-видимому, транслитерация с французского) фигурирует в названии фактически единственного в России сочинения, посвященного юридическим аспектам литературной собственности, вышедшего ранее написания «Необыкновенной истории»: *Спасович В. Д.* Права авторские и контрафакция. СПб., 1865. В тексте Гончарова оно, однако, не встречается.

[3] Один из немногих случаев использования этого слова — выступление профессионального юриста, посвященное вопросам о границах авторского права и весьма вписывающееся в проблематику гончаровского текста: «Многие авторы сталкивались с тем, что плод их долгих трудов или терпеливых исследований был подорван подделкой (contrefaçon), которая, не требуя ни такой же работы, ни подобных затрат, убивала походя произведение, которое могло принести им славу и богатство. С другой стороны, мы не должны упускать из виду, что чрезмерная восприимчивость часто вводит авторов в заблуждение <...> и заставляет их полагать, что любая работа, аналогичная их, является плагиатом (plagiât) и копией их труда» (*Guay M.* Répression de la contrefaçon en matière de propriété littéraire d’après la science et les legislations positives // Congrès littéraire international de Paris 1878: comptes rendus in extenso et documents. Paris, 1879. P. 513).

(с. 206); «...шаг за шагом идти по моим следам!» (с. 206); «...чтобы *приписать себе почин этих идей*: а другие, мол, идут за мной» (с. 212); «Оттого он и берет рамки и программы у другого — и идет по его следам» (с. 213); «Чтобы сделать вполне похожим, что *не он — по моим, а я иду по его следам*...» (с. 228); «...что *все родилось у него и что я иду по его следам*» (с. 228); «...делаете слепки с разговоров, картинок — и ставите ноги в те следы, где я иду...» (с. 234); «...он <...> шел по следам этих *трех гениев, а не мы же за ним*...» (с. 239); «...и оттого так следом и шел за мной по пятам» (с. 246); «...идет по моим следам: что я ни задумаю, он сейчас подражает, следовательно и прежде подражал!» (с. 247); «...он силится себя поставить передовым, а меня подражателем его, когда я заметил ему, что *он ставит ноги в мои следы*» (с. 250); «...а я заимствовал у них — и вообще, что я шел по чужим следам!» (с. 278); «доказать формально, что я иду по его следам, а не он подбирает у меня» (с. 280); «...я его подражатель, идущий по его следам...» (с. 286) и т. п. Ключевой для Гончарова, таким образом, оказывается не идея воровства или заимствования, а идея *следования* образцу.

Эта метафора восходит к античной риторике, встречаясь уже у Горация, который предложил следующую оппозицию: «Aut famam sequere aut sibi conuenientia finge» (в переводе А. А. Фета: «Или следуй преданью иль выдумай сам, только складно»;[4] в переводе М. А. Дмитриева: «Следуй преданью, поэт, иль выдумывай с истиной сходно!»;[5] в переводе М. Л. Гаспарова: «Следуй преданью, поэт, а в выдумках будь согласован!»[6]). Стих из «Поэтического искусства» задает два возможных подхода к созданию литературного произведения — подражание и вымысел (либо следуй традиции, либо придумывай что-то новое). Со времен античности это сопоставление мыслилось как базовое и являлось основой для осмысления особенностей художественного познания. К XIX веку оно стало хрестоматийным и открывало любой учебник словесности. Ср., к примеру: «Латинцы переводили первое слово чрез *facere*; хорошие авторы говорят *facere poëma*, то есть сделать, сработать, сотворить; а второе чрез *fingere* и чрез *imitari*, которые означают как искусственное подражание, каковое оно находится в искусствах, так и подражание действительное и нравственное, каковое оно бывает в обществе. <...> *вымышлять* будет то же, что *представлять, подражать*, или лучше *подделываться*...».[7] Мастерское подражание при этом представляло природу в ее идеальном воплощении, «со всем совершенством», более того, художественный образ — это не просто переосмысление какого-то прототипа, но возведение идеи в абсолют (не «истинно существующее», а «истинно могущее существовать»[8]). Противопоставление сотворенного и подделанного (подражания подлинного и искусственного) находит отражение и в «Необыкновенной истории». Так, признавая мастерство Тургенева как создателя «миниатюрных» очерков, Гончаров критикует его «большие формы»: «Везде, в другом месте, он не создает, а *сочиняет*, и притом как будто пересочиняет слышанное...» (с. 202). Как кажется, гончаровское «сочиняет» в противопозиции к «создает» здесь вполне созвучно идее вымысла как ложной сущности искусства («...слово *вымысл* должно значить не иное что, как искусственное подражание характерам, нравам, деяниям, речам и проч.»[9]). При этом Тургенев пишет не как художник, а как фельетонист, «тенденциозный по уму, „новый“ человек дорожил больше всего идеями, а не образами, выражавшими их, играя из себя, на чужой счет, мыслителя, превозмогающего художника» (с. 219).

Из антиномии подражания и вымысла, зародившейся в Античности и получившей множество интерпретаций на протяжении столетий, и рождается метафора «идти по следам», «следовать», подразумевающая, что подражатель следует за образцовым автором, стремясь попадать в его следы.[10] Несомненно актуальной эта метафора оказалась в классицистическую эпоху. Например, в предисловии к пресловутой поэме «Девственница, или Освобожденная Франция» Ж. Шаплен использовал ее для разграничения свободного и рабского (соответственно, хорошего и плохого) подражания: «С одной стороны, я следовал, по своей слабости, путем, проложенным этими превосходными людьми (т. е. «старыми», «образцовыми» поэтами. — *О. М.*), а с другой — я тщательно избегал *ставить ноги в их следы* (mettre les pieds sur leurs vestiges) <...> Мне было достаточно уловить их идею и подражать им в целом, не заимствуя и не копируя ни их мыслей, ни их слов...».[11] Иными словами, в классици-

[4] *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. М.; СПб., 2014. Т. 5. Кн. 1. С. 125.

[5] *Квинт Гораций Флакк.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. Ф. А. Петровского; вступ. статья В. Я. Каплинского. М.; Л., 1936. С. 344.

[6] *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Ред. переводов, вступ. статья и комм. М. Гаспарова. М., 1970. С. 386 (сер. «Библиотека античной литературы»).

[7] Начальные правила словесности г. аббата Батте / Пер. с фр. Д. Облеухов: В 4 т. М., 1806. Т. 1. С. 26, 141.

[8] Там же. С. 32.

[9] Там же. С. 141.

[10] См.: *Махов А. Е.* Проблема подражания образцам в поэтологии французского классицизма // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 3 (43). С. 9–26; а также: *Kaminski N.* Imitatio auctorum // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Tübingen, 1998. Bd. 4. Col. 238; *Лозинская Е. В.* Подражание // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М., 2010. С. 368–387.

[11] *Chapelain J.* La Pucelle ou La France délivrée, poëme héroïque. Paris, 1891. P. LXIII, preface; курсив мой. — *О. М.* Мы не располагаем данными о том, читал ли Гончаров поэму Шаплена, однако не мог не слышать о ней, на-

стической эстетике (одним из основоположников которой и может считаться Шаплен) идеал — это подражание духу, идее, гению искусства (которое отчасти может быть сопоставлено с тем, что обозначается словом plagiat), в то время как противоположность этого идеала — заимствование мелких деталей, отдельных характеров, элементов стиля или сюжета (аналогичное понятию contrefaçon) — осуждается как подражание «рабское», не соответствующее высокому предназначению искусства.

Метафора «хождения по следам», таким образом, отсылает внимательного читателя к проблеме подражания и его осмыслению на протяжении столетий. С одной стороны, Гончаров замечает, что Тургенев «счел (его) за колоссальный талант» (с. 255), подражать которому, если верить Шаплену, не только допустимо, но и почетно. С другой стороны, одним из лейтмотивов обвинений, адресованных Гончаровым Тургеневу, становится упрек в том, что его заимствования носят частный, мелкий характер. Если Шаплен утверждает, что не заимствовал ни общих идей, ни конкретных выражений, а ориентировался на образец в целом, то Тургенев, с точки зрения Гончарова, поступает как раз наоборот — хочет «мало-помалу вытаскать все содержание из „Райского“, разбить на эпизоды, поступив как в „Дворянском гнезде“, то есть изменив обстановку, перенеся в другое место действие, назвав иначе лица, несколько перепутав их, *но оставив тот же сюжет, те же характеры, те же психологические мотивы*, и шаг за шагом итти по моим следам» (с. 206). Или: «все свои заимствования у меня подвел под эту систему <...> искажения обстановки, то есть места, званий действующих лиц (с удержанием характеров), имен, национальностей и т. д.» (с. 210). Тургенев, если верить автору «Обрыва», растаскивает его замысел по кусочкам, по «клочкам»: «По моей рукописи <...> Тургенев, как по узору, вышивает свой узор, с другими красками, и иногда цветами, меняя расположение самых цветов, иногда листьев, вставляя кое-какие свои — и потом осмысливая моею же идеею» (с. 218); «...и он *всю жизнь свою положил*, чтобы растаскать меня по клочкам...» (с. 211). Более того, заимствования из Гончарова у европейских авторов, по мнению писателя, тоже носят крайне мелкий частный характер: «...все удачные сравнения, фразы из „Обрыва“ очутились у Ауэрбаха в „Даче на Рейне“ и у Флобера в обоих романах...» (с. 225).

Приведем небезынтересную параллель. Когда П. Д. Боборыкин обратился к Тургеневу с вопросом о нашумевшем романе Э. Золя «Западня» («L'Assommoir») и об обвинениях писателя в плагиате, Тургенев ответил, что действительно существует анонимно изданная книга с названием «Le Sublime», также изображающая быт парижских рабочих весьма натуралистично. Тургенев признал, что «Золя взял несколько общих черт и даже воспользовался <...> двумя прозвищами», но русский писатель оценил это заимствование как допустимое, так как Золя «взял из книги только несколько черт. Остальное принадлежит абсолютно ему: и сюжет, и подробности, и характеры, и даже масса будничных сторон из жизни увриеров».[12] То есть заимствование «мелких деталей», отдельных «черт» не кажется Тургеневу плагиатом. При оригинальности замысла, самостоятельности сюжета подобное авторское решение представляется ему вполне допустимым.

Смежными с подражанием понятиями во французской литературной традиции, как показал А. Е. Махов, оказывались такие риторические или поэтологические термины, как изобретение (inventio), копирование или перевод, воровство (грабеж), соперничество.[13] Сходной системой оппозиций воспользовался и Гончаров в своем сочинении. Понятие изобретения чаще рассматривалось не как противоположное, а как дополняющее по отношению к подражанию, при этом во главу угла ставилась проблема выбора образца для «следования». Заметим, что значительно позднее подобные идеи, со ссылками на предшественников, сформулировал и Ш. Нодье, рассуждая о допустимых границах плагиата. Он утверждал, что «лучше грабить древних, чем новых, а среди новых предпочтительнее обирать иноземцев, чем соотечественников», и отнес к допустимому, весьма «экзотическому», но «не менее распространенному» типу заимствования обращение хорошего писателя к творчеству бездарного (посчитав противоположную ситуацию неприемлемой).[14] Гончаров пишет о том, что «изобретениями» Тургенев лишь дополняет свои романы, отталкиваясь от чужой идеи: «...я вижу остов моего плана и мелькающие там и сям <...> подобные моим фигуры, или те же самые картинки и выражения, как у меня, пополам с его собственными, вставными изобретениями!» (с. 218). Гончаров критикует Тургенева и за то, что он не только передавал чужие идеи современникам, но и сам пытался «идти по следам» великих предшественников, например Шекспира, которого «испортить не мог», но «вышли карикатуры»: «Зачем было трогать великие вещи, чтобы с них лепить из навоза уродливые, до гнусности, фигуры?» (с. 213).

«Рабское» подражание у классицистов часто сопоставлялось с переводом или копированием.

пример, благодаря «Лицею» Ж. Ф. де Лагарпа или ироническому обращению Вольтера в «Орлеанской девственнице». Наконец, имя Шаплена стало нарицательным для Пушкина как обозначение бездарной поэзии.

[12] *Боборыкин П. Д.* У романистов (Парижские впечатления) // Слово. 1878. № 11. С. 350.

[13] *Махов А. Е.* Проблема подражания образцам в поэтологии французского классицизма. С. 14–19.

[14] *Нодье Ш.* Вопросы литературной законности. О плагиате, присвоении чужих произведений и подлогах в книжном деле / Пер. О. Гринберг // Нодье Ш. Читайте старые книги. Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. С. 78–89.

Так, Гез де Бальзак критиковал своих предшественников, которые «плохо переводили вместо того, чтобы хорошо подражать» («Ils traduisoient mal, au lieu de bien imiter»).[15] Чтобы быть хорошим подражателем, недостаточно быть хорошим копиистом — и Гончаров бросает Тургеневу схожее обвинение: «Выйдут не образы, а силуэты, потому что сняты не с натуры, а копированы с чужого» (с. 238); «...он вообразил, что я, говоря о Лире, хочу мазать тоже копию!» (с. 244). Характерно, что копирование — не только художественная стратегия Тургенева, но и, в глазах Гончарова, особенность его поведения: «Я видел, что он позирует, небрежничает, рисуется, представляет франта, в роде Онегиных, Печориных и т. д., копируя их стать и обычай» (с. 196). Наконец, не избегает Гончаров и обвинений в краже и воровстве: «...обличение его в воровстве и занятие мною моего места, на которое он прыгнул по-кошачьи» (с. 223); «Как люди, имеющие имя, положение и репутацию честных и образованных, могли позволить себе такое наглое воровство?» (с. 222). Ему посвящен и анекдот, в котором сопоставляется кража литературного произведения и шубы: «Я <...> слыхал только, что они (воры. — *О. М.*) большие краденые вещи разбивают на мелкие, а бывает ли наоборот — не знаю. Знаю также <...>, что в литературе из больших вещей таскают по мелочи или подделывают *параллели* к первым!» (с. 248).

В «Необыкновенной истории», таким образом, речь идет о проблемах литературной собственности («...из них делали вопиющие злоупотребления, нарушая всякие мои права, даже собственность!»; с. 266). В определении границ авторского права Гончаров, как кажется, даже более радикален, чем многие его современники, так как фактически считает подлежащим праву собственности не только текст, но и замысел произведения. Неслучайно в «Продолжении „Необыкновенной истории“» к ряду равнозначно негативных понятий добавляется adaptation — обработка, переделка (вопрос о ее месте и границах относительно прав интеллектуальной собственности обсуждался на Парижском литературном конгрессе): «...на всякие переделки, подделки, adaptation, то есть присвоение идеи, сюжета!» (с. 285). Однако в рассуждениях об авторском праве Гончаров опирается не столько на высказывания своих современников, сколько на предшествующую литературную традицию, прежде всего на идеи французского XVII века. Его понятийный аппарат также включает в себя, помимо подражания и метафоры «следования», подделку, заимствование, копирование, воровство — ключевые понятия эпохи классицизма, к которой плагиат имел лишь опосредованное отношение.

[15] *Balzac J.-L. Guez de*. Les entretiens de feu. Paris, 1657. P. 306.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-263-269

© *Ирэн Зохраб* (*Новая Зеландия*)

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВУЗАХ*

Рецензируемый сборник является своего рода ответом на часто звучащие в мой адрес вопросы о том, чем отличается от российского зарубежный опыт преподавания русской литературы, в частности произведений Достоевского. Обычно в таких случаях просят привести как можно больше конкретных деталей.

Согласно названию, сборник «A Dostoevskii Companion» («Путеводитель по Достоевскому») предназначен для использования в качестве пособия для изучения произведений Достоевского, входящих в учебные курсы различных англоязычных университетов, преимущественно в английском переводе. Его ценность заключается в продуманном выборе текстов писателя и критических эссе, оказывающих существенную помощь в освоении публицистических и художественных произведений Достоевского, с опорой на ряд методологий, использующих различные теоретические подходы. Издательство «Academic Studies Press», созданное в 2007 году, заполнило очевидный пробел в этой области, выпустив учебный курс по изучению творчества Достоевского, с очевидным одобрением принятый многими американскими специалистами.

В результате студенты и преподаватели, касающиеся вопросов изучения творчества русского писателя, получили необходимый им доступ к сложному материалу, в котором объединены под одной обложкой фрагменты произведений Достоевского и поддерживающие их историко-литературные комментарии, которые востребованы учебным процессом англоязычных вузов в нынешнем двадцать первом веке. Сборник вышел под редакцией квалифицированной группы университетских преподавателей: Кэтрин Бауэрс, Коннор Доук и Кейт Холланд, из университетов Британской Колумбии, Бристоля и Торонто. Итогом их усилий стал данный сборник, развивающий ряд направлений изучения творческого процесса Достоевского, философского и художественного значения его произведений, особенностей его литературного и жизненного пути. В материалах сборника получили отражение предметы многих научных полемик; в этом смысле «A Dostoevskii Companion» является полезным путеводителем по многообразному миру теорий и концепций, сопровождающих познание Достоевского в нашем мире, связывая читателя и с историей изучения творчества писателя, и современным его состоянием. Создаваемое книгой представление о культурном и литературно-эстетическом смысле творчества Достоевского, вне сомнений, окажется полезным подспорьем для студентов-филологов, изучающих русскую литературу. «Путеводитель по Достоевскому» приведет учащихся, заинтересованных в том, чтобы углубить свои познания в области русской литературы, к новым областям исследования, пробуждая стремление к научному поиску и повышению качества знаний.

Содержание материала в «Путеводителе» организовано в виде трех областей знаний, которые, как правило, более всего интересуют исследователей Достоевского: первая часть посвящена «биографии и контексту», состоит из двух глав; вторая сгруппирована вокруг вопросов эстетики и поэтики, состоит из четырех глав, третий раздел посвящен реестру тем творчества писателя и состоит из четырех глав. В раздел «Поэтика» входят главы «Эстетика», «Персонажи», «Роман» и «От журналистики к художественной литературе»; в разделе «Темы» сгруппированы главы «Плен, свобода воли и утопия», «Россия», «Бог», «Другие Достоевского». Последняя из названных тем поднимает вопрос об «инаковости», объединяет, согласно мнению составителей, «различные маргинализированные общественные группы России XIX века: религиозные меньшинства, например, мусульман и евреев; национальные меньшинства, такие как татары и поляки; женщины, оставшиеся неравноправными в патриархальной культуре и обществе Российской Империи». Объем глав варьируется от 40 до 65 страниц и содержит от семи до двенадцати избранных отрывков по заданной теме, причем самые длинные главы относятся к «Персонажам» (с. 138–199) и пути Достоевского «От журналистики к художественной литературе»

* A Dostoevskii Companion: Texts and Contexts / Eds. Katherine Bowers, Connor Doak, and Kate Holland. Boston: Academic Studies Press, 2018. 535 p. («Cultural Syllabus»).

(с. 257–322). Каждую главу предваряет краткое и емкое введение от редакторов (максимум две с половиной страницы), за которым следует столь же компактная избранная библиография критических работ на английском языке. В состав тома входит «Хронология жизни и творчества Достоевского». «Путеводитель» включает также указатель имен, но не содержит отдельного раздела, посвященного редакционным примечаниям, которые ограничиваются краткими сносками к каждому отрывку. Во всех случаях в первой сноске указывается имя автора отрывка и сведения о его первой публикации, а также информация об авторских правах. Имена авторов отрывков не указаны в «Оглавлении» (с. V–IX) в начале тома (кроме имен авторов писем). Для каждого отрывка дается общее название, которое указывает на тему, на источник и дату первой публикации.

Качество сборника во многом обязано тону, заданному отрывками из работ американских славистов Р. Л. Джексона[1] и, в меньшей степени, Дж. Франка.[2] Направление их мысли о творчестве Достоевского определяет выбор выдержек из текстов писателя. В сборник также входит полезная вводная глава «Как пользоваться этой книгой». Здесь редакция признает, что, хотя сборник «написан в первую очередь с точки зрения литературоведения», она надеется, что он «понравится тем, кто интересуется Достоевским как мыслителем, так же, как и писателем» (с. XII).

В главах «Биография и контекст» рассматривается литературно-историческая среда, окружавшая молодого Достоевского, как западная, так и российская. На страницах «Оглавления» первая глава «Раннего Достоевского» включает названия произведений, с датой первой публикации, которые он читал и которыми восхищался в юности, под следующими подзаголовками (без имен авторов): «Случай кражи ленты» из «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо (1789), «Месть сына» из «Разбойников» Ф. Шиллера (1781), «Первый взгляд на Удольфо» А. Радклиф (1794), «Дом месье Гранде» из «Евгении Гранде» О. де Бальзака (1833), «Маленькая Нелл» из «Лавки древностей» Ч. Диккенса (1841), «Шинель» Н. В. Гоголя (1842) и письмо к Гоголю В. Г. Белинского (1847).

Последний документ Достоевский читал в кружке М. В. Буташевича-Петрашевского, что послужило поводом к аресту с последующим приговором к каторжным работам в Сибири. В книгу входят выдержки из судебного процесса 1849 года, а также письмо Достоевского своему брату с описанием инсценировки его казни. В сочетании с биографическим очерком Р. Берда[3] и выдержками из первых произведений Достоевского «Бедные люди» (1845) и «Белые ночи» (1848) полезность этой главы в роли учебного пособия для студентов бакалавриата представляется несомненной. Более поздний круг чтения Достоевского в книге не рассматривается, в «Путеводителе» нет ссылки на описание библиотеки Достоевского, так как вся рекомендуемая литература приводится на английском языке.

Вторая глава рассматривает Достоевского в контексте русской литературы и критики своего времени, показывая некоторые оценки его произведений современниками, такими как В. Г. Белинский, В. Н. Майков, Н. К. Михайловский, Д. С. Мережковский и др. В главе излагаются философско-эстетические взгляды Достоевского, поощряя некоторые сравнительные подходы к другим писателям — Тургеневу и Толстому. Здесь приводится отрывок из романа «Бесы» (1872) под названием «Карикатура на Тургенева», а также «Мысли об *Анне Карениной*» из «Дневника писателя» за 1877 год и ряд писем этого периода. Отношения между Достоевским и Н. Г. Чернышевским рассматриваются в седьмой главе: «Плен, свобода воли и утопия», в которой воспроизводится «Четвертый сон Веры Павловны» из романа «Что делать?» (1863).

Первоначальный импульс при прочтении этой книги состоял в том, чтобы сопоставить отрывки из текстов Достоевского и комментарии к ним с теми, которые предлагаются в похожих сборниках, ранее уже составлявшихся, например, для англоязычных студентов и слушателей вечерних курсов вузов Новой Зеландии. Обнаруживается, что представлен достаточно широкий спектр произведений, который включает журналистику Достоевского (в соответствии с большинством недавних исследований и темой XIII симпозиума Международного общества Ф. М. Достоевского, состоявшегося в Москве в 2013 году), хотя мало внимания уделяется его эпистолярному наследию. Из 535 страниц «Путеводителя» почти 80 заняты выдержками из «Дневника писателя», а еще 20 посвящены ранней публицистике Достоевского, особенно его статьям из ежемесяч-

[1] Джексон Роберт Луис — профессор Йельского университета и почетный доктор Московского университета (1993), бывший президент Международного Общества Достоевского (МОД, 1977–1983). Он автор нескольких монографий о творчестве Достоевского, некоторые из которых переведены на русский: *Джексон Р. Л.* 1) Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998; 2) Достоевский: поиск формы. Философия искусства писателя. СПб., 2020.

[2] Джозеф Франк (1918–2013; урожд. Джозеф Натаниэл Глассман) родился в Нью-Йорке, в семье еврейских эмигрантов из России. Франк являлся профессором сравнительного литературоведения в Принстонском университете (1966–1983), а с 1985 года преподавал литературоведение в Стэнфордском университете. Он автор пяти томов биографии Ф. М. Достоевского, опубликованных издательством Принстонского университета с 1976 по 2002 год.

[3] *Bird R.* Fyodor Dostoevsky. London: Reaktion Books, Critical Lives Series, 2012. P. 18–30, 34, 36–39.

ного журнала «Время» (1861–1863). Эти отрывки выбраны для дополнения критических комментариев; здесь содержится анализ взглядов Достоевского на литературу, искусство и эстетику, выраженные в статьях «Г-н –бов и вопрос об искусстве» (1861) и «По поводу выставки» (1873). Их дополняет отрывок Р. Л. Джексона «Два вида красоты» из его книги «Достоевский в поисках формы» (1966).[4] Однако прискорбно видеть, что имеющее существенное значение высказывание Достоевского об искусстве («По поводу выставки»: «...надо дать поболее ходу идее и не бояться идеального») было вырезано из приведенной цитаты. Отрывок из раннего фельетона «Петербургская летопись (27 апреля) 1847 г.» Достоевского ошибочно датируется 22 апреля — неверная дата указана в цитируемом издании 1963 года,[5] — дополняет два отрывка из книги Дж. Франка «Достоевский: Семена мятежа. 1821–1849» (1979).[6] Отрывок из эссе в журнале «Время» «Выходя за пределы теории» (1862) (авторское название которого «Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого)») был предназначен для дополнения отрывка из книги «Достоевский и идея русскости: новый взгляд на единство и братство» Сары Хадспит.[7] Указано, что он был специально переведен для «Путеводителя», однако следует отметить, что дискуссия на русском языке, в которой ставится под вопрос авторство Достоевского этого эссе, появилась в научном сборнике «Достоевский. Материалы и исследования».[8] Краткий комментарий к публицистике Достоевского: «Дневник писателя как историческое явление» (2004 г.) дает популярный российский историк Игорь Волгин в его книге «Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания».[9]

Выдержки из «Дневника писателя» содержат отрывки из более коротких произведений Достоевского, таких как «Кроткая: фантастическая история» (1876), «Мужик Марей» (1876). Полностью без купюр включен «Сон смешного человека: фантастическая история» из «Дневника писателя» 1877 года. В этом выпуске «Дневника писателя» также находятся статьи Достоевского, приветствующие вступление Российской империи в войну с Османской империей, и раздел, связанный с судом присяжных: «Освобождение подсудимой Корниловой». Хотя судебные реформы и милитаризм (в сочетании с православием) определяли политику Российской империи тех лет, эти выдержки о войне и судах не дополняются отдельными критическими статьями о взглядах Достоевского на эти вопросы.

Заявленное намерение «Путеводителя» — «лучше понять культурную и социально-политическую среду, в которой жил и писал Достоевский». Хотя сопутствующая творчеству Достоевского культурная среда в книге проясняется, в ней присутствует относительно мало объяснений ее «социально-политических» аспектов (особенно «политических», которые были обещаны). Нет также комментариев (представленных в отрывках из записных книжек к «Бесам»), которые бы рассматривали с политической точки зрения апокалиптическую (с. 458–459)[10] и антинигилистическую направленность «Бесов» в контексте политических движений в Европе, влияющих на взгляды Достоевского; или же комментариев о политике в «Пушкинской речи» (с. 465–480), лежащей в основе точки зрения Достоевского на всемирную отзывчивость русского духа, позволяющую русскому «стать братом всех людей, всечеловеком»; или комментариев о правоохранительных органах в Российской империи, упомянутых в «Записках из Мертвого Дома». В этом сборнике также отсутствуют *собственные* социально-политические комментарии Достоевского, такие как его раздел «Иностранные события» в журнале «Гражданин», многочисленные записи политического характера в «Дневнике писателя», в том числе последняя за 1881 год об отношениях России с Азией, и его редакторские и коллективные колонки в журналах, например, о походе на Хиву и окончательном завоевании Хивы в Центральной Азии. Тем не менее во введении к этой главе, посвященной журналистике, есть один своеобразный комментарий: «Поддержка Достоевским войны и, в частности, убийства в разделе „Дневника“: „Спасает ли пролитая кровь?“ может удивить читателей, более знакомых с посланием о сострадании и всеобщем братстве, которое появляется в „Братьях Карамазовых“ (1880) и других произведениях» (с. 258).

Выбор материала в восьмой главе о «Других Достоевского» включает вопросы этнической и национальной принадлежности и основан на некоторых недавних публикациях американских достоеведов, особенно Сьюзен Макрейнольдс «О христианах, мусульманах и евреях в „Записках из Мертвого дома“» из ее книги «Искупление и Бог-купец: Экономика спасения

---

[4] *Jackson R. L.* Dostoevsky's Quest for Form. New Haven, CT: Yale University Press, 1966.

[5] Dostoevsky's Occasional Writings / Selected, translated and introduced by David Magarshack. New York: Random House, 1963.

[6] *Frank J.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821–1849. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979.

[7] *Hudspith S.* Dostoevsky and The Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. London: Routledge, 2003. P. 41–46.

[8] *Симанков В. И.* М. И. Владиславлев как возможный автор статьи «Два лагеря теоретиков» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2019. Т. 22. С. 303–327.

[9] *Волгин И.* Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М., 2004. С. 143–145.

[10] *Dostoyevsky F.* The Notebooks to *The Possessed* / Transl. Victor Terras; ed. Edward Wasiolek. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 225–226.

и антисемитизм Достоевского».[11] Это исследование дополнено выдержками из «Дневника писателя» 1877 года по «Еврейскому вопросу» и более ранними отрывками из «Записок из Мертвого дома» (1862), в которых представлены «Портрет Алея», а также «Портрет Исая Фомича». Однако составители не распространили интерпретацию Рейнольдс и ее «Бога-купца» на главу о «Боге». Вместо этого они с неизбежностью вернулись к прописным суждениям русских религиозных философов Николая Бердяева «О Великом инквизиторе» (1921) и Льва Шестова о «Религиозной мысли Достоевского» (1903). Взгляды эмигрантских критиков, ставших широко известными в США в 1940-х годах, были приняты в качестве руководящих принципов более ранними североамериканскими исследователями Достоевского, такими как Р. Л. Джексон и Дж. Франк, а впоследствии были одобрены в постсоветской России. Противоядием от этого феномена является книга Стивена Касседи «Религия Достоевского».[12] Также в сборник включена работа «О кораническом мотиве в „Идиоте“ и „Бесах“» Дайан Эннинг Томпсон,[13] хотя ничего не говорится об отношении Достоевского к старообрядцам или католицизму и протестантизму (или даже к действующей Русской православной церкви своего времени и ее духовенству). Как и следовало ожидать, глава открывается письмом Достоевского к Н. Д. Фонвизиной от 1854 года «Исповедание веры», хотя оно и не введено в контекст. Части редакционной вводной главы о «Боге», кажется, читаются как компромисс между традиционным взглядом на Достоевского и попыткой представить более прогрессивную перспективу.

В отличие от журналистики Достоевского, относительно немного страниц в книге посвящены фрагментам из более объемных художественных произведений Достоевского. Этого, вероятно, и следовало ожидать, поскольку предполагалось, что студенты, которые собираются купить этот сборник, также будут иметь доступ к изучаемым романам Достоевского в переводах. Из более ранних работ «Записки из Мертвого дома» рассматриваются свежим взглядом, и, конечно, также включены «Записки из подполья». Отрывок о «Человеке из подполья» из «Проблем поэтики Достоевского» М. М. Бахтина включен в главу «Персонажи», а второй отрывок «Героя нового типа» — в главу «Роман».

Предположительно по причинам, связанным с затратами на копирайт или авторское право, в сборнике используются старые переводы художественных произведений Достоевского, сделанные Констанс Гарнетт (1912–1918) (кроме того, одно произведение дано в переводе К. Дж. Хогарт (1915)), при этом публицистика Достоевского в журнале «Время» переведена Д. Магаршаком (1963),[14] а письма взяты из переводов Э. Колберн Мейн (1917).[15] К счастью, перевод «Дневника писателя» принадлежит К. Ланцу (1993).[16] Авторские права на некоторые материалы были сняты. Дополнительные переводы были выполнены специально для сборника Антоном Нониным, в том числе «Записка о смерти жены» (1864), однако адекватный перевод из дневниковой записи «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» уже имеется в трехтомном издании «Неопубликованный Достоевский»,[17] хотя перевод Нонина и выглядит более изысканным.

Обращаясь к роману, который чаще всего преподают студентам, «Преступление и наказание», можно обнаружить, что выдержек из него не приводится, однако простой, но блестящий отрывок «Сюжет „Преступления и наказания“» из недавней книги покойного Р. Белнапа «Plots»[18] включен в главу «Поэтика». Раздел о Раскольникове К. Ключкина в главе «Персонажи» показывает, как главный герой «вырабатывает мир романа из своих материалов для чтения, журналов и газет своего времени».[19] В главе «Плен, свободная воля и утопия» Р. Л. Джексон обсуждает судьбу и свободную волю в связи с действием,[20] а женские персонажи романа и «женский вопрос» анализируются с феминистской точки зрения Ниной Пеликан Штраус в «Других Достоевского».[21]

---

[11] *McReynolds S.* Redemption and The Merchant God: Dostoevsky's Economy of Salvation and Antisemitism. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2008. P. 109–116.

[12] *Cassedy S.* Dostoevskii's Religion. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. P. 174–178.

[13] *Thompson D. O.* On the Koranic Motif in *The Idiot* and *Demons* // Aspects of Dostoevskii: Art, Ethics and Faith / Ed. Robert Reid and Joe Andrew. Amsterdam: Rodopi, 2012. P. 115–123.

[14] Dostoevsky's Occasional Writings / Selected, transl. and introduced by David Magarshack. New York: Random House, 1963.

[15] Letters of Fyodor Michailovitch Dostoevsky to His Family and Friends / Transl. by Ethel Colburn Mayne. New York: Macmillan, 1917.

[16] *Dostoevsky F.* A Writer's Diary / Transl. and annotated by Kenneth Lantz. Illinois: Northwestern University Press, 1993–1994. Vol. 1. 1873–1876 / With an Introductory Study by Gary Saul Morson; Vol. 2. 1877–1881.

[17] The Unpublished Dostoevsky. Diaries and Notebooks 1860–1881 / Under the General Editorship of Carl R. Proffer; with an Introduction by Robert L. Belknap. Ann Arbor: Ardis, 1973. Vol. 1. P. 39–41.

[18] *Belknap R. L.* Plots. New York: Columbia University Press, 2016. P. 101–107.

[19] *Klioutchkine K.* The Rise of *Crime and Punishment* from the Air of the Media // Slavic Review. 2002. Vol. 61. № 1. Spring. P. 101–106.

[20] *Jackson R. L.* Philosophical *Pro et Contra* in Part 1 of Dostoevsky's *Crime and Punishment* // The Art of Dostoevsky: Deliriums and Nocturnes. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981. P. 202–207.

[21] *Straus P. N.* Dostoevsky and the Woman Question: Rereadings at the End of a Century.

Цитаты из романа «Идиот» включают в себя восемь страниц, еще три страницы — это выдержки из записных тетрадей к «Идиоту». Одним из наиболее полезных текстов для студентов, изучающих историю написания произведения, является эссе Кэтрин Бауэрс на тему «Ольга Умецкая и „Идиот“», подготовленное специально для рецензируемого сборника и показывающее, как процесс над Умецкой был интегрирован Достоевским в текст «Идиота» с помощью газетных сообщений и записей в его записных тетрадях. Критический раздел включает подробные комментарии Р. Ф. Миллер о рассказчике в «Идиоте» (1981),[22] а в главе «Персонажи» столь же полезные комментарии к Мышкину Л. Кнапп (1998)[23] и к Настасье Филипповне (2004) С. Дж. Янг.[24] В главу о Боге включена сцена из романа, изображающая обмен крестами Мышкина и Рогожина, хотя она также могла бы стать с современной точки зрения частью главы «Другие Достоевского», отражая разные формы мужественности (или, скорее, маскулинности).

Из романа «Бесы» приводится в общей сложности четыре страницы текста и еще две из подготовительных материалов к роману. В главе «Персонажи» можно найти довольно устаревший анализ характера Николая Ставрогина (1969) Дж. Франка.[25] Ссылки в сносках основаны на материалах издания Е. Н. Коншиной 1935 года, впоследствии переведенного В. Террасом для издания Э. Васиолека, опубликованного издательством Чикагского университета в 1968 году.[26] В этом издании последовательность записей подготовительных материалов к названному произведению немного отличается от того, что мы видим в 11-м и 12-м томах академического Полного собрания сочинений Достоевского, и это могло бы быть отмечено для студентов, но все источники, предшествующие этому изданию, цитируемые в критических комментариях по всему тексту «Путеводителя по Достоевскому», остаются без каких-либо дополнительных пояснительных примечаний. В некоторых случаях редакторами добавлены вводные пояснения к отдельным выдержкам, с отметками, что «некоторые примечания были исключены» из первоначального источника.

Сквозной комментарий к «Бесам» опирается на ряд критических статей, таких как обширная статья В. Н. Захарова «Фантастические страницы Достоевского» (2006) (с. 130–137) в главе «Поэтика», в которой приводятся ссылки непосредственно на архивы, где хранятся рукописи к роману, и на последнюю записную тетрадь 1880–1881 годов.[27] Публикация текстов Достоевского в старой орфографии была отличительной чертой многих недавних текстологических исследований Достоевского в России, возглавляемых В. Н. Захаровым из Петрозаводского университета. В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН продолжается осуществление академического подхода к текстам Достоевского, идет подготовка нового Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского в 35 томах, при новой текстологической проверке и подготовке архивных материалов. Следовательно, было бы своевременным решением предоставить краткий обзор рукописного наследия Достоевского для читателей «Путеводителя по Достоевскому», в том числе акцентируя новый текстологический подход, при котором учитывается не только вербальный текст, но и идеография — каллиграфические прописи и рисунки писателя.

Среди некоторых уместных комментариев к «Бесам» выделяются также «Боковые тени в романах Достоевского» (1994) Г. С. Морсона[28] и несколько кратких наблюдений в главе «Летописное время у Достоевского» о поэтике художественного времени из издания «Поэтика древнерусской литературы» (1979) Д. С. Лихачева.[29] Но основное внимание Лихачев уделяет «Подростку», предпоследнему крупному роману Достоевского. «Подросток» представлен в сборнике трехстраничным отрывком под названием «Исключительное семейство из „Подростка“» (1875) («An Exceptional Family from „The Adolescent“»), в котором в финале романа от имени Николая Семеновича обсуждаются «семейства *случайные*»: «...вы — член *случайного семейства*. Признаюсь, не желал бы я быть романистом героя из случайного семейства!»[30] Но «случайное» повсюду здесь переводится как «исключительное» (Exceptional), что неверно. Также приводится полстранички из подготовительных материалов к роману: «Роман *Беспорядок* из записок к *Подростку* (1874)» («A Novel

New York: Palgrave Macmillan, 1994. P. 19, 21–27, 30–36.

[22] *Miller R. F.* Dostoevsky and *The Idiot*: Author, Narrator and Reader. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. P. 90–92, 107–110, 115–117.

[23] *Knapp L.* Myshkin Through the Murky Glass Guessingly // Dostoevsky's The Idiot: A Critical Companion / Ed. L. Knapp. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1998. P. 191–198, 203–204.

[24] *Young S. J.* Dostoevsky's *The Idiot* and the Ethical Foundations of Narrative. London: Anthem Press, 2004. P. 28–29, 35–36, 45–46, 53–54, 60–61, 67, 69.

[25] *Frank J.* The Mask of Stavrogin // The Sewanee Review. 1969. Vol. 77. № 4 (Autumn). P. 660–662, 667–672, 683–685, 690–691.

[26] *Dostoevsky F.* The Notebooks to *The Possessed*. P. 225–226.

[27] Ibid.

[28] *Morson G. S.* Narrative and Freedom: The Shadows of Time. New Haven, CT: Yale University Press, 1994. P. 117–118, 120–121, 126–128.

[29] *Likhachev D.* The Poetics of Early Russian Literature / Transl. Christopher Arden-Close. Lanham, MD: Lexington Books, 2014. P. 295–299, 301–305.

[30] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1975. Т. 13. С. 455.

of Disintegration from the Notebooks for *The Adolescent* (1874)»),[31] в которой содержится ошибка, приписывающая слова Версилова Аркадию Долгорукому: «He the Youth says»; ср. правильную версию: «говорит ОН».[32] За этими отрывками следует интересный комментарий К. Холланд: «Переработка романа о семействе родового дворянства» (2013) («Remaking the Noble Family Novel») (с. 209–216).[33]

Роману «Братья Карамазовы» отведено наибольшее количество комментариев и два отрывка: «Дмитрий Карамазов о красоте» и «Речь у камня» из Эпилога; их дополняют «Два вида красоты» (1966) о христианской эстетике Достоевского Р. Л. Джексона[34] и «Ода к радости» (2004) (с. 373–375) того же автора.[35] В главе о персонажах можно найти зарисовки о Федоре Карамазове (2003) Д. Мартинсен (с. 181–187),[36] Иване Карамазове и Смердякове (1992) Г. Мурав (с. 188–193)[37] и Алеше Карамазове (1977) В. Е. Ветловской (с. 194–199).[38] «Жизнеописание в „Братьях Карамазовых“» (1985) («Hagiography in Brothers Karamazov») Нины Перлиной (с. 504–512)[39] также является темой последней главы о «Боге». Своевременный и ценный анализ «Матери Карамазовых» К. Аполлонио из ее книги «Секреты Достоевского: Чтение против течения» (2009)[40] приводится в главе «Другие Достоевского» (с. 421–429).

В зависимости от индивидуальных предпочтений читатели неизбежно обнаружат некоторые пробелы в окончательном отборе материала. Возникающий образ Достоевского существенно эстетизирован, что, разумеется, может заинтересовать читателей, обращающихся к работам Достоевского в медицинском аспекте. Различные мифы, увековеченные в отношении Достоевского, получили подкрепление, и вряд ли это изменится в ближайшее время. Поскольку обсуждаемое издание в первую очередь предназначено для изучающих литературу, было бы желательно увидеть больше критических эссе, имеющих более теоретическую направленность или посвященных строгому исследованию структуры, вопросам нарратологии и литературных приемов. Например, ничего конкретно не говорится о значении сериализации и ее влиянии на нарративные стратегии Достоевского. Было бы приятно увидеть что-нибудь на эту тему, например, из публикаций У. М. Тодда III. В соответствии с тематическим подходом «Путеводителя» и ориентацией на Северную Америку как участников, так и читателей — можно было бы включить более существенную информацию, связанную с историей болезни Достоевского (помимо «розового» комментария Томпсон о коранических мотивах в «Идиоте» и «Бесах»), поскольку одно из самых ранних и новаторских исследований, касающихся болезней Достоевского, опубликовал американский ученый, покойный Дж. Л. Райс. Но не было включено никаких выдержек из его публикаций, таких как «Достоевский и искусство исцеления» (1985)[41] и «Кем был Достоевский?» (2011).[42] Актуальность темы в сочетании с исследованием наследственности и медико-генетических свойств писателя подтверждается российскими публикациями о роде Достоевского[43] и интересом, проявленным некоторыми российскими специалистами по Достоевскому, в том числе медиками и психологами, например Н. Н. Богдановым.[44] Интересные исследования были проведены американскими специалистами по таким темам, как «Достоевский и закон», «Достоевский и азартные игры», «Достоевский и католицизм» (включая его отношение к полякам), но все они остались без внимания. Вопрос о том, как Достоевский представляет альтернативную сексуальность и как ее трактует, можно было бы

---

[31] *Dostoevsky F.* The Notebooks for *A Raw Youth* / Transl. V. Terras; ed. E. Wasiolek. Chicago: University of Chicago Press, 1969. P. 37–38, 120.

[32] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 81.

[33] *Holland K.* The Novel in the Age of Disintegration: Dostoevsky and Genre in the 1870s. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2013. P. 103–104, 115–119, 122–123.

[34] *Jackson R. L.* Dostoevsky's Quest for Form. New Haven, CT: Yale University Press, 1966. P. 40–44, 46–51, 56–60.

[35] *Jackson R. L.* Alyosha's Speech at the Stone: 'The Whole Picture' // A New Word on *The Brothers Karamazov*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2004. P. 240–243, 246–248.

[36] *Martinsen D. A.* Surprised by Shame: Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure. Columbus: The Ohio State University Press, 2003. P. 175–183.

[37] *Murav H.* Holy Foolishness: Dostoevsky's Novels and the Poetics of Cultural Critique. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1992. P. 125, 139–141, 144–148.

[38] *Vetlovskaya V.* Alyosha and the Hagiographic Hero // Dostoevsky: New Perspectives / Ed. R. L. Jackson. New York: Prentice Hall, 1984. P. 206–213, 219–220, 222, 224–226.

[39] *Perlina N.* Varieties of Poetic Utterance: Quotation in *The Brothers Karamazov*. Langham, MD: University Press of America, 1985. P. 70–71, 73–82.

[40] *Appolonio C.* Dostoevsky's Secrets: Reading against the Grain. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2009. P. 144, 148–158.

[41] *Rice J. L.* Dostoevsky and the Healing Art: An Essay in Literary and Medical History. Ann Arbor: Ardis, 1985.

[42] *Rice J. L.* Who Was Dostoevsky? Essays New and Revised. Oakland, CA: Berkeley Slavic Specialties, 2011.

[43] Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина; *Волгин И.* Родные и близкие: Историко-биографические очерки. М., 2012.

[44] *Богданов Н.* Вокруг Достоевского: Поиски, находки, размышления. СПб., 2019.

осветить полнее, затронув, например, его деловые отношения с князем Мещерским, имя которого даже не фигурирует в Указателе. Сборник представил бы подходящую возможность включить обсуждение того, как цензура повлияла на творчество Достоевского, тем более что об этом было очень мало публикаций (возможно, полезен был бы отрывок из исследований покойного П. Фута из Оксфордского университета о цензуре). Цензура в отношении рукописного и эпистолярного наследия Достоевского также могла быть исследована, в том числе материал, якобы сокращенный Анной Григорьевной, в сочетании с тем, что часть корреспонденции Достоевского была, очевидно, уничтожена, номера страниц изменены, а некоторые другие материалы повторно скопированы.

Несмотря на некоторые из вышеперечисленных наблюдений, учитывая сложность текстов Достоевского и огромное количество доступного критического материала, работу редакторов можно в целом назвать успешной в выполнении задачи по включению в сборник наиболее подходящих текстов, которые вписывались бы в некие рамки конкретной системы, предназначенной для того, чтобы направить читателей к желаемому пониманию произведений Достоевского. Очевидно, что редакторам пришлось бы пойти на компромисс, продиктованный наложенными ограничениями издания, такими как доступность авторских прав, а также ожиданиями и практикой преподавания тех, кто руководит учебным процессом в англоязычных университетах.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-269-270

© *А. М. Грачева*

«ВЕРИЛ В КРАСИВЫЙ ВЫМЫСЕЛ, ПРЕДПОЧИТАЯ ЕМУ ЖЕСТОКУЮ ПРАВДУ ЖИЗНИ...»*

Монография «Максим Горький — мыслитель, художник, человек» стала последней, вышедшей посмертно книгой доктора филологических наук, профессора Лидии Алексеевны Спиридоновой (25 марта 1934 — 11 января 2022), с 1995 по 2022 год заведующей Отделом изучения и издания творчества А. М. Горького в ИМЛИ РАН, одного из крупнейших специалистов по наследию этого классика русской и советской литературы. Она состоит из вступительного эссе «Знаем ли мы Горького? (Вместо предисловия)», двадцати глав, Послесловия, Списка литературы, а также Указателя имен и сопровождается иллюстрациями. Дробность и стилистическая гетерогенность глав позволяет предположить, что ранее бóльшая их часть являлась отдельными статьями, созданными в разное время. Однако в тексте не указаны данные об их первоначальной публикации. Выявление подобных сведений не входит в задачу рецензента, поэтому будем воспринимать эти двадцать глав как части одной монографии. В названии декларировано изучение и представление читателю фигуры Максима Горького как единства трех ипостасей — «мыслителя, художника, человека». Порядок расположения материала в книге основан на соединении хронологического и семантического принципов. Отдельные главы монографии выявляют то одно, то второе, то третье качество, «природу», «лицо» главного героя. Абстрагируясь от заявленной последовательности, обратимся к анализу репрезентации каждой из них в тексте книги. Наиболее глубоко, на основе использования безграничного богатства материалов хранящегося в ИМЛИ РАН Архива А. М. Горького, в монографии Л. А. Спиридоновой раскрыто «лицо» Горького-человека. В первом же предложении Вступления заявлена парадоксальная теза: «Классик мировой литературы М. Горький сегодня — писатель широко неизвестный» (с. 11). И далее — в главах «Горький и русская революция», «Странный я человек, Катя» и «Я не люблю свою личную жизнь...» — исследовательница, действительно, открывает читателю Горького, показывая его жажду знаний, политическую страстность, грани конформизма и нонконформизма, способность любить и ненавидеть, etc., etc., etc. В этом условном «разделе» наиболее значим проведенный автором анализ взаимоотношений Горького с политическими деятелями советского государства в период его окончательного возвращения в СССР. Спиридонова тонко и точно определила характер позиции писателя в отношении сталинского режима как сознательного/бессознательного прагматического компромисса с властью. В частности, она отметила: «Горький был тем „безумцем“, который верил в красивый вымысел, предпочитая ему жестокую правду жизни. Он все еще надеялся примирить оппозиционеров со Сталиным <...> Он искренне верил, что советская власть — это власть народа <...> Поэтому он порой закрывал глаза на искажение той „высшей правды“, которой поклонялся всю жизнь»

* *Спиридонова Л.* Максим Горький — мыслитель, художник, человек. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 432 с.

(с. 196). Наиболее значительной в монографии является глава «Триумф или трагедия?», в которой проанализированы контакты Горького с советскими лидерами в 1930-е годы. Анализ и выводы Спиридоновой, несомненно, являются также свидетельством серьезной подготовки горьковедов к началу работы над заключительной третьей серией академического издания наследия писателя — его публицистики.

В раскрытии темы «М. Горький — мыслитель» ощутимы навыки Спиридоновой как многолетнего комментатора текстов в Собрании сочинений писателя. Однако то, что считается достоинством комментария — краткость и вызванная этим тяга к упрощению сложного (в данном случае, философских концепций и позиций дальних и ближних «учителей», оппонентов или сомысленников Горького), в другом филологическом жанре (а именно, в монографии) является уже очевидным недостатком. Это становится особенно явным в главах «М. Горький и философия пессимизма», «Поиски веры», «Религия человека и человечества», «Горький и философия прагматизма» и «Горький на Капри», посвященных сравнению взглядов Горького и Фр. Ницше, Дж. Леопарди, А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, А. Богданова. Вопросы об истоках, трансформации и эволюции воззрений Горького в контексте философской мысли его времени заслуживают более обоснованного и глубокого изучения, а не краткой, заведомо упрощающей сложное информации о сути этих теорий и простой констатации совпадения или несовпадения тех или иных постулатов со взглядами писателя.

Наконец, последнюю часть заявленной «триады» составляет представление о Горьком как художнике. С огорчением приходится отметить, что главы, посвященные этому «лицу», — самые слабые в монографии. Тут Спиридонова является «заложницей» одной из не самых лучших и давно устаревших традиций советского литературоведения — практики канонизации творчества Горького и рассмотрения его вне историко-литературного контекста. Предпринятые в книге *попытки* проанализировать произведения на фоне литературного процесса содержат в себе явные «рудименты» нормативного горьковедения 1940–1950-х годов, когда Горький возвышался одиноким Монбланом на фоне низких холмов советской и болотных падей дореволюционной литературы. Достаточно привести только одно высказывание исследовательницы: «Анализ эволюции творческого метода Горького позволяет отвергнуть устоявшиеся в литературоведении стереотипы. Идя по пути синтеза разных методов и стилей, не отвергая даже влияния модернизма, писатель создавал свой собственный неповторимый метод. <...> Писатель был не только связующим звеном между русской классической и советской литературой, но и ярчайшим представителем Серебряного века <так!>» (с. 323–324). Догмат о доминировании Горького над всей прочей литературой последовательно утверждается в главах «Творчество Горького в контексте Серебряного века», «Творческий метод Горького и возникновение социалистического реализма» и «К вопросу о новаторстве Горького». К сожалению, следование идеологическому постулату о безоговорочном торжестве литературного мастерства писателя над всеми его современниками сопровождается в монографии проявлением приверженности Спиридоновой другому «наследию» ветхого деньми горьковедения, а именно анализу произведений Горького с использованием многочисленных клише и штампов. Например: «От произведения к произведению в раннем творчестве Горького нарастает и выкристаллизовывается тема подвига» (с. 27); «Образ орла, обозначающий сильную личность (как символ сильной личности), возникает при характеристике героев, имеющих ницшеанские черты <...> Образ Сокола связан с представлением о герое, бескорыстно заботящемся о других. <...> Наконец, Буревестник символизирует движение самих масс (с. 29; скрытая цитата из статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». — *А. Г.*)»; «Мастерство портретных характеристик в произведениях писателя поражает. <...> Горький обладал талантом в нескольких метких словах дать исчерпывающую характеристику человека <...> Не менее выразительны описания природы, обстановки, места действия в произведениях Горького» (с. 208), etc., etc., etc.

Через весь труд лейтмотивом проходит идея защиты творчества и личности Горького от вскипевшего в годы перестройки развенчания этого Зевса, свергнутого с вершины советского литературного Олимпа. Надо отметить, что Лидия Алексеевна действительно много сделала для отстаивания имени Горького-писателя, сохранения памяти о нем, наконец, продолжения академического издания его наследия. Искренним чувством «боли» за Горького проникнуты ее финальные слова: «Прекрасный памятник, который стоял на площади Белорусского вокзала, снесли и чуть не уничтожили в годы „перестройки“. С большим трудом его удалось вернуть на место к 150-летнему юбилею со дня рождения писателя. Следующим шагом должно быть возвращение Горького на законное место классика русской и советской литературы, у которого нет даты смерти» (с. 387).

Книга Л. А. Спиридоновой «Максим Горький — мыслитель, художник, человек» ярко демонстрирует сильные и слабые стороны академического горьковедения в его прошлом, а отчасти и в его современном состоянии. Нет сомнений, что ныне, когда Горький уже перестал быть фигурой, канонизированной и потому запретной для объективного изучения, исследование творчества, биографии и динамики его бытия на мировом литературном, общественном и политическом горизонтах конца XIX — первой трети XX века является одной из значимых, интересных и во многом новаторских задач современного литературоведения как науки. В этом плане последняя монография Лидии Алексеевны предстает не только как итог жизни ученого, но и как финальная черта под целым периодом в освоении горьковского наследия.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-271-277

© *Е. Е. Дмитриева*

РУССКО-НЕМЕЦКОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К. М. АЗАДОВСКОГО*

В минувшем 2022 году немецкое издательство «Brill Fink» выпустило в свет книгу К. М. Азадовского «Russisch-deutsche Verflechtungen», название которой отчасти восходит к подзаголовку ранее вышедшего сборника его избранных работ «Сюжеты и судьбы. Немецко-русские отражения».[1] Но, признаемся, в чем-то даже более отвечает содержанию труда, в котором, действительно, речь идет не столько об отражениях, сколько именно о русско-немецких переплетениях (*Verflechtungen*) — пересечениях судеб человеческих и писательских, творчества, наконец, идеологии. Издание, имеющее неметафорический подзаголовок «Избранные труды по истории литературы и культуры XIX и XX веков», подготовлено стараниями двух российско-немецких филологов Наталии Бакши и Федора Полякова.

В основу книги легло русское издание «Сюжетов и судеб»: бóльшая часть вошедших в него статей, в разные годы опубликованных, переведено на немецкий язык и впервые вошло в научный оборот немецкоязычных германистов. Но при этом добавились и три статьи, первая публикация которых состоялась в Германии и которые, увы, до сих пор остаются практически неизвестны русскоязычному читателю («Запрет на профессию „космополит“. Виктор Жирмунский в 1948–1949 годах», «„Страна гениев“ — Германия глазами Андрея Белого» и «Истории и тайны Старого Энтузиаста. Аким Волынский — Лу Андреас-Саломе — Райнер Мария Рильке»).

При том, что внешне книга выглядит как род научной антологии (антологии трудов ученого) и даже, казалось бы, лишена хронологической логики (сюжеты новейшего времени предшествуют в ней подчас более давним), на самом деле она имеет строго продуманную архитектонику, целям которой подспудно и служит неуимчивый хронотоп. Открывается книга статьей «„Иногда становится невыносимо...“. Письма блокадной зимы»,[2] которую и статьей называть как-то совестно, поскольку по жанру это — одновременно и публикуемый пронзительный эпистолярий блокадного времени М. К. Азадовского, и собственные воспоминания и размышления его сына.

«Эпопея ленинградской блокады слагается из множества личных историй. Свою блокадную историю, длившуюся шесть месяцев, имеет и наша семья» (S. 1; здесь и далее перевод мой. — *Е. Д.*). Так начинается публикация извлеченных из семейного архива писем — хроника жизни и хроника смерти, где в страшном в своей обыденности мартирологе проходят имена известные (Вл. Ф. Шишмарев, Л. В. Щерба, В. М. Жирмунский, К. В. Чистов и др.) и имена ныне уже неизвестные, которые только начинали, но не успели сказать свое слово в жизни и науке. В первом письме М. К. Азадовского к жене, датированном 9 сентября 1941 года, еще звучит спокойно-стоическая интонация, которую, по рассказу сына, он и в дальнейшем старался сохранять. «Послушайте, madame! Чего же Вы ждете: и Седан был, и Бородино было, — а сегодня ночью и Ленинград получил первое настоящее боевое крещение» (S. 2).

Поразительны эти строки, и каким-то важным откровением звучат они и сейчас. Словно стоит нам вписать войну в историю войн, которые испокон веков вело человечество, как все предстает не таким уж и страшным. «Государства ведут войны, но войны создают государства», — сказал совсем недавно по телевидению один историк. И только если оставить в стороне разговор о философии истории, ее метафизике и проч., и посмотреть, что происходит с конкретным человеком, когда он попадает во вполне конкретное кровавое месиво, то именно тогда становится страшно. *История домашним образом*, сказал однажды Пушкин о романах Вальтера Скотта. Историей домашним образом звучат и эти блокадные письма.

Все здесь «амбивалентно». Радость появления на свет ребенка сопряжена с ужасом родителей: как сохранить его в условиях, когда не выдерживают и взрослые. Но с другой стороны, на ребенка дается дополнительная карточка, и это уже отчасти спасительно. «Чудесная золотая осень, которая редко бывает в Ленинграде» и которую ленинградцы «так любили прежде» (S. 9), как пишет в одном из писем М. К. Азадовский, кажется словно сошедшим с гравюры Дюрера черным солнцем Апокалипсиса. «А теперь каждое утро, отворяя окно, мы с ужасом и досадой смотрим на заливающее комнату солнце» (S. 9).

---

* *Asadowski Konstantin.* Russisch-deutsche Verflechtungen. Ausgewählte Beiträge zur Literatur- und Kulturgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts / Hrsg. von Fedor Poljakov und Natalia Bakshi. [Paderborn:] Brill Fink, 2022. 389 S.

[1] *Азадовский К.* Сюжеты и судьбы. Немецко-русские отражения. М., 2019 (сер. «ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты»; вып. 2).

[2] Впервые опубл.: Звезда. 2020. № 1. С. 152–176.

Ночные дежурства в Пушкинском Доме, разбор рухнувших от обстрела домов, — а на этом фоне читаются стихи, пишутся главы второго тома «Истории русской фольклористики», которая будет вскоре выдвинута на Сталинскую премию. «Есть упоение в бою / И бездны страшной на краю», — сказал поэт. Возможно, это объясняет и атмосферу следующих строк из письма М. К. Азадовского, который, как человек литературы, не мог не воспринимать все происходящее также и бытийно (дабы обойтись без пафосного «экзистенциально»), Н. К. Гудзию: «В этом была своя поэзия. Страшная и жуткая, но поэзия. Ночь. В углу в ватном мешке спит наш малютка; под грудой одеял тяжело дремлет Лидия Владимировна. А я в это время то развожу буржуйку, на которой сам готовлю всем ужин, и в промежутках дописываю какие-нибудь лакуны» (S. 24).

Казалось бы, что может быть страшнее тревог и тягот блокадного времени, смерти, распада личности когда-то светлых и дорогих людей, но к ним присоединяется «еще одно» бедствие, которое никакая человеческая логика не позволила бы предположить, — «арест ближайших друзей и коллег»: арестован В. М. Жирмунский; вслед за ним — Г. А. Гуковский. Оба проводят в следственном изоляторе НКВД около месяца (и это — в самом горниле «блокадного ада»).

И еще одно «казалось бы». 20 марта 1942 года для семьи Азадовских — время исхода: с женой и сыном М. К. Азадовский эвакуирован спецсамолетом вместе с Томашевскими из блокадного Ленинграда. Впереди три года эвакуации в Иркутске и возвращение в Ленинград — «в ту же квартиру на ул. Герцена» (S. 30). Марк Константинович продолжит свою преподавательскую работу в Университете и научную в Пушкинском Доме. После войны он будет награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Но только не happy end'ом завершается этот первый раздел книги К. М. Азадовского. Заканчивается он на печальной, а в сущности трагической ноте: коротком сообщении о том, что было *после*: «Этот последний период его жизни отмечен гонениями, публичными оскорблениями и грязной клеветой, достигшими апогея в 1949 году — в разгар идеологической и антиинтеллигентской (по сути, антисемитской) кампании против „космополитов“. Среди обличительных формулировок, что произносились тогда на собраниях и в печати, чаще других повторялись обвинения в „антипатриотизме“ и „антисоветизме“. О научном, гражданском и человеческом облике ученого-блокадника, столь отчетливо проявившемся в зиму 1941–1942 года, никто в те годы не вспомнил. Да и позднейшие историки ленинградской блокады (за исключением Сергея Ярова) как будто забыли о Марке Азадовском — очевидце блокадной трагедии и участнике обороны города» (S. 31).

Тему того, что было «после», продолжает следующая статья, а по сути, глава книги: «Запрет на профессию „космополит“. Виктор Жирмунский в 1948–1949 годах», в основу которой легли материалы, уже ранее собранные и опубликованные К. М. Азадовским совместно с Б. Ф. Егоровым.[3] Из профессоров, подвергнувшихся в 1948–1949 годах гонениям, В. М. Жирмунского можно было бы назвать одним из самых благополучных. НКВД его трижды арестовывало, но довольно быстро отпускало. Он не умер, как Г. А. Гуковский, от сердечного приступа в 1950 году в тюрьме Лефортово, не умер от сердечной недостаточности в 1954 году, как М. К. Азадовский, лишенный права преподавать в университете и уволенный из Академии, что означало для него также и невозможность продолжать свои исследования по фольклору. Он не пережил, как Б. М. Эйхенбаум, глубочайший кризис в 1949 году, очевидно ускоривший его смерть в 1959-м. Уволенный с должности заведующего кафедрой западноевропейских литератур Ленинградского университета, он все же продолжал работу в Институте языкознания под началом В. В. Виноградова, а в 1955 году возобновил преподавательскую деятельность в Герценовском институте (в конце данной главы К. М. Азадовский опубликовал также некоторые архивные материалы, хранящиеся у наследников В. М. Жирмунского и иллюстрирующие этапы его непростого пути: письма, постановления, заявления).

Но история Жирмунского по-своему особенно показательна как знак эпохи, когда понятие патриотизма, столь много значившее во время войны, постепенно становится инструментом подавления и репрессии, когда в праве на патриотизм отказывается тому, кто не «русский» — и скоро это перерастает в откровенный антисемитизм. «Фашизм, потерпевший сокрушительное поражение на полях сражений, — пишет К. М. Азадовский, — победил теперь в идеологической сфере. Этот „патриотический“ пафос и клевета на все иностранное достигли своего апогея в июне 1947 г., когда в гуманитарных науках, в частности в литературоведении — началась новая шумная кампания травли, начало которой было положено так называемой „дискуссией о Веселовском“» (S. 35). Постановление относительно журналов «Звезда» и «Ленинград», выступление Александра Фадеева на XI пленуме Союза писателей в июне 1947 года, разносная критика им монографии В. Ф. Шишмарева «Александр Веселовский и русская литература» (Л., 1946), дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Октябрь», поначалу достаточно неоднозначная (Шишмарев, в частности, выступил в ней в защиту своего учителя), но закончив-

[3] См.: *Азадовский К., Егоров Б.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36; см. также: *Дружинин П.* Идеология и филология. Документальное исследование: В 3 т. М., 2012–2016.

шаяся позорной статьей В. Кирпотина[4] с обвинениями одновременно в адрес и Веселовского, и Жирмунского — вот только некоторые из прослеженных в данном разделе книги этапов того смертного дефиле, карнавала зловещих масок, апогеем которого стало расширенное заседание Совета филологического факультета в апреле 1948 года, где Жирмунский был обвинен также и в неуважении к национальной самобытности узбекского народа в своем труде «Узбекский народный героический эпос».

Спектакль, в котором непогрешимые «праведники» выступали против кающихся и отказывающихся каяться «грешников». И не нам судить тех, кого под себя подмяла государственная машина. Об этом тоже пишет К. М. Азадовский: «Следует сказать, что многие из обвинителей в какой-то степени сами стали жертвами: жертвами страха, запугивания и принуждения» (S. 43). А то, как тонкий и умный писатель Федор Абрамов, тогда еще аспирант, мог с таким пафосом выступать против Жирмунского, возможно, останется навсегда загадкой человеческой психики и человеческой натуры.

Наверное, не случайно за историей Жирмунского, которая есть история русской филологической науки и русской жизни, следует глава о Блоке и Грильпарцере, перемещающая нас в эпоху, иную по времени, но отнюдь не по основному поставленному здесь вопросу. О драме Франца Грильпарцера «Праматерь» автор пишет: «Естественная для человека воля к жизни и одновременно невозможность свободного волеизъявления — таков трагический конфликт этой драмы. В мире, как представлялось Грильпарцеру, царит некое необходимое начало, определяющее человеческие поступки. Человек — несвободен. Тем не менее, утверждая зависимость человека от высших сил («рока»), Грильпарцер, наследник просветительской эпохи, глубоко сострадает ему и стремится подчеркнуть неестественность такого положения» (S. 56–57).

Первая в России серьезная попытка осмыслить наследие Грильпарцера, предпринятая Александром Блоком, которому принадлежит и полный перевод драмы «Die Ahnfrau», сделанный им для театра В. Ф. Коммиссаржевской, аукнется и в собственном творчестве Блока. Работая над переводом в «переломный период российской истории», он сам мучительно размышляет «о человеческой личности в ее взаимоотношениях с эпохой — о Судьбе, тяготеющей над людьми» (S. 75). А начиная с середины 1907 года обдумывает собственную пьесу, точнее, драматическую поэму — «Песню Судьбы». Ситуация меттерниховской Австрии (а именно в это время Грильпарцер работал над своей драмой) накладывается в сознании Блока на «ту грозовую атмосферу», полную «безумной тревоги» и «сгущающегося мрака», что объединяет две эпохи. «...Все живое обессиливается мертвым», — пишет Блок. А свою статью «Литературные итоги 1907 года» начинает со слов: «Реакция, которую нам выпало на долю пережить, закрыла от нас лицо жизни, проснувшейся было, на долгие, быть может, годы. Перед нашими глазами — несколько поколений, отчаивающихся в своих лучших надеждах» (S. 78–79).

И разве это — не то же состояние и не те же чувства, что испытывали те, кто описан в книге К. М. Азадовского в двух предыдущих главах?

Следующий раздел, или статья, «Русские знакомства Шеллинга» имеет своим объектом эпоху и тему гораздо более спокойные — историю русского шеллингианства, но рассмотренную в ключе скорее позитивистском: не история идей, но описанные и прослеженные в деталях встречи Шеллинга, реальные и виртуальные, с его русскими современниками. Среди них — Д. М. Велланский, А. И. Тургенев, М. Ю. Виельгорский, Ф. И. Тютчев, И. В. Киреевский, И. С. Гагарин, М. П. Погодин, Н. А. Мельгунов, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин и др.

Он был певцом «единой творимой жизни», создателем «живой философии», чья популярность в России чуть ли не превосходила его востребованность в Германии, кого, наряду с Наполеоном и Байроном, почитали главнейшим представителем века, как сказал о Шеллинге А. В. Никитенко (но он же и добавил о всех троих: «Они скажут будущим поколениям его тайну и покажут им, как в наше время дух человеческий хотел торжествовать над роком и изнемогал в непосильной борьбе с ним» — S. 92).

Так опять подспудно возникает в книге тема борьбы с роком, воплощением которого на этот раз становятся, однако, не таинственные силы Грильпарцера, но М. Л. Магницкий, почитающий учение Шеллинга «богопротивным», сеющим «вольнодумство и разврат», под видом идеализма проповедующим «самый грубый материализм» (S. 92). Казалось бы, бог с ним, с Магницким. Но ведь и И. В. Киреевский, в юности так увлекавшийся Шеллингом, в своей поздней статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856), даже «отдавая должное кумиру своей юности», тем не менее выскажет «неудовлетворенность его „ограниченным“ протестантским рационализмом, не сумевшим даже и в „Философии откровения“ найти божественную истину» (S. 118). Только Россия, утверждает Киреевский, способна в полной мере оценить и достоинства, и недостатки Шеллинговой системы, «ибо Россия может увлекаться логическими системами иноземных философий, которые для нее еще новы; но для любомудрия верующего она строже других земель Европы, имея высокие образцы духовного мышления в древних св. отцах и в великих духовных писаниях всех времен, не исключая и настоящего» (S. 118).

---

[4] *Кирпотин В. Я.* О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском, о его последователях и о самом главном // Октябрь. 1948. № 1. С. 6 и след.

Все было встарь, все повторится снова... Но сладок ли нам узнаванья миг?

Начиная с главы 4 — и продолжено это будет в главе 5 «Русские в архиве Ницше» — К. М. Азадовский все более обращается к теме русско-немецких контактов: пересечения и странного сближения судеб. Перед читателем предстает облик веймарской виллы, на которой уже безумно больной Ницше провел свои последние годы. Затем она была превращена сестрой философа Э. Фёрстер-Ницше в Архив Ницше. Эта вилла на протяжении XX века познала и периоды взлета, и периоды падения. В ее судьбе отразилась германская история последних ста лет, среди прочего, она стала местом многочисленных примечательных встреч (бывают странные сближения!). Так, в 1903 году, т. е. уже после смерти философа, в салоне Э. Фёрстер-Ницше появляется граф Маврикий Эдуардович Прозор (1849–1928), образованный дипломат, назначенный в Веймар русским «министр-резидентом», переводчик на французский язык Ибсена и Мережковского. «...Вероятно, именно от него Фёрстер-Ницше, — читаем мы далее в книге, — узнала об одном из наиболее страстных в то время поклонников Ницше в России. Кроме того, через Прозора была получена и опубликована в России (еще не появившаяся по-немецки) „Критика высших ценностей“» (S. 125–126).[5] Чуть позже в Веймаре появится «один из наиболее ревностных русских германофилов начала века» (S. 126) — Э. К. Метнер.

Но главными персонажами и предметом наиболее пристального интереса в этой главе становятся З. А. Венгерова, которая во второй половине 1890-х годов перевела на русский язык книгу о Ницше (ее письмо, обращенное к Фёрстер-Ницше, также публикуется в книге), и публицист, переводчик и поэт М. А. Сукенников. Один из немногих, кому удалось завязать с Элизабет Ницше более или менее длительные отношения, он оставил о своих встречах и разговорах с ней ряд печатных свидетельств,[6] достоверность которых, однако, К. М. Азадовский частично оспаривает.[7] Другой публикуемый архивный документ — письмо Фёрстер-Ницше, которое она направила М. Горькому с приглашением посетить ее виллу и на которое Горький ответил вежливым отказом, — являет собой важный документ, вносящий дополнительный нюанс в издавна дебатируемый вопрос о «ницшеанстве» Горького.

Если среди представителей русского Серебряного века и есть тот, чей бытийный и творческий путь в наибольшей степени демонстрирует власть германского гения над русским умом, то это — Андрей Белый. Шопенгауэр, Кант и неокантианцы, Рикерт, Коген, Наторп, Кассирер, Ницше, которого он называл своим отдохновением, Гете и Бетховен. Мюнхен, куда Белый отправляется после пережитой с Л. Д. Блок драмы, кафе «Симплициссимус», место сбора германской художественной богемы, о котором он, как и о кафе «Леопольд», еще напишет в книге «Между двух революций». Ироническая игра и эксперименты с немецкими именами и персонажами в романах «Петербург» (барон Оммау-Оммергау) и «Серебряный голубь», где появится Шмидт, чье пристрастие к тайному знанию станет очевидной автобиографической проекцией самого Белого. Наконец, Рудольф Штейнер с его призывом к антропософскому тайному знанию, за которым (одновременно за Штейнером и за знанием) Белый следует в своих странствиях по Германии и Швейцарии: из Базеля в Мюнхен, Нюрнберг, Берлин, Кельн, и снова в Берлин, а затем и в Дорнах, где знакомится с поэтом Моргенштерном, избирательное сродство с которым пронзительно ощущает, — все это этапы непростого, во многом противоречивого, но крайне увлекательного пути, который К. М. Азадовский совместно с А. В. Лавровым прослеживает в главе «„Страна гениев“ — Германия глазами Андрея Белого».

И тем неожиданнее на этом фоне (хотя абсолютно вписывающееся в характерное для русского сознания радостное постижение Германии — дабы впоследствии от нее отвернуться) звучит разрыв Белого с немецким духом и немецким гением: когда Берлин между двумя мировыми войнами откроется ему как символ современной, чуждой культуре цивилизации, превращающей человеческую жизнь «в кажущееся, механическое существование, отчужденное от духовных основ» (S. 182), о чем он напишет по возвращении из Берлина в книге «Одна из обителей царства теней» (1924) в период одного из тяжелейших своих духовных кризисов.

И все же остается открытым вопрос: не были ли критические выпады Белого 1920-х годов против Германии определенной уступкой советской идеологии, заставившей его увидеть в художественном авангарде отражение уми-

[5] К. М. Азадовский ссылается на работу М. Ю. Кореневой «Д. С. Мережковский и немецкая культура: Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание» (На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С. 76). Здесь можно было бы добавить и недавние работы В. В. Полонского. См., в частности: *Полонский В. В.* Эпистолярий в системе средств формирования литературной репутации русского писателя в Европе: Д. С. Мережковский и граф Морис Прозор // Текстологический временник: вопросы текстологии и источниковедения. М., 2018. Кн. 3. Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н. В. Корниенко. С. 689–700.

[6] См.: *С<укенник>ов М.* Ницше, Тургенев и Виардо (Неопубликованный эпизод) // Раннее утро. 1910. 12 мая. № 107. С. 2.

[7] Подробнее см.: *Азадовский К. М.* Из словаря «Русские писатели. 1800–1917» (М. А. Сукенников. С. Н. Шиль) // Литературный факт. 2018. № 7. С. 358–384.

рающей культуры буржуазной страны и апофеоз варварства. Ведь параллельно звучала в сознании и ностальгическая нота, когда он задумывал свой так и не написанный роман «Германия».[8]

Тема избирательного родства становится также содержанием главы «Две башни — два мифа (Стефан Георге и Вячеслав Иванов)», которая повествует об истории русского и немецкого поэтов, никогда не встречавшихся и не соприкасавшихся друг с другом, но чье духовное родство уже для современников представало как несомненное. Впрочем, в эту устойчивую мифологему спонтанной духовной связи К. М. Азадовский вносит и свой корректив, рассказывая о молодом немецком поэте Гансе Гюнтере, который, как выясняется, и стал своеобразным пропагандистом Георге в России, а в Иванове первым усмотрел «русского Георге» (это о Гюнтере А. М. Ремизов распустил в свое время слух, будто он и есть сам Стефан Георге).

Другой корректив вносит автор и в саму тему духовного родства. «Два мастера, два вождя символистских школ, Иванов и Георге — фигуры соизмеримые. Но говорить о сходстве между ними надлежит тем не менее с осторожностью. Точно так же необходим и ряд оговорок при сопоставлении обеих „башен“ — германской и русской. Георгианцы представляли собой подобие „ордена“, их встречи носили закрытый, „тайный“, воистину келейный характер (к тому же Георге не допускал на свои собрания женщин), тогда как доступ на Башню Иванова — при всей ее элитарности — никак не ограничивался <...> Подобно „символисту и декаденту Бодлеру“, эстет Георге воплощал для Иванова декадентское начало («интимное искусство утонченных»), чуждое „пафоса мистического устремления“ и далекое от той „истинной реальности“, к которой он призывал в своих статьях 1900-х гг.» (S. 211).

Фигуре еще одного посредника, хотя и потерявшегося отчасти в тени Ганса Гюнтера, посвящена глава «Рейнгольд фон Вальтер между Блоком и Рильке». Фигура этого уроженца Петербурга, покинувшего Россию в 1918 году, примечательна не только тем, что именно он положил начало известности Блока в Германии и, познакомив с его стихами Рильке, утвердил последнего в ощущении своей «созвучности» как России (ее он испытал уже во время своей поездки в Россию), так и русскому поэту-современнику. Для историка культуры Вальтер представляет интерес еще и как поэт-жизнетворец, построивший свои отношения с Рильке «под знаком Блока». Опубликованное в данной главе письмо к Рильке с рассказом о «Высочайшей Возлюбленной», ради белого брака с которой Вальтер отправился из Германии в далекий Томск, стало, как показал К. М. Азадовский, словно преломлением тем и мотивов в особенности ранней поэзии Блока и «способствовало в конечном итоге „пересечению“ двух великих поэтов в едином поле европейской литературы» (S. 236).

Элемент квазидетективного расследования присутствует в статье, написанной совместно с Г. Г. Суперфином, «Русский в Германии: одиссея „профессора“ Матанкина» (история русского эмигранта, укрывшегося под псевдонимом «Александр Карено» и описавшего сцены берлинской жизни 1920-х годов, которые ему, как шоферу такси, довелось наблюдать), а также в главе под затейливым названием «Истории и тайны Старого Энтузиаста. Аким Волынский — Лу Андреас-Саломе — Райнер Мария Рильке», где вновь звучит тема Рильке, опосредованно — Ницше и великой возлюбленной обоих Лу Андреас-Саломе, одной из самых таинственных и загадочных женщин рубежа веков. Однако основную «интригу» составляют даже не они, но еще один русский посредник между культурами — Аким Волынский, чья книга «Леонардо да Винчи» (1900), родившаяся отчасти из духа соперничества с другом-недругом Д. С. Мережковским, предстает в интерпретации К. М. Азадовского как своего рода «роман с ключом». Ибо в нем — при внимательном чтении — обнаруживается зашифрованная история запутанных отношений между Волынским, Лу Андреас-Саломе, тогда еще юным и очень влюбленным в Лу поэтом Рильке и незримо нависающей над ними всеми тенью Ницше — во время их совместного пребывания в Вольфратсхаузене (Бавария). Остается только пожелать, чтобы глава эта была переведена наконец на русский язык и стала доступна также и читателю-не германофону.

Последние статьи — «„Взгляд в Хаос“: Герман Гессе о России и Достоевском», «Стефан Цвейг в СССР», «Генрих Бёлль и советские „диссиденты“ — возвращают нас отчасти к тем темам, которые были заданы уже в первых главах данной книги: к тому болезненному, крайне противоречивому опыту XX века и русско-германских отношений, которые и позволили немецкому критику Генриху Штаммлеру сказать: «Немцы и русские друг друга люто ненавидели, но и любили страстно. Этот клубок эмоций следует распутать. Но никто его еще не распутал...» Слова, которые К. М. Азадовский поставил в качестве эпиграфа к своему русскому сборнику трудов.

Гессе, Цвейг и Бёлль — три центральных немецких автора XX столетия и три вехи познания ими России.

Гессе, предки которого по отцовской линии были выходцами из России, пытаясь разобраться в своей рецензии на книгу Карла Нётцеля «Сегодняшняя Россия» (1915) в том, что отличает русских людей от западноевропейцев, пишет о «мощном приливе душевности, древнехристианской любви и по-детски незамутненной потребности искупления», перед которыми «европейская литература неожиданно оказалась мелкой и узкой» (S. 273).

[8] См. об этом также: *Лавров А. В., Гречишкин С. С.* Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб., 2004. С. 376–382.

Размышляя о великом духовном кризисе, охватившем западный мир, с точки зрения «хаоса», он истолковывает распространенную на Западе легенду о «русской душе», способной к примирению любых противоречий. Но видит в этом явление не только специфически русское, но и универсальное.

«Бесчеловечная политика большевиков, — читаем мы далее, — ведущая к гибели людей и столь ценимой Гессе „культуры“, коллективизация, концентрационные лагеря и показательные процессы 1930-х гг. — все это не вызывало у Гессе (во всяком случае, судя по сохранившимся свидетельствам) возмущения или протеста» (S. 286). И только в одном из писем к Томасу Манну (от начала декабря 1931 года) «содержатся не лишенные сожаления слова»: «Германия упустила шанс совершить собственную революцию и найти собственный путь <...> Будущее Германии — это большевизация, что само по себе не так уж для меня отвратительно» (S. 286).

А в остатке мы имеем окончательно не сформулированные, но подсказанные всем содержанием рецензируемой книги вопросы: *Как*? и *Почему*?

Далее следует Стефан Цвейг, в течение всей своей жизни духовно и творчески связанный с Россией и русской литературой, автор статей и эссе о Достоевском, Толстом, М. Горьком, первый западный писатель, чье многотомное собрание сочинений выходило с 1926 по 1932 год в издательстве «Время». Побывав в Москве осенью 1928 года на торжествах, посвященных столетнему юбилею Толстого, в газетных очерках, изданных затем под названием «Поездка в Россию», он напишет, как, бродя по эрмитажным залам, почувствовал «напряженность, искони существовавшую в России» между «преступным, кощунственным мотовством царей и безмерной, ужасной нищетой российских голодных деревень» (S. 303), и пришел к выводу, что «органичность русской революции нигде невозможно понять лучше, чем в сокровищнице Эрмитажа, в роскошных покоях Зимнего дворца». Задумав большую поездку на Кавказ, он сообщает в 1931 году Луначарскому о замысле книги, которая будет «резко отличаться от стряпни низкопробных журналистов, полной лжи и ненависти, — книги документальной...» (S. 303).

И здесь К. М. Азадовский уже непосредственно задается вопросом: в какой степени Стефан Цвейг был захвачен тем масштабным «социальным экспериментом», который был предпринят в СССР? Действительно ли он верил в «победы» и «успехи», о которых громогласно вещала советская пропаганда?

Возможный ответ здесь расплывчат. Достижения во имя народа, считает Цвейг, невероятны. Но тут же задумывается и о «проигравших, а это (наряду с истребленным дворянским классом и императорским домом) как раз те люди, которые нам ближе всего: свободные, независимые, живущие духовной жизнью». Но при этом то, что смогли пережить эти люди, объясняется «исключительно российской способностью претерпевать страдания» (S. 304–305). А далее следует фраза, в комментарии, собственно, и не нуждающаяся, но страшная своим метафизическим цинизмом: «Конечно, террор нельзя оправдать, но, может быть, он отвечает исторической структуре России, поскольку (о чем я уже высказывался) русские люди не так страдают от ограничения их гражданских прав, как мы. Да и пропорции, разумеется, совсем иные, когда двести или пятьсот тысяч интеллигентов терпят лишения с тем, чтобы это пошло на пользу ста сорока миллионам, которые все-таки обрели в ходе русской революции свое человеческое достоинство. В общем итоге: мы невольно ошибаемся, пытаясь приложить к России наши критерии свободы и требуя слишком многого сразу. <...> Вероятно, русские — единственный сегодня народ, способный ради идеи терпеливо взять на себя любые жертвы» (S. 305).

«И только союз Сталина и Гитлера, заключенный в августе 1939 г., — резюмирует К. М. Азадовский, — и дальнейшие военно-политические события смогли поколебать веру Цвейга в историческую миссию советской страны. Возможно, именно здесь следует искать корни внутренней трагедии Цвейга. Честный, но политически наивный писатель, не принимавший „буржуазной“ современности и пытавшийся найти выход то в исчезающем культурном пространстве довоенной Европы («Вчерашний мир»), то в мире „светлого будущего“, воплощением которого был для него в 1920–1930-е гг. Советский Союз, Цвейг мучительно переживал крах своих „интеллигентских“ иллюзий, что, должно быть, и подтолкнуло его в феврале 1942 г. к последнему непоправимому шагу».

И еще один «казус» русско-немецких отношений: Генрих Бёлль, считавшийся во второй половине 1950-х годов «на волне хрущевской оттепели» в СССР одним из самых известных и читаемых западногерманских авторов, писавший «о совести и свободе, о милосердии, сострадании и терпимости» (S. 351), а затем, в 1960–1970-е годы, ставший другом тех, кого поначалу называли «инакомыслящими», а затем и диссидентами (четы Копелевых, Солженицына, Эткинда и др.), и сам оказавшийся в центре советского инакомыслия этого времени. Но именно здесь К. М. Азадовский делает оговорку: «...Бёлль не был безоговорочным сторонником советских „диссидентов“. Ему казалось, что многие из них пристрастны в своих оценках: заявляют, что Запад недостаточно противостоит той угрозе, какую представляет собой Советский Союз, принимают западный плюрализм за мягкотелость или „беззаботность“, слишком непримиримы к „социалистам“ и „левым“ (которым сам Бёлль симпатизировал). Немецкий писатель полемизировал с Владимиром Буковским и Наумом Коржавиным, критиковал позицию Владимира Максимова и его журнал „Континент“» (S. 359).

Впрочем, именно Бёлль, по возвращении в ФРГ из СССР, опубликовал подписанное им совместно с А. Д. Сахаровым письмо руководителям Советского Союза с просьбой освободить всех политзаключенных.

Скорее всего, не случайно, что труд К. М. Азадовского «Russisch-deutsche Verflechtungen» завершает именно глава о Генрихе Бёлле. И причины тому далеко не хронологического свойства. Книга, начинающаяся со страшной истории той беды, которую германский фашизм принес русскому (конечно же, не только русскому) народу, завершается историей русских связей немецкого писателя, бывшего самим воплощением идей сострадания и милосердия. А его позиция диссидента, каковым он чувствовал себя в Германии,[9] может быть прочитана как естественно рифмующаяся с историей тех, кто имел подобную же репутацию в СССР и о ком написано в первых главах, — неважно, как их называли (не-патриотами, инакомыслящими, приспешниками и т. д.). И тогда получается, что духовная связь и духовное родство между двумя исконно противостоявшими и бесконечно тяготевшими друг к другу народами существует. И существует она поверх истории, геополитики, идеологии, национального антагонизма и войн. «Диссидент по духу, каким он и был в Германии 1960–1970-х гг. — так завершается эта книга — Генрих Бёлль, писатель с „живой, чуткой совестью“, чувствовал свое внутреннее родство с этим кругом и воспринимал себя его участником, т. е. ощущал себя — разумеется, до известной степени, — советским диссидентом и, значит, русским интеллигентом» (S. 365).

Заканчивая эту рецензию, не могу не упомянуть и прекрасную вводную статью одного из издателей данного труда, директора Института славистики Венского университета Ф. Б. Полякова. Называется она символично: «Возвращение к родным берегам. О жизненном пути, достоинстве и этических принципах Константина Азадовского». В ней очень много сказано точного: и о тех семейных культурных традициях, носителем и хранителем которых является Константин Маркович. И о том, каким роковым образом отозвались они в его собственной судьбе. И о том, сколько — вопреки всему («Allen Widrigkeiten zum Trotz») — удалось ему сделать и в германистике, и в области компаративных исследований, и в области изучения русской и немецкой поэзии XX века. И о том, какими престижными премиями он был награжден. Но, как мне показалось, может быть, самым интересным и по-своему неожиданным в этом предисловии стало объяснение того, почему глобальным концептуальным построениям К. М. Азадовский всегда предпочитал работу с документами и источниками, изучение конкретных человеческих и творческих судеб, которое превалирует у него над «слишком широкими рамками современного исторического обобщения, так часто беспощадного к деталям» (S. XIV). В качестве поэтического объяснения этому поистине уникальному дару и свойству К. М. Азадовского автор предисловия ссылается на стихотворение А. А. Ахматовой, написанное ею в 1964 году ночью в Риме, где, как нигде в другом месте, хорошо думается о сущности истории и месте в ней отдельного человека:

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.

---

[9] К. М. Азадовский приводит письмо, адресованное ленинградскому германисту В. Г. Адмони, в котором Бёлль пишет: «...у нас здесь теперь происходит такое, что не просто не весело, а прямо-таки опасно: в особенности Берлин и все, что с ним связано, — сплошная демагогия. Немцы не желают понять, что они проиграли захватническую войну и совершали убийство других народов, у них начисто отсутствуют понимание и чувство (никогда не было ни того, ни другого) неумолимости истории...» (S. 356–357).

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-278-280

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ СЕВЕР: ТРАДИЦИИ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ. ПАМЯТЬ»*

18–19 ноября 2021 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Русский Север: Традиции. Преемственность. Память». Первый день был посвящен исследованиям Русского Севера, второй день — Поморью.

Музыковедческая секция открывалась докладом Ю. И. Марченко (Санкт-Петербург) «Поющиеся формы севернорусской сказительской традиции в ранних записях советского времени». В нем были представлены записи О. Э. Озаровской, В. Н. Всеволодского-Гернгросса и С. И. Бернштейна 1921 года, продемонстрированы голоса кулойских сказителей из Долгощелья, Карьеполья и Сояны, записи А. М. Астахова, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиуса 1928 года в Латьюге от И. К. Букина и Васюродивого. Исследователь показал нотировку былины Пинеги, записанной от И. А. Ломтева. Прозвучала архивная запись «Песни о Дмитрии Самозванце» от Е. Б. Сурикова из дер. Конда (собиратель С. И. Бернштейн). На Пинеге напев имеет островное распространение, однако он находит параллели в Обонежской традиции. В качестве примера была показана запись 1928 года исторический песни «Костюк» от А. П. Вехорева из д. Шотова Гора.

Доклад Г. В. Лобковой (Санкт-Петербург) «Экспедиции на Русский Север в 2021 г.» посвящен полевой практике в Верховажском районе Вологодской области и Коношском районе Архангельской области. Задачами поездки были запись и сбор нового материала и оценка состояния традиции, производилась работа с местными собирателями. Исследователем были продемонстрированы колыбельная песня и похоронное причитание, а также параллели к нему в более ранней записи свадебного причитания, выполненной там же А. Ю. Кастровым. Докладчик приходит к выводу, что традиция сохраняется на протяжении сорока лет и причитание имеет такую же структуру. Н. В. Дранникова дополнила сообщение рассказом о том, что она была в Коношском районе в экспедиции и зафиксировала там богатую традицию, в том числе свадебную песню с элементами причитания «Из-за лесу лесу темного».

И. В. Светличная (Санкт-Петербург) сделала доклад «„Кощеевские певуньи“: история фольклорной группы деревни Кощеевской Коношского района Архангельской области (1944–2021 годы)». Ансамбль возник в военное время, когда в клубе стали собираться женщины, получившие похоронки о смерти мужа. Исследователь перечислила членов коллектива, продемонстрировала архивную запись причитания.

В докладе «Жанровый характер „кунных (куньих) песен“ в свадебном обряде Шенкурского уезда» А. Н. Власов (Санкт-Петербург) опирается на предложенный местным автором начала XX века А. Добрыниным термин кунные/куньи песни. В описании обряда они представлены краеведом отдельным разделом. Эти песни исполнялись на посиделках: игра в зайку, воробышек, «Во лузях». Так как шкурка куницы служила в Древней Руси денежным знаком, то в таком словоупотреблении ученый видит следы торговой сделки, которые закрепляются определенными текстами песни.

О. Н. Коншин (Вологодская область, Нюксенский район) выступил с докладом «Старинная свадьба 1941 года в д. Пожарище Нюксенского района Вологодской области: социальный аспект». Записать и разыграть старинную свадьбу было заданием для комсомольцев, чтобы развлечь местных жителей в тяжелое военное время. Девушка-комсомолка записала песни от своей мамы. Постановка была показана во время октябрьских праздников.

Собрание эго-документов, включающее дневники фенологических наблюдений, личные дневники и записки, рукописные альбомы, альбомы с вырезками публикаций автора в местной прессе, проанализировала С. А. Жадовская (Санкт-Петербург) в докладе «От дневника погоды к автобиографической прозе: личный архив жительницы г. Орлов Кировской области». Фенологические наблюдения были частью крестьянского быта и известны фольклористике. Записи погоды рассматриваются как дискурсивная практика, находятся на границе между литературными и нелитературными источниками. Традиция погодных

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 17-78-20194, https://rscf.ru/project/17-78-20194/, ИРЛИ РАН.

записей информанткой воспринимается как семейная. Средством сохранения памяти в книжно-рукописной традиции являлись альбомы, тексты которых не замыкаются в рамках семейной письменности, а имеют установку на диалог.

Я. В. Нагорная (Санкт-Петербург) представила виртуальную выставку «„На берегах моря Белого...“ (по материалам экспедиций в Поморье из собраний Пушкинского Дома). К 135-летию со дня рождения А. М. Астаховой». В ней были продемонстрированы фотографии и рукописи из хранилищ Пушкинского Дома, а также материалы экспедиций в Поморье А. М. Астаховой, Н. П. Колпакова, Д. М. Балашова и современные записи.

К анализу устных нарративов о разрушении храмов обратилась Н. В. Дранникова (Архангельск) в докладе «Устные рассказы о Мезенских храмах как предмет междисциплинарного изучения». Она использовала вопросник и провела сплошное обследование Мезенского района; занималась изучением истории каждого храма, его потаенной жизнью, репрессиями причта и прихожан (Свято-Богоявленский собор в г. Мезени; церкви в Кимже, Дорогорском, Долгощелье и др.). Нарративы о святотатстве вписаны ею в локальную историю. Рассказы демонстрируют разрыв традиции, потому что вера в советское время имела потаенный характер. Были описаны формулы запретов и поверья — клуб провалится под землю, «переплясали на костях», запрет строить новые здания на месте храмов и кладбищ. Исследовательница отмечает эсхатологический характер многих рассказов и приходит к выводу, что религиозное сознание у мезенского населения отсутствует, за исключением жителей Койды и Кимжи.

И. В. Стрельникова (Москва) в докладе «Кресты Лешуконии: традиция и ее возрождение» описала кресты конца XIX века: «Татьянин Крест» (Койнас), кресты на месте Ущельского монастыря и Иудиной пустыни, «Аввакумов крест» (Койнас), Белощельский крест «трем девицам» (маркирует место смерти), крест в Малой Нисогоре, Придорожный крест между деревнями Кысса и Боровое. Кроме того, она охарактеризовала современные кресты в Лешуконье и поводы к их установке («Крест во Рвах» на месте Церкви). Кресты по своему предназначению разные, ставились по разным поводам: обетные, памятные или поклонные и др. Свои замечания высказала Н. В. Дранникова: традиция прерывалась, кресты рубили, почитание носило потаенный характер.

В докладе «Особенности похоронно-поминального обряда Лешуконского района Архангельской области» Т. Г. Гольчикова (Архангельская область, Лешуконский район) описывает этапы ритуала: подготовка к смерти, похороны и поминки, приметы (воет собака; умирает свинья; птица залетит в окно; приснился покойник). Большое внимание уделено причитаниям, которые были записаны автором доклада в 1998–2002 годах (А. А. Багрящова (1926 г. р., дер. Кысса), А. Н. Кашунина (ур. Мезенского района), Е. Н. Опарина, А. К. Лешукова (дер. Лепское)).

А. В. Никитина (Санкт-Петербург) в сообщении «Псковские материалы в экспедиционных записях 2001 г. на острове Большой Березовый (Карельский перешеек)» представила полевые материалы, включающие записи от четырех информантов. Ключевой информант переехала сюда с Чудского озера «рыбу ловить» в 1944 году. От нее были записаны бытовые верования (былички о змеях и пр.), Пасха, Троица, Егорьевские выгоны, запреты пастухам, супрядки (младшие супрядки, постарше и большие), шуликуны, о дарах, о плачах. Исследовательница отметила, что со смертью исполнительницы традиция прервалась, так как «культура очень хрупкая, она легко исчезает и не восполняется».

Доклад «„Баба Гутя“ и другие антропоморфные в контексте современных коммеморативных практик Русского Севера», основанный на собранных в 2010–2020 годах полевых материалах, прочитала Е. В. Самойлова (Санкт-Петербург). По причине запустения и заброшенности деревень нарушаются коммуникативные территориальные связи. Был рассмотрен случай в поморском селе Вирма — изготовление ростовой антропоморфной фигуры и помещение ее у дома в одежде хозяйки. Такие куклы выполняют функцию антропоморфных заместителей (рекрут, умерший). Благодаря их присутствию в современных опустевших деревнях поддерживается иллюзия жизни.

У. О. Щукина (Санкт-Петербург) сделала сообщение «Обзор архивного материала к определению фольклорной традиции Верхнего Подвинья». Она представила обзор архивов (РГО), отчеты о фольклорных и археографических экспедициях, подробно остановилась на региональных архивах Верхнетоймского и Красноборского районов, в которых хранятся этнографические очерки, воспоминания краеведов, полевые материалы, самозаписи исполнителей XX века и др.).

Во второй день конференции работала секция «Поморье: пространство памяти и забвения». С. В. Подрезова (Санкт-Петербург) прочитала доклад «База данных „Фольклор Белого моря в современных записях“: возможности и ограничения». Старая база Фонограммархива ИРЛИ не была предназначена для хранения цифрового материала, единицей хранения было фольклорное произведение, а система жанров, представленных в базе, не позволяла вносить современный полевой материал. Исследовательница показала, как заполняется новая база, продемонстрировала возможности поиска по информантам, собирателям, ключевым словам. База ориентирована прежде всего на хранение полевого, а также архивного материала, фото- и сканированных копий рукописей.

В докладе Н. В. Дранниковой и Т. А. Морозовой (Архангельск) «Промысловый календарь

в приметах и поверьях рыбаков и зверобоев Зимнего берега Белого моря» говорилось о промысловом календаре поморов указанного региона в противоположность аграрному календарю русских Центральной России. Были отмечены походы семги, приуроченные к календарным датам, сроки промысла тюленя, название ветров, влияние лунного календаря. Особенностями промысловых обрядов Зимнего берега исследовательницы считают отголоски лунного календаря, проявляющиеся в приметах и свидетельствующие о влиянии соседних коренных народов, отсутствуют длительные перерывы между промыслами, основные этапы рыбной ловли и добычи морского зверя приходятся на то же время, что и главные земледельческие работы.

С. В. Рапенкова (Большой Соловецкий остров, Архангельская область) посвятила доклад «Этнографическая деятельность Соловецкого морского музея: бережливое хранение или живая память» деятельности музея, который изучает оригинальную морскую культуру, сложившуюся еще в Средневековье. Своей главной задачей его сотрудники видят формирование у посетителей стойкого исторического оптимизма. Музей ведет экспедиционную деятельность (1996–2019), поиски в архивах, организует выставки (последние: посвященная веснованию — морскому зверобойному промыслу поморов; «Поморские жонки» — жизни женщины-поморки и др.), готовит публикации материалов и фильмы. В настоящее время в музее представлена историческая реконструкция поморской шняки. Здесь же ремонтируют и строят традиционные небольшие лодки.

Совместный доклад «От учителя к наставнику: один случай из истории старообрядчества села Койда Мезенского района Архангельской области» сделали А. И. Васкул, Н. Г. Комелина (Санкт-Петербург). Они рассказали о деятельности учителя истории, который в 1990-е годы заинтересовался местным старообрядчеством и стал своего рода религиозным лидером: участвовал в восстановлении часовни, писал иконы, изготовлял лестовки и переписывал книги. Он обладал авторитетом ученого и историка, вывел старообрядчество из частной сферы в публичную.

О. Е. Горшков (Архангельск) прочел доклад «Популяризация „зимнезолотицкого наследия“ в контексте проектной деятельности Музея народных промыслов и ремесел Приморья». Для развития туризма важно брендирование территории (Патракеевка — «родина капитанов», Зимняя Золотица — родина Марфы Крюковой и др.). Исследователь рассказал о проекте реставрации и реконструкции дома-музея Марфы Крюковой на ее родине в Нижней Зимней Золотице Приморского района Архангельской области и о деятельности Музея народных промыслов и ремесел Приморья.

Доклад А. Ю. Балакина (Санкт-Петербург) «Юрий Казаков и Архангельское книжное издательство» основан на переписке, обнаруженной в Государственном архиве Архангельской области. Казаков не был случайным гостем на Белом море. Многие его рассказы написаны на поморском материале, в них отразилось глубокое и заинтересованное знание поморского быта и фольклора. Первые две его книги были изданы в Архангельске, а найденная переписка отражает историю этих публикаций. В том же архиве хранится и большая внутренняя рецензия на одну из книг, по которой можно частично восстановить работу Казакова над рассказами: это важно в том числе и потому, что творческие рукописи не сохранились.

Д. В. Агафоновой (Санкт-Петербург) был сделан доклад «Марфа Крюкова „В переводе“ — аудиовизуальные представления творчества сказительницы в XX–XXI вв.». В нем был дан обзор аудиовизуальных материалов (с демонстрацией фрагментов), знакомящих зрителей и/или слушателей с творчеством сказительницы М. С. Крюковой. При анализе материалов в качестве концептуальной рамки была выделена роль «перевода» / посредничества, когда аудиовизуальное представление текста (то, как и в каком контексте он звучит) зависит от целеполагания и от культурных особенностей эпохи. Начиная с записей голоса Крюковой в фольклорном архиве и заканчивая акцией по зачитыванию отрывков новин в Интернете к последнему юбилею сказительницы, аудиовизуальная «форма» ее произведений меняется. В выступлении были затронуты темы соотношения фольклора/литературы, сказительской импровизации/фиксированного текста, возможности различных идеологических наполнений, близких по форме представлений роли Крюковой как символа и др.

Завершил конференцию доклад А. Б. Бильдюг (Санкт-Петербург) «Рассказы о спасениях на море по материалам экспедиций Пушкинского Дома 2007–2019 гг.». Несмотря на достаточную разработанность темы промыслового фольклора поморов, эта группа текстов не рассматривалась исследователями отдельно. В ходе работы в материалах, записанных в последнее время экспедициями Пушкинского Дома в Поморье, были выявлены устные рассказы о спасениях на море и — более широко — рассказы, связанные с правилами поведения на тоне и в море. Некоторые из этих нарративов близки к рассказам о помощи святых житийных текстов; другие представляют собой достаточно подробную фиксацию событий и последовательный рассказ о помощи, оказанной гибнущим другими людьми, или же о том, как рыбакам удается справиться со стихией самостоятельно.

© *Н. Г. Комелина*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-281-283

ТРЕТЬИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Научная конференция «Международные Набоковские чтения» прошла в Санкт-Петербурге с 19 по 23 июля 2022 года. Как и в прошлом году, она проводилась в очном и онлайн-форматах с трансляцией на YouTube-канале Пушкинского Дома.

В рамках конференции 19 июля в Библиотеке им. М. Ю. Лермонтова прошла лекция П. В. Бояркиной (Санкт-Петербург) «„Лолита“ — история любви или?..», на которой был рассмотрен ряд современных литературных переосмыслений набоковского романа и даны ответы на вопросы о том, как внелитературный контекст влияет на новое понимание классических сюжетов и как с набоковскими приемами работают современные писательницы.

В первый день конференции, 21 июля в большом конференц-зале Пушкинского Дома открылась выставка материалов из коллекции ИРЛИ РАН, посвященная 152-й годовщине со дня рождения отца писателя, В. Д. Набокова.

Чтения начались с приветственных слов директора Пушкинского Дома В. В. Головина и председателя оргкомитета конференции Т. О. Пономаревой.

Утреннее заседание первого дня началось с доклада О. Ю. Сконечной (Москва) «О возможном прототипе Фальтера», одного из самых загадочных персонажей Набокова. В герое рассказа «Ultima Thule» были обнаружены черты знаменитого русского философа, популяризатора оккультной и естественно-научной мысли Ф. Успенского. Докладчица показала, что следы биографии философа-эмигранта, а также отзвуки его идей и метафор присутствуют в истории Фальтера, его мыслительных построениях и характере передачи собственного мистического опыта.

В докладе В. Г. Тимофеева (Санкт-Петербург) «Визуальность у Набокова: между автореференцией и автокоммуникацией» был впервые проанализирован прием визуализации в письмах писателя к невесте и жене. Докладчик сопоставил частотность использования приема в письмах и произведениях 1920–1930-х годов и предложил ряд гипотез, позволяющих, с одной стороны, заглянуть в творческую лабораторию Набокова, а с другой — проследить за тем, как писатель формировал у Веры Евсеевны, главного своего читателя, эффективную практику чтения.

Е. Г. Трубецкова (Саратов) выступила с темой «Мотив страха в рассказах В. Набокова», выделив и проанализировав типологию изображения различных видов страха на примере произведений «Ужас», «Совершенство», «Лик», «Занятой человек», «Посещение музея», «Подлец».

В сообщении «О советизации речи героев в романах М. А. Алданова и В. В. Набокова» В. В. Шадурский (Великий Новгород) обратил внимание на необходимость рассмотрения советских реалий, нашедших отражение в художественном языке обоих писателей. В речи героев Алданова встречаются игровые элементы, характерные для речи русских эмигрантов 1920–1930-х годов: использование в родном языке лингвистических средств других языков — это объяснялось докладчиком тем, что алдановские персонажи получили воспитание еще в Советской России. Также были проанализированы авторский перевод «Лолиты» и статья А. А. Бабикова «Большая реставрация. Русская версия „Лолиты“: от рукописи к книге», в результате сделаны выводы, что причина советизации речи Гумберта состоит не только в желании Набокова пробиться к аудитории соотечественников, но и в попытке продемонстрировать языковую игру на новом уровне.

Вечернее заседание открылось докладом О. Ю. Ворониной (США) «„Я сам назвал это озеро...“: сюжет неволи и спасения в стихотворении Набокова „Строки, написанные в Орегоне“ (1953)». Это стихотворение часто рассматривается как «магический» текст, отражающий отношение Набокова к переезду на Североамериканский континент как чему-то окончательному и благоприятному. В докладе же предлагалась опровергающая такой подход интерпретация, основанная на анализе трех подтекстов стихотворения: «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго, «Трилогии страсти» И.-В. Гете, и «Синей птицы» М. Метерлинка. Обращение лирического героя к «Эсмеральде» сопоставлялось с мотивами пыток, разрушений, чащи, манящей путников в мрачную неизвестность. Образ «легендарного дуба», связанный с почитаемыми в Германии дубами Гете, рассматривался не только как аллюзия на стихотворение, посвященное юной Ульрике фон Леветцов, но и как насыщенная трагическим смыслом отсылка к Бухенвальду, в котором под «Дубом Гете» пытали и казнили заключенных.

В докладе «Роман „Дар“ на фоне истории и теории Künstlerroman'а» Л. Панова (США) предприняла попытку определить жанровые характеристики набоковского произведения. «Дар» возник на скрещении нескольких жанровых тенденций: как западного Künstlerroman'а, так и русского, зародившегося в эмиграции (включая три романа самого Набокова, посвященные взрослению молодых людей). Роман был, очевидно, задуман Набоковым как новое слово в существующей Künstlerroman'ной традиции. В рамках предложенной схемы были проанализированы образ протагониста «Дара», его творческое взросление и серия его неудач, рассмотрены особая металитературная проблематика и другие элементы вплоть до заглавия. В докладе были выявлены прежде неотмеченные интертексты Bildungs- и Künstlerroman'ов.

Первый день конференции завершился круглым столом «Литература диаспоры: современные подходы к изучению» с участием М. Рубинс (Великобритания), Д. М. Бетеа (США), П. Дэвидсон (Великобритания), А. Ваннера (США), А. А. Долинина (США) и Д. В. Токарева (Санкт-Петербург).

Первое заседание второго дня открылось докладом В. Б. Полищук (Санкт-Петербург) «Темные аллеи Антитерры: бунинские мотивы в романе Набокова „Ада“». По ряду причин многие образы, мотивы и сюжетные коллизии набоковского романа, связанные с любовными отношениями между персонажами и с фантасмагорическим миром Антитерры, где сочетается русский и европейский колорит, восходят к поздним произведениям Бунина и в особенности к его программному сборнику рассказов «Темные аллеи». Исследовательница показала, что «Ада» представляет собой не столько продолжение многолетней полемики Набокова со старшим писателем, сколько предельно концентрированный пастиш рассказов и повестей Бунина, а в отдельных случаях — пародию на них.

Л. Н. Рягузова (Краснодар) выступила с сообщением «Модусы „рассказоведения“: „индивидуальная общность“ историко-литературного нарратива Д. П. Святополк-Мирского и В. В. Набокова». В докладе были рассмотрены некоторые эстетические принципы и приемы историко-литературных обобщений у Святополк-Мирского и Набокова. В центр исследования была помещена проблема речевого мировоззрения авторов, метафоричность их научного мышления, — актуальных и недостаточно изученных аспектов творческого наследия. Были сопоставлены категориальные аппараты Святополк-Мирского и Набокова, в частности, проводились параллели в области проблем эволюции художественного видения, литературного процесса, его курьезов и парадоксов, теории романа, поэтики перевода. Так, например, «переводимость / непереводимость» — важный критерий оценки произведений для англоязычного читателя у обоих писателей. В результате исследования сделан вывод об индивидуально-авторском видении двумя авторами исторической топологии и концептологии русской литературы, выявлении «вех», «штрихов», «шедевров», формирующих в читательском восприятии ее «культурный синтез».

М. В. Прокофьев (Санкт-Петербург) в докладе «В поисках автора, или решение „парадокса лжеца“ в „Даре“ В. Набокова» опровергает основной аргумент исследователей, утверждающих, что писатель Федор Годунов-Чердынцев, главный герой «Дара», не является автором этого романа — так называемый парадокс лжеца: Федор говорит своей возлюбленной, что не стал бы сочинять автобиографию. Получается, что или в «Даре» рассказана подлинная жизнь Годунова-Чердынцева, но книгу написал отличный от него автор; или книга написана кем-то, скрывающимся за маской Годунова-Чердынцева, но события жизни неизвестного искажены. Анализ вымышленной рецензии на поэтический сборник героя заставляет обратиться ко второму варианту: неизвестным оказывается сам Набоков, «перетасовавший, перекрутивший, смешавший» события своей жизни и тем самым осуществивший слияние романного мира с миром реальным.

А. В. Борискина (Краснодар) выступила с сообщением «„Голоса стихов“: металитературная топика В. В. Набокова».

В докладе А. О. Филимонова (Санкт-Петербург) «Недоносок Е. Боратынского как прообраз персонажей В. Набокова» была сформулирована концепция «недоношенности» как невозможности индивида окончательно погрузиться в материю и стать ее органичной составляющей, это либо приводит к трагедии, либо содействует раскрытию необычных способностей. Такой индивид может быть наделен даром пророчества, он может слышать музыку сфер. Однако он плохо приспособлен к реальной жизни. У Набокова к подобным талантливым персонажам можно причислить, например, Цинциннату, Лужина, Федора Годунова-Чердынцева — и именно эти герои в то же время ощущают себя изгнанниками.

Второе заседание началось с доклада Е. А. Томашевской (США) «Тропы безумия и девиантного поведения в романах В. Набокова» и продолжилось сообщением Д. И. Сергеева (Санкт-Петербург) «„A Master of the Sunset“ и другие секреты „набоковских“ земель».

В центре выступления Т. О. Пономаревой (Санкт-Петербург) «Неожиданный корреспондент: из переписки Набокова с современниками» находилась ранее неизвестная переписка семьи Набоковых с Верой Трейлл (Верой Александровной Гучковой, по первому мужу — Сувчинской), английским литератором и переводчиком. Небольшая по объему, но эмоционально яркая переписка 1970-х годов содержит много информации как о личностях ее участников, так и об идейной атмосфере того времени.

Последним на заседании секции был прочитан доклад Н. Л. Елисеева (Санкт-Петербург) «Владимир Набоков и Альфред Хичкок».

А окончанием второго дня конференции стал круглый стол, в ходе которого был представлен первый выпуск историко-литературного альманаха «Набоков и наследники», выпущенный издательством «Симпозиум» и содержащий, в частности, материалы прошлогодней конференции. В обсуждении приняли участие главный редактор издательства «Симпозиум» А. К. Кононов, а также ответственные редакторы издания О. Ю. Сконечная, Т. О. Пономарева и О. А. Дмитриенко.

Заключительный день конференции начался с выступления Д. Поттера (Австралия) «Прокладывая курс в дальних северных водах „Бледного огня“ из другого полушария», в котором сопоставлялись архетипы отца в «Бледном огне» В. Набокова и «Мертвом отце» Д. Бартелми.

В докладе Е. Д. Толстой (Израиль) «„Не великий писатель, хотя и очень милый“: Тургенев как представитель Набокова в XIX веке» была предпринята попытка типологически сблизить творчество двух писателей, а также

рассматривались суждения Набокова о Тургеневе и тургеневские аллюзии в набоковском творчестве. Ироничное отношение к Тургеневу оформилось у Набокова в период «Дара» и закрепилось в конце 1940-х годов, когда он стал преподавателем русской литературы. В лекциях он выдвинул целый ряд экстравагантных и не очень обоснованных суждений, опираясь порой не на цитаты, а на память. В итоге вместо Тургенева — первопроходца и основоположника русской европейской прозы, совершившего в ней революцию, которую Л. В. Пумпянский сравнивал с революцией Пушкина в поэзии, у Набокова получился потешный муляж.

В сообщении М. Вайскопфа (Израиль) «Набоков в борьбе с черносотенством и тиранией» особое внимание было уделено тому, что в годы Второй мировой войны и затем, после победы над Германией, Набоков, в отличие от множества эмигрантов, впавших в патриотизм советско-черносотенного типа, сохранил ненависть к Сталину и его свирепому государству. В докладе прослеживались не отмеченные ранее источники соответствующих установок (в частности, наследие Г. Гейне), отразившихся в рассказе «Истребление тиранов» и романе «Bend Sinister».

Ж. Хетени (Венгрия) в докладе «Заметки к зеркальности: В. Набоков и Б. Пастернак» остановилась на трех аспектах сопоставления творчества писателей: на общем обзоре возможных направлений компаративных исследований; на выявлении параллелей в двух ранних программных текстах Набокова и Пастернака («Путеводитель по Берлину» и «Черный бокал»); а также на анализе заглавного образа стихотворения Пастернака «Зеркало» и того же образа во всем творчестве Набокова.

М. Минская (США) сделала сообщение на тему «„Хочу воспеть Свободу миру!“: стихи из альбома».

Доклад Р. Волковой (США) «„И пробуждается поэзия во мне“: возвращаясь к „первому стихотворению“» был посвящен непереведенной Набоковым на русский язык «Главе 11» из автобиографической книги «Память, говори!». Одним из центральных сюжетов этой главы является рождение поэта в условиях разрушения культуры и цивилизационных норм, связанного с началом Первой мировой войны. Поиск новой поэтической идеи приводит к прощанию с грезами XIX века, с рифмами типа «розы-березы». Основным концептом жестокого XX века становится пролитая кровь. Первый импульс начинающему поэту дает его рефлексия по поводу детской книги «Путешествие капли крови» (1911) (узнаваемой, но не указанной автором). Следы крови отпечатываются во всех частях «Главы 11», которая заканчивается отражением юного поэта в зеркале со следами размазанной по щеке крови.

Завершились Набоковские чтения 2022 года ставшей уже традиционной «Набоковианой» — представлением новых изданий, посвященных биографии и творчеству В. В. Набокова. Ж. Хетени рассказала о тематическом сборнике русскоязычных статей «Сдвиги. Узоры прозы Nabokova», М. Вайскопф ознакомил слушателей со своим новым исследованием «Агония и возрождение романтизма», а С. Блэкуэлл (США) — со своей книгой «Перо и скальпель. Творчество Набокова и миры науки».

© ***П. В. Бояркина***

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-283-286

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «В. Т. ШАЛАМОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

22–24 сентября 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла международная научная конференция «В. Т. Шаламов и русская литература», в организации которой, помимо ИРЛИ, приняли участие В. В. Есипов (научный руководитель сайта shalamov.ru) и заведующая мемориальным музеем Л. Н. Гумилева — Л. А. Артамошкина. В конференции приняли участие более тридцати исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также из-за рубежа.

Конференцию открыл пленарный доклад В. В. Есипова (Вологда) «Пушкин в художественно-философском сознании Шаламова». По мнению выступающего, в условиях государственной несвободы художника Шаламов видел определенное родство своей судьбы с судьбой Пушкина. Особое внимание было уделено обстоятельствам, окружавшим письмо Шаламова в «Литературную газету» (1972) с протестом против политических спекуляций на «Колымских рассказах» на Западе. Докладчик выразил уверенность, что стихотворение «Славянская клятва» (1973), написанное в продолжение этого письма, может быть отнесено к тому же роду и ряду гневных гражданских произведений отечественной поэзии, что и пушкинское «Клеветникам России». Важный «пушкинский след», связанный с письмом в «Литературную газету», обнаружен в архиве Шаламова: в набросках того периода имеются

строки: «Пушкин — выстрел — честь» и двустишие: «Это Пушкина поступок / По движению души». Таким образом, с точки зрения Есипова, Шаламов считал свое письмо в «Литературную газету» равным дуэли Пушкина с Дантесом, и главным мотивом этого поступка для него, как и для великого поэта, была защита чести.

В сообщении К. Н. Тимашова (Санкт-Петербург) «„Я имел право написать об Аввакуме...“ (переписка В. Т. Шаламова с В. И. Малышевым о стихотворении «Аввакум в Пустозерске»)» впервые был представлен текст письма Шаламова от 2 августа 1967 года, адресованного известному исследователю Жития протопопа Аввакума, основателю Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышеву. Письмо проливает свет на творческую историю стихотворения «Аввакум в Пустозерске» (1954).

Доклад О. Р. Минуллина (Ростов-на-Дону) «Религиозно-философская полемика с Ф. М. Достоевским в рассказе В. Т. Шаламова „Необращенный“» был направлен на выявление некоторых аспектов внутреннего спора автора «Колымских рассказов» с автором «Записок из Мертвого дома». По мнению выступающего, в «безрелигиозном христианстве» Шаламова содержится личная попытка приближения к идеалам Христа — попытка стоическая, мученическая, колоссальная по выявлению духовной силы и, что важно, реализованная как художественный акт.

Далее прозвучало сообщение В. Н. Поруса (Москва) «Философия человека в творчестве Шаламова». Опираясь на положения философской антропологии, докладчик размышлял о проблеме сохранения человеком своей «подлинности» («духовной самости») в условиях экстремальности и реального ада, который представляли колымские лагеря. Художественная проза Шаламова позволяет философской антропологии говорить на новом для нее языке, перешагивать через завалы понятийных конструкций, чтобы идти к пониманию человека, не опасаясь противоречий — ведь это противоречия жизни, а не логические дефекты рассуждений.

В выступлении И. В. Мотеюнайте (Псков) под названием «Лиственница Варлама Шаламова и другие деревья русской литературы» развивалась тема «дендрологического ландшафта», в которой акцентировалась многозначность образа дерева в стихах и прозе автора. По наблюдениям докладчицы, упавшее, сломанное или искореженное дерево чаще всего служит для Шаламова символом судьбы заключенного и символом трагизма человеческой судьбы в целом (рассказ «Сухим пайком», стихотворение «Сосны срубленные»). В рассказе «Воскрешение лиственницы» (справедливо называемом стихотворением в прозе) Шаламов поднимает философский вопрос об ограниченности знания и бессилии человека перед временем, т. е. имплицитно включает темы смерти и памяти, ключевые для своего творческого мировоззрения.

В сообщении С. М. Соловьева (Москва) «„Реформатор русской прозы“: Шаламов о Чехове» анализировались недавно найденные в архиве писателя наброски эссе об А. П. Чехове (начало 1970-х годов), в которых Шаламов отмечал, что в области литературной формы Чехов был «и реформатором, и гением». В иллюзиях русской интеллигенции Шаламов видел урок непреходящего исторического значения, касающийся роли литературы: «...говоря о современном русском рассказе, надо учитывать этот великий опыт, страшный опыт, который длится по сей день...».

Доклад С. А. Фомичева (Санкт-Петербург) «Экспериментальный рассказ В. Шаламова («Галстук»)» был посвящен особенностям небольшого произведения, написанного в 1960 году и вошедшего в первый сборник «Колымских рассказов». Автор выступления обратил внимание прежде всего на зачин, в котором писатель представил декларацию «прозы будущего», требующей от писателя исключительной достоверности. Как полагает Фомичев, этот зачин вполне органичен общему контексту первого сборника, с которым Шаламов собирался выйти к широкому читателю.

В центре внимания Л. С. Стариковой (Кемерово), раскрывающей тему «Принципы новой прозы в цикле „Воскрешение лиственницы“», также оказалась проблема теоретических «манифестов» Шаламова и их воплощения. Прежде всего исследовательница остановилась на эссе Шаламова «О прозе» (1965), где писатель продекларировал суть своей прозы — «пережитой как документ».

Заседание было продолжено докладом «Образы и мотивы прозы В. Шаламова и А. Платонова» Н. М. Малыгиной (Москва), которая выявила и подчеркнула ряд наиболее существенных черт, сближающих двух писателей XX века. И в этом контексте она проанализировала тексты сборника рассказов Шаламова «Артист лопаты» и повести Платонова «Котлован».

Целый ряд малоизвестных фактов и тонких наблюдений был приведен в сообщении Е. Л. Гофмана «Шаламов и Виктор Некрасов (1950–1980-е гг.)». Как считает докладчик, для раскрытия заявленной темы исключительную ценность имеет статья В. Некрасова «Сталинград и Колыма» (1986), в которой, сравнивая опыт войны и лагеря, писатель подчеркивал главную особенность метода Шаламова: «Рассказывая о жизни, которая не познавшему ее даже в страшном сне не приснится, он нигде не педалирует, не сгущает краски (впрочем, куда уже сгущать!), не морализирует, не подводит своего авторского итога». Важнейшая заслуга В. Некрасова сказалась и в том, что он стал первым, кто публично дал предельно высокую оценку творчества автора «Колымских рассказов»: «Шаламов, конечно же, писатель великий. Даже на фоне всех великанов не только русской, но и мировой литературы».

В докладе А. П. Гавриловой (Москва) «Роман Б. Пастернака „Доктор Живаго“ и его судьба в оценке В. Шаламова: новые материалы» были рассмотрены поздние (конец 1960-х — начало 1970-х годов) записи Шаламова из его архива,

касающиеся романа Пастернака и опубликованные лишь частично. Если в известных двух письмах Пастернаку (20 декабря 1953 года и 8 января 1956 года) Шаламов и выражает свое восхищение пастернаковским романом, и отмечает ряд его слабостей («лагерь описан неверно» и др.), то в поздних записях речь идет о публикации романа на Западе. Не будучи свидетелем событий «Нобелианы» Пастернака, Шаламов все же стремится дать им оценку, имея в виду собственный горький опыт «пиратских» публикаций «Колымских рассказов» за рубежом.

Сообщение М. В. Яковлева (Москва) «Мифология „зоны“ в художественном мире Д. Андреева и В. Шаламова» было направлено на выявление точек соприкосновения двух писателей. По мнению докладчика, они обнаруживаются прежде всего в их поэтических произведениях: эсхатологические предчувствия, столь характерные для Д. Андреева, имеют аналогию и в «Атомной поэме» Шаламова (1954), и в стихотворении «Аввакум в Пустозерске», а также в его поздних письмах.

Секционное заседание, посвященное поэтическому творчеству Шаламова, было открыто докладом Л. Е. Артамошкиной (Санкт-Петербург) «Онтология Слова в поэзии В. Шаламова». Бытийное, сущностное значение Слова было отчасти усвоено Шаламовым под влиянием теоретических трудов А. Белого в 1930-е годы, между тем настоящее понимание поэтического искусства как «бессмертия жизни» пришло к нему уже на Колыме. То, что Шаламов до конца дней называл поэзию своей «религией», определило и его веру в способность Слова воскрешать чувства и память, а значит, воскрешать жизнь.

Сообщение Ю. Б. Орлицкого (Москва) «Особенности традиционалистского стиха В. Шаламова» представляло собой анализ метра в лирике Шаламова-поэта. По мнению выступающего, в 1960–1970-е годы и метрика, и строфика у него делаются строже, однако их нельзя назвать сугубо традиционными и тем более — простыми. Глубокий знаток тайн поэзии, в стихотворении 1973 года «Кто я» Шаламов справедливо заявлял: «Я — новая форма рассказа, / Я — новая форма стиха, / Еще не дошедшая сразу, / Еще неизбежно тиха...». Таким образом, предстоит еще немало работы по изучению особенностей новаторского стихосложения Шаламова.

В своем выступлении на тему «Музыка поэзии В. Шаламова» И. В. Некрасова (Самара) развивала тезис: поэт Шаламов, подчеркивавший, что «стихи без звукового прищелкивания не бывают настоящими», придавал особое значение звуковой стороне стиха. В докладе были прослежены проявления принципа музыкальности в ряде поэтических произведений Шаламова. Исследовательница особо остановилась на кантате вологодского композитора М. Гоголина «Silentium» (2015), наиболее ярко выявившей, по ее мнению, триединство звука, слова и смысла в поэзии Шаламова.

В сообщении Д. В. Грицаенко (Москва) «Шаламов и Ахматова: биографический контекст» на основе архивных документов были уточнены сведения о личных встречах поэтов. Стихи Шаламова, посвященные Ахматовой, были проанализированы Д. В. Кротовой (Москва) в докладе «Шаламов и Ахматова: грани поэтического диалога». На анализе стихотворений Шаламова, посвященных М. Цветаевой, сосредоточила внимание Е. В. Титова (Вологда) в своем выступлении «М. Цветаева в творческой судьбе В. Шаламова». И. В. Кондаков (Москва) рассмотрел тему «„Дерева доверие“: скорбная поэтика В. Шаламова», в процессе раскрытия которой он подчеркивал трагические мотивы стихов «Колымских тетрадей». Неизвестному варианту статьи Шаламова «Таблица умножения для молодых поэтов», сохранившемуся в личном архиве докладчика, было посвящено сообщение Д. Д. Николаева (Москва) «В. Шаламов и „Мастерство писателя“: об одной несостоявшейся публикации в журнале „Вопросы литературы“». Выявлению ряда аспектов, связанных с ситуацией «человека в исключительных обстоятельствах», был посвящен доклад А. О. Большева (Санкт-Петербург) «Ситуация воскрешения из мертвых в прозе Шаламова».

В докладе Л. В. Егоровой (Вологда) «Рассказы Шаламова в редакциях Р. Гуля («Новый журнал», Нью-Йорк) и в переводах» был представлен анализ характера правки, которой подверглись «Колымские рассказы» при выходе в русскоязычном эмигрантском «Новом журнале». Публикация (с 1966 по 1976 год) произвольно выбранных рассказов, игнорирование авторской композиции циклов свидетельствуют о предвзятости редактора журнала, а также концептуальной редукции авторского замысла. Таким образом, писателю, преодолевшему колымский ад, пришлось пройти еще два круга мытарств: непечатания рассказов на родине и произвольного, искаженного печатания за рубежом. Публикации в «Новом журнале» привлекли внимание к Шаламову американского переводчика Джона Глэда. В собственном переводе он опирался на Гуля и на более качественное лондонское издание «Колымских рассказов» 1978 года под редакцией М. Геллера. Сопоставление редакций Гуля, Геллера, Собрания сочинений и рукописей Шаламова заставляет задуматься о проблемах текстологии «Колымских рассказов».

На значении переводческой и культуртрегерской деятельности Дж. Глэда более подробно остановилась его вдова Лариса Глэд (США). Из ее сообщения «Как Америка открывала Шаламова (первые переводы «Колымских рассказов» Джоном Глэдом в 1980–1981 гг.)» стала понятна главная причина большого успеха первых изданий Шаламова на английском языке — она заключалась в том, что переводчик был восхищен Шаламовым как писателем, в результате чего он делал свою работу с огромным воодушевлением. Прекрасно зная русскую литературу, в том числе эмигрантскую, Дж. Глэд поставил своей целью популяризацию Шаламова в англоязычном мире. Благодаря его переводам имя Шаламова в Америке

стало символом подлинной литературы, «отражающей сущность бытия» (С. Беллоу). Л. Глэд также сообщила, что по завещанию ее мужа, умершего в 2015 году, его прах был развеян в Москве на Воробьевых горах.

Целый ряд выступлений, прозвучавших на конференции, был посвящен героям произведений Шаламова и их прототипам. Ю. З. Кантор (Санкт-Петербург) в сообщении «Герой „Колымских рассказов“ доктор Пантюхов: реконструкция биографии (по неизвестным архивным документам)» представила факты жизни колымского врача-заключенного по 58-й статье А. М. Пантюхова, спасшего Шаламова (обстоятельства описаны в рассказе «Домино»). Е. М. Аксененко (Санкт-Петербург) выступила с сообщением «В. Шаламов и „тюремный поэт“ Е. Владимирова», обращенным к реконструкции трагически сложившейся судьбы колымской поэтессы. Шаламов встречался с нею в лагерной больнице и посвятил ей стихотворение «Пророчица или кликуша...».

В сообщении А. С. Таюшева (Вологда) «Ленинградские адреса Шаламова» был приведен ряд малоизвестных документов, свидетельствующих о связях писателя с городом на Неве. Он бывал в нем дважды — в марте 1955 года проездом в командировку в Петрозаводск (Шаламов, еще не реабилитированный, работал тогда агентом по снабжению на Решетниковском предприятии Калининской области) и в середине июля 1961 года, когда провел несколько дней, встретившись со своими школьными товарищами Е. Н. Аловым и В. Н. Савашкевичем. В архиве Шаламова сохранились адреса его ленинградских знакомых. В заключение докладчик обратил внимание исследователей, что за недостатком источников пока остается неисследованной судьба героя рассказа «Букинист» В. А. Кундуша, проживавшего на Литейном, 51.

24 сентября конференция продолжила свою работу в мемориальном музее-квартире Л. Н. Гумилева, где прошло заседание круглого стола, посвященное проблемам сохранения и трансляции культурной памяти в диалоге поколений. В этом направлении были представлены доклады Л. А. Брусиловской (Москва) «Мотивы творчества В. Т. Шаламова в произведениях В. Аксенова и В. Войновича» и В. В. Волковой (Санкт-Петербург) «Биография поколения: В. Шаламов и О. Берггольц». Вопрос формирования культурной памяти в ходе обсуждения рассматривался сквозь призму обращения к художественному образу (доклад В. А. Киршина (Санкт-Петербург) «Образ А. С. Пушкина в формировании „мест памяти“ русской культуры XIX–XX столетий»). Еще одним аспектом проблемы сохранения культурного кода в диалоге поколений стал музей (доклад А. С. Таюшева (Вологда) «Музей как медиатор культурной памяти»).

На протяжении всех заседаний конференции шло оживленное обсуждение докладов, корректировавшее, направлявшее, подталкивавшее исследовательскую мысль к дальнейшему изучению жизни и творчества В. Т. Шаламова.

© *В. В. Есипов,*
© *Т. В. Игошева*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-286-289

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРИТИКИ И ПИСАТЕЛИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.»

6–7 октября 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Международная научная конференция «Критики и писатели: формирование литературной репутации в конце XIX — начале XX вв.». Председатель оргкомитета А. С. Александров во вступительном слове отметил, что мероприятие стало для Пушкинского Дома традиционным — заседания продолжают научную дискуссию трех предыдущих конференций,[1] по их материалам подготовлен коллективный труд.[2]

[1] См.: *Александрова Э. К.* 1) Фельетонная критика конца XIX — начала XX века: Проблемы изучения (Обзор научной конференции ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2020. № 3. С. 127–136 (совм. с А. С. Александровым); 2) Международная научная конференция «„Проснуться знаменитым...“: Стратегии литературного успеха и литературная репутация в эпоху fin de siècle» // Русская литература. 2021. № 4. С. 257–261; 3) Международная научная конференция «Писатель versus критик: социальные роли, жанровые предпочтения, язык» // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2022. № 2. С. 153–158.

[2] См.: Писатель — критика — читатель: Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX вв. Коллективная монография / Отв. ред. А. С. Александров. СПб., 2022.

В выступлении «Споры о Белинском 1870-х гг. и трансформация института литературной критики» К. Ю. Зубков (Санкт-Петербург) предложил подход к истории литературной критики как к одному из значимых социальных институтов, способствующих коммуникации. В выступлении демонстрировалось, что споры о личности и наследии Белинского, шедшие в 1870-е годы, были связаны с разными представлениями участников дискуссии о месте критика в публичной сфере.

А. Е. Козлов (Новосибирск) обратился к литературной репутации Д. В. Григоровича. После смерти Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева он занял место свидетеля и очевидца «замечательного десятилетия», примерил на себя роль «старика Державина», выделив среди беллетристов-газетчиков А. П. Чехова и «благословив» его как преемника. На материале воспоминаний Н. В. Успенского, И. Н. Потапенко, З. Н. Гиппиус и др. был показан спектр, в котором оценивался Григорович своими младшими современниками: анекдотический (построенный на низведении писателя с пьедестала), притчевый (восприятие писателя как наставника), элегический (отождествление писателя с завершением прекрасной эпохи).

О «Парадоксах литературной репутации В. П. Мещерского» рассуждала Г. И. Щербакова (Тольятти). За пять лет до начала выпуска «Гражданина» Мещерский анонимно выпустил драматическое сочинение, представлявшее резкую до неприличия критику на А. А. Краевского и Н. А. Некрасова. Брошюра, вышедшая небольшим тиражом, не произвела фурор, не вызвала взрыва негодования, но почти десять лет после ее публикации автор так и оставался в глазах литературно-журнального сообщества низким пасквилянтом. Мещерский, начав свой литературный путь с пасквиля, несмотря на неоднократные попытки оправдать свой проступок молодостью и глупостью, спровоцировал эффект «испорченной репутации», мешавшей разглядеть его истинные намерения и взгляды.

Т. В. Варфаламеева (Архангельск) посвятила сообщение И. Л. Щеглову-Леонтьеву, талантливому плодовитому писателю конца XIX — начала XX века. Его ранние произведения были высоко оценены критиками и читателями, в том числе А. П. Чеховым. Щеглов-Леонтьев быстро вошел в литературный круг конца XIX века, однако выход в свет в XX веке сатирических произведений, обличающих жизнь и нравы писателей, издателей и театралов, привел его к «отлучению» от литературы и прижизненному забвению.

К социокультурной репутации обломовщины в русской критике рубежа веков обратился И. В. Пырков (Саратов).

А. А. Холиков (Москва) прочитал доклад «„Завет Белинского“: источниковедческие и методологические аспекты творческой лаборатории Д. С. Мережковского как ключ к изучению репутации литературного критика и писателя». С опорой на черновые выписки Мережковского, которые хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома и не осмыслялись в обозначенной перспективе, дана оценка использованных писателем источников на фоне развернувшейся в начале XX века дискуссии о «наследии» Белинского между Ю. И. Айхенвальдом, Е. А. Ляцким, Р. В. Ивановым-Разумником и др.; установлены явные и скрытые переклички с ее участниками, а также отличие от них.

Выступление Е. А. Андрущенко (Москва) «„Правильная присылка статей“ и „правильная присылка гонорара“: Д. С. Мережковский и газета „Речь“» было посвящено различным аспектам сотрудничества литератора с изданием. В 1908–1909 годах в «Речи» было опубликовано 22 статьи и 2 письма в редакцию, проблематика которых свидетельствует о попытках сделать собственные религиозно-философские искания предметом общественного обсуждения, что частично Мережковскому удалось. Однако за публикационной активностью стояли и иные, сугубо прагматические мотивы, которые становятся очевидными при знакомстве с неопубликованными письмами Мережковского к И. В. Гессену.

А. В. Федоровой (Италия) были рассмотрены и сопоставлены критические статьи, появившиеся в качестве первой реакции на публикацию романа Д. С. Мережковского «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи» в русской («Русское богатство», «Волынь», «Русские ведомости», «Новости и Биржевая газета», «Литературный вестник», «Журнал для всех», «Мир искусства»), французской («Bibliothèque universelle», «L'art moderne», «Revue de l'enseignement primaire», «Revue des deux mondes», «Polybiblion») и итальянской («Il Marzocco», «Capitan Fracassa», «Corriere della sera», «La Sera») прессе; продемонстрировано, что роман был неоднозначно принят критикой как в России, так и на Западе.

В докладе В. Н. Крылова (Казань) «О пограничности репутации А. Н. Толстого в зеркале русской литературной критики 1910-х гг.» был предложен взгляд на раннюю рецепцию Толстого в критике с точки зрения теории границы. Исследователь предположил, что пограничный характер стратегии поведения писателя возник уже на ранней стадии его творчества, что и пыталась уловить критика в оппозициях/антиномиях. Было показано, что даже признание со стороны критики, как правило, сопровождалось установлением некоторой границы, за которую автору не дано перейти либо в данный момент, либо вообще. Концепции и оценки раннего творчества Толстого в дореволюционной критике были обусловлены совокупностью объективно-субъективных факторов, связанных с естественными поисками писателем новых путей и возможностей, особенностями дебюта, рядом причин, связанных с феноменом творческой неудачи.

С. В. Федотовой (Москва) были вскрыты фактические нестыковки и анахронизмы, содержащиеся в автобиографическом мифе

К. И. Чуковского, связанном с историей его приглашения В. М. Дорошевичем к сотрудничеству с «Русским словом». На материале различных источников было показано, что Чуковский намеренно сдвигал дату знакомства с главным редактором престижной газеты к началу своей петербургской карьеры, 1906 году. На самом деле знакомство могло произойти не ранее начала 1913-го. Выдвинуто предположение, что критик выстраивал собственную литературную биографию по сюжету создания ускоренной репутации: мгновенное признание самим «королем фельетонистов» дерзкого новичка-провинциала должно было свидетельствовать о типологической близости сатирического дарования старшего, уже прославленного фельетониста и его младшего начинающего собрата по злоязычному перу.

В докладе Е. Е. Вахненко (Иркутск) рассматривалась оценка журналиста и критика П. С. Воробьевой-Владимировой творчества А. М. Ремизова 1910-х годов. Исследователем выявлены и проанализированы статьи и отзывы о творчестве писателя, опубликованные на страницах екатеринодарской газеты «Кубанский курьер», петербургских изданий «Заветы», «Новый журнал для всех». На основе корпуса писем, до настоящего времени не введенных в научный оборот, была рассмотрена специфика личных и творческих контактов Владимировой и Ремизова в 1912–1919 годах.

Ю. С. Ромайкина (Саратов) на материале газет «Саратовский листок» и «Саратовский вестник» проанализировала полемику общественности вокруг драмы «модного» и скандально известного писателя М. П. Арцыбашева «Ревность» (1913): обзор постановок в Городском театре, общественный суд над задушившим жену героем пьесы, диспут местной интеллигенции на тему «Женщины и ревность», обсуждение лекций приезжих «москвичей», пародии. Установлено, что «Саратовский листок» отзывался о «Ревности» вполне благосклонно, иногда восторженно, в то время как в «Саратовском вестнике» приводились негативные, зачастую саркастические рецензии.

В сообщении Е. М. Захаровой (Москва) «Сербский культурный код в газете „Речь“: информационное пространство в 1916 г.» на уровне информационной повестки издания выявлены факты углубления культурных связей между Сербией и Россией. В период Первой мировой войны страны были связаны не только общим врагом, союзными обязательствами, но и особыми отношениями между правящими династиями. Обстоятельства позволили Белграду в 1928 году стать местом проведения Первого (и единственного) съезда русских писателей и журналистов за границей, в котором участвовали известные русские писатели и культурные деятели (А. Куприн, В. Немирович-Данченко, Б. Зайцев, З. Гиппиус, Д. Мережковский).

А. С. Александровым (Санкт-Петербург) были освещены факты биографии Б. А. Лазаревского, популярного в начале XX века беллетриста. Акцент был сделан на уникальной информации о литературном быте писателей-современников, извлеченной из дневников Лазаревского. Представлены записи о его встречах с С. Есениным, Н. Клюевым, В. Маяковским, В. Хлебниковым, А. Куприным и др.

О переоценке творчества французского романтика Жерара де Нерваля, которая в России произошла ранее, чем на родине поэта, размышляла И. В. Ваганова (Санкт-Петербург). Когда в 1912 году в издательстве К. Ф. Некрасова вышел первый русский перевод произведений Нерваля, подготовленный Павлом Муратовым, одни критики сочли, что переводчик сделал Нерваля сложнее, чем он есть, и что на самом деле его новеллы — всего лишь легкие наброски. Другие, напротив, радостно приветствовали знакомство русской публики с настоящим и ярким представителем французского романтизма. Судя по влиянию, какое Жерар де Нерваль оказал на литературный процесс начала XX века, вторые были, безусловно, правы.

В сообщении О. И. Шапкиной (Москва) «Литературная репутация и творчество Ст. Пшибышевского в России начала XX века (по материалам модернистских журналов)» был освещен процесс формирования репутации популярного польского автора. Особое внимание было уделено спору о публикациях произведений Ст. Пшибышевского между «Скорпионом» и издательством В. М. Саблина, развернувшемуся на страницах журнала «Весы».

Доклад В. Э. Молодякова (Япония) был посвящен первому и второму изданиям книги стихов Валерия Брюсова «Chefs d'œuvre» — одному из важнейших текстов русского символизма в период его становления. Исследователь отметил необходимость отдельного рассмотрения каждого из четырех авторских вариантов книги (1895, 1896, 1907 и 1913 годов) в конкретном историко-литературном контексте. Анализируя различия в составе и композиции первого и второго изданий как проявление литературной тактики Брюсова в отношениях с критиками и читателями, докладчик подчеркнул, что это по сути две разные книги, несмотря на повторение текстов, и указал на необходимость академической подготовки и помещения всех четырех вариантов сборника под одной обложкой, причем первых трех — в виде репринта.

История увлечения В. Я. Брюсова личностью и творчеством немецкого поэта Ф. Эверса (1871–1947) была в центре внимания Е. А. Глуховской (Санкт-Петербург). Анализ реферата «Мания величия. (Несколько слов о Франце Эверсе)», прочитанного Брюсовым в «Кружке любителей западноевропейских литератур» в середине декабря 1894 года, и сопоставление этого текста с предисловием к первой поэтической книге «Chefs d'œuvre» позволили предположить, что немецкий поэт стал для русского символиста той писательской моделью, которая определила его публикаторские стратегии в ранний период творчества.

В докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва) «Пародии на Бальмонта как основа его версификатор-

ской репутации» проанализированы стиховые особенности многочисленных пародий и подражаний, воссоздающих представление современников об уникальности бальмонтовского стихосложения: его пристрастие к вольным и разностопным метрам, цезуре в длинных и особенно коротких размерах, внутренним рифмам, строфическим изыскам, настойчивым повторам, парцелляции. Самым притягивающим оказалось стихотворение «Хочу» из книги «Будем как солнце», ставшее основой наибольшего количества пародий на Бальмонта.

А. С. Пахомова (Санкт-Петербург) в сообщении «Куда пропали „Гонцы“?: Невышедший сборник М. А. Кузмина в контексте литературной репутации автора» предприняла попытку реконструировать облик поэтического сборника Кузмина, запланированного автором в 1917–1919 годах. В силу малого объема фактических сведений о сборнике основное внимание было уделено литературным и биографическим сценариям, которые могли бы быть реализованы в зависимости от состава и прагматики книги.

Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург) обратилась к феномену «русского бодлерианства» и на его фоне — к истокам литературной репутации Н. С. Гумилева-«парнасца» и последующей рецепции акмеизма как «привозной „заграничной штучки“» (А. А. Блок). Отметив прямые заимствования из Ш. Бодлера («Цветы зла», «Искусственные парадизы») в ранней поэзии и прозе Гумилева, докладчица сосредоточила внимание на мотиве экзотического путешествия — реального, воображаемого и мистифицированного, а также на образе экзотической женщины. Было показано, что уже в первых критических отзывах (Ин. Анненского, А. Левинсона) наметились основные топосы, ставшие константами в характеристике Гумилева — «открывателя новых земель».

А. А. Чабан (Москва) рассматривала текст, подготовленный А. Ахматовой для телепередачи «Литературный вторник», посвященной 85-летней годовщине со дня рождения А. Блока, и фрагменты о Блоке, присутствующие в «Записных книжках» поэтессы. «Записные книжки» демонстрируют, как усложняется прагматика Ахматовой по мере написания текста и как это отражается на композиции, отборе эпизодов и сквозных образах «Воспоминаний об Александре Блоке».

Конференция, проходившая в атмосфере заинтересованности, завершилась подведением итогов. Организаторы выражают искреннюю благодарность всем участникам и надеются на продолжение плодотворного сотрудничества.

© *Э. К. Александрова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-289-291

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИРЫ МИХАИЛА КУЗМИНА: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ»

20–22 октября 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения поэта, прозаика, драматурга, переводчика, критика, композитора Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) и посвященная памяти одного из основоположников отечественного кузминоведения Николая Алексеевича Богомолова (1950–2020).

В ходе заседаний исследователи из российских и европейских образовательных и научных организаций, а также из Соединенных Штатов Америки, Южной Кореи, Ирана обменялись опытом анализа разных граней творчества Кузмина и его биографии.

С воспоминаниями о первом вечере, посвященном Кузмину и организованном в Ленинграде в Доме архитектора 28 января 1988 года, выступил известный петербургский писатель, литературовед, библиограф Е. Б. Белодубровский (Санкт-Петербург), который познакомил участников и слушателей конференции с записями речей В. В. Герасимова и А. С. Кушнера, подчеркнув специфику восприятия Кузмина и его творчества исследователями и поэтами в конце XX века, в эпоху «возвращения» русской культуры к читателю.

Доклады участников конференции распределились по нескольким тематическим направлениям: судьба поэта Кузмина, его лирическое и драматургическое наследие; Кузмин-прозаик: источники текстов, писательские стратегии и проблемы перевода; Кузмин в кругу современников.

Выступление Е. В. Евдокимова (Санкт-Петербург) было построено на обзоре новых материалов, выявленных в архивах г. Ярославля и связанных с биографией Кузмина. Докладчик точно установил место рождения Кузмина: ныне это жилой дом 5 в г. Ярославле по улице Кедрова, который в конце XIX века принадлежал мещанке Е. А. Холщевниковой, что позже отразилось в романе Кузмина «Тихий страж».

Окуловскому периоду творческой биографии Кузмина (1907–1911) был посвящен доклад А. А. Игнатьева (Боровичи) и М. В. Григорьевой (Окуловка), а И. В. Ваганова (Санкт-

Петербург) проанализировала эволюцию восприятия творчества и имени Кузмина в ярославской прессе и культурном сообществе: от дискуссий конца 1980-х годов, через организацию в 2002 году в Ярославской областной библиотеке литературно-поэтических чтений, посвященных Кузмину, к современным пабликам на канале «ЯРНовости».

Разговор о судьбе поэта был подытожен Е. Л. Курандой (Санкт-Петербург), которая представила и сравнила 9 автобиографических текстов, выявленных в РГАЛИ, Отделе рукописей РНБ и Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Докладчица подчеркнула факт различия подходов Кузмина к презентации фактов своей биографии в зависимости от времени создания того или иного текста с 1906 по 1928 год.

Отдельный тематический блок докладов был связан с анализом поэтических мотивов, лирической образности, формальной организации стиха у Кузмина. Здесь прозвучали сообщения П. В. Дмитриева (Санкт-Петербург) на тему «О вине у Кузмина»; М. Яхьяпур (Иран), Г. В. Токарева (Тула), Д. Карими-Мотаххара (Иран) — «Пока ты не один, Гафиз еще цветет»; А. А. Ковзуна (Владимир) — «„Триумф Нептуна“: к прочтению финала поэмы Кузмина „Для Августа“»; А. А. Житенева (Воронеж) — «Поэтология *чуда* в творчестве Кузмина»; А. Г. Волковой (Калуга) — «Францисканские мотивы в поэзии Кузмина»; А. В. Гик (Москва) — «Ассоциации по смежности и не только в сновидческих стихах Кузмина»; Ю. Б. Орлицкого (Москва) — «О верлибрах Кузмина».

Особенностям драматургического мастерства Кузмина был посвящен доклад Л. Г. Пановой (США), которая сопоставила построение сюжета пьесы «Смерть Нерона» с романом Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и выявила два уровня развития драматического действия, которые направленно взаимодействуют в произведении, выявляя трагические процессы, связанные с переустройством российской действительности в 1910–1920-е годы: один относится к жизни императора Нерона и античного Рима, другой — к судьбе русского писателя Павла Лукина и большевистского режима.

Г. А. Морев (Москва/Германия) в своем докладе, отметив трагическую судьбу Кузмина в 1930-е годы и недостаточность сведений о составе его наследия позднего периода, проанализировал публикационную деятельность Г. Шмакова, в результате которой было указано на ряд произведений Кузмина, источники текстов которых неизвестны, но о которых сохранились воспоминания современников. Докладчик выразил надежду, что архив Шмакова, который, возможно, будет доступен для исследователей, позволит скорректировать представление об объеме творческих рукописей Кузмина 1930-х годов.

На отдельном научном заседании речь шла о прозаических произведениях Кузмина. А. Г. Тимофеев (Санкт-Петербург) познакомил участников конференции с разысканиями, посвященными повести Кузмина «Подвиги Великого Александра», обозначив в качестве основного источника, на который главным образом опирался писатель, труд В. М. Истрина «Александрия русских хронографов (исследование и текст)» (М., 1893).

А. С. Пахомова (Санкт-Петербург) преподнесла дневниковые записи Кузмина и его прозаические произведения 1910 — начала 1920-х годов как своеобразный метатекст, отдельные части которого дополняют и проясняют друг друга, а А. Д. Бабушкин (Санкт-Петербург), в свою очередь, раскрыл автобиографическую основу повести Кузмина «Картонный домик».

Живой интерес вызвало выступление В. Б. Зусевой-Озкан (Москва) на тему «Конструирование фемининности в прозе Кузмина». Докладчица предложила классификацию женских образов, выявленную в ходе анализа малой прозы Кузмина, обозначив ряд устойчивых женских типов «энтузиастки», «матери-угнетательницы», «женщины-хищницы», «блаженной», «блудницы», «убийцы», «оккультистки», «женщины-калеки» и др., доказывающих представление о мизогинии их создателя.

В докладе П. Б. Рыжакова (Испания) были репрезентованы результаты сравнительного анализа текстов перевода «Отелло», выполненного А. Д. Радловой в 1934 году, возможно, не без опосредованного влияния Кузмина, изданного «ЦЕДРАМ» (1935) и «Academia» (1936), а А. Г. Бахчинян (Армения) выявил разнообразные контакты Кузмина с армянскими поэтами и переводчиками. Джонгхён Ли (Республика Корея) рассказал о первом переводе произведения Кузмина «Крылья» на корейский язык.

Конференцию завершил разговор о сложных творческих и биографических связях Кузмина с современниками. Уже неоднократно поднимаемая тема «Кузмин и Вяч. Иванов» была развита и дополнена в докладах А. Лена-Корриторе (Италия) «Иванов-„трагик“ и Кузмин-„эпикуреец“: некоторые соображения на полях неопубликованного стихотворения В. И. Иванова (в контексте кружка «Друзья Гафиза»)» и С. Д. Титаренко (Санкт-Петербург) «Неостили в поэзии Михаила Кузмина и Вячеслава Иванова как проблема исторической поэтики: топосы маньеризма». К. А. Вихляев (Санкт-Петербург) обратился к проблеме пересечений и взаимовлияний Кузмина и К. М. Миклашевского. С новыми неопубликованными материалами об окружении Кузмина познакомила Т. Б. Тишунина (Москва), в ее докладе прозвучали имена Н. Г. Зенгера, И. А. Лихачева и др. В этом же ключе было выполнено и сообщение Т. К. Кащеевой (Санкт-Петербург), подробно осветившей судьбу жены Л. Л. Ракова Н. В. Султановой. В свою очередь Л. П. Хачева (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад неизвестным дневниковым записям О. Н. Гильдебрандт-Арбениной.

Научная часть заседаний завершилась докладом К. А. Учителя (Санкт-Петербург), посвященным неизвестной переписке 1930–1931 годов Н. Смолича и Кузмина и либретто к опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила».

Юбилейный характер конференции подчеркивался обширной культурной программой, которую составили три выставочных проекта: «Михаил Кузмин и ученый мир» (подготовлена сотрудниками ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: И. В. Кощиенко, Е. П. Максимовой, Г. В. Петровой); «Есть у меня одна вещица...» (материалы о Михаиле Кузмине из частных петербургских собраний) — куратор А. В. Бурлешин; «Издания сочинений М. Кузмина на европейских языках: от поиска редкостей к современному обозрению» — автор проекта А. Г. Тимофеев; прошли презентации новых книг от издательств «Артбук», «Реноме», «Азбуковник»; была проанонсирована публикация в «Издательстве В. Гоппе» по инициативе С. А. Венгерова, руководителя проекта «Библиохроника», неизвестных до настоящего времени переводов сонетов Шекспира, выполненных Кузминым; состоялся концерт артистов Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д. Д. Шостаковича Елены Иготти (сопрано) и лауреата международных и всероссийских конкурсов Ирины Розановой (фортепьяно), впервые исполнивших романсы из вокальных циклов Кузмина «Canzonier» (1903) и «Харикл из Милета» (1904).

Главным результатом состоявшегося научного мероприятия стало расширение представления о книгах стихов, прозаических и переводных произведениях, музыкальных и драматических сочинениях Кузмина как особых вехах становления русского искусства и самостоятельных «миров», в которых нашли отражение и многообразие творческой натуры их автора, и контрасты культурной жизни первой половины XX века в России.

© Г. В. Петрова

SUMMARIES

Марина Анатольевна Федотова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Marina Anatoliyevna Fedotova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5167-3414

fedotova_m@mail.ru

ГИМНОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО (ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ)

HYMNOGRAPHIC WORKS BY DIMITRY OF ROSTOV (ISSUES OF ATTRIBUTION)

В статье рассмотрены гимнографические сочинения святителя Димитрия Ростовского: «Служба святым девяти мученикам кизическим», службы Гурию Казанскому, тропарь, кондак и молитва Корнилию Молчальнику, «На погребение Христово плач»; уточняется атрибуция этих сочинений, время их создания, характеризуются жанровые особенности.

Ключевые слова: митрополит Димитрий Ростовский, атрибуция, источниковедение, гимнографические сочинения.

The article examines the hymnographic works of the Metropolitan Dimitry of Rostov: *Service for the Nine Holy Martyrs of Kizia*, services for Gury of Kazan, troparion, kontakion and prayer to Cornely the Silent, *Lamentation at the Entombnemt of Christ*. The author of the article specifies the attribution of these compositions, the time of their creation, and outlines the features of the genre.

Key words: Metropolitan Dimitry of Rostov, problems of attribution, source study, hymnographic texts.

Список литературы

1. *Алексеев А. И.* Варлаам (Высоцкий Василий Антипович) // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6.
2. *Балакшин Р.* Церковь Покрова Богородицы, что в Козлёне. Вологда, 2000.
3. *Виденеева А. Е.* К истории посвящений храмов Ростовского Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1.
4. *Вовина-Лебедева В. Г., Чугреева Н. Н.* Ермоген // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18.
5. *Дробленкова Н. Ф.* Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. А–К.
6. *Жигулин Е. В.* Художественное своеобразие театра Димитрия Ростовского. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1995.
7. *Жиленко И. В., Назаренко А. В.* Ефрем // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19.
8. *Зиборов В. К.* Лаврентий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 2. И–О.
9. *Кабанець Є. П.* Невідомий твір св. Дмитра Туптала Ростовського // Могилянські читання. Київ, 1998.
10. *Кабанець Є. П.* Святитель Димитрий и служба Печерским святым // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. Ростов, 2008.

11. Каталог рукописных книг из собрания НГОУНБ / Сост. И. В. Нестеров. Нижний Новгород, 1999. Ч. 1. XV–XVII вв.

12. *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX век). М., 2001.

13. *Липаков Е. В.* Гурий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13.

14. *Липаков Е. В., Чугреева Н. Н.* Варсонофий // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6.

15. *Литвина Т. А.* Рукописные жития святых в казанских книгохранилищах // Русская и сопоставительная филология. Серия: Языкознание (русистика: синхронический и диахронический аспекты). Казань, 2003.

16. [Лосева О. В.]. Кизические мученики // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 33.

17. *Людоговский Ф. Б.* Современный церковнославянский минейный корпус // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2001–2002). М., 2003.

18. *Людоговский Ф. Б.* Структура и поэтика церковнославянских акафистов. М., 2015.

19. *Макарий (Веретенников), архим.* Святитель Гурий архиепископ Казанский // Макариевские чтения. Преподобный Серафим Саровский и русское старчество (XIX в.). М., 2005.

20. *Макарий (Веретенников), архим.* К вопросу изучения Богослужебных Миней // Макарий (Веретенников), архим. Святая Русь: агиография, история, иерархия. М., 2005.

21. *Макарий (Веретенников), архим.* Святитель Гурий, архиепископ Казанский // Православный собеседник. Казань, 2006. № 2 (12).

22. *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. Н. Невоструева). М., 1970. Ч. 1.

23. *Прохоров Г. М.* Иоанн // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 2. И–О.

24. *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

25. *Сарабьянов В. Д.* История художественного убранства Благовещенского собора Казанского Кремля // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2012. Вып. 3 (9).

26. *Свирелин А. И.* Жития святых Переславских чудотворцев: Никиты Столпника, Даниила игумена, благоверного князя Андрея и Корнилия Молчальника. Вязники, 1890; Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца / Публ., пер., сост., автор статьи М. С. Крутова. М., 2013.

27. *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество (По современным Минеям). Париж, 1951.

28. *Сукина Л. Б.* Корнилий // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38.

29. *Ткаченко А. А., Пентковский А. М., Мошкова Л. В. и др.* Гимнография // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11.

30. Українська поезія. Середина XVII ст. / Упорядники В. І. Крекотень, М. М. Сулима. Київ, 1992.

31. *Федотова М. А.* Святитель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса: Исследование и тексты. СПб., 2022.

32. *Федотова М. А.* Слова на память святого Гурия Казанского: к вопросу о неизвестных сочинениях Димитрия Ростовского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. III. Филология. 2018. Вып. 56.

33. *Федотова М. А.* Слово на освящение Смоленско-Корнилиевской церкви: неизвестная проповедь Димитрия Ростовского // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2016. Вып. 21.

34. *Федотова М. А.* Сочинение Димитрия Ростовского «Канон преподобным и богоносным отцем нашим Антонию и Феодосию Киево-Печерским»: к истории текста // Русская литература. 2020. № 2.

35. *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. М., 2005.

36. *Янковска Л. А.* Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1994.

References

1. *Alekseev A. I.* Varlaam (Vysotskii Vasilii Antipovich) // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2003. T. 6.

2. *Balakshin R.* Tserkov' Pokrova Bogoroditsy, chto v Kozlëne. Vologda, 2000.

3. *Droblenkova N. F.* Germogen // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. SPb., 1988. Vyp. 2. Vtoraia polovina XIV — XVI v. Ch. 1. A–K.

4. *Fedotova M. A.* Epistoliarnoe nasledie Dimitriia Rostovskogo. M., 2005.

5. *Fedotova M. A.* Slova na pamiat' sviatogo Guriia Kazanskogo: k voprosu o neizvestnykh sochineniiakh Dimitriia Rostovskogo // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta. Ser. III. Filologiia. 2018. Vyp. 56.

6. *Fedotova M. A.* Slovo na osviashchenie Smolensko-Kornilievskoi tserkvi: neizvestnaia propoved' Dimitriia Rostovskogo // Soobshcheniia Rostovskogo muzeia. Rostov, 2016. Vyp. 21.

7. *Fedotova M. A.* Sochinenie Dimitriia Rostovskogo «Kanon prepodobnym i bogonosnym ottsem nashim Antoniiu i Feodosiiu Kievo-Pecherskim»: k istorii teksta // Russkaia literatura. 2020. № 2.

8. *Fedotova M. A.* Sviatitel' Dimitrii Rostovskii: Zhitie, Sluzhba, chudesa: Issledovanie i teksty. SPb., 2022.

9. *Iankovska L. A.* Literaturno-bogoslovskoe nasledie sviatitelia Dimitriia Rostovskogo: vospriiatie iezuitskoi nauki XVI–XVII vv. Avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. M., 1994.

10. *Kabanets' Є. P.* Nevidomii tvir sv. Dmitra Tuptala Rostovs'kogo // Mogilians'ki chitannia. Kiïv, 1998.

11. *Kabanets' Є. P.* Sviatitel' Dimitrii i sluzhba Pecherskim sviatym // Sviatitel' Dimitrii, mitropolit Rostovskii: issledovaniia i materialy. Rostov, 2008.

12. Katalog rukopisnykh knig iz sobraniia NGOUNB / Sost. I. V. Nesterov. Nizhnii Novgorod, 1999. Ch. 1. XV–XVII vv.

13. *Kravetskii A. G., Pletneva A. A.* Istoriia tserkovnoslavianskogo iazyka v Rossii (konets XIX — XX vek). M., 2001.

14. *Lipakov E. V.* Gurii // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2006. T. 13.

15. *Lipakov E. V., Chugreeva N. N.* Varsonofii // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2003. T. 6.

16. *Litvina T. A.* Rukopisnye zhitiia sviatykh v kazanskikh knigokhranilishchakh // Russkaia isopostavitel'naia filologiia. Seriia: Iazykoznanie (rusistika: sinkhronicheskii i diakhronicheskii aspekty). Kazan', 2003.

17. *Liudogovskii F. B.* Sovremennyi tserkovnoslavianskii mineinyi korpus // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka (2001–2002). M., 2003.

18. *Liudogovskii F. B.* Struktura i poetika tserkovnoslavianskikh akafistov. M., 2015.

19. [Loseva O. V.]. Kizicheskie mucheniki // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2013. T. 33.

20. *Makarii (Veretennikov), arkhim.* K voprosu izucheniia Bogosluzhebnykh Minei // Makarii (Veretennikov), arkhim. Sviataia Rus': agiografiia, istoriia, ierarkhiia. M., 2005.

21. *Makarii (Veretennikov), arkhim.* Sviatitel' Gurii arkhiepiskop Kazanskii // Makarievskie chteniia. Prepodobnyi Serafim Sarovskii i russkoe starchestvo (XIX v.). M., 2005.

22. *Makarii (Veretennikov), arkhim.* Sviatitel' Gurii, arkhiepiskop Kazanskii // Pravoslavnyi sobesednik. Kazan', 2006. № 2 (12).

23. *Prokhorov G. M.* Ioann // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 3. XVII v. Ch. 2. I–O.

24. *Protas'eva T. N.* Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniia (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. N. Nevostrueva). M., 1970. Ch. 1.

25. *Sarab'ianov V. D.* Istoriia khudozhestvennogo ubranstva Blagoveshchenskogo sobora Kazanskogo Kremlia // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta. Ser. V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva. 2012. Vyp. 3 (9).

26. *Sazonova L. I.* Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia. M., 2006.

27. *Spasskii F. G.* Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo (Po sovremennym Mineiam). Parizh, 1951.

28. *Sukina L. B.* Kornilii // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2015. T. 38.

29. *Svirelin A. I.* Zhitiia sviatykh Pereslavskikh chudotvortsev: Nikity Stolpnika, Daniila igumena, blagovernogo kniazia Andreia i Korniliia Molchal'nika. Viazniki, 1890; Zhitie i podvigi prepodobnogo ottsa nashego Korniliia Pereslavskogo chudotvortsa / Publ., per., sost., avtor stat'i M. S. Krutova. M., 2013.

30. *Tkachenko A. A., Pentkovskii A. M., Moshkova L. V. i dr.* Gimnografiia // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2006. T. 11.

31. Ukraïns'ka poeziia. Seredina XVII st. / Uporiadniki V. I. Krekoten', M. M. Sulima. Kiïv, 1992.

32. *Videneeva A. E.* K istorii posviashchenii khramov Rostovskogo Spaso-Iakovlevskogo Dimitrieva monastyria // Soobshcheniia Rostovskogo muzeia. Rostov, 1991. Vyp. 1.

33. *Vovina-Lebedeva V. G., Chugreeva N. N.* Ermogen // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2008. T. 18.

34. *Zhigulin E. V.* Khudozhestvennoe svoeobrazie teatra Dimitriia Rostovskogo. Avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniia. M., 1995.

35. *Zhilenko I. V., Nazarenko A. V.* Efrem // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2008. T. 19.

36. *Ziborov V. K.* Lavrentii // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 3. XVII v. Ch. 2. I–O.

Надежда Юрьевна Алексеева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Iurievna Alekseeva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0009-0516-5908

alexenad18@gmail.com

Андрей Юрьевич Соловьев

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Andrei Iurievich Solovev

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0851-4199

an.solovjov@gmail.com

О СТАНОВЛЕНИИ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРВУЮ ТРЕТЬ XVIII ВЕКА

CONCERNING THE EMERGENCE OF THE MODERN RUSSIAN LITERATURE IN THE 1ST THIRD OF THE 18TH CENTURY

Статья посвящена проблеме перехода русской литературы к литературе Нового времени, рассматриваемой в том числе на примерах из опыта драмы и записок о путешествиях.

Ключевые слова: европеизация, переходная эпоха, Slavia orthodoxa, Slavia romana, классицизм, школьная драма, литература путешествий.

The article deals with the transition of Russian literature to the literature of Modern Times. The sources under examination include plays and travelogues.

Key words: Westernization, transitional era, *Slavia orthodoxa*, *Slavia romana*, Classicism, Baroque theatre, travelogues.

Список литературы

1. *Бухаркин П. Е.* История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы). СПб., 2013 («Русская литература XVIII в.: хронологические границы и проблема периодизации»).
2. *Гржибек П.* Бахтинская семиотика и московско-тартуская школа // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1.
3. *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017. Т. 2.
4. *Карамзин Н. М.* Пантеон российских авторов // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2.
5. *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М., 2010.
6. *Курциус Э. Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / Пер. Д. С. Колчигина. М., 2020. Т. 1.
7. *Левитт М.* Драма Сумарокова «Пустынник». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18.
8. *Лотман Ю. М.* Пути развития русской просветительской прозы XVIII века // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века / Отв. ред. П. Н. Берков. М; Л., 1961.
9. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.

10. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984 (сер. «Литературные памятники»).

11. *Майелларо Дж.* Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке. 1734–1744. [Часть 1] // Русско-итальянский архив II / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002.

12. *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.

13. *Одесский М. П.* Поэтика русской драмы. Последняя треть XVII — первая треть XVIII в. М., 2004.

14. *Осповат К. А.* Трагедия и террор: суверенное насилие и политика катарсиса в «Гамлете» Сумарокова (1748) // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2019. Вып. 8.

15. *Панченко А. М.* Литература «переходного века» // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Ред. Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко.

16. *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века.

17. *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.

18. *Панченко А. М.* Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17.

19. *Пиккио Р.* Slavia orthodoxa и Slavia romana // Пиккио Р. Slavia orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. М., 2003.

20. *Плюханова М. Б.* Семиотические исследования Петровской эпохи в свете Константиновой парадигмы и проблем античного язычества // Pietroburgo capitale della cultura russa / A cura di A. D'Amelia. Salerno, 2004 (Collana di Europa Orientalis).

21. *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чудаков; сост. Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; вступ. статья, подг. текста и комм. Н. И. Николаева. М., 2000.

22. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Ода «Вольность» / Изд. подг. В. А. Западов. СПб., 1992. С. 123 (сер. «Литературные памятники»).

23. Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1972. Вып. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.

24. Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 2. Литературные источники XVIII века (1726–1762) / [Изд. подг. Э. Л. Афанасьев, Н. Д. Блудилина и др.]; отв. ред. В. М. Гуминский. М., 2003.

25. *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

26. *Серман И. З.* Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина? // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23.

27. *Серман И. З.* Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973.

28. *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII века: Польша, Украина, Россия. М., 1981.

29. *Сумароков А. П.* Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.).

30. *Федотова М. А.* «Кающийся грешник» Димитрия Ростовского // Русская литература. 2022. № 3.

31. *Хэн Фу.* Переводы А. Д. Кантемира: репертуар, приемы, примечания. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022.

32. *Шишкин А. Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте.

33. *Baudin R.* Nikolaï Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011 (Études orientales, slaves et néo-helléniques).

34. *Levitt M. C.* Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts. Selected Essays. Boston, Mass., 2009 (Studies in Russian and Slavic Literatures, Cultures and History).

35. *Ospovat K.* Terror and Pity: Aleksandr Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia. Boston, 2016.

36. *Ospovat K.* The (Dis)empowered People: Kingship, Revolt and the Origins of Russian Tragic Drama // Acta Slavica Estonica VI. Tartu, 2014 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia; XIV: Russian National Myth in Transition).

References

1. *Baudin R.* Nikolaï Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011 (Études orientales, slaves et néo-helléniques).

2. *Bukharkin P. E.* Istoriia russkoi literatury XVIII veka (1700–1750-e gody). SPb., 2013 («Russkaia literatura XVIII v.: khronologicheskie granitsy i problema periodizatsii»).

3. *Fedotova M. A.* «Kaiushchiisia greshnik» Dimitriia Rostovskogo // Russkaia literatura. 2022. № 3.

4. *Grzhibek P.* Bakhtinskaia semiotika i moskovsko-tartuskaia shkola // Lotmanovskii sbornik. [Vyp.] 1. M., 1995.

5. *Karamzin N. M.* Panteon rossiiskikh avtorov // Karamzin N. M. Izbr. soch.: V 2 t. M.; L., 1964. T. 2.

6. *Khen Fu.* Perevody A. D. Kantemira: repertuar, priemy, primechaniia. Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2022.

7. *Klein I.* Russkaia literatura v XVIII veke. M., 2010.

8. *Kurtsius E. R.* Evropeiskaia literatura i latinskoe Srednevekov'e: V 2 t. / Per. D. S. Kolchigina. M., 2020. T. 1.

9. *Levitt M. C.* Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts. Selected Essays. Boston, Mass., 2009 (Studies in Russian and Slavic Literatures, Cultures and History).

10. *Levitt M.* Drama Sumarokova «Pustynnik». K voprosu o zhanrovykh i ideinykh istochnikakh russkogo klassitsizma // XVIII vek. SPb., 1993. Sb. 18.

11. *Lotman Iu. M.* Puti razvitiia russkoi prosvetitel'skoi prozy XVIII veka // Problemy russkogo Prosveshcheniia v literature XVIII veka / Otv. red. P. N. Berkov. M; L., 1961.

12. *Lotman Iu. M.* Sotvorenie Karamzina. M., 1987.

13. *Lotman Iu. M., Uspenskii B. A.* «Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoi kul'tury // Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika / Izd. podg. Iu. M. Lotman, N. A. Marchenko, B. A. Uspenskii. L., 1984 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

14. *Maiellaro Dzh.* Perepiska kn. A. D. Kantemira s sestroi Mariei na ital'ianskom iazyke. 1734–1744. [Chast' 1] // Russko-ital'ianskii arkhiv II / Sost. D. Ritstsi i A. Shishkin. Salerno, 2002.

15. *Nikolaev S. I.* Literaturnaia kul'tura Petrovskoi epokhi. SPb., 1996.

16. *Odesskii M. P.* Poetika russkoi dramy. Posledniaia tret' XVII — pervaia tret' XVIII v. M., 2004.

17. *Ospovat K. A.* Tragediia i terror: suverennoe nasilie i politika katarsisa v «Gamlete» Sumarokova (1748) // Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka. SPb., 2019. Vyp. 8.

18. *Ospovat K.* Terror and Pity: Aleksandr Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia. Boston, 2016.

19. *Ospovat K.* The (Dis)empowered People: Kingship, Revolt and the Origins of Russian Tragic Drama // Acta Slavica Estonica VI. Tartu, 2014 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia; XIV: Russian National Myth in Transition).

20. *Panchenko A. M.* Literatura «perekhodnogo veka» // Istoriia russkoi literatury: V 4 t. L., 1980. T. 1. Drevnerusskaia literatura. Literatura XVIII veka / Red. D. S. Likhachev, G. P. Makogonenko.

21. *Panchenko A. M.* O smene pisatel'skogo tipa v petrovskuiu epokhu // XVIII vek. L., 1974. Sb. 9. Problemy literaturnogo razvitiia v Rossii pervoi treti XVIII veka.

22. *Panchenko A. M.* Russkaia kul'tura v kanun Petrovskikh reform. L., 1984.

23. *Panchenko A. M.* Tserkovnaia reforma i kul'tura Petrovskoi epokhi // XVIII vek. SPb., 1991. Sb. 17.

24. *Pikkio R.* Slavia orthodoxa i Slavia romana // Pikkio R. Slavia orthodoxa: Literatura i iazyk / Otv. red. N. N. Zapol'skaia, V. V. Kalugin. M., 2003.

25. *Pliukhanova M. B.* Semioticheskie issledovaniia Petrovskoi epokhi v svete Konstantinovoi paradigmy i problem antichnogo iazychestva // Pietroburgo capitale della cultura russa / A cura di A D'Amelia. Salerno, 2004 (Collana di Europa Orientalis).

26. *Pumpianskii L. V.* K istorii russkogo klassitsizma // Pumpianskii L. V. Klassicheskaia traditsiia: Sobranie trudov po istorii russkoi literatury / Otv. red. A. P. Chudakov; sost. E. M. Isserlin, N. I. Nikolaev; vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. N. I. Nikolaeva. M., 2000.

27. *Radishchev A. N.* Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Oda «Vol'nost'» / Izd. podg. V. A. Zapadov. SPb., 1992. S. 123 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

28. Ranniaia russkaia dramaturgiia (XVII–pervaia polovina XVIII v.). M., 1972. Vyp. 2. Russkaia dramaturgiia poslednei chetverti XVII i nachala XVIII v.

29. Rossiia i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniia. Vyp. 2: Literaturnye istochniki XVIII veka (1726–1762) / [Izd. podg. E. L. Afanas'ev, N. D. Bludilina i dr.]; otv. red. V. M. Guminskii. M., 2003.

30. *Sazonova L. I.* Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia. M., 2006.

31. *Serman I. Z.* Gde i kogda sozdavalis' «Pis'ma russkogo puteshestvennika» N. M. Karamzina? // XVIII vek. SPb., 2004. Sb. 23.

32. *Serman I. Z.* Russkii klassitsizm. Poeziia. Drama. Satira. L., 1973.

33. *Shishkin A. B.* Poeticheskoe sostiazanie Trediakovskogo, Lomonosova i Sumarokova // XVIII vek. L., 1983. Sb. 14. Russkaia literatura XVIII — nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste.

34. *Sofronova L. A.* Poetika slavianskogo teatra XVII — pervoi poloviny XVIII veka: Pol'sha, Ukraina, Rossiia. M., 1981.

35. *Sumarokov A. P.* Izbr. proizvedeniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. P. N. Berkova. L., 1957 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

36. *Zhivov V. M.* Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti: V 2 t. M., 2017. T. 2.

Максим Андреевич Фролов

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Maksim Andreevich Frolov

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9694-6583

m.a.frolov@gmail.com

Н. К. ГУДЗИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК: К ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЧАСТЬ 1: 7 МАЯ 1923 ГОДА — 28 МАЯ 1924 ГОДА

N. K. GUDZIJ AT THE *STATE ACADEMY OF ART SCIENCES*: THE HISTORY OF COOPERATION PART 1: MAY 7, 1923 — MAY 28, 1924

Публикация, основанная на материалах архивного фонда Государственной академии художественных наук (РГАЛИ) и личного архива Н. К. Гудзия (РГБ), восстанавливает историю работы историка литературы, текстолога, педагога в легендарном научном учреждении с богатой и трагической историей и вводит в научный оборот тексты докладов ученого и отзывов его коллег в прениях. Документы отражают различные формы сотрудничества Гудзия в ГАХН и проблемно-тематическое разнообразие его выступлений и исследований, подготовленных в рамках работы в ГАХН (1922–1929).

Ключевые слова: Н. К. Гудзий, Государственная академия художественных наук, история филологической науки, русская литература, Ф. И. Тютчев, Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров.

The publication, based on the data from the archival fund of the State Academy of Art Sciences (RGALI) and the personal archive of N. K. Gudzij (Department of Manuscripts, Russian State Library), traces the history of the work of a literary historian, textual critic, professor at a legendary academic institution with a rich and tragic history, and introduces unpublished texts of the scholar's reports, as well as the feedback of his colleagues provided during the debates. The texts and documents reflect the various forms of Gudzij's involvement in the work of GAKHN and the problem-thematic diversity of his speeches and studies, produced as a part of his work at the Academy (1922–1929).

Key words: N. K. Gudzij, *State Academy of Art Sciences*, history of philological science, Russian literature, F. I. Tyutchev, N. L. Brodsky, N. P. Sidorov.

Список литературы

1. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. Л., 1973.

2. Библиография трудов Н. К. Гудзия / Сост. А. К. Гудзий, В. И. Зайцев, А. Н. Робинсон // Воспоминания о Н. К. Гудзии. М., 1968.

3. *Богомолов Н. А.* Борис Пастернак и ГАХН // Russian Literature. 2018. № 100–102.

4. *Богомолов Н. А.* Другое литературоведение: Занятия Подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // Русская литература и философия: пути взаимодействия. Сб. статей. М., 2018. Вып. 1.

5. *Богомолов Н. А.* Из комментаторских заметок. 4. К публикациям статей С. Н. Дурылина о символизме // Литературный факт. 2017. № 4.

6. *Богомолов Н. А.* Разыскания в области русской литературы XX века: В 2 т. М., 2021. Т. 2. От fin de siècle до Вознесенского. За пределами символизма.

7. *Вендитти М.* Философские основания литературоведения в ГАХН // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: исследования: В 2 т. М., 2017. Т. 1.

8. *Дмитриев А.* Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией // Logos. 2010. № 2.

9. Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов: исследования: В 2 т. М., 2017. Т. 2.

10. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Сост. Т. Г. Динесман, С. А. Долгополова, И. А. Королева, Б. Н. Щедринский; отв. ред. Т. Г. Динесман. М., 1999. Кн. 1. 1803–1844.

11. *Морев Г. А.* К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // Минувшее. М., 1997. Вып. 21.

12. *Нефедьев Г. В.* К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: материалы и исследования. М., 2014.

13. *Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод (Материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1.

14. *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19).

15. *Римонди Дж.* А. Ф. Лосев о Ф. М. Достоевском. О деятельности Лосева в литературной секции ГАХН // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2021. Т. 25. № 1.

16. Тезисы доклада С. М. Соловьева о поэзии Е. А. Баратынского / Подг. текста В. П. Троицкого; вступ. статья и комм. Ю. Ю. Анохиной // Русская литература. 2021. № 4.

17. *Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011. Т. 1. Стихи, переводы, статьи.

18. *Шпет Г. Г.* Соч. / Предисловие Е. В. Пастернак. М., 1989.

References

1. *Berkovskii N. Ia.* Romantizm v Germanii. L., 1973.

2. Bibliografiia trudov N. K. Gudziia / Sost. A. K. Gudzii, V. I. Zaitsev, A. N. Robinson // Vospominaniia o N. K. Gudzii. M., 1968.

3. *Bogomolov N. A.* Boris Pasternak i GAKhN // Russian Literature. 2018. № 100–102.

4. *Bogomolov N. A.* Drugoe literaturovedenie: Zaniatiia Podsektsii istorii russkoi literatury GAKhN 1925–1929 // Russkaia literatura i filosofiia: puti vzaimodeistviia. Sb. statei. M., 2018. Vyp. 1.

5. *Bogomolov N. A.* Iz kommentatorskikh zametok. 4. K publikatsiiam statei S. N. Durylina o simvolizme // Literaturnyi fakt. 2017. № 4.

6. *Bogomolov N. A.* Razyskaniia v oblasti russkoi literatury XX veka: V 2 t. M., 2021. T. 2. Ot fin de siècle do Voznesenskogo. Za predelami simvolizma.

7. *Dmitriev A.* Literaturovedenie v GAKhN mezhdu filosofiei, poetikoi i sotsiologiei // Logos. 2010. № 2.

8. Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaia teoriia 1920-kh godov: issledovaniia: V 2 t. M., 2017. T. 2.

9. Letopis' zhizni i tvorchestva F. I. Tiutcheva / Sost. T. G. Dinesman, S. A. Dolgopolova, I. A. Koroleva, B. N. Shchedrinskii; otv. red. T. G. Dinesman. M., 1999. Kn. 1. 1803–1844.

10. *Morev G. A.* K istorii iubileia M. A. Kuzmina 1925 goda // Minuvshee. M., 1997. Vyp. 21.

11. *Nefed'ev G. V.* K istorii russkogo simvolizma: S. N. Durylin o Sh. Bodlere // Knigoizdatel'stvo «Musaget»: Istoriia. Mify. Rezul'taty: materialy i issledovaniia. M., 2014.

12. *Obatnin G. V., Postoutenko K. Iu.* Viacheslav Ivanov i formal'nyi metod (Materialy k teme) // Russkaia literatura. 1992. № 1.

13. *Pavlova M. M., Bogomolov N. A.* Iz vospominanii L. Ia. Gurevich o zhurnale «Severnyi vestnik». Stat'ia pervaia // Literaturnyi fakt. 2021. № 1 (19).

14. *Rimondi Dzh.* A. F. Losev o F. M. Dostoevskom. O deiatel'nosti Loseva v literaturnoi sektsii GAKhN // Vestnik RUDN. Ser. Filosofiia. 2021. T. 25. № 1.

15. *Shpet G. G.* Soch. / Predislovie E. V. Pasternak. M., 1989.

16. Tezisy doklada S. M. Solov'eva o poezii E. A. Baratynskogo / Podg. teksta V. P. Troitskogo; vstup. stat'ia i komm. Iu. Iu. Anokhinoi // Russkaia literatura. 2021. № 4.

17. *Usov D.* «My svedeny pochti na net...»: V 2 t. / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta, komm. T. F. Neshumovoi. M., 2011. T. 1. Stikhi, perevody, stat'i.

18. *Venditti M.* Filosofskie osnovaniia literaturovedeniia v GAKhN // Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i esteticheskaia teoriia 1920-kh godov: issledovaniia: V 2 t. M., 2017. T. 1.

Федор Никитович Веселов

доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Fedor Nikitovich Veselov

Assistant professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-2445-6497

f.veselov@spbu.ru

ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА И ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ КИЕВА В 1240 ГОДУ: ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

THE FALL OF JERUSALEM AND *THE TALE OF THE CAPTURE OF KYIV IN 1240*: LITERATURE AND HISTORY

Рассказ Галицко-Волынской летописи о взятии Киева Батыем в 1240 году столетиями привлекал историков детальностью описаний, прочно заняв нишу основного источника для реконструкции этого события. Параллельно было установлено, что многие подробности рассказа основаны на заимствованиях из переводной литературы. Целью статьи является показать, что замеченные особенности работы древнерусского летописца были продиктованы значимостью Киева для современников как сакрального центра «земли Русской», а литературные параллели рассказа не лишают его свойств исторического источника.

Ключевые слова: древнерусская литература, Повесть о нашествии Батыя, Галицко-Волынская летопись, монгольское нашествие, взятие Киева 1240 года.

The Tale of the Galician-Volhynian chronicle about the capture of Kyiv by Batu in 1240, with its detailed descriptions, has attracted historians for centuries, firmly occupying the niche of the main source for the reconstruction of the event. In parallel, many details of the Tale were proved to be based on the borrowings from the Byzantine literature. The goal of the article is to show that the identified features of the work of the Old Russian chronicler were prompted by the significance of Kyiv for his contemporaries as the sacred center of the «Russian land», and the literary parallels of the Tale do not seem to deprive it of its properties of a historical source.

Key words: Old Russian literature, textology, Galician-Volhynian chronicle, the Mongol invasion, capture of Kyiv in 1240.

Список литературы

1. *Акентьев К. К.* Мозаики Киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византинороссика. 1995. Т. 1.

2. *Алексеев А. А.* Интерполяции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59.

3. *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2019. Вып. 13.

4. *Анисимова Т. В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.

5. *Белецкий А. А.* Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской // Мозаики Софии Киевской. М., 1960.

6. *Беляев Л. А.* Золотые ворота // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20.

7. *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989.

8. *Василик В. В.* Церковь и империя в византийских церковно-поэтических памятниках. СПб., 2017.

9. *Вилкул Т. Л.* О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волынской летописи // Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes istorijos saltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretasija. Vilnius, 2007.

10. *Вилкул Т. Л.* Переводчик «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия — читатель «Повести Временных лет»? // «Вертоград многоцветный». Сб. к 80-летию Б. Н. Флори. М.: Индрик, 2018.

11. *Вилкул Т. Л.* Слідами хронографічних джерел Галицько-Волинського літопису (Хроніка Іоанна Малалы) // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2017. Вып. 17.

12. *Вилкул Т. Л.* Хронографические заимствования как текстологический маркер в Галицко-Волынской летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2018.

13. Галицько-Волинський літопис: текстологія / За ред. О. П. Толочко. Київ, 2020.

14. *Генсьорский А. И.* Галицько-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Киев, 1961.

15. *Данилевский И. Н.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей. Человек в истории — 1998. Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., 1999.

16. *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

17. *Ивакин Г. Ю., Комар А. В.* После катастрофы: Киев в 1241 г. // Stratum Plus. 2016. № 5.

18. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2004.

19. *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958.

20. *Карпов А. Ю.* Батый. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

21. *Карпов А. Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014.

22. *Килиевич С. Р.* Детинец Киева XI — пер. пол. XIII вв. По материалам археологических исследований. Киев, 1982.

23. *Лаушкин А. В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. 2002. Вып. 10.

24. *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998. Вып. 1. Книжная культура.

25. *Лидов А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006.

26. *Логвин Г. Н.* Искусство Киева конца X — середины XI в. // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987.

27. Магистр Рогерий, Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А. С. Досаева. СПб., 2012.

28. *Майоров А. В.* Две даты взятия Киева монголами в русских летописях // Русская литература. 2016. № 2.

29. *Майоров А. В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // Rossica antiqua. 2012. № 2.

30. *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М., 1958.

31. *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

32. *Моргунов Ю. Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М., 2009.

33. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000.

34. *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Вып. 9.

35. Повесть временных лет / Подг. текста, пер., комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996 (сер. «Литературные памятники»).

36. Полное собрание русских летописей. М., 1997–1998. Т. 1–2.

37. *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28.

38. *Раппопорт П. А.* Древние русские крепости. М., 1965.

39. *Репина Л. П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории — 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996.

40. *Репина Л. П.* «Доступный нашим чувствам знак», или историки в поисках эпистемологических аргументов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 2 (26).

41. *Ричка В. М.* Київ — Другий Єрусалим. Київ, 2005.

42. *Салмина М. А.* «Дебрь Кисаню» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2.

43. *Седов Вл. В.* Новый Иерусалим в надвратных храмах Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009.

44. Сказания и Повести о Куликовской битве. Л., 1982.

45. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3.

46. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1.

47. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.

48. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. Л. В. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5.

49. *Ставиский В. И.* «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1991.

50. *Ставиский В. И.* О возможном источнике некоторых образов летописной «Похвалы» князю Роману Мстиславичу // Slověne. 2015. № 2.

51. *Толочко А. П.* Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. 2014. № 22 (2).

52. *Толочко А. П.* Галицкие «приточники» // Ruthenica. 2008. Т. 7.

53. *Толочко А. П.* Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. М., 2012.
54. *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983.
55. *Толочко П. П.* Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная // Ruthenica. 2009. Т. 8.
56. *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.
57. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989.
58. *Филюшкин А. И.* «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. 2000. № 3.
59. Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4.
60. Хожение за три моря Афанасия Никитина / Подг. Я. С. Лурье, Л. С. Семенов. Л., 1986.
61. *Хрусталев Д. Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб., 2013.
62. *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. 2-е изд. М., 1977.
63. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 1.
64. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5.
65. *Erdeljan E.* Chosen places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Leiden; Boston: Brill, 2017.
66. Genghis Khan. The history of the World Conqueror by ‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini / Transl. by J. A. Boyle. Manchester, 1997.
67. *Jakobson R., Szeftel M.* The Vseslav Epos // Jakobson R. Selected Writings. Slavic Epic Studies. Mouton, 1966.
68. *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R.* A Greek-English lexicon. 9th ed. with suppl. / Rev. eds. P. G. W. Glare, A. A. Thompson. Oxford, 1996.
69. *Maiorov A.* The Mongol Invasion of South Rus’ in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // The Journal of Slavic Military Studies. 2016. Vol. 29. Iss. 3.
70. *Maiorov A. V.* The Mongol Conquest of Rus’ // The Mongol World / Ed. by T. May and M. Hope. London; New York, 2022.
71. *Ousterhout R.* Sacred geographies and Holy Cities: Constantinople and Jerusalem // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006.
72. *Pow S.* The Mongol Invasions of Europe // The Mongol World / Ed. by T. May and M. Hope. London; New York, 2022.
73. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. and comm. by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1.
74. *Zimonyi I.* Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies / Ed. V. Spinei. Bucureşti; Brăila, 2014.

References

1. *Akent’ev K. K.* Mozaiki Kievskoi Sv. Sofii i «Slovo» mitropolita Ilariona v vizantiiskom liturgicheskom kontekste // Vizantinorossika. 1995. T. 1.
2. *Alekseev A. A.* Interpoliatsii slavianskoi versii «Iudeiskoi voiny» Iosifa Flaviia // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2008. T. 59.
3. *Anikin A. E.* Russkii etimologicheskii slovar’. M., 2019. Vyp. 13.
4. *Anisimova T. V.* Khronika Georgiia Amartola v drevnerusskikh spiskakh XIV–XVII vv. M., 2009.
5. *Beletskii A. A.* Grecheskie nadpisi na mozaikakh Sofii Kievskoi // Mozaiki Sofii Kievskoi. M., 1960.
6. *Beliaev L. A.* Zolotye vorota // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2009. T. 20.
7. *Borodikhin A. Iu.* Tsikl povestei o nashestvii Batyia v letopisiakh i letopisno-khronograficheskikh svodakh XIV–XVII vv. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1989.
8. *Cherepnin L. V.* Mongolo-tatary na Rusi (XIII v.) // Tataro-mongoly v Azii i Evrope. Sb. statei. 2-e izd. M., 1977.
9. *Chernykh P. Ia.* Istoriko-etimologicheskii slovar’ sovremennogo russkogo iazyka. M., 1999. T. 1.
10. *Danilevskii I. N.* Mog li Kiev byt’ Novym Ierusalimom? // Odissei. Chelovek v istorii — 1998. Lichnost’ i obshchestvo: problemy samoidentifikatsii. M., 1999.
11. *Danilevskii I. N.* Povest’ vremennykh let: germenevticheskie osnovy izucheniia letopisnykh tekstov. M., 2004.
12. *Erdeljan E.* Chosen places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Leiden; Boston: Brill, 2017.
13. Etimologicheskii slovar’ slavianskikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond. M., 1978. Vyp. 5.

14. *Fennel Dzh.* Krizis srednevekovoi Rusi, 1200–1304. M., 1989.
15. *Filiushkin A. I.* «Postmodernistskii vyzov» i ego vliianie na sovremennuiu teoriiu istoricheskoi nauki // Topos. 2000. № 3.
16. Galits'ko-Volins'kii litopis: tekstologiia / Za red. O. P. Tolochko. Kiïv, 2020.
17. Genghis Khan. The history of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. by J. A. Boyle. Manchester, 1997.
18. *Gens'orskii A. I.* Galits'ko-Volins'kii litopis. Leksichni, frazeologichni ta stilistichni osoblivosti. Kiev, 1961.
19. «Istoriia Iudeiskoi voiny» Iosifa Flaviia. Drevnerusskii perevod / Otv. red. A. M. Moldovan. M., 2004.
20. *Ivakin G. Iu., Komar A. V.* Posle katastrofy: Kiev v 1241 g. // Stratum Plus. 2016. № 5.
21. *Jakobson R., Szeftel M.* The Vseslav Epos // Jakobson R. Selected Writings. Slavic Epic Studies. Mouton, 1966.
22. *Karger M. K.* Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda. M.; L., 1958.
23. *Karpov A. Iu.* Batyi. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2017 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).
24. *Karpov A. Iu.* Issledovaniia po istorii domongol'skoi Rusi. M., 2014.
25. Khozhdenie igumena Daniila // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 1997. T. 4.
26. Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina / Podg. Ia. S. Lur'e, L. S. Semenov. L., 1986.
27. *Khrustalev D. G.* Rus' i mongol'skoe nashestvie (20–50-e gg. XIII v.). SPb., 2013.
28. *Kilievich S. R.* Detinets Kieva XI — per. pol. XIII vv. Po materialam arkheologicheskikh issledovanii. Kiev, 1982.
29. *Laushkin A. V.* Mitropolit Kirill II i osmyslenie ordynskogo iga vo vtoroi polovine XIII veka // Bogoslovskii sbornik. 2002. Vyp. 10.
30. *Laushkin A. V.* Stikhiinye bedstviia i prirodnye znameniia v predstavleniiakh drevnerusskikh letopistsev XI–XIII vv. // Russkoe Srednevekov'e. 1998. Vyp. 1. Knizhnaia kul'tura.
31. *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R.* A Greek-English lexicon. 9th ed. with suppl. / Rev. eds. P. G. W. Glare, A. A. Thompson. Oxford, 1996.
32. *Lidov A. M.* Ierotopiia. Sozdanie sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniia // Ierotopiia. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi. M., 2006.
33. *Logvin G. N.* Iskusstvo Kieva kontsa X — serediny XI v. // Istoricheskie traditsii dukhovnoi kul'tury narodov SSSR i sovremennost'. Kiev, 1987.
34. Magistr Rogerii, Gorestnaia pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami / Per. s lat. A. S. Dosaeva. SPb., 2012.
35. *Maiorov A. V.* Dve daty vziatiia Kieva mongolami v russkikh letopisiakh // Russkaia literatura. 2016. № 2.
36. *Maiorov A. V.* Povest' o nashestvii Batyia v Ipat'evskoi letopisi. Chast' vtoraia // Rossica antiqua. 2012. № 2.
37. *Maiorov A.* The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // The Journal of Slavic Military Studies. 2016. Vol. 29. Iss. 3.
38. *Maiorov A. V.* The Mongol Conquest of Rus' // The Mongol World / Ed. by T. May and M. Hope. London; New York, 2022.
39. *Meshcherskii N. A.* Istoriia Iudeiskoi voiny Iosifa Flaviia v drevnerusskom perevode. M., 1958.
40. *Moldovan A. M.* «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona. Kiev, 1984.
41. *Morgunov Iu. Iu.* Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vv. M., 2009.
42. *Ousterhout R.* Sacred geographies and Holy Cities: Constantinople and Jerusalem // Ierotopiia. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi. M., 2006.
43. *Panchenko A. M.* O russkoi istorii i kul'ture. SPb., 2000.
44. *Pautkin A. A.* Iuzhnorusskie letopistsy XIII veka i perevodnaia istoricheskaia literatura // Germenevtika drevnerusskoi literatury. M., 1998. Vyp. 9.
45. Polnoe sobranie russkikh letopisei. M., 1997–1998. T. 1–2.
46. Povest' vremennykh let / Podg. teksta, per., komm. D. S. Likhacheva; pod red. V. P. Adrianovoi-Peretts. 2-e izd., ispr. i dop. SPb., 1996 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
47. *Pow S.* The Mongol Invasions of Europe // The Mongol World / Ed. by T. May and M. Hope. London; New York, 2022.
48. *Prokhorov G. M.* Povest' o nashestvii Batyia v Lavrent'evskoi letopisi // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1974. T. 28.
49. *Rappoport P. A.* Drevnie russkie kreposti. M., 1965.
50. *Repina L. P.* «Dostupnyi nashim chuvstvam znak», ili istoriki v poiskakh epistemologicheskikh argumentov // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 2 (26).
51. *Repina L. P.* Vyzov postmodernizma i perspektivy novoi kul'turnoi i intellektual'noi istorii // Odissei. Chelovek v istorii — 1996. Remeslo istorika na iskhode XX veka. M., 1996.
52. *Richka V. M.* Kiïv — Drugii Єrusalim. Kiïv, 2005.
53. *Salmina M. A.* «Debr' Kisaniu» // Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve». SPb., 1995. T. 2.

54. *Sedov Vl. V.* Novyi Ierusalim v nadvratnykh khramakh Drevnei Rusi // Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv. M., 2009.
55. Skazaniia i Povesti o Kulikovskoi bitve. L., 1982.
56. Slovar' drevnerusskogo iazyka (XI–XIV vv.)/ M., 1990. T. 3.
57. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1987. Vyp. 1.
58. Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. M., 1977. Vyp. 4.
59. Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve» / Sost. L. V. Vinogradova. L., 1978. Vyp. 5.
60. *Staviskii V. I.* «Istoriia mongalov» Plano Karpini i russkie letopisi // Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. M., 1991.
61. *Staviskii V. I.* O vozmozhnom istochnike nekotorykh obrazov letopisnoi «Pokhvaly» kniaziu Romanu Mstislavichu // Slověne. 2015. № 2.
62. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. and comm. by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1.
63. *Tolochko A. P.* Galitskie «pritochniki» // Ruthenica. 2008. T. 7.
64. *Tolochko A. P.* Kak byla razrushena Desiatinnaia tserkov' v Kieve? // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii. 2007–2009. M., 2012.
65. *Tolochko A. P.* Vziatie Kieva mongolami: istochniki letopisnogo opisaniia // Palaeoslavica. 2014. № 22 (2).
66. *Tolochko P. P.* Drevnii Kiev. Kiev, 1983.
67. *Tolochko P. P.* Istoricheskaia topografiia rannego Kieva: real'naia i vymyshlennaia // Ruthenica. 2009. T. 8.
68. *Tolochko P. P.* Kochevye narody stepei i Kievskaia Rus'. SPb., 2003.
69. *Vasilik V. V.* Tserkov' i imperiia v vizantiiskikh tserkovno-poeticheskikh pamiatnikakh. SPb., 2017.
70. *Vilkul T. L.* Khronograficheskie zaimstvovaniia kak tekstologicheskii marker v Galitsko-Volynskoi letopisi // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. M., 2018.
71. *Vilkul T. L.* O nekotorykh istochnikakh litovskikh izvestii Galitsko-Volynskoi letopisi // Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes istorijos saltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretasija. Vilnius, 2007.
72. *Vilkul T. L.* Perevodchik «Istorii Iudeiskoi voiny» Iosifa Flaviia — chitatel' «Povesti Vremennykh let»? // «Vertograd mnogotsvetnyi». Sb. k 80-letiiu B. N. Flori. M.: Indrik, 2018.
73. *Vilkul T. L.* Slidami khronografichnikh dzherel Galits'ko-Volins'kogo litopisu (Khronika Ioanna Malaly) // Ukraïna v Tsentral'no-Skhidnii Єvropi. Kiïv, 2017. Vyp. 17.
74. *Zimonyi I.* Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies / Ed. V. Spinei. Bucureşti; Brăila, 2014.

Александр Михайлович Петров

старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Alexander Mikhailovich Petrov

Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5095-4254

hermitage2005@yandex.ru

«КРАСУЙСЯ, ПЕТРОЗАВОДСК, В СЛАВЕ СЕЙ!»: СТИХОТВОРЕНИЯ Т. В. БАЛАНДИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XVIII ВЕКА

«STAND IN SPLENDOR OF YOUR GLORY, PETROZAVODSK!»: POEMS OF T. V. BALANDIN IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN POETIC TRADITION OF THE 18TH CENTURY

На материале стихотворений петрозаводского краеведа Т. В. Баландина (ок. 1748–1830), посвященных Г. Р. Державину, рассматривается проблема усвоения провинциальным поэтом-любителем классических литературных образцов. Устанавливается круг возможных источников поэзии Баландина. Высказывается предположение, что тематической и метрической основой его

стихотворений стали силлабо-тонические оды М. В. Ломоносова и сочинения поэтов XVII века, использовавших досиллабический принцип стихосложения.

Ключевые слова: Тихон Баландин, краеведение, Державин, Ломоносов, Петрозаводск, литература, классицизм, стиховедение, дилетантская поэзия.

The article deals with the way classical literary masterpieces are perceived by a provincial amateur poet. The research is based on the poems by the local history expert Tikhon Balandin (circa 1748–1830) from Petrozavodsk. The possible sources of Balandin's poetry are outlined. The author suggests that the basis for the images and meter of Balandin's poems are syllabic-accentual odes by M. V. Lomonosov and the works of the poets of the 17th century where the pre-syllabic principle of versification was used.

Key words: Tikhon Balandin, local history, Derzhavin, Lomonosov, Petrozavodsk, literature, classicism, study of verse, amateur poetry.

Список литературы

1. *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
2. *Баландин Т. В.* «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин; предисловие А. М. Пашкова и А. В. Пигина; подг. текстов к изданию М. Г. Бабалык и др.; комм. Е. Д. Гришкевич и др. СПб., 2016.
3. *Бухаркин П. Е.* Топос «тишины» в одической поэзии М. В. Ломоносова // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20.
4. Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989.
5. *Гаспаров М. Л.* Материалы к ритмике русского четырехстопного ямба XVIII века // Гаспаров М. Л. Избр. труды. М., 1997. Т. 3.
6. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 1989.
7. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
8. *Гаспаров М. Л.* Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М. Л. Избр. труды. М., 1997. Т. 3.
9. *Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В.* Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.
10. *Гильман М. П.* Русский досиллабический стих: проблемы классификации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2017. Вып. 11. Славянский стих / Отв. ред. выпуска Т. В. Скулачева.
11. *Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. статья В. М. Живова. М., 2001.
12. *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1939.
13. *Западов А. В.* Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). М., 1979.
14. *Западов В. А.* Державин Гаврила Романович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. А–И.
15. *Илюха О. П.* Книгоиздание в Олонецкой губернии (вторая половина XIX — начало XX века) // История литературы Карелии: В 3 т. Петрозаводск, 2000. Т. 3 / Ред. Ю. И. Дюжев.
16. *Казарцев Е. В.* Сравнительное стиховедение: Метрика и ритмика. СПб., 2017.
17. *Казарцев Е. В.*, *Красноперова М. А.* «Ода... на взятие Хотина 1739 года» М. В. Ломоносова на фоне языковых моделей ритмики русского и немецкого стиха // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха / Под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. М., 2004.
18. *Кукушкина Е. Д.* Державин и К. В. Злобин (К вопросу о дилетантской поэзии) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24.
19. *Кукушкина Е. Д.* Стихотворные послания Державину (по рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23.
20. *Ломоносов М. В.* Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и прим. А. А. Морозова; подг. текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая сер.).
21. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг.
22. *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1963.
23. *Пашков А. М.* Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII — начала XX века. Петрозаводск, 2007.
24. *Пашков А. М.* Т. В. Баландин — малоизвестный петрозаводский просветитель конца XVIII — начала XIX вв. // Вопросы истории Европейского Севера / Отв. ред. М. И. Шумилов. Петрозаводск, 1991.
25. *Петров А. М.* Многоликий Петрозаводск Виктора Пулькина: к проблеме локального текста русской литературы // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2021. Т. 43. № 6.
26. Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1703–2003 / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, М. А. Мишенева, Ю. А. Савватеева. Петрозаводск, 2002.
27. *Серман И. З.* Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л., 1973.

28. *Скулачева Т. В.* Методы определения метра в неклассическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2.

29. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. Воздух — Выпись.

30. *Тарановский К. Ф.* Из истории русского стиха XVIII в. Одическая строфа в поэзии Ломоносова // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М., 2000.

31. *Тарановский К. Ф.*, *Прохоров А. В.* К характеристике русского четырехстопного ямба XVIII века: Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков // Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / Пер. с серб. В. В. Сонькина. М., 2010.

32. *Тверьянович К. Ю.* Метрика и строфика русской поэзии 1735–1810-х годов: Краткий обзор // Тверьянович К. Ю. Русский стих 1735–1810-х годов: Метрика и строфика. Антология / Под ред. П. Е. Бухаркина. СПб., 2013.

33. *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб.; М., 2004.

34. *Эпштейн Е. М.* Г. Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987.

References

1. *Alekseeva N. Iu.* Russkaia oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh. SPb., 2005.

2. *Balandin T. V.* «Petrozavodskie severnye vechernie besedy» i drugie sochineniia i pis'ma / Sost. i otv. red. A. V. Pigin; predislovie A. M. Pashkova i A. V. Pigina; podg. tekstov k izdaniiu M. G. Babalyk i dr.; komm. E. D. Grishkevich i dr. SPb., 2016.

3. *Bukharkin P. E.* Topos «tishiny» v odicheskoi poezii M. V. Lomonosova // XVIII vek. SPb., 1996. Sb. 20.

4. *Epshtein E. M.* G. R. Derzhavin v Karelii. Petrozavodsk, 1987.

5. *Gasparov M. L.* Materialy k ritmike russkogo chetyrekhstopnogo iamba XVIII veka // Gasparov M. L. Izbr. trudy. M., 1997. T. 3.

6. *Gasparov M. L.* Ocherk istorii evropeiskogo stikha. M., 1989.

7. *Gasparov M. L.* Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika. M., 1984.

8. *Gasparov M. L.* Russkii sillabicheskii trinadtsatislozhnik // Gasparov M. L. Izbr. trudy. T. 3.

9. *Gasparov M. L.*, *Skulacheva T. V.* Stat'i o lingvistike stikha. M., 2004.

10. *Gil'man M. P.* Russkii dosillabicheskii stikh: problemy klassifikatsii // Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. M., 2017. Vyp. 11. Slavianskii stikh / Otv. red. vypuska T. V. Skulacheva.

11. *Gukovskii G. A.* Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka / Obshch. red. i vstup. stat'ia V. M. Zhivova. M., 2001.

12. *Gukovskii G. A.* Russkaia literatura XVIII veka. M., 1939.

13. *Iliukha O. P.* Knigoizdanie v Olonetskoi gubernii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka) // Istoriia literatury Karelii: V 3 t. Petrozavodsk, 2000. T. 3 / Red. Iu. I. Diuzhev.

14. *Kazartsev E. V.* Sravnitel'noe stikhovedenie: Metrika i ritmika. SPb., 2017.

15. *Kazartsev E. V., Krasnoperova M. A.* «Oda... na vziatie Khotina 1739 goda» M. V. Lomonosova na fone iazykovykh modelei ritmiki russkogo i nemetskogo stikha // Slavianskii stikh. VII: Lingvistika i struktura stikha / Pod red. M. L. Gasparova, T. V. Skulachevoi. M., 2004.

16. *Kholshevnikov V. E.* Osnovy stikhovedeniia: Russkoe stikhoslozhenie. SPb.; M., 2004.

17. *Kukushkina E. D.* Derzhavin i K. V. Zlobin (K voprosu o diletantskoi poezii) // XVIII vek. SPb., 2006. Sb. 24.

18. *Kukushkina E. D.* Stikhotvornye poslaniia Derzhavinu (po rukopisnym materialam Rossiiskoi natsional'noi biblioteki) // XVIII vek. SPb., 2004. Sb. 23.

19. *Lomonosov M. V.* Izbr. proizvedeniia / Vstup. stat'ia, sost. i prim. A. A. Morozova; podg. teksta M. P. Lepekhina i A. A. Morozova. L., 1986 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

20. *Lomonosov M. V.* Poln. sobr. soch. M.; L., 1959. T. 8. Poeziia, oratorskaia proza, nadpisi 1732–1764 gg.

21. *Panchenko A. M.* Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII veka. L., 1963.

22. *Pashkov A. M.* Gornozavodskoe kraevedenie Karelii kontsa XVIII — nachala XX veka. Petrozavodsk, 2007.

23. *Pashkov A. M.* T. V. Balandin — maloizvestnyi petrozavodskii prosvetitel' kontsa XVIII — nachala XIX vv. // Voprosy istorii Evropeiskogo Severa / Otv. red. M. I. Shumilov. Petrozavodsk, 1991.

24. *Petrov A. M.* Mnogolikii Petrozavodsk Viktora Pul'kina: k probleme lokal'nogo teksta russkoi literatury // Uchen. zap. Petrozavodskogo gos. un-ta. 2021. T. 43. № 6.

25. Petrozavodsk: Khronika trekh stoletii. 1703–2003 / Pod red. N. A. Korableva, V. G. Makurova, M. A. Misheneva, Iu. A. Savvateeva. Petrozavodsk, 2002.

26. *Serman I. Z.* Russkii klassitsizm (Poeziia. Drama. Satira). L., 1973.

27. *Skulacheva T. V.* Metody opredeleniia metra v neklassicheskom stikhe // Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka. 2012. T. 71. № 2.

28. Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. L., 1988. Vyp. 4. Vozdukh — Vypis'.

29. *Taranovskii K. F.* Iz istorii russkogo stikha XVIII v. Odicheskaia strofa v poezii Lomonosova // Taranovskii K. F. O poezii i poetike / Sost. M. L. Gasparov. M., 2000.

30. *Taranovskii K. F., Prokhorov A. V.* K kharakteristike russkogo chetyrekhstopnogo iamba XVIII veka: Lomonosov, Trediakovskii, Sumarokov // Taranovskii K. F. Russkie dvuslozhnye razmery. Stat'i o stikhe / Per. s serb. V. V. Son'kina. M., 2010.

31. *Tver'ianovich K. Iu.* Metrika i strofika russkoi poezii 1735–1810-kh godov: Kratkii obzor // Tver'ianovich K. Iu. Russkii stikh 1735–1810-kh godov: Metrika i strofika. Antologiia / Pod red. P. E. Bukharkina. SPb., 2013.

32. Virshevaia poeziia (pervaia polovina XVII veka) / Sost., podg. tekstov, vstup. stat'ia i komm. V. K. Bylinina, A. A. Iliushina. M., 1989.

33. *Zapadov A. V.* Poety XVIII veka (M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin). M., 1979.

34. *Zapadov V. A.* Derzhavin Gavrila Romanovich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. L., 1988. Vyp. 1. A–I.

Светлана Богдановна Федотова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Bogdanovna Fedotova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8910-5033

sverdlik@yandex.ru

ЗАМЕТКИ А. С. ПУШКИНА ДЛЯ ПЕРВЫХ НОМЕРОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» (К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ)

A. S. PUSHKIN'S CRITICAL NOTES FOR THE FIRST ISSUES OF *LITERATURNAYA GAZETA* (TOWARDS THE PROBLEM OF DATING)

Автографы многих критических заметок Пушкина, опубликованных в «Литературной газете», не сохранились, а те, которые нам известны, в основном находятся в так называемой Первой арзрумской тетради. Ряд верных наблюдений о том, когда были написаны пушкинские статьи для «Литературной газеты», принадлежит Я. Л. Левкович, подготовившей историю заполнения этой тетради. Однако более пристальное внимание к содержанию заметок и выходу в свет номеров газеты, где они были опубликованы, позволяет сделать некоторые уточнения к их датировкам.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, автограф, «Литературная газета», датировка, критическая заметка.

The autographs of many of Pushkin's critical notes published in *Literaturnaya Gazeta* have not been preserved, and those that are available are mainly derived from the so-called First Arzrum Notebook. A number of perceptive observations concerning the dating of these articles were made by Ya. L. Levkovich, who prepared the description of this notebook. However, a more subtle look at the content of the notes and the exact time of publication, has helped us to further clarify their dating.

Key words: A. S. Pushkin, autograph, *Literaturnaya Gazeta*, dating, critical note.

Список литературы

1. Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830–1837. СПб., 2010.

2. *Вацуро В. Э.* К истории пушкинских изданий (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6.

3. *Виноградов В. В.* Пушкин и «Литературная газета» 1830–1831 гг. // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

4. *Вольперт Л. И.* Бальзак // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии».

5. *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12.

6. Лит. наследство. 1952. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь.

7. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1941. Т. 11.
8. Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. СПб., 2001.

References

1. Aleksandr Sergeevich Pushkin: Dokumenty k biografii. 1830–1837. SPb., 2010.
2. *Levkovich Ia. L.* Rabochaia tetrad' Pushkina PD № 841 (Istoriia zapolneniia) // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1986. T. 12.
3. Lit. nasledstvo. 1952. T. 58. Pushkin. Lermontov. Gogol'.
4. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. [M.; L.], 1941. T. 11.
5. Pushkin v prizhiznennoi kritike: 1828–1830. SPb., 2001.
6. *Vatsuro V. E.* K istorii pushkinskikh izdanii (Pis'ma O. M. Somova k K. S. Serbinovichu) // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1969. T. 6.
7. *Vinogradov V. V.* Pushkin i «Literaturnaia gazeta» 1830–1831 gg. // Vinogradov V. V. Problema avtorstva i teoriia stilei. M., 1961.
8. *Vol'pert L. I.* Bal'zak // Pushkin: Issledovaniia i materialy. SPb., 2004. T. 18–19. Pushkin i mirovaia literatura: Materialy k «Pushkinskoi entsiklopedii».

Надежда Алексеевна Паршукова

независимый исследователь

Nadezhda Alekseievna Parshukova

Independent Researcher

ORCID: 0000-0002-7026-3856

iverskaya-nad@yandex.ru

Елена Алексеевна Романова

независимый исследователь

Elena Alekseievna Romanova

Independent Researcher

ORCID: 0000-0002-6162-1383

zerlina@inbox.ru

«ВЕЧНАЯ ТЬМА» СЕБАСТЬЯНА БАХА: РАСПЛАТА ИЛИ РАСПРАВА? (К ИСТОКАМ ИДЕЙНОГО ЗАМЫСЛА НОВЕЛЛЫ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «СЕБАСТИЯН БАХ»)

«ETERNAL DARKNESS» BY SEBASTIAN BACH: ATONEMENT OR PUNISHMENT? (CONCERNING THE ORIGINS OF THE IDEA OF V. F. ODOEVSKY'S NOVELLA *SEBASTIAN BACH*)

В статье подвергается переосмыслению основная идея новеллы В. Ф. Одоевского «Себастиян Бах», завершающей цикл «Дом сумасшедших» — проект, над которым писатель работал на протяжении 1830-х годов. Позднее рассказы этого цикла были включены в роман «Русские ночи». Как составные части нового проекта они были отредактированы автором в соответствии с текущими задачами. На эту, более позднюю редакцию, как правило, и опираются исследователи, анализируя новеллы о «гениальных безумцах». Цель данной статьи — вернуться к первоначальному замыслу автора и попытаться дать новое прочтение образа Себастьяна Баха на основе ранней (1835 года) редакции текста.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, «Себастиян Бах», «гениальные безумцы», «Дом сумасшедших», образ творца, русский романтизм XIX века.

The article reinterprets the main idea of V. F. Odoevsky's novella *Sebastian Bach,* the final one in the cycle *House of Madmen*, a project the writer worked on during the 1830s. Later, the stories from this cycle were incorporated into the novel *Russian Nights*. As a part of the new project, they were edited by the author to meet his current goals. This later edition is generally used by researchers when analyzing the stories about the «genius madmen». The purpose of the article is to return to the author's original idea and offer a new rendition of the image of Sebastian Bach, as based on the early text (1835).

Key words: V. F. Odoevsky, *Sebastian Bach*, «genius madmen», *House of Madmen,* the image of the creator, Russian Romanticism of the 19th century.

Список литературы

1. *Ветлугина А. М.* Бах. М., 2014.
2. *Жданов С. С.* Образ немецкого музыканта в новеллах В. Ф. Одоевского // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 55.
3. *Лебуше М.* Бах. М., 2015.
4. *Маймин Е. А.* Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л., 1975 (сер. «Литературные памятники»).
5. *Морева Т. Ю.* Авторский мир в цикле В. Ф. Одоевского «Русские ночи» // Вісник Одеського національного університету. Сер. «Філологія». 2013. Т. 18. № 1 (5).
6. *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956.
7. *Платоне Р.* Образ итальянца в прозе В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв.: Сб. статей. Томск, 2009.
8. *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...»: О жизни В. Ф. Одоевского. М., 1991.
9. *Швейцер А.* Иоганн Себастьян Бах. М., 2011.
10. *Шумкова Т. Л.* Проблема искусства в свете романтической иронии в романе В. Ф. Одоевского «Русские ночи» // Вестник Нижневартовского гос. ун-та. 2008. № 4.

References

1. *Lebushe M.* Bakh. M., 2015.
2. *Maimin E. A.* Vladimir Odoevskii i ego roman «Russkie nochi» // Odoevskii V. F. Russkie nochi / Izd. podg. B. F. Egorov, E. A. Maimin, M. I. Medovoi. L., 1975 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
3. *Moreva T. Iu.* Avtorskii mir v tsikle V. F. Odoevskogo «Russkie nochi» // Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Ser. «Filologiia». 2013. T. 18. № 1 (5).
4. *Odoevskii V. F.* Muzykal'no-literaturnoe nasledie. M., 1956.
5. *Platone R.* Obraz ital'iantsa v proze V. K. Kiukhel'bekera i V. F. Odoevskogo // Obrazy Italii v russkoi slovesnosti XVIII–XX vv.: Sb. statei. Tomsk, 2009.
6. *Shumkova T. L.* Problema iskusstva v svete romanticheskoi ironii v romane V. F. Odoevskogo «Russkie nochi» // Vestnik Nizhnevartovskogo gos. un-ta. 2008. № 4.
7. *Shveitser A.* Iogann Sebast'ian Bakh. M., 2011.
8. *Tur'ian M. A.* «Strannaia moia sud'ba...»: O zhizni V. F. Odoevskogo. M., 1991.
9. *Vetlugina A. M.* Bakh. M., 2014.
10. *Zhdanov S. S.* Obraz nemetskogo muzykanta v novellakh V. F. Odoevskogo // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiia. 2018. № 55.

Екатерина Игоревна Вожик

аспирант, младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Igorevna Vozhik

PhD Student, Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9310-6597

e.vozhik@yandex.ru

АЛЬМАНАХ В ЭПОХУ ЖУРНАЛОВ: «ДАГЕРОТИП» (1842) Н. В. КУКОЛЬНИКА

ALMANAC IN THE TIME OF JOURNALS: *DAGUERREOTYPE* (1842) BY N. V. KUKOLNIK

Статья посвящена малоизученному альманаху Нестора Кукольника «Дагеротип» (1842). Анализ содержания альманаха, особенностей его издания, а также дневниковых записей Кукольника, ранее не вводившихся в научный оборот, позволяет реконструировать издательскую стратегию литератора; на основе критических отзывов на «Дагеротип» делаются выводы о месте альманаха в структуре литературного поля 1840-х годов.

Ключевые слова: Н. В. Кукольник, литературный альманах, толстый литературный журнал, концепция издания, дагеротипия, фельетон.

The article deals with an obscure almanac *Daguerreotype* (1842) by Nestor Kukolnik. His publishing strategy is reconstructed through the analysis of the contents of the almanac and the features of its publication, as well as through the examination of Kukolnik's diaries, introduced into scientific circulation for the first time; based on several critical reviews of the *Daguerreotype*, conclusions regarding the place of the almanac in the literary field of the 1840s are drawn.

Key words: N. V. Kukolnik, literary almanac, thick literary journal, concept of publication, daguerreotype, feuilleton.

Список литературы

1. *Бархатова Е. В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства 1839–1914. СПб., 2009.
2. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 4–6.
3. *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига–Пушкина // Вацуро В. Э. Избр. труды. М., 2004.
4. *Вожик Е. И.* «Псевдореализм» и «дагерротипизм»: к вопросу о языке литературной критики рубежа 1840–1850-х гг. // Текстология и историко-литературный процесс. Сб. статей. М., 2018. [Вып. VI].
5. *Галахов А. Д.* «Бедная невеста», комедия А. Островского // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015.
6. *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830-х — 1870-х гг. М., 2005.
7. *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008.
8. *Панаев И. И.* Среды Н. Кукольника // Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М., 2019.
9. *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965.
10. *Тодд III У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996.
11. *Цейтлин А. Г.* Становление реализма в русской литературе: Физиологический очерк. Л., 1965.

References

1. *Barkhatova E. V.* Russkaia svetopis'. Pervyi vek fotoiskusstva 1839–1914. SPb., 2009.
2. *Vatsuro V. E.* «Severnye tsvety». Istoriia al'manakha Del'viga–Pushkina // Vatsuro V. E. Izbr. trudy. M., 2004.
3. *Vozhik E. I.* «Psevdorealizm» i «dagerrotipizm»: k voprosu o iazyke literaturnoi kritiki rubezha 1840–1850-kh gg. // Tekstologiia i istoriko-literaturnyi protsess. Sb. statei. M., 2018. [Vyp. VI].
4. *Galakhov A. D.* «Bednaia nevesta», komediia A. Ostrovskogo // «Sovremennik» protiv «Moskvitianina». Literaturno-kriticheskaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov. SPb., 2015.
5. *Zykova G. V.* Poetika russkogo zhurnala 1830-kh — 1870-kh gg. M., 2005.
6. *Makeev M. S.* Nikolai Nekrasov: Poet i Predprinimatel' (ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki). M., 2008.
7. *Panaev I. I.* Sredy N. Kukol'nika // Literaturnye salony i kruzhki. Pervaia polovina XIX veka. M., 2019.
8. *Smirnov-Sokol'skii N. P.* Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv. M., 1965.
9. *Todd III U. M.* Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina. SPb., 1996.
10. *Tseitlin A. G.* Stanovlenie realizma v russkoi literature: Fiziologicheskii ocherk. L., 1965.
11. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1954. T. 4–6.

Валерий Павлович Трыков

профессор кафедры всемирной литературы
Московского педагогического государственного университета

Valeriy Pavlovich Trykov

Professor, World Literature Department, Moscow Pedagogical State University

ORCID: 0000-0002-7825-8381

v.trykoff@yandex.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, РОССИЯ И РУССКИЕ В СТАТЬЯХ И. ДЕЛАВО ДЛЯ ЖУРНАЛА «REVUE DES DEUX MONDES»

RUSSIAN LITERATURE, RUSSIA AND RUSSIANS IN THE ESSAYS BY H. DELAVEAU FOR THE MAGAZINE *REVUE DES DEUX MONDES*

В статье определен вклад французского писателя и литературного критика влиятельного парижского журнала «Revue des Deux Mondes» Ипполита Делаво (1808–1862) в популяризацию русской литературы во Франции, а также в конструирование образа России и русских во французском культурном сознании XIX века.

Ключевые слова: русская литература, образ России, литературная критика.

The article outlines the contribution of the French writer and literary critic from the influential Parisian magazine *Revue des Deux Mondes* Hippolyte Delaveau (1808–1862) to the popularization of Russian literature in France, as well as to the orchestration of the image of Russia and Russians in the French cultural consciousness of the 19th century.

Key words: Russian literature, image of Russia, literary criticism.

Список литературы

1. *Герцен А. И.* Избр. философские произведения: В 2 т. М., 1948. Т. 2.
2. *Григорович Д. В.* Рыбаки: Роман. Повести. М.; Л., 1966.
3. *Лищинер С. Д.* Герцен // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1991. Т. 7.
4. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 4.
5. *Трыков В. П.* Статьи о русской литературе XIX века в парижском журнале «Revue des Deux Mondes» // Литература в школе. 2021. № 1.

References

1. *Gertsen A. I.* Izbr. filosofskie proizvedeniia: V 2 t. M., 1948. T. 2.
2. *Grigorovich D. V.* Rybaki: Roman. Povesti. M.; L., 1966.
3. *Lishchiner S. D.* Gertsen // Istoriia vsemirnoi literatury: V 9 t. M., 1991. T. 7.
4. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1935. T. 4.
5. *Trykov V. P.* Stat'i o russkoi literature XIX veka v parizhskom zhurnale «Revue des Deux Mondes» // Literatura v shkole. 2021. № 1.

Елена Михайловна Филиппова

младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Mihajlovna Filippova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5347-2293

efilippova69@gmail.com

ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБРАЗА ВОЛКА-НИГИЛИСТА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

ABOUT THE ORIGINS OF THE IMAGE OF THE WOLF-NIHILIST IN I. A. GONCHAROV'S NOVEL *THE PRECIPICE*

В статье рассматриваются основные источники формирования аллегорического образа волка-нигилиста Марка Волохова в романе И. А. Гончарова «Обрыв». Обращение к переписке Л. Н. Майкова и его университетских товарищей позволяет предположить, что, кроме мифопоэтических, литературно-философских и типологических оснований для сопоставления Марка с хищником, есть определенные биографические предпосылки.
Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обрыв», Марк Волохов, Л. Н. Майков, А. М. Скабичевский, нигилизм, переписка.

The article deals with the main formation sources of the allegorical image of the wolf-nihilist Mark Volokhov in the novel *The Precipice* by I. A. Goncharov. Citing the correspondence between L. N. Maykov and his university comrades, we can assume that, apart from the mythopoetic, literary-philosophical and typological reasons, Mark can be likened to a predator due to certain biographical prerequisites.
Key words: I. A. Goncharov, *The Precipice*, Mark Volokhov, L. N. Maykov, A. M. Skabichevsky, Nihilism, correspondence.

Список литературы

1. *Базанов В. Г.* Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941.
2. *Герцен А. И.* Собр. соч: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Письма 1860–1864 годов. Кн. 1.
3. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. VII.
4. *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.
5. *Гродецкая А. Г.* «Случайный» нигилист Марк Волохов и его сословная геральдика // Русская литература. 2015. № 3.
6. *Гродецкая А. Г.* Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве» // Пушкинские чтения — 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2015.
7. *Дементьев А. Г.* К истории «огаревского дела» (неизвестные письма А. Я. Панаевой) // Вопросы литературы. 1979. № 11.
8. *Зубков К. Ю.* Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова // Критика и семиотика. 2018. № 2.
9. *Краснощекова Е. А.* И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
10. *Ларин С. А.* Семантическая структура романа «Обломов» в контексте творчества И. А. Гончарова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
11. *Мельник В. И.* Этический идеал И. А. Гончарова. Киев, 1991.
12. *Недзвецкий В. А.* И. А. Гончаров и Жорж Санд («Обрыв» и «Мопра») // И. А. Гончаров. Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998.
13. *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2012. Т. 11. Письма, 1851–1868.
14. *Пруцков Н. И.* Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.
15. *Скабичевский А. М.* Письмо к Л. Н. Майкову / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981.
16. *Старыгина Н. Н.* Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2.
17. *Уба Е. В.* Поэтика имени в романной трилогии И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»). Дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005.

References

1. *Bazanov V. G.* Iz literaturnoi polemiki 60-kh godov. Petrozavodsk, 1941.
2. *Dement'ev A. G.* K istorii «ogarevskogo dela» (neizvestnye pis'ma A. Ia. Panaevoi) // Voprosy literatury. 1979. № 11.
3. *Gertsen A. I.* Sobr. soch: V 30 t. M., 1963. T. 27. Pis'ma 1860–1864 godov. Kn. 1.
4. *Goncharov I. A.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. T. VII.
5. *Goncharov I. A.* Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8.
6. *Grodetskaia A. G.* «Sluchainyi» nigilist Mark Volokhov i ego soslovnaia geral'dika // Russkaia literatura. 2015. № 3.
7. *Grodetskaia A. G.* Bestiarnyi kod nigilista Marka Volokhova v «Obryve» // Pushkinskie chteniia — 2015. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst: Materialy mezhdunar. nauch. konf. SPb., 2015.

8. *Krasnoshchekova E. A*. I. A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb., 1997.
9. *Larin S. A*. Semanticheskaia struktura romana «Oblomov» v kontekste tvorchestva I. A. Goncharova. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008.
10. *Mel'nik V. I*. Eticheskii ideal I. A. Goncharova. Kiev, 1991.
11. *Nedzvetskii V. A*. I. A. Goncharov i Zhorzh Sand («Obryv» i «Mopra») // I. A. Goncharov. Materialy Mezhdunar. konf., posviashch. 185-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 1998.
12. *Pisarev D. I*. Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. M., 2012. T. 11. Pis'ma, 1851–1868.
13. *Prutskov N. I*. Masterstvo Goncharova-romanista. M.; L., 1962.
14. *Skabichevskii A. M*. Pis'mo k L. N. Maikovu / Publ. I. G. Iampol'skogo // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1979 god. L., 1981.
15. *Starygina N. N*. Demonicheskie znaki v antinigilisticheskom romane kak vyrazhenie avtorskoi tsennostno-mirovozzrencheskoi pozitsii // Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: Tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr. Petrozavodsk, 1998. Vyp. 2.
16. *Uba E. V*. Poetika imeni v romannoi trilogii I. A. Goncharova («Obyknovennaia istoriia», «Oblomov», «Obryv»). Dis. ... kand. filol. nauk. Ul'ianovsk, 2005.
17. *Zubkov K. Iu*. Slova-signaly nigilizma i «Obryv» I. A. Goncharova // Kritika i semiotika. 2018. № 2.

Александр Николаевич Розов

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Nikolaevich Rozov

Leading Researcher, Institute of Russian literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1696-3111

rosov@list.ru

ОБРАЗ ДЬЯКОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА В ОЦЕНКЕ ЦЕРКОВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

THE IMAGE OF THE DEACON IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY — EARLY 20TH CENTURY, AS ASSESSED BY THE CLERICAL JOURNALISM

В статье рассматриваются произведения писателей XIX–XX веков, отразившие разные типы дьяконов, которым в церковной критике была дана как положительная, так и отрицательная оценка. Образы дьяконов не отражали сложную реальность церковного служения, тем не менее литература в целом знакомила с ним широкий круг читателей. Церковные критики анализировали произведения с религиозно-нравственной стороны, что не всегда в полной мере учитывается в современном литературоведении.
Ключевые слова: дьякон, образ, церковная критика, литература, тип.

The article examines the works of the writers of the 19–20th centuries, where various types of deacons are represented, assessed either as positive or as negative types by the clerical criticism. The images of the deacons did not reflect the sophisticated reality of clerical practices. Still, literary works familiarized the wider readership with these practices. Clerical critics analyzed the respective works from the religious and moral point of view, and modern literary scholars do not always fully take this into account.
Key words: deacon, image, clerical criticism, literature, type.

Список литературы

1. *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.

2. *Розов А. Н.* Заметки о церковной критике второй половины XIX — начала XX века (образ священника в русской литературе) // Русская литература. 2001. № 4.
3. Христианство и новая русская литература / Сост. А. П. Дмитриев, Л. В. Дмитриева. СПб., 2002.

References

1. *Rimskii S. V.* Rossiiskaia tserkov' v epokhu Velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov). M., 1999.
2. *Rozov A. N.* Zametki o tserkovnoi kritike vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka (obraz sviashchennika v russkoi literature) // Russkaia literatura. 2001. № 4.
3. Khristianstvo i novaia russkaia literatura / Sost. A. P. Dmitriev, L. V. Dmitrieva. SPb., 2002.

Валентина Александровна Лукина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Valentina Aleksandrovna Lukina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9085-1065

valentina_step@hotmail.com

Виталий Иванович Симанков

независимый исследователь

Vitaliy Ivanovich Simankov

Independent Researcher

ORCID: 0000-0001-5437-3441

vitaly.simankov@gmail.com

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД И. С. ТУРГЕНЕВА: «ДЕЛО СОМОВА» В РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПЕРИОДИКЕ 1879 ГОДА

I. S. TURGENEV'S UNKNOWN TRANSLATION: «SOMOFF'S CASE» IN THE EUROPEAN AND RUSSIAN PRESS IN 1879

В 1923 году А. И. Белецкий впервые опубликовал два письма И. С. Тургенева к Е. Я. Колбасину от 5 (17) и 9 (21) августа 1879 года. Из них стало известно, что Тургенев получил от Колбасина некую «корреспонденцию». Ее содержание столь взволновало писателя, что он не только в самые короткие сроки перевел ее на французский язык, но и ходатайствовал о ее немедленном помещении в одной из ведущих парижских газет. О какой же «корреспонденции» шла речь? Достоверного ответа на этот вопрос так и не было найдено. В настоящей статье предпринимается попытка отыскать ее следы во французской и русской печати 1879 года.
Ключевые слова: И. С. Тургенев, Е. Я. Колбасин, Н. Н. Сомов, Ф. Сарсе, французская периодика, новые атрибуции.

A century ago, A. I. Beletski, a young Soviet scholar from Kharkov, published a couple of I. S. Turgenev's letters to E. Ja. Kolbasin of 5 (17) and 9 (21) August 1879. The letters suggest that Turgenev received a certain «correspondence» from his long-time friend. The message excited Turgenev so much that he immediately decided to translate it into French and have it published in a promi-

nent Parisian newspaper. What was the «correspondence» in question? There is no definite answer to the question. The present article seeks to identify the missing link in this story, examining the French and Russian press of 1879.

Key words: I. S. Turgenev, E. Ja. Kolbasin, N. N. Somov, F. Sarcey, in 1879, new attributions.

Список литературы

1. *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подг. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 2.

2. Архив «Земли и воли» и «Народной воли» / Подг. к печати и снабдили прим. В. Р. Лейкина и Н. Л. Пивоварская. М., [1932].

3. *Белецкий А.* Из материалов для изучения И. С. Тургенева: Письма и заметка из архива Е. Я. Колбасина // Документы по истории литературы и общественности. М.; Пг., 1923. Вып. 2. И. С. Тургенев.

4. *Генералова Н. П.* Невероятное путешествие И. С. Тургенева в Петербург и Москву (февраль — март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3.

5. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999.

6. *Звигильский А.* Иван Тургенев и Франция. М., 2008 (Тургеневские чтения. Вып. 3).

7. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Авт.-сост. Н. П. Генералова и др. СПб., 2018.

8. *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее: Воспоминания. М., 1991.

9. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 2000. Т. 15. Кн. 2.

10. Письма О. Е. Колбасиной-Черновой (1938–1946) / Публ. А. д'Амелия // Русско-итальянский архив. Салерно, 2012. Вып. IX. Т. 1.

11. Сомов Николай Николаевич // Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. М., 1932. Т. 2. 1870-е гг. / Сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой. Вып. 4. С–Я.

12. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1954. Т. 68.

13. *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России: Политические процессы, 1871–1880 гг. Саратов, 1976.

14. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2; Т. 13. Кн. 2; Соч.: В 15 т. Т. 1, 10, 15.

15. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 2, 3, 4; Т. 16. Кн. 1; Т. 17. Кн. 1; Соч.: В 12 т. Т. 12.

16. *Waddington P.* An annotated bibliography of French writings on I. S. Turgenev, published up to 1900 // New Zealand Slavonic Journal. 1987.

17. *Waddington P.* Some new light on Turgenev's relations with his French publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. № 3.

18. *Žekulin N. G.* Turgenev's *Króket v Vindzore* («Croquet at Windsor») // New Zealand Slavonic Journal. 1983.

19. *Zviguilsky A.* Tourguéniev et Edmond About // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardort, Maria Malibran. 1985. № 9.

References

1. *Annenkov P. V.* Pis'ma k I. S. Turgenevu: V 2 kn. / Izd. podg. N. N. Mostovskaia, N. G. Zhekulin. SPb., 2005. Kn. 2.

2. Arkhiv «Zemli i voli» i «Narodnoi voli» / Podg. k pechati i snabdili prim. V. R. Leikina i N. L. Pivovarskaia. M., [1932].

3. *Beletskii A.* Iz materialov dlia izucheniia I. S. Turgeneva: Pis'ma i zametka iz arkhiva E. Ia. Kolbasina // Dokumenty po istorii literatury i obshchestvennosti. M.; Pg., 1923. Vyp. 2. I. S. Turgenev.

4. Dnevnik Alekseia Sergeevicha Suvorina. M., 1999.

5. *Generalova N. P.* Neveroiatnoe puteshestvie I. S. Turgeneva v Peterburg i Moskvu (fevral' — mart 1879 goda) // Russkaia literatura. 2018. № 3.

6. *Leshchenko-Sukhomlina T.* Dolgoe budushchee: Vospominaniia. M., 1991.

7. Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva (1859–1862) / Avt.-sost. N. P. Generalova i dr. SPb., 2018.

8. *Nekrasov N. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. SPb., 2000. T. 15. Kn. 2.

9. Pis'ma O. E. Kolbasinoi-Chernovoi (1938–1946) / Publ. A. d'Ameliia // Russko-ital'ianskii arkhiv. Salerno, 2012. Vyp. IX. T. 1.

10. Somov Nikolai Nikolaevich // Deiateli revoliutsionnogo dvizheniia v Rossii: Bio-bibliograficheskii slovar'. M., 1932. T. 2. 1870-e gg. / Sost. A. A. Shilovym i M. G. Karnaukhovoi. Vyp. 4. S–Ia.

11. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1954. T. 68.

12. *Troitskii N. A.* Tsarskie sudy protiv revoliutsionnoi Rossii: Politicheskie protsessy, 1871–1880 gg. Saratov, 1976.

13. *Turgenev I. S*. Poln. sobr. soch. i pisem: V 28 t. Pis'ma: V 13 t. L., 1967. T. 12. Kn. 2; T. 13. Kn. 2; Soch.: V 15 t. T. 1, 10, 15.
14. *Turgenev I. S*. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. T. 2, 3, 4; T. 16. Kn. 1; T. 17. Kn. 1; Soch.: V 12 t. T. 12.
15. *Waddington P*. An annotated bibliography of French writings on I. S. Turgenev, published up to 1900 // New Zealand Slavonic Journal. 1987.
16. *Waddington P*. Some new light on Turgenev's relations with his French publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. № 3.
17. *Žekulin N. G*. Turgenev's *Króket v Vindzore* («Croquet at Windsor») // New Zealand Slavonic Journal. 1983.
18. *Zvigil'skii A*. Ivan Turgenev i Frantsiia. M., 2008 (Turgenevskie chteniia. Vyp. 3).
19. *Zviguilsky A*. Tourguéniev et Edmond About // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1985. № 9.

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6430-2778

tamisnikevich@yandex.ru

Александр Сергеевич Александров

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Sergeevich Aleksandrov

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8611-6490

aspiros.83@mail.ru

А. А. ИЗМАЙЛОВ И И. И. ЯСИНСКИЙ: ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИАЛОГ

A. A. IZMAILOV AND H. H. YASINSKY: AN EPISTOLARY DIALOGUE

В статье рассматриваются основные темы, имена и события, затронутые в многолетнем эпистолярном диалоге Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921) и Иеронима Иеронимовича Ясинского (1850–1931), чьи имена чрезвычайно значимы для истории русской литературы и журналистики конца XIX — первой четверти XX века. Переписка этих литераторов не только выявляет нюансы их взаимоотношений и проясняет те или иные моменты в биографии каждого из них, но и охватывает литературное поле в целом, поскольку Измайлов и Ясинский определяли политику крупных популярных изданий и принимали участие в формировании литературных репутаций писателей самых разных направлений эпохи 1890–1910-х годов.
Ключевые слова: русская литература, русская журналистика, массовые издания, литературные репутации, А. А. Измайлов, И. И. Ясинский.

The article discusses the main topics, personalities and events touched upon in the long-term epistolary dialogue between Alexander Alekseevich Izmailov (1873–1921) and Hieronymus Hieronymovich Yasinsky (1850–1931), whose names are extremely significant for the history of the Russian literature and journalism of the late 19th — early 20th century. Apart from highlighting the nuances

of their relationship and clarifying certain instances of their life stories, the correspondence between the two writers describes the literary field as a whole, since Izmailov and Yasinsky determined the policies of the major popular editions and were instrumental in shaping the literary reputations of the writers of various trends in 1890s — 1910s.

Key words: Russian literature, Russian journalism, mass literature, literary reputations, A. A. Izmailov, H. H. Yasinsky.

Список литературы

1. *Александров А. С.* Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021.

2. *Вдовин В. А.* Есенин и литературно-художественное общество «Страда» // Есенин и русская поэзия. Л., 1967.

3. *Измайлов А. А.* Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа / Подг. текста, вступ. статья, комм. Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2002.

4. *Измайлов А. А.* Лесков и его время / Подг. текста О. Л. Фетисенко, А. С. Александрова; преамбула А. С. Александрова // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб., 2011.

5. *Измайлов А. А.* Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; предисловия, подг. текстов и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2017.

6. Из переписки Гончарова. Гончаров — Э. А. Центковская. 1882 / Вступ. статья и публ. Т. Г. Динесман // Лит. наследство. 2000. Т. 102.

7. *Нымм Е.* Журнал Иеронима Ясинского «Ежемесячные сочинения» как предтеча модернистских периодических изданий начала XX века // Русская литература. 2019. № 2.

8. *Нымм Е.* Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003.

9. Переписка А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева (Щеглова) (1904–1911) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова, О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2019.

10. Переписка Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3.

11. Переписка Ф. К. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской с И. И. Ясинским / Вступ. статья, подг. текста и комм. Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2019. № 3.

12. *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступ. статья, сост., пер. с нем., прим., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М., 2008.

13. *Чуковский К. И.* Нат Пинкертон и современная литература // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М., 2012. Т. 7 / Предисловие и комм. Е. Ивановой.

14. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004.

15. *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1–2.

References

1. *Aleksandrov A. S.* Perepiska A. A. Izmailova i I. I. Iasinskogo (1915–1916 gg.) // Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuiu epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiia analiza: kollektivnaia monografiia / Otv. red. i sost. A. A. Kholikov, pri uchastii E. I. Orlovoi. M., 2021.

2. *Chukovskii K. I.* Nat Pinkerton i sovremennaia literatura // Chukovskii K. I. Sobr. soch.: V 15 t. 2-e izd., elektronnoe, ispr. M., 2012. T. 7 / Predislovie i komm. E. Ivanovoi.

3. *Fidler F. F.* Iz mira literatorov: Kharaktery i suzhdeniia / Vstup. stat'ia, sost., per. s nem., prim., ukazateli i podbor illiustratsii K. M. Azadovskogo. M., 2008.

4. *Iasinskii I. I.* Roman moei zhizni: Kniga vospominanii / Sost. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd; vstup. stat'ia L. L. Pil'd; komm. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd. M., 2010. T. 1–2.

5. *Izmailov A. A.* Krivoe zerkalo: Kniga parodii i sharzha / Podg. teksta, vstup. stat'ia, komm. E. V. Khvorost'ianovoi. SPb., 2002.

6. *Izmailov A. A.* Leskov i ego vremia / Podg. teksta O. L. Fetisenko, A. S. Aleksandrova; preambula A. S. Aleksandrova // N. S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshchenii. SPb., 2011.

7. *Izmailov A. A.* Perepiska s sovremennikami / Sost., vstup. stat'ia A. S. Aleksandrova; predisloviia, podg. tekstov i prim. A. S. Aleksandrova, E. K. Aleksandrovoi, N. Iu. Griakalovoi. SPb., 2017.

8. Iz perepiski Goncharova. Goncharov — E. A. Tsentkovskaia. 1882 / Vstup. stat'ia i publ. T. G. Dinesman // Lit. nasledstvo. 2000. T. 102.

9. *Nymm E.* Literaturnaia pozitsiia Ieronima Iasinskogo (1880–1890-e gody). Tartu, 2003.

10. *Nymm E.* Zhurnal Ieronima Iasinskogo «Ezhemesiachnye sochineniia» kak predtecha modernistskikh periodicheskikh izdanii nachala XX veka // Russkaia literatura. 2019. № 2.
11. Perepiska A. A. Izmailova i I. L. Leont'eva (Shcheglova) (1904–1911) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. S. Aleksandrova, O. L. Fetisenko // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody / Otv. red. T. S. Tsar'kova. SPb., 2019.
12. Perepiska L. N. Andreeva i I. I. Iasinskogo / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. S. Aleksandrova // Russkaia literatura. 2021. № 3.
13. Perepiska F. K. Sologuba i An. N. Chebotarevskoi s I. I. Iasinskim / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. T. V. Misnikevich // Russkaia literatura. 2019. № 3.
14. *Shruba M.* Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov. M., 2004.
15. *Vdovin V. A.* Esenin i literaturno-khudozhestvennoe obshchestvo «Strada» // Esenin i russkaia poeziia. L., 1967.

Наталия Юрьевна Грякалова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nataliya Juryevna Gryakalova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-6003-3475

natura3@yandex.ru

К РАЗРЕШЕНИЮ ОДНОГО ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО КАЗУСА (НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. А. БЛОКА К Д. Н. ФРИДБЕРГУ)

RESOLVING A TEXTOLOGICAL CASUS (AN UNKNOWN LETTER FROM A. A. BLOK TO D. N. FRIEDBERG)

В статье прослеживается текстологическая история стихотворного наброска А. А. Блока «Веселимся, кружимся...», который ранее был ошибочно отнесен к завершенным текстам. Окончательным аргументом в разрешении данной коллизии является обнаруженное в фонде В. Н. Орлова в РГАЛИ неизвестное письмо А. А. Блока к Д. Н. Фридбергу, впервые вводимое в научный оборот. Раскрываются обстоятельства сотрудничества поэтов-символистов в образовательно-просветительском проекте В. А. Тернавцева — выпуске учебников для начальных классов народных школ. Анализ микроконтекста — примыкающих к наброску записей и маргиналий — позволяет сделать вывод о влиянии фольклорных стилизаций В. Брюсова на первые блоковские опыты в форме «детской», или «наивной» поэзии.
Ключевые слова: текстология, набросок, вариант, эпистолярий, стихи для детей, «наивная» поэзия.

The article traces the textual history of A. A. Blok's poetic sketch «Rejoicing and Spinning...», which was previously erroneously treated as a completed work. The final argument in resolving the issue is the previously unknown letter from A. A. Blok to D. N. Friedberg, discovered in the V. N. Orlov Foundation at RGALI, which is being introduced into the academic circulation for the first time. The circumstances of the two Symbolist poets' cooperation in V. A. Ternavtsev's educational and enlightenment project, the publication of textbooks for the primary classes of the «folk schools», are revealed. The analysis of the microtext — the notes and marginalia adjacent to the sketch — is instrumental for tracing the influence of V. Bryusov's folklore stylizations on Blok's early experiments with the form of «childish» or «naive» poetry.
Key words: textology, sketch, variant, epistolary, poems for children, «naive» poetry.

Список литературы

1. Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 2. Е. П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи.
2. Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В. Н. Орлова. М., 1975. Вып. 1. Письма Александра Блока.

3. *Баевский В. С.* Семенов, Семенов-Тян-Шанский Леонид Дмитриевич // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5.

4. *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997–2023. Т. 2, 7, 13.

5. *Блок А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Вступ. статья, ред. и прим. Вл. Орлова. [Л.], 1946. Т. 2.

6. *Блок А.* Собр. соч.: В 12 т. [Л.:] Издательство писателей в Ленинграде, [1932].

7. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 2.

8. *Иванова Е. В.* Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991.

9. *Игошева Т. В.* Блок и доклад В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей» // Игошева Т. В. Ранняя лирика А. А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М., 2013.

10. *Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В.* Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. [Вып.] IV.

11. *Корсаков Р.* <Иванов-Разумник Р. В.>. Стихи А. Блока для детей // Детская литература. 1940. № 11–12.

12. Лит. наследство. 1978. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене / Вступ. статья и комм. Вл. Орлова.

13. Лит. наследство. 1991. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн.

14. *Минц З. Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981.

15. Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1981. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2.

16. Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. Т. 1.

17. *Райков Б. Е.* На жизненном пути. Автобиографические очерки: В 2 кн. СПб., 2011. Кн. 1.

18. *Фридберг К. Д., Эльзон М. Д.* Ефимов (до 1918 Фридберг) Дмитрий Наумович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2.

References

1. Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov: V 2 kn. SPb., 2017. Kn. 2. E. P. Ivanov. Vospominaniia o Bloke. Stat'i.

2. Aleksandr Blok. Perepiska. Annotirovannyi katalog / Pod red. V. N. Orlova. M., 1975. Vyp. 1. Pis'ma Aleksandra Bloka.

3. *Baevskii V. S.* Semenov, Semenov-Tian-Shanskii Leonid Dmitrievich // Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 2007. T. 5.

4. *Blok A. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997–2023. T. 2, 7, 13.

5. *Blok A.* Poln. sobr. stikhotvorenii: V 2 t. / Vstup. stat'ia, red. i prim. Vl. Orlova. [L.], 1946. T. 2.

6. *Blok A.* Sobr. soch.: V 12 t. [L.:] Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, [1932].

7. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1962. T. 2.

8. *Fridberg K. D., El'zon M. D.* Efimov (do 1918 Fridberg) Dmitrii Naumovich // Sotrudniki RNB — deiateli nauki i kul'tury: Biograficheskii slovar'. SPb., 1999. T. 2.

9. *Iezuitova L. A., Skvortsova N. V.* Aleksandr Blok v Peterburgskom universitete // Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta. L., 1982. [Vyp.] IV.

10. *Igosheva T. V.* Blok i doklad V. A. Ternavtseva «Russkaia tserkov' pred velikoiu zadachei» // Igosheva T. V. Ranniaia lirika A. A. Bloka (1898–1904): poetika religioznogo simvolizma. M., 2013.

11. *Ivanova E. V.* Blok v Kruzhke iziashchnoi slovesnosti B. V. Nikol'skogo // Aleksandr Blok. Issledovaniia i materialy. L., 1991.

12. *Korsakov R.* <Ivanov-Razumnik R. V.>. Stikhi A. Bloka dlia detei // Detskaia literatura. 1940. № 11–12.

13. Lit. nasledstvo. 1978. T. 89. Aleksandr Blok. Pis'ma k zhene / Vstup. stat'ia i komm. Vl. Orlova.

14. Lit. nasledstvo. 1991. T. 98. Valerii Briusov i ego korrespondenty: V 2 kn.

15. *Mints Z. G.* A. Blok v polemike s Merezhkovskimi // Nasledie A. Bloka i aktual'nye problemy poetiki: Blokovskii sbornik IV. Tartu, 1981.

16. Perepiska s R. V. Ivanovym-Razumnikom / Vstup. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova // Lit. nasledstvo. 1981. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 2.

17. Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym. L., 1927. T. 1.

18. *Raikov B. E.* Na zhiznennom puti. Avtobiograficheskie ocherki: V 2 kn. SPb., 2011. Kn. 1.

Евгений Николаевич Филиппов

аспирант
Университета свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Словакия)

Evgenii Nicolaevich Filippov

PhD student,
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava (Slovakia)

ORCID: 0000-0003-1669-2497

quibble88@mail.ru

«КРАСНЫЙ СМЕХ» «ЦАРЯ ГОЛОДА»: МИГРАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. АНДРЕЕВА 1900-Х ГОДОВ

THE RED LAUGH OF *TSAR HUNGER*: MIGRATION AND TRANSFORMATION OF ARTISTIC IMAGES IN THE WORKS OF L. N. ANDREYEV OF THE 1900s

В статье рассматриваются пути миграции и особенности трансформации художественных образов в творчестве Л. Н. Андреева. Исследование показывает, как образы, созданные при работе над повестью «Красный смех» и пьесой «К звездам», реализуются в пьесе «Царь Голод». При анализе используются ранние редакции и окончательные варианты текстов.

Ключевые слова: Леонид Андреев, «Красный смех», «Царь Голод», драматургия, бестиализация.

The article examines the avenues of migration and specifics of transformation of artistic images in the works of L. N. Andreyev. The study shows how the images created during the work on the story *The Red Laugh* and the play *To the Stars* are reinterpreted in the play *Tsar Hunger*. Early editions and final versions of the texts are used in the analysis.

Key words: Leonid Andreyev, *The Red Laugh*, *Tsar Hunger*, playwriting, bestialisation.

Список литературы

1. *Андреев Л. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2013–2017. Т. 4, 6.
2. Лит. наследство. 1965. Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка.
3. *Догнал Й.* Крик у Э. Мунка и Л. Андреева // На рубеже веков: Российско-скандинавский диалог: Доклады междунар. науч. конф. Москва, 23–27 апреля 2000 г. М., 2001.
4. Неизданные письма Леонида Андреева (К творческой истории пьес периода первой русской революции) / Вступ. статья, публ. и комм. В. И. Беззубова // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1962. Вып. 119.

References

1. *Andreev L. N.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. M., 2013–2017. T. 4, 6.
2. *Dognal I.* Krik u E. Munka i L. Andreeva // Na rubezhe vekov: Rossiisko-skandinavskii dialog: Doklady mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 23–27 aprelia 2000 g. M., 2001.
3. Lit. nasledstvo. 1965. T. 72. Gor'kii i Leonid Andreev: Neizdannaia perepiska.
4. Neizdannye pis'ma Leonida Andreeva (K tvorcheskoi istorii p'es perioda pervoi russkoi revoliutsii) / Vstup. stat'ia, publ. i komm. V. I. Bezzubova // Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta. Tartu, 1962. Vyp. 119.

Елена Рудольфовна Обатнина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Rudol'fovna Obatnina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1823-6321

lena.eo@mail.ru

ВОКРУГ КНИГИ «ПОСОЛОНЬ»: СКАЗКА «НОЧЬ ТЕМНАЯ» В КОНТЕКСТЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВСТРЕЧ А. М. РЕМИЗОВА И М. В. САБАШНИКОВОЙ

AROUND THE BOOK *POSOLON'*: «THE DARK NIGHT» FAIRY TALE IN THE CONTEXT OF THE PETERSBURG ENCOUNTERS BETWEEN A. M. REMIZOV AND M. V. SABASHNIKOVA

В русле проблематики мифотворчества русского символизма в статье исследуется случай переноса образов и мотивов новеллы «Ночь темная» из книги А. М. Ремизова «Посолонь» (1907) на реалии литературного быта такого известного локуса символистской культуры, как «Башня» Вяч. Иванова. На основании редких автографов Ремизова, в подтексте которых лежит эпизод, связанный с М. В. Сабашниковой, автор статьи предлагает дешифровку их латентных смыслов и новую версию прочтения ремизовской сказки как произведения, воспроизводящего народное мифомышление. Целостный сюжет из истории эпохи символизма восполняет лакуны в биографиях двух героев и отражает значимые явления литературы и культуры начала XX века.

Ключевые слова: мифотворчество, жизнетворчество, символизм, биография, литературный быт, миф, волшебная сказка, жанр книжного инскрипта.

Dealing with the mythmaking problem in Russian Symbolism, the article analyses transferring of the images and motifs of the novel *The Dark Night* from the book *Posolon'* (1907) by A. M. Remizov into the realities of the most famous locus of Symbolist culture, Vyach. Ivanov's *The Tower*. The author deciphers its latent meanings and offers a new reading of the Remizov's tale as a work that attempts to replicate the mythological folk mentality. The additional meanings are derived from Remizov's rare autographs, in the subtext of which there is an episode associated with M. V. Sabashnikova. The true story from the literary life of the Symbolist circle helps to fill the gaps in the biographies of the two personalities, and reflects the significant literary and cultural phenomena of the early 20th century.

Key words: mythmaking, life-making, Symbolism, biography, literary life, myth, fairy tale, genre of book inscript.

Список литературы

1. *Адоньева С. Б.* Сказка и биография // https://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva2.htm#_ftnref27; дата обращения: 02.12.2022.

2. Библиотека А. А. Блока. Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской: [В 3 кн.]. Л., 1985. Кн. 2.

3. *Блок А.* Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989.

4. *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009.

5. *Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.

6. *Буевич О. В.* Жанровое своеобразие сказки А. М. Ремизова «Ночь темная» // Вестник Омского ун-та. 2011. № 3.

7. *Волошин М. А.* История моей души / Сост. В. П. Купченко. М., 1999.

8. *Волошин М.* Собр. соч. / Под ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой. М., 2015. Т. 11. Кн. 1, 2.

9. *Волошина (Сабашникова) М. В.* Сказка о распятом царевиче. Из творческого наследия / Публ. И. А. Репиной // Крымский альбом 2000. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / Сост., предисловие к публикациям Д. Лосева. Феодосия; М., 2000.

10. *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зеленая Змея: история одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; комм. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. М., 1993.

11. Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992.

12. Воспоминания о Серебряном веке / Сост., предисловие и комм. В. Крейда. М., 1993.

13. *Галанина Ю. Е.* О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни Вяч. Иванова (по архивным материалам) // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1.

14. *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания // Новый журнал = The New Review. 1955. № 43.

15. *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: очерки и публикации. СПб., 2004.

16. *Данилова И. Ф.* Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki, 2010 (Slavica Helsingiensia; vol. 39).

17. *Доценко С. Н.* К проблеме дешифровки одного анекдота из мемуарной книги А. Ремизова «Кукха» // Русская литература. 2005. № 1.

18. *Жепниковска И.* Медведь в русской волшебной сказке: Эскиз исследования проблемы // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М., 2012.

19. *Жиляков А. С.* Эстетика и поэтика таинственного в сказке А. М. Ремизова «Ночь темная» (Сюжет о «мертвом женихе») // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 294.

20. *Зобнин Ю. В.* Материалы к летописи жизни и творчества Вяч. И. Иванова // http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf; дата обращения: 02.12.2022.

21. *Иванов Вяч.* Повесть о Светомире царевиче / Изд. подг. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М., 2015 (сер. «Литературные памятники»).

22. *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000.

23. *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. СПб., 2002. Т. 1. 1877–1916.

24. Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В. П. Купченко // Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. III. № 3.

25. *Лосев А. Ф.* Проблема художественного стиля. Киев, 1994.

26. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. № 9.

27. «На вечерней заре». Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1912 год / Вступ. статья и комм. Е. Р. Обатниной, подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Русская литература. 2019. № 1.

28. Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв. / Авт.-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко // http://pushkinskijdom.ru/remizov/content/painters/sabashnikova1906.pdf; дата обращения: 02.12.2022.

29. *Обатнин Г. В.* К биографии Вяч. Иванова: «четные Среды» // Литературный факт. 2021. № 1 (19).

30. *Обатнина Е.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова // Новое литературное обозрение. 2000. № 43.

31. *Обатнина Е. Р.* Обезьяний царь, П. Е. Щеголев и архивно-музейное дело РСФСР (из материалов собрания М. С. Лесмана) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год. СПб., 2021.

32. *Обатнина Е. Р.* Портрет писателя: взгляд извне и самоотождествление героя (Алексей Ремизов в художественной галерее 1906–1910 гг.) // «Учителя, ученики, коллеги...»: Сб. статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М., 2022.

33. *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

34. *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3.

35. Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. Ремизова А. М. Грачевой; подг. писем Вяч. Иванова О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996.

36. *Ремизов А.* Кукха: Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. М., 2011 (сер. «Литературные памятники»).

37. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 2. Докука и балагурье.

38. *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень.

39. *Розанов Ю. В.* «Лик творчества» писателя А. М. Ремизова // Вестник Вологодского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1 (4).

40. *Розанов Ю. В.* Фольклоризм А. М. Ремизова: Источники, генезис, поэтика. Вологда, 2008.

41. *Сумрачев О.* К вопросу о первой публикации рассказа А. Ремизова «Крепость» // http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaz; дата обращения: 02.12.2022.

42. *Титаренко С. Д.* От архетипа — к мифу: Башня как символическая форма у Вяч. Иванова и Л. Г. Юнга // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006.

43. *Топорков А. Л.* Повесть А. М. Ремизова «О безумии Иродиадином», пьеса Оскара Уайльда «Саломея» и «Песнь песней» царя Соломона // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М., 2015.

44. *Woloschin M.* Die grüne Schlange. Stuttgart, 1954.

References

1. *Adon'eva S. B.* Skazka i biografiia // https://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva2.htm#_ftnref27; data obrashcheniia: 02.12.2022.

2. Biblioteka A. A. Bloka. Opisanie / Sost. O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ia. Vovina; pod red. K. P. Lukirskoi: [V 3 kn.]. L., 1985. Kn. 2.

3. *Blok A.* Dnevnik / Podg. teksta, vstup. stat'ia i prim. A. L. Grishunina. M., 1989.

4. *Bogomolov N. A.* Peterburgskie gafizity // Bogomolov N. A. Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy. M., 1995.

5. *Bogomolov N. A.* Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki. M., 2009.

6. *Buevich O. V.* Zhanrovoe svoeobrazie skazki A. M. Remizova «Noch' temnaia» // Vestnik Omskogo un-ta. 2011. № 3.

7. *Danilova I. F.* Literaturnaia skazka A. M. Remizova (1900–1920-e gody). Helsinki, 2010 (Slavica Helsingiensia; vol. 39).

8. *Dotsenko S. N.* K probleme deshifrovki odnogo anekdota iz memuarnoi knigi A. Remizova «Kukkha» // Russkaia literatura. 2005. № 1.

9. *Galanina Iu. E.* O nekotorykh realiiakh v mifologicheskom prostranstve Bashni Viach. Ivanova (po arkhivnym materialam) // Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy / Otv. red. K. Iu. Lappo-Danilevskii, A. B. Shishkin. SPb., 2010. Vyp. 1.

10. *Gofman M. L.* Peterburgskie vospominaniia // Novyi zhurnal = The New Review. 1955. № 43.

11. *Grechishkin S. S., Lavrov A. V.* Voloshin i Remizov // Grechishkin S. S., Lavrov A. V. Simvolisty vblizi: ocherki i publikatsii. SPb., 2004.

12. *Ivanov Viach.* Povest' o Svetomire tsareviche / Izd. podg. A. L. Toporkov, O. L. Fetisenko, A. B. Shishkin. M., 2015 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

13. *Kupchenko V. P.* Trudy i dni Maksimiliana Voloshina. Letopis' zhizni i tvorchestva. SPb., 2002. T. 1. 1877–1916.

14. *Kuzmin M. A.* Dnevnik 1905–1907 / Predislovie, podg. teksta i komm. N. A. Bogomolova i S. V. Shumikhina. SPb., 2000.

15. Letopis' zhizni i tvorchestva Margarity Vasil'evny Sabashnikovoi / Sost. V. P. Kupchenko // Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury. 2000. T. III. № 3.

16. *Losev A. F.* Problema khudozhestvennogo stilia. Kiev, 1994.

17. Na vechernei zare: Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello / Podg. teksta i komm. A. d'Ameliia // Europa Orientalis. 1990. № 9.

18. «Na vechernei zare». Pis'ma A. M. Remizova S. P. Remizovoi-Dovgello: 1912 god / Vstup. stat'ia i komm. E. R. Obatninoi, podg. teksta E. R. Obatninoi i A. S. Uriupinoi // Russkaia literatura. 2019. № 1.

19. Nasledie A. M. Remizova v literaturnom protsesse XX–XXI vv. / Avt.-sost. E. R. Obatnina, E. E. Vakhnenko // http://pushkinskijdom.ru/remizov/content/painters/sabashnikova1906.pdf; data obrashcheniia: 02.12.2022.

20. *Obatnin G. V.* K biografii Viach. Ivanova: «chetnye Sredy» // Literaturnyi fakt. 2021. № 1 (19).

21. *Obatnina E.* «Eroticheskii simvolizm» Alekseia Remizova // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 43.

22. *Obatnina E. R.* Obez'ianii tsar', P. E. Shchegolev i arkhivno-muzeinoe delo RSFSR (iz materialov sobraniia M. S. Lesmana) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2021 god. SPb., 2021.

23. *Obatnina E. R.* Portret pisatelia: vzgliad izvne i samootozhdestvlenie geroia (Aleksei Remizov v khudozhestvennoi galeree 1906–1910 gg.) // «Uchitelia, ucheniki, kollegi...»: Sb. statei k 60-letiiu Dmitriia Petrovicha Baka. M., 2022.

24. *Obatnina E.* Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh. SPb., 2001.

25. *Pavlova M. M.* K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale «dnevnikov» T. N. Gippius). Stat'ia 1 // Russkaia literatura. 2017. № 3.

26. Perepiska V. I. Ivanova i A. M. Remizova / Vstup. stat'ia, prim. i podg. pisem A. Remizova A. M. Grachevoi; podg. pisem Viach. Ivanova O. A. Kuznetsovoi // Viacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniia. M., 1996.

27. *Remizov A.* Kukkha: Rozanovy pis'ma / Izd. podg. E. R. Obatnina. M., 2011 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

28. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2000. T. 2. Dokuka i balagur'e.

29. *Remizov A. M.* Sobr. soch. M., 2000. T. 8. Podstrizhennymi glazami. Iveren'.
30. *Rozanov Iu. V.* «Lik tvorchestva» pisatelia A. M. Remizova // Vestnik Vologodskogo gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki. 2017. № 1 (4).
31. *Rozanov Iu. V.* Fol'klorizm A. M. Remizova: Istochniki, genezis, poetika. Vologda, 2008.
32. *Sumrachev O.* K voprosu o pervoi publikatsii rasskaza A. Remizova «Krepost'» // http://surmachev.ru/k-voprosu-o-pervoy-publikatsii-rasskaz; data obrashcheniia: 02.12.2022.
33. *Titarenko S. D.* Ot arkhetipa — k mifu: Bashnia kak simvolicheskaia forma u Viach. Ivanova i L. G. Iunga // Bashnia Viacheslava Ivanova i kul'tura Serebrianogo veka. SPb., 2006.
34. *Toporkov A. L.* Povest' A. M. Remizova «O bezumii Irodiadinom», p'esa Oskara Uail'da «Salomeia» i «Pesn' pesnei» tsaria Solomona // «Vechnye» siuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma. M., 2015.
35. *Voloshin M. A.* Istoriia moei dushi / Sost. V. P. Kupchenko. M., 1999.
36. *Voloshin M.* Sobr. soch. / Pod red. V. P. Kupchenko i A. V. Lavrova, pri uchastii R. P. Khrulevoi. M., 2015. T. 11. Kn. 1, 2.
37. *Voloshina (Sabashnikova) M. V.* Skazka o raspiatom tsareviche. Iz tvorcheskogo naslediia / Publ. I. A. Repinoi // Krymskii al'bom 2000. Istoriko-kraevedcheskii i literaturno-khudozhestvennyi al'manakh / Sost., predislovie k publikatsiiam D. Loseva. Feodosiia; M., 2000.
38. *Voloshina (Sabashnikova) M. V.* Zelenaia Zmeia: istoriia odnoi zhizni / Per. s nem. M. N. Zhemchuzhnikovoi; komm. S. V. Kazachkova i T. L. Strizhak. M., 1993.
39. Volshebnyi mir Alekseia Remizova. Katalog vystavki. SPb., 1992.
40. Vospominaniia o Serebrianom veke / Sost., predislovie i komm. V. Kreida. M., 1993.
41. *Wolosshin M.* Die grüne Schlange. Stuttgart, 1954.
42. *Zhepnikovska I.* Medved' v russkoi volshebnoi skazke: Eskiz issledovaniia problemy // «Russkii medved'»: Istoriia, semiotika, politika / Pod red. O. V. Riabova i A. de Lazari. M., 2012.
43. *Zhiliakov A. S.* Estetika i poetika tainstvennogo v skazke A. M. Remizova «Noch' temnaia» (Siuzhet o «mertvom zhenikhe») // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2007. № 294.
44. *Zobnin Iu. V.* Materialy k letopisi zhizni i tvorchestva Viach. I. Ivanova // http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf; data obrashcheniia: 02.12.2022.

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0500-6113

mmpavlova@gmail.com

ПИСЬМА В. П. СВЕНЦИЦКОГО К Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ И З. Н. ГИППИУС

V. P. SVENTSITSKY'S LETTERS TO D. S. MEREZHKOVSKY AND Z. N. GIPPIUS

Публикация знакомит с эпистолярными документами из архива Мережковских, хранящегося в Центре русской культуры Амхерста (США). В нее вошли три письма В. П. Свенцицкого, одного из создателей и идеологов «Христианского братства борьбы» (1905–1908), к Д. С. Мережковскому и одно к З. Н. Гиппиус. Письма относятся к 1907 году, являясь фрагментом не сохранившейся двухсторонней переписки. Они позволяют по-новому осветить историю личных взаимоотношений корреспондентов, занимавших радикальные, но не схожие позиции в религиозно-общественном движении 1905–1908 годов.
Ключевые слова: В. П. Свенцицкий, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, переписка.

The publication introduces epistolary documents from the Merezhkovsky archive, stored at the Center of Russian Culture in Amherst (USA). It includes three letters from V. P. Sventsitsky, one of the founders and ideologists of the *Christian Brotherhood of Struggle* (1905–1908), to D. S. Merezh-

kovsky and one to Z. N. Gippius. The letters date back to 1907, being a fragment of a two-way correspondence that has not been preserved. They offer a new insight the history of personal relationships of the correspondents who took radical, but dissimilar positions in the religious and social movement of 1905–1908.

Key words: V. P. Sventsitsky, D. S. Merezhkovsky, Z. N. Gippius, correspondence.

Список литературы

1. *Белый Андрей*. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014 (сер. «Литературные памятники»).

2. *Белый Андрей*. Начало века. Воспоминания: В 3 кн. М., 1990. Кн. 2 / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова.

3. В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1.

4. В. Ф. Эрн: pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 2006.

5. *Вершинина А.* От «работы при архитекторах» до скульптуры малых форм: Коллизии творчества В. В. Кузнецова // Русское искусство. 2006. № 4.

6. Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. М., 2020. Кн. 3. 1905–1906 / Сост. В. И. Кейдан.

7. *Гиппиус З. Н.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2003. Т. 7. Мы и они.

8. *Глинка (Волжский) А. С.* Собр. соч.: В 3 кн. / Сост. и ред. А. Резниченко. М., 2005. Кн. 1. 1900–1905 (Исследования по истории русской мысли; т. 10).

9. *Ермичев А. А.* Жизнь и дела Владимира Францевича Эрна // В. Ф. Эрн: pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2006.

10. Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М., 2004.

11. *Карпова Е. В.* Петербургский скульптор В. В. Кузнецов // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 2006. Вып. 7.

12. *Кейдан В. И.* На путях к граду земному // Взыскующие Града / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997.

13. *Колеров М. А.* Издания Христианского братства борьбы (1906–1908) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5.

14. *Колеров М. А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996 (Исследования по истории русской мысли; т. 1).

15. Лит. наследство. 2016. Т. 105. Андрей Белый. Автобиографические своды: Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад.

16. Лит. наследство. Т. 114. Семейные хроники в письмах-дневниках Т. Н. Гиппиус (1906–1908) / Изд. подг. М. М. Павлова (в печати).

17. Нашедшие Град: История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост., предисловие и комм. С. В. Черткова. М., 2017.

18. *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус) // Русская литература. 2017. № 3, 4.

19. *Павлова М.* Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999 (Исследования по истории русской мысли; т. 4).

20. Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918): В 2 т. / Вступ. статья Е. И. Гончаровой; сост., подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2022. Т. 2. 1903–1918.

21. Переписка В. П. Свенцицкого и П. А. Флоренского / Публ. П. В. Флоренского и С. В. Черткова // Новый журнал (Нью-Йорк). 2011. № 264.

22. Переписка З. Н. Гиппиус с Андреем Белым (1902–1918) / Вступ. статья Н. А. Богомолова; подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и А. Л. Соболева // Лит. наследство. 2021. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 2.

23. Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Философовым (1898–1918) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. Л. Соболева // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 1.

24. Письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к А. С. Суворину (1891–1911) / Подг. текста, вступ. статья и комм. Н. А. Богомолова // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн.

25. Революционное христовство: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009.

26. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде), 1907–1917. История в материалах и документах: В 3 т. / Вступ. статья О. Т. Ермишина и О. А. Коростелева; подг. текста О. В. Ермишина, О. В. Самоцветовой, Л. В. Хачатурян; прим. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, С. В. Мартьяновой, О. В. Самоцветовой, Л. В. Хачатурян; сост. хроники А. А. Ермичева; сост. аннотированного списка С. М. Половинкина. М., 2009. Т. 1.

27. *Свенцицкий В. П.* Революция или бунт? / Публ. С. В. Черткова // Религиоведение. 2013. № 1.

28. *Свенцицкий В. П., прот.* Собр. соч. М., <2010>. Т. 1, 2.

29. *Свенцицкий В., прот.* Монастырь в миру. М., 1995. Т. 1.

30. *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Кн. 1.

31. *Соболев А. Л.* Ошибка филера // Соболев А. Л. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017.

32. *Чертков С.* В. П. Свенцицкий. Его эпигоны и последователи (И. А. Ильин, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев) // Философия и культура. 2010. № 5.

33. *Шеррер Ю.* В поисках «христианского социализма» в России // Вопросы философии. 2000. № 12.

34. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.

References

1. *Belyi Andrei.* Nachalo veka. Berlinskaia redaktsiia (1923) / Izd. podg. A. V. Lavrov. SPb., 2014 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

2. *Belyi Andrei.* Nachalo veka. Vospominaniia: V 3 kn. M., 1990. Kn. 2 / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova.

3. *Chertkov S.* V. P. Sventsitskii. Ego epigony i posledovateli (I. A. Il'in, D. S. Merezhkovskii, N. A. Berdiaev) // Filosofiia i kul'tura. 2010. № 5.

4. *Ermichev A. A.* Zhizn' i dela Vladimira Frantsevicha Erna // V. F. Ern: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Erna v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiia. SPb., 2006.

5. *Gippius Z. N.* Sobr. soch.: V 15 t. M., 2003. T. 7. My i oni.

6. *Glinka (Volzhskii) A. S.* Sobr. soch.: V 3 kn. / Sost. i red. A. Reznichenko. M., 2005. Kn. 1. 1900–1905 (Issledovaniia po istorii russkoi mysli; t. 10).

7. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.

8. Istorii «novoi» khristianskoi liubvi. Eroticheskii eksperiment Merezhkovskikh v svete «Glavnogo»: Iz «dnevnikov» T. N. Gippius 1906–1908 godov / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Erotizm bez beregov: Sb. statei i materialov. M., 2004.

9. *Karpova E. V.* Peterburgskii skul'ptor V. V. Kuznetsov // Nevskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii sbornik. SPb., 2006. Vyp. 7.

10. *Keidan V. I.* Na putiakh k gradu zemnomu // Vzyskuiushchie Grada / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. V. I. Keidana. M., 1997.

11. *Kolerov M. A.* Izdaniia Khristianskogo bratstva bor'by (1906–1908) // Novoe literaturnoe obozrenie. 1993. № 5.

12. *Kolerov M. A.* Ne mir, no mech. Russkaia religiozno-filosofskaia pechat' ot «Problem idealizma» do «Vekh», 1902–1909. SPb., 1996 (Issledovaniia po istorii russkoi mysli; t. 1).

13. Lit. nasledstvo. 2016. T. 105. Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Materialy k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov / Sost. A. V. Lavrov i Dzh. Malmstad.

14. Lit. nasledstvo. T. 114. Semeinye khroniki v pis'makh-dnevnikakh T. N. Gippius (1906–1908) / Izd. podg. M. M. Pavlova (v pechati).

15. Nashedshie Grad: Istoriia Khristianskogo bratstva bor'by v pis'makh i dokumentakh / Sost., predislovie i komm. S. V. Chertkova. M., 2017.

16. *Pavlova M. M.* K istorii neokhristianskoi kommuny Merezhkovskikh (na materiale «dnevnikov» T. N. Gippius) // Russkaia literatura. 2017. № 3, 4.

17. *Pavlova M.* Mucheniki velikogo religioznogo protsessa // Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D. Tsar' i revoliutsiia / Pod red. M. A. Kolerova; vstup. stat'ia M. M. Pavlovoi; per. s fr. O. V. Edel'man; podg. teksta N. V. Samover. M., 1999 (Issledovaniia po istorii russkoi mysli; t. 4).

18. Perepiska V. P. Sventsitskogo i P. A. Florenskogo / Publ. P. V. Florenskogo i S. V. Chertkova // Novyi zhurnal (N'iu Iork). 2011. № 264.

19. Perepiska V. V. Rozanova i P. P. Pertsova (1896–1918): V 2 t. / Vstup. stat'ia E. I. Goncharovoi; sost., podg. teksta i komm. E. I. Goncharovoi i O. L. Fetisenko. SPb., 2022. T. 2. 1903–1918.

20. Perepiska Z. N. Gippius s Andreem Belym (1902–1918) / Vstup. stat'ia N. A. Bogomolova; podg. teksta i komm. N. A. Bogomolova i A. L. Soboleva // Lit. nasledstvo. 2021. T. 106. Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius: V 2 kn. Kn. 2.

21. Perepiska Z. N. Gippius s D. V. Filosofovym (1898–1918) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. L. Soboleva // Lit. nasledstvo. 2018. T. 106. Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius: V 2 kn. Kn. 1.
22. Pis'ma Z. N. Gippius i D. S. Merezhkovskogo k A. S. Suvorinu (1891–1911) / Podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. N. A. Bogomolova // Lit. nasledstvo. 2018. T. 106. Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius: V 2 kn.
23. Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde), 1907–1917. Istoriia v materialakh i dokumentakh: V 3 t. / Vstup. stat'ia O. T. Ermishina i O. A. Korosteleva; podg. teksta O. V. Ermishina, O. V. Samotsvetovoi, L. V. Khachaturian; prim. O. T. Ermishina, O. A. Korosteleva, S. V. Mart'ianovoi, O. V. Samotsvetovoi, L. V. Khachaturian; sost. khroniki A. A. Ermicheva; sost. annotirovannogo spiska S. M. Polovinkina. M., 2009.
24. Revoliutsionnoe khristovstvo: Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. E. I. Goncharovoi. SPb., 2009.
25. *Sherrer Iu.* V poiskakh «khristianskogo sotsializma» v Rossii // Voprosy filosofii. 2000. № 12.
26. *Sobolev A. L.* Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908) // Litsa: Biograficheskii al'manakh. M.; SPb., 1992. Kn. 1.
27. *Sobolev A. L.* Oshibka filera // Sobolev A. L. Turgenev i tigry: Iz arkhivnykh razyskanii o russkoi literature pervoi poloviny XX veka. M., 2017.
28. *Sventsitskii V. P.* Revoliutsiia ili bunt? / Publ. S. V. Chertkova // Religiovedenie. 2013. № 1.
29. *Sventsitskii V. P., prot.* Sobr. soch. M., <2010>. T. 1, 2.
30. *Sventsitskii V., prot.* Monastyr' v miru. M., 1995. T. 1.
31. V. F. Ern: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Erna v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiia / Sost. A. A. Ermichev. SPb., 2006.
32. V. V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliia Rozanova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiia: V 2 kn. SPb., 1995. Kn. 1.
33. *Vershinina A.* Ot «raboty pri arkhitektorakh» do skul'ptury malykh form: Kollizii tvorchestva V. V. Kuznetsova // Russkoe iskusstvo. 2006. № 4.
34. Vzyskuiushchie Grada. Khronika russkikh literaturnykh, religiozno-filosofskikh i obshchestvenno-politicheskikh dvizhenii v chastnykh pis'makh i dnevnikakh ikh uchastnikov, 1829–1923 gg. M., 2020. Kn. 3. 1905–1906 / Sost. V. I. Keidan.

Елена Александровна Глуховская

доцент школы искусств и культурного наследия
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Elena Aleksandrovna Glukhovskaia

Associate Professor, School of Arts and Cultural Heritage,
European University at St. Petersburg

ORCID: 0000-0002-0602-9088

e.a.glukhovskaya@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ 1907–1908 ГОДОВ: ЖУРНАЛ «РУССКИЙ АРТИСТ»

A GLIMPSE OF THE HISTORY OF THE LITERARY DISPUTES OF 1907–1908: *THE RUSSIAN ARTIST* MAGAZINE

В 1907–1908 годах на фоне противостояния ведущих символистских журналов и споров московских и петербургских литераторов по поводу «мистического анархизма» авторы журнала «Весы» (Ю. Балтрушайтис, Андрей Белый, В. Гофман, А. Курсинский, М. Ликиардопуло, Эллис) искали альтернативные пути изданий, обращаясь в том числе в смежные художественные области. Статья посвящена истории сотрудничества писателей-символистов в журнале «Русский артист» (ред.-изд. П. Н. Мамонтов).

Ключевые слова: русский символизм, журнальная полемика, «Весы», «Русский артист», П. Н. Мамонтов.

In the years 1907–1908, against the background of the confrontation between the leading Symbolist periodicals and the writers' disputes in Moscow and St. Petersburg regarding the «mystical Anarchism», the poets consolidated around the *Vesy* (*Libra*) magazine (Yu. Baltrušaitis, Andrei Bely,

V. Hoffmann, A. Kursinsky, M. Likiardopulo, Ellis); they were looking for alternative publishing solutions that would incorporate related creative spheres. The article deals with the history of their collaboration with the magazine *Russkii Artist* (*The Russian Artist*), edited by P. N. Mamontov.

Key words: Russian Symbolism, press polemics, *Libra*, *The Russian Artist*, P. N. Mamontov.

Список литературы

1. *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Лит. наследство. 1976. Т. 85.

2. *Бахревский В. А.* Савва Мамонтов. М., 2000 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

3. *Белый А.* Собр. соч. М., 2020. Т. 16. Несобранное. Кн. 1 / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад (Проект проф. В. М. Пискунова (1925–2005)).

4. *Богомолов Н. А.* К истории «Золотого руна» // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004.

5. *Бродская Г. Ю.* Брюсов и театр // Лит. наследство. 1976. Т. 85.

6. *Вайсбанд Э.* «Ходасевич был скептик, разрушал вокруг себя все, не создавая ничего»: Об одном конфликте в эмиграции // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011.

7. *Дауётите В.* Юргис Балтрушайтис: Монографический очерк / Пер. с литов. Б. Балашявичюса. Вильнюс, 1983.

8. *Зайцев Б. К.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1999. Т. 6 (доп.). Мои современники.

9. *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995.

10. *Лавров А. В.* Андрей Белый и Юргис Балтрушайтис // Лавров А. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007.

11. *Лавров А. В.* Виктор Гофман: Между Москвой и Петербургом // Писатели символистского круга: новые материалы. М., 2003.

12. *Лавров А. В.* «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007.

13. *Лавров А. В.* «Перевал» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007.

14. *Лавров А. В.* «С Брюсовым на равной ноге»: Письма М. Ф. Ликиардопуло к В. Я. Брюсову // Литературный факт. 2021. № 3 (21).

15. *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

16. *Малмстад Дж.* Кое-что об Андрее Белом. I. Буря символистов в стакане воды // Новое литературное обозрение. 2000. № 1 (41).

17. Неизвестное письмо Андрея Белого / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Т. 5.

18. *Обатнин Г. В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. [Вып.] 3.

19. Переписка <В. Я. Брюсова> с А. А. Курсинским, 1895–1916 / Вступ. статья А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова; публ. и комм. Р. Л. Щербакова // Лит. наследство. 1991. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. Кн. 1.

20. *Соболев А. Л.* Вечер мерцаний // Slavica Revalensia. 2019. № 6.

21. *Соболев А. Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15).

22. *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения и поэмы, 1900–1913 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич.

23. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004.

24. Эллис в «Весах» / Предисловие, публ. и комм. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга: новые материалы. М., 2003.

References

1. *Azadovskii K. M., Maksimov D. E.* Briusov i «Vesy» (K istorii izdaniia) // Lit. nasledstvo. 1976. T. 85.

2. *Bakhrevskii V. A.* Savva Mamontov. M., 2000 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).

3. *Belyi A.* Sobr. soch. M., 2020. T. 16. Nesobrannoe. Kn. 1 / Sost. A. V. Lavrov i Dzh. Malmstad (Proekt prof. V. M. Piskunova (1925–2005)).

4. *Bogomolov N. A.* K istorii «Zolotogo runa» // Bogomolov N. A. Ot Pushkina do Kibirova: Stat'i o russkoi literature, preimushchestvenno o poezii. M., 2004.

5. *Brodskaia G. Iu.* Briusov i teatr // Lit. nasledstvo. 1976. T. 85.

6. *Dauëtite V.* Iurgis Baltrushaitis: Monograficheskii ocherk / Per. s litov. B. Balashiavichiusa. Vil'nius, 1983.

7. Ellis v «Vesakh» / Predislovie, publ. i komm. A. V. Lavrova // Pisateli simvolistskogo kruga: novye materialy. M., 2003.
8. *Lavrov A. V.* Andrei Belyi i Iurgis Baltrushaitis // Lavrov A. V. Andrei Belyi: Razyskaniia i etiudy. M., 2007.
9. *Lavrov A. V.* Andrei Belyi v 1900-e gody: Zhizn' i literaturnaia deiatel'nost'. M., 1995.
10. *Lavrov A. V.* «Pereval» // Lavrov A. V. Russkie simvolisty: Etiudy i razyskaniia. M., 2007.
11. *Lavrov A. V.* «S Briusovym na ravnoi noge»: Pis'ma M. F. Likiardopulo k V. Ia. Briusovu // Literaturnyi fakt. 2021. № 3 (21).
12. *Lavrov A. V.* Viktor Gofman: Mezhdu Moskvoi i Peterburgom // Pisateli simvolistskogo kruga: novye materialy. M., 2003.
13. *Lavrov A. V.* «Zolotoe Runo» // Lavrov A. V. Russkie simvolisty: Etiudy i razyskaniia. M., 2007.
14. *Lavrov A. V., Maksimov D. E.* «Vesy» // Russkaia literatura i zhurnalistika nachala XX veka: 1905–1917. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniia. M., 1984.
15. *Malmstad Dzh.* Koe-chto ob Andree Belom. I. Buria simvolistov v stakane vody // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 1 (41).
16. Neizvestnoe pis'mo Andreia Belogo / Publ. V. Alloia // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. M., 1991. T. 5.
17. *Obatnin G. V.* Neopublikovannye materialy Viach. Ivanova po povodu polemiki o «misticheskom anarkhizme» // Litsa: Biograficheskii al'manakh. M.; SPb., 1993. [Vyp.] 3.
18. Perepiska <V. Ia. Briusova> s A. A. Kursinskim, 1895–1916 / Vstup. stat'ia A. A. Kozlovskogo i R. L. Shcherbakova; publ. i komm. R. L. Shcherbakova // Lit. nasledstvo. 1991. T. 98. Valerii Briusov i ego korrespondenty: V 2 kn. Kn. 1.
19. *Shruba M.* Literaturnye ob'edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'. M., 2004.
20. *Sobolev A. L.* Obshchestvo svobodnoi estetiki (1906–1917). Materialy k khronike // Literaturnyi fakt. 2020. № 1 (15).
21. *Sobolev A. L.* Vecher mertsanii // Slavica Revalensia. 2019. № 6.
22. *Sologub F.* Poln. sobr. stikhotvorenii i poem: V 3 t. SPb., 2014. T. 2. Kn. 1. Stikhotvoreniia i poemy, 1900–1913 / Izd. podg. T. V. Misnikevich.
23. *Vaisband E.* «Khodasevich byl skeptik, razrushal vokrug sebia vse, ne sozdavaia nichego»: Ob odnom konflikte v emigratsii // Ot Kibirova do Pushkina: Sbornik v chest' 60-letiia N. A. Bogomolova. M., 2011.
24. *Zaitsev B. K.* Sobr. soch.: V 5 t. M., 1999. T. 6 (dop.). Moi sovremenniki.

Вероника Борисовна Зусева-Озкан

ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Veronika Borisovna Zuseva-Ozkan

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9537-108X

v.zuseva.ozkan@gmail.com

Э. РОСТАН И *РОМАНТИЧЕСКОЕ* В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

E. ROSTAND AND THE *ROMANTICISM* IN THE WORKS OF M. I. TSVETAEVA

В статье исследуется «ростановский слой» в художественных и эго-документальных произведениях М. И. Цветаевой. Творчество Ростана стало одним из главных источников, питавших представление Цветаевой о романтизме, который она воспринимала не как литературное явление, а как грань собственной души. Анализ мотивов, образов, сюжетных поворотов, характерных для Ростана, в творчестве Цветаевой показывает, что речь идет о всеобъемлющем влиянии, сказывавшемся на всем протяжении ее жизни и не ограниченном чисто «литературной» сферой.

Ключевые слова: М. И. Цветаева, Э. Ростан, драматургия, поэзия, В. Я. Брюсов, романтизм и неоромантизм.

The article examines the «Rostand layer» in the fictional and ego-documentary works of M. I. Tsvetaeva. Rostand's work became one of the main sources that informed Tsvetaeva's concept of Romanticism, which she perceived as a facet of her own soul, rather than as a literary phenomenon. Analyzing the motives, images, plot twists of Rostand, Tsvetaeva shows that it was a comprehensive influence that affected her throughout her life and was not limited to a purely «literary» sphere.

Key words: M. I. Tsvetaeva, E. Rostand, dramas, poetry, V. Ia. Briusov, Romanticism and Neo-Romanticism.

Список литературы

1. *Башкирова И. Г., Войтехович Р. С.* Эпиграфы из Ростана в структуре «Вечернего альбома» Цветаевой // 1910 — год вступления Марины Цветаевой в литературу: Сб. докладов. М., 2012.

2. *Зусева-Озкан В. Б.* Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М., 2021.

3. *Карпова Т. Н.* М. И. Цветаева-драматург как интерпретатор художественного опыта классиков («Орленок» Э. Ростана и «Приключение» М. Цветаевой) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4.

4. *Нива Ж.* Миф об Орленке (По материалам женевских архивов, связанных с Мариной Цветаевой) // Звезда. 1992. № 10.

5. *Ростан Э.* Пьесы / Пер. с фр. Т. Щепкиной-Куперник. М., 1983.

6. *Ростан Э.* Сирано де Бержерак. Орленок: Пьесы / Пер. с фр. Т. Щепкиной-Куперник. М., 2012.

7. *Слоним М.* О Марине Цветаевой. Из воспоминаний // Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992.

8. *Стрельникова Н. Д.* Марина Цветаева и Эдмон Ростан // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Язык и литература. 2009. № 3.

9. *Таганов А. Н.* «Твой конь как прежде вихрем скачет...» (Марина Цветаева и Эдмон Ростан) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1996. Вып. 2.

10. *Цветаева М. И.* Неизданное. Записные книжки: В 2 т. М., 2000. Т. 1, 2.

11. *Цветаева М. И.* Неизданное. Сводные тетради / Подг. текста, предисловие и прим. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М., 1997.

12. *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 1, 3, 4, 6, 7.

13. *Шаховская З.* Отражения. Paris, 1975.

References

1. *Bashkirova I. G., Voitekhovich R. S.* Epigrafy iz Rostana v strukture «Vechernego al'boma» Tsvetaevoi // 1910 — god vstupleniia Mariny Tsvetaevoi v literaturu: Sb. dokladov. M., 2012.

2. *Karpova T. N.* M. I. Tsvetaeva-dramaturg kak interpretator khudozhestvennogo opyta klassikov («Orlenok» E. Rostana i «Prikliuchenie» M. Tsvetaevoi) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2007. № 4.

3. *Niva Zh.* Mif ob Orlenke (Po materialam zhenevskikh arkhivov, sviazannykh s Marinoi Tsvetaevoi) // Zvezda. 1992. № 10.

4. *Rostan E.* P'esy / Per. s fr. T. Shchepkinoi-Kupernik. M., 1983.

5. *Rostan E.* Sirano de Berzherak. Orlenok: P'esy / Per. s fr. T. Shchepkinoi-Kupernik. M., 2012.

6. *Shakhovskaia Z.* Otrazheniia. Paris, 1975.

7. *Slonim M.* O Marine Tsvetaevoi. Iz vospominanii // Vospominaniia o Marine Tsvetaevoi. M., 1992.

8. *Strel'nikova N. D.* Marina Tsvetaeva i Edmon Rostan // Vestnik SPbGU. Ser. 9. Iazyk i literatura. 2009. № 3.

9. *Taganov A. N.* «Tvoi kon' kak prezhde vikhrem skachet...» (Marina Tsvetaeva i Edmon Rostan) // Konstantin Bal'mont, Marina Tsvetaeva i khudozhestvennye iskaniia XX veka. Ivanovo, 1996. Vyp. 2.

10. *Tsvetaeva M. I.* Neizdannoe. Svodnye tetradi / Podg. teksta, predislovie i prim. E. B. Korkinoi i I. D. Shevelenko. M., 1997.

11. *Tsvetaeva M. I.* Neizdannoe. Zapisnye knizhki: V 2 t. M., 2000. T. 1, 2.

12. *Tsvetaeva M. I.* Sobr. soch.: V 7 t. M., 1995. T. 1, 3, 4, 6, 7.

13. *Zuseva-Ozkan V. B.* Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, siuzhety. M., 2021.

Елена Иосифовна Погорельская

старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького

Elena Iosifovna Pogorel'skaia

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0668-7320

elena_pog@mail.ru

РАССКАЗЫ И. Э. БАБЕЛЯ «МОЙ ПЕРВЫЙ ГОНОРАР» И «СПРАВКА»: К ИСТОРИИ ТЕКСТА

I. E. BABEL'S STORIES *MY FIRST FEE* AND *THE REFERENCE*: THE HISTORY OF THE TEXT

В статье говорится о не опубликованных при жизни автора рассказах И. Э. Бабеля «Мой первый гонорар» и «Справка» как о двух равнозначных текстах, созданных на один сюжет. Выясняется, что «Справка» была написана позднее «Моего первого гонорара». Об этом, в частности, свидетельствуют авторские даты под текстами. Вводится в научный оборот напечатанный в Приложении самый ранний источник «Справки» — машинопись под названием «Мой первый гонорар».

Ключевые слова: И. Э. Бабель, рассказ, «Мой первый гонорар», «Справка», ранний и поздний вариант, авторская датировка.

The article deals with I. Babel's stories *My First Fee* and *The Reference* as the two equally important texts featuring the same plot; neither of them was published in the author's lifetime. It turns out that *The Reference* was created later than *My First Fee*. This, in particular, is confirmed by the author's dating of the texts of the stories. The earliest source of the story *The Reference*, a typescript entitled *My First Fee*, is published here as the appendix and thus introduced into the academic circulation.

Key words: I. E. Babel', story, *My First Fee*, *The Reference*, early and late versions, author's dating.

Список литературы

1. *Бабель И. Э.* Из неопубликованного и забытого / [Предисловие Е. А. Краснощековой] // Заря Востока (Ташкент). 1967. № 3.
2. *Бабель И. Э.* Избранное. Кемерово, 1966.
3. *Бабель И. Э.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
4. *Бабель И. Э.* Рассказы / Сост., подг. текстов, послесловие, комм. Е. И. Погорельской. СПб., 2014.
5. *Бабель И. Э.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост. и прим. И. Н. Сухих. М., 2006. Т. 1.
6. *Боровой Л. Я.* Подарок // Воспоминания о Бабеле. М., 1989.
7. Воздушные пути: Альманах. Нью-Йорк, 1963. [Вып.] 3.
8. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2019. Т. 21. Декабрь 1931 — февраль 1933.
9. *Жолковский А. К.* Полтора рассказа Бабеля «Гюи де Мопассан» и «Справка/Гонорар»: Структура, смысл, фон. М., 2006.
10. *Ковский В. Е.* Судьба текстов в контексте судьбы // Вопросы литературы. 1995. № 1.
11. *Пирожкова А. Н.* Я пытаюсь восстановить черты: О Бабеле — и не только о нем. М., 2013.
12. *Hallet R.* Isaac Babel. New York, 1972.
13. *Sicher E.* Style and Structure in the Prose of Isaak Babel'. Columbus, OH, 1986.

References

1. *Babel' I. E.* Iz neopublikovannogo i zabytogo / [Predislovie E. A. Krasnoshchekovoi] // Zaria Vostoka (Tashkent). 1967. № 3.
2. *Babel' I. E.* Izbrannoe. Kemerovo, 1966.
3. *Babel' I. E.* Rasskazy / Sost., podg. tekstov, posleslovie, komm. E. I. Pogorel'skoi. SPb., 2014.
4. *Babel' I. E.* Sobr. soch.: V 4 t. / Sost. i prim. I. N. Sukhikh. M., 2006. T. 1.
5. *Babel' I. E.* Soch.: V 2 t. M., 1990. T. 2.

6. *Borovoi L. Ia.* Podarok // Vospominaniia o Babele. M., 1989.
7. *Gor'kii M.* Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. M., 2019. T. 21. Dekabr' 1931 — fevral' 1933.
8. *Hallet R.* Isaac Babel. New York, 1972.
9. *Kovskii V. E.* Sud'ba tekstov v kontekste sud'by // Voprosy literatury. 1995. № 1.
10. *Pirozhkova A. N.* Ia pytaius' vosstanovit' cherty: O Babele — i ne tol'ko o nem. M., 2013.
11. *Sicher E.* Style and Structure in the Prose of Isaak Babel'. Columbus, OH, 1986.
12. Vozdushnye puti: Al'manakh. N'iu-Iork, 1963. [Vyp.] 3.
13. *Zholkovskii A. K.* Poltora rasskaza Babelia «Giui de Mopassan» i «Spravka/Gonorar»: Struktura, smysl, fon. M., 2006.

Александр Аркадьевич Кобринский

юрист Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alexander Arkad'evich Kobrinsky

Lawyer, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6980-4232

0-01-0@list.ru

«ДОРОГОЙ НИКАНДР АНДРЕЕВИЧ...»: К БИОГРАФИИ Н. А. ТЮВЕЛЕВА

«DEAR NIKANDR ANDREEVICH...»: CONCERNING THE BIOGRAPHY OF N. A. TYUVELEV

В настоящей публикации впервые раскрываются обстоятельства биографии поэта Н. А. Тювелева, который, по сути, являлся единственным учеником Д. Хармса. До настоящего времени о Тювелеве практически ничего не было известно. В статье приводятся материалы из архивного студенческого дела Тювелева, а также информация о его боевом пути во время войны.
Ключевые слова: Н. А. Тювелев, Д. Хармс, ОБЭРИУ, русская литература, Ленинградский университет.

The paper offers a pioneering outline of the life circumstances of a poet N. A. Tyuvelev, who, in fact, was the only follower of D. Kharms. Until now, the name of Tyuvelev has remained in obscurity. The article provides archival data from Tyuvelev's student file, as well as information on his military experiences during the war.
Key words: N. A. Tyuvelev, D. Kharms, OBERIU, Russian literature, Leningrad University.

Список литературы

1. *Бахтерев И. В.* Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984.
2. *Гор Г.* Замедление времени // Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / Под ред. А. Дмитренко и В. Сажина. СПб., 2019.
3. Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / Под ред. А. Дмитренко и В. Сажина. СПб., 2019.
4. Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ., вступ. статья, комм. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее. Paris, 1991. Вып. 11.
5. *Ласкин А.* Квадратура Гора // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 38.
6. *Мейлах М. Б.* Поэзия и миф: Избр. статьи. 2-е изд. М., 2018 (Studia philologica).
7. *Мельникова Э. Э.* «Вполне прилично» // Глоцер В. И. Вот какой Хармс! Взгляд современников. М., 2012.
8. *Муждаба А.* «Вмешательство живописи» Геннадия Гора: карикатура или автопортрет? // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. СПб.; Kaukolempiälä (Цвелодубово), 2012.
9. *Муждаба А.* Поэзия Геннадия Гора // Геннадий Гор. Стихотворения 1942–1944. М., 2012.

10. *Рябкова О. В.* Жанр молитвы в поэзии Даниила Хармса // Дергачевские чтения — 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. 2.

11. «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 1998. Т. 2.

12. *Судник Д. М.* Стихотворные молитвы Даниила Хармса периода творческого кризиса // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: В 3 ч. Минск, 2021. Ч. 2.

13. *Топорков А. Л.* Из истории литературных молитв // Этнолингвистика малых форм фольклора: Тезисы. М., 1988. Ч. 2.

14. *Тювелев Н.* Молитва перед торговкой // Транспонанс. 1983. № 17.

15. *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 ч. / Сост. В. Сажина и Ж.-Ф. Жаккара; прим. В. Сажина. СПб., 2002. Ч. 1, 2.

16. *Хармс Д.* Полн. собр. соч. СПб., 1997. Т. 1. Стихотворения, переводы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. В. Н. Сажина.

17. *Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004.

18. *Шишман С.* Несколько веселых и грустных историй о Данииле Хармсе и его друзьях. Л., 1991.

19. *Шукуров Д. Л.* Опыт деконструкции стихотворных текстов-молитв Даниила Хармса // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. № 4.

20. *Эвентов И. С.* Три поэта. В. Маяковский. Д. Бедный. С. Есенин: Этюды и очерки. Л., 1980.

21. *Эрлих В.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1963.

22. *Эрль В.* С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов. СПб., 2011.

23. *Яковлева Н.* Богема и ее герои в русской литературе // Varietas et Concordia. Essays in Honor of Pekka Pesonen. Helsinki, 2007 (Slavica Helsingiensia; vol. 31).

References

1. *Bakhterev I. V.* Kogda my byli molodymi (Nevydumannyi rasskaz) // Vospominaniia o N. Zabolotskom. M., 1984.

2. Daniil Kharms glazami sovremennikov: Vospominaniia. Dnevniki. Pis'ma / Pod red. A. Dmitrenko i V. Sazhina. SPb., 2019.

3. Dnevnikovye zapisi Daniila Kharmsa / Publ., vstup. stat'ia, komm. A. Ustinova i A. Kobrinskogo // Minuvshee. Paris, 1991. Vyp. 11.

4. *Erl' V.* S kem vy, mastera toi kul'tury? Kniga esteticheskikh fragmentov. SPb., 2011.

5. *Erlikh V.* Stikhotvoreniia i poemy. M.; L., 1963.

6. *Eventov I. S.* Tri poeta. V. Maiakovskii. D. Bednyi. S. Esenin: Etiudy i ocherki. L., 1980.

7. *Gor G.* Zamedlenie vremeni // Daniil Kharms glazami sovremennikov: Vospominaniia. Dnevniki. Pis'ma / Pod red. A. Dmitrenko i V. Sazhina. SPb., 2019.

8. *Iakovleva N.* Bogema i ee geroi v russkoi literature // Varietas et Concordia. Essays in Honor of Pekka Pesonen. Helsinki, 2007 (Slavica Helsingiensia; vol. 31).

9. *Kharms D.* Poln. sobr. soch. SPb., 1997. T. 1. Stikhotvoreniia, perevody / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. V. N. Sazhina.

10. *Kharms D.* Poln. sobr. soch. Zapisnye knizhki. Dnevnik: V 2 ch. / Sost. V. Sazhina i Zh.-F. Zhakkara; prim. V. Sazhina. SPb., 2002. Ch. 1, 2.

11. *Laskin A.* Kvadratura Gora // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 38.

12. *Meilakh M. B.* Poeziia i mif: Izbr. stat'i. 2-e izd. M., 2018 (Studia philologica).

13. *Mel'nikova E. E.* «Vpolne prilichno» // Glotser V. I. Vot kakoi Kharms! Vzgliad sovremennikov. M., 2012.

14. *Muzhdaba A.* «Vmeshatel'stvo zhivopisi» Gennadiia Gora: karikatura ili avtoportret? // Vos'maia mezhdunarodnaia letniaia shkola po russkoi literature: Stat'i i materialy. SPb.; Kaukolempiälä (Tsvelodubovo), 2012.

15. *Muzhdaba A.* Poeziia Gennadiia Gora // Gennadii Gor. Stikhotvoreniia 1942–1944. M., 2012.

16. *Riabkova O. V.* Zhanr molitvy v poezii Daniila Kharmsa // Dergachevskie chteniia — 2006. Russkaia literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: Materialy mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 2007. T. 2.

17. «...Sborishche druzei, ostavlennykh sud'boiu»: «Chinari» v tekstakh, dokumentakh i issledovaniiakh: V 2 t. M., 1998. T. 2.

18. *Shalamov V.* Novaia kniga: Vospominaniia. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela. M., 2004.

19. *Shishman S.* Neskol'ko veselykh i grustnykh istorii o Daniile Kharmse i ego druz'iakh. L., 1991.

20. *Shukurov D. L.* Opyt dekonstruktsii stikhotvornykh tekstov-molitv Daniila Kharmsa // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2007. T. 9. № 4.

21. *Sudnik D. M.* Stikhotvornye molitvy Daniila Kharmsa perioda tvorcheskogo krizisa // 78-ia nauchnaia konferentsiia studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta: V 3 ch. Minsk, 2021. Ch. 2.

22. *Tiuvelev N.* Molitva pered torgovkoi // Transponans. 1983. № 17.

23. *Toporkov A. L.* Iz istorii literaturnykh molitv // Etnolingvistika malykh form fol'klora: Tezisy. M., 1988. Ch. 2.

Юань Мяосюй

доцент Чжэцзянского университета (КНР)

Yuan Miaoxu

Associate Professor, Zhejiang University (China)

ORCID: 0000-0003-2688-306X

galinayuan@mail.ru

КИТАЙСКАЯ СУДЬБА ТВОРЧЕСТВА Б. Л. ПАСТЕРНАКА (РЕЦЕПЦИЯ И ПЕРЕВОДЫ)

THE CHINESE FATE OF B. L. PASTERNAK'S LEGACY (RECEPTION AND TRANSLATIONS)

Статья посвящена особенностям перевода и восприятия творчества Б. Пастернака в Китае. Перевод произведений Б. Пастернака может быть разделен на три этапа: ограниченное распространение переводов до 80-х годов прошлого века, когда Б. Пастернак открыл узкому кругу китайской молодежи возможность познакомиться с внешним миром; открытый перевод и издание произведений в последние 20 лет XX века, когда Б. Пастернака читали во всей стране, особенно его роман «Доктор Живаго»; Б. Пастернак как современный классик в новом веке, когда его стихотворения переводятся и переосмысляются современными китайскими поэтами. Творчество Б. Пастернака рассматривается также в контексте саморазвития китайских писателей и поэтов.

Ключевые слова: Б. Пастернак, китайский перевод, «Доктор Живаго», Ван Цзясинь.

The article details the background of translation and perception of B. Pasternak's legacy in China. The translation of B. Pasternak's works can be divided into three stages: limited circulation of the translations before 1980s, when B. Pasternak gave a narrow circle of Chinese youth a unique opportunity to get acquainted with the outside world; official translations and publications of his works in the last 20 years of the 20th century, when B. Pasternak, and especially his novel *Doctor Zhivago,* were read throughout the country; B. Pasternak as a modern classic in the new century, with his poems being translated and reinterpreted by the modern Chinese poets. The work of B. Pasternak is also analyzed in the context of the self-development of the Chinese writers and poets.

Key words: B. Pasternak, Chinese translation, *Doctor Zhivago*, Wang Jiaxin.

Список литературы

1. *Бай Хуа.* От подражания к интертекстуальности: пастернаковский импульс Ван Цзясиня // Иностранные стихотворения в Китае. Чэнду, 2008.

2. *Бэй Дао.* Роза времени. Пекин, 2005.

3. Вальс со слезой: Избр. стихотворения Пастернака / Пер. с рус. Ли Ган и У Ди. Ханчжоу, 1988.

4. *Ван Цзясинь.* Мои восьмидесятые годы // Дерево Тарковского: Избр. Ван Цзясиня 1990–2013. Пекин, 2013.

5. *Ван Цзясинь.* Соловей в свое время. Шанхай, 1997.

6. *Ван Цзясинь.* Стихи ответственного человека: откровение русской и советской поэзии // Поиск приюта для феникса: Избр. статьи о современной поэзии. Пекин, 2008.

7. *Ван Югуй.* История китайской переводной литературы второй половины XX века: 1949–1977. Пекин, 2015.

8. Газета южных городов. 2006. 22 дек.

9. *Ли Цзяньчжоу*. Ван Цзясинь: Занятие внутри поэзии // Люди (Пекин). 2008. № 5.

10. *Лю Вэньфэй.* Последнее удаленное рукопожатие // Город цветов (Гуанчжоу). 2020. № 4.
11. *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004–2005. Т. 2, 3, 7.
12. *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. стихотворений: В 3 т. / Пер. Гу Юньпу и др. Шанхай, 2014. Т. 1.
13. *Хо Цзюньмин.* Зимний голос от души: о стихах «Пастернаку» Ван Цзясиня // Анализ художественных произведений (Тайюань). 2008. № 21.
14. *Хэ Маньцзы.* Диалог о «Докторе Живаго» // Иностранная литература и критика (Пекин). 1988. № 2.
15. *Цуу Ян.* Тяжелая мечта // Чтение (Пекин). 1994. № 2.
16. *Чжан Вэй.* Сомнение и доверие // Нежная любовь ручки к бумаге. Шэньян, 2002.
17. *Чжан Канкан.* Человек с большой буквы // Иностранная литература и критика (Пекин). 1989. № 4.
18. *Юнь Етуй.* Вагонными дверцами сыплет в степи // Газета экономического обозрения (Пекин). 2014. № 677.

References

1. *Bai Khua.* Ot podrazhaniie k intertektual'nosti: pasternakovskii impul's Van Tsziesinie // Inostrannye stikhotvoreniie v Kitae. Chendu, 2008.
2. *Bei Dao.* Roza vremeni. Pekin, 2005.
3. *Chzhan Kankan.* Chelovek s bol'shoi bukvy // Inostrannaie literatura i kritika (Pekin). 1989. № 4.
4. *Chzhan Vei.* Somnenie i doverie // Nezhnaie liubov' ruchki k bumage. Shen'ien, 2002.
5. Gazeta iuzhnykh gorodov. 2006. 22 dek.
6. *Iun' Etui.* Vagonnymi dvertsami syplet v stepi // Gazeta ekonomicheskogo obozreniie (Pekin). 2014. № 677.
7. *Khe Man'tszy.* Dialog o «Doktore Zhivago» // Inostrannaie literatura i kritika (Pekin). 1988. № 2.
8. *Kho Tsziun'min.* Zimnii golos ot dushi: o stikhakh «Pasternaku» Van Tsziesinie // Analiz khudozhestvennykh proizvedenii (Taiiuan'). 2008. № 21.
9. *Li Tszien'chzhou.* Van Tsziesin': Zanietie vnutri poezii // Liudi (Pekin). 2008. № 5.
10. *Liu Ven'fei.* Poslednee udalennoe rukopozhatie // Gorod tsvetov (Guanchzhou). 2020. № 4.
11. *Pasternak B. L.* Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2004–2005. T. 2, 3, 7.
12. *Pasternak B. L.* Poln. sobr. stikhotvorenii: V 3 t. / Per. Gu Iun'pu i dr. Shankhai, 2014. T. 1.
13. *Tsuu Ien.* Tiezhelaie mechta // Chtenie (Pekin). 1994. № 2.
14. Val's so slezoi: Izbr. stikhotvoreniie Pasternaka / Per. s rus. Li Gan i U Di. Khanchzhou, 1988.
15. *Van Iugui.* Istoriie kitaiskoi perevodnoi literatury vtoroi poloviny XX veka: 1949–1977. Pekin, 2015.
16. *Van Tsziesin'.* Moi vos'midesietye gody // Derevo Tarkovskogo: Izbr. Van Tsziesinie 1990–2013. Pekin, 2013.
17. *Van Tsziesin'.* Solovei v svoe vremie. Shankhai, 1997.
18. *Van Tsziesin'.* Stikhi otvetstvennogo cheloveka: otkrovenie russkoi i sovetskoi poezii // Poisk priiuta dlie feniksa: Izbr. stat'i o sovremennoi poezii. Pekin, 2008.

Ольга Владимировна Макаревич

научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Vladimirovna Makarevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0244-5797

philologolga@gmail.com

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ХОДИТЬ ПО ЧУЖИМ СЛЕДАМ? (О ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ «НЕОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ» И. А. ГОНЧАРОВА)

WHY IS IT WRONG TO FOLLOW IN SOMEONE'S FOOTSTEPS? (ON THE LITERARY CONTEXT OF I. A. GONCHAROV'S *AN UNCOMMON STORY*)

Для осмысления вопросов, связанных с литературной собственностью и неправомерными заимствованиями, И. А. Гончаров в «Необыкновенной истории» пользуется рядом понятий: подражание, параллель, заимствование, воровство. Однако ключевой стала восходящая к Горацию метафора *идти по чужим следам*, которая позволила писателю разграничить понятия плагиата и подделки (contrefaçon), а также сформулировать свои представления о границах авторского права.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, авторское право, плагиат, «Необыкновенная история», французский классицизм, Ж. Шаплен.

In *An Uncommon Story*, I. A. Goncharov uses a number of concepts in order to interpret the issues related to literary property and unsolicited borrowings: imitation, parallel, borrowing, theft. His key metaphor, however, is the one that goes back to Horace, *to follow in someone's footsteps*, and it allows the writer to distinguish between the concepts of plagiarism and forgery (contrefaçon), as well as to formulate his ideas about the limits of copyright.

Key words: I. A. Goncharov, copyright, plagiarism, *An Uncommon Story*, French classicism, J. Chapelain.

Список литературы

1. *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Ред. переводов, вступ. статья и комм. М. Гаспарова. М., 1970 (сер. «Библиотека античной литературы»).
2. Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
3. *Лозинская Е. В.* Подражание // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М., 2010.
4. *Махов А. Е.* Проблема подражания образцам в поэтологии французского классицизма // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 3 (43).
5. *Нодье Ш.* Вопросы литературной законности. О плагиате, присвоении чужих произведений и подлогах в книжном деле / Пер. О. Гринберг // Нодье Ш. Читайте старые книги. Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1.
6. *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. М.; СПб., 2014. Т. 5. Кн. 1.
7. *Kaminski N.* Imitatio auctorum // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Tübingen, 1998. Bd. 4.

References

1. *Fet A. A.* Soch. i pis'ma: V 20 t. M.; SPb., 2014. T. 5. Kn. 1.
2. *Kaminski N.* Imitatio auctorum // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Tübingen, 1998. Bd. 4.
3. *Kvint Goratsii Flakk.* Ody. Epody. Satiry. Poslaniia / Red. perevodov, vstup. stat'ia i komm. M. Gasparova. M., 1970 (ser. «Biblioteka antichnoi literatury»).
4. Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.
5. *Lozinskaia E. V.* Podrazhanie // Evropeiskaia poetika ot antichnosti do epokhi Prosveshcheniia: Entsiklopedicheskii putevoditel'. M., 2010.
6. *Makhov A. E.* Problema podrazhaniia obraztsam v poetologii frantsuzskogo klassitsizma // Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. 2020. № 3 (43).
7. *Nod'e Sh.* Voprosy literaturnoi zakonnosti. O plagiate, prisvoenii chuzhikh proizvedenii i podlogakh v knizhnom dele / Per. O. Grinberg // Nod'e Sh. Chitaite starye knigi. Novelly, stat'i, esse o knigakh, knizhnikakh, chtenii: V 2 kn. M., 1989. Kn. 1.

Ирэн Зохраб

почетный научный сотрудник Университета Виктории (Новая Зеландия)

Irene Zohrab

Honorary Research Fellow, Victoria University of Wellington (New Zeland)

ORCID: 0000-0001-8930-7313

irene.zohrab@vuw.ac.nz

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВУЗАХ

THE WORKS OF DOSTOEVSKY AS TAUGHT TO ENGLISH-SPEAKING STUDENTS AT TERTIARY INSTITUTIONS IN THE WEST

Рец. на: A Dostoevskii Companion: Texts and Contexts / Eds. Katherine Bowers, Connor Doak, and Kate Holland. Boston: Academic Studies Press, 2018. 535 p. («Cultural Syllabus»).

[Review:] A Dostoevskii Companion: Texts and Contexts / Eds. Katherine Bowers, Connor Doak, and Kate Holland. Boston: Academic Studies Press, 2018. 535 p. («Cultural Syllabus»).

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

«ВЕРИЛ В КРАСИВЫЙ ВЫМЫСЕЛ, ПРЕДПОЧИТАЯ ЕМУ ЖЕСТОКУЮ ПРАВДУ ЖИЗНИ...»

«HE BELIEVED IN THE BEAUTIFUL FICTIONS, GIVING PREFERENCE TO THE HARSH TRUTHS OF LIFE...»

Рец. на: *Спиридонова Л.* Максим Горький — мыслитель, художник, человек. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 432 с.

[Review:] *Spiridonova L.* Maksim Gor'kii — myslitel', khudozhnik, chelovek. M.: IMLI RAN, 2022. 432 s.

Екатерина Евгеньевна Дмитриева

ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Evgen'evna Dmitrieva

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences;
Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9692-8329

katiadmitrieva@mail.ru

РУССКО-НЕМЕЦКОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К. М. АЗАДОВСКОГО

THROUGH THE RUSSIAN-GERMAN LOOKING-GLASS, AS INTERPRETED BY K. M. AZADOVSKY

Рец. на: *Asadowski Konstantin*. Russisch-deutsche Verflechtungen. Ausgewählte Beiträge zur Literatur- und Kulturgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts / Hrsg. von Fedor Poljakov und Natalia Bakshi. [Paderborn:] Brill Fink, 2022. 389 S.

[Review:] *Asadowski Konstantin*. Russisch-deutsche Verflechtungen. Ausgewählte Beiträge zur Literatur- und Kulturgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts / Hrsg. von Fedor Poljakov und Natalia Bakshi. [Paderborn:] Brill Fink, 2022. 389 S.

Наталья Геннадьевна Комелина

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalya Gennadjevna Komelina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1907-2170

komlng@mail.ru

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ СЕВЕР: ТРАДИЦИИ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ. ПАМЯТЬ»

RUSSIAN NORTH: TRADITIONS. CONTINUITY. MEMORY NATIONAL RESEARCH CONFERENCE

[*Meeting Abstract*]

Полина Викторовна Бояркина

младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Polina Viktorovna Boiarkina

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Science

ORCID: 0000-0003-2994-143X

polina.boyarkina@gmail.com

ТРЕТЬИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

THE THIRD INTERNATIONAL NABOKOV READINGS

[*Meeting Abstract*]

Валерий Васильевич Есипов

независимый исследователь

Valery Vasilievich Esipov

Independent Researcher

valery.esipov@gmail.com

Татьяна Васильевна Игошева

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vasilievna Igosheva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-7988-204X
tigosheva@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «В. Т. ШАЛАМОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

V. T. SHALAMOV AND RUSSIAN LITERATURE
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE
[*Meeting Abstract*]

Эльмира Камильевна Александрова
научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elmira Camilievna Alexandrova
Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-3009-1794
egumerova@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРИТИКИ И ПИСАТЕЛИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.»

CRITICS AND WRITERS: THE FORMATION OF LITERARY REPUTATION IN THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE
[*Meeting Abstract*]

Галина Валентиновна Петрова
ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Galina Valentinovna Petrova
Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-4956-2293
pgv6@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИРЫ МИХАИЛА КУЗМИНА: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ»

THE WORLDS OF MIKHAIL KUZMIN: CELEBRATING THE 150TH ANNIVERSARY
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE
[*Meeting Abstract*]

Учредители:
Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 08.02.23. Подписано к печати 28.04.23. Дата выхода в свет 31.05.23.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 31. Тираж 220 экз.
Тип. зак. № 16/2а. Цена свободная

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»